Терри Гудкайнд

Десятое Правило Волшебника

«Новая книга легендарного цикла – истинный триумф Гудкайнда!»

Терри Гудкайнд

Век Дракона

Десятое Правило Волшебника

TERRY
GOODKIND

TERRY GOODKIND

«Phantom»

Терри Гудкайнд

Десятое Правило Волшебника, или Призрак

издательство • Астрель
МОСКВА

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
Г93

Серия «Век Дракона» основана в 1996 году

Terry Goodkind
PHANTOM

Перевод с английского О. Колесникова

Серийное оформление А. Кудрявцева

Художник М. Калинкин

Компьютерный дизайн С. Шумилина

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Nova Littera SIA.

Подписано в печать 29.02.12. Формат 84x108 $^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 38,64. Доп. тираж 2000 экз. Заказ № 2283.

Гудкайнд, Т.
Г93 Десятое Правило Волшебника, или Призрак : [фантаст. роман] / Терри Гудкайнд; пер. с англ. О. Колесникова — М.: АСТ: Астрель, 2012. — 735, [1] с. — (Век Дракона).

ISBN 978-5-17-052344-3 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-5-271-42554-7 (ООО «Издательство Астрель»)

Страшно спать, когда знаешь, что территория сна — вечное поле битвы с жестоким, коварным врагом...

И однажды страшное действительно случилось. Кэлен Амнелл, супруга легендарного Ричарда Сайфера, лорда Рала, Искателя Истины, очнулась ото сна, не помня ничего, кроме своего имени.

Отныне она — опаснейшая из всех людей, та, от кого зависит — быть или не быть этому миру. И чтобы спасти ее и не допустить грядущего хаоса, мрака и безумия, Ричарду предстоит среди бесчисленных опасностей познать самые темные тайны Десятого Правила Волшебника...

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© Terry Goodkind, 2006
© Перевод. О. Колесников, 2008
© Издание на русском языке AST Publishers, 2012

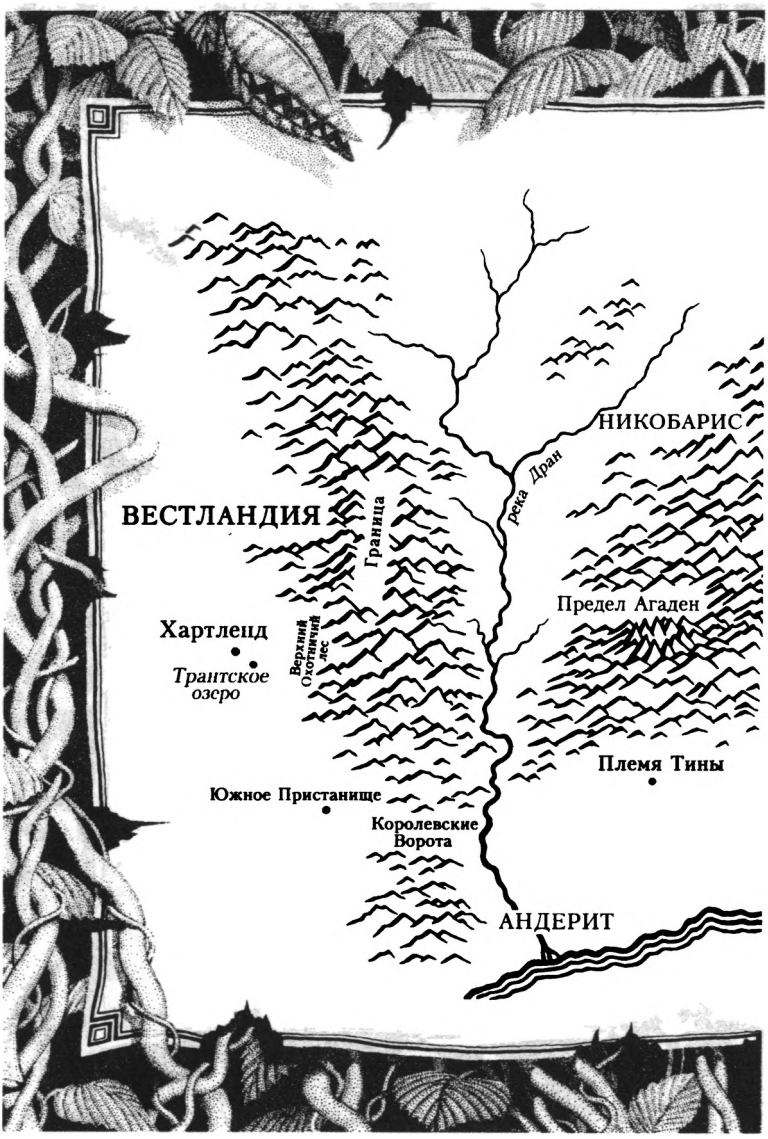
Филу и Дебре Пиццолато
и их детям — Джо, Николетте, Филиппу и Адриане, —
они постоянно напоминают мне о ценности жизни,
принося в мою жизнь свою любовь и веселье.

Неоценимую помощь при создании «Призрака» оказали:
Брайан Андерсон
Джефф Болтон
Р. Дин Брайен
Доктор Джоанн Леовай
Марк Мастерс
Desirée и доктор Роланд Мияда
Кит Паркинсон
Фил и Дебра Пиццолато
Том и Карен Вилан
Рон Вилсон

Все эти люди оказывались рядом, когда были нужны.

Каждый из этих уникальных людей сыграл важную роль в создании этой книги, и каждый несет в мою жизнь радость уже самим своим существованием.

Светлая память Киту Паркинсону


НИКОБАРИС
река Дран
ВЕСТЛАНДИЯ
Граница
Верхний Охотничий Лес
Предел Агаден
Хартлецд
Трантское озеро
Племя Тины
Южное Пристанище
Королевские Ворота
АНДЕРИТ

горы Ранг-Шала
Эйдиндрил
Д'ХАРА
СРЕДИННЫЕ ЗЕМЛИ
Граница
ГАЛЕЯ
КЕЛЬТОН
Народный Дворец
Равнины Азрита
Тамаранг
река Керн
река Каллисидрин
ДИКИЕ ДЕБРИ
Ренвольд
ДРЕВНИЙ МИР
Танимура
гавань Графана
ТЕРРИТОРИЯ ГУДКАЙНД

Тем же, кто пришел сюда, чтобы посеять ненависть, —
лучше уйти, ибо их ненависть обратится против них самих.
Из «Книги Жизни».

Глава 1

Кэлен тихо застыла в тени, наблюдая, как зло мягко стучится в дверь. Тоже встав под небольшой навес, под самый уголок, стараясь быть от всего в стороне, она надеялась, что на этот стук никто не ответит. Как бы ей ни хотелось провести эту ночь в укрытии от дождя, она не желала неприятностей от такого визита ни в чем не повинным людям. Хотя и понимала, что не имеет права вмешиваться в ход событий.

Свет единственной лампы слабо пробивался сквозь небольшие окна по обе стороны от двери и отражался мертвенно-бледным дрожащим блеском от мокрого пола крытого крыльца. Доска, подвешенная вверху на двух железных кольцах, скрежетала и издавала визгливые звуки, покачиваясь под порывами дождя и ветра. Кэлен могла даже различить призрачные белые очертания лошади, изображенной на этой темной и мокрой вывеске. Света, падавшего из окон, явно недоставало, чтобы она могла прочесть название, но поскольку бывшие с ней три другие женщины на протяжении нескольких дней говорили в основном лишь об этом, Кэлен знала, что это место должно называться трактир «Белая Лошадь».

По запаху навоза и мокрого сена она рассудила, что одно из темных строений по соседству должно быть конюшней. При случайных вспышках далеких молний проглядывали неуклюжие скаты темных строений, возвышавшихся, словно призраки, за волнистой пеленой дождя. Казалось, вся деревня спит крепким сном, несмотря на постоянный шум ливня и раскаты грома. Кэлен не могла придумать лучшего места спрятаться в такую темную и ужасную ночь, как закутаться в одеяла на кровати, в безопасности и тепле.

Когда сестра Улисия постучала в дверь второй раз, громче и настойчивее, явно намереваясь, чтобы ее услышали сквозь буйство дождя, но тем не менее не настолько громко, чтобы это звучало враждебно, в ближайшем стойле зафыркала лошадь. Сестра Улисия, склонная к безрассудным порывам, похоже, преднамеренно выбрала столь сдержанное поведение. Кэлен не понимала, почему, но полагала, что это имеет прямое отношение к причине их появления здесь. И, кроме того, это могло быть всего лишь ее ничем не объяснимым капризом. Отвратительный и затаенный характер этой женщины был, подобно молнии, не только опасен, но и непредсказуем. Кэлен никогда не могла заранее определить, когда именно сестра Улисия сорвется, и ожидать этого можно было в произвольный момент. Обе другие сестры пребывали не в лучшем настроении и были не в меньшей степени способны дать волю своему характеру. Кэлен, впрочем, предполагала, что довольно скоро вся эта троица будет радоваться воссоединению.

Вспыхнувшая молния слепящим небесным огнем высветила лишь пустую улицу с теснящимися к грязной, изрытой глубокими колеями дороге домами. Раскаты грома пронеслись по окружающим горам, и земля под ногами женщин вздрогнула.

Кэлен страстно желала, чтобы, подобно этой молнии, сделавшей явным все скрытое до этого во мраке ночи, что-то озарило ее потерянные воспоминания о собственном прошлом и развеяло темный покров тайны, скрывающий, кто она такая. Она неистово стремилась освободиться от трех сестер, жгуче желала жить собственной жизнью... узнать хотя бы, какой была в действительности та ее жизнь. Вот почти все, что она о себе знала. Но Кэлен не сомневалась, что со временем сможет узнать больше. Она была совершенно уверена, что наверняка встретится с чем-то — с людьми или событиями, — что поможет ей вновь стать прежней. Но как бы ни старалась вспомнить хоть что-то, прошлое оставалось утраченным для нее.

В тот ужасный день, когда украла для сестер те шкатулки, она пообещала самой себе, что однажды разузнает правду о том, кто она, и непременно обретет свободу.

Когда сестра Улисия постучала в третий раз, изнутри донесся приглушенный голос.

— Слышу! — Голос принадлежал мужчине. Босые ноги тяжело ступали по деревянным ступеням. — Уже спускаюсь! Пожалуйста, подождите минуту!

Раздражение тем, что он оказался разбужен посреди ночи, явно пробивалось сквозь вынужденное почтение к потенциальным клиентам.

Сестра Улисия обратила сердитый взгляд на Кэлен:

— Ты знаешь, что у нас здесь есть дело, — и подняла предостерегающе палец перед ее лицом. — Даже и не думай устроить нам какую-нибудь пакость, ибо испытаешь то же самое, что было в последний раз.

Кэлен сдержалась, выслушав это напоминание.

— Да, сестра Улисия.

— Надеюсь, Тови заказала нам комнату, — недовольно заявила сестра Цецилия. — Не хотелось бы услышать, что все места заняты.

— Комната будет, — успокаивающе заверила сестра Эрминия, зная привычку Цецилии предполагать самое худшее.

Сестра Эрминия не так стара, как сестра Цецилия, но почти так же красива, как сестра Улисия. Хотя, с точки зрения Кэлен, их облик, при знании их внутренней сущности, не имел никакого значения. На взгляд Кэлен, они были просто злобные гадюки.

— Если нам понадобится, — добавила едва слышно сестра Улисия, не сводя глаз с двери, — комната точно будет.

Молния заискрилась по зеленоватому небу, вспарывая облака и высвобождая оглушительные раскаты грома.

Дверь приоткрылась. Проступило скрытое в тени лицо мужчины, оглядывающего их и продолжающего застегивать под ночной рубашкой брюки. Он слегка подвигал головой из стороны в сторону, чтобы получше рассмотреть незнакомцев. Посчитав их неопасными, он распахнул дверь и пригласил их внутрь.

— Прошу вас, — сказал он. — Проходите все.

— Ну, кто там? — окликнула женщина, почти спустившаяся по лестнице. В одной руке она держала лампу, а другой придерживала подол ночной рубашки, чтобы не споткнуться, шагая по ступеням.

— Четыре женщины, забредшие к нам в дождливую полночь, — ответил мужчина, и грубоватый тон подсказывал, какого мнения он о такой клиентуре.

Кэлен застыла на середине шага. Он сказал: «четыре женщины».

Он увидел их всех четырех и запомнил достаточно надолго, чтобы сказать об этом. Если ей не изменяла память, ничего подобного никогда раньше не случалось. Никто, кроме ее хозяек, четырех сестер Тьмы — трое из которых были рядом, а на встречу с четвертой они и пришли, — не мог хоть на сколько-нибудь запомнить, что видел ее.

Сестра Цецилия, шедшая за Кэлен, подтолкнула ее, возможно не уловив смысла сделанного замечания.

— Ну, так ради бога, — сказала женщина, торопливо проходя между двух дощатых столов. В окна под порывами ветра барабанил дождь. — Позволь же им войти, Орлан, избавь их от этой ужасной погоды.

Поток крупных дождевых капель проник вместе с ними в дверь, залив водой близлежащую часть соснового пола. У мужчины даже перекосился рот, когда он с усилием прикрывал дверь, преодолевая сопротивление порывов ветра, а затем он сунул в скобы тяжелый железный засов, запирая ее.

Женщина, волосы которой были собраны в неплотный пучок, чуть подняла лампу, разглядывая полуночных гостей. Озадаченная, она прищурилась, в то время как ее взгляд проскользил по вымокшим насквозь посетителям, сначала в одну сторону, потом в другую. Она открыла было рот, но потом, похоже, забыла, о чем хотела спросить.

Кэлен тысячи раз видела этот пустой, бессмысленный взгляд и поняла, что женщина запомнила лишь трех увиденных ею посетителей. Никому не удавалось запомнить Кэлен достаточно надолго, чтобы успеть сообщить об этом. Фактически она была невидимкой. Кэлен решила, что, похоже, из-за темноты и дождя этот человек, Орлан, просто ошибся, сказав жене, что у дверей четыре посетителя.

— Проходите и обсыхайте, — сказала женщина, улыбаясь, с искренним радушием, и подхватила под руку сестру Улисию, увлекая ее в небольшой общий зал. — Добро пожаловать в трактир «Белая Лошадь».

Две другие сестры, критически оглядев помещение, сбросили плащи и встряхнули их, прежде чем перебросить через скамью перед одним из двух столов. В глубине этого небольшого зала темнел дверной проем, сразу за лестницей. Большую часть правой стены занимал очаг, сложенный из плоских брусчатых камней. Воздух в тускло освещенном помещении был теплым и наполненным соблазнительным ароматом мяса, тушившегося в железном котелке, свисавшем с крюка, вделанного в каменную кладку топки. Под толстым слоем легкого пепла проступало зарево раскаленных углей.

— Вы похожи на трех мокрых кошек. Должно быть, несладко вам пришлось. — Женщина повернулась к мужу и, делая жест рукой, распорядилась: — Орлан, разведи же огонь.

Кэлен заметила молоденькую девушку, возможно, одиннадцати или двенадцати лет, тихо спустившуюся по ступеням ровно настолько, чтобы заглянуть в общий зал из-под низкого потолка. Длинная белая ночная рубашка с кружевными обшлагами спереди была украшена вышитым грубой коричневой ниткой пони, беспорядочные стежки изображали гриву и хвост. Девочка уселась на ступенях, натянув ночную рубашку поверх костлявых колен, с явным намерением наблюдать. Улыбнувшись, она продемонстрировала крупные зубы. Очевидно, в трактире «Белая Лошадь» появившиеся в полночь незнакомцы составляли целое приключение. И Кэлен горячо надеялась, что приключение это уже закончилось.

Орлан, человек медвежьего склада, опустился на колени перед очагом и подложил в топку дрова. В его толстых коротких пальцах дубовые клинообразные полешки казались щепками для растопки.

— Что вынудило вас, уважаемые дамы, путешествовать в такую погоду... да еще ночью? — спросил он, бросив взгляд в их сторону через плечо.

— Мы торопились догнать нашу подругу, — сказала сестра Улисия, сопровождая слова бесцельной улыбкой, стараясь сохранить деловой тон. — Надеялись, что она встретит нас здесь. Ее имя Тови. Она должна ожидать нас.

Мужчина опустил руку на колено, помогая себе встать.

— Те гости, что останавливаются у нас — особенно в такие неспокойные времена, — чрезмерно осторожны. Боль-

шинство не называют своих имен. — Он поднял бровь, взглянув на сестру Улисию. — Точно так же, как и вы, леди... тоже не даете своих имен.

— Орлан, это гости, — недовольно проворчала женщина. — Промокшие и, без сомнений, уставшие и голодные гости. — Тут она внезапно улыбнулась. — Меня здесь все зовут Эмми. Мой муж, Орлан, и я управляем «Белой Лошадью» с тех пор, как много лет назад умерли его родители. — Эмми сняла с полки три деревянные миски. — Уважаемые дамы, вы, должно быть, умираете с голода. Позвольте предложить вам немного тушеного мяса. Орлан, возьми кружки и принеси дамам горячий чай.

Проходя мимо, Орлан поднял мясистую руку, указывая на миски, которые его жена все еще удерживала в руке.

— Ты обсчиталась. Еще одну.

Она хмуро взглянула на него.

— Нет, не обсчиталась. У меня как раз три миски.

Орлан достал с верхней полки буфета четыре кружки.

— Верно. Как я и сказал, ты обсчиталась.

У Кэлен сперло дыхание. Что-то происходило не так. Сестры Цецилия и Эрминия неподвижно застыли как мертвые, их округлившиеся глаза уставились на мужчину. Смысл болтовни этой супружеской пары не ускользнул от них.

Кэлен бросила взгляд в сторону лестницы и увидела, что девочка, сидевшая на ступенях, наклонилась в их сторону, вцепившись в перила, и вглядывалась, пытаясь понять, о чем это говорят ее родители.

Сестра Эрминия потянула за рукав сестру Улисию.

— Улисия, — произнесла она настойчивым шепотом сквозь сжатые зубы, — он видит...

Сестра Улисия жестом ее успокоила. Ее лоб прорезали морщины, она нахмурилась и развернулась к мужчине.

— Ты ошибаешься, — сказала она. — Нас всего лишь трое.

Говоря это, она тыкала Кэлен крепким дубовым прутом, с которым не расставалась, заталкивая ее как можно дальше назад, в тень, словно там та могла стать невидимой для этого человека.

Но Кэлен не хотела оставаться тенью. Ей хотелось стоять на свету и быть видимой — по-настоящему видимой. Такое

казалось немыслимой мечтой, но внезапно стало реальной возможностью. И возможность эта бросила в дрожь трех сестер Тьмы.

Орлан нахмурился, глядя на сестру Улисию. Удерживая все четыре кружки в одной массивной руке, он другой стал указывать на каждого посетителя, стоящего в общем зале.

— Один, два, три, — он наклонился в сторону, заглядывая за сестру Улисию, чтобы указать на Кэлен, — четыре. Так вы все хотите чая?

Кэлен зажмурилась от удивления. Ей показалось, что сердце подкатило к горлу. Он видел ее — и запомнил то, что видел.

Глава 2

— Этого не может быть, — прошептала сестра Цецилия, заламывая руки. Она склонилась к сестре Улисии, ее взгляд метался из стороны в сторону. — Это невозможно. — На ее губах проступила обычная для нее бессмысленная улыбка.

— Что-то происходит не так... — Голос сестры Эрминии умолк, едва ее небесно-голубые глаза заметили поведение сестры Улисии.

— Всего лишь случайная аномалия, — едва слышно проворчала сестра Улисия, бросив на них угрожающий взгляд. Ни одна из них не страдала подобострастием, и, тем не менее, обе не продемонстрировали никакого желания вступать в спор с их вспыльчивой предводительницей.

Тремя широкими и уверенными шагами сестра Улисия приблизилась к Орлану. Она ухватила его за ворот ночной рубашки и крепко сжала пальцы. Держа в другой руке дубовый прут, она махнула им в сторону Кэлен, стоявшую позади нее, в тени, около самой двери.

— Как она выглядит?

— Как мокрая кошка, — грубо ответил Орлан, демонстрируя плохое расположение духа и явно не желая присутствия ее руки на его воротнике.

Кэлен совершенно точно знала, что использовать подобный тон в разговоре с сестрой Улисией нельзя, но сестра, вместо того чтобы разразиться потоком ярости, казалось, была так же удивлена, как и Кэлен.

— Это я знаю, но все же — как? Скажи мне, что ты видишь.

Орлан выпрямился, выдергивая свой воротник из ее руки. Черты его лица стали сосредоточенными, пока он в слабом

свете лампы оценивал облик незнакомки, которую видели лишь он и сестры.

— Густые волосы. Зеленые глаза. Очень красивая женщина. Обсохнув, наверняка станет лучше, хотя мокрое платье подчеркивает, представляя в выгодном свете, то, что составляет ее естество. — И он заулыбался именно так, как Кэлен ненавидела больше всего на свете, хотя и была вне себя от радости, что он действительно видел ее. — Знатная фигура, — добавил он, скорее для себя, чем для сестры.

Его неторопливая и обстоятельная оценка заставили Кэлен ощутить себя голой. И пока его взгляд скользил по ней, большой палец продолжал поглаживать уголок рта. Она даже могла слышать, как этот палец шуршит его щетиной. В этот момент одно из поленьев в очаге вспыхнуло, наполняя помещение мерцающим светом, позволившим Орлану увидеть еще больше. Его взгляд переместился выше, а затем задержался на чем-то.

— Волосы такие длинные...

Непристойная улыбка Орлана мгновенно испарилась. Он удивленно заморгал. Затем глаза его округлились.

— Духи небесные, — прошептал он, тогда как лицо его стало мертвенно бледным. — Простите меня, — сказал он, припадая перед Кэлен на колено. — Я не узнал...

Зал огласился громким треском, когда сестра Улисия нанесла ему звонкий удар прямо по макушке своим дубовым прутом, заставляя осесть на оба колена.

— Молчи!

— Что вы творите! — воскликнула его жена, бросаясь к нему. Она присела на корточки и опустила руку на его плечи, чтобы успокоить и поддержать, а он стонал, приложив большую руку к кровоточащей ране на склоненной голове. Рыжеватые волосы под его пальцами потемнели и стали влажными.

— Да вы все психи! — Она прижимала голову мужа к своей груди, а на ее ночной рубашке вырастало красное пятно. Казалось, он был оглушен до бесчувствия. — Даже если ваша троица путешествует в компании духа, как вы смеете...

— Заткнись, — почти прорычала сестра Улисия тоном, от которого Кэлен бросило в леденящую дрожь, а рот женщины резко закрылся, едва ли не со щелчком.

Дождь продолжал барабанить в окно, а кроме того, вдалеке, по поросшим лесом холмам, рокотали медленные раскаты грома. Кэлен отчетливо слышала, как под порывами ветра поскрипывала в железных кольцах наружная вывеска. Внутри дома стояла мертвая тишина. Сестра Улисия смотрела на девочку, стоявшую теперь у самого основания лестницы, обхватив ничем не украшенный квадратный деревянный столбик для поддержки перил. Сестра сосредоточила на девочке пристальный взгляд, такой, какой бывает только у ведьмы, пребывающей в отвратительном расположении духа.

— Скольких посетителей вашего трактира ты видишь?

Девочка стояла, широко открыв глаза, слишком напуганная, чтобы говорить.

— Скольких? — вновь спросила сестра Улисия, на этот раз скрежеща зубами и голосом столь грозным, что девочка поневоле еще сильнее вцепилась в столб, а ее пальцы, побелевшие от усилий, проступили со всей отчетливостью на фоне темного дерева.

Наконец девочка смиренным тоном ответила:

— Троих.

Сестра Эрминия, напоминая загнанную в бутылку грозу, выступила вперед.

— Улисия, что происходит? Не могу поверить, что такое возможно. Да это просто невозможно. Мы же создали контролирующую сеть.

— Внешнюю, — поправила ее сестра Цецилия.

Сестра Эрминия прищурилась, глядя на старшую из женщин.

— Что?

— Мы сделали лишь внешнюю контролирующую сеть. Мы не делали внутренней перспективы.

— Ты в своем уме? — раздраженно оборвала ее сестра Эрминия. — Во-первых, в этом не было необходимости, а во-вторых, нужен воистину безумец, чтобы проводить обзорный анализ контролирующей сети из внутренней перспективы! Никто не отваживается на такое! Да и нет в этом необходимости.

— Я говорю всего лишь...

Сестра Улисия испепеляющим взглядом заставила их обеих замолчать. Сестра Цецилия, с мокрыми завитками волос, плотно прилипшими к голове, выглядела так, будто хотела продолжить возражения, но вместо этого решила оставаться безмолвной.

Орлан, похоже, почти пришел в себя: он выбрался из объятий жены и начал, пошатываясь, подниматься на ноги. Кровь продолжала стекать по его лбу и по обе стороны широкого носа.

— На твоем месте, трактирщик, — сказала сестра Улисия, вновь обращая к нему все внимание, — я бы оставалась стоять на коленях.

Угроза в ее голосе приостановила его лишь на мгновение. Было совершенно очевидно, насколько он зол, когда ему все-таки удалось подняться во весь рост и опустить, оторвав от головы, окровавленную руку. Теперь его спина была почти прямая, грудь развернута, а кулаки сжаты. Кэлен не сомневалась, что его крутой нрав и темперамент взяли верх над осторожностью.

Сестра Улисия показала своим прутом, что хочет, чтобы Кэлен отошла подальше. Кэлен же, игнорируя это приказание, подошла вместо этого еще ближе к сестре Улисии, в надежде изменить ход событий, пока еще не поздно.

— Сестра Улисия, пожалуйста... Он наверняка ответит на ваши вопросы... Я уверена, он ответит. Позвольте ему сделать это.

Три сестры с неприязнью обратили удивленные взгляды к Кэлен. Ей вообще никто не позволял вмешиваться или просить о чем-то. Подобная дерзость дорого ей обойдется, она хорошо это знала, но знала также и что, скорее всего, случится с этим человеком, если что-то не изменить, и, что ж, она была единственной, как ей казалось, кто способен попытаться изменить ход событий.

Кроме того, для Кэлен это было единственным шансом узнать хоть что-то о себе самой. Возможностью выяснить, кем она была на самом деле, а может быть, даже и почему она способна вспомнить лишь самые недавние отрезки собственной жизни. Этот человек, без всякого сомнения, узнал ее. Он вполне мог оказаться тем самым ключиком, что откроет ее

потерянное прошлое. Она решила не упускать этот шанс — даже рискуя вызвать гнев сестер Тьмы.

И прежде чем сестры успели еще хоть что-то сказать, Кэлен обратилась к мужчине:

— Пожалуйста, гостеприимный хозяин Орлан, послушайте хоть минуту. Мы ищем старшую нашу подругу, женщину по имени Тови. Она должна встретиться здесь с этими тремя женщинами. Мы задержались в пути, так что она должна уже быть здесь и поджидать нас. Пожалуйста, прошу вас, ответьте на вопросы относительно их подруги. Все может разрешиться очень быстро, если вы поднимитесь наверх и приведете к ним Тови. Затем, подобно этой грозе за окном, мы очень скоро исчезнем из вашей жизни.

Мужчина почтительно склонил голову, будто его просила о помощи королева. Кэлен была не просто удивлена, но совершенно озадачена проявлением такого уважения.

— У нас нет гостьи по имени Тови, Мать...

Помещение озарилось слепящей вспышкой — молнией, способной посоперничать с теми, что порождала бушующая стихия снаружи. Извивающаяся нить плавящего жара и света, вспыхнувшая между руками сестры Улисии, ударила Орлана поперек груди, прежде чем он смог полностью произнести слово, которое намеревался использовать в обращении. Кэлен ощутила грудью глухой удар от взрыва энергии столь чудовищной силы, словно от удара тяжелого молота. Орлана с чудовищной силой отбросило, он пронесся по залу, сокрушив по пути и стол, и обе скамьи, и со стуком врезался в стену. Смертоносное применение подобной мощи едва не разорвало его пополам. Завитки дыма поднимались от остатков его рубашки. Блестящее красное пятно запекшейся крови отметило то место, где он ударился о стену, прежде чем свалился вниз.

После оглушающего грохота для Кэлен наступила звенящая тишина.

Эмми, с округлившимися глазами от шока, вызванного событием, которое в одно мгновение навсегда изменило всю ее жизнь, с воплем исторгла лишь одно слово:

— Нет!

Кэлен зажала ладонью и рот, и нос — не столько от отвращения, сколько из желания хоть как-то ослабить запах кро-

ви и смрад обгоревшей плоти. Лампа, стоявшая до того на столе, теперь оказалась сброшена на пол и погасла, оставив большую часть зала наполненной колеблющимися тенями от языков пламени в очаге и вспышками молний, проникающими через небольшие окна.

Не будь эта ночь и без того наполнена громом и молниями, такой грохот мог бы разбудить целый город.

Деревянные миски высыпались из рук Эмми, разлетелись по полу и укатились, криво покачиваясь, в разные стороны. Она в ужасе закричала и бросилась к Орлану.

Сестра Улисия недолго пребывала в замешательстве. Она с яростью перехватила Эмми, прежде чем та смогла добраться до мертвого мужа, и с силой швырнула женщину к стене.

— Где Тови? Я хочу получить ответ, и получить немедленно!

Кэлен увидела, что в руке у сестры дакра. Это простое оружие было похоже на нож, у которого из рукоятки вместо лезвия торчал заостренный металлический стержень. Такое оружие было у каждой из сестер. Кэлен видела, как они пользовались этим оружием, когда неожиданно натолкнулись на разведчиков Имперского Ордена. Она знала, что стоит этому оружию лишь пронзить свою жертву, неважно, насколько глубоко, то для убийства достаточно лишь мысленного усилия со стороны сестры. При использовании дакры убивала не полученная от нее рана, а скорее сама сестра, которая через дакру гасила искру жизни. Если сестра сама не выдергивала оружие, изымая его вместе с собственным намерением убить, то никакой защиты от него не существовало и шанса на спасение не было.

Приводящая в замешательство, мерцающая вспышка молнии осветила общий зал через узкие окна, расположенные рядом с дверью, отбрасывая длинные остроконечные тени на пол и стены, в то время как две сестры вместе схватили обезумевшую от паники женщину, стараясь изо всех сил удержать ее. Едва лишь вспышка молнии угасла и на зал вновь спустилась темнота, третья из сестер стремительно метнулась к лестничному проему.

Кэлен бросилась к девочке. Едва та кинулась к матери, Кэлен перехватила ее и, обняв рукой за талию, старалась вернуть ее назад. Глаза девочки округлились от страха. Ее разум

был не в состоянии сохранять память о том, что она видела Кэлен, достаточно долго, чтобы осознавать, кто или что ее удерживает. Удерживало словно бы неизвестно что, схватившее прямо из прозрачного воздуха. И все же гораздо хуже было то, что она только что видела, как убили ее отца. Кэлен понимала, что эта девочка никогда не сможет забыть столь ужасающее зрелище.

Сквозь равномерный барабанный бой дождя и завывание ветра Кэлен слышала звуки шагов сестры на верхнем этаже, торопящейся по коридору. Время от времени она останавливалась, задерживаясь у каждой комнаты, чтобы распахнуть дверь. Любой из гостей (будь они здесь), кто, разбуженный шумом и криком, отважился бы выйти из своей комнаты в темный коридор, оказался бы лицом к лицу с охваченной яростью одной из сестер Тьмы. А продолжавшие спать за своими дверями тем не менее тоже с нею встретились бы.

Эмми вскрикивала от боли. И Кэлен знала, из-за чего.

— Где она? — кричала сестра Улисия. — Где Тови?

Эмми издавала пронзительные крики, умоляя не причинять вреда ее дочери.

Кэлен понимала, что это серьезная тактическая ошибка: выдавать врагу, чего ты больше всего боишься.

Однако она полагала, в данном случае подобная информация бесполезна: было не только вполне очевидно, что мать будет бояться, но и не вызывало сомнений, что сестрам и не требовался такой рычаг. Вид матери в состоянии крайнего ужаса вызывал еще больший страх в ребенке. Она вырывалась изо всех сил. Но, несмотря на неистовость ее попыток, хрупкая девочка не могла сравниться силами с Кэлен.

Поэтому, крепко удерживая, Кэлен потащила ее назад, через дверной проем, мимо лестницы, в темневшую за ней комнату. При вспышках молний, проникавших сюда через дальнее окно, Кэлен поняла, что это кухня и одновременно кладовая для припасов.

Девочка кричала в диком страхе, и то же самое делала ее мать.

— Все в порядке, — прошептала Кэлен ей на ухо, продолжая крепко держать ее, пытаясь успокоить. — Я буду защищать тебя, и все будет хорошо.

Кэлен знала, что это ложь, но сердце не позволяло ей сказать правду.

Слабое маленькое существо продолжало рваться из рук Кэлен. Должно быть, девочке казалось, будто ее удерживает какой-то дух или призрак, вцепившийся в нее прямо из преисподней. Даже если она и видела Кэлен, то забывала о ней прежде, чем разум успевал трансформировать зрительное ощущение в опознание. Из-за этого же утешительные слова Кэлен испарятся из детского сознания прежде, чем получат шанс быть осмысленными. Любой человек уже через мгновение после того, как видел Кэлен, забывал о ее существовании.

За исключением Орлана. Который теперь мертв.

Кэлен крепко обнимала перепуганную девочку, не вполне уверенная, делает это ради себя или же ради девочки. Но в данную минуту все, что она была способна сделать, — это удерживать девочку как можно дальше от ужаса, выпавшего на долю ее родителей. Девочка же, в свою очередь, извивалась в ее руках, пытаясь вырваться, с таким отчаянием, словно ее удерживал какой-то монстр, собирающийся совершить кровавое убийство. Кэлен очень сожалела, что сама же добавляла ей страха, но отпустить ее в тот зал — будет еще хуже.

Молния сверкнула снова, заставив Кэлен бросить взгляд в окно. Окно было достаточно большим, чтобы она могла пролезть через него. Снаружи было темно, и к домам тесно примыкал густой лес. У Кэлен были крепкие ноги, и она была сильной и быстрой. Она поняла, что если решится, то может через несколько мгновений выбраться через окно и оказаться прямо в лесной чаще.

Но она уже пыталась сбежать от сестер. И знала, что ни ночь, ни лес не укроют ее от женщин, обладавших такими ужасными способностями. Кэлен, опустившуюся среди темной кухни на колени, крепко обняв руками девочку, пробрала дрожь. Даже всего лишь размышления о попытке побега оказалось достаточно, чтобы лоб ее покрылся каплями пота от страха, что само намерение заставит сработать ее ограничитель. Голова кружилась от воспоминаний о прошлых попытках, от воспоминаний о боли. Она не сможет вынести это еще раз... не сможет, когда за этим нет никакой цели. Сбежать от сестер Тьмы невозможно.

Подняв глаза, она увидела темную тень спускавшейся по ступеням сестры.

— Улисия, — окликнула женщина. Это был голос сестры Цецилии. — Все комнаты наверху пусты. Там нет никаких гостей.

Сестра Улисия в общем зале изрыгала мрачные проклятия.

Тень сестры Цецилии свернула с лестницы и перегородила дверной проем, подобно самой смерти, обратившей испепеляющий пристальный взгляд на живое. Позади этой тени завывала и всхлипывала Эмми. В тоске, боли и ужасе, охваченная замешательством, она была не в состоянии ответить ни на один вопрос, что выкрикивала сестра Улисия.

— Так ты хочешь, чтобы твоя мать умерла? — спросила прямо с порога сестра Цецилия своим убийственно спокойным голосом.

Она была не менее жестока или опасна, чем сестра Эрминия или сестра Улисия, но, в отличие от них, она использовала такую вот манеру говорить тихо и спокойно, что, в любом случае, производило менее ужасающее впечатление, чем безумные крики сестры Улисии. Откровенные угрозы сестры Эрминии были простыми и искренними, но произносились с чуть большим раздражением. Сестра Тови являла образец болезненного веселья в своем подходе к ведению дел и даже пыткам. Кэлен давным-давно усвоила, что стоило любой из сестер чего-то захотеть, отказ в этом мог приносить лишь новые невообразимые страдания, и в конечном счете они всегда добивались того, чего хотели.

— Так ты хочешь этого? — повторила сестра Цецилия спокойно и настойчиво.

— Ответь ей, — прошептала Кэлен на ухо девочке. — Пожалуйста, отвечай на ее вопросы. Пожалуйста, прошу тебя.

— Нет, — справилась с ответом девочка.

— Тогда скажи нам, где Тови.

В зале позади сестры Цецилии мать девочки задыхалась в ужасных хрипах, а затем все стихло. Кэлен даже различила глухой удар, когда женщина свалилась на деревянный пол. Дом погрузился в тишину.

В тусклом мерцающем свете, проникающем через дверной проем, из-за спины сестры Цецилии выскользнули и вы-

ступили еще две тени. Кэлен поняла, что Эмми уже не ответит ни на какие вопросы.

Сестра Цецилия вступила в комнату и приблизилась к девочке, которую крепко держала в руках Кэлен.

— Все комнаты пусты. Почему в вашем трактире нет гостей?

— Никто не заходит, — сумела выдавить из себя девочка, вздрогнув при этом. — Людей отпугивают слухи о захватчиках из Древнего мира.

Кэлен знала, что это наверняка так. Покинув Народный Дворец Д'Хары и спешно направившись в маленькой лодке по реке к югу, проплывая большей частью по глухой местности, они все же не раз наталкивались на отдельные отряды войск императора Джеганя или миновали прибрежные поселки, где эти скоты уже побывали. Слухи об их зверствах разносились подобно зловонию.

— Где Тови? — спросила сестра Цецилия.

Держа девочку так, чтобы сестры не могли достать ее, Кэлен пристально и вызывающе взглянула на них.

— Это всего лишь ребенок! Оставьте ее!

Приступ боли резко обрушился на нее. Кэлен показалось, что каждую ниточку ее организма, каждый мускул с ожесточением рвет на части. Какое-то мгновение она не могла понять, где находится и что происходит с ней. Комната закружилась. Кэлен спиной сильно ударилась о буфет. Дверцы его распахнулись, и котелки, сковороды и прочая утварь низверглись вниз, подпрыгивая и громыхая по деревянному полу. Тарелки и стаканы разлетались вдребезги.

Кэлен со стуком хлопнулась об пол, лицом вниз. Острые осколки глубоко врезались ей в ладони, когда она тщетно пыталась смягчить падение. Почувствовав, как внутри рта что-то острое коснулось ее языка, она осознала, что это тонкий, похожий на лучину, осколок стекла, проткнувший щеку. Она сжала челюсти и переломила стекло зубами, чтобы оно не располосовало ей язык. С большим трудом ей удалось выплюнуть окровавленный осколок.

Она лежала, растянувшись на полу, оглушенная, сбитая с толку, неспособная привести свои чувства в порядок. Лишь бессмысленные звуки вырывались из ее рта, когда она безус-

пешно пробовала сдвинуться. Затем Кэлен обнаружила, что, издавая эти звуки, не способна вдохнуть. Каждая частица воздуха, что покидала ее легкие, становилась большой потерей. Мышцы женщины напряглись, пытаясь втянуть воздух в легкие. Но боль, пронзившая внутренности, парализовала ее.

Кэлен задыхалась, почти обезумев, но наконец-таки смогла сделать столь необходимый вдох. Она еще раз выплюнула кровь и оставшиеся осколки стекла. И только теперь начала ощущать приступы резкой боли от обломка, все еще торчавшего из ее щеки. Кэлен не могла заставить руки пошевелиться, не могла оторвать себя от пола и еще с меньшим успехом была способна потянуться, чтобы вытащить этот кусок стекла.

Она постаралась поднять взгляд — и смогла разглядеть темные фигуры сестер, тесно сомкнувшиеся вокруг девочки. Они подняли ее на ноги и теперь подталкивали спиной к тяжелой и массивной колоде для рубки мяса, стоявшей посреди кухни. Две сестры держали девочку за руки, а сестра Улисия присела перед ней на корточки, ловя ее испуганный взгляд.

— Ты знаешь, кто такая Тови?

— Старуха! — выкрикнула девочка. — Старуха!

— Да, старуха. А что еще ты о ней знаешь?

Девочка глотала воздух, почти не способная вымолвить ни слова.

— Большая. Большая была. Старая и большая. Слишком большая, чтобы быть доброй.

Сестра Улисия наклонилась к ней еще ближе, сжимая тонкое горло ребенка.

— Где она? Почему ее нет здесь? Когда она покинула это место? И почему?

— Ушла, ее нет, — выкрикнула девочка.

— Почему? Когда она была здесь? И когда ушла? Почему покинула это место?

— Несколько дней назад. Она была здесь. Жила здесь какое-то время. Но она покинула нас несколько дней назад.

Сестра Улисия с криком ярости подняла девочку и швырнула ее к стене. Прилагая все силы, Кэлен поднялась на колени, опираясь на руки. Девочка свалилась на пол. Не обращая

внимания на свою слабость, Кэлен медленно поползла по полу, по битому стеклу и обломкам керамики и наконец закрыла собой тело девочки. Та, не в состоянии понять, что произошло, снова закричала.

К ним со всех сторон приближались шаги. Кэлен заметила лежавший на полу неподалеку нож для мяса, похожий на топорик. Девочка кричала и вырывалась, но Кэлен держала ее, прижимая к полу и стараясь таким образом защитить.

Тени женщин стали еще ближе, а пальцы Кэлен сомкнулись вокруг деревянной рукоятки тяжелого ножа. Теперь она не думала, а действовала почти инстинктивно: вот угроза, вот оружие... И словно бы наблюдала со стороны, как это делает кто-то другой.

Но при этом у нее появилось в некотором роде и внутреннее удовлетворение от присутствия в руке оружия. Ее пальцы крепко сжались вокруг гладкой, пропитанной кровью рукоятки. Оружие — это жизнь. На стальной поверхности отблескивали вспышки молний.

Когда женщины оказались достаточно близко, Кэлен внезапно вскинула руку для удара. Но прежде, чем смогла закончить движение, ощутила выворачивающий внутренности толчок, будто ее протаранили толстым концом бревна. И мощь этого толчка швырнула ее через всю кухню.

Тяжелый удар о стену оглушил Кэлен. Казалось, комната осталась где-то далеко-далеко, в самом конце темного туннеля. Боль затопила ее. Она пыталась поднять голову, но не смогла. Затем ее поглотила темнота.

Открыв спустя какое-то время глаза, Кэлен увидела девочку, съежившуюся перед сестрами, возвышавшимися над ней со всех сторон.

— Не знаю, — говорила девочка. — Я не знаю, почему она ушла. Она говорила, что собирается в Касску.

В комнате возникла звенящая тишина.

— В Касску? — наконец спросила сестра Эрминия.

— Да, именно это она и сказала. Она хотела добраться до Касски.

— С ней было что-нибудь?

— С ней? — девочка жалобно хныкала, всхлипывая и вздрагивая. — Не понимаю. В каком смысле «с ней»?

— У нее! — закричала сестра Улисия. — Что у нее было? У нее должны быть при себе вещи... короб, кожаная сумка. Или другие вещи. Видела ли ты что-нибудь из того, что у нее было?

Девочка не решалась ничего сказать, и сестра Улисия отпустила ей звонкую пощечину, достаточно крепкую, чтобы щелкнули зубы.

— Так ты видела хоть что-то, что было у нее?

По щеке девочки тянулась кровавая нить из носа .

— Однажды, когда она ужинала, я понесла в ее комнату чистые полотенца. И тогда я кое-что видела в ее комнате. Нечто странное.

Сестра Цецилия наклонилась ниже.

— Странное? Какого рода?

— Это было... это похоже... на шкатулку. Женщина держала ее завернутой в белое платье, но оно было из гладкого шелка и частично соскользнуло. Это было похоже на шкатулку... Только она вся была черной. Но не черной как краска. Она была черной как сама ночь. Такой черной, что казалось, будто вокруг становится темнее.

Три сестры выпрямились и теперь стояли молча.

Кэлен же знала совершенно точно, о чем говорит девочка. Ведь Кэлен сама отправилась и забрала все эти три шкатулки из Сада Жизни в Народном Дворце... фактически из дворца лорда Рала.

Когда она вынесла первую, сестра Улисия очень рассердилась на Кэлен за то, что та не принесла все три сразу, но их размер оказался больше, чем ожидалось, и в ее сумке не оказалось достаточно места, чтобы спрятать там все три, так что первый раз Кэлен вынесла только одну. Сестра Улисия завернула эту ужасную вещь в белое платье Кэлен и передала сверток Тови, приказав ей поторопиться и отправиться туда, где они все встретятся позже. Сестра Улисия не желала быть пойманной во дворце с одной из трех шкатулок и точно так же не хотела, чтобы сестра Тови дожидалась, пока Кэлен вернется в Сад Жизни за двумя другими шкатулками.

— А почему Тови отправилась в Касску? — спросила сестра Улисия.

— Не знаю, — сквозь плач ответила девочка. — Я не знаю, клянусь, что не знаю этого. Знаю только то, что слыша-

ла, когда она говорила с моими родителями о том, что ей необходимо отправиться в Касску. И она ушла несколько дней тому назад.

Продолжая лежать на полу в наступившей тишине, Кэлен изо всех сил пыталась дышать. Каждый вдох вызывал мучительные приступы колющей боли в ребрах. Она знала, что это лишь предвестье настоящей боли. Когда сестры Тьмы покончат с девочкой, то займутся Кэлен.

— Может, нам немного отдохнуть здесь, не под дождем? — предложила наконец сестра Эрминия. — А с утра пораньше отправимся в путь.

Сестра Улисия, не выпуская дакру из прижатой к бедру руки, мерила шагами пространство между колодой для рубки мяса и девочкой, видимо раздумывая. Осколки посуды потрескивали под ее ногами.

— Нет, — сказала она, повернувшись наконец к остальным. — Здесь что-то не так.

— Ты имеешь в виду действие заклинания? И говоришь так из-за этого человека?

Сестра Улисия отвергающе махнула рукой.

— Всего лишь случайное отклонение, не больше. Нет, что-то не так в отношении всего остального. Почему вдруг Тови ушла? Она имела совершенно точные указания дожидаться нас здесь. И она была здесь... но затем ушла. Здесь не было других постояльцев, в этом районе не хозяйничают войска Имперского Ордена, и она знала, что мы на пути сюда, но тем не менее она уходит. Бессмыслица.

— И при чем здесь Касска? — спросила сестра Цецилия. — Почему она отправилась в Касску?

Сестра Улисия вновь повернулась к девочке.

— Кто-нибудь навещал Тови, пока она была здесь? Приходил повидать ее?

— Я уже сказала вам, что никто. Никто не приходил сюда, пока эта старуха жила у нас. Здесь не было других посетителей или постояльцев. Она была здесь одна. Это очень глухое место. Люди подолгу здесь не остаются.

Сестра Улисия вновь принялась мерить шагами комнату.

— Мне это не нравится. Что-то здесь не так, но никак не могу понять, что.

— Я согласна, — заметила сестра Цецилия. — Тови не могла уйти просто так.

— И все-таки она ушла. Почему? — Сестра Улисия остановилась перед девочкой. — Может быть, она сказала что-нибудь еще или оставила сообщение... возможно, записку?

Девочка, хлюпая носом, покачала головой.

— У нас нет выбора, — пробормотала сестра Улисия. — Придется отправляться вслед за Тови в Касску.

Сестра Эрминия указала в сторону входной двери.

— Ночью? Под дождем? Не кажется ли тебе, что лучше дождаться утра?

Сестра Улисия, глубоко задумавшись, взглянула на тело женщины.

— А что если еще кто-то придет? Нам не нужно никаких осложнений, если мы хотим скорее закончить наше дело. Нам и на самом деле не нужно, чтобы Джегань или его отряды почуяли запах нашего присутствия. Нужно скорее встретиться с Тови и получить эту шкатулку. Мы все прекрасно знаем, что поставлено на карту. — Она будто оценила глубину мрачного выражения на лицах обеих женщин, прежде чем продолжить. — И чего нам действительно не нужно, так это любых свидетелей, которые могут сообщить о том, что мы были здесь и чего искали.

Кэлен прекрасно поняла, к чему клонит сестра Улисия.

— Пожалуйста, — с трудом выговорила она, пытаясь привстать, оттолкнувшись от пола трясущимися руками, — пожалуйста, не трогайте ее. Она всего лишь маленькая девочка. Она не знает ничего, что может оказаться важным для кого-то.

— Она знает, что Тови была здесь. И она знает, что было у Тови. — Лицо сестры Улисии наморщилось от недовольства. — Она знает, что мы были здесь и искали ее.

Кэлен изо всех сил старалась говорить увереннее.

— Для вас она ничто. Вы волшебницы; а она всего лишь ребенок. Она не способна причинить вам вред.

Сестра Улисия неторопливо заглянула в глаза Кэлен. И, даже не повернувшись в сторону стоявшей позади нее девочки, внезапно с силой ударила дакрой ей в грудь.

Девочка от удара потеряла дыхание.

По-прежнему пристально глядя на Кэлен, сестра Улисия улыбнулась содеянному, как могло бы улыбаться только само зло. Кэлен подумала, что это, возможно, почти как заглянуть в глаза Владетеля мертвых в его логове, в темных глубинах вечности преисподней.

Сестра Улисия выгнула брови.

— Я не намерена оставлять за спиной нерешенные проблемы.

Широко открытые глаза девочки словно бы вспыхнули внутренним светом. Она начала слабеть и тяжело свалилась на пол. Ее руки раскинулись под невероятными углами. Безжизненный взгляд застыл, обращенный к Кэлен, словно осуждая за то, что та не сдержала своего слова.

Собственное обещание — «я буду защищать тебя» — продолжало звенеть в голове Кэлен.

Она закричала в беспомощной ярости, замолотила кулаками об пол. А затем вскрикнула от неожиданной боли, когда ее снова швырнуло на стену. Но вместо того, чтобы свалиться затем на пол, она так и оставалась висеть, удерживаемая неимоверной силой. Силой, имя которой, как она знала, было магия.

Она снова не могла дышать: одна из сестер использовала силу своих чар, чтобы сжать горло Кэлен. Она напрягалась изо всех сил, вцепившись пальцами в железное кольцо на своей шее, пытаясь втянуть воздух.

Сестра Улисия подошла и приблизила свое лицо к лицу Кэлен.

— Сегодня тебе повезло, — сказала она злобно. — У нас нет времени, чтобы заставить тебя пожалеть о своем непослушании прямо сейчас. Но не думай, что из-за этого тебе удастся избежать последующих наказаний.

— Нет, сестра, — с трудом удалось вымолвить Кэлен. Она знала, что не ответить будет еще хуже.

— Полагаю, ты действительно слишком глупа, чтобы уразуметь, насколько ничтожна и бессильна перед лицом тех, кто выше тебя. Возможно, этот еще один урок окажется достаточно грубым и внятным, чтобы ты оказалась в состоянии его понять.

— Да, сестра.

И хотя она совершенно точно знала, что именно они заставят ее перенести, чтобы выучить этот урок, Кэлен все равно в следующий раз поступит так же. Она жалела только о неудаче в попытке защитить девочку, о том, что не смогла исполнить свое обещание. В тот день, когда Кэлен забрала те три шкатулки из дворца Лорда Рала, она оставила на их месте самую дорогую для себя вещь — небольшую статуэтку горделиво стоявшей женщины со сжатыми в кулаки руками, с выгнутой спиной и запрокинутой головой, будто смеявшейся в лицо тем силам, которые хотели покорить ее, но так и не смогли.

В тот день, во дворце Лорда Рала, Кэлен смогла обрести силу. Стоя в его саду и глядя назад, на гордую статуэтку, которую она вынуждена там оставить, Кэлен поклялась, что вернет себе свою жизнь. Вернуть себе жизнь означало стараться предотвратить смерть, даже если это касалось маленькой неизвестной ей девочки.

— Идемте же, — почти прорычала сестра Улисия, направляясь к двери и явно предполагая, что все остальные последуют за ней.

Сапоги Кэлен с глухим стуком опустились на пол, когда сила, прижимавшая ее к стене, отпустила ее. Она упала на колени, поглаживая окровавленными руками горло, чтобы облегчить дыхание. При этом ее пальцам мешало ненавистное кольцо на шее, с помощью которого сестры управляли ею.

— Пошевеливайся, — приказала сестра Цецилия таким тоном, что Кэлен поспешно вскочила на ноги.

Она бросила взгляд через плечо и увидела мертвые глаза бедной девочки, пристально смотревшие на нее, наблюдая, как она уходит.

Глава 3

Ричард внезапно поднялся. Ножки тяжелого деревянного стула, на котором он сидел, заскрежетали, проехавшись по грубому каменному полу. Кончики его пальцев все еще касались края стола, на котором перед серебряным светильником услужливо лежала открытая книга.

С воздухом явно было что-то не так.

Насторожившее его не было связано с запахом, с температурой или с влажностью, хотя ночь была жаркая и душная. Нет, дело было в самом воздухе. В нем ощущалось что-то неправильное.

Ричард не мог даже представить, почему столь неожиданная мысль могла прийти ему в голову. Ни тени предположения, что именно могло послужить причиной столь странного убеждения. В его маленьком читальном зале окон не было, так что он не знал, что сейчас снаружи — было ли там, ясно, ветрено или начиналась гроза. Он знал только, что сейчас глубокая ночь.

Кара, сидевшая неподалеку от него и так же занимавшаяся чтением, тоже поднялась с обитого коричневой кожей мягкого стула. Она внимательно ждала, но ничего не говорила.

Ричард попросил ее просмотреть несколько найденных им исторических фолиантов. Все, что удастся найти относительно тех древних времен, когда была написана книга «Огненная Цепь», может оказаться полезным. Она не возражала против подобной задачи. Кара вообще очень редко возражала против чего-либо, при условии что это не мешало ей обеспечивать его защиту. А поскольку при этом она могла оставаться с ним в одной комнате, то и не возражала против чтения тех книг, ко-

торые он предлагал. Еще одна девушка из морд-ситов, по имени Бердина, тоже могла читать на древнед'харианском и в прошлом бывала очень полезна в чтении записей на этом древнем языке, который нередко встречается в старых книгах, но Бердина сейчас далеко, в Народном Дворце. Поэтому бесчленное множество книг, написанных на их родном языке, предстояло просмотреть Каре.

Она наблюдала за Ричардом, в то время как он вглядывался в забранные панелями стены комнаты, и его пристальный взгляд методично перемещался по произведениям искусства, расположенным на полках: лакированным ларцам, инкрустированным серебряными узорами, маленьким резным фигуркам танцоров, гладким камням, лежащим в отделанных бархатом коробочках, и декоративным стеклянным вазам.

— Лорд Рал, — наконец спросила она, — что-то не так?

Ричард оглянулся через плечо.

— Да. Что-то не так с воздухом.

Он осознал уже после, заметив напряженное беспокойство на ее лице, что, должно быть, его суждение по поводу воздуха прозвучало абсурдно.

Однако, по мнению Кары, неважно, сколь абсурдно это прозвучало, потому что реально имела значение лишь его мысль о некоторой тревоге, а тревога эта означала потенциальную угрозу. Ее кожаная одежда слегка скрипнула, когда она ухватила свой эйджил и крепко зажала его в руке. С оружием наготове оглядела маленькую комнату, внимательно исследуя даже тени, будто из-за деревянной обшивки могли внезапно напасть призраки. Выражение ее лица было напряженным.

— Думаешь, это зверь?

Ричард эту возможность во внимание не принимал. Зверь, которого по приказу Джеганя захваченные в плен сестры Тьмы околдовали и отправили охотиться на Ричарда, представлял потенциальную угрозу. В прошлом уже было несколько случаев, когда он появлялся словно бы из воздуха.

При всем желании Ричард не мог сказать точно, что именно показалось ему несоответствующим. Но хотя он и не мог указать источник своих ощущений, источник этот казался ему чем-то знакомым, чем-то таким, что следовало бы пом-

нить, чем-то таким, что ему следовало знать и, несомненно, распознать. Но он так и не понял, было ли это ощущение реальностью или всего лишь игрой воображения.

Ричард покачал головой.

— Нет... Не думаю, что это зверь. Его я точно узнал бы.

— Лорд Рал, вы провели большую часть ночи за чтением. Возможно, всего лишь переутомление.

Бывало, что он, лишь начав дремать, вдруг просыпался — с затуманенным рассудком, потеряв ориентацию, — от внезапного падения в порочные объятия ночных кошмаров, которых, проснувшись, никогда не помнил. Но теперешнее впечатление оказалось иным; оно не было рождено общим притуплением, вызванным наплывом сонливости. Напротив, несмотря на все утомление и усталость, его не клонило в сон; он был слишком озабочен, чтобы заснуть.

Только лишь вчера ему наконец-то удалось убедить остальных, что Кэлен — реальность, что она существовала и не плод его фантазий или галлюцинация, вызванная увечьем. Теперь они убедились, что Кэлен — не результат его больного воображения. Сейчас, когда он наконец получил некоторую помощь, ощущение крайней необходимости отыскать ее подталкивало его вперед и не давало спать. Он не мог позволить себе тратить время на какой-то там отдых — во всяком случае, теперь, когда уже получил несколько фрагментов головоломки.

Возле Народного Дворца, допрашивая Тови прямо перед ее смертью, Никки выяснила ужасные подробности о том, как эти четыре женщины — сестры Улисия, Цецилия, Эрминия и Тови — запустили Огненную Цепь. Когда они высвободили силы, на протяжении тысячелетий тайно скрывавшиеся в древних книгах, каждый, сохранявший хоть какую-то память о Кэлен, мгновенно забыл ее — за исключением Ричарда. Каким-то образом его меч защитил его разум. Но, сохраняя память о Кэлен, в попытках отыскать ее он утратил свой меч.

Теория запуска Огненной Цепи возникла у волшебников в очень древние времена. Они искали способ пробираться среди врагов, оставаясь невидимыми, не привлекающими к себе внимания, моментально забываемыми. Они придумали метод

изменения памяти людей с помощью магии Ущерба. Теоретически предполагалось, что действие этого метода таково, что разобщенные части воспоминаний отдельной личности самопроизвольно перестраиваются и соединяются друг с другом, но в совокупности теперь представляют ложную память, созданную с целью заполнить пробелы, появившиеся в момент, когда объект этой магии оказывается «стерт» из памяти.

Волшебники, разработавшие теорию этого процесса, пришли в итоге к убеждению, что порождение подобных явлений способно вызвать целый каскад непредсказуемых и неконтролируемых эффектов. Они сделали вывод о том, что, подобно блуждающему огню, эта магия будет продолжать выжигать косвенные связи и у других людей, чья память изначально не нуждалась в изменении. И в конце концов они осознали, что при таких непредсказуемых, стремительных и пагубных последствиях Огненная Цепь способна преобразить все царство жизни, и потому не осмелились даже проверить свои предположения.

Но эти самые четыре сестры Тьмы осмелились — проверить на Кэлен. Их не беспокоило, что при этом все царство жизни может погибнуть. Фактически в этом и была их конечная цель.

У Ричарда не было времени на сон. Теперь, когда он окончательно убедил Никки, Зедда, Кару, Натана и Энн, что он не сумасшедший и что Кэлен существует на самом деле, даже если больше не присутствует в их памяти, они дали слово помогать ему. Он же крайне нуждался в помощи. Ему необходимо отыскать Кэлен. В ней — вся его жизнь. Она полностью занимала его мыслями. Для него она была всем. Ее необыкновенный ум пленил его с первой минуты, как они встретились. Воспоминания о зеленых глазах, улыбке, прикосновениях постоянно преследовали его. Каждое пробуждение оказывалось настоящим кошмаром, подстегивающим настоятельную необходимость что-нибудь сделать.

В то время как никто больше не мог вспомнить Кэлен, Ричард же, казалось, ни о чем другом не мог и думать. Ему частенько казалось, что только он ее единственная связь с этим миром и если он перестанет помнить о ней, прекратит

думать о ней, то она в конце концов действительно перестанет существовать.

Но при этом он осознал и то, что для того чтобы довести это дело до конца, чтобы найти когда-либо Кэлен, следует время от времени отвлекать мысли от нее и обращать их к своим делам.

Он повернулся в сторону Кары.

— Ты не чувствуешь ничего странного?

Она выгнула бровь.

— Ведь мы в Цитадели Волшебника, Лорд Рал... кто не ощутил бы здесь некоторую странность? От этого места у меня мурашки по коже.

— То есть сейчас не хуже, чем обычно?

Она тяжело вздохнула и провела рукой по длинной светлой косе, переброшенной вперед через плечо.

— Нет.

Ричард схватил фонарь.

— Идем.

Он покинул маленькую комнату и заторопился по длинному коридору, выложенному толстыми коврами так, будто у кого-то оказалось их слишком много, а коридор был единственным местом, которое удалось найти, чтобы там их разместить. Ковры имели в основном классические узоры и были сотканы в мягких приглушенных тонах, но на некоторых, выглядывавших снизу, попадались ярко-желтые и оранжевые цвета.

Ковры заглушали звуки его сапог, когда он следовал мимо располагавшихся с обеих сторон двойных дверей, ведущих в темные комнаты. Длинноногая Кара без труда успевала за ним. Ричард знал, что многие из этих комнат — библиотеки, в то время как некоторые другие были весьма искусно украшены и, казалось, не служили никакой иной цели, кроме как вести вас в другие комнаты. А те, в свою очередь, вели вас в следующие, среди которых попадались и комнаты без всякой отделки, а некоторые содержали изящные украшения, и все это образовывало загадочный и сложный лабиринт, составлявший Цитадель Волшебника.

На развилке Ричард свернул направо и пошел по коридору, стены которого были расписаны спиральными узорами,

потускневшими за многие века до теплых золотисто-коричневых тонов. Когда они дошли до лестничного марша, Ричард обхватил согнутой рукой белый полированный мрамор колонны винтовой лестницы, а затем по ступеням направился вниз. Глянув вверх, он мог видеть, как лестница уходит высоко в темноту, извиваясь в квадратном шахтном стволе, уводя к далеким верхним уровням Цитадели.

— Куда мы направляемся? — спросила Кара.

Ричард оказался слегка смущен этим вопросом.

— Не знаю.

Кара метнула в его сторону мрачный взгляд.

— Ты решил прогуляться по месту с бесчисленным множеством комнат, по постройке, огромной, как гора, и частично встроенной в гору, пока что-то не привлечет твое внимание?

— В воздухе что-то неладное. И я всего лишь следую за своим чутьем.

— Ты следуешь за воздухом, — заметила Кара спокойным насмешливым тоном. Подозрение вспыхнуло у нее с новой силой. — Уж не пользуешься ли ты магией?

— Кара, ты, как и все остальные, прекрасно знаешь, что я не представляю, как использовать мой дар. Я не способен обратиться к магии по своему желанию.

И желания этого вовсе не было.

Если он воспользуется своим дару, тот зверь почти моментально сможет найти его. Кара, всегда готовая его защитить, беспокоилась, что он может сделать что-то по легкомыслию, привлекая тем самым зверя, натравленного на него по приказу императора Джеганя.

Ричард вернулся к проблеме, которая его занимала, и пытался понять, что именно показалось ему странным в окружающем воздухе. Он сосредоточил мысли на точном анализе своих ощущений. Ему казалось, что он ощущает в воздухе нечто, что бывает во время грозы, именно такое же резкое, зловещее качество.

Спустившись на несколько пролетов белой мраморной лестницы, они вышли в коридор, сложенный из каменных блоков. Проследовали этим коридором прямо, оставили позади несколько развилок и остановились, когда Ричард увидел идущую вниз мрачную каменную винтовую лестницу с же-

лезными поручнями. Он начал спускаться, Кара двинулась за ним. Внизу они миновали короткий проход со сводчатым потолком, обшитым дубовыми досками, прежде чем вошли в комнату, которая была общим холлом для нескольких залов. Эта круглая комната оказалась богато убранной: колонны серого гранита по окружности комнаты поддерживали позолоченные притолоки, расположенные над каждым ведущим в темноту проходом.

Ричард вытянул перед собой фонарь и, щурясь, пытался заглянуть в эти темные галереи. Он не узнал эту круглую комнату, но зато осознал, что они находятся в той части Цитадели, что была каким-то образом иной, особой... иной в том смысле, который заставил его понять, что имела в виду Кара, когда говорила о месте, вызывающем мурашки на коже. Один из коридоров, непохожий на другие, вел с заметным уклоном в какие-то расположенные глубже помещения Цитадели. Ричард задался вопросом, почему здесь просто уклон, а не еще одна из бесчисленного множества лестниц.

— Сюда, — сказал он Каре и повел ее вниз, в темноту.

Казалось, этот уклон был бесконечным. Однако в итоге они вышли в грандиозный зал, который, хотя и будучи не более дюжины футов в ширину, имел почти семидесятифутовую высоту. Ричард чувствовал себя подобно муравью на дне длинной и узкой щели глубоко под землей. С левой стороны поднималась стена из натурального камня, часть самой горы, тогда как стена справа была сформирована из плотно подогнанных громадных каменных блоков. Они миновали целый ряд комнат со стороны этих блоков, продолжая идти вперед по этой, казавшейся нескончаемой, расщелине в горном массиве. Относительно слабый свет лампы не позволял разглядеть впереди хоть какой-то намек на противоположный конец этого помещения.

Внезапно Ричард осознал, что, собственно, говорили его чувства. Воздух ощущался так, как бывало временами рядом с определенными людьми, обладавшими исключительно сильным даром. Он припомнил, что таким вот образом воздух словно бы потрескивал вокруг его бывших учителей, сестер Цецилии, Эрминии, Мериссы и, особенно, Никки. Он вспомнил моменты, когда казалось, что воздух около Никки вот-вот

воспламенится — до того мощной была та необычная энергия, что концентрировалась возле нее. Но подобное ощущение всегда бывало лишь в непосредственной близости от этого человека; оно никогда не было столь сильным.

Еще до того, как увидеть свет, пробивающийся далеко впереди из одной из бесчисленных боковых комнат, Ричард осознал, что его ощущения сгустились. Он почти ожидал увидеть, как воздух по всему этому залу-коридору начнет искриться.

Огромные обитые желтой медью двери были открыты и вели в помещение, оказавшееся тускло освещенной библиотекой. Он сразу понял, что это то самое место, которое он ищет.

Пройдя через эти двери, украшенные тщательно выгравированными на них символами, Ричард застыл на середине шага и уставился с немым удивлением.

Мерцающий свет от бьющих молний проникал внутрь через дюжину скругленных сверху окон и освещал ряды полок, расположенных по стенам этой напоминавшей пещеру комнаты. Окна, располагавшиеся двумя ярусами, занимали почти всю дальнюю стену. Полированные колонны из красного мрамора, поднимавшиеся между окнами на оба яруса, поддерживали тяжелые бархатные шторы темно-зеленого оттенка. Края штор обрамляла золотистая бахрома, а шнурки с кисточками их удерживали, открывая обзор. Окна были собраны из квадратных кусков, очень толстых в ущерб прозрачности, так что казалось, словно стекло помутнело при разливке. Когда вспыхивала молния, создавалось впечатление, что мерцает само стекло. Расставленные по комнате светильники с рассеивателями обеспечивали общее теплое мягкое освещение и отражались от полированной поверхности столов между лежавшими на них повсюду открытыми книгами.

Полки содержали не совсем то, чего следовало ожидать. На некоторых из них действительно были книги. Но на других полках были беспорядочно навалены самые разные предметы... Там было все что угодно — от аккуратно сложенной сверкающей ткани до металлических спиралей, от флаконов зеленого стекла и каких-то сложных предметов, собранных из деревянных стержней, до множества пергаментных свитков,

древних костей и длинных изогнутых клыков, прежнего обладателя которых Ричард так и не опознал и даже предположить не брался.

Когда очередной раз вспыхнула молния, миллионы теней от решетчатой структуры окон разбежались по всем уголкам комнаты, по столам, стульям, колоннам, книжным шкафам и ящикам, создавая впечатление, будто все окружающее раскалывалось на части.

— Зедд... что ты такое делаешь?

— Лорд Рал, — заметила Кара негромким голосом из-за его плеча, — мне кажется, ваш дед, должно быть, спятил.

Зедд повернулся, чтобы бросить короткий пристальный взгляд на стоявших в дверном проеме Ричарда и Кару. При свете ламп волнистые седые волосы старика казались приподнятыми, слегка взъерошенными и выглядели бледной оранжевой тенью, но становились белыми как снег всякий раз, когда вспыхивала молния.

— Мы сейчас немного заняты, мой мальчик.

В самом центре комнаты над одним из массивных столов парила Никки. Ричард прищурился, пытаясь удостовериться, действительно ли видит именно то, что, похоже, видит. Ноги Никки находились совершенно отчетливо на ширину ладони над поверхностью стола. Она застыла без движения, абсолютно неподвижно, прямо посреди воздуха.

Каким бы невероятным и потрясающим ни было это видение, это оказалось не самое худшее. На крышке стола был начертен магический знак, известный как Благодать. И, похоже, он был нанесен кровью.

Подобно самой Никки, линии, образующие эту фигуру, тоже висели в воздухе. Ричарду не раз доводилось видеть, как люди, обладающие даром, рисовали подобные магические фигуры, так что он вполне уверенно ее опознал, но еще ни разу он не видел ничего подобного такому вот парящему в воздухе сплетению.

Гармонично образуя единое целое, вся композиция, составленная из линий яркого зеленого света, висела в воздухе, как трехмерная фигура магического заклинания.

И в центре этой замысловатой геометрической структуры парила, неподвижная как статуя, Никки. Казалось, ее утончен-

ные черты застыли в камне. Одна рука ее была отведена далеко в сторону. Пальцы другой руки, прижатой к боку, растопырены. Ее ноги располагались не на одном уровне, будто она не стояла, а свободно покачивалась, словно замерев посреди прыжка. Волосы были чуть приподняты, как будто взметнулись вверх как раз в тот момент, когда девушка должна была приземлиться, — и тут же была обращена в камень.

Она явно не выглядела живой.

Глава 4

Ричард, ошеломленный, замер, будто прикованный к месту, глядя на Никки, подвешенную в воздухе над массивным библиотечным столом, опутанную со всех сторон поблескивающей сеткой из светящихся зеленых геометрических фигур. Все в ней было неподвижно. Казалось, она даже не дышит. Голубые глаза не мигая смотрели куда-то вдаль, будто пристально созерцали одной только ей видимый мир. А столь знакомые утонченные черты выглядели идеально прорисованными в зеленоватом оттенке, испускаемом светящимися линиями.

Ричард решил, что она выглядит скорее мертвой, чем живой; так выглядит покойник в гробу, перед тем как отправиться к вечному покою.

Это было невозможно красивое и в то же время глубоко тревожное зрелище. Она казалась не чем иным, как безжизненной статуей, созданной из плоти и света. Спутанные пряди светлых волос, собранные в скрученные, мягко выгнутые дуги и завитки, и даже отдельные их нити застыли совершенно неподвижно посреди воздуха. Ричард по-прежнему все еще ожидал, что она сейчас окончательно и неожиданно упадет на стол.

Осознав, что продолжает сдерживать дыхание, он наконец позволил себе выдохнуть.

По-видимому, в тон с дикой энергией молний, сверкавших за окнами, воздух в комнате отчетливо потрескивал, пропитанный силой, которая даже для нетренированного глаза Ричарда казалась необычайной магией. Это было то самое удивительное свойство воздуха, которое привлекло его внимание еще там, в маленьком читальном зале.

Ричард не имел ни малейшего представления и не мог даже вообразить, что происходит и что является целью такого использования магии. Он был одновременно очарован этим зрелищем и приведен в замешательство тем, что очень мало знал о подобных вещах. Однако самое главное, что для него подобное зрелище было загадочно пугающим.

Выросший в Вестландии, где никакой магии не было и в помине, он время от времени задавался вопросом, чего же такого был лишен, — особенно в такие моменты, как этот, когда ощущал себя беспомощным невеждой. Но в других случаях, подобных исчезновению Кэлен, он начинал ненавидеть магию и не желал иметь с ней никаких дел.

Посвященные в учение Имперского Ордена нашли бы циничное удовлетворение в столь отстраненных отношениях с магией со стороны Лорда Рала.

Несмотря на то, что он вырос, не имея представления о магии, тем не менее Ричард уже многое узнал о ней. Например, то, что Благодать, начертанная на столе под Никки, — это мощнейший элемент, используемый теми, у кого есть дар. Он также знал, что, начертанный кровью, этот знак являет собой нечто, что делалось крайне редко и только в самых угрожающих обстоятельствах.

Разглядывая блестящие линии крови, образующие саму форму Благодати, Ричард заметил нечто, что заставило волосы у него на затылке встать дыбом. Одна из ног Никки зависла над самым центром изображенной на столе структуры Благодати — над той самой частью, что символизировала Создателя Света, откуда исходила не только жизнь, но и лучи, изображающие дар, проходящий через жизнь, через оболочку и затем в вечность преисподней. Однако другая нога Никки застыла в нескольких дюймах над столом за пределами внешнего круга рисунка — над той частью, что представляла преисподнюю.

Никки парила в воздухе, подвешенная между миром живых и миром мертвых. Ричард понял, что вряд ли так получилось случайно.

Он направил взгляд чуть далее, за потрясающий воображение облик парящей в воздухе Никки, и там, в сгустившихся позади нее тенях, увидел освещаемых время от времени вспышками молнии Натана и Энн, напоминавших то исче-

зающих, то внезапно появляющихся призраков. Они тоже с серьезным видом наблюдали за Никки, находившейся в центре светящейся магической структуры.

Зедд, опустив одну руку на костлявое бедро и поглаживая тонким пальцем другой руки гладкий подбородок, медленно обходил вокруг стола, внимательно наблюдая за непрерывно растущим и усложняющимся узором из светящихся зеленых линий.

Снаружи, сквозь высокие окна, продолжали пробиваться резкие вспышки молний, однако раскаты грома заглушались толстой каменной стеной Цитадели.

Ричард поднял взгляд, вглядываясь в лицо Никки.

— С ней... все... в порядке?

Зедд оглядел его, будто уже забыв, что Ричард давно вошел в эту комнату.

— Что?

— С ней все в порядке?

Густые брови Зедда сдвинулись.

— Как бы это узнать?

Ричард вскинул вверх обе руки и с шумом опустил их, выражая свое беспокойство.

— Ну, какого черта, Зедд, разве не ты отправил ее туда?

— Не совсем так, — пробормотал Зедд, потирая ладони и продолжая перемещаться вокруг стола.

Ричард подошел ближе к столу, над которым парила Никки.

— Что происходит? С Никки все в порядке? Она в опасности?

Наконец Зедд оглянулся и вздохнул.

— Мы ничего не знаем наверняка, мой мальчик.

Из тени к столу в зеленоватый свет вышел Натан. Было хорошо заметно, как встревожены темно-синие глаза высокого предсказателя. Он пожал плечами вместо утешения, и его длинные белые волосы при этом коснулись плеч.

— Мы думаем, что с ней все в порядке, Ричард.

— Ничего плохого с ней случиться не должно, — заверила его Энн, присоединяясь к Натану.

Широкоплечий пророк возвышался над ней. В простом шерстяном платье, с седеющими волосами, собранными в

свободный пучок, она рядом с Натаном выглядела невзрачной. И Ричард подумал, что почти любой выглядит весьма невзрачным рядом с Натаном.

Ричард протянул руку, указывая на сетку из геометрических линий, заключавшей внутри себя Никки.

— Так что это за штука?

— Контролирующая сеть, — сказал его дед.

Ричард нахмурился.

— Контролирующая? Контролирующая что?

— Огненную Цепь, — мрачным голосом сообщил Зедд. — Мы пытаемся разобраться, как действует Огненная Цепь во время ее запуска, с тем чтобы суметь найти способ обратить ее.

Ричард почесал висок.

— О-о.

Происходящее вызывало у него все большее и большее беспокойство. Ему отчаянно хотелось отыскать Кэлен, однако он был глубоко обеспокоен и тем, что могло случиться с Никки при подобной попытке разгадать те таинственные силы, что сотворили древние волшебники. Как Первый волшебник, Зедд обладал способностями и талантами, к достижению которых Ричард не способен даже приступить, и все же волшебники древних времен значительно превосходили Зедда по таланту. При тех знаниях, которыми обладали Зедд, Натан, Энн и Никки, при всем их могуществе, они силились разобраться в выходящем за пределы их собственного опыта. В выходящем за пределы их возможностей, в том, чего опасались даже те, древние волшебники. Однако разве был у них выбор?

Помимо того, что он лично беспокоился за Никки, Ричард понимал, что она необходима ему для поисков Кэлен. Хотя другие могли быть более могущественными или более знающими в некоторых определенных областях, по сравнению с Никки, общая совокупность качеств ставила ее на совершенно иной уровень. Вероятно, она была самой могущественной волшебницей, когда-либо появлявшейся на свет. То, что другие совершали с огромными усилиями, Никки могла сделать без затруднений. Самой ценной, с точки зрения Ричарда, была одна из малозаметных, но все же удивительных способностей Никки: кроме Кэлен, он не знал никого, кто еще способен так настойчиво концентрироваться на цели, как это делала Никки. Кара бывала

просто решительной и твердой, защищая его, но Никки способна быть невероятно упорной и настойчивой в достижении любой цели, какую бы ни ставила перед собой. Когда-то давно, когда они были врагами, безрассудная решимость делала ее не только жестоко эффективной, но и по-настоящему опасной.

Ричард был рад, что их отношения изменились. С тех пор как начались поиски Кэлен, Никки стала его ближайшим и самым надежным другом. Хотя она и понимала, что его сердце принадлежит Кэлен и ничто изменить этого не может.

Он, как гребнем, провел пальцами по волосам.

— Ну, а почему же именно она наверху, внутри этой штуки?

— Она единственная из нас, кто способен использовать магию Ущерба, — дала короткое пояснение Энн. — «Запал» Огненной Цепи требует наличия элементов Ущерба для запуска процесса, а затем и для функционирования. Мы и пытаемся понять весь цикл действия Огненной Цепи... включая компоненты Приращения и Ущерба.

Ричард мог допустить, что в этом есть некоторый смысл, но это никак не повлияло на его отношение к этому эксперименту.

— И Никки согласилась на это?

Натан откашлялся.

— Это была ее идея.

Наверняка так и было. Ричарду временами казалось, что эта женщина охвачена жаждой смерти.

В подобных ситуациях ему всегда хотелось узнать побольше о таком вот. Сейчас он вновь сознавал, что не понимает происходящего. Он указал вверх, на совокупность всего, плававшего над столом.

— Мне никогда не приходило в голову, что в контролирующей сети можно использовать человека. Я хочу сказать, что никогда не слышал, чтобы подобные сети выстраивались вокруг кого-то.

— Точно, такого и мы не знали, — сказал Натан своим глубоким, внушительным голосом.

Под пристальным взглядом пророка Ричард почувствовал себя неуютно, так что поскорее повернулся к Зедду.

— Чего вы этим хотите добиться?

Зедд пожал плечами.

— Все мы сейчас впервые пытаемся провести обзорный анализ контролирующей сети из внутренней перспективы. Чтобы сделать подобное, требуется магия Ущерба, именно поэтому контролирующую сеть не анализировали подобным образом, возможно, уже тысячи лет.

— Как же вы тогда узнали, как это делается?

— То, что никто из нас никогда не делал ничего подобного, — сказала Энн, — не означает, что мы не изучали многочисленных описаний подобных процессов.

Зедд указал в сторону другого стола.

— Мы изучали найденную тобой книгу... «Огненная Цепь». Это самая сложная и трудная для понимания книга из всех, с какими прежде имел дело любой из нас, так что нам хотелось разобраться во всем, что в ней изложено. И хотя раньше мы никогда не занимались внутренней перспективой, это оказалось близким к тому, что мы умеем. Если тебе известно, как создать стандартную контролирующую сеть и у тебя имеются все необходимые элементы дара, то вполне можно производить обзорный анализ прямо из внутренней перспективы. Вот что Никки и делает... Вот почему она должна быть той единственной, кто осуществляет это.

— Но если существует стандартный способ, зачем требуется вот такой метод?

Зедд поднял руку, указывая на линии, окружавшие Никки.

— Считается, что внутренняя перспектива дает более детальное представление о подобной магической структуре, позволяет опуститься в ее анализе на более низкий, элементный уровень — в отличие от внешнего наблюдения за стандартным контролирующим процессом. Поскольку, как утверждается, этот способ дает возможность увидеть больше, чем при стандартном подходе, а Никки обладает нужными способностями, чтобы инициировать его, мы решили, что предпочтительнее будет сделать это вот таким образом.

Ричарду даже стало легче дышать.

— Итак, использование Никки вот таким образом — всего лишь абстрактный анализ? И ничего больше?

Зедд отвел взгляд, избегая глаз Ричарда, продолжая тем временем разглаживать морщины на лбу.

— Это всего лишь контролирующий процесс, Ричард, а не запуск подлинного явления, так что в некотором смысле это не имеет отношения к реальности. То, что реальная магия осуществляет мгновенно, эта, в данном случае неактивная, магическая заготовка растягивает в довольно долгий контролирующий процесс, с тем чтобы сделать возможным всесторонний анализ, хотя и не без некоторого риска. То, что ты видишь вокруг Никки, само по себе не является жизнеспособной магией.

Зедд откашлялся.

— Хотя будь запущена реальная магия, находись здесь вместо Никки Кэлен — и все было бы в высшей степени реальным.

Руки Ричарда покрылись мурашками. Во рту у него пересохло так, что он едва смог говорить. Он даже ощущал удары своего сердца, заставляющие пульсировать вены на шее. Ему хотелось, чтобы это не было правдой.

— Но ты сказал, что Никки нужна лишь чтобы «запустить» эту сеть. Ты сказал, что это возможно лишь потому, что она способна работать с магией Ущерба. Кэлен была не в состоянии сделать это для сестер — и не стала бы участвовать ни в каком эксперименте.

Зедд покачал головой.

— Сестры выстроили вокруг Кэлен самое настоящее волшебство. Они обладали даром магии Ущерба и не нуждались в сотрудничестве Кэлен. Никки же нужна нам для наблюдения изнутри с воздействием на обе стороны процесса — и Ущерба, и Приращения, — чтобы мы могли попытаться определить, как это функционирует. Эти два процесса не являются аналогами.

— Ну, а как...

— Ричард, — сказал дед, мягко прерывая его, — как я уже заметил, мы сейчас несколько заняты. Не самое неподходящее время для дискуссий на эту тему. Нам необходимо изучить процесс, чтобы попытаться понять принцип действия этой магии. Ты позволишь нам продолжить работу?

Ричард сунул руки в задние карманы.

— Безусловно.

Он оглянулся на Кару. У нее был вид, который посторонние обычно воспринимают как «отсутствующий», но что до

Ричарда, хорошо знающего ее, этот вид говорил о многом и, похоже, отражал его собственные подозрения. Он вновь повернулся к своему деду:

— У вас что... в некотором роде неприятности?

Зедд бросил в сторону остальных косой взгляд и лишь хмыкнул, затем вернулся к изучению геометрических форм вокруг парящей перед ним женщины.

Ричард прекрасно понял, понаблюдав за искаженными чертами своего деда, что тот был либо очень подавлен, либо очень обеспокоен. С точки зрения Ричарда, и то и другое не предвещало ничего хорошего. Беспокойство за Никки вспыхнуло с новой силой.

В то время как остальные стояли на безопасном расстоянии, рассматривая женщину и окружавшие ее геометрические формы со всех сторон, продолжая хмуриться, пытаясь разобраться в том, каким образом светящаяся контролирующая сеть продолжает выстраивать в пространстве новые линии, Ричард подошел ближе. Он медленно шел вокруг стола, наконец-то действительно изучая — в первый раз отнесясь к этому сознательно — линии, исчертившие воздух вокруг Никки.

Подойдя ближе и начав двигаться вокруг стола, он сразу же осознал, что эти линии фактически формируют в пространстве цилиндр, как будто плоский рисунок из них свернут в трубу, внутри которой находится Никки. А это означало, что вся картинка была, по сути, просто-напросто двумерной, даже если и обернута вокруг «центра» и замкнута так, что образует цилиндрическую поверхность. Ричард мысленно сделал плоской эту цилиндрическую форму, наподобие того, как разворачивают пергаментный свиток, чтобы мысленно же увидеть, как именно вычерчиваются эти линии. Проделав подобное, он начал понимать, что в этом хитросплетении есть что-то странно знакомое.

Чем больше Ричард изучал взаиморасположение линий, тем сильнее оно притягивало его внимание, не позволяя оторвать глаз, словно тащило его внутрь — затягивая в форму, состоящую из линий, углов и дуг. Казалось, здесь присутствует нечто, что он давно уже должен был распознать, но это почему-то никак не удавалось.

Казалось бы, ему следовало считать эту магическую заготовку, окружившую со всех сторон Никки, чем-то ужасным, подобием формы обобщенного зла, но в нем не было подобного ощущения. Магическая заготовка просто существует; но она не обладает качествами, относящими ее к добру или злу.

Те, кто «набросили» такую вот сеть на Кэлен, являли собой реальное зло. Четыре сестры Тьмы использовали магию для своих зловещих целей. Они воспользовались этой магией в качестве части своего плана по похищению шкатулок Одена, чтобы выпустить Владетеля из преисподней — напуская тем самым смерть на все живое. Все это — в обмен на лживые обещания бессмертия.

Пристально вглядываясь в линии, Ричард пытался понять скрывающуюся в них гармонию, рисунок в целом, общее построение линий. А задумавшись над этим, получил и некоторое представление о характере всего этого сплетения.

Он начал видеть некую логику в развернутом перед ним замысле.

Затем Ричард указал на одно место, рядом с вытянутой правой рукой Никки, чуть пониже ее локтя.

— Вот это место, здесь что-то не так, какая-то ошибка, — сказал он, хмуро оглядывая сплетенную из светящихся линий завесу.

Зедд замер.

— Ошибка?

Ричард не думал, что произнес это вслух, по крайней мере, это было сказано не так громко, чтобы услышали остальные.

— Да, именно. Что-то здесь не так.

Глава 5

Ричард вновь вернулся к изучению линий, запрокидывая и наклоняя голову, чтобы лучше проследить за ними, когда они проходили через сложные сплетения. Все линии начинались возле талии Никки. Он начал улавливать значение их маршрутов и все глубже проникал в общий смысл построения.

— Мне кажется, здесь не хватает опорной структуры. — Он указал пальцем влево. — Нет ли у тебя впечатления, что вот это должно начинаться вот здесь, сзади? Выглядит так, будто вот здесь должна быть линия, проходящая вверх вот таким образом, а затем назад, к этой точке, что рядом с локтем Никки.

Все его внимание сосредоточилось на общей гармонии линий, и Ричард почти не обращал внимания на все остальное в комнате.

— Не могу поверить, что ты мог в этом разобраться, — решительно заявила Энн.

Его этот скептицизм не смутил.

— Когда кто-то показал тебе круг, а в нем имеется небольшой прямой участок — ты сразу определяешь, что круг сделан с ошибкой, не так ли? Точно так же можно понять, какая конструкция предполагалась, и догадаться, что подобного плоского места здесь не должно быть.

— Ричард, здесь не просто какой-то круг. Ты вряд ли понимаешь, что, собственно, видишь перед собой. — Она тут же прервалась, едва лишь в ее голосе прорезались назидательные нотки, взяла себя в руки и, перед тем как продолжить, сделала глубокий вдох. — Я просто хочу подчеркнуть, что в том, что ты здесь видишь, содержится масса самых разных сложно-

стей, о которых ты не имеешь представления. Мы втроем еще только приступили к разгадке самого механизма, скрывающегося за этой магической заготовкой, а ведь у нас в отношении подобных изысканий весьма обширная подготовка. И, несмотря на нашу подготовку и знания, мы пока что не преуспели в понимании метода, лежащего в основе функционирования этой модели. Ты же явно во всем этом построении не разобрался.

Даже не повернувшись в ее сторону, Ричард махнул рукой, отбрасывая это мнение.

— Не имеет значения. Эта форма, по сути, является символом.

Натан вскинул голову.

— Чем является?

— Символом, — пробормотал Ричард, продолжая изучать сплетения линий и пытаясь определить, что в этой архитектуре главное.

— Да ну? — с жаром произнес дед, отвлекая Ричарда от этого занятия.

— Я понимаю специфический язык символов, — произнес он с отсутствующим видом, отыскав наконец первичную линию-нить и прослеживая ее вдоль подъема, спусков и скручиваний, все более приближаясь к пониманию ее предназначения. — Я уже говорил тебе это.

— Когда?

— Давно. Мы тогда были с людьми Племени Тины. — Ричард погружался в глубину общего замысла, пытаясь постичь влияние всей совокупности мелких линий. — С нами была Кэлен. И Энн тоже.

— Боюсь, мы этого не помним, — признался Зедд, увидев, что Энн в полном расстройстве лишь покачала головой. И с сожалением вздохнул. — Из-за совершенного этими сестрами большая часть памяти, связанной с Кэлен, для нас остается потерянной.

Ричард уже практически не слышал его. Он еще более восторженно ткнул пальцем в сторону проплешины в череде линий чуть пониже локтя Никки.

— Говорю же тебе, вот здесь не хватает линии. Я уверен в этом.

Ричард повернулся к деду. И тогда заметил, что все окружающие уставились на него.

— Вот тут вот, — сказал он, очередной раз указывая, — от конца вот этой ведущей вверх дуги и вот до этого треугольного пересечения, должна быть линия.

Зедд нахмурился.

— Линия?

— Да. — Ричард не понимал, почему они этого все еще не замечают. Для него этот факт был так же заметен, как отсутствие ноты в простой мелодии. — Линии не хватает. И очень важной линии.

— Важной? — повторила Энн слегка раздраженно.

Ричард, все более возбуждаясь, вытер ладонью рот.

— Очень.

Зедд вздохнул.

— Ричард, о чем ты говоришь?

— Не может такого быть, чтобы ты научился разбираться в подобном, — усмехнулась Энн, на какое-то время теряя терпение.

— Взгляните, — сказал Ричард, вновь обращаясь к ним, — вот это на самом деле символ, общая идея.

Зедд почесал затылок, бросив короткий взгляд в окно, когда молния вспыхнула особенно яростно и настолько близко, что высвобожденный ею раскат грома ощущался так, будто мог расшатать каменные стены Цитадели. Затем вновь обратился к Ричарду.

— И эта общая идея... она знакома тебе, Ричард?

— Да. Это нечто вроде перевода с другого языка. Впрочем, подобное вы и пытаетесь сделать, строя такую вот контролирующую сеть. Эта форма отображает идею точно таким же образом, как математическое уравнение выражает связь между физическими символами — например, уравнение, выражающее соотношение длины окружности с диаметром. Визуальные символы можно воспринимать как некий язык, примерно так же, как и математику можно считать неким особым языком. И обе эти разновидности языка способны дать определенное представление о природе вещей.

Зедд методично поглаживал волосы на затылке.

— Ты считаешь символы одной из разновидностей языка?

— В некотором смысле. Например, возьмем это знак, Благодать, начерченный на столе под Никки. Совершенно типичный символ. Внешний круг представляет начало преисподней, тогда как внутренний круг представляет пределы мира живого. Разделяющий их квадрат представляет завесу между этими мирами. В центре восьмиконечная звезда, представляющая Свет Творца. Восемь линий, исходящих из концов этой звезды в пространство, за границы внешнего круга, представляют дар, привнесенный из Мироздания через весь мир жизни, через завесу и далее, в мир смерти. Все вместе это образует символ; и когда смотришь на него, то видишь целиком всю идею. И можно сказать, что тебе вполне понятен ее язык.

Если же в процессе построения магии кто-то, у кого есть дар, начертил Благодать не вполне точно — то есть неправильно выразился на соответствующем языке, — тогда символ будет работать неправильно и даже может стать источником неприятностей. Скажем, если ты увидел Благодать с девятиконечной звездой или без одного из кругов, разве не понял бы, что символ изображен неверно? Например, если квадрат, представляющий завесу, начерчен неправильно, то при определенных обстоятельствах это может даже, теоретически, пробить завесу и позволить двум мирам в определенном месте слиться.

Итак, это символ. И понятно, какую идею он представляет. Тебе известно, как он должен выглядеть. Если он начерчен неправильно, ты в состоянии распознать ошибку.

Вспышки молний на какое-то время затихли, комната погрузилась лишь в слабый свет ламп. Далекий гром зловеще доносился снизу, из долины.

Зедд, продолжавший стоять неподвижно, куда с большей сосредоточенностью изучал Ричарда, чем контролирующую сеть.

— Я никогда раньше не смотрел на это подобным образом, Ричард, но признаю, что в твоем подходе может быть определенный смысл.

Натан выгнул бровь:

— Наверняка есть.

Энн лишь вздохнула:

— Возможно.

Ричард, отвернувшись от их угрюмых лиц, сосредоточился на светящихся линиях.

— Вот, прямо в этом месте, — сказал он, указывая рукой, — ошибка.

Зедд вытянул шею, чтобы внимательнее вглядеться в линии.

— Давай для дальнейшего обсуждения допустим, что ты прав. И что, на твой взгляд, это означает?

Сердце Ричарда тяжело стучало, пока он обходил вокруг стола, торопливо прослеживая, как линии развиваются дальше. Он даже воспользовался пальцем, держа его, очень осторожно, возле светящегося зеленого луча, чтобы отследить его прохождение через сплетения рисунка.

И нашел то, чего ожидал.

— Вот. Взгляни сюда, на эту только что образовавшуюся структуру, возникшую вокруг вот этих, более ранних, первоначальных линий. Взгляни на хаотическую природу вот этой новой группы линий; они меняются, они — переменные, тогда как в этом символе все линии должно быть константами.

— Переменные?.. — растерянно пробормотал Зедд, как будто, следуя за рассуждениями Ричарда, запутался окончательно.

— Да, — сказал Ричард. — Это явно не часть символа, а биологическая форма. То есть совершенно иная структура.

Натан, вздохнув, провел руками назад по седым волосам, будто вытирая их, но промолчал.

Лицо Энн покрывал густой румянец.

— Это магическая заготовка! Неактивная! Она не может иметь ничего биологического!

— В этом-то и проблема, — сказал Ричард, стараясь отвечать на смысл ее возражений, а не на общее раздражение. — Не должно быть таких вот переменных «примесей» там, где, предположительно, следует использовать константы. Это словно бы в математическом уравнении любой член мог произвольно менять свое значение. Подобное сделало бы математическое уравнение неверным, неработающим. Алгебраические символы могут быть переменными — но только когда они имеют специально оговоренные границы этих

изменений. Но числа при этом постоянны. То же касается и структур: символы должны формироваться из неактивных констант... Можно сказать, как простое сложение или вычитание. Внутренняя переменная лишает символ постоянства формы.

— Я не ухватил нить, — признался Зедд.

Ричард указал на стол.

— Вы начертили Благодать кровью. Благодать — это константа. Кровь же имеет биологическую природу. Почему вы поступили именно так?

— Чтобы все это действовало, — поспешно заявила Энн, — нужно было инициировать внутреннюю перспективу контролирующей сети. Вот так оно и делается. Таков метод.

Ричард поднял палец.

— Точно. Вы умышленно ввели управляемую биологическую переменную — кровь — в систему, являющую собой константу... То есть в Благодать. Хотя и помнили о том, что она остается за пределами самой магической заготовки; это всего лишь ускоряющее средство, катализатор. И, думаю, внутри Благодати должна быть такая переменная, которая позволяла бы магии, что вы инициировали, «следовать своим курсом», без воздействия со стороны константы, то есть Благодати. Понимаешь? Это дает контролирующей сети не только силу, вызываемую Благодатью, но и свободу, приобретенную через биологическую переменную, с той целью, чтобы она могла осуществить свой рост в соответствии с потребностями, проявить свою истинную природу и цель.

Кара, в ответ на брошенный в ее сторону взгляд Зедда, сказала:

— Нечего смотреть на меня. Всякий раз, когда он принимается за подобное, я только киваю и улыбаюсь, дожидаясь, когда начнутся неприятности.

Зедд сделал обиженное лицо. Пристроив одну руку у бедра, он сделал несколько шагов в сторону, прежде чем оглянулся назад.

— Ни разу за свою долгую жизнь я не слышал такого объяснения действия контролирующей сети. Весьма оригинальный взгляд на ее природу. Самое неприятное заключается в том, что, при таком извращенном подходе, оно действитель-

но имеет смысл. Я не говорю, что считаю тебя правым, Ричард, но это, без сомнения, весьма тревожное рассуждение.

— Если ты прав, — сказал Натан, — это должно означать, что все эти годы мы были детьми, игравшими с огнем.

— То есть, конечно, если оно действительно так, — едва слышно добавила Энн. — На мой взгляд, чрезмерно остроумно.

Ричард обратил взгляд к женщине, застывшей в пространстве, к женщине, не способной в эту минуту сказать ни слова от своего имени.

— Чью кровь вы использовали, чтобы начертить Благодать? — спросил он остальных, стоявших позади него.

— Кровь Никки, — сказал Натан. — Она сама предложила это. Она сказала, что это самый подходящий метод и единственный способ заставить сеть работать.

Ричард повернулся к ним.

— Никки? Вы использовали кровь Никки?

Зедд кивнул.

— Именно так.

— Вы создали переменную... с помощью ее крови... и отправили ее внутрь этой структуры?

— Кроме указаний Никки о том, что именно так следовало сделать, — сказала Энн, — мы провели массу исследований и тщательно убедились, чтобы обрести уверенность, что это правильный метод инициации внутренней перспективы.

— Уверен, что вы правы... при обычных обстоятельствах. Поскольку вы все знатоки надлежащих методов осуществления подобных изысканий, то данная ситуация может означать лишь то, что имеющееся искажение слишком отличается от любой обычной проблемы, появление которой можно было бы ожидать в данном контролирующем процессе. — Ричард провел пальцами по волосам. — Это должно быть чем-то... Не знаю. Чем-то невообразимым.

Зедд пожал плечами.

— Ричард, ты действительно полагаешь, что присутствие Никки там, в случае, когда она сама была источником крови для усиления сети, может создать проблемы?

Ричард, шагая по комнате, пощипывал нижнюю губу.

— Вообще-то, нет, если бы начальная магическая заготовка, которую вы использовали, была «чистой». Но вот эта таковой не является. Она «загрязнена» другой биологической переменной. Думаю, использование такого источника контролирующей переменной — то есть Никки, — позволяет «загрязнению» вырасти до любого масштаба.

— То есть? — спросил Натан.

Ричард, продолжая ходить, сделал жест рукой.

— То есть это примерно как подлить масла в огонь.

— Похоже, воображение у тебя разыгралось, — заметила Энн.

— Собственно, чем может биологическая переменная повредить контролирующей сети? — спросил Натан.

Ричард повернулся назад и начал вновь разглядывать линии, как они обходят дугой то место, через которое должны были бы пройти, оставляя в сети пустое пространство.

— Не знаю, — наконец признался он.

Зедд подошел ближе.

— Ричард, твои идеи оригинальны, и они, безусловно, стимулируют работу мысли, за что тебе большое спасибо. И вполне возможно, что они могут оказаться полезной догадкой и таким образом помочь понять гораздо больше, чем нам удается. Но не все в твоих рассуждениях верно. А кое-что просто ошибочно.

Ричард оглянулся через плечо.

— В самом деле? Как, например, что?

Зедд пожал плечами.

— Ну, прежде всего, биологические формы тоже могут быть символами. Разве дубовый лист — это не биологическая форма? И разве ты не в состоянии распознать ее? И разве змея не относится к символическим понятиям? Разве реально существующий объект, как нечто целое, скажем, дерево или человек, не может быть использован символически?

Ричард прищурился.

— Ты прав. Я никогда не думал об этом с такой позиции, но ты прав.

Он вновь повернулся к магической заготовке, новыми глазами разглядывая область биологического «загрязнения». Внимательно изучил сбивающее с толку скопление линий,

пытаясь найти в нем некий смысл, разгадать его структуру. Хотя он и прилагал все усилия, это оказалось бесполезным. Структуру определить не удалось.

Но почему нет? Если искажения этой формы биологические по происхождению, как ему это было известно, то тогда, по мнению Зедда, некая исходная модель должна была проявиться внутри этого изображения. Но ее нет. В сплетениях не было ничего, кроме бестолково запутанных линий.

Но затем он осознал, что, похоже, все-таки распознал небольшой участок в этой путанице. Один участок выглядел как... нечто текучее, жидкое. Но это не несло никакого смысла, потому что он заметил и другую часть этой путаницы, которая выглядела почти полной противоположностью. Другой фрагмент выглядел более похожим на символическое представление огня.

Но ведь здесь может присутствовать более одного элемента? Дерево можно представить символом в виде листа дуба, или в виде желудя, или в виде целого дерева. Но сам объект только один. И при этом магическую заготовку «загрязняли» бы три символа.

Три объекта...

Он наконец заметил их, после чего смог распознать и каждый в отдельности.

Вода. Огонь. Воздух.

Они все были здесь, устраивая путаницу, смешиваясь друг с другом.

— О духи, — только и прошептал Ричард. Глаза его округлились.

Он выпрямился. Мурашки покрыли его руки.

— Уберите ее оттуда.

— Ричард, — сказал Натан, — она прекрасно...

— Уберите ее оттуда! Уберите немедленно!

— Ричард... — начала было Энн.

— Говорю вам... Эта магическая заготовка имеет изъян!

— Ну, так ведь это то самое, что мы и пытаемся сейчас исследовать, разве не так? — сказала Энн с подчеркнутым терпением.

— Вы не понимаете. — Ричард указал в сторону цилиндра из мягко светящихся линий. — Это не тот вид изъяна, кото-

рый следовало бы искать. Этот изъян убьет ее. Магическая заготовка утратила свою инертность. Она перестала быть неактивной. Эта структура видоизменяется. Оно становится жизнеспособным, то есть начинает практически осуществляться.

— Практически осуществляться? — Лицо Зедда исказило скептическое выражение. — В любом случае, как тебе удалось...

— Вы должны убрать ее оттуда! Уберите немедленно, прямо сейчас!

Глава 6

Не имея возможности двигаться и говорить, Никки воспринимала все, что было сказано, хотя голоса звучали глухо, отдаленно, растянуто, будто приходили из какого-то далекого мира, из-за какой-то зеленоватой завесы.

Ей хотелось крикнуть: «Слушайте его!». Но, по-прежнему крепко удерживаемая внутри магической заготовки, она не смогла.

Больше, чем чего-либо, ей хотелось вырваться из ужасного переплетения сокрушительных сил, приковывающих ее к месту.

До этого она не понимала истинного значения внутренней перспективы — как и никто из них. Никто из них не мог даже предположить о том, каково это в реальности. Только после инициирования процесса она открыла для себя, что подобная перспектива — не просто способ более детально наблюдать контролирующую сеть изнутри, как они думали поначалу, но скорее средство для субъекта, производящего анализ, ощутить процесс внутри самого себя. Но время уже оказалось упущено, и она не могла сообщить остальным, что на самом деле это означает, что она постигнет магическую заготовку путем «запуска» ее внутри себя. Та часть, что окружала ее снаружи, была лишь аурой той магической силы, что пробуждалась внутри нее.

Сначала это было откровением, на грани провидения. Однако почти сразу, едва они инициировали процесс, что-то пошло не так. То, что только что было прекрасной формой изумительного зрительного восприятия, выродилось в жесточайшие муки. Каждая новая линия, прорезавшая простран-

ство вокруг Никки, имела соответствующее внутреннее проявление, ощущавшееся так, будто эта линия глубоко ранила ее душу.

В самом начале она обнаружила, что частью механизма, посредством которого магия распознавалась по мере того, как она «распускалась», было удовольствие. Точно тем же образом, как удовольствие способно поддерживать благодетельные, «надлежащие» стороны жизни, оно проявляло и замысловатую природу магической заготовки во всем ее великолепии. Это ощущалось примерно как наблюдение за чрезвычайно красивым восходом, или дегустация восхитительных деликатесов, или погружение взглядом в глаза любимого и получение точно такого же ответного взгляда. По меньшей мере, по ее представлению, это ощущалось как обожающий взгляд в вашу сторону.

Но также она открыла, что здесь, как и в жизни, боль сигнализировала о нарушениях в работе.

Никки ни за что не согласилась бы на подобный метод анализа функционирования конструируемой магии — посредством переживания ее, наблюдения изнутри, — если бы осознавала, как именно будет выявлять то, что оказалось повреждено и испорчено, что в самой магии идет как-то косо.

Она задалась вопросом: стала бы она все же настаивать на таком опыте, зная обо всем этом? И решила: да, стала бы, будь хоть малейший шанс помочь Ричарду.

Несмотря ни на что, в этот момент мало что имело значение для нее, кроме боли. Боль была за пределами всего, что ей когда-либо доводилось испытать. Даже муки, причиняемые сноходцем, не доставляли ей такого страдания. Для нее оказалось почти невозможно думать о чем-либо, кроме как о желании освободиться от этих мучений. «Порча» внутри магии оказалась столь велика, что у нее не оставалось сомнений, что испытание окажется для нее роковым.

Ричард указал им место, где начинались нарушения структуры. Он выделил в ней фундаментальный изъян. Это «загрязнение», скрытое внутри магии, рвало Никки на части. Она практически ощущала, как ее жизнь «просачивается» за пределы этого ужасного круга, окружающего Благодать. Эта

Благодать, начерченная ее кровью, символизировала ее жизнь, и она же окажется ее смертью.

Сейчас Никки, сделав широкий шаг, стояла сразу в двух мирах, и ни один из них не был полностью реальным для нее. И находясь пока еще в мире живого, она могла чувствовать, как неумолимо скользит к темной пустоте за его границей.

И все это время окружавший ее мир живого терял свою весомость. При этом ей очень хотелось пустить все к черту и позволить себе соскользнуть навсегда в вечность небытия, если только это означало бы прекращение боли.

Хотя она и не могла пошевелиться, но видела все, что происходило в комнате — не посредством глаз, но с помощью своего дара. Даже за гранью страданий, она воспринимала столь экзотическую форму восприятия в качестве удивительного впечатления. Видение мира лишь посредством одного дара обладало неким исключительным качеством, приближающим безграничность познаний. Она могла видеть больше, чем когда-либо позволяли ей видеть глаза. Несмотря на агонию, во всем этом наблюдалось и ощущалось некое недвижимое величие.

Отделенный от нее сетью зеленоватых линий, Ричард переводил взгляд с одного испуганного лица на другое.

— Да что с вами? Вы должны убрать ее оттуда!

Но прежде чем Энн смогла разразиться очередной лекцией, Зедд сделал ей знак молчать. Только убедившись, что ее губы остались плотно сжатыми, он обратил внимание на внука.

Очередная линия выступила из сплетения и прочертила путь через пространство. Никки почувствовала это так, будто тупая игла для вязания проделала стежок в ее душе, протянув сквозь нее за собой боль от той светящейся нити, что еще сильнее привязывала ее к миру смерти. Несмотря на эти ощущения, она прилагала все усилия, чтобы оставаться в сознании — хотя капитуляция с каждым моментом казалась все более приятной.

Зедд указал рукой в ее сторону.

— Мы не можем сделать этого, Ричард. Подобный процесс должен идти своим чередом. Контролирующая сеть про-

водит сама себя через целую серию преобразований и, таким образом, проявляет свою природу. Когда контролирующий процесс начался, остановить его невозможно. Он должен пройти весь свой цикл до завершения, а затем сам затухнуть.

Никки знала эту жестокую правду.

Ричард ухватил деда за руку.

— И как долго? — Он тряс старика, как тряпичную куклу. — Как долго длится этот процесс?

Зедд с трудом оторвал пальцы Ричарда от своей руки.

— Мы никогда еще не наблюдали за подобной магией. Трудно сказать, как долго. Но для такого сложного процесса, каким обещает быть этот, я не могу обещать, что он займет меньше трех-четырех часов. Она там уже около часа, так что еще несколько часов, прежде чем процесс завершится и затухнет.

Никки знала, что у нее нет этих часов. У нее оставались по меньшей мере минуты, прежде чем порожденное «загрязнением» притяжение навсегда утащит ее за завесу, в мир мертвых.

Она думала о том, что довольно странно закончит свою жизнь. Так неожиданно. Так обыденно. И так бессмысленно. И ей бы хотелось, чтобы, по крайней мере, это был конец, который хоть чем-то поможет Ричарду или хотя бы позволит им завершить какой-то этап своих исследований. Она хотела, чтобы ее смерть дала ему хоть что-то ценное.

Ричард вновь повернулся, чтобы взглянуть на нее.

— Она так долго не продержится. Необходимо освободить ее оттуда немедленно.

Внутри, превозмогая боль и мучения, она улыбалась. До самого конца. Ричард будет сражаться со смертью до последних сил.

— Ричард, — сказал Зедд, — не могу вообразить, как ты мог узнать нечто подобное. Хотя не говорю, что не верю тебе. Но мы действительно не можем остановить работу контролирующей сети.

— Почему нет?

— Ну, — вздыхая, сказал Зедд, — на самом деле я не знаю, возможно ли такое, но если и возможно, никто из нас не представляет, как это сделать. Стандартный контролирующий процесс порождает средства защиты от легкомысленных вме-

шательств и экспериментов. Эта же система в целом использует более сложную и запутанную структуру.

— Скорее, это напоминает попытку соскочить с несущейся галопом лошади во время скачки по горам, — сказал высокий пророк. — Необходимо, чтобы лошадь закончила бег, прежде чем ты спрыгнешь, или это будет прыжок в объятия собственной смерти.

Ричард вернулся к столу, с неистовым напряжением изучая вычерченную из света структуру. Никки очень хотелось знать, осознает ли он, что видимое им хотя и доступно наблюдению, существует в основном лишь как аура, но все же представляет реальную силу, яростно и злостно ежеминутно пронзающую ее.

Очередная линия выдвинулась из сплетения под углом, явно неправильным, и Никки почувствовала внутреннее удушье. Она ощутила, как что-то жизненно важное внутри нее медленно разрывается. И боль от этого разрыва с хрустом распространялась внутри нее, пробирая до мозга костей. Она заметила, что темнота слоями настилается на комнату, и поняла, что сейчас заглядывает в другой мир, мир тьмы, где больше не должно быть боли.

И тогда она позволила себе медленно плыть к этому миру.

Но затем в таинственной потусторонней тени увидела нечто. Она застопорилась, удерживая себя от скольжения к темному берегу смерти.

Нечто, с раскаленными докрасна, как пара углей, глазами, устремившее взор из темной тени. Вся злонамеренность этого дышащего жаром взгляда была устремлена к Ричарду.

Никки отчаянно боролась, пытаясь выкрикнуть предупреждение. И невозможность сделать это терзала ее сердце.

— Взгляните, — прошептал Ричард, пристально глядя на нее, — по ее щеке скатилась слеза.

Энн лишь печально покачала головой.

— Вероятно, потому, что она не моргает, только и всего.

Ладони Ричарда в отчаянии сжались в кулаки, пока он обходил вокруг стола, пытаясь расшифровать значение этих линий.

— Нам необходимо найти способ остановить работу всей системы. Какой-то способ должен существовать.

Дед Ричарда очень мягко опустил руку сзади на его плечо.

— Ричард, клянусь тебе, я бы непременно сделал то, о чем ты просишь, если бы мог. Но я не знаю метода остановить контролирующую сеть. И что, в конце концов, так взбесило тебя? Почему такая спешка? Что именно, по твоему мнению, «загрязняет» магическую заготовку?

Все внимание Никки было направлено на то самое нечто, следившее из затененного мира мертвых. Всякий раз, когда вспыхивала молния, заливая комнату светом, существа с горящими глазами на привычном месте не наблюдалось. И только когда вновь опускалась темнота, она снова могла видеть это.

Взгляд Ричарда оторвался от изучения линий и, поднявшись выше, обратился к лицу Никки. Больше всего ей хотелось, чтобы он протянул руку и вытащил ее, освобождая из агонии этой магии, пронзавшей ее смертельными спицами. Но она понимала, что он не способен этого сделать. Что ж, она с готовностью отказалась бы от жизни, чтобы на одну лишь минуту оказаться в его руках.

Наконец с обреченностью в голосе Ричард ответил:

— Гармонии.

У Энн округлились глаза. Натан позволил себе вздох облегчения, как будто теперь понял, что Ричард всего лишь выдумщик.

Зедд поднял бровь.

— Гармонии? Ричард, боюсь, на этот раз ты ошибаешься. Такое просто невозможно. Гармонии — элементы преисподней. Как ни покушаются они на проникновение в наш мир, они на это не способны. Они поглощены преисподней навечно.

— Я очень хорошо знаю, что такое гармонии, — сказал Ричард почти шепотом. — Кэлен освободила их. Она освободила их, чтобы спасти мою жизнь.

— Скорее всего, она даже не могла знать, как сделать такое.

— Как сделать, подсказал ей Натан, и он же назвал ей их имена: Реехани, Сентраши, Вази. Вода, Огонь, Воздух. Вызов их оказался для нее единственным способом спасти мою жизнь. Это был акт отчаяния.

Натан от удивления раскрыл рот, но никаких возражений не высказал. Энн же лишь бросила на пророка полный подозрительности взгляд. Зедд развел руками.

— Ричард, она могла лишь думать, что вызывает их, но, уверяю, подобное действие слишком сложно. К тому же мы наверняка знали бы, будь гармонии свободны, находясь в нашем мире. Не терзайся сомнениями на этот счет. Гармонии не на свободе.

— Теперь уже нет, — мрачно ответил ему Ричард. — Я выдворил их назад, в преисподнюю. Но Кэлен осталась при мнении, что из-за того, что она бездумно перенесла их в наш мир, началось разрушение самой магии... Каскадное изменение, как ты однажды описал нам.

Зедд был ошеломлен.

— Каскадное изменение... Ты мог слышать такое только от меня.

Ричард кивнул, погружаясь в воспоминания.

— Она пыталась убедить меня, что магия теперь «испорчена» присутствием гармоний и что выдворение их назад, в преисподнюю, никак не остановило эту порчу. А я никак не мог понять, права она или нет. Теперь понимаю, что права.

Он указал вверх, на самое ужасное место впереди Никки, сосредоточение ее боли, ее мучений, ее смерти.

— Вот подтверждение. Не гармонии, а искажение от их присутствия вызывает «повреждение» магии. Это «загрязнение» оказывает воздействие на весь окружающий мир. Оно же участвует в функционировании этой магии. Оно «заразило» магию Огненной Цепи, и оно же убьет Никки, если мы не уберем ее оттуда.

Тем временем в комнате становилось все темнее. Никки уже едва могла видеть сквозь окутавшую ее завесу боли. Но во тьме она все еще могла различать те зловещие глаза позади Ричарда, наблюдавшие и ожидавшие. Никто кроме Никки не знал, что затаилось там, в этом призрачном месте между двумя мирами.

Ричард так и не узнает, что, собственно, ударило его.

А у Никки не было возможности предупредить его.

Она почувствовала, как очередная слезинка скатывается по ее лицу.

Ричард, увидев, как эта слеза скользнула по ее подбородку, наклонился ближе. С безмолвной решительностью он воспользовался пальцем, чтобы проследить первичные пути, образующие соединения и основную структуру символа, как он называл всю эту конструкцию из световых нитей.

— Это должно быть осуществимо, — настаивал он.

Энн, казалось, была вне себя, но сохраняла молчание. Натан наблюдал с холодным смирением.

Зедд подтянул повыше рукава своего простого халата, больше открывая костлявые руки.

— Ричард, невозможно прекратить работу даже примитивной контролирующей сети, не говоря уже о такой, как эта.

— Нет, это не так, — с раздражением сказал Ричард. — Вот. Видишь? Прежде всего, нужно прервать вот это движение.

— Чур, Ричард, как же, по-твоему, можно проделать подобную штуку? Магия защищает себя. Эта сеть поддерживается энергией как магии Ущерба, так и магии Приращения. И она имеет внутренние средства защиты, создаваемые и той, и другой магией.

Ричард с минуту пристально смотрел в раскрасневшееся лицо деда, прежде чем снова повернуться к путанице линий. Он вновь взглянул на Никки, после чего с большой осторожностью просунул руку через сеть линий, чтобы коснуться ее черного платья.

— Я не позволю, чтобы это поглотило тебя, — прошептал он ей.

Не было приятнее слов, даже если она и сознавала, что он не понимает всю невозможность своего обещания.

Когда его палец коснулся ее платья, рисунок линий сдвинулся от плоской к трехмерной форме и стал напоминать не магическую заготовку, а колючий кустарник.

Для Никки же это ощущалось, как вонзившийся нож. Она изо всех сил старалась не терять сознания, фокусируя при этом свой взгляд на горящих во тьме глазах. Ей просто необходимо найти способ предупредить Ричарда.

Его рука застыла. Затем он осторожно вытянул ее назад. Рисунок стал плоским, свернутым двумерным.

Никки, будь она в состоянии дышать, вздохнула бы с облегчением.

— Ты видел это? — спросил он.

Зедд кивнул.

— Конечно, видел.

Ричард обернулся через плечо, взглянув на деда.

— Предполагается, что система должна вести себя так?

— Нет.

— И я думаю, что нет. Ведь считается, что она должна быть инертной, но при «загрязнении» от биологической переменной изменилась сама природа исходной магической заготовки.

По мере размышления выражение лица Зедда становилось все напряженней.

— Кажется вполне очевидным: что бы ни происходило, оно меняет методику работы магии.

Ричард кивнул.

— Еще хуже то, что это неопределенная переменная. «Загрязнение», вызванное присутствием в мире гармоний, является, по сути, живым — оно непрерывно развивается. Вероятно, затрагивая все больше различных видов магии. Без всякого сомнения, вот эта магия продолжает изменяться. И, вероятно, нет способа предсказать, как именно она будет меняться, но на основании увиденного здесь — похоже, оно собирается стать еще более опасным и даже смертельным. Даже если бы Огненная Цепь и не доставляла хлопот, уже одно вот это могло серьезно осложнить ее. Можно предположить, каждый, кто оказался затронут ею, будет страдать потерей памяти в отношении всего, что хотя бы косвенно связано Кэлен.

— Что заставляет тебя рассуждать подобным образом? — спросил Зедд.

— Сам посмотри, сколько всяких событий, связанных с Кэлен, вы все уже утратили. Потеря памяти может быть всего лишь средством, за счет которого «загрязнение» затрагивает тех людей, которых коснулось воздействие Огненной Цепи.

Хотя непосредственные последствия запуска Огненной Цепи, рассредоточенные по всему миру, были ужасающими, масштабы этой катастрофы вообще превосходили всякое воображение.

Энн едва сдерживала ярость.

— Где ты набрался подобной чуши? — процедила она.

Зедд бросил в ее сторону сердитый взгляд.

— Помолчи.

— Как я уже сказал, я разбираюсь в символических конструкциях. Здесь же — сплошная путаница.

Натан глянул на окна, озаряемые вспышками молний. Когда же комната вновь погрузилась во мрак, Никки снова смогла видеть существо, наблюдавшее за ними из мира тьмы.

— И ты искренне веришь, что это каким-то образом вредит Никки? — спросил Зедд.

— Я знаю, что это так. Взгляни вот на это отклонение, справа. Подобное смертельно даже без добавления вот здесь этого изгиба. Я достаточно много знаю о конструкциях заклинаний, приводящих к летальному исходу.

Зедд грозно глянул на Ричарда.

— Неплохо бы разобраться, о чем ты говоришь вообще и что имеешь в виду, упоминая о «конструкциях заклинаний, приводящих к летальному исходу».

— Позже. Сначала следует извлечь ее оттуда, и необходимо извлечь прямо сейчас.

Зедд лишь удрученно покачал головой.

— Мне бы и самому хотелось знать, как это сделать, Ричард, но, как уже сказал, я не знаю. Если ты попытаешься извлечь ее оттуда до окончания действия контролирующей сети, одно это само по себе наверняка убьет ее. Вот это я знаю точно.

— Почему?

— Потому что ее жизнь, в каком-то смысле, приостановлена. Разве ты не видишь, что она не дышит? Окружающая ее магическая заготовка поддерживает ее жизнь, в то время как она сама не делает этого, пока сеть проходит через стадии контроля. Сейчас она, в определенном смысле, часть самой магии. Удали ее оттуда — и ты удалишь ее из механизма, поддерживающего ее жизнедеятельность.

Сердце Никки опустилось. В какую-то минуту она поверила Ричарду, поверила, что он сможет сделать это. Но это оказалось невозможным.

Тем временем глаза-угольки по-прежнему следили. Теперь она могла видеть даже форму этого существа, замершего в тени у высокой полки. Оно чем-то напоминало человека с могучими,

выпирающими мускулами, трансформированного в страшного зверя. Его глаза поблескивали из тьмы самой смерти.

Это был зверь, охотящийся за Ричардом. Созданный по приказу сноходца Джеганя.

Ей нужно что-то сделать, чтобы остановить его, не позволить ему добраться до Ричарда, но она не могла двинуть ни единым мускулом. Каждый новый стежок светящихся линий все крепче пришивал ее к своей судьбе, неумолимо утягивая в тьму вечности за гранью жизни.

— Хотя эта структура и изменяется, — заметил Ричард, словно рассуждая вслух, — в ней есть нечто, сохраняющее ее общую форму.

— Ричард, контролирующая сеть является самовоспроизводящейся. Даже если она изменяется, как ты говоришь, нет никакой возможности остановить этот процесс.

— Если удастся его остановить, — пробормотал Ричард, — сеть «отпустит» Никки... и тогда, пока мы вытаскиваем ее из этой системы, ее жизнь все еще будет поддерживаться магией.

Вздохнув, Зедд покачал головой, будто решил, что Ричард так и не понял того, что он сказал.

Ричард изучал недавно появившиеся линии, затем внезапно потянулся и поместил палец на сплетение, образованное перед областью «загрязнений».

Возле его пальца линия погасла.

— Добрые духи, — произнес Натан, наклоняясь вперед.

Тень сделала шаг вперед. Теперь Никки смогла разглядеть и звериные клыки.

Исчезновение линии ощущалось Никки так, будто из нее вытягивают все нутро. Никки боролась, цепляясь за жизнь. Если он действительно способен сделать это, если действительно сможет «потушить» магию, то у нее появится шанс предупредить его.

Если только ей удастся выдержать достаточно долго.

Ричард убрал палец. Линия вновь вспыхнула. Это пронзило Никки подобно обоюдоострой бритве. Мир перед ней замерцал.

— Видишь?

Зедд поспешил повторить сделанное только что Ричардом, но с криком боли отдернул руку, словно от огня.

— Это защита из магии Ущерба, — сказала Энн.

Зедд метнул в ее сторону убийственный взгляд.

— А ты помнишь те оградительные щиты во Дворце Пророков? — спросил ее Ричард. — Помнишь, что мне удавалось проходить через них?

Энн кивнула.

— Мне еще снятся ночные кошмары о том времени.

Ричард снова потянулся вперед, на этот раз увереннее, и вновь заблокировал светящуюся линию. И вновь она погасла.

Тогда Ричард воспользовался пальцем другой руки по отношению к сплетению, предшествующему погасшей линии. Моментально погасло еще несколько линий. Он переместил первый палец, закрывая другую опорную точку, отступая назад по структуре рисунка, заставляя магию сворачиваться.

Вокруг Никки гасли линии, распадались сплетения, исчезали изгибы и дуги. Линия, которую гасил Ричард, прекращала свое существование в рисунке, и ее исчезновение сказывалось на всей гармоничной структуре конструкции. Никки с изумлением следила внутри себя за реакцией этой магической заготовки. Она детально ощущала этот процесс разрушения — словно цветок закрывал свои лепестки.

Комната вокруг будто замерцала, вновь становясь доступной для видения Никки посредством дара, как при ярких вспышках молний, но она знала, что это не молнии.

Светящиеся глаза продолжали внимательно осматриваться, будто тоже ощутили неустойчивость в потоке энергии, который прерывал Ричард.

Неужели никто, кроме Никки, не сознаёт, что Ричард воспользовался своим даром, чтобы проникать сквозь такие защитные поля? Разве они настолько слепы? Использование же его дара вызвало из преисподней зверя.

Снаружи полыхнула настоящая молния и прогремел гром. Комната стала хорошо видна ей — не только от вспышки стихии снаружи, но и от ослабления энергии внутри магической заготовки. Стена с окнами попеременно то вспыхивала слепяще ярко, то проваливалась в чернильный мрак.

Никки ощущала это так, будто молния ударила прямо в нее. И удивлялась, почему до сих пор все еще жива. Это могло быть только потому, что Ричард остановил магию, не разру-

шая ее. Он методично «гасил» ее, как задувают освещение из длинного ряда свечей.

Немного подумав, Ричард опустил руку ниже и заблокировал еще одну линию. Та погасла, исчезая во всем сложном сплетении.

Фигура зверя начала выдвигаться из преисподней, частично переходя в мир живого. Он потягивался и выгибал передние лапы, проверяя свои новообретенные мускулы. Клыки блеснули в свете ламп, когда он, зевнув, широко раскрыл челюсти.

Никто не замечал этого, потому что все внимание было сосредоточено на светящихся линиях, окружающих Никки.

Продолжая блокировать одно хитросплетение линий, Ричард очень осторожно поместил палец так, чтобы отсечь предыдущий фрагмент структуры.

Теперь вся сеть, еще не лишившаяся самых главных своих частей, но потерявшая целостность, начала распадаться на части. Проявились углы. Распадались сплетения, выпуская ранее присоединенные линии. Некоторые линии сталкивались друг с другом, с искрящимися вспышками белого света в местах контакта, в результате чего гасли все новые и новые линии.

Внезапно сеть из оставшихся линий обрушилась, как падает занавес. В этот момент Никки смогла ощутить, как все стежки энергии, прежде пронизывавшие ее, растворились. И едва лишь падение сети дошло до знака Благодати, все погасло. В одно мгновение вся структура исчезла.

Освобожденная из путаного переплетения линий, Никки резко свалилась на стол, пытаясь одновременно сделать вдох и издать отчаянный крик. Лишенные силы ноги не могли удержать ее, и она рухнула, опрокидываясь через край стола.

Ричард успел подхватить ее на руки. Тяжесть ее тела заставила его припасть на колено, но он сохранил равновесие, удержав ее от падения на каменный пол.

За стенами бесновались молнии, отбрасывая в комнату вспышки колеблющегося света.

И вот тогда этот зверь, бессердечное существо, имеющее лишь единственную цель, полностью материализовался из мира мертвых в мир живого.

И прыгнул прямо на Ричарда.

Глава 7

Беспомощная и безвольно повисшая на руках Ричарда, Никки, несмотря на все многочисленные попытки, просто не смогла собрать силы, чтобы предупредить его о звере, с ревом устремившемся к нему. Она уже сделала было вдох, чтобы криком предупредить его, но как раз тут и перестала дышать.

Но Кара, бросившись всем своим весом на атакующее существо, отклонила направление нападения и спасла Ричарда от смертельного удара. Звериные клыки клацнули в воздухе, когда существо пронеслось мимо Ричарда, но когти все-таки полоснули сзади по его плечу. Потеряв от столкновения с Карой равновесие, зверь, спотыкаясь, пронесся мимо Ричарда и врезался головой в одну из тяжелых полок. Сверху посыпались кости, книги и коробки.

Существо поднялось на ноги во весь свой рост и зарычало, обнажая клыки. Оно оказалось на целый фут выше Ричарда и раза в два шире в плечах. Выступы позвонков отмечали его согнутый хребет. Темная кожистая плоть, словно от высушенного трупа, прикрывала мощные мускулы.

Это существо, по сути, не было живым, но двигалось и реагировало будто живое. Никки знала, что у него нет души, и по этой причине оно в высшей степени опасно. Оно создано из жизненной силы и Хань — энергии магического дара — живых людей. Его назначением было преследование единственной цели, заданной его создателями — сестрами Тьмы на службе Джеганя.

Как только зверь снова сориентировался и устремился к Ричарду, Кара бросилась к нему, держа в руках эйджил. Зверь,

похоже, ни в малейшей степени не пострадал от этого оружия. Он внезапно повернулся, с удивительной скоростью и ловкостью, в сторону представительницы морд-ситов и нанес ей мощный жесткий удар, так, что она перелетела через комнату. Кара врезалась в книжный шкаф, развалив его, и так и осталась лежать под грудой книг и деревянных обломков.

Едва за высокими окнами вспыхнула очередная молния, Зедд, воспользовавшись удобным моментом, выбросил вперед руку, и сияющая стрела ударила в зверя, ослепляя на мгновение всех в комнате. Брызги белого света полетели во все стороны от покрытой темной шкурой груди зверя — только это и было доказательством попадания, которое, похоже, не причинило зверю сколько-нибудь реального вреда.

Никки, как только Ричард опустил ее на пол, начала отчаянно втягивать воздух, наполняя им легкие. Она приподнялась, оперевшись на локоть, с трудом пытаясь дышать, и увидела кровь, стекавшую по плечу и вдоль руки Ричарда.

Ричард поднялся, чтобы встретить нападавшего врага, и потянулся за своим мечом. Но на привычном месте, около бедра, меча больше не было. Помедлив лишь мгновение, он вытащил вместо этого нож из ножен, висевших на поясе. И встретил мчавшуюся к нему угрозу широким режущим ударом стального лезвия, который достиг цели и отправил существо кубарем в сторону. Сбитый ударом, зверь покатился по каменному полу и врезался в одну из массивных полок. Рваная полоска кожистой ткани свисала, словно флаг, с поврежденного плеча. Без малейшего промедления, без остановки, зверь сгруппировался и вскочил на ноги, готовый возобновить атаку.

Энн и Натан одновременно выпустили в него стрелы огня. Вместо того чтобы испепелить его, огненные шары, вызванные заклинаниями, с брызгами отскакивали от зверя. Неповрежденный, он неистово заревел. Вспышки молний ярко отражались от обоюдоострого лезвия, крепко зажатого в кулаке Ричарда. Нацелившись на него всеми клыками и когтями, существо снова рвануло к своей цели.

Ричард отступил в сторону, изящно уклонился от стремительной атаки зверя, и наотмашь вонзил нож по самую рукоятку в середину его груди. Это был идеально проведенный

удар. К сожалению, эффект от него оказался не большим, чем у всего, что уже было испробовано.

Существо с невообразимой скоростью изловчилось схватить Ричарда за запястье. Но прежде, чем зверь смог сгрести его мощными передними лапами, Ричард отпрыгнул и оказался за спиной нападавшего. Он стиснул зубы, выворачивая за узловатую спину мощную переднюю лапу существа. Никки услышала, как резко щелкнули суставы и хрустнули кости. Но сломанная конечность никак не сказалась на проворности зверя: он крутанулся, махнув при этом висящей рукой, словно молотильным цепом. Ричард поднырнул под него и снова проскочил за спину, и острые как косы когти пронеслись мимо него.

Зедд снова воспользовался удобным моментом и запалил сферу бурлящего жидкого огня. Казалось, даже молнии поблекли на фоне столь могучего сгустка энергии. Комната завибрировала от рева смертоносного концентрированного ада, что выпустил на волю Зедд. Ком пенящегося огня издавал пронзительные звуки, проносясь через всю темную комнату и освещая столы и стулья, полки и колонны и лица всех, наблюдавших, как огонь движется мимо.

Зверь оглянулся через плечо на кувыркающуюся, шипящую желтую массу, словно ширящийся пожар, и вызывающе оскалил клыки на приближающийся с завываниями огонь.

Никки была поражена тем, как странно вело себя это существо: оно словно бы вовсе не боялось огня, вызванного волшебником. Никки с трудом представляла себе нечто, способное противостоять подобной угрозе — или хотя бы не бояться ее. Ведь это, в конце концов, было не просто пламя, а жгущее с необычайной свирепостью.

За долю мгновения до того, как крутящийся ком магического огня достиг своей цели, существо просто померкло, будто прекращая существование.

В отсутствие объекта масса огня расплескалась по каменному полу, с грохотом растекаясь по коврам и переваливая через столы, подобно норовистой волне, с шумом обрушившейся на берег. Хотя и направленный против специфического врага, этот сжигающий все магический огонь, как понимала Никки, мог запросто уничтожить и всех их.

Прежде чем он успел разрушить комнату и все, что есть в ней, Зедд, Натан и Энн выбросили несколько заградительных сетей. Зедд прилагал усилия, отзывая назад порожденное им пламя, тогда как двое других подавляли и гасили его, прежде чем оно воспользуется возможностью выйти из-под контроля. Облака пара рвались вверх, в то время как все трое продолжали работу, укрощая упрямый огонь. Какое-то время ситуация была напряженной, затем они увидели, что все-таки достигли цели.

Через пелену облака пара Никки увидела, что зверь вновь материализовался из сгустившейся тьмы.

Он появился позади Зедда, скрываясь в такой же тени, как когда она увидела его здесь в первый раз, вступающего в мир живого. Никки единственная понимала, что он вернулся из другого мира. Никогда раньше она не видела, чтобы существо по собственному желанию то посещало, то вновь покидало мир мертвых, хотя и знала, что именно так оно выслеживает и преследует Ричарда в любом месте. Понимала она и то, что не имеет значения, какую форму принимает этот зверь, и что он ни на мгновение не прервет своей охоты, пока не настигнет Ричарда.

Ричард же заметил, что зверь появился снова, раньше остальных и предупредил Зедда, стоявшего прямо на пути начинающегося нападения. Зедд решил противодействовать этой атаке, собрав воздух в плотно сжатую массу и сформировав из нее расположенный под углом щит. Этот прием позволил немного изменить направление движения зверя. Ричард воспользовался этим отклонением, чтобы нанести несколько ударов нападающему. Но прежде, чем его нож успел коснуться противника, зверь вновь «померк», исчезнув из реальности, но только для того, чтобы тут же возвратиться уже позади клинка Ричарда.

Можно было подумать, будто он играл с ними, но Никки понимала, что на деле это не так. Зверь, в своем бессердечном стремлении прикончить Ричарда, всего лишь менял тактику нападения. И даже его раздраженное рычание было элементом тактики, направленным на то, чтобы ослабить жертву страхом и благодаря этому иметь больше возможностей нанести удар. Наделять создание эмоциями означало установить дополни-

тельные ограничения; поэтому работавшие на Джеганя сестры не тратили силы на подобные качества. Этот зверь в действительности был неспособен чувствовать ярость. Он был всего лишь неумолимо устремлен к своей цели.

Энн и Натан выпустили в него магический поток из тысяч небольших, твердых как камень, смертельных заостренных наконечников, измельчивший бы буйвола. Но до того как поток достиг этого отвратительного существа, оно вновь без малейшего затруднения ускользнуло от атаки, отступая в тень и вновь выходя из нее в другом месте.

Никки очень четко осознавала, что ни у кого из них нет никакой возможности остановить это создание.

Собрав силы, она проползла по полу, чтобы проверить, что с Карой. Та была все еще в полубессознательном состоянии, но с трудом приходила в себя. Никки прижала пальцы к вискам представительницы морд-ситов, «вливая» тонкой струйкой магию, стараясь пробудить ее и восстановить ее силы. Затем поймала женщину за складки кожаной одежды, когда та вдруг попыталась проворно подняться на ноги.

— Послушай меня, — сказала Никки. — Если хочешь спасти Ричарда, то должна выслушать, что я скажу. Вы не сможете остановить этого зверя...

Но никто не воспринимал поучений надлежащим образом, особенно когда это касалось защиты Ричарда. Кара видела лишь непосредственную угрозу и тут же бросилась действовать. Как только зверь развернулся, сосредоточив внимание на Ричарде, она метнулась существу под ноги, делая подкат, стараясь сбить с ног. И прежде чем зверь успел снова подняться на ноги, прыгнула ему на спину, будто оседлала дикого жеребца, и всадила эйджил в основание его черепа. Такое действие убило бы любого человека. Когда зверь опустился на колени, она быстро переменила хватку, всаживая эйджил в горло врага.

Свободной передней лапой существо ухватилось за оружие Кары и без затруднений вырвало его из ее руки. Кара умудрилась вернуть эйджил, но за это она поплатилась ударом, отправившим ее вновь кувыркаться по полу.

Все находившиеся в комнате расступились в стороны, убираясь подальше от смертоносных когтей зверя, а тот запроки-

нул голову и зарычал. Звук этот был до того страшным, что все присутствующие вздрогнули. Молнии за окнами вспышками освещали почти темную комнату, создавая чередование слепящего яркого света и мельтешения нечетких теней, не давая разглядеть что-либо.

Зедд, Натан и Энн образовали с помощью заклинаний щиты из уплотненного воздуха и теперь использовали их, чтобы отводить опасность, но зверь был способен преодолевать подобные преграды, просто проскакивая через них, вынуждая волшебников скорее убираться с его пути.

Никки понимала, что они втроем, со всей той силой, которой обладали, не смогут остановить эту угрозу. Но и не представляла, как мог бы сделать это Ричард.

Пока эти трое продолжали бороться, используя все свои возможности, какие только удавалось, и изобретательность, Никки снова ухватила Кару за кожаную одежду у самого плеча и притянула к себе.

— Так ты готова поступить так, как я скажу? Или хочешь, чтобы Ричард погиб?

Кара, задыхаясь в пылу схватки, выглядела так, будто готова взорваться как порох, но тем не менее восприняла ее слова.

— Так что мне следует сделать?

— Нужно помочь мне. Сделать все в точности так, как я попрошу.

Получив в ответ согласный кивок, Никки с трудом вновь забралась на стол. Там она поместила одну ногу в самый центр начерченного ее собственной кровью знака Благодати, а другую занесла за пределами его внешнего круга.

Зедд, Натан и Энн кидали в неистовствующего зверя все, что только могли вызвать посредством волшебства: дуговые энергетические разряды, способные резать камень; сгустки силы, гнущие железо; потоки воздуха, настолько плотного, что способного дробить кости. Ничто из этого не возымело никакого эффекта на противостоявшее им существо. В некоторых случаях оно вообще никак не реагировало на воздействие силы, в другие моменты энергично отгоняло волшебников подальше, иногда же просто исчезало из мира живых, для того только, чтобы появиться вновь, как только угроза миновала.

Зверь вновь занялся своей основной целью и бросился за Ричардом. Тот увернулся в сторону и еще раз воспользовался ножом, вспарывая жесткую и упругую шкуру зверя, пытаясь отрубить другую переднюю лапу. Но это тоже, насколько знала Никки, принципиально ничего не изменило бы.

В то время как все остальные, выкрикивали друг другу указания, пытаясь изыскать способ уничтожить угрозу, Кара, разрывавшаяся между желанием помочь Ричарду и необходимостью выполнять инструкции, обернулась и теперь внимательно всматривалась в Никки.

— Что ты делаешь?

Никки, не имея времени на объяснения, сделала жест рукой.

— Можешь ты поднять вон тот канделябр?

Кара оглянулась через плечо. Тот был сделан из тяжелого кованого железа и нес две дюжины свечей, ни одна из которых не горела.

— Возможно.

— Тогда используй его как копье. Отгони зверя к окнам...

— Какая польза от этого?

Зверь снова кинулся на Ричарда, пытаясь обхватить его передними лапами. Ричард вывернулся и при этом отвесил сильнейший удар ногой прямо ему в голову. Но через несколько секунд существо уже полностью оправилось.

— Просто делай, как я говорю. Используй его как копье, чтобы отогнать эту тварь. Убедись при этом, что остальные в дальней части комнаты, и отходи.

— Ты думаешь, что если я смогу ударить его этим канделябром, это сможет остановить его?

— Нет. Всего лишь научит. Это будет еще чем-то новым. Просто отгони его. Он должен ненадолго оказаться в замешательстве или по крайней мере стать осторожнее. Как только удастся вынудить его отступить к окнам, тут же брось в него канделябр, а затем отходи.

Кара, плотно сжав губы в бессильной ярости, размышляла всего лишь мгновение. Женщина прекрасно знала, что колебания запросто могут стать причиной неприятностей. Мордсит ухватилась за тяжелую центральную стойку канделябра обеими руками и с неимоверным усилием подняла его. Свечи

выпали из своих гнезд и покатились по каменному полу. Никки прекрасно понимала, как тяжела эта железная стойка. Однако надеялась, что у Кары хватит сил справиться с ней. Никаких сомнений, она проявит при этом свой характер.

Но теперь беспокоиться о Каре было некогда. Никки выбросила это из головы и, выпрямив ладони, протянула обе руки вниз, к нанесенному кровью изображению Благодати под ней. Она отринула все свои сомнения и страхи, и, что делала уже не раз, обратила собственное сознание внутрь, к ядру Хань, дара, находящегося внутри нее самой. На этот раз зависание над Благодатью ощущалось как падение назад, в леденящий омут, бурлящий энергией.

Не задумываясь о той судьбе, к которой она сейчас приговаривала себя, Никки повернула ладони вверх и подняла руки, прогоняя через себя энергию леденящего омута и начиная перевод контролирующей сети к точке запуска. Отстранившись от власти Благодати, Никки сконцентрировалась на мысленном перемещении сдерживающих блокировок в магической заготовке, сохраняющих ее инертность. Как только внутреннее поле, которое могла видеть только она, проявилось, Никки совершенно намеренно приложила обе стороны своего дара, чтобы соединить соответствующие узлы.

И тут же зеленые линии вновь зазмеились, обвивая ее, словно некое сотканное из света хищное вьющееся растение. Почти мгновенно сеть из линий доросла до ее бедер.

Кара наносила зверю удары и подталкивала его в сторону окон. Несколько раз ей удалось хорошенько приложить его своим тяжеловесным, неповоротливым железным оружием, заставляя отступить на шаг. Всякий раз, когда он отступал на шаг назад, она тут же наносила ему новый удар, принуждая к дальнейшему отступлению, а затем еще и еще. Никки оказалась права: это существо реагировало с большой осторожностью, столкнувшись с нападением неожиданного свойства.

Никки надеялась, что Кара сможет отогнать зверя не только достаточно далеко, но и сделает это вовремя.

Огненные дуги молний рассекали ночное небо и заливали вспышками света стену с окнами из толстого стекла. По сравнению с мощью грозы, масляные светильники были настолько слабы, что казались почти бесполезными. Чередова-

ние слепящего света и провалов в темноту затрудняло наблюдение.

Как только светящиеся зеленоватые линии — всего лишь внешнее отображение внутреннего действия магии, сотворенной за тысячи лет до них людьми, уже забытыми историей, — причудливо переплетаясь, завершили свой подъем вокруг нее, внутренняя магическая заготовка «запалилась» еще раз. Подобно копью, она пронзила Никки, и еще сильнее, чем это было в первый раз. Девушка оказалась не готова к такому темпу: она потеряла восприятие гораздо раньше, чем рассчитывала, и теперь изо всех сил боролась за то, чтобы дышать, и за остатки контроля над собой.

Ее восприятие за счет дара мерцало, представляя ей попеременно картины из двух миров — она колебалась между светом жизни и вечной тьмой. Темная пустота, простиравшаяся вдали, то появлялась, то исчезала какие только удавалось как вспышки, очень напоминая молнию за окнами, но скорее слепящей тьмы, а не света. Стоя между двумя мирами, Никки чувствовала себя так, словно душа ее вот-вот разорвется на части.

Она старалась не обращать внимания на боль и сосредоточилась на своей непосредственной задаче.

Она понимала, что не способна уничтожить этого зверя одним лишь своим могуществом. Ведь, в конце концов, сестры Тьмы создали его с помощью древних сил, постичь которые она не надеялась. Это существо справится с любой магией, какую способна применить Никки, а значит, требовалось нечто куда большее, чем простое волшебство.

Зверь наконец-то уперся спиной в затемненное место возле окон и прекратил короткое отступление. Кара продолжала пытаться толкать его, но рычащему существу отступать было некуда. Управляться с тяжелой железной стойкой морд-ситу было все труднее. Когда Ричард попытался прийти ей на помощь, она крикнула, чтобы все отступили назад. А когда он не подчинился, взмахнула позади себя стойкой канделябра, заставляя его отскочить и давая понять, что говорит всерьез и совсем не шутит.

Собрав в едином порыве все силы, Никки подняла ладони вверх, приготовившись сделать невероятное.

Ей надо поймать точку перехода между небытием и чистой энергией.

И нужна была не сама энергия, а ее первоисточник.

Зеленые линии вились все выше вокруг, со всей решимостью выполняя отведенную им работу по «упаковке» выстраиваемой магии. Никки пыталась вдохнуть, но мышцы уже не реагировали на ее желания. А ей так требовался это вдох — хотя бы один...

Когда при мерцании мир живого вновь вспыхнул в ее видении посредством дара, она со всей силой втянула воздух и наконец сделала этот заключительный вдох.

— Кара, теперь!

Без малейших колебаний Кара подняла тяжелый канделябр. Зверь с легкостью подхватил массивную железную стойку светильника одной когтистой лапой, высоко поднимая его. Позади него за окнами потрескивала очередная молния.

Никки замерла, дожидаясь перерыва во вспышках.

Когда же он наступил и комната вновь погрузилась в темноту, она извергла... нет, не магическую силу, но ее изначальную сущность.

Этот выброс погрузил зверя в мучительное недоумение: мощнейший всплеск энергии — и полное отсутствие предполагаемых последствий.

Она могла видеть, что существо испытывает странное смятение, будто стоит на краю бездны — заметив проявление чуда, но не осознав, что именно произошло. В замешательстве зверь прикрыл глаза, неуверенный в том, действительно ли почувствовал что-то, требующее немедленной реакции, так и не поняв, что именно он ощутил или против чего необходимо срочно действовать.

Видимо, так и не уловив никакого прямого воздействия силы, обрушенной на него Никки, зверь, похоже, решил, что она потерпела неудачу, и вызывающе поднял высоко над головой канделябр, как трофей, завоеванный в битве.

— Сейчас самое время, — обратился Зедд к Натану и Энн, двигаясь вперед, — пока он сбит с толку.

Они были близки к тому, чтобы все испортить. Но Никки уже не могла ничего предпринять, чтобы остановить их вмешательство. Зато это сделала Кара, никогда не церемонившая-

ся при исполнении своего долга. Она отогнала всю троицу назад, как сторожевой пес гоняет заблудившихся овец. Отступая, они выражали протесты, требуя, чтобы она не препятствовала им.

Никки наблюдала все происходящее из невероятной дали, с острого выступа на стыке миров. Она уже не способна помочь Каре. Та должна справиться со всем сама. Где-то там, в далеком мире живых, Зедд продолжал изливать злость на все племя морд-ситов и пытался возобновить нападение, но Кара исполнила свою угрозу: протаранила его плечом, отбрасывая назад и лишая не только равновесия, но и его былых намерений.

А Никки за пределами жизни сознательно творила пустоту: отсутствие действий, отсутствие последствий, искусственное затягивание в ожидании конца и предвестие высвобождения той мощи, которую она накапливала.

Да и само время, казалось, застыло здесь в ожидании того, что должно было произойти, но так и не случилось.

Напряжение в окружавшем Никки воздухе было вполне осязаемым. Зеленые линии вокруг нее еще быстрее вычерчивались сквозь пространство, в попытках полностью восстановить контролирующую сеть, чтобы удержать ее жизнь в подвешенном состоянии.

«Повреждение» магии, словно паук в своей паутине, караулило ее.

Никки понимала, что у нее будет лишь скоротечное мгновенье, прежде чем она окажется в полной неспособности сделать хоть что-то.

Но на этот раз ее смерть хотя бы принесет какую-то пользу.

Никки продолжала подпитывать поле вокруг зверя, чем расширяла ворота для дальнейшего потока энергии, который преднамеренно сдерживала.

Напряжение между тем, что существует, и тем, что еще не заявило о своем существовании, стало нестерпимым.

В одно мгновение эта ужасная, невыносимая пустота, этот энергетический вакуум, который Никки создала в обоих мирах, оказался заполненным оглушительным ударом молнии, ворвавшимся без приглашения через окно, в то время как его

близнец из мира, лежавшего за пределами мира живого, прорвался сквозь завесу, прорывая состояние неисполненного вокруг зверя — принудительно завершая то, что Никки начала, но не закончила. На этот раз для магического существа не оказалось возможности обрести безопасность, перебежав в другой мир; оба мира в ярости своей соединились.

В комнату дождем посыпались осколки стекла. Громовой раскат сотряс каменные стены Цитадели. Казалось, будто само солнце проникло через окно и взорвалось.

Линии, все это время росшие и уплотнявшиеся вокруг Никки, окутывали ее словно саван.

Благодаря своему дару видения, она стала свидетелем окончательного завершение последовательности, которую задумала и создала. Она увидела, что молния нашла-таки энергетическую пустоту вокруг зверя и, заполняя ее, реализовала созданное Никки потенциальное обязательство.

Взрыв этой молнии превосходил все, что ей доводилось видеть. Накопленная в обоих мирах изначальная магическая энергия обоих видов, Приращения и Ущерба, созидательная и разрушительная, слилась в едином сокрушающем все разряде.

Никки, обездвиженная в оплетающих ее зеленых линиях, уже не могла прикрыть глаза от этой слепящей вспышки одновременно и света и тьмы, черной и белой молний, ударивших в разные концы канделябра и уходящих через него в зверя.

Окутанная коронным разрядом потрескивающего белого света, под действием высочайших энергий и сил, ринувшихся в пустоту, созданную вокруг нее Никки, тварь полностью распалась, превращаясь в пыль и пар.

Порывы дождя и ветра с ревом и грохотом врывались сквозь разбитое окно. Снаружи, в клубящихся зеленоватых облаках, вспыхивали новые и новые молнии. Когда одна из них осветила комнату, то все находящиеся в ней увидели, что зверь исчез.

По крайней мере, сейчас его здесь не было.

Сквозь сеть зеленых линий Никки видела, как Ричард бежит к ней через всю комнату.

А комната казалась далекой-далекой.

А мир тьмы смыкался вокруг.

Глава 8

Когда ее лошадь негромко заржала и забила копытами, Кэлен быстро переместила руку вдоль поводьев, ближе к удилам, чтобы удержать беспокойное животное на месте. То, как пахло вокруг, нравилось Кэлен не больше, чем лошади. Стоя в ожидании позади сестер Улисии и Цецилии, она потянулась вверх и осторожно погладила нижнюю часть подбородка лошади.

Над ее головой шелестели под легкими порывами ветра кроны тополей, их глянцевитые листья мерцали в дневном свете. На травянистой вершине холма в тени этих огромных тополей танцевали пятна солнечного света, пока в ярко-голубое небо не набежала стайка хлопково-белых облаков. Когда ветер сменил направление, дуя теперь на них из-за спин, это принесло облегчение, и не только от изнуряющей жары. Кэлен наконец позволила себе дышать глубже.

Она попыталась пальцем вытереть пот и глубоко въевшуюся грязь из-под металлического кольца на шее. Ей очень хотелось принять ванну или хотя бы окунуться в реку или озеро. Летняя жара, дорожная пыль и долгие странствия, все вместе, превратили ее длинные волосы в спутанную массу, вызывающую зуд. Однако она понимала, что сестрам безразлично, насколько неудобно она себя чувствует, и что они явно будут недовольны, если она поинтересуется, будет ли и у нее такая же возможность умыться, какой часто пользовались они. Сестры ни в малейшей степени не заботились о желаниях Кэлен, и еще меньше о ее удобстве. Она была их рабом, не более того; для них не имело никакого значения, что кольцо, которое она носила на шее, раздражает и натирает до крови ее кожу.

Пока Кэлен ждала, ее мысли возвращались к статуэтке, с которой ей пришлось расстаться, к статуэтке, которую она была вынуждена оставить во дворце Лорда Ричарда Рала. Поскольку она не имела никаких воспоминаний о своем прошлом, то и вспоминала каждую линию этой фигуры, изображавшей женщину в свободной одежде и с длинными волосами. В ней было что-то благородное и прекрасное — в том, как стояла эта фигура, выгнув спину, сжав кулаки, и в ее запрокинутой голове, как будто в демонстративном вызове невидимым силам, которые пытались подчинить ее себе.

Кэлен очень хорошо знала, каково чувствовать себя, когда тебя подавляют эти самые невидимые силы. С окруженной тишью вершины холма они наблюдали, как внизу, по открытой местности, возвращается сестра Эрминия. Кроме нее, никого не было видно. Когда высокая трава вокруг начинала волноваться и клониться под ветром, она выглядела как странная жидкая масса. Наконец сестра Эрминия пустила свою гнедую кобылу мелкой рысью вверх по склону холма. Спустившись с лошади, она обошла ее вокруг, затем присоединилась к остальным.

— Их там уже нет, — сообщила она.

— И как далеко они впереди нас? — спросила сестра Улисия.

Сестра Эрминия подняла руку, чтобы показать.

— Я не прошла дальше вон тех холмов. Не хотела быть случайно обнаруженной кем-то из наделенных даром марионеток Джеганя. Но могу почти с уверенностью сказать, что отставшие солдаты и примазавшиеся к ним гражданские прошли там всего лишь день или два назад.

Когда ветер перестал дуть им в спину, вверх по холму вновь начал расползаться тот запах. Кэлен сморщила нос. Сестра Улисия заметила это, но промолчала. Казалось, сестры вообще не были обеспокоены зловонием и смрадом.

Сестра Улисия внезапно повернулась и поставила ногу на стремя.

— Давайте все же посмотрим, что лежит за этими холмами, — сказала она, усаживаясь в седло.

Кэлен тоже села на лошадь и последовала за тремя другими женщинами, как только они пустили своих животных мел-

ким шагом, на этот раз вниз по склону холма. Ей показалось очень странным, как необычно боязливы и неспокойны были сестры. Они имели склонность к надменной самоуверенности во всем, что бы ни делали, но сейчас вели себя на удивление осторожно.

Слева от них возвышались неровные сине-серые громады высоких гор. Каменные склоны и скалы были настолько крутыми, что на них нашлось лишь несколько мест, где смогли угнездиться деревья. Некоторые вершины были так высоки, что, несмотря на разгар лета, их пики украшал снег. Кэлен и сестры уже проезжали вдоль этих гор к югу, когда искали место, чтобы пересечь хребет, после того как покинули Народный Дворец. Во время тех путешествий сестры старались по возможности избегать людей.

Кэлен еще немного отпустила поводья. Холмы, которые они пересекали, были изрыты оврагами и лощинами, временами очень затрудняющими путь. Кэлен знала, что вдоль подножий холмов должна быть дорога, но сестры не любили путешествовать по дорогам и при всякой возможности держались от них подальше. Сейчас они прокладывали маршрут через высокую траву среди редко разбросанных высоких деревьев и останавливались в малозаметных укрытиях, образованных складками земли между холмами.

Прежде чем Кэлен смогла разглядеть хоть что-нибудь, лежащее за холмом, их окутал столь удушающий смрад смерти, что она едва могла дышать. Поднявшись на гребень холма, она наконец увидела раскинувшийся внизу город. Они все остановились, уставившись вниз на опустевшие дороги, сожженные дома и остовы чего-то, напоминавшего лошадей.

— Поспешим, — сказала сестра Улисия. — С той стороны мы воспользуемся главной дорогой и проедем достаточно близко от них, чтобы проверить, где они находятся и, главное, куда направляются.

Они пришпорили лошадей, отправляя их в легкий галоп, и молча ехали к подножью холмов и далее, к окраинам города. Город, очевидно, был построен на излучине реки и на пересечении нескольких дорог, которые, скорее всего, были торговыми маршрутами. Самый большой из двух бревенчатых мос-

тов был сожжен. Когда, двигаясь гуськом, они пересекали второй, более узкий мост, Кэлен взглянула вниз, на воду. Повсюду, прибившись к зарослям тростника, плавали, вниз лицом, разбухшие тела людей. Всякое желание искупаться в реке пропало, и не только от этого, но и от стоявшего в воздухе тяжелого зловония смерти. Ей хотелось лишь одного: поскорее покинуть это место.

Когда они проезжали среди домов, Кэлен прикрывала шарфом и нос, и рот. Но это не очень-то помогало. Она чувствовала, что ее вот-вот вырвет от густого запаха гниющей плоти. Он, казалось, почему-то был необычно сильным.

И вскоре она обнаружила, в чем дело.

В боковых улицах и переулках, мимо которых они проезжали, трупы были свалены сотнями. Среди них лежало несколько мертвых же собак и мулов, причем ноги мулов торчали прямо вверх. Судя по тому, как лежали эти тела, Кэлен решила, что, скорее всего, людей загоняли в эти тупики, откуда невозможно убежать, и здесь убивали. Большинство мертвых — и животных, и людей — имели страшные рваные раны. Некоторые были убиты копьями, все еще торчавшими из них, тогда как другие погибли от стрел. Большинство же, казалось, были зарублены насмерть. Кэлен заметила и еще одно общее для трупов: это все были пожилые люди.

В следующей части города многие дома оказались сожжены дотла. В некоторых местах от массивных каменных остовов все еще вились клубы дыма. Конструкции из обугленных деревянные балок выглядели как подпаленные скелеты каких-то чудовищ. Похоже, пожар здесь потух сам собой день или два назад.

Направляя своих лошадей по узкой, мощенной булыжником центральной части улицы, по обеим сторонам которой смутно вырисовывались двухэтажные строения, они смотрели вокруг, производя молчаливую оценку разрушений. Уцелевшие дома все были разграблены. Двери или взломаны, или попросту выворочены, и Кэлен не увидела ни одного целого окна. Занавески на небольших балкончиках, выходящих на улицу, были разодраны; на некоторых из этих балконов лежали тела. Кроме деревянных кусков разбитых дверных проемов и битого стекла, на улице валялись и обычные вещи: отдель-

ные предметы одежды; окровавленный башмак; разбитая мебель; поломанное оружие; поломанные части повозок. Кэлен увидела даже куклу с волосами из желтой пряжи, лежащую вниз лицом, со следом копыта на раздавленной спине. Все валяющиеся предметы выглядели так, будто прошли через множество рук и, получив оценку бесполезных, брошены на дороге.

Отважившись бросить взгляд в глубину дома, мимо которого они проезжали, Кэлен увидела там настоящий ужас. Люди были не просто убиты — их тела выглядели так, будто их убивали ради развлечения или исключительно из чистой жестокости. В отличие от сваленных в переулках, эти люди не были старыми. Судя по всему, это могли быть те, кто пытался защищать свои дома и лавки. Сквозь разбитое окно одной из лавок она увидела, что человек в фартуке, какой обычно носят сапожники, прибит к стене гвоздями прямо через запястья. Из его груди торчали едва ли не дюжина стрел, придавая ему вид огромной подушечки для иголок. Его рот и оба глаза были пробиты стрелами. Этого человека использовали не только как тренировочную мишень, но и для извращенного развлечения.

В других домах Кэлен видела женщин, которые явно были изнасилованы. Остатки рукава — вот все, что было на одной из них, лежавшей на полу. Ее грудь была разодрана. В другом месте девочка, еще не достигшая женской зрелости, лежала на столе, раскинув ноги, платье задрано до пояса. Ее горло было перерезано до позвоночника. Между раздвинутых ног торчал, как последний акт презрения, оставленный черенок метлы. Кэлен цепенела, пока эти ужасающие зрелища, одно за другим, проплывали перед ней. И каждое из них такой отвратительной жестокости, что она даже не могла представить, что за люди способны совершать подобные деяния.

Судя по одежде большинства мертвецов, похоже, это были простые рабочие люди. Они не были солдатами. И за преступление, состоявшее в попытке защитить свои дома и свое дело, были забиты как скот.

Миновав один небольшой дом, Кэлен увидела у дальнего от улицы его угла возле кирпичной стены кучу маленьких

детей — в основном младенцев. Примерно так собирают в кучи осенние листья, только здесь были будущие люди, каждому предстояла целая жизнь. Запекшаяся на кирпичной стене кровь указывала, где именно разбивались их головы. Было очевидно, что убийцы старались разделываться с ними систематично. Проезжая через притихший город, Кэлен видела еще несколько мест, где дети оказались свалены в кучи, после того как убиты. И убиты способом, явно относящимся к разряду развлечений для самых жестоких представителей людей.

Хотя среди убитых было не очень много женщин, Кэлен не видела ни одной, полностью одетой. Все, кого она видела, были или очень старые, или очень молодые. То, как обошлись с ними, лежало за пределами представлений о жестокости, и смерть их была небыстрой.

Вытирая глаза, Кэлен сглотнула стоявший в горле комок. Ей хотелось пронзительно кричать во весь голос. Три же сестры, казалось, особенно и не были тронуты этой кровавой бойней. Они пристально вглядывались в боковые улицы и переулки и внимательно оглядывали окружающие холмы, вероятно пытаясь уловить малейшие признаки угрозы.

Кэлен никогда не была так счастлива, как в тот момент, когда они наконец-то выехали за пределы города и двинулись, покидая это место, по дороге, ведущей на юго-восток. Дорога, как оказалось, так и не предоставила ей возможности сбежать от всех тех сцен насилия, заполнивших город, как, она надеялась, должно было получиться. На всем пути то здесь, то там встречались рвы и канавы, заваленные телами невооруженных молодых людей и подростков, уничтоженных, скорее всего, за попытку побега, за сопротивление грядущему рабству — в назидание другим или просто ради развлечения.

У Кэлен начался жар и непрерывное головокружение. Она боялась, что заболела. Покачивания в седле еще больше усиливали ее тошноту. Зловоние смерти и обуглившейся плоти преследовали их при хорошей солнечной погоде, пока они ехали меж холмов за окраиной города. Запах был настолько едким, что ощущался так, будто пропитал насквозь одежду и, казалось, даже выделялся вместе с потом.

Она сомневалась, что теперь ей удастся когда-нибудь уснуть без ночных кошмаров.

Кэлен не знала, как назывался этот город, но теперь его все равно не стало. В нем не осталось ни одной живой души. И все, что было хоть сколько-нибудь ценным, уничтожено или захвачено в качестве добычи. По преобладанию среди трупов мужчин она решила, что многие жители города, по большей части женщины в расцвете сил, захвачены как рабы. После того, что, как она видела, случилось с женщинами, умершими в этом городе, Кэлен с полной ясностью представляла, что предстоит пережить тем, кого увели отсюда.

Холмы и равнина во все стороны, так далеко, насколько могла видеть Кэлен, вытоптаны, и, должно быть, не чем иным, как сотнями тысяч людей. Трава не просто примята бесконечной чередой сапог, копыт и колес повозок, но и перемолота в пыль под немыслимым числом ног. Это давало представление о тех полчищах, что прошли через этот город, и в некотором смысле это ужасало еще больше, чем страшные сцены смерти. Сила этого скопления людей, сопоставимая с природными катаклизмами, была как чудовищный ураган, оставивший такой вот след на земле, безжалостно разрушающий все на своем пути.

В конце дня, когда они добрались до высоких холмов, сестры стали тщательно следить за своим расположением, чтобы никто впереди них, оглянувшись на солнце, опускавшееся за их спинами, случайно не заметил их. Не доехав до вершины очередного холма, сестра Улисия остановилась и, привстав в стременах, вытянулась, чтобы внимательно осмотреться, а затем дала знак остальным спешиться. Они привязали своих лошадей к остову обломанной старой сосны, расщепленной надвое ударом молнии. Сестра Улисия велела Кэлен держаться как можно ближе, но всегда позади них.

На гребне холма, куда они молча поднялись, низко припадая в худосочной траве, им наконец-то удалось смутно увидеть то, что прошло через разоренный город. В неясной дали, растянувшись вдоль подернутого дымкой горизонта, перед ними предстало нечто, что можно было принять за грязное коричневое море. Но на самом деле это было темное пятно армии столь огромной, что состав ее невозможно исчислить.

Кэлен даже могла различить доносимые ветром в тихом воздухе угасающего дня далекие, леденящие кровь стоны и крики женщин и сиплый мужской смех.

Толпа такой численности способна смести защиту любого города. Любое вооруженное сопротивление может оказаться не замеченным такой огромной армией, как эта. Людей, собранных в таком количестве, невозможно остановить ничем.

И хотя такая большая армия казалась толпой, массой, просто чем-то громадным, Кэлен понимала, что неверно применять к ней такие понятия; это скопление, состоящее из отдельных людей. И люди эти не родились на свет извергами и чудовищами. Каждый из них когда-то был беспомощным младенцем, которого баюкала на руках мать. Каждый из них когда-то был ребенком, со своими страхами, надеждами и мечтами. И если один случайный человек способен из-за отклонений, из-за болезненного разума вырасти в безжалостного убийцу, то в такой большой совокупности — явно не могли. Каждый из них стал убийцей по убеждению, убийцей по выбору, и все они объединились под флагом порочных убеждений, дающих поддержку их жестокости.

Все эти люди были из числа тех, кто в случае жестокого выбора сознательно отбрасывают врожденное благородство жизни и выбирают вместо этого служение смерти.

Кэлен была повергнута в ужас той кровавой бойней, что видела в городе, испытывала тошноту от всего увиденного там. Некоторое время она была едва способна дышать. И не только от зловония смерти, но и от собственного полного печали отчаяния при виде такой бессмысленной жестокости, при виде такого поразительного и преднамеренного порока. Ее пробирал болезненный страх за те беспомощные души, которым еще предстоит столкнуться с этой ордой и с сокрушительной потерей всякой надежды на то, что жизнь может быть достойной, что она может быть разумной, безопасной и, тем более, приносящей радость.

Но сейчас, при виде исполнителей этой резни, огромного сборища тех, кто с готовностью совершает подобные зверства, вся эта жалостливость растаяла без следа. Ее место занял разгоревшийся гнев и сжигающая изнутри ярость, настолько сильные, что она и представить не могла. Вспоминая изруб-

ленных стариков, младенцев, с которыми быстро разделались, вышибая им мозги, и зверское обращение с женщинами, Кэлен не могла думать ни о чем, кроме как о жгучем желании отомстить за безропотных мертвых.

Жажда мести кипела в ней, ярость и гнев были так ужасны, что, казалось, способны навсегда изменить что-то внутри нее. В эту минуту она испытывала глубочайшую близость с той маленькой статуэткой, которую ей пришлось оставить в тихом саду Лорда Рала, и полное единение с ее духом, который раньше она не ощущала в такой мере.

— Все верно, это Джегань, — наконец-то сказала сестра Улисия с горечью в голосе.

Сестра Эрминия кивнула и добавила:

— И нам придется пройти мимо него, чтобы попасть в Касску.

Сестра Улисия указала рукой в сторону гряды горных пиков, протянувшейся слева.

— Их армия, со всеми лошадьми, повозками и припасами, не способна двигаться через узкие проходы между этими гребнями, а мы сможем. Учитывая, как медленно движется Джегань, мы запросто преодолеем эти переходы и окажемся в Касске намного раньше, чем они смогут продвинуться на юг, чтобы обойти горы, а потом направиться вверх, в Д'Хару.

Сестра Цецилия вгляделась в далекий горизонт.

— У армии Д'Хары ни единого шанса выстоять против этого войска.

— Это не наша проблема, — сказала сестра Улисия.

— А каковы наши обязательства в отношении Ричарда Рала? — спросила сестра Эрминия.

— Мы не охотимся за Ричардом Ралом, — сказала сестра Улисия. — Джегань охотится за ним и ищет возможности уничтожить его, а не нас. Мы же те, кто получит в свое распоряжение все могущество Одена, а затем мы даруем Ричарду Ралу то, что, получив надлежащую силу, сможем даровать только мы. Этого будет вполне достаточно, чтобы выполнить наше обязательство и защитить нас от сноходца. Джегань и его армия — это не наша проблема, и мы не в ответе за их цели и намерения.

Кэлен, вспоминая, как бывала в Народном Дворце, задумалась, каким же был этот человек. Даже не зная его, она боялась за него и за его людей. Она боялась, что им предстоит встреча с тем, что надвигалось на них.

— Это будет нашей проблемой, если они окажутся в Касске быстрее нас, — заметила сестра Цецилия. — Помимо встречи с Тови, в Касске — единственный центральный узел, до которого мы можем добраться сейчас.

Сестра Улисия легким движением руки отклонила это замечание.

— Они сейчас далеко от Кассси. Мы можем легко срезать путь и опередить их, пройдя через перевал, а не в обход через равнины, и уберемся оттуда раньше, чем они окажутся там.

— А ты не думаешь, что они могут ускорить свой темп? — спросила сестра Эрминия. — В конце концов, Джеганъ мог бы решить поторопиться покончить с Лордом Ралом и с теми силами, которые выставит Д'Хара.

У сестры Улисии эта идея вызвала раздражение.

— Джеганъ понимает, что армия Д'Хары не имеет свободы выбора... Ричарду Рал сейчас не остается ничего другого, как принять бой. Этот вопрос уже решен. Дело только во времени.

— Сноходец не спешит, да это и невозможно с такой огромной и неповоротливой армией. И будь они даже способны ускорить свой темп, им надо миновать немалое расстояние, они никак не могут оказаться в Касске раньше, чем мы. Армия Джеганя, между прочим, ровно такая же, какой была, когда они захватили Древний мир, несколько десятков лет назад, и на протяжении всей этой войны она оставалась такой же. Они никогда не ускоряют свой темп. Они, как времена года, движутся очень медленно, но неотвратимо.

Она бросила многозначительный взгляд на остальных двух сестер.

— Кроме того, сейчас они захватили в городе множество женщин. Люди Джеганя горят нетерпением насладиться своими новыми трофеями.

Кровь отлила от лица сестры Эрминии.

— Кому, как не нам, знать это.

— Джегань и его люди всегда готовы воспользоваться пленными женщинами, — заметила сестра Цецилия, отчасти для себя.

Лицо сестры Эрминии вновь обрело прежний оттенок.

— Хотелось бы подвесить Джеганя и разобраться с ним по-своему.

— Мы все не прочь порадоваться, хорошенько проучив этих людей, — сказала сестра Улисия, снова вглядываясь в даль, — но у нас есть более важные дела. — Она самодовольно улыбнулась. — Хотя в один прекрасный день...

Некоторое время три сестры молчали, всматриваясь в растянувшуюся вдоль горизонта огромную орду.

— В один прекрасный день, — произнесла сестра Цецилия негромким, полным ненависти голосом, — мы откроем шкатулки Одена, и тогда будем обладать могуществом, которое заставит этого человека мучиться от бессилия.

Сестра Улисия повернулась и пошла назад, к лошадям.

— Если мы хотим открыть все же одну из трех шкатулок, то сперва следует добраться до Тови и до последней шкатулки — и еще до того, что ждет нас в Касске. Забудьте о Джегане и его армии. Они последнее, что мы хотим увидеть... пока не наступит тот день, когда мы высвободим силу Одена и сможем получить немного удовольствия, воздав наше собственное возмездие сноходцу.

Глава 9

Никки открыла глаза. Но могла видеть лишь расплывающиеся фигуры.

— Зедд тобой недоволен.

Несмотря на то, что звучало это как будто из какого-то туманного далекого места, она все равно знала, что это голос Ричарда. Она была очень удивлена, что слышит его. Она была удивлена, что вообще что-то слышит. По всем правилам ей следовало быть мертвой.

Едва зрение начало обретать четкость, Никки повернула голову вправо и увидела его, сидящего, съежившись, на стуле, придвинутом вплотную к кровати. Наклонившись вперед, уперев локти в колени, сплетя пальцы, он наблюдал за ней.

— Почему? — спросила она.

С радостным выражением, при виде ее пробуждения, он откинулся назад, к спинке простого деревянного стула, и улыбнулся той мрачной улыбкой, которую ей так нравилось видеть.

— Потому что ты разбила окно в той комнате, где вы занимались контролирующей сетью.

При свете лампы, мягко светившей из-под молочно-белого абажура, она смогла разглядеть, что до самых подмышек укрыта роскошно расшитым золотом покрывалом с блестящей серовато-зеленой бахромой по краям. На ней атласная ночная рубашка, незнакомая ей. Рукава спускаются до самых запястий. Рубашка бледно-розовая — явно не ее цвет.

Ей было интересно знать происхождение этой рубашки и, что более существенно, кто именно ее раздел и одел. Давным-давно, во Дворце Пророков, Ричард оказался первым челове-

ком из всех, кого ей когда-либо доводилось встречать, кто не претендовал на ее тело или на какой-либо иной аспект ее жизни. Такое уважительное отношение помогло началу процесса осмысления и в итоге привело к тому, что она отбросила все усвоенные за столь продолжительный срок догматы Ордена. Благодаря Ричарду она пришла к осознанию того, что ее жизнь принадлежит только ей одной. Наряду с этим она обнаружила чувство собственного достоинства и свою ценность.

Впрочем, сейчас у нее были и другие заботы, нежели вдруг оказавшаяся на ней розовая ночная рубашка. В лежащей на уютной стеганой подушке голове что-то тяжело пульсировало.

— Вообще-то, — сказала она, — окно разбила молния, а вовсе не я.

— Как бы там ни было, — заметила Кара с другого стула, приставленного спинкой к стене рядом с дверью, — не думаю, что он обратит внимание на подобную разницу.

— Полагаю, что нет, — со вздохом сказала Никки. — Эта комната находится в самой укрепленной секции Цитадели.

Ричард нахмурился.

— Где-где?

Она чуть скосила глаза, пытаясь лучше разглядеть его лицо.

— Эта секция Цитадели — особое место. Оно укреплено против умышленного вмешательства и против различных случайных воздействий.

Кара сложила руки.

— Может быть, ты позаботишься дать нам разъяснение?

На морд-сите была одежда из красной кожи. Никки заинтересовалась, означало ли это, что есть еще причины для беспокойства, или она просто все еще настороже после почтившего их своим визитом зверя.

— Это сдерживающее поле, — сказала Никки. — Мы знаем очень мало об этом древнем, чрезвычайно сложном характере магии Огненной Цепи. Очень рискованно даже изучать подобные нестабильные компоненты, связанные друг с другом таким образом, как в нашем эксперименте. Вот почему мы воспользовались особым местом для запуска контролирующей сети. Та комната расположена в первоначальной центральной

части Цитадели — святая святых, важнейшая исследовательская площадка, используемая в случае аномальных материалов. Некоторые магические формы, как сконструированные, так и используемые в свободном виде, могут порождать определенные утечки, исходящие потоки, которые способны вызвать структурные разрывы, так что при работе с ними лучше заключать подобные потенциально опасные компоненты в сдерживающее поле.

— Ну хорошо, спасибо за разъяснение, — сказала Кара резким язвительным тоном. — Теперь все стало исключительно понятным. Особенно насчет этого поля.

Никки постаралась кивнуть.

— Да... сдерживающее поле. — Когда же хмурый вид Кары стал еще мрачнее, она добавила: — Заниматься магией в подобном месте — примерно как держать в бутылке осу.

— О-ох. — Кара вздохнула, ухватив наконец-то упрощенную концепцию. — Тогда понятно, почему Зедд так рассердился на этот счет.

— Наверное, он сможет восстановить там все как было, — предположил Ричард. — Удивительно, что сама комната не очень разгромлена. Раздражает его главным образом разбитое окно.

Никки слабым движением приподняла руку.

— Еще бы. Там стояло уникальное стекло, обладающее способностью сдерживать магическую энергию от просачивания наружу... а также предотвращать нападения и вмешательства посредством дара. Функция этого стекла точно такая же, как у щитов, только оно задерживает не людей, а магическую энергию.

Некоторое время Ричард размышлял.

— Ну, — сказал он наконец, — оно не предотвратило нападение зверя.

Никки разглядывала полки с книгами, расположенные на стене напротив кровати.

— Этого не могло предотвратить ничто, — сказала она. — Зверь явился не через окна или стены... Он пришел через завесу, появившись в комнате прямо из преисподней; ему не требовалось проходить через какие-то щиты, сдерживающие поля или защищающее стекло.

Передние ножки стула Кары со стуком вернулись на пол.

— И он едва не оторвал тебе руку. — Она погрозила пальцем Ричарду. — Ты воспользовался своим даром. И привлек этим зверя. Не окажись рядом Зедда, чтобы вылечить тебя, ты, скорее всего, умер бы от потери крови.

— Ох, Кара, всякий раз, когда ты рассказываешь эту историю, я теряю все больше и больше крови. Без сомнения, в следующий раз я услышу, что был разорван надвое, а потом сшит волшебной нитью.

Она вновь сложила руки и оперлась спинкой стула о стену.

— Ты вполне мог оказаться разорван надвое.

— Я не был так тяжело ранен, как ты расписываешь. Отлично себя чувствую. — Ричард чуть наклонился вперед и сжал руку Никки. — По крайней мере, ты остановила его.

Она встретила его пристальный взгляд.

— На этот раз, — сказала она. — Всего лишь.

— Вполне достаточно этого раза. — Он улыбнулся со спокойным удовлетворением. — Ты молодец, Никки.

В его серых глазах отражалась полнейшая искренность. Так или иначе, но мир всегда казался лучше, когда Ричард бывал доволен, что кто-то довел до конца что-то особенно сложное. Похоже, он всегда ценил то, чего люди достигали с упорством, — и, казалось, всегда восторгался их триумфом. Она всякий раз переживала внутренний душевный подъем, когда он радовался тому, что ей удавалось сделать.

Ее взгляд скользнул в сторону от его лица, и тогда она заметила маленькую статуэтку, стоявшую на столике как раз позади него. Свет лампы ярко освещал плавно ниспадающие волосы и свободную одежду, которые однажды Ричард столь тщательно вырезал, воплощая в этой фигурке свое впечатление об образе Кэлен. Блестящая статуэтка из орехового дерева замерла, словно в безмолвном вызове какой-то невидимой силе, пытающейся подавить ее дух.

— Так я в твоей комнате, — сказала Никки, скорее самой себе.

Его бровь удивленно приподнялась.

— Как ты догадалась?

Никки отвела взгляд от статуэтки и посмотрела левее, в небольшое, закругленное сверху окно, прорезанное в толстой

каменной стене. Слабый бледно-розовый румянец проступал от нижней части полного звезд неба, предваряя приближающийся рассвет.

— Удачная догадка, — соврала она.

— Она оказалась самой ближней, — пояснил Ричард. — Зедд и Натан хотели скорее уложить тебя в постель, устроить поудобней и уж потом выяснять, какую еще помощь необходимо тебе оказать.

По холодящему ощущению в венах Никки поняла, что они сделали нечто большее, чем просто оценку ее состояния.

— Рикка и я раздели тебя и облачили в ночную рубашку, которую дал Зедд, — пояснила Кара, отвечая на молчаливый вопрос, который, должно быть, увидела в глазах Никки.

— Спасибо. — Никки подняла руку, делая неопределенный жест. — Как долго я была без сознания? Что произошло?

— Ну, — сказал Ричард, — после того, как ты прошлой ночью снова запрыгнула в ту магическую заготовку и вызвала молнию, чтобы остановить зверя, контролирующая сеть ничуть не улучшила твоего состояния. Когда я вытащил тебя оттуда, Зедд решил, что в первую очередь тебе требуется отдых, и потому сделал кое-что для того, чтобы ты заснула. Боль тебя едва не убила. Он сказал, что поможет тебе отключиться от всего, чтобы не испытывать причиняемых этой болью страданий. И сказал, что ты проспишь весь вчерашний день и эту ночь, а затем проснешься на рассвете дня. Вижу, он не ошибся.

Кара поднялась со стула, встала позади Ричарда и теперь с этой позиции вглядывалась в Никки.

— Никто не думал, что Лорд Рал сможет вытащить тебя оттуда во второй раз. Уже решили, что твоя душа ушла слишком далеко в преисподнюю, чтобы пытаться вернуть тебя назад... но он сделал это. Он вернул тебя назад.

Никки перевела взгляд от самодовольной улыбки Кары к серым глазам Ричарда. Они не отражали ничего, что хоть как-то показывало трудность выполненной задачи. Она с трудом представляла себе, чтобы он мог совершить нечто подобное.

— Ты хорошо поступил, Ричард, — сказала она, заставляя его улыбнуться.

В следующий момент и он, и Кара повернулись на мягкий стук. Зедд осторожно приоткрыл дверь комнаты и заглянул. Увидев, что Никки проснулась, он отбросил всякую осторожность и неторопливо вошел внутрь.

— Ага, похоже, мы вернулись с того света, — заметил он.

Никки улыбнулась.

— Крайне неприятная экскурсия. Никому не посоветую повторять. Прошу прощения за окна, но тут или одно...

— Уж лучше окна, нежели то, что могло бы случиться с Ричардом.

Никки была рада услышать такие слова.

— Вот и я решила так же.

— Как-нибудь объяснишь мне, и максимально подробно, что ты делала и как именно делала это. Не подозревал, что какая-либо форма порожденной магией энергии способна разрушить эти окна.

— Она и не может. Я всего лишь... вызвала сгущение естественной энергии, которая и прошла через это окно.

Зедд не сводил с нее непонимающего взгляда.

— Что же касается окон, — сказал он наконец сдержанным тоном, — мы сможем использовать эту твою способностью, как и обе стороны твоего дара, чтобы восстановить их.

— Буду рада помочь.

Кара поспешила тоже влезть:

— Когда Том и Фридрих наконец вернутся с патрулирования окрестностей, я уверена, что они будут в состоянии помочь с восстановлением оконных рам. Особенно Фридрих — он умеет работать с деревом.

Зедд кивнул и коротко улыбнулся такому предложению, затем повернулся к своему внуку.

— Где же ты был? Я пытался найти тебя все утро, но так и не мог. И весь прошлый день.

Никки поняла, что едва ли окна были его первой заботой.

Ричард бросил короткий взгляд на статуэтку.

— Большую часть прошлой ночи я читал. Когда занялся рассвет, отправился погулять и подумать, что делать дальше.

В ответ Зедд вздохнул.

— Ну, как я уже говорил тебе, после того как ты справился с магической заготовкой, удерживавшей Никки, нам нужно

поговорить о некоторых предметах, которые ты затронул в том разговоре.

Было ясно, что это было не простое любопытство, а вполне определенная настойчивая просьба.

Ричард поднялся с места, чтобы поправить подушки в изголовье у Никки, и тут заметил, что она пытается сесть. От боли осталось лишь затухающее воспоминание. Наверняка Зедд сделал что-то большее, чем просто помог ей уснуть. В голове у Никки начало проясняться. И она осознала, что проголодалась.

— Ну, давай поговорим, — сказал Ричард, вновь усаживаясь на стул.

— Мне нужно, чтобы ты объяснил предельно точно, как разобрался в методе остановки работы контролирующей сети — особенно такой сложной, как созданная для Огненной Цепи.

Ричард выглядел невероятно уставшим.

— Я уже говорил тебе и раньше, что понимаю язык символов.

Зедд, сцепив за спиной руки, принялся ходить по комнате. В чертах его лица сквозили беспокойство и откровенный интерес.

— Да, ты упоминал, что много знаешь о «конструкциях заклинаний, приводящих к летальному исходу». Я хочу знать, что ты под этим подразумевал.

Ричард глубоко вдохнул, а затем сделал медленный выдох, откидываясь на спинку стула. Выросший рядом с дедом, он хорошо знал, что когда Зедд хочет что-то узнать, то лучше уж ответить на все его вопросы.

Ричард положил руки на колени, повернув ладони вверх. На подбитых кожей серебряных браслетах имелись цепочки очень странных символов. В центре каждой цепочки, напротив середины запястья, находилась маленькая Благодать. Уже один этот знак был достаточно тревожным и вызывающим беспокойство, с тех пор как Никки видела, как Ричард использовал браслеты для вызова сильфиды. Она не могла даже представить себе, что означают другие знаки.

— То, что изображено на этих браслетах, это все символы или общие идеи... то есть рисунки, отображающие какие-то концепции. Как я уже говорил, они представляют особого рода язык, весьма специфический.

Зедд провел пальцем по фигурам на браслетах.

— И ты можешь понять заключенный в них смысл? Так же, как сделал с той магической заготовкой?

— Да. Большая их часть всего лишь описывают способы владения мечом... Именно так, через владение мечом, мне и удалось познакомиться с ними, и через это я начал учиться понимать их.

Пальцы Ричарда тщетно пытались найти успокоение в прикосновении к рукоятке оружия, которого по-прежнему не было на положенном месте, у его бедра. Поймав себя на этом, он продолжил:

— Многие из них точно такие же, как знаки возле анклава Первого волшебника. Ну, ты знаешь... бронзовые таблички на антаблементах над различными колоннами красного камня, круглые металлические диски, украшающие парапеты, и резные изображения на каменных карнизах.

Он оглянулся на деда через плечо.

— Большая часть этих символов явно касается приемов сражения с мечом.

Никки слушая все это с удивлением. Ричард никогда не говорил ей о символах на браслетах. Как Первый волшебник, Зедд был хранителем Меча Истины, и именно его обязанность и долг назвать, когда потребуется, нового Искателя Истины, но, принимая во внимание его реакцию, похоже, даже он не подозревал об этом. Впрочем, это можно было понять. Ведь, в конце концов, меч был создан за тысячи лет до этого волшебниками необыкновенной силы.

— Вот этот. — Зедд ткнул пальцем в символ на одном из браслетов Ричарда. — Вот такой же есть на двери в анклав Первого волшебника.

Ричард повернул другое запястье и постучал по рисунку у верхнего края серебряной ленты, изображающему взрыв звезды.

— И вот этот тоже.

Зедд подтянул руку Ричарда ближе, разглядывая браслеты в свете лампы.

— Да... оба имеются на той двери. — Он недовольно скосил глаза на Ричарда. — И ты искренне веришь, что эти знаки что-то означают и что ты научился читать их?

— Конечно.

Жесткие брови Зедда еще более сдвинулись, по-прежнему выражая явное сомнение.

— И что, по-твоему, они означают?

Ричард коснулся символа на своем браслете и еще одного, точно такого же, на сапоге. И этот же знак продемонстрировал на внутренней части золотой ленты, проходящей по краю его черной туники. Пока он сам не показал, Никки не догадывалась, что на одежде есть эти знаки, скрытые среди всего прочего, что казалось не более чем декоративным украшением. Рисунок по структуре состоял из двух неровных треугольников с извилистой двойной линией, огибающей их и проходящей сквозь них.

— Вот этот имеет отношение к ритму в случае сражения с численно превосходящим противником. Он выражает состояние каданса в танце, то есть движения, лишенные жесткой формы.

Зедд вскинул бровь.

— Движения, лишенные жесткой формы?

— Ну да, знаешь... это движение, которое не задано однозначно, не является заранее просчитанным и продуманным, но тем не менее соответствует замыслу и намерениям. Этот символ описывает важную составляющую часть танца.

— Танца?

Ричард кивнул.

— Танца со смертью.

Некоторое время у Зедда безмолвно двигалась челюсть, затем голос вернулся.

— Танец. Со смертью. — Он пытался осмыслить это с минуту или больше, начинал задавать вопрос, но останавливался на полуслове, затем снова пытался начать, и наконец-то остановился на чем-то достаточно простом: — И каким же образом это связано с символами у анклава Первого волшебника?

Ричард провел большим пальцем по рисункам на браслете левой руки.

— Эти символы имеют значение для боевого чародея — вот, отчасти, почему я их понял. Вообще, во многих ремеслах есть свои символы. Портной рисует на своем окне нож-

ницы, мастер-оружейник может нарисовать над своей дверью контуры ножей, у таверны бывает знак в виде кружки, у кузнеца — наковальня, а если он занимается подковкой лошадей, то прибивает над дверью подкову. Некоторые знаки, например череп с перекрещенными костями под ним, предупреждают о чем-то смертельном. Боевые чародеи из этих же соображений нанесли свои знаки возле анклава Первого волшебника.

Но главное, что у каждого ремесла имеется свой жаргон, особый словарь, специфичный для данной профессии. Аналогично и для боевых чародеев. Жаргон этой профессии имеет отношение в основном к летальным исходам. Так вот, многие символы и внутри, и снаружи анклава Первого волшебника являются знаками этого ремесла: нести смерть.

Зедд откашлялся, затем взглянул вниз и указал на другой символ на браслете Ричарда.

— Вот этот. Он есть на двери, ведущей в мой анклав. Ты знаешь, что он означает? Можешь ли описать его значение и смысл?

Ричард слегка повернул запястье, разглядывая символ, напоминающий взрыв звезды.

— Это предупреждение или совет: не позволяй твоему вниманию замыкаться на чем-то одном. Взрыв звезды — это предложение направлять свой взгляд одновременно повсюду, не сосредотачиваться на одном в ущерб всему остальному. Напоминание о том, что не следует позволять врагу отвлекать твое внимание таким образом, что при этом твое видение оказывается под его контролем и концентрируется лишь на одном. Если ты позволишь такое, то будешь видеть только то, чего хочет он. Такой подход позволит ему ослепить тебя, если можно так выразиться, а затем он придет к тебе оттуда, где ты не видишь его, и тогда ты, скорее всего, потеряешь собственную жизнь.

Вместо этого, подобно изображенному звездному взрыву, твое видение должно быть открыто всему, и не только при принятии решений, но и при нанесении удара. Танцевать со смертью — означает понять твоего врага и стать подобным ему, подразумевая под этим образ его мышления в области его умений, с тем, чтобы знать его меч точно так же, как свой соб-

ственный, — его точное положение, его скорость и следующее движение, прежде чем он внезапно совершит его. И вот, используя подобным образом свое видение, ты приходишь к познанию образа мыслей твоего врага и начинаешь действовать словно по наитию.

Зедд почесал висок.

— Ты пытаешься втолковать мне, что эти символы и знаки, специфичные для боевого чародея, все до одного — наставления по владению мечом?

Ричард покачал головой.

— Понятие «меч» здесь подразумевает все формы борьбы, а не только рукопашный бой с применением определенной разновидности оружия. Точно так же все эти «советы» применимы к выработке стратегии и руководству в самых разных сторонах жизни.

Танец со смертью означает поклонение ценностям жизни в единении с разумом, сердцем и душой, с тем чтобы оказаться должным образом готовым сделать все необходимое для сохранения жизни. Танец со смертью означает, что ты сам — олицетворение смерти, готовое уничтожать все живое, чтобы сохранить жизнь.

Во взгляде Зедда читалось недоумение. Ричард же, казалось, был несколько удивлен его реакцией.

— Это вполне соответствует всему тому, чему в разное время ты учил меня, Зедд.

Свет лампы создавал резкие тени на угловатом лице Зедда.

— Полагаю, в каком-то смысле так оно и есть, Ричард. Но в то же время это нечто значительно большее.

Ричард кивнул, продолжая поглаживать большим пальцем мягко светящуюся серебристую поверхность браслета.

— Зедд, я понимаю, что тебе очень хочется быть тем самым, кто учит меня всему, имеющему отношение к твоему анклаву; и точно так же хочется обучать меня всему, касающемуся Благодати. Да, поступать так — это действительно твоя роль, как Первого волшебника. Возможно, мне и следовало подождать. — Стараясь придать убедительность своим словам, он выставил вперед ладонь. — Но на кону стояли жизни людей и необходимость чего-то сделать. И я был вынужден выучиться кое-чему без тебя.

— Да как же, Ричард, я мог обучить тебя подобному? — сокрушенно заметил он. — Смысл и значение тех знаков утрачены тысячи лет назад. И ни один волшебник со времен... со времен... ну хорошо, ни один волшебник, кого я знал, не оказался в состоянии расшифровать их. И мне трудно представить, как это удалось тебе.

Ричард смущенно пожал одним плечом.

— Стоило мне лишь ухватиться за что-то, остальное стало просто очевидным.

Зедд с опаской взглянул на внука.

— Ричард, я вырос в этом месте. И провел здесь большую часть жизни. Я был Первым волшебником еще тогда, когда здесь были другие волшебники, которыми нужно было управлять. — Он покачал головой. — Все это время эти изображения находились на анклаве Первого волшебника, а я не имел представления, что они означают. Может быть, тебе это кажется простым и заурядным, но на самом деле это не так. Как знать, может быть, ты просто воображаешь, что понимаешь эти символы — всего лишь выдумываешь те значения, которые тебе хотелось бы в них видеть.

— Я не выдумываю их значения. Они бессчетное число раз спасали мою жизнь. И я научился очень многому — как сражаться мечом, читая язык этих символов.

Зедд не стал спорить, а вместо этого указал рукой на амулет, который Ричард носил на шее. В центре, окруженный переплетением золотых и серебряных линий, находился рубин в форме слезы, размером с ноготь большого пальца Никки.

— Ты нашел это в моем анклаве. И ты также можешь сказать, что он означает?

— Это часть снаряжения, часть того, что носил боевой чародей, но в отличие от остального этот амулет, как ты сказал, оставлен под защитой анклава Первого волшебника.

— А его смысл?

Пальцы Ричарда любовно погладили амулет.

— Рубин воплощает каплю крови. А символы, выгравированные на этом талисмане, являют собой символическое представление своего рода первого принципа.

Зедд приложил пальцы ко лбу, как будто был сбит с толку еще одной запутанной головоломкой.

— Первого принципа?

Казалось, взгляд Ричарда потерялся в амулете.

— Первый принцип простой и всеобъемлющий: руби. Раз дело дошло до битвы — руби. Все остальное вторично. В этом твой долг, твоя цель, твое желание. Нет правила более важного, нет обязательства, которое превысило бы вот это, первое: руби.

Слова Ричарда звучали спокойно, с оттенком знания предмета и убийственно серьезно, отчего Никки пробирал холод до мозга костей.

Он снял амулет с шеи, не отрывая взгляда, прикованного к украшающим его гравировкам.

— Выгравированные здесь линии — символическое изображение танца, и каждая из них имеет особый смысл. — Говоря это, он провел пальцем по извивающимся линиям, словно следовал по строкам текста на каком-то древнем языке. — Руби, не ощущая внутри нечего, без малейшего замешательства. Руби врага быстро и наверняка, при первой же возможности. Руби с полной уверенностью. Руби решительно и твердо. Прорубай его силу. Пробивайся сквозь бреши в его обороне. Руби его, руби непрерывно, не давая вздохнуть. Сокрушай его. Руби его без пощады до глубины его духа.

Ричард взглянул на деда.

— Это и есть противовес жизни: смерть. Это танец со смертью, или, более точно, механика танца со смертью — ее сущность, низведенная до формы, и форма передана в общих понятиях. Это принцип, следуя которому боевой чародей живет или умирает.

Выражение карих глаз Зедда трудно было понять.

— Итак, эти знаки, эти символы в конечном счете имеют такое же отношение к боевому чародею, как и просто к искусному бойцу?

— Этот самый главный принцип, о котором я тебе говорил, с тем же успехом позволяет применить и другие символы. Первый принцип описывает не только как боевому чародею следует управляться с оружием, но, что более важно, как ему следует управляться с собственным умом. В этом — фундаментальное понимание природы реальности, которое должно сопровождать все, что он делает. Из правильного

понимания первого принципа следует, что любое оружие — продолжение разума, исполнитель его цели. В некотором роде это примерно то, что однажды ты сказал мне по поводу Искателя Истины. Важно не оружие, а человек, который его держит.

Человек, носивший этот амулет раньше, когда-то был Первым волшебником. Его звали Барах. Ему, кроме того, довелось родиться боевым чародеем, как и мне. Он тоже отправился в Храм Ветров, но когда вернулся, то вошел в анклав Первого волшебника, оставил это там, вышел и совершил самоубийство, прыгнув со стены Цитадели.

Взгляд Ричарда блуждал где-то среди далеких образов и воспоминаний.

— В какой-то момент меня тоже поразило понимание этого, и я жаждал последовать его примеру. — Никки сразу стало легче, когда плененный странными мыслями блуждающий взгляд его серых глаз сменился легкой улыбкой. — Но я образумился.

Тишина в комнате казалась звенящей, будто сама смерть беззвучно проскользнула через нее, задержалась на мгновение и двинулась дальше.

Наконец Зедд улыбнулся своим мыслям и, ухватив Ричарда за плечо, любовно встряхнул его.

— Рад узнать, что сделал правильный выбор, назвав тебя Искателем Истины, мой мальчик.

Никки очень хотела, чтобы у Ричарда по-прежнему был при себе меч, являющийся принадлежностью Искателя Истины, но он пожертвовал им ради информации в попытке отыскать Кэлен.

— Итак, — сказал Зедд, вновь возвращаясь к своей проблеме, — поскольку ты знаешь все об этих символах, то уверен, что смог понять и символы внутри той магической заготовки Огненной Цепи.

— Ведь мне удалось остановить ее действие, разве не так?

Зедд снова сцепил руки за спиной.

— Ты оказался прав. Но это вовсе не означает, что ты способен читать, как символы, формы заклинаний или даже установить, что сама магическая заготовка искажена гармониями.

— Не самими гармониями, — терпеливо пояснил Ричард, — а повреждением магии, оставшемся как результат присутствия гармоний в этом мире. Это повреждение и есть то самое, что исказило магию Огненной Цепи. Вот в чем проблема.

Зедд отвернулся от него, его лицо оказалось скрытым в тени.

— Но все же, Ричард, даже если ты действительно понимаешь что-то в символах, имеющих отношение к боевым чародеям, как ты можешь быть уверен, что так же безошибочно понимаешь и это... то... — он махнул рукой в неопределенном направлении, имея в виду ту комнату, где все это произошло, — совершенно другую область, связанную с магией Огненной Цепи и с гармониями?

— Я это знаю, — продолжал настаивать Ричард негромким голосом. — Я заметил особенности искажений, связанных с этим повреждением. Оно вызвано гармониями.

Голос его звучал устало. Никки побеспокоилась, сколько времени он уже мог быть на ногах? Судя по сухому голосу и едва заметной неуверенности движений, она подозревала, что, скорее всего, он не спал уже несколько дней. Но, несмотря на слабость, слова его звучали решительно и твердо, подтверждая его убежденность. Она понимала, что именно тревога за Кэлен не дает ему покоя.

Никки, дважды извлеченная им из магической заготовки, уже не могла так легко и просто отбросить эту его теорию. Хотя, кроме его теории, она осознавала, что взгляды Ричарда на магию магии весьма отличаются от традиционных. Сначала ей казалось, что его концепция функционирования магии через эстетические принципы, фундаментально отличающаяся от ортодоксальных учений, — его собственная выдумка, не имеющая отношения к изучению магии и без каких-либо оснований. Но с тех пор она пришла к пониманию, что как раз он интуитивно ухватил своим выдающимся умом основную суть природы магии.

Никки пришла к убеждению, что Ричард, как ни странно, способен понять магию, в которой никто не мог разобраться с самых древних времен.

Зедд повернулся так, что теперь с одной стороны его лицо освещалось теплым светом лампы, а с другой — холодным отблеском рассвета.

— Ричард, давай будем считать, что ты прав относительно значений символов на браслетах, похожих на те, что изображены на анклаве Первого волшебника. Но понимание подобных вещей не означает, что ты способен разбираться в ситуации с линиями внутри контролирующей сети. Это совершенно другая, уникальная среда. Я не сомневаюсь в твоих возможностях, мой мальчик, никоим образом, но работа с магическими заготовками — это крайне сложное дело. Не следует сразу перескакивать к заключению...

— Приходилось ли тебе за последнюю пару лет видеть дракона?

Все присутствующие в комнате впали в ошеломленное молчание, когда Ричард вот так неожиданно сменил тему — и не просто на какой-то предмет, а на, как минимум, странный.

— Дракона? — осмелился наконец Зедд, словно человек, медленно ступавший по только что замерзшему озеру.

— Да, дракона. Помнишь ли ты о встрече с драконом после того, как мы покинули наш дом в Вестландии и перебрались в Срединные земли?

Зедд пригладил назад вьющиеся пряди своих седых волос. Прежде чем ответить, он бросил короткий взгляд на Никки и Кару.

— Ну, не могу сказать точно, что я помню, что видел каких-нибудь драконов, но какое это имеет отношение...

— Так где они? Почему ты давно не видел ни одного из них? Почему они исчезли?

Зедд выглядел озадаченным. Он лишь развел руками.

— Ричард, драконы весьма редкие существа.

Ричард откинулся на спинку стула, перекинул ногу на ногу.

— Красные драконы действительно очень редки. Но Кэлен говорила мне, что другие виды относительно широко распространены, и некоторых, наиболее мелких, даже используют для охоты и тому подобного.

Выражение лица Зедда приобрело оттенок недоверия.

— К чему ты клонишь?

Ричард нетерпеливо махнул рукой.

— Так где драконы? Почему мы давно не видели ни одного? Вот к чему я клоню.

Зедд сложил на груди руки.

— Я отказываюсь понимать. О чем ты говоришь?

— Ну, во-первых, ты их не помнишь — вот о чем я говорю. Магия Огненной Цепи затронула не только твою память о Кэлен.

— Не помню чего? — торопливо поинтересовался Зедд. — Что ты имеешь в виду?

Вместо того чтобы ответить деду, Ричард обратил взгляд назад, через плечо.

— А ты видела дракона? — спросил он у Кары.

— Не припомню. — Ее взгляд был по-прежнему прикован к нему. — Ты полагаешь, что следовало бы?

— У Даркена Рала был дракон. Уже после того, как он стал Лордом Ралом, вы бывали рядом с ним и должны были видеть этого дракона.

Зедд и Кара, оба выглядели растерянно.

Ричард обратил хищный взгляд к Никки.

— А ты?

Никки откашлялась.

— Я всегда считала, что это всего лишь мифические существа. Их не было в Древнем мире. Если где и были, то просуществовали не долго. Ни в одной архивной записи со времен великой войны о них нет ни одного упоминания.

— А как насчет того времени, что ты провела в Новом мире?

Никки колебалась, напрягая память. Хотя и понимала, судя по тому, как терпеливо и молча Ричард ожидает ее ответа, что он не хочет менять этой темы. Она знала, что за какую бы сложную задачу он ни брался, решение его никогда не бывало тривиальным. Под его молчаливым изучающим взглядом Никки прониклась не только стремлением дать ответ, но и нарастающим ощущением дурного предчувствия.

Она отбросила покрывало и спустила ноги с края кровати. Лежать ей было уже невмоготу — особенно поскольку разговор зашел о том времени. Придерживаясь за спинку кровати, она встретила взгляд Ричарда.

— Когда я увозила тебя в Древний мир, прежде чем покинуть Новый, мы проходили мимо огромных костей. Я так и не слезла с лошади, чтобы рассмотреть их, но помню, как ты хо-

дил через эти ребра... реберные кости, которые были вдвое выше твоего роста. Я никогда не видела ничего подобного. И ты сказал, что это останки дракона.

Я предположила, что это, должно быть, очень древние кости. Но ты заметил, что они не могут быть древними, что на них все еще оставались куски плоти. И еще ты указал на жужжащих мух как на доказательство того, что это гниющий труп, а никак не древние останки.

Ричард кивнул, выслушав эти воспоминания.

Зедд прочистил горло.

— А сам-то ты видел дракона, Ричард? Я имею в виду, живого.

— Скарлет.

— Что?

— Ее звали Скарлет.

Зедд недоверчиво заморгал.

— Ты видел дракона... и у него было имя?

Ричард встал и подошел к окну. Он опустил руки на каменный проем, оперся на него всем своим весом и стал пристально смотреть наружу.

— Да, — сказал он наконец. — Ее звали Скарлет. Прежде она помогала мне. Это было благородное существо.

Он отвернулся от окна.

— Но дело не в этом. Дело в том, что вы тоже знали ее.

У Зедда непроизвольно поднялись брови.

— Я знал дракона?

— Ну, не так близко, как Кэлен или я, но ты ее знал. Вполне возможно, что запущенная Огненная Цепь нарушила твою память и в этом отношении. Предполагается, что Огненная Цепь заставляет каждого забыть Кэлен, но при этом забывается и все прочее, связанное с ней.

Не исключено, что когда-то и ты мог знать значения символов с внешней стороны анклава Первого волшебника, и даже лучше меня. Если ты знал их, то эта часть твоей памяти просто утрачена. А сколько еще самых разных знаний потеряно? Я не большой специалист в применении магии, но когда мы сражались ночью с этим зверем, мне казалось, что в прошлом каждый из вас пользовался куда более изощренными приемами, чем те примитивные воздействия, которые вы пы-

тались пустить в ход... может быть, за исключением того, что под конец сделала Никки.

Это и есть то самое, чего больше всего боялись те, кто придумал магию Огненной Цепи. И вот почему они даже не пытались запускать ее. Вот почему они даже не попробовали проверить ее. Они боялись того, что, однажды запущенная, она может распространиться, разрушая связи, весьма удаленные от первичной цели. В данном случае целью является Кэлен. Ваша память о Кэлен утрачена. И утрачена ваша память о Скарлет. И, несомненно, точно так же утрачена и память о том, что вы вообще когда-либо видели драконов.

Никки встала.

— Ричард, никто не спорит, что магия Огненной Цепи — ужасная опасность. Мы все это знаем. Мы все знаем и то, что наша память была испорчена запуском Огненной Цепи. Представляешь ли ты, насколько неуютно мы чувствуем себя, когда понимаем только рассудком, что раньше мы что-то делали, были знакомы с людьми, которых теперь не можем вспомнить? Понимаешь ли ты, как тревожит и не дает покоя пребывание в постоянном ужасе из-за того, что наша память уже потеряла и что еще окажется потерянным? Твоя собственная память тоже дает сбои? К чему же ты, во всяком случае, клонишь?

— Именно к этому — к тому, что «окажется потерянным». Думаю, подобное «разрушение» разрастается в памяти всех людей... память портится, как ты только что сказала. Вряд ли Огненная Цепь имеет лишь одно назначение — забыть Кэлен. Полагаю, эта магия, запущенная однажды, является непрерывным динамическим процессом. И скорее всего, утрата памяти людьми будет шириться.

Зедд, Кара и Никки не выдержали непоколебимого взгляда Ричарда, все отвели глаза. Никки только удивлялась, как могли они надеяться, что помогут ему, если никто из них не мог воспользоваться со всей полнотой собственной памятью, хранившей теперь гораздо меньше, чем раньше.

Мог ли Ричард полагаться на кого-либо из них?

— Боюсь, что не только все плохо, но становится все запутаннее и еще хуже, — сказал Ричард без энтузиазма в

голосе. — Драконы, как и многие другие существа в Срединных землях, нуждаются в магии и пользуются магией, чтобы выживать. Что если повреждение, вызванное гармониями, погасило ту самую магию, которая им так необходима для жизни? Что если никто не видел никаких драконов в течение последних двух лет как раз потому, что их больше нет, а благодаря Огненной Цепи они и вовсе забыты? И какие еще существа, связанные с магией, могут так же исчезнуть, прекратив существование? — Ричард ткнул себя большим пальцем в грудь. — Мы — существа, использующие магию и обладающие ею. У нас есть дар. Сколько еще остается времени, пока «пятно», оставленное гармониями, начнет разъедать и нас?

— Но возможно... — Голос Зедда замер, поскольку дальнейших аргументов не нашлось.

— Заражена сама магия Огненной Цепи. Вы все видели, что она делала с Никки. Она была внутри — и знает о ней всю ужасающую правду. — Ричард, продолжая говорить, принялся мерить комнату шагами. — Нечего и говорить, что это «заражение» магии могло изменить методику ее работы. Возможно даже, что именно из-за «заражения» потеря каждым человеком памяти расширяется за пределы того, что произошло бы в ином случае.

Но еще хуже то, что, похоже, это искажение работает в соединении с действием Огненной Цепи симбиотическим образом.

Зедд поднял глаза.

— О чем ты говоришь?

— В чем состоит безумная цель гармоний? Для чего они были изначально созданы? С одной-единственной целью, — сказал Ричард в ответ на собственный вопрос, — чтобы разрушать магию.

Ричард перестал ходить по комнате и остановился лицом к остальным, продолжая говорить.

— «Загрязнение», произведенное гармониями, разрушает магию. Существа, которым она необходима для жизни, например драконы, вероятно, оказались первыми, на кого это подействовало. И эта цепочка событий будет продолжена. Но никто не будет в состоянии осознать это, поскольку

одновременно воздействие Огненной Цепи уничтожает память каждого существа. Думаю, это может происходить так потому, что магия Огненной Цепи сама искажена, и поэтому заставляет всех забывать сами утраченные объекты.

Подобно пиявке, обезболивающей рану, чтобы жертва не почувствовала, как отсасывается кровь, магия Огненной Цепи заставляет каждого забыть именно то, что оказывается потерянным из-за тех самых, привнесенных гармониями, искажений.

Мир весьма серьезно меняется, но никто этого даже не осознает. Выглядит так, будто все забывают, что это мир, находящийся под влиянием и во многих отношениях функционирующий посредством существования магии. По мере того как эта магия умирает... подобным же образом умирает память каждого о ней.

Ричард снова оперся на подоконник и уставился в окно.

— Пробуждается новый день — день, когда волшебство исчезает, и никто даже не догадывается, что оно постепенно угасает. Когда оно исчезнет полностью, сомневаюсь, что кто-то даже вспомнит о нем, вспомнит о том, что когда-то оно было. Все идет к тому, что магия станет лишь легендой.

Зедд, прижав пальцы к столу, смотрел вперед. Свет лампы делал более резкими глубокие морщины на его осунувшемся лице. Оно было мертвенно-бледным. В этот момент Никки подумалось, что он выглядит очень старым.

— Добрые духи, — произнес Зедд, не поднимая глаз. — Что, если ты прав?

В следующий момент они все повернулись на осторожный стук. Кара распахнула дверь. На пороге стояли Натан и Энн, вглядываясь внутрь комнаты.

— Мы запустили нормальную контролирующую сеть, — сказал Натан, входя вслед за Энн в комнату и обводя взглядом мрачные лица собравшихся.

Зедд выжидающе взглянул на него.

— И?

— И она не проявила никаких изъянов, — сказала Энн. — Вполне работоспособна во всех отношениях.

— Как такое возможно? — спросила Кара. — Мы все видели затруднения, происходившие с другой сетью. Она

едва не убила Никки... и убила бы, если бы Лорд Рал не отключил ее.

— Мы подумали то же самое, — сказал Натан.

Зедд отвел взгляд в сторону.

— Считается, что внутренняя перспектива способна обнаружить нечто большее, чем нормальный контролирующий процесс, — пояснил он Каре. — Это настораживающий признак. Признак, нехороший во всех отношениях. Это означает, что искажение явно упрятало себя как можно глубже, чтобы скрыть свое присутствие. Вот почему его не видно в обычной контролирующей сети.

— Но есть и другой вариант, — предположила Энн, пряча руки в противоположных рукавах своего простого серого платья. — С магией не произошло никаких нарушений. В конце концов, ведь никто из нас до сих пор и не пытался работать с внутренней перспективой. Ничего подобного не делалось уже многие тысячи лет. И вполне возможно, что мы просто сделали что-то не так.

Зедд покачал головой.

— Как бы мне ни хотелось, чтобы было именно так, но сейчас я уверен в противоположном.

Натан нахмурился, сопровождая это подозрительным взглядом, но Энн заговорила раньше, чем он воспользовался такой возможностью.

— Даже если эти сестры, высвободившие такую магию, создали контролирующую сеть, — сказала она, — скорее всего, они не затрудняли себя внутренней перспективой, и поэтому даже не подозревают, что сеть оказалась искажена.

Ричард поглаживал пальцами над бровью.

— А если и знают, что она искажена, не думаю, что это сильно их озаботит. Они не станут переживать о том ущербе, который из-за подобного искажения будет причинен миру. Их цель, в конце концов, заключалась в том, чтобы заполучить шкатулки и высвободить силу Ордена.

Натан переводил взгляд с одного мрачного лица на другое.

— В чем дело? Что случилось?

— Боюсь, мы только что уяснили, что потеря памяти может быть лишь началом. — Никки ощущала себя доволь-

но странно, стоя перед ними в розовой ночной рубашке и объявляя при этом о конце их мира, такого, каким они его понимали. — Мы теряем свою индивидуальность: кто мы есть и что мы есть. Мы теряем не только наш мир, но и самих себя.

Ричард, казалось, больше не обращал никакого внимания на происходившую беседу. Он стоял неподвижно, глядя в окно.

— Кто-то поднимается по дороге, ведущей к Цитадели.

— Возможно, это Том и Фридрих, — сказал Натан.

Зедд покачал головой и бросился к окну.

— Они не могли так рано вернуться с патрулирования окрестностей.

— Ну, могло случиться, что они...

— Это не Том и не Фридрих, — сказал Ричард, направляясь к двери. — Это две женщины.

Глава 10

— Что случилось? — воскликнула Рикка, когда Ричард, Никки и Кара обогнали ее. Натан и Энн отстали далеко позади, Зедд был где-то посредине.

— Идем с нами, — крикнул ей пробежавший Ричард.

— Кто-то поднимается по дороге, ведущей к Цитадели, — бросила Кара через плечо, в то время как Рикка присоединилась к их марш-броску через коридоры и залы.

Ричард обогнул длинный каменный стол, стоявший у стены под огромной картиной, изображающей озеро, за которым можно было разглядеть едва заметные тропинки, уходящие в густо затененный сосновый лес. Вдалеке сквозь синеватую мглу проступали величественные вершины, тронутые золотистым сиянием восходящего солнца. Этот пейзаж заставлял Ричарда мысленно возвращаться в леса Хартленда, на хорошо знакомые ему тропки. Хотя более всего эта картина всегда напоминала ему о том волшебном лете, проведенном вместе с Кэлен, в доме, который он построил для нее далеко в горах.

В то лето Кэлен оправлялась от ужасных ран, а он показывал ей красоту природы своего лесного мира, и она вновь ожила, обретя здоровье. Это было счастливейшее время его жизни. И закончилось оно слишком внезапно — неожиданно появилась Никки и увела его. Хотя он и понимал, что не прерви эту идиллию Никки, прервало бы что-то другое. Это было время сказочного сна, который не должен кончаться; но при наличии надвигающейся угрозы со стороны Имперского Ордена никто не может наслаждаться блаженством. Все оказались сметены и охвачены одним и тем же кошмаром.

Они повернули за угол, обогнув зеленую мраморную колонну с позолоченным основанием и капителью, и заспешили вниз по спиральным виткам гранитных ступеней, при этом Ричард и Никки неслись впереди, а по пятам за ними следовали две женщины из морд-ситов. Лестничный спуск был маловат для такой Цитадели, но затмевал своими размерами все, что Ричард мог видеть в Вестландии.

Спустившись, он замер на какое-то время, делая передышку и пытаясь выбрать кратчайший маршрут; в Цитадели это не всегда тот маршрут, который таковым казался. Кроме того, потеряться в этой Цитадели было так же легко, как заблудиться в березовом лесу.

Кара проскочила вперед между Ричардом и Никки, не только чтобы позаботиться, чтобы с каждой стороны от него находится страж в красной коже, но и чтобы быть впереди. Насколько Ричард знал, у морд-ситов не было рангов, но Рикка, как другой морд-сит, всегда беспрекословно признавала неформальный авторитет Кары.

Ричард приметил уникальный узор из тонких черных и золоченых линий на панелях из красного дерева, тянувшихся по обеим сторонам одного из декоративно отделанных боковых коридоров. Практически с тех самых пор, как научился ходить, Ричард, чтобы узнавать дорогу, ориентировался по мелким деталям своего окружения. Подобно деревьям в лесу, которые узнаваемы благодаря некоторым особенностям, таким как искривленные ветви, новый побег или шрам на коре, он в перемещениях по Цитадели и другим подобным местам ориентировался по деталям архитектуры.

Он махнул рукой.

— Сюда.

Кара побежала впереди него.

При беге их сапоги стучали по каменному полу коридора, порождая эхо. Никки бежала босиком. И он был отчасти удивлен тем, что она без сапог все еще спокойно бежит по грубо обработанному камню. Никки была не из тех женщин, которых Ричард вообще мог представить бегущими босиком. Хотя, даже когда бежала без обуви, она по-прежнему выглядела не теряющей каким-то образом царственной осанки.

А ведь совсем недавно Ричард боялся, что Никки уже отбегалась. Он все еще сам удивлялся, что сумел извлечь ее из той магической заготовки, после того как, разбив окна, ворвалась молния. Какое-то время он был уверен, что она не выживет. И если бы, когда Ричард «отключил» контролирующую сеть, рядом не оказался со своей помощью Зедд, его опасения вполне могли сбыться.

Они свернули в другой коридор — толстые ковры заглушали их бег — и наконец оказались в большом зале овальной формы с двумя отполированными до блеска колоннами из красного мрамора. По всему периметру помещения проходил балкон, поддерживаемый колоннами с арками. Все проходы на балконе были коридорами, расходящиеся как спицы в колесе, ведущие к различным уровням и частям Цитадели.

Ричард в пять прыжков спустился по ступенькам, проскочил между колоннами и теперь огибал огромный, имевший форму клеверного листа, фонтан, расположенный в центре помещения, пол которого был покрыт плиткой. Вода в фонтане спадала каскадами с расходящихся рядов зубчатых чаш и заканчивала падение в бассейне со стенами из белого мрамора, высотой по колено, служившей еще и в качестве скамьи. Расположенная футах в ста над головой стеклянная крыша пропускала в зал свет и тепло.

Когда Ричард достиг дальнего конца зала, он обогнал Кару и распахнул одну из тяжелых двойных дверей. Он остановился на верхней из двенадцати протяженных гранитных ступеней. Никки остановилась рядом с ним слева, а по другую сторону от нее встала Рикка. Кара заняла оборонительную позицию как можно ближе к нему справа. Теперь все они переводили дух от короткой, но быстрой пробежки через Цитадель.

В раннем утреннем свете трава в загоне для лошадей, через дорогу, казалась пышной и ярко-зеленой. Позади загона отвесно поднималась стена Цитадели, образующая внутренний двор, казавшийся похожим на уютный каньон. Прошедшее тысячелетие оставило на взмывающей вверх стене из плотно подогнанных темных камней бледный желтовато-коричневый осадок. Кремовые капли отложений кальция создавали впечатление, что камень медленно оплавляется.

Две лошади, цокая копытами, приближались в арочном проходе слева — выходе из туннеля под частью Цитадели, единственного прохода во внутренний двор. Ричард пока не мог сказать, кто эти всадники, скрытые в глубокой тени широкого и низкого сводчатого прохода. Но кто бы это ни был, они явно знали, куда направлялись, и, по всей вероятности, не боялись ехать во внутренний двор Цитадели, предназначенный не для посетителей, а для волшебников и их помощников. Впрочем, так было в очень далекие времена. И тем не менее Ричард припомнил свой трепет, когда в первый раз, с большой осторожностью, отправился в наземную часть Цитадели. Его до сих пор изумляло, что бывают люди, отваживающиеся на подобные поступки.

Когда пара всадников выехала на свет, Ричард увидел, что один из них — Шота.

Ведьма встретилась с ним взглядом и улыбнулась той спокойной, понимающей и очень личной улыбкой, которую так естественно носила на лице. Как и многому другому, имевшему отношение к Шоте, Ричард совершенно не доверял этой улыбке, как знаку совершенно неискреннему, и поэтому не мог считать, что она предвещает что-нибудь хорошее.

Он не узнал женщину, по виду лет на десять или пятнадцать старше, которая почтительно следовала позади Шоты. Короткие рыжеватые волосы обрамляли приятное женственное лицо. Глаза ее были удивительно голубыми, как небо сияющим и ясным осенним днем. В отличие от Шоты, она не маскировалась этой особой неопределенной улыбкой. Пока они ехали, она вертела головой, и голубые глаза оглядывали все вокруг, словно она опасалась неминуемого нападения демонов, способных мгновенно материализоваться из темного камня окружающих стен.

По контрасту с ней, Шота выглядела спокойной и самоуверенной.

Кара за спиной Ричарда наклонилась к Никки.

— Шота, ведьма, — доверительно прошептала она.

— Знаю, — ответила Никки, не отрывая глаз от подъезжавшей к ним удивительно красивой женщины.

Шота остановила лошадь почти у самых ступеней. Расправив плечи, она, для расслабления, опустила запястья рук на переднюю луку седла.

— Мне понадобилось увидеть тебя, — сказал она Ричарду, как будто он был единственным, кто стоял на ступенях Цитадели. Улыбка, искренняя или нет, исчезла с ее лица. — Нам нужно о многом поговорить.

— А где же твой кровожадный маленький спутник Самюэль?

Шота, сидевшая на седле боком, соскользнула с лошади в манере, соответствующей, в представлении Ричарда, схождению живого духа на землю, если бы духи ездили на лошадях.

Намек негодования заставил сузиться миндалевидной формы глаза Шоты.

— Это одна из тем, которые нам надо обсудить.

Другая женщина также спустилась с лошади и взяла поводья от лошади Шоты, когда та просто отвела их в сторону и отпустила, почти так, как поступает королева, не думая и не заботясь о том, кто подхватит их, но ожидая, без всяких сомнений, что кто-то наверняка сделает это. Взгляд Шоты был по-прежнему прикован к Ричарду, пока она плавно двигалась к широким гранитным ступеням. Ее густые, вьющиеся золотисто-каштановые волосы спадали на плечи и слегка искрились в свете раннего утра. Подчеркивающее фигуру открытое платье из воздушной ткани ржавого цвета, превосходно подходящего к цвету ее волос, казалось, плыло при легких шагах, тесно облегая каждый изгиб фигуры, по крайней мере те изгибы, что были прикрыты.

Наконец пристальный взгляд Шоты, оставив Ричарда, переместился на Никки, сменившись на явный вызов: «Я ненавижу тебя». Это была разновидность взгляда, готового испепелить любого. Но с Никки он потерпел неудачу. А Ричард только тут понял, что, похоже, присутствует при встрече двух крайне опасных и энергичных женщин. Он уже ожидал, что вот-вот покатятся грозовые облака и засверкают молнии, но небо оставалось вызывающе ясным.

Но вот взгляд Шоты вновь скользнул назад, к Ричарду.

— Твой приятель Чейз был серьезно ранен.

Ричард не имел предположений, что именно собиралась ему сказать Шота, но это даже близко не было к ожидаемому.

— Чейз?..

Внезапно появился Зедд и протолкался между Ричардом и Карой.

— Шота! — заявил он в раздражении. Его лицо побагровело, но явно не от бега через коридоры и залы. — Как ты посмела явиться в Цитадель! Сначала обманным путем отобрала у Ричарда меч, а потом...

Ричард протянул руку к груди деда, не давая ему спуститься по ступеням.

— Зедд, успокойся. Шота говорит, что Чейз тяжело ранен.

— Почему она решила...

Неожиданно голос Зедда стих, когда наконец-то до него дошли слова Ричарда. Его округлившиеся глаза снова повернулись в сторону Шоты.

— Чейз ранен? Добрые духи... но как?

Внезапно Зедд уловил присутствие другой женщины, стоявшей немного дальше и державшей поводья лошадей. Он сощурился от яркого света.

— Джебра? Джебра Бевинвер?

Женщина приветливо улыбнулась.

— Это было так давно. Я не думала, что ты запомнил меня, волшебник Зорандер.

На этот раз Ричард уже не пытался остановить Зедда, когда тот вновь бросился вниз по ступеням, затем тепло и покровительственно обнял женщину.

— Волшебник Зорандер...

— Зедд, помнишь?

Она отклонилась назад, чтобы вглядеться в его лицо. Улыбка проглянула сквозь печаль, тягостно подавляющую ее взор, — и исчезла, подобно привидению.

— Зедд, мои видения пропали.

— Пропали... видения? — Тревога исказила его лицо, он выпрямился и схватил ее за плечи. — Когда?

Ужасная мука вновь наполнила ее голубые глаза.

— Почти два года.

— Два года... — повторил Зедд, его голос ослаб в смятении и испуге.

— Теперь я вспомнил тебя. — Это произнес Ричард, сбегая вниз по ступеням. — О тебе мне говорила Кэлен.

Джебра озадаченно нахмурилась в ответ на слова Ричарда.

— Кто?

— Призрак, которого он ищет, — сказал Шота, и ее твердый взгляд вновь уперся в него, будто вызывая на спор.

— Женщина, которую он ищет, совсем не призрак, — сказала Никки, привлекая внимание Шоты. — Отчасти благодаря твоим весьма дорого обошедшимся, и при этом двусмысленным намекам, мы все-таки открыли правду, о которой постоянно говорил Ричард. О чем ты, скорее всего, все еще не имеешь представления.

Леденящий взгляд Никки напомнил Ричарду, что когда-то она была известна как Госпожа Смерть. Холодная властность в голосе была под стать этому взгляду. В мире было мало женщин, которых боялись так же сильно, как когда-то Никки... может быть, за исключением Шоты. Поведение Никки совершенно явно указывало, что она женщина, которую все еще следует бояться.

Шота, с полным равнодушием, но очень внимательно смерила взглядом ночную рубашку Никки. Ричард ожидал затем глупой ухмылки. Вместо этого глаза Шоты яростно сверкнули.

— Ты спала в его постели. — В голос звучали нотки удивления, как будто эти сведения пришли ей на ум совершенно неожиданно.

Никки лишь пожала плечами, удовлетворенная пробуждением ярости Шоты.

— И в самом деле спала.

Едва заметная улыбка, в свою очередь, тронула уголки рта Шоты.

— Но так и не преуспела в попытке уложить его с собой. — Ее улыбка стала шире. — Или даже и не пыталась, моя дорогая? Опасаешься не пережить отказа?

— Почему бы тебе не рассказать мне, каково это — быть отвергнутой? Я тогда смогла бы решить, стоит ли.

Ричард осторожно заставил Никки отступить назад от края ступени, прежде чем две женщины не совершили какую-нибудь глупость — как, например, попытаться выцарапать друг другу глаза. Или действительно испепелить друг друга.

— Ты сказала, что явилась сюда не без причины, Шота... Но уж лучше бы заехала просто так.

Шота тихо вздохнула.

— Я нашла твоего приятеля, Чейза. Он был опасно ранен.

— Это ты уже говорила. Как он был ранен?

Взгляд Шоты по-прежнему не пытался избежать его взгляда.

— Он был ранен мечом, который тебе очень хорошо знаком.

Ричард удивленно заморгал.

— Чейз был ранен Мечом Истины? Это Самюэль напал на Чейза?

— Боюсь, что так.

Зедд погрозил ей костлявым пальцем.

— Это все твои проделки!

— Чушь. — Шота тоже подняла палец, когда Зедд подошел ближе, но скорее для предупреждения, чем для обвинения. Этот жест и ее слова удержали Зедда от того, чтобы шагнуть еще раз. — Чтобы устроить неприятности, мне не нужен никакой меч. — Она выгнула бровь. — Хочешь убедиться в этом, волшебник?

— Прекратите это! — Ричард сбежал вниз, перепрыгивая через ступени, и встал между дедом и Шотой, обратив к ней свирепый взгляд. — Что происходит?

Она грустно вздохнула.

— Боюсь, даже я не совсем это понимаю.

— Ты отдала мой меч Самюэлю. — Ричард попытался скрыть свой гнев и постарался не повышать голоса, но у него это не получилось. — Я же предупреждал тебя о его характере. Но, несмотря на мое предупреждение, ты настояла на том, чтобы он получил этот меч. Я хочу знать, что он затевает. Где Чейз? Насколько тяжело он ранен? И где сейчас Рэчел?

Шота сдвинула брови.

— Рэчел?

— Девушка, что была с ним... Девушка, которую он удочерил. Они вдвоем отправились назад, в Вестландию. Чейз собирался перевезти свою семью в Цитадель. Ты хочешь сказать, что девушки с ним не было?

— Я нашла его тяжело раненым. — Шота впервые выглядела так, будто оказалась в замешательстве. — И с ним не было никакой девушки.

Пока Ричард выжидал, Рикка взяла поводья обеих лошадей и повела их к загону. Он же пытался представить, что могло произойти и почему Рэчел не осталась с Чейзом. Он беспокоился, ведь, скорее всего, что-то случилось с Рэчел. Зная, какой находчивой и изобретательной она была, Ричард задавался вопросом, не отправилась ли она за помощью и не бродит ли теперь там совершенно одна?

И тут ему в голову пришла другая мысль.

— И как же это случилось, что ты случайно встретила Чейза?

Шота облизнула губы. Казалось, ей не хотелось говорить что-то неприятное для нее, но в конце концов она произнесла:

— Я разыскивала Самюэля.

Удивленный, Ричард взглянул на Никки. Ее облик не выдавал никакой реакции, и казалось, что лицо настолько лишено эмоций, что на какое-то мгновение это напомнило Ричарду похожее выражение, которое он время от времени наблюдал у Кэлен. «Маска Исповедницы», так она называла это. Исповедницы время от времени подавляют все эмоции, чтобы делать те ужасные вещи, что порой бывают необходимы.

— И в каком состоянии Чейз? — спросил Ричард, на этот раз значительно спокойней. Он хотел узнать, почему Шота вообще преследовала Самюэля, но в данный момент следовало интересоваться наиболее важным. — Он поправляется?

— Надеюсь, что так, — сказала Шота. — Он был пронзен мечом...

— Моим мечом?

Шота не стала возражать против этой детали.

— Я не целитель, но у меня есть определенные способности, и я оказалась в состоянии по крайней мере отменить его путешествие в мир иной. И нашла людей, способных позаботиться о нем и помочь ему выздороветь. Уверена, что сейчас он в безопасности. Но пройдет еще некоторое время, прежде чем он вновь встанет на ноги.

— И почему же Самюэль не убил его? — спросила Кара с верхней ступени.

— И точно так же поступил и с Тови, — сказала Никки. — Ее он тоже не убил.

— Самюэль, безусловно, способен на убийство, — отметил Ричард.

Шота свела руки перед собой.

— У Самюэля могло не хватить храбрости убить *этим* мечом. Он делал это в прошлом — когда меч был по праву его, — и поэтому осознает боль, которую тот причиняет, когда его используют для убийства. — Она выгнула бровь, глядя на Ричарда. — Полагаю, ты прекрасно знаешь, о чем я говорю.

— Это оружие, которому не следует находиться в неподходящих руках, — сказал Ричард.

Шота пропустила насмешку Ричарда мимо ушей и продолжила.

— Он, скорее, ведет себя как трус. Зачастую трус просто оставляет человека умирать самого по себе, подальше от собственных глаз.

— Но в таком случае людям приходится больше страдать, — заметил Зедд. — Это еще более жестоко. Возможно, поэтому он поступает так.

Ведьма лишь покачала головой.

— Самюэль трус и авантюрист; главное в нем не жестокость, а, скорее, полный эгоизм. Трусы неизбежно не решаются все продумать до конца. Поэтому действуют по собственной прихоти. И делают то, что хотят и когда хотят.

Самюэль крайне редко утруждает себя обдумыванием последовательности своих действий; он просто хватает что-то, когда видит такую возможность, когда видит то, что желает получить. Он старается избежать боли, которую испытает в случае убийства этим мечом, и поэтому не завершает убийства, начатого им импульсивно, в порыве. Если раненного им человека ждет мучительный конец и затянувшиеся боли, для Самюэля это не имеет значения, поскольку он никогда не остается рядом, чтобы быть свидетелем. С глаз долой — из мыслей вон. Именно так он и поступил с Чейзом.

— А ты дала ему меч, — сказал Ричард, не в состоянии скрывать гнев. — Ты прекрасно знала, что он собой представляет, и все-таки сочла возможным так поступить.

Шота с минуту смотрела на него, прежде чем ответить.

— Это было не так, Ричард. Я дала ему меч, потому что надеялась, что это его успокоит. Я верила, что он будет рад заполучить его вновь. Полагала, что это смягчит его давнюю обиду за то, что меч у него грубо отобрали.

Шота бросила короткий, но враждебный взгляд в сторону Зедда.

— Так значит, ты не задумывалась над последствиями своих поступков, — сказал Ричард. — Ты просто сделала то, что захотела.

Взгляд Шоты вновь скользнул к Ричарду.

— Столько времени спустя и после всего произошедшего ты по-прежнему непочтителен и дерзок, как и раньше?

Но Ричард был не в настроении извиняться.

— Боюсь, что дела даже гораздо хуже, — сказала Шота, чуть менее яростно, — чем я полагала ранее.

Зедд поглаживал подбородок, стараясь оценить ситуацию.

— Должно быть, Самюэль ударил мечом Чейза, а затем похитил Рэчел.

Ричард был удивлен предположением Зедда; сам он не подумал об этом, а предполагал, что Рэчел отправилась искать помощь.

Все свое недовольство он адресовал Шоте:

— Почему Самюэль так поступил?

— Боюсь, что у меня нет никаких предположений. — Шота подняла глаза на Никки, по-прежнему стоявшую на самой верхней из гранитных ступеней. — Кто та женщина, которую, по твоим словам, он ударил? Кто такая эта Тови?

— Одна из сестер Тьмы. И это не пустое обвинение. Тови не знала человека, ударившего ее, и не знала, кто такой Самюэль, но она точно знала, что такое Меч Истины; когда-то она была одним из учителей Ричарда во Дворце Пророков. И перед тем как умереть, она рассказала мне, как она и еще три сестры Тьмы «запалили» магию Огненной Цепи вокруг Кэлен, чтобы вынудить всех забывать ее. Затем они использовали Кэлен, чтобы выкрасть шкатулки Ордена из Народного Дворца.

Брови Шоты собрались в глубокие складки. Она выглядела по-настоящему растерянной.

— Шкатулки Одена вступили в игру, — добавил Ричард.

Шота взмахнула рукой, прогоняя мысленные видения.

— Об этом я уже в курсе. Не знала только, почему.

Ричард задумался над тем, сколько из этой истории ей известно, но все равно добавил:

— Тови доставляла одну из шкатулок Одена, хранившихся в Народном Дворце Д'Хары, когда Самюэль напал на нее, проткнул мечом, а затем похитил шкатулку.

В очередной раз Шота проявила удивление, но это выражение быстро исчезло, сменяясь тихой яростью, по мере того как она молча обдумывала услышанное.

— Я знал Чейза всю свою жизнь, — сказал Ричард. — И хотя любой может ошибиться, не припоминаю ни единого случая, чтобы он оказался захвачен врасплох кем-то, сидевшим в засаде. Как не могу представить себе, что вот так запросто может попасть в засаду сестра Тьмы. Люди, обладающие даром, с их уровнем талантов и способностей, способны ощущать присутствие посторонних.

Шота взглянула на него.

— Что ты имеешь в виду?

— Каким образом Самюэль сумел неожиданно напасть на сестру Тьмы и на Стража границы? — Ричард сложил на груди руки. — И к тому же всякий раз, когда Самюэль пытается совершить что-то поистине дьявольское, ты всегда удивляешься и снимаешь с себя всякую ответственность за все его поступки. Так какую же роль во всем этом сыграла ты, Шота?

— Никакую. Не имею ни малейшего представления, что он затевает.

— Такая неосведомленность для тебя не характерна.

Ее щеки покрыл румянец.

— Сам же ты не знаешь и половины этого. — Наконец она отвернулась от него и направилась к ступеням. — Я уже сказала тебе, что нам надо многое обсудить.

Ричард ухватил ее за руку, останавливая.

— Сделала ли ты что-нибудь, чтобы Самюэль смог подкрасться к Чейзу или неожиданно напасть на Тови и похитить шкатулку? Я имею в виду не то, что ты обеспечила его оружием, чтобы совершить этот «подвиг», и, без сомнения, рассказала о могуществе, заключенном в шкатулках Одена.

Некоторое время она всматривалась в его глаза.

— Ты жаждешь убить меня, Ричард?

— Убить тебя? Шота, я всегда был твоим лучшим другом.

— Тогда смени гнев на милость и выслушай то, что мы собирались сообщить тебе, явившись сюда. — Она высвободила свою руку и вновь направилась к ступеням. — Давай пройдем внутрь, подальше от этой несносной погоды.

Ричард взглянул на голубое небо.

— Погода прекрасная, — сказал он, наблюдая, как она поднимается по лестнице.

На самом верху она остановилась, чтобы обменяться коротким и пристальным взглядом с Никки, затем повернулась и посмотрела вниз, на Ричарда. Это был взгляд из разряда навязчивых, несдержанных, вызывающих беспокойство взглядов, какие, по его представлению, могла магическим образом воспроизвести только ведьма.

— Только не в моем мире, — едва слышно произнесла она. — В моем мире сплошной дождь.

Глава 11

Шота плавно приблизилась к фонтану и замерла. Платье из полупрозрачной ткани, облегавшее ее превосходные формы, колыхалось легко и изящно, будто подхваченное слабым ветром. Быстро льющаяся, спадающая водопадами, весело журчащая, словно бы танцующая вода искрилась в свете, падавшем сверху, через застекленную крышу, и создавала здесь атмосферу радости. Шота с минуту рассматривала фонтан отсутствующим взглядом, как будто захваченная своими мыслями, затем повернулась к небольшой компании, ожидавшей ее внутри зала возле огромных двойных дверей. Они все стояли молча, наблюдая за ней, словно ожидая услышать мнение королевы.

Вдруг струи за спиной Шоты, взметающие воду высоко в воздух, подавая ее наверх фонтана, внезапно оборвались. Остатки воды, все еще летящей вверх, после того как общий ее поток прекратился, достигли своего зенита и свалились в верхнюю чашу, будто сраженные в неравном противостоянии. Множество одинаковых водяных потоков, текущих из верхних чаш в нижние, начали иссякать, словно оказавшись в замешательстве от неуместного веселья, замедлились и наконец затихли.

Зедд шагнул с угрожающим видом, черты его лица искажало неприветливое выражение. Как только он остановился, развевающиеся полы его простой мантии собрались вокруг ног. В эту минуту Ричарда осенило, что его дед выглядел именно тем, кем он и был: Первым волшебником. И если Ричарду казалось, что Никки и Шота смотрелись угрожающе, то сейчас он осознал, что и Зедд выглядит не менее грозно. В эту

минуту он был как грозовое облако, приютившее затаившуюся молнию.

— Я не позволяю тебе регулировать что-либо в этом месте. Я отнесся к тебе снисходительно, поскольку ты явилась сюда по причине, которая — *может быть* — каким-то образом важна для всех нас, но мое терпение истощится, если ты будешь повсюду совать свой нос.

Шота резко махнула рукой, отвергая его предупреждение.

— Я не надеялась, что ты пустишь меня дальше этого зала. А фонтан очень шумный. Не хочу, чтобы Ричард пропустил хоть что-нибудь из того, что собираемся сообщить ему я и Джебра.

Она протянула руку в сторону Энн, стоявшей рядом с Никки и наблюдавшей за происходящим, оставаясь почти невидимой в глубокой тени балкона и взмывающих высоко вверх красных колонн.

— Это касается дел, которые полжизни были близки твоему сердцу, аббатиса.

— Я больше не аббатиса, — ответила Энн спокойным и властным голосом, звучавшим так, будто самого тона достаточно для опровержения этих слов.

— Почему ты разыскивала Самюэля? — спросила Кара, привлекая внимание ведьмы.

— Потому что ему не следовало покидать мою долину в Пределе Агаден. Не следовало делать этого без моего на то особого разрешения.

— И все-таки он это сделал, — сказал Ричард.

Шота кивнула.

— Поэтому я и отправилась на его поиски.

Ричард сцепил руки за спиной.

— Как же получилось, Шота, что ты оказалась неготовой к тому, что Самюэль решил бросить тебя? Я имею в виду твою силу, широкие знания и все те особенности, о которых ты мне рассказывала, — то есть, что ведьма может узреть событие в потоке времени. А главное, как он оказался в состоянии сделать что-то без твоего согласия?

Шота не стала уклоняться от вопроса.

— Есть только одно объяснение.

Ричард прикусил язык, придерживая язвительное замечание, пришедшее ему в голову, и вместо этого спросил:

— И каково же оно?

— Самюэль оказался зачарован.

Ричард засомневался, что правильно расслышал ее слова.

— Зачарован? Но ведь ты ведьма. Ты сама из тех, кто зачаровывают.

Шота свела руки, переплетая пальцы, и какое-то время глядела в пол.

— Его зачаровала другая.

Ричард еще более приблизился к ней.

— Другая ведьма?

— Да.

Ричард глубоко вдохнул и огляделся вокруг, чтобы увидеть другие, разделявшие его беспокойство, взгляды. Но вопросы, похоже, никто задавать не собирался, поэтому он спросил сам:

— Ты хочешь сказать, что поблизости есть другая ведьма, и она зачаровала Самюэля, забрав его у тебя?

— Кажется, я сообщила это достаточно ясно.

— Ну... и где же она?

— Не имею понятия. Я способна видеть события в потоке времени — и я вижу их. Но слепота в отношении событий, имеющих ко мне столь тесное отношение, может означать только одно: та, другая ведьма преднамеренно скрыла их от меня.

Ричард сунул руки в боковые карманы, пытаясь осмыслить услышанное, и некоторое время быстро ходил по залу, прежде чем вновь повернулся к женщине.

— Может быть, вовсе и не ведьма. Может, это сестра Тьмы или еще кто-то того же рода. Человек, обладающий даром. Может быть, даже волшебник. У Джеганя на службе есть и такие.

— Управлять ведьмой столь простым способом — далеко не простая задача. — Она бросила короткий взгляд в сторону Зедда. — Можешь спросить у своего деда. — Шота обвела рукой присутствующих в зале, затем ее пристальный взгляд вновь вернулся к Ричарду. — Никто, даже такой талантливый, как все они, не смог провести столь тщательный и всесторонний обман, как этот. И только другая ведьма могла незаметно проскользнуть в мои владения. Только другая

ведьма могла набросить пелену на мою способность к видениям, а затем зачаровать Самюэля, заставив его сделать то, что он сделал.

— Если твои видения нечетки, — спросила Кара, — как ты можешь быть так уверена, что Самюэль оказался зачарован? Может быть, он действовал самостоятельно. Из всего, что мне о нем известно, следует, что не требуется никакая загадочная чародейка, чтобы он вел себя импульсивно. Он и без того достаточно вероломен и коварен.

Шота медленно покачала головой.

— С первого же взгляда на то, что вы рассказали мне, понятно, что в этом деле присутствует не только хитрость и коварство, но и осведомленность, далеко превосходящая возможности Самюэля. Совершается нападение на сестру Тьмы; у нее крадут шкатулку Одена. Так вот, во-первых, откуда вообще Самюэль мог догадаться, что у этой женщины есть что-то ценное? Сама я ничего не знала о ней, потому что это относится к той части знаний, которые скрыты от меня, так что я не могла сообщить ему об этом... не могла даже по рассеянности, беспечности или случайно, без всякого умысла, как думаете вы. Итак, Самюэль узнал об этом не от меня. Разумеется, если ему посчастливится натолкнуться на какое-то сокровище, то, без всяких сомнений, он способен сделать все что угодно, чтобы завладеть им, — такую возможность я вполне допускаю.

— Ты имеешь в виду то, как он первый раз завладел Мечом Истины? — спросил Зедд.

Шота обменялась с ним коротким взглядом, но решила вернуться к изложению своего дела, а не бросать вызов.

— Во-вторых, как Самюэль мог узнать, где именно ему следует искать сестру, имевшую при себе шкатулку Одена? Ведь не можете же вы всерьез предполагать, что он просто крутился неподалеку — в Д'Харе — и совершенно случайно наткнулся на эту самую сестру Тьмы, пронзил ее мечом и забрал то, что она несла, чтобы только потом узнать, что это оказалась одна из шкатулок Одена?

— Должен заметить, — сказал Ричард, — я никогда особенно не верил в совпадения. Так же и в этом случае: оно действительно неправдоподобно.

— Точно так же думаю и я, — сказала Шота. — И еще эта история с Чейзом. Из-за его тяжелого состояния я мало смогла узнать о случившемся, но мне удалось выяснить, что он попал в засаду. Еще одно совпадение... Самюэль случайно сталкивается и наобум нападает на кого-то, и совершенно случайно этот кто-то оказывается одним из известных тебе людей? В такое я верю с трудом. Остается вопрос, почему Самюэль, находясь в засаде, подкарауливал известного тебе человека? Почему он напал на него? Что было ценного у Чейза?

— Рэчел, — ответил Зедд, в задумчивости поглаживая подбородок.

— Но какой интерес был у него к девушке? — спросила Кара. Заметив недоуменные взгляды других присутствующих, она добавила: — Я имею в виду, это какая-то особенная девушка?

— Не знаю, — сказала Шота. — В том-то и дело. Как я уже сказала, события, разворачивающиеся вокруг этого, от меня скрыты, но скрыты так, что я не могу распознать блокирующего механизма, поэтому даже не подозревала, что многое для меня оказалось просто неизвестно. Но очевидно, что Самюэлем руководила чья-то рука. И это могла быть только рука другой ведьмы.

— Так ты знаешь о ней? — спросил Ричард. — Знаешь, кто она или кем она может быть?

Шота бросила в его сторону такой неприязненный взгляд, который только мог быть на подобном женском лице.

— Она для меня — полная загадка.

— И откуда же она явилась? Имеешь ты об этом хоть какое-то представление?

Угрюмый взгляд Шоты стал еще мрачнее.

— О-ох, полагаю, что да. Уверена, она явилась из Древнего мира. Когда ты несколько лет назад уничтожил великий барьер, она, видимо, увидела в этом новые возможности и двинулась в мои владения — почти таким же образом, как Имперский Орден увидел возможность для вторжения и захвата Нового мира. Зачаровав Самюэля, она тем самым сообщила мне, что занимает мое место, забирает все, что мне принадлежало — включая и мои владения, — в свою собственность.

Ричард повернулся к Энн, отошедшей к боковой стороне овального зала.

— Ты что-нибудь знаешь о ведьме из Древнего мира?

— Я управляла Дворцом Пророков, наставляла молодых волшебников и целый дворец сестер на путь к Свету. Я уделяла слишком много внимания пророчествам, чтобы тратить время еще на что-то, и практически не участвовала ни в чем, что происходило в Древнего мире. Время от времени до меня доходили слухи о ведьмах, но только лишь слухи. Если она действительно существовала, то никогда не высовывала голову настолько, чтобы я могла обратить внимание.

— Я тоже никогда даже не слышал о ведьме, — со вздохом добавил Натан. — До меня даже слухи не доходили.

Шота сложила руки.

— Все мы, как правило, очень скрытны.

Ричарду хотелось знать побольше о ведьмах... хотя знакомство с одной из них вызвало уже немало беспокойных событий. Похоже, теперь неприятности могли удвоиться.

— Ее имя — Сикс, — произнесла Никки в тишине зала.

И все повернулись, чтобы взглянуть в ее сторону.

Выражение лица Шоты помрачнело.

— Что ты сказала?

— Та ведьма, из Древнего мира. Ее имя Сикс, то есть «шестая». — Облик Никки вновь демонстрировал холодное отсутствие эмоций, ее черты были все такими же спокойными, как лесной пруд на рассвете после первого крепкого заморозка. — Я никогда ее не встречала, но сестры Тьмы говорили о ней, и всегда только шепотом.

— Должно быть, те самые сестры, — проворчала Энн.

Шота сделала шаг от фонтана в сторону Ники, а руки ее медленно опустились руки и безвольно повисли по сторонам.

— Что тебе известно о ней?

— Почти ничего. Я только слышала ее имя, Сикс. И запомнила его лишь потому, что оно необычно. Некоторые из моих настоятельниц — настоятельниц из сестер Тьмы — когда-то, видимо, знали ее. Я слышала несколько раз, как они упоминали ее имя.

Выражение лица Шоты стало мрачным и угрожающим, создавая впечатление готовой напасть гадюки.

— Какие дела могут быть у сестер Тьмы с ведьмой?

— Право, не знаю, — сказала Никки. — Какие-нибудь могли быть, но были они или нет — мне неизвестно. Я не была посвящена в их замыслы и планы. Возможно, они просто слышали о ней. Вполне может быть, что даже ни разу с ней не встречались.

— Или, что тоже возможно, очень хорошо знали ее?

Никки пожала плечами.

— Может быть. Об этом следует спросить у них. Полагаю, тебе лучше поспешить — ведь Самюэль уже убил одну из них.

Шота пропустила эту колкость мимо ушей, отвернулась и уставилась в неподвижную воду фонтана.

— Должно быть, ты слышала, что они о ней говорили.

— Ничего особенно интересного, — сказала Никки.

— Ну, — сказала Шота с явно подчеркнутым терпением, поворачиваясь назад, — что, хотя бы приблизительно, они говорили о ней?

— Мне запомнились только две вещи. Я слышала, что эта ведьма, Сикс, жила где-то далеко на юге. Сестры упоминали, что она жила в глубинке Древнего мира, в каких-то непроходимых лесах и болотах. — Никки твердо и решительно посмотрела в глаза Шоты. — И они боялись ее.

Шота вновь сложила руки на груди.

— Боялись ее, — монотонно повторила она.

— Ужасно.

Некоторое время Шота изучала взгляд Никки, прежде чем вновь отвернулась и уставилась в фонтан, как будто надеясь в его спокойной воде увидеть какую-то разгадку.

— Но ведь нет свидетельств, что это та самая женщина, — сказал Ричард. — Нет никаких доказательств того, что это и есть та самая Сикс, ведьма из Древнего мира.

Шота бросила через плечо взгляд в его сторону.

— Вы, все, собравшиеся здесь, предполагаете, что это всего лишь совпадение? — Ее пристальный взгляд вновь нашел утешение в воде. — На самом деле не так уж и важно, совпадение это или нет. Главное, что это ведьма, и она решилась причинить мне беспокойство.

Ричард приблизился к Шоте.

— Мне очень трудно поверить, что другая ведьма зачаровала Самюэля и забрала его у тебя для того только, чтобы тебя озадачить и заполучить что-то твое. Здесь должно быть что-то большее.

— Может быть, это вызов, — сказала Кара. — Может быть, она хочет, чтобы ты проявила себя и сразилась с ней.

— Для этого ей следовало самой объявиться передо мной, — сказала Шота. — А она поступает иначе: принимает все меры к тому, чтобы оставаться скрытой, с тем чтобы я не смогла сразиться с ней.

Погруженный в раздумья, Ричард поставил ногу на мраморную скамью, окружавшую фонтан.

— Я по-прежнему считаю, что в этом должно быть нечто большее. То, что Самюэль украл одну из шкатулок Одена, имеет более глубокий смысл.

— Наиболее вероятный ответ свидетельствует, что здесь скорее всего приложена твоя рука, а не чья-то еще, Шота. — Слова Зедда привлекли общее внимание. — Это очень похоже на один из твоих грандиозных трюков.

— Я могу понять, почему ты так думаешь, но будь это правдой, зачем бы я пришла сюда и рассказала тебе об этом?

Взгляд Зедда оставался враждебным.

— Чтобы придать себе невинный вид, когда на самом деле именно ты, находясь в тени, управляешь всеми событиями.

Глаза Шоты округлились.

— Волшебник, у меня нет времени на подобные детские игры. Я не управляла рукой Самюэля. Свое время я тратила на другие, более важные дела.

— Как, например?

— Я побывала в Галее.

— В Галее! — недоверчиво фыркнул Зедд. — Какие дела занесли тебя туда?

Тут Джебра опустила руку на плечо Зедда.

— Она отправилась туда, чтобы спасти меня. Я тогда оказалась в Эбиниссии: меня захватили при вторжении, а затем я попала в рабство. И Шота вытащила меня прямо из глубины этого пекла.

Зедд с подозрением взглянул на Шоту.

— Ты отправилась в столицу Галлеи, чтобы освободить Джебру?

Шота бросила на Ричарда угрюмый взгляд — короткий, но многозначительный.

— Это было необходимо.

— Почему? — настаивал Зедд. — Разумеется, я очень рад, что Джебра наконец-то спаслась от этого ужаса, но что именно ты имеешь в виду, говоря о какой-то необходимости?

Шота поправила край своего полупрозрачного платья, самовольно плавно выгнувшийся вверх, словно кошка, выгибающая спину.

— События несутся вперед, к мрачному и суровому завершению. И если ход этих событий не изменится, тогда мы все будем обречены оказаться под властью захватчиков и исполнять приказы людей, чьи убеждения, помимо прочего, заключаются в том, что магия есть дьявольский разврат, который должен быть с корнем истреблен во всем мире. Они убеждены, что человечество — греховно и развратно, и потому должно быть непримечательным и бессильным перед лицом всемогущей природы. Тех из нас, кто обладает даром магии, а точнее говоря, кто не является непримечательным и бессильным, всех следует поймать и уничтожить.

Взгляд Шоты обошел всех присутствующих.

— Но это всего лишь наши личные проблемы, а не ущербность Ордена.

Если ход событий не изменится, то чудовищные убеждения, которые навязывает Орден, будут распростерты, подобно похоронному савану, над всем миром. Не останется ни одного безопасного места, ни одного спокойного пристанища. Железный рескрипт подчинения сомкнется на шеях тех, кто останется в живых. Потому что иллюзии в отношении всеобщего благоденствия, в форме возвышенных лозунгов и бессодержательных принципов, разжигающие у толп безудержную жажду незаслуженного, все качественное и прекрасное приносят в жертву, притупляют и опускают цивилизованных людей до уровня немногим больше, чем организованное сборище мародеров.

Но если все ценное уничтожается, что остается в их жизни? В соответствии с их презрением к великолепию и пренеб-

режением ко всему, что являет собой пользу и благо, они принимают лишь плохое и грубое. Судя по их безумной ненависти к любому человеку, который выделяется над другими, убеждения Ордена обрекут всех людей на копошение в грязи, чтобы выжить.

Непоколебимый взгляд на изначальную порочность человечества будет всеобщей верой. Это убеждение, навязанное через безжалостную жестокость и невыразимые словами лишения, очень долго будет их высшим достижением. Их наследием станет всеобщее падение в темные века нищеты и страдания, откуда, быть может, не суждено подняться. Вот чем ужасен Орден — не смертью, но жизнью под его символом веры.

От слов Шоты зал словно покрылся пеленой.

— Мертвые, в конце концов, не могут чувствовать, не могут страдать. Это могут только живые. — Шота повернулась в сторону затененной части зала, где стоял Натан. — А что скажешь ты, пророк? Пророчество говорит иное, или я все-таки права?

Натан, высокий и мрачный, негромко ответил ей:

— Поскольку Имперский Орден наступает, боюсь, пророчество не может привести никаких доказательств противоположного. Ты умело изложила трехтысячелетнюю историю предостережений.

— Эти древние труды не так-то просто понять, — вмешалась в разговор Энн. — Записанные на бумаге слова бывают крайне двусмысленными. Пророчества — они лишь для тех, кто обладает соответствующим опытом. Для неподготовленного ума оно может оказаться...

— Я искренне надеюсь, что твое суждение основано лишь на поверхностном мнении о моих способностях, аббатиса, а не исходя из моих талантов.

— Я лишь хотела... — начала было Энн.

Шота отмахнулась от нее и отвернулась. Ее взгляд был обращен к Ричарду, как будто он единственный собеседник в этом зале, и говорила она так, будто обращалась лишь к нему одному.

— Наши жизни могут оказаться жизнями последних свободно живущих людей. Вполне возможно, что это беспово-

ротное завершение всего лучшего, что только может быть, конец борьбы за жизненные ценности, конец возможности для любого из нас подняться еще выше и достигнуть чего-то лучшего. Если ход событий не переменится, мы окажемся свидетелями установления худшего из всех возможных порядков, свидетелями наступления эры, в которой, как бы ни старался человек жить лучше благодаря собственным усилиям и намерениям, человечество будет низведено до уровня невежественных дикарей, жизнь которых соответствует идеалам Ордена.

— Мы все знаем это, — сказал Ричард, сжав опущенные руки в кулаки. — Разве ты не понимаешь, как тяжело приходится нам в этой борьбе, в наших попытках предотвратить вот это самое? Неужели ты не имеешь представления о том, чем мы все занимаемся? За что, по-твоему, я сражаюсь?

— Не знаю, Ричард. Ты говоришь о преданности и долге, но тебе все еще не удалось повернуть ход событий, не удалось преградить дорогу вторжению Имперского Ордена. Ты говоришь, что понимаешь происходящее, но захватчики по-прежнему наступают и с каждым проходящим днем порабощают все новых и новых людей.

Но сейчас речь идет даже не об этом. Речь идет о будущем. А в будущем ты просто подведешь нас.

Ричард едва смог поверить тому, что услышал. Он даже не впал в ярость, а был до ужаса потрясен тем, что Шота сказала подобное. Это прозвучало так, будто все, сделанное им, каждая принесенная им жертва, каждое усилие и попытка ничего не значили для нее — и не только сейчас, но и в будущем.

— Так ты пришла сообщить мне свое пророчество, что я потерплю неудачу?

— Нет. Я пришла сказать, что при нынешнем положении дел мы все потерпим поражение в нашей борьбе, если не изменить обстоятельства.

Шота отвернулась от Ричарда и подняла руку, протянув ее в сторону Никки.

— Ты продемонстрировала ему бестолковую и цепенящую смерть, то есть все, что можно получить в результате принятия убеждений, навязываемых Орденом. Ты показала

ему унылое прозябание, то есть то, как только и можно существовать под их догматом, а также то, что главный вопрос их жизни — какую ее часть ты приносишь в жертву, а заодно и то, что единственной целью такой жизни является стремление к таинственной вечности на том свете.

Этим ты очень помогла всем нам, и мы благодарны тебе. Ты действительно исполнила свою роль учителя Ричарда, даже если это произошло не так, как ты ожидала. Но это тоже всего лишь часть, не все, что было необходимо.

Ричард не понимал, каким образом его плен — и суровую жизнь в Древнем мире — можно рассматривать как «помощь». Ему совершенно не требовалось этого, чтобы понять всю тщетность жизни под правлением Имперского Ордена. Он не оспаривал ни единого сказанного Шотой слова по поводу того, что станет с ними, если они не преуспеют. Но он был раздосадован тем, что она, как оказалось, думает, что ему следует услышать это очередной раз, как будто он не уловил, за что именно они ведут борьбу, и в результате окажется не в состоянии быть полностью преданным их общему делу.

Ричард не знал, как это случилось, потому что не заметил ее движения, но Шота неожиданно оказалась прямо перед ним, и ее лицо было всего в нескольких дюймах от его лица.

— И тем не менее ты по-прежнему не осведомлен обо всей совокупности происходящего, по-прежнему так и не принял, в каком-то смысле, самого главного решения.

Ричард пристально смотрел на нее.

— Не принял решения? О чем ты говоришь?

— Мне нужно найти способ заставить тебя понять, Искатель Истины, заставить тебя увидеть реальность происходящего. Мне нужен способ заставить тебя осознать, что борьба за будущее для людей — это дело не только Нового мира, но и Древнего мира тоже... Они оба должны участвовать в борьбе за будущее всего человечества.

— Но как могла ты, в любом случае, подумать, что я...

— Ты один, Ричард Рал. Ты единственный, кто ведет за собой последние силы, способные оказывать сопротивление идеям, подпитывающим этот гигантский пожар Имперского

Ордена. По каким бы то ни было причинам, ты единственный, кто ведет нас в этой борьбе. Ты можешь верить в то, за что сражаешься, но ты не делаешь того, что необходимо для изменения хода войны, — иначе то, что я вижу в потоке грядущих событий, стало бы другим.

При таком положении дел, как сейчас, мы обречены.

Тебе необходимо услышать, какова будет судьба твоего народа, судьба всех людей. Поэтому я отправилась в Галею и разыскала Джебру, с тем чтобы она могла рассказать тебе все, что видела. Провидица поможет тебе прозреть.

Ричард подумал, что, возможно, ему следовало рассердиться на эти поучения, но он больше не мог проявить ни обиды, ни раздражения; весь его гнев улетучился.

— Я уже и так знаю, Шота, что случится, если мы проиграем. Как знаю и то, что представляет собой Имперский Орден. И я знаю, что ждет нас, если мы в этой борьбе потерпим поражение.

Шота покачала головой.

— Ты узнаешь, на что это похоже, но только после. Ты узнаешь, на что это похоже, глядя на мертвых. Но ведь мертвые не способны ничего чувствовать. Мертвые не могут кричать. Мертвые не могут плакать от ужаса. Мертвые не могут молить о сострадании.

Ты знаешь, что такое увидеть наутро разрушения после шторма. Но тебе необходимо услышать рассказ того, кто был там, когда шторм разразился. Ты должен знать, что происходит, когда вступают в действие легионы. Должен услышать, чем на самом деле это оказалось для каждого. Тебе необходимо понять, что случится со всеми остальными живущими, если ты не сделаешь того, что можешь сделать только ты.

Ричард взглянул на Джебру. Зедд, утешая, обнял ее рукой за плечи. По ее бледным щекам катились слезы. Она вся дрожала.

— Добрые духи, — прошептал Ричард, — как ты могла быть настолько жестокой, чтобы допустить хоть на мгновение, что я не знаю правды о нашей судьбе, случись нам проиграть?

— Я вижу все происходящее в потоке событий, — тихим голосом сказала Шота, предназначая эти слова для него

одного. — И то, что я вижу, говорит мне, что ты сделал недостаточно, чтобы изменить то, чему следует произойти, иначе оно не оказалось бы таким, каким я вижу его. Это так просто. И здесь нет никакой жестокости, всего лишь одна правда.

— Так что же, по твоим ожиданиям, я должен был сделать, Шота?

— Не знаю, Ричард. Но, как бы там ни было, сейчас ты не делаешь этого, верно? Хотя мы все уверенно погружаемся в невообразимый ужас, ты не делаешь ничего, чтобы остановить это. Вместо этого ты продолжаешь гнаться за призраком.

Глава 12

Ричард хотел рассказать Шоте очень многое. Он хотел рассказать ей, что Имперский Орден — вовсе не единственная угроза, надвигающаяся на них. Он хотел рассказать ей, что со вступившими в игру шкатулками Ордена, если это не остановить, сестры Тьмы способны высвободить силу, которая разрушит мир живого и передаст всех во власть Владетеля мертвых. Хотел рассказать ей, что, если они не найдут способ обратить вспять магию Огненной Цепи, она запросто сможет привести к разрушению памяти и разума каждого из живущих, лишая их тем самым смысла существования. Хотел рассказать ей и о том, что если они не найдут способ очистить мир от последствий появления гармоний, то затухнет любая магия и любое волшебство. И эти последствия уже сейчас с легкостью могут вызвать каскадный эффект, который, если его не остановить, сам по себе вполне способен уничтожить все живое.

Он хотел рассказать ей, что прежде всего она ничего не знает о женщине, которую он любил, о женщине, которая так дорога для него. Он хотел рассказать ей, как много для него значит Кэлен. Как он боится за нее. Как много он потерял, и страх от произошедшего с ней не позволяет ему спокойно уснуть.

Он хотел рассказать, что да, конечно, Имперский Орден является всего лишь одной из стоящих перед ними ужаснейших проблем. Но, увидев Джебру, дрожащую в дружеских объятиях Зедда, он решил, что, пожалуй, все остальные дела могут подождать и до лучших времен.

Ричард протянул к Джебре руку, приглашая выйти вперед. Ее небесно-голубые глаза были до краев наполнены сле-

зами. Наконец, нерешительно, она, сделав несколько шагов, вышла к ним. Он не знал еще ничего о тех ужасах, что ей пришлось пережить, но все оттенки их были отчетливо написаны на ее исхудавшем лице. Морщины молчаливо свидетельствовали о тех лишениях и невзгодах, что пришлось перенести ей.

Когда она тронула его руку, он осторожно накрыл ее ладонь другой рукой в простейшем жесте утешения.

— Ты проделала долгий путь, и мы очень ценим твое участие в наших делах. Пожалуйста, расскажи нам, что ты знаешь.

Когда она кивнула, ее короткие рыжеватые волосы упали вперед, обрамляя заплаканное лицо.

— Постараюсь, Лорд Рал.

Под неусыпным взглядом Шоты, Ричард сопроводил Джебру к фонтану и усадил ее на невысокую мраморную стенку-скамью, ограждавшую успокоившуюся воду.

— Ты вернулась с королевой Цириллой назад, в ее дом, — напомнил ей Ричард, — и ухаживала за ней, потому что она заболела... двинулась рассудком, когда находилась в яме вместе с преступниками. Тебе следовало помочь ей прийти в себя, если это удастся, и рассказать ей обо всем, если с ней станет все порядке.

Джебра кивнула.

— Итак... когда она вернулась в свой дом, стало ли ей лучше? — спросил Ричард, хотя уже знал очень многое об этом от Кэлен.

— Да. Она так долго оставалась в оцепенении, что нам казалось, что она уже никогда не поправится, но, пробыв некоторое время дома, она наконец-то начала поправляться. Во-первых, она стала, сначала лишь время от времени, узнавать тех, кто был рядом. И чем больше узнавала знакомого в окружающем, тем дольше становились эти периоды просветления. Медленно, к всеобщей радости, она, казалось, возвращалась к жизни. В конечном счете она вышла из затянувшегося оцепенения — как животное выходит из зимней спячки. Словно бы стряхнула долгий сон и вернулась к нормальной жизни. Она была полна энергии и полна радости от вновь обретенного дома.

— Цирилла была королевой Галеи, — сказала Шота, обращаясь к Ричарду. — Она унаследовала корону вместо...

— Принца Гарольда, — закончил Ричард, взглянув на ведьму. — Гарольд — брат Цириллы. Он отказался от короны, предпочтя командование армией Галеи.

Шота выгнула бровь.

— Похоже, ты много знаешь о монархии в Галее.

— Их отцом был король Вайборн, — сказал Ричард. — Король Вайборн был также и отцом Кэлен. Так что Кэлен — это сводная сестра Цириллы. Вот почему я так много знаю о делах тамошних монархов.

Была ли Шота удивлена, услышав это, или просто не поверила, поскольку оказалась упомянута Кэлен, она ничем не проявила своей реакции. Наконец она оторвала от него взгляд и вернулась к прежнему занятию: измерять шагами пол зала, предоставив Джебре полную возможность продолжить свой рассказ.

— Цирилла вновь заняла свой трон, как будто никогда не покидала его. Город, похоже, был рад, что королева вернулась. Галея восстанавливалась после того ужасного нападения, когда армия Имперского Ордена разграбила столицу. То нападение стало огромной трагедией, с большим числом погибших и уведенных в рабство.

Но захватчики ушли, и постепенно все восстанавливалось. Сгоревшие здания отстраивались заново. Возродилась и торговля, и другая людская деятельность. Вновь со всей Галеи в столицу потянулись люди, чтобы строить для себя новую, лучшую жизнь. Росли и вновь образовывались семьи. Благодаря трудолюбию, вернулось и былое процветание. С возвращением же королевы, казалось, и сам дух города еще больше укрепился, и мир вновь начал казаться окрепшим и надежным.

Люди говорили, что они хорошо усвоили тот урок, и трагедия, подобная случившейся, больше не должна повториться. Были построены новые защитные укрепления и собрана еще бо́льшая армия. Цирилла, как и многие жители Галеи, старалась позабыть про те ужасные времена и усердно трудилась на благо своей земли. Она вела приемы и решала многие государственные дела. Она старалась принимать участие в самой

разнообразной деятельности, от споров о посредничестве в торговле до присутствия на официальных балах, где танцевала с сановниками.

Принц Гарольд, командующий армией Галеи, сообщал ей обо всех вторжениях в Новый мир, так что она всегда была в курсе, какая очередная орда проникла в южные области Срединных земель. Я всегда знала, когда королева получала подобные сообщения, — я заставала ее в подобные моменты комкавшей носовой платок, что-то бормочущей себе под нос, пока она мерила шагами темную, без единого окна, комнату. Словно она искала где-то внутри своего разума темный уголок — то самое оцепенение, в котором она пребывала раньше, — но не могла его найти, не удавалось снова вернуться в него.

Джебра сделала короткий жест рукой в сторону старого волшебника, следившего за ее рассказом.

— Зедд велел мне следить за ней и давать по мере возможности советы. И хотя чисто внешне она уже выглядела такой же, какой была раньше, и не впадала вновь в безжизненное оцепенение, могу сказать, что она оставалась на грани безумия. Мои видения о ней тогда были смутными, вероятно, потому, что хотя она казалась нормальной, внутренне ее все еще преследовал ужасающий страх. Но похожей была и вся жизнь в Галее: окружающее казалось нормальным, но вряд ли оно могла быть таковым, пока Имперский Орден оставался в Новом мире. Здесь будто бы затаилось скрытое, мрачное напряжение.

Когда мы услышали от разведчиков, что Орден движется через долину Каллисидрин, приближаясь к центру Срединных Земель, с намерением расчленить Новый мир, я дала королеве совет. Я говорила ей, что следует поддержать д'харианскую армию; что следует послать им на помощь свою армию; что следует объединиться с остатками сил всех тех земель, что входили в Д'Харианскую империю. Я пыталась подсказать ей, и то же делал и принц Гарольд, что наш единственный шанс избавиться от опасности — в объединении с силами, противостоящими Ордену.

Она не слушала этого. Она заявила, что ее долг, как королевы Галеи, защищать лишь одну Галею, а не другие наро-

ды или другие земли. Я пыталась заставить ее понять, что если Галея останется одна, то у нее не будет ни шанса. И Цирилла слышала рассказы о других местах, захваченных Орденом, рассказы о его жестокости и зверствах, и боялась людей Ордена. Я уверяла ее, что безопасность возможна, только если остановить захватчиков прежде, чем они достигнут Галеи.

Мы получали отчаянные просьбы о помощи войсками. Не обращая внимания на эти просьбы, Цирилла вместо этого приказала принцу Гарольду собрать всех людей, каких только он мог привлечь в армию, и бросить все силы только на защиту Галеи. Она сказала, что его долг, и долг армии Галеи, касается одной только Галеи. Она дала приказ, чтобы захватчики не смогли пересечь границы, не смели даже ступить ногой на землю Галеи.

Принц Гарольд, сначала старавшийся давать ей советы о наиболее разумном образе действий, отказался от своих попыток и в знак бессмысленной преданности уступил ее желаниям. Она потребовала, чтобы средства для защиты Галеи были собраны любой ценой. И принц Гарольд отправился выполнять ее приказы. Ее не беспокоило, что остальная часть Срединных Земель и весь Новый мир покоряется Орденом, пока армия Галеи...

— Да, да. — Шота нетерпеливо махнула рукой, вышагивая перед рассказчицей. — Мы все знаем, что Цирилла был полоумной. Я доставила тебя в такую даль не для рассказов о жизни под правлением помешавшейся королевы.

— Извините. — Почувствовав неловкость, Джебра откашлялась и продолжила: — Ну так вот, Цириллу все более раздражало и мое присутствие, и мои постоянные советы. И однажды она сказала мне, что приняла окончательное решение.

Ее решительная убежденность в правильности выбранного курса в конце концов и определила ход событий, наше будущее и нашу судьбу. Думаю, именно по этой причине я наконец оказалась в плену сильных видений. Начались они не с какого-то образа, а с ужасающего звука, заполнившего мой разум. Этот ужасный звук бросал меня в дрожь. Вместе с этим ужасающим звуком пришли видения, быстро сме-

няющие друг друга: видения разрушения защитных укреплений, видения павшего города, видения, где королева Цирилла была брошена ревущей толпе мужчин, чтобы они пользовались... пользовались ею как шлюхой, как объектом удовольствий.

Одну руку приложив к животу, прижав локти к бокам, Джебра смахнула со щеки слезы. Она коротко улыбнулась Ричарду, слегка смущенно, но не смогла скрыть тот ужас, что так отчетливо проступал в ее глазах.

— Конечно, я не буду рассказывать сейчас про все те ужасы, которые наблюдала в своем видении, — сказала она. — Но я рассказала ей.

— Не думаю, что из этого вышло что-то хорошее, — заметил Ричард.

— Нет, не вышло. — Джебра беспокойно вертела прядь своих волос. — Цирилла была в ярости. Она вызвала королевскую стражу. Когда те вбежали через двойные двери, высокие, голубые с позолотой, она ткнула в мою сторону пальцем и объявила, что я предательница. Она приказала бросить меня в темницу. Королева кричала, приказывая страже, когда те схватили меня, что если я произнесу хоть одно слово об этих видениях — это мое богохульство, как она называла их, — то им придется отрезать мне язык.

У нее вырвался короткий смешок, никак не сообразный с дрожащим подбородком и нахмуренными бровями. Ее слова прозвучали как слабое и жалкое извинение.

— Я очень не хотела, чтобы мне отрезали язык.

Зедд, постепенно приблизившийся к ней, успокаивающе положил руку сзади на ее плечо.

— Конечно, нет, моя дорогая, конечно, нет. Это не привело бы ни к чему хорошему. Никто не ожидал от тебя, что ты сделаешь больше того, что уже сделала; подобное было бы наивным. Ты сделала все, что могла; ты показала ей правду. Она же сделала осознанный выбор — не видеть этой правды.

Нервно перебирая пальцами, Джебра кивнула.

— Полагаю, безумие на самом деле никогда и не покидало ее.

— Даже далекие от безумия зачастую поступают весьма неразумным образом. Не стоит извинять подобные сознатель-

ные и преднамеренные действия столь удобным объяснением, как безумие. — Когда она озадаченно взглянула на него, Зедд развел руками, изображая жест бессилия перед старой дилеммой, с которой сталкивался очень часто. — Люди, которые сильно хотят верить во что-то, зачастую склонны не видеть правду, даже если она очевидна. Таков их выбор.

— Думаю, что так, — сказал Джебра.

— Похоже, что вместо того чтобы видеть правду, она, напротив, верила в ложь, в то, во что хотела верить, — сказал Ричард, припоминая Первое правило волшебника, которому научил его дед.

— Это верно. — Зедд широко повел рукой в мрачной пародии на волшебника, дарующего исполнение желаний. — Сначала она заметила, что случилось именно то, чего она хотела, и потому решила, что реальность подчиняется ее желаниям. — Его рука опустилась. — Реальность же не потворствует желаниям.

— Итак, королева Цирилла очень разгневалась на Джебру за произнесенную вслух правду, открывшуюся там, где пропустить ее, не заметив, было крайне сложно, — сказала Кара. — А затем наказала ее за это.

Зедд кивнул, осторожно поглаживая пальцами плечо Джебры. От его прикосновения она устало прикрыла глаза.

— Люди, не желающие по каким-то причинам видеть правду, бывают чересчур враждебны к ней и беспрестанно осуждают ее. Зачастую они обращают свою злобу на любого, кто осмелится указать на эту самую правду.

— Но вряд ли это заставит правду исчезнуть, — сказал Ричард.

Зедд пожал плечами, показывая, что видит в этом только тривиальность.

— Для тех, кто ищет правду, это прежде всего вопрос простого рационального эгоизма — постоянно следить, какова реальность. Ведь, в конце концов, правда коренится в реальности, а не в воображении.

Ричард оперся рукой на вырезанную из пекана рукоятку ножа, висевшего у него на поясе. Он лишился меча, который привык ощущать под рукой, но променял его на сведения, которые, в конечном счете, привели его к книге «Огненная

Цепь» и к правде о том, что случилось с Кэлен, так что оно того стоило. И все же меча ему было жаль, и теперь он беспокоился, как воспользуется им Самюэль.

Размышляя о Мече Истины, задумавшись над тем, где он мог теперь быть, Ричард смотрел куда-то вдаль.

— Кажется очень трудным постичь, как люди могут отвернуться от того, что, в их собственных интересах, им необходимо увидеть.

— Тем не менее они не видят. — Голос Зедда изменился, переходя от тона легкой беседы к вот этому тонкому, пронзительному, подсказавшему Ричарду, что на уме у него что-то большее. — Разница — она в сердце.

Глянув в его сторону, Ричард обнаружил, что пристальный взгляд Зедда обращен именно к нему.

— Упрямо не признавать правду означает предавать самого себя.

Шота, остановившись и сложив руки, уставилась на Зедда.

— Это что, очередное Правило волшебника?

Зедд выгнул бровь.

— Десятое, если быть точным.

Шота перевела многозначительный взгляд на Ричарда.

— Мудрый совет. — Продержав его неприлично долгое время под прицелом этого железного взгляда, она продолжила хождение по залу.

Ричард решил, что она считает, что он сам тоже игнорирует правду — ту самую правду о вторжении армии Имперского Ордена. Он ни в малейшей степени не игнорировал правду, он просто не знал, каких поступков от него ожидают, чтобы остановить врага. Если бы сами желания претворялись в действие, захватчики давным-давно уже были бы выдворены в Древний мир. Знай он, что надо сделать, чтобы остановить их, давно сделал бы это, — но он не знал. Было невыносимо осознавать весь этот приближающийся ужас и чувствовать полную беспомощность в том, чтобы остановить его. Но его приводило в ярость, что, похоже, Шота полагала, что он, просто из-за чистого упрямства, не желает ничего делать с этим — будто решение было у него в руках.

Он бросил взгляд на лестницу, откуда за ним наблюдала похожая на изваяние женщина. Даже в розовой ночной ру-

башке она выглядела величественной и мудрой. В то время как Ричард вырос в окружении людей, поощрявших его иметь дело с вещами такими, каковы они в реальности, ее наставниками были приверженцы учения Ордена. Только уникальная личность могла после продолжительного воздействия этого учения сохранить желание увидеть правду.

Он долгую минуту вглядывался в ее голубые глаза, размышляя, обладает ли ее мужеством — мужеством осознать суть и величину тех ошибок, что совершила, мужеством воспринять правду и перемены. Очень немногие люди обладали мужеством такого сорта.

Ричард размышлял и о том, не думает ли и она, что он игнорирует вторжение Имперского Ордена по своим неразумным и эгоистичным причинам? Не думает ли и она, что он не делает чего-то крайне необходимого, что спасло бы невинных людей от ужасных страданий? И горячо надеялся, что нет. Было время, когда казалось, что только поддержка Никки давала ему силы двигаться дальше.

И еще он размышлял о том, не ожидала ли она, что он откажется от поисков Кэлен, чтобы полностью сосредоточиться на попытках спасти многие и многие жизни вместо одной, не важно, насколько ценной. Сердце его стиснуло болью: он знал, что сама Кэлен потребовала бы именно этого. И хотя она страстно любила его — еще тогда, когда помнила, кто она, — Кэлен ни за что не захотела бы, чтобы он занимался ее поисками, если это означает, что он пренебрегает возможностью спасти многих и многих людей, находящихся в смертельной опасности.

И один момент неожиданно поразил его: когда помнила, кто она... кем она была. Кэлен больше не могла его любить, поскольку не знала, кем она была, и не знала, кем был он. Он почувствовал слабость в коленях.

— Вот как я увидела это, — сказала Джебра, открывая глаза, и, казалось, приходя в себя, едва Зедд убрал свое успокаивающее прикосновение, — и я сделала все, что могла, чтобы показать ей правду. Но мне не понравилось в этой темнице. Не понравилось, нисколько.

— Так что же случилось потом? — Зедд почесывал впадину на щеке. — Как долго ты просидела в том подземелье?

— Я потеряла счет дням. Там не было окон, так что зачастую я даже не знала, день сейчас или ночь. Я не знала, когда менялись времена года, но явно была там достаточно долго, чтобы они могли сменяться. Да, постепенно я начала терять надежду.

Меня кормили... не досыта, но вполне достаточно, чтобы поддерживать мою жизнь. Время от времени, с большими перерывами, они оставляли горящую свечу в грязной и пыльной центральной комнате, куда выходили железные двери камер. Стража не была преднамеренно жестока со мной, но как это ужасно — оказаться запертой в темноте в такой маленькой каменной комнате. Я была не настолько глупа, чтобы жаловаться. Когда другие узники жаловались, или посылали проклятья, или поднимали гвалт, их предупреждали, чтобы они утихли, и иногда, если узник не подчинялся этим приказам, я могла слышать, как стража выполняла свои угрозы. Некоторые узники сидели там очень недолго — прежде чем их уведут на казнь. Время от времени приводили новых. Из того, что я могла видеть, выглядывая украдкой в маленькое оконце на двери, люди, которых туда приводили, были в высшей степени буйные и опасные. Их грязная ругань, раздававшаяся в непроглядной тьме, иногда будила меня и вызывала кошмары, когда я вновь пыталась уснуть.

Все это время я с благоговейным ужасом ждала видений, которые откроют мне мою окончательную судьбу, но видения так и не приходили. Хотя едва ли мне требовались видения, чтобы догадаться, что меня ожидает в будущем. Я знала, что когда захватчики подтянутся ближе, то Цирилла предпочтет решить, что в этом моя вина. Я провела с видениями бок о бок всю жизнь. Люди, не желавшие знать, что случится с ними, часто обвиняли меня в том, о чем я им рассказывала. Вместо того чтобы использовать эту информацию и сделать с этим хоть что-то, им куда легче было вымещать неудовольствие на мне. Зачастую они верили, что это я вызываю все их беды, рассказывая им о том, что видела, словно бы эти видения были моим злым умыслом, и мстили мне за это.

Быть запертой в той темной камере было почти за пределами переносимого, но мне ничего не оставалось, как пережить все это. Поскольку сидела я там безумно долго, то смог-

ла понять, как, оказавшись брошенной в яму, Цирилла сошла с ума. По крайней мере со мной не было тупых и гнусных тварей, от которых приходилось бы защищаться, — людей такого типа, как запертые в других камерах. Но все равно мне казалось, что я наверняка умру там, всеми брошенная и забытая. Я потеряла счет, как долго была заперта, отрезанная от мира, от света, от всего живого.

Все это время у меня больше не было никаких видений. Тогда я еще не знала, что больше не увижу их.

Однажды королева прислала слугу, спросить, не отказалась ли я от своих видений. Я сказала тому человеку, который пришел повидать меня, что буду рада сказать королеве любую ложь, какую ей только угодно, лишь бы она выпустила меня отсюда. Должно быть, не это она хотела услышать, потому что я больше никогда не видела этого слугу, и никто не приходил, чтобы освободить меня.

Ричард поднял глаза и заметил, что Шота наблюдает за ним. В ее глазах он читал молчаливое обвинение в том, что он поступал точно так же — хотел, чтобы она рассказала ему что-то другое, а не то, что она видела и что ожидало мир. Он ощутил укол вины.

Джебра подняла глаза, пристально вглядываясь в небесный свет высоко над их головами, как будто впитывая простое чудо этого света.

— Однажды ночью — я лишь позже узнала, что это была ночь, — к маленькому оконцу в железной двери, ведущей в мою тесную комнату, подошел стражник. Он шепотом сообщил мне, что войска Имперского Ордена приблизились к городу. И еще сказал, что наконец-то началось сражение.

Его голос звучал так, будто он был рад, что наконец кончилась агония ожидания и что реальность происходящего освобождает всех от необходимости притворяться перед их королевой. Это походило на то, будто жестокая правда о происходящем почему-то делала их вероломными предателями, поскольку именно предательство по отношению к желаниям королевы теперь трансформировалось в реальность. Увы, это была лишь часть иллюзий королевы, слишком очевидная, чтобы ее можно было игнорировать.

Я прошептала в ответ, что боюсь за жителей города. Он усмехнулся и сказал, что я просто рехнулась, что я не видела армии Галеи и не видела, как сражаются ее солдаты. Он прямо и откровенно заявил мне, что армия Галеи, сила, включающая больше ста тысяч храбрых мужчин, разобьет захватчиков и прогонит их, точно так, как сказала королева.

Я промолчала. Не осмелилась выступать против столь желаемых иллюзий королевы относительно непобедимости ее армии, не посмела сказать, что знаю, что та громада войск Ордена, которую показали мне видения, легко сокрушит армию защитников, и что этот город падет. А я, запертая в камере, не могу даже сбежать.

И затем я услышала тот самый странный зловещий звук из моих видений. Он пробирал меня до костей, вызывая дрожь. По моей коже побежали мурашки. И наконец я поняла, что это было: завывание многих тысяч вражеских боевых горнов. Этот звук напоминал вой демонов, вырвавшихся из преисподней, чтобы пожирать все живое. Даже толстые каменные стены не могли задержать этот ужасный, пронизывающий вой. Это был звук, объявляющий приближение смерти, звук, вызвавший бы благосклонную улыбку самого Владетеля мертвых.

Глава 13

Джебра провела по своим плечам руками, будто одно лишь воспоминание о надрывном призыве боевых горнов вновь вызвало мурашками. Она глубоко вдохнула, чтобы восстановить самообладание, прежде чем взглянула на Ричарда и продолжила свой рассказ.

— Вся стража побежала к городским оборонительным укреплениям, оставив темницу без охраны. Разумеется, железных дверей, которые они заперли за собой, было более чем достаточно, чтобы помешать кому-либо совершить побег. После их ухода некоторые из узников начали выкрикивать одобрительные приветствия приближающемуся Имперскому Ордену и надвигающемуся падению Галеи, потому что верили, что приближается их освобождение. Но и они тоже затихли, когда к нам начали проникать отдаленные крики и вопли. Тишина поселилась в мрачных темницах дворца.

Вскоре я услышала лязг оружия, сливающиеся крики множества людей, втянутых в смертельную схватку, и все это приближалось и приближалось. Крики боя смешивались с ужасающими воплями раненых. И те и другие становились все громче, по мере того как защитники отступали. А затем враг был уже во дворце. Некоторое время я сама жила там, и поэтому знала многих из тех людей, кому пришлось это пережить...

Джебра замолчала, чтобы вытереть текущие по щекам слезы.

— Прошу прощения, — пробормотала она, вытаскивая из рукава платок и прикладывая его к носу, затем откашлялась и продолжила: — Не знаю, как долго бушевало это сражение, но

спустя какое-то время я услышала нарастающий звук ударов боевого тарана по железным дверям наверху. Каждый такой удар отдавался в каменных стенах. Когда внешняя дверь не выдержала, звуки переместились ближе, затем и следующая дверь, оказавшаяся под тараном, тоже была снесена.

А затем толпы солдат с боевыми криками рассыпались по лестницам, часть из них оказалась в темнице. У них с собой были факелы, наполнявшие помещение перед моей камерой резким неприятным светом. Видимо, они искали сокровища и прочую добычу. Вместо этого нашли лишь грязное неприятное место, совершенно пустое. И они все бросились вверх по лестницам, оставив нас в темноте, в безмолвном, разрывающем сердце страхе.

Я думала, что больше не увижу их, но прошло совсем немного времени, и солдаты вернулись. На этот раз они привели с собой надрывно кричащих женщин — из обслуги дворца. Очевидно, эти солдаты хотели спокойно насладиться своей свежей добычей, хотели оказаться подальше от прочих мужчин, способных украсть или отобрать силой столь ценную живую добычу.

То, что мне пришлось слышать, заставило забиться в самый дальний угол моей камеры, но это никак не избавляло от окружающего; я по-прежнему могла слышать весь творившийся там ужас. И я не могла и представить, что бывают люди такого типа, которые смеялись и оживленно радовались тем ужасным поступкам, что они совершали. Те несчастные женщины... никто не мог помочь им, и не было никакой надежды на освобождение.

Одна из молодых женщин, похоже, вырвалась из рук державшего ее мужчины и в дикой панике понеслась к лестнице. Я слышала голоса, выкрикивавшие ей вслед, чтобы другие солдаты схватили ее. Она, похоже, была ловкой и сильной, но солдаты все же поймали ее и притащили обратно. Я узнала ее голос, как она умоляла сохранить ей жизнь, выкрикивая: «Пожалуйста, нет, нет, пожалуйста». Пока один из солдат держал ее, второй поставил сапог ей на колено и выкручивал ее ногу, пока я не услышала, как колено хрустнуло. Она закричала от боли и ужаса, а он проделал то же самое с другой ногой. Мужчины смеялись и объясняли ей, что теперь она больше не

убежит, и потому ей следует задуматься о своих новых обязанностях. А затем они все занялись ей. Я никогда прежде не слышала таких ужасных криков.

Не знаю, сколько именно мужчин побывало в темнице, но они приходили и уходили, сменяя друг друга. И так продолжалось час за часом. Некоторые женщины продолжали кричать и стенать все время, пока подвергались насилию. Подобные «проявления несдержанности» приводили к взрывам неуемного смеха со стороны мужчин. Впрочем, это были не мужчины, а чудовища без совести и без малейшей сдержанности.

Один из солдат нашел связку ключей и прошелся по темнице, открывая все двери. Он смеялся и посвистывал, распахивая очередную дверь, объявляя заключенным об освобождении и приглашая узников принять участие в мести злобным нечестивцам, притеснявшим и угнетавшим их. Девушка, которой сломали колени — кажется, ее звали Элизабет, — за всю свою недолгую жизнь никого не угнетала и не притесняла. Она постоянно всем улыбалась, потому что была счастлива получить работу во дворце и потому что сильно увлекалась молодым подмастерьем плотника, который также работал там. Узники покидали свои камеры, стремясь скорее присоединиться к захватчикам.

— Почему они не выпустили тебя? — спросил Ричард.

Прежде чем продолжить, Джебра несколько раз судорожно глотнула воздух.

— Когда дверь моей камеры открылась, я прижалась в самом дальнем темном углу. Не было никаких сомнений в том, что случится со мной, если я выйду оттуда или буду обнаружена. Из-за общей суматохи, женских криков, воплей, смеха солдат и драк за места в очереди они, вероятно, не поняли, что я спряталась в темном углу. Ведь в этом подземелье почти не было света. Должно быть, решили, что эта маленькая комната пуста, как оказались пусты некоторые другие, и никто не удосужился взять факел и ткнуть им в темноту, чтобы взглянуть... В конце концов, остальные узники были мужчинами, все преступники, и все только и хотели выйти отсюда. Я никогда не пыталась заговаривать с ними, поэтому они вряд ли знали, что рядом с ними в темнице была и женщина, иначе точно пришли бы за мной. Кроме того, они все были... очень заняты.

Лицо Джебры исказилось от страданий и спряталось в ладонях.

— Не могу пересказать все те ужасы, что творились с женщинами почти рядом со мной. Наверное, остаток жизни меня будут преследовать кошмары обо всем этом. Изнасилование было только начальной целью этих мужчин. Их настоящей страстью было жесточайшее насилие, свирепое желание унижать и причинять страдания беззащитным, держать в своих руках их жизнь и смерть.

Когда женщины перестали сопротивляться, кричать и дышать, мужчины решили отправиться поискать выпивку и закуску, чтобы отпраздновать победу, а затем поймать новых женщин. Как лучшие друзья на пикнике, они давали друг другу клятвы, что не успокоятся до тех пор, пока в Новом мире не останется ни одной женщины, которой бы они не овладели.

Джебра обеими руками откинула волосы с лица.

— После того, как они все разошлись, в темнице стало спокойно и тихо. Я так и осталась, забившись в самый угол своей камеры, вцепившись зубами в кайму своего платья, стараясь не издавать ни звука, способного выдать меня, невольно вздрагивающая и сотрясающаяся в рыданиях. Мои ноздри наполнял ужасный запах крови и всего прочего. Странно, но с течением времени ваш нос становится нечувствительным к запахам, которые в первый момент вызывают приступ тошноты.

Но мне никак не удавалось остановить дрожь... не удавалось после того, как я слышала все эти страшные вещи, что проделывали с этими женщинами. Я боялась, что и меня могут найти и проделать то же самое. Пока я пряталась в камере, опасаясь издать хоть звук, опасаясь выйти оттуда, я смогла понять, как, при подобном обращении, сошла с ума Цирилла.

И все это время я слышала звуки, доносившиеся сверху, звуки все еще продолжавшейся бойни, звуки боли и ужаса, крики и стоны умирающих людей. До меня доходил запах маслянистого дыма. Казалось, эти сражения и эти убийства будут продолжаться бесконечно. Хотя женщины, лежавшие по ту сторону от моей открытой двери, уже не издавали ни звука, и я знала, почему. Я знала, что все они по ту сторону от забот

и тревог этого мира. И молилась, чтобы они оказались теперь в заботливых руках добрых духов.

Я была истощена и теряла последние силы из-за состояния постоянного страха, но не могла спать — не смогла отважиться уснуть. Ночь кончалась, и наконец я увидела свет, просачивавшийся с лестничного проема; железных дверей, перекрывавших вход в темницу, больше не было и больше ничто не отгораживало находящийся наверху мир. Но я по-прежнему опасалась выходить туда. Я опасалась даже двигаться. И оставалась там, где была, весь день, пока в помещение вновь не спустилась ночная тьма. Неистовство и грабеж наверху продолжались без перерыва. Сражение заканчивалось, переходя в пьяный разгул и празднование победы. И рассвет не принес наступления тишины.

Тут я поняла, что больше не способна оставаться в этом месте; зловоние и смрад от мертвых женщин становились невыносимыми, как невыносимой была и сама мысль о том, чтобы находиться в этой темной норе, среди разлагающихся трупов людей, которых я когда-то знала. И тем не менее мой страх был так велик, что я оставалась там еще день, а затем и целую ночь.

Я так хотела пить и испытывала такой голод, что стала видеть на полу кубки с водой рядом с ломтями хлеба. Ощущала запах теплого хлеба всего лишь в нескольких шагах от себя. Но когда подходила туда — все исчезало.

Не помню точно, как это получилось, но наступило время, когда я настолько жаждала конца этого постоянного парализующего ужаса, что с радостью приняла бы смерть. Я слишком хорошо знала все, что ожидает меня впереди, но рассудила: с муками этого ужаса должно быть покончено. Я так хотела, чтобы все это кончилось. Я знала, что мне придется перенести страдания, унижение и боль, но знала и то, что, как и женщин, что лежали мертвыми неподалеку от меня, смерть от всего этого избавит, и я больше не буду страдать.

Итак, наконец я отважилась сделать шаг из темноты моей камеры. Первое, что я увидела, были мертвые глаза Элизабет, уставившиеся прямо на меня, как будто она всматривалась, поджидая, когда я выйду, чтобы увидеть, что сделали с ней. Ее вид, казалось, воплощал молчаливую мольбу ко мне быть сви-

детелем во имя правосудия. Но свидетельствовать было не перед кем, как не было и правосудия, а лишь мое молчаливое созерцание ее несчастного конца.

То, как выглядела она и другие женщины, заставило меня отступить назад. Видя характер издевательств, которым их подвергали, я наконец-то оказалась в состоянии связать эти жестокости и зверства с воспоминаниями об их криках. Это заставило меня безудержно зарыдать. Я съежилась от страха, представив, как и меня подвергнут подобным вещам.

А затем, в приступе слепой паники, я прикрыла нос от ужасного запаха краем платья и побежала сквозь путаницу выкрученных обнаженных конечностей и тел. Я стрелой пронеслась вверх по ступеням, не осознавая, куда бегу, и помня только о том, от чего бежала. И пока бежала, все время молилась о милосердии быстрой смерти.

Вновь увидеть дворец было тяжелым ударом. Это было прекраснейшее место, совсем недавно тщательно восстановленное после предыдущих нападений, происшедших несколько лет назад. Теперь же это были не просто развалины. Невозможно понять, почему люди пытались разрушать именно так, как они это делали, и какое наслаждение они находили в столь утомительных актах вандализма. Величественные двери были сорваны с петель и разломаны на куски. Мраморные колонны повалены. Повсюду валялись части расколоченной мебели. Пол покрыт мусором из осколков и частей от некогда великолепных изделий: черепки керамики с изумительной глазурью; уши, носы, крошечные пальцы и прочие фрагменты фарфоровых статуэток; расщепленная на кусочки деревянная резьба, когда-то покрытая позолотой; картины, располосованные или затоптанные грубыми сапогами. Окна были совсем разбиты, портьеры сорваны и затоптаны, статуи обезображены или разбиты. Стены в одних местах пробиты насквозь, в других забрызганы кровью, искусно отделанные комнаты загажены испражнениями, фекалии использованы, чтобы написать на стенах гнусные слова, наряду с клятвами предать смерти всех северных противников Ордена.

И повсюду были солдаты, подбиравшие брошенное другими такими же солдатами, обиравшие мертвых, грабившие все, что только удавалось, с абсолютным презрением разбивая

вдребезги изящные украшения, подшучивавшие, стоя в очереди у комнат с плененными женщинами. Я застыла в изумлении среди разрушенного дворца, ожидая, что сейчас тоже буду схвачена и водворена в одну их этих комнат. Я знала, что такой судьбы мне не избежать.

Никогда прежде я не встречала людей, подобных этим. Это были существа, внушавшие неимоверный ужас. Огромные, неуклюжие, немытые мужчины в кожаных одеждах, покрытых рубцами и кровью. Большинство из них носили цепи у пояса и украшенные заклепками ремни. У многих были бритые головы, что делало их на вид более мощными и грозными. Другие поглядывали из-под спутанных переплетений длинных прядей сальных волос. Они все выглядели дикарями, и едва ли походили на людей. Их лица были черны от копоти костров и с полосками от струек пота. Их говор был громкий, грубый и отвратительно наглый.

Наличие этих людей в роскошных, в пастельных, розовых или голубых тонах комнатах дворца казалось почти комичным, но не было ничего комичного в окровавленных топорах за поясами, мечах, перепачканных запекшейся кровью, или цепах, ножах и дубинах с железными наконечниками, висевших под рукой, на поясе.

Но что наиболее поражало в них, так это глаза. У них, абсолютно у всех, были глаза не просто смирившихся с грязной работой, скажем, на скотобойне... а имевших похотливое расположение к ней. Каждое живое существо, попадавшееся им на глаза, они оценивали только с позиции: следует ли это убить? Но эти глаза принимали еще более жестокий оттенок при виде любой из захваченных женщин, передававшихся с рук на руки. От такого взгляда у женщин останавливалось дыхание, если не сердце.

Эти люди отвергали любые цивилизованные отношения. Они не совершали сделок, не обменивались товарами, как это принято у нормальных людей. Они брали то, что хотели, и дрались друг с другом из-за наиболее ценной добычи. Они крушили, разбивали и убивали по прихоти, без цели и без раздумий. Это были люди за рамками морали. Дикие, сорвавшиеся с цепи звери, оказавшиеся среди невинных и простодушных людей.

Глава 14

— Если солдаты были повсюду, почему они не схватили тебя и не утащили с собой? — спросила Кара с небрежной, но тем не менее подчеркнутой прямотой, на которую с такой легкостью могли быть способны только морд-ситы, как будто само понятие об общих правилах поведения вне досягаемости для нее.

Этот же вопрос пришел и в голову Ричарду, но в ту минуту ему не удалось совладать с собственным голосом.

— Они решили, что она определена в прислугу, — сказала Никки спокойным, рассудительным голосом. — Поскольку она бродила без тени паники и достаточно долго после начала грабежа и насилия, мужчины предполагали, что у нее есть на то основания, что кто-то из начальников вменил ей другие обязанности.

Джебра кивнула.

— Да, это так. Заметивший меня офицер тут же потащил меня в комнату, где были другие мужчины, собравшиеся вокруг разложенных на столах карт. Эта комната не была разгромлена и разграблена, как большинство других. Они начали требовать от меня ответа, почему им до сих пор не принесли еду, как будто я обязана была это знать.

Они выглядели точно такими же свирепыми и дикими, как и все остальные, и в первый момент я не поняла, что они были офицерами. Разница была лишь в почтении, которое проявляли по отношению к ним сновавшие туда-сюда с докладами другие солдаты. Некоторые из этих офицеров были более старшего возраста, их взгляд был более тяжелым, чем у обычных солдат, старавшихся не попадаться им на глаза. Уви-

дев этот взгляд, я поняла, что это люди, привыкшие к немедленным ответам.

У меня сперло дыхание от слабого проблеска надежды — что смогу выжить, если удастся подыгрывать им, оттягивая время. Я поклонилась, начала извиняться и сказала, что немедленно отправлюсь за едой. Они лишь указали, чтобы я поспешила, очевидно, больше заинтересованные в еде, чем в раздаче наказаний. Я бросилась на кухню, стараясь идти целеустремленно, ни в коем случае не бежать, сдерживая себя из страха, что если эти люди увидят бегущую женщину, то будут реагировать как волки на вырвавшегося из укрытия молодого оленя.

На кухне были сотни работающих, в основном старшего возраста, и мужчины и женщины. Я узнала многих из них, так как они давно служили во дворце. Среди них были и молодые, более крепкие мужчины, необходимые для работы, слишком тяжелой для поварят или стариков, например, для разделки туш или поворота гигантских вертелов. Они все неистово трудились посреди ревущего огня и изрыгающих пар котлов, как будто от этого зависела сама их жизнь — что, разумеется, так и было.

Когда я появилась на кухне, люди там едва обратили на меня внимание, поскольку все метались из угла в угол, занятые самыми разными делами. Видя, что все работают в крайнем возбуждении, я схватила большое блюдо с мясом и предложила отнести его тем мужчинам. Люди на кухне были только рады, что появился кто-то, выразивший желание отправиться к солдатам.

Когда я вернулась с едой, офицеры, пославшие меня на кухню, отложили свои дела. Они вскочили с диванов и стульев и прямо грязными руками принялись хватать все, что лежало на подносе. Когда я поставила этот большой и тяжелый поднос на стол, один из офицеров уставился на меня, продолжая жевать, и с набитым ртом спросил, почему у меня нет кольца на губе. Я же не поняла, о чем он.

— Они вдевают рабам кольца в нижнюю губу, — сказала Никки. — Таким образом их метят как собственность людей, занимающих высокое положение, чтобы не позволять солдатам воспользоваться ими как добычей. Такой по-

рядок дает возможность занимающим главенствующее положение иметь в своем распоряжении слуг для грязной работы.

Джебра кивнула.

— Офицер отдал приказы. Один мужчина схватил меня и держал, а другой оттянул мою нижнюю губу и продел сквозь нее железное кольцо.

Никки пристально смотрела куда-то вдаль.

— Железо они используют как бы в связи с железными котлами, чайниками и тому подобным. Железное кольцо служит признаком работников кухни.

Ричард видел в голубых глазах Никки пелену едва сдерживаемой ярости. Она тоже когда-то носила кольцо в нижней губе, хотя ее было из золота и означало, что она личная собственность императора Джеганя. Это не было честью. Никки использовали для куда худшего, чем просто грязная работа.

— Ты права на этот счет, — сказала Джебра. — Продев кольцо через губу, меня отправили назад, на кухню, чтобы я принесла им еще еды и вина. Лишь тогда я заметила, что остальные работавшие на кухне люди тоже носят железные кольца. Я была в немом оцепенении, когда бегала туда-сюда, доставляя офицерам все, что они требовали. Но зато удавалось иногда подкрепиться глотком воды и куском еды. Вполне хватало, чтобы не упасть от изнеможения.

Так оказалось, что я разделила участь тех перепуганных людей, что работали во дворце и получали теперь приказания от офицеров. Я едва находила время, чтобы обдумать шансы избежать худшей участи. И хотя кольцо при любом резком движении вызывало кровотечение, я была рада носить его в губе, потому что любой солдат, увидев это, менял свои намерения и оставлял меня в покое.

Вскоре меня стали посылать с тяжелыми заплечными мешками, полными еды и вина, доставлять это офицерам в другие части города. Попадая в сельскую местность, окружавшую город, я начала оценивать истинные масштабы того ужаса, который постиг Эбиниссию.

Когда Джебра впала в глубокую задумчивость, Ричард спросил:

— Так что ты увидела?

Она взглянула на него так, будто почти забыла, о чем она рассказывала, но затем справилась с оцепенением и продолжила.

— За городскими стенами оставались десятки тысяч павших в этом сражении. Земля, пока мог видеть глаз, была покрыта искалеченными трупами, многие из которых лежали группами там, где эти люди и погибли, защищая свою последнюю позицию. Это зрелище казалось нереальным, но я уже видела подобное раньше... в своих видениях.

Но хуже всего было то, что некоторое число галеанских солдат еще оставались в живых, хотя и тяжело раненные. Они лежали то тут, то там на поле брани, рядом с их мертвыми собратьями, уязвленные и неспособные уйти. Некоторые негромко стонали, лежа около мертвых. Другие были в лучшем состоянии, но по разным причинам тоже не могли двигаться. Один из них оказался как в капкане: ему придавило ноги опрокинутой и разбитой повозкой. Другой был пригвожден к земле копьем, пронзившим ему живот. И даже испытывая невероятную боль, он так отчаянно хотел жить, что не рискнул выдернуть древко, удерживавшее его. У других были так тяжело перебиты руки и ноги, что они даже не могли выбраться из мешанины обломков и трупов солдат и лошадей. Я понимала, что при наличии постоянно снующих везде солдат буду замечена и убита при любой попытке хоть чем-то помочь этим несчастным.

И пока я ходила туда-сюда между удаленными постами, я была вынуждена проходить мимо этого ужасающего поля боя. По холмам, где происходило последнее сражение, сотни людей медленно бродили среди мертвых, методично собирая их вещи. Позже я узнала, что это была небольшая армия мародеров, передвигающаяся следом за войсками Имперского Ордена — жившая за счет тех жалких отбросов, что оставляли за собой солдаты Ордена. Эти стервятники в людском обличье рылись в карманах мертвых солдат и делали прочее подобное, строя свою жизнь на смерти и разрушении.

Мне запомнилась одна старуха в грязной белой шали, подошедшая к одному галеанскому солдату, который был еще жив. Среди прочих увечий, у него была глубокая рана на ноге,

обнажавшая кость. Его руки дрожали в одной бесконечно затянутой попытке «закрыть» огромную рану. Казалось чудом, что он все еще остается в живых. И когда эта старуха, укрытая шалью, бесцеремонно рылась в его одежде, в поисках чего-то ценного, он умолял ее о глотке воды. Она не обращала на него внимания, пока разрывала его рубаху, чтобы посмотреть, нет ли на шее цепочки с кошельком, как носили некоторые солдаты. Слабым, охрипшим голосом он снова запросил воды. Вместо этого она вытащила из-за пояса длинную вязальную спицу и, поскольку он продолжал беспомощно лежать, с силой всадила ее ему в ухо. У нее даже высунулся язык из уголка рта, когда поворачивала длинную металлическую спицу внутри его головы, повреждая мозг. Его руки дернулись, и он затих. Она выдернула спицу и вытерла ее об его штанину, недовольно бормоча себе под нос, что это его наконец успокоит. Убрав спицу за пояс, она вновь принялась обыскивать его одежду. Меня потрясло, какую практичность проявила она в таком грязном деле.

Кое-кто из этих извращенных стервятников разбивал камнями голову любому человеку, которого находили живым, просто чтобы быть уверенными, что он не набросится на них, когда они будут заняты сбором трофеев. Другие же из этих «мусорщиков» не утруждали себя сделать что-либо с раненым человеком, если он не мог воспользоваться руками и не пытался сопротивляться им; если он был жив, но не способен к сопротивлению, они лишь старались взять то, что могли, и шли дальше. Но среди них попадались люди, поднимавшие сжатый кулак и с восторгом кричавшие всякий раз, когда находили еще живого солдата, которого могли прикончить, словно такое действие делало их героями. Изредка попадались и такие, что выискивали беспомощных раненых и находили развлечение в издевательствах над ними самым ужасающим образом, довольные тем фактом, что эти люди не способны ни убежать от них, ни сопротивляться им. Хотя это было всего лишь делом нескольких дней — затем остававшиеся в живых или умрут от самих ран, или, в конечном счете, будут уничтожены толпами стервятников.

В течение нескольких следующих недель солдаты Имперского Ордена праздновали великую победу, предаваясь разгулу, насилию и грабежу. Они врывались в каждый дом, обы-

скивая в нем все углы. Все, что могло быть ценного, оказалось разграблено. За исключением небольшого числа людей, подобных мне, оказавшихся на положении слуг, ни один мужчина не избежал плена, ни одна женщина не избежала лап этих гнусных людей.

Джебра плакала, произнося эти слова.

— Ни одна молодая женщина не должна была бы выдержать то, что с ними делали. Пленные галеанские солдаты, так же как мужчины и дети из числа жителей города, хорошо представляли, что стало с их матерями, женами, сестрами и дочерьми... и войска Ордена понимали это. Несколько раз небольшие группы пленных, не в силах терпеть это, восставали, чтобы попытаться остановить насилие. Они все были перебиты.

Вскоре пленные были собраны в большие отряды, чтобы копать, по-видимому, бесчисленные ямы для мертвых. Когда они закончили с ямами, их заставили собрать все разлагавшиеся тела для массового захоронения. Те, кто отказывался, также заканчивали свой путь в ямах.

Когда все мертвые были подобраны и свалены в ямы, людей заставили копать длинные рвы. После этого начались казни. Были уничтожены почти все мужчины старше пятнадцати лет. В плену у Ордена их были десятки тысяч — и потребовались недели, чтобы их всех перебить.

Женщины и дети, под угрозой оружия, были вынуждены наблюдать смерть своих мужчин, и как их затем бросали в большие открытые ямы. Пока они наблюдали, им объяснили, что это пример того, что случается с теми, кто сопротивляется справедливому и нравственному закону Имперского Ордена. Им вдалбливали в головы через бесконечные казни, объясняя на все лады, каким богохульством по отношению к Создателю является то, как они жили — исключительно лишь для собственных эгоистических целей. Им говорили, что человечество должно быть очищено от подобной порчи и тем самым улучшено.

Во время казни одним отрубали головы, других ставили на колени перед ямой, а затем дюжие молодцы с дубинами, имевшими железный набалдашник, проходили вдоль этой шеренги и со всего маха били по голове каждого человека по

очереди. При этом пара пленных, закованных в цепи, шла за ними и сбрасывала свежие трупы в ров. Некоторых узников использовали в качестве тренировочных мишеней для стрел или копий. Солдаты смеялись и шутили, когда пьяному исполнителю казни не удавалось убить жертву с первого раза, — такая у них была игра.

Хотя я заметила, что нарастание творимого ужаса стало причиной мрачного настроения и у некоторых солдат Имперского Ордена. И они тянулись к спиртному, видя в нем средство притупить отвращение к происходившему, чтобы быть способными участвовать в этом. В конце концов, одно дело убивать в пылу схватки, и совершенно другое — убивать расчетливо и хладнокровно. Но именно хладнокровное убийство и было их главным занятием. Когда жертвы падали в ров, их забрасывали землей те, кому вскоре предстояло присоединиться к ним же.

Я помню один дождливый день, когда относила еду офицерам, укрывавшимся от дождя под парусиной, прежде натянутой над лавкой, а теперь удерживавшейся на копьях. Они находились там для наблюдения за казнью, обставленной как тщательно подготовленный спектакль. Перепуганные женщины, которым предстояло быть свидетелями исполнения смертных приговоров, были приведены своими владельцами прямо из «публичных комнат», многие из них были едва одеты.

Из множества неожиданных возгласов узнавания и выкриков имен мне скоро стало ясно, что Орден специально находил мужей этих женщин и казнил их у них на глазах. Эти парам была устроена ужасающая встреча: они увидели друг друга перед вечной разлукой.

Сбившихся в кучу, беспомощных женщин заставили смотреть, как их мужчинам крепко стягивают за спиной руки кожаными ремнями. Их заставили встать на колени около свежевырытой ямы, лицом к женщинам. Вдоль этой шеренги шли солдаты, хватали по очереди каждого мужчину за волосы, поднимая голову, а затем перерезали горло. Я запомнила блестевшие на дожде мощные мышцы палачей. Продолжая держать свою жертву за волосы, они, перерезав горло, бросали очередное тело в яму, а затем переходили к следующему человеку.

Мужчины, ожидавшие подобной смерти, плакали и дрожали, выкрикивая имена своих возлюбленных, кричали об их неумирающей любви. Женщины вели себя так же, когда видели своих мужчин убитыми, а затем брошенными на груды других мужчин, все еще дергающих ногами и задыхающихся в предсмертной агонии. Это было самое ужасное и горькое зрелище, какое я видела в жизни.

Многие из этих женщин, едва увидев, что их любимый убит, падали в обморок, валились прямо в грязь, смешанную с рвотой. Остальные же в диком ужасе продолжали выкрикивать под дождем имена тех, кого видели обреченными на смерть. Они рвались из железной хватки стражников, которые смеялись, по очереди оттаскивая женщин, выкрикивая вслух подробности своих намерений по отношению к женщинам их мужьям, которых ожидала смерть. Это была извращенная форма жестокости, причинявшая страдания в таком масштабе, который я не могу выразить.

Этим не только разрывались семьи, но уничтожалось само бытие. Вам когда-нибудь приходилось слышать этот старый вопрос: каким, по-вашему, будет конец света? Вот таким. Это был конец света для бесчисленного множества людей... Только он длился довольно долго. Это был долгий поток множества уничтожаемых жизней, конечных завершений каждого индивидуального мира.

Ричард сильно сжал виски большим и остальными пальцами одной руки, словно хотел раздавить свой собственный череп. Наконец он с трудом справился с дыханием и голосом.

— И никто не попытался бежать? — спросил, нарушая звенящую тишину. — При всех этих насилиях, грабежах и казнях, неужели никто так и не сбежал?

Джебра кивнула.

— Да. Не сомневаюсь, что сколько-то человек сбежало, но, разумеется, не знаю этого доподлинно.

— Сбежавших было вполне достаточно, — сказала Никки тихим голосом.

— Достаточно? — повысил голос Ричард, будто оборачивая против нее свой гнев. Он уловил вспышку ярости, выскользнувшую из-под его контроля, и понизил голос: — Достаточно для чего?

— Достаточно для их цели, — сказала Никки, пристально глядя ему в глаза, стойко перенося то, что видела в его взгляде. — Орден вполне устраивает, что некоторые сбегают. Во время разгула жестокости, самого худшего из ужасов, они умышленно ослабляют охрану, чтобы быть уверенными, что несколько человек сбегут.

Ричарду показалось, что он тонет в обрывках унылых мыслей и безрадостных предположений.

— Зачем?

Никки, прежде чем ответить, долго смотрела ему в глаза.

— Чтобы распространять страх, который должен поразить очередной город. Этот страх служит для того, чтобы люди на пути продвигающейся далее армии скорее капитулировали перед лицом такого же жестокого обращения. И, таким образом, чтобы победа давалась без необходимости со стороны Ордена захватывать с боем каждый дюйм на своем пути. Этот страх, распространяемый сбежавшими, которые наверняка расскажут всем, что им довелось увидеть, тоже служит мощным оружием, которое крошит и растирает в порошок мужество и отвагу тех, кому еще предстоит пережить нападение.

По тому, как колотилось сейчас его сердце, Ричард смог понять весь ужас ожидания нападения Ордена. Он провел пальцами по волосам и снова обратил все внимание на Джебру.

— Они убили всех пленных?

— Немногих, тех, кто, по их представлениям, в силу тех или иных причин не представлял для них угрозы, они отправили за город, работать на фермах. Я так и не узнала, что случилось с этими людьми, но предполагаю, что они все еще там, занятые тяжелым трудом как рабы, чтобы снабжать Орден продуктами.

Взгляд Джебры на мгновение исчез, пока она убирала с лица пряди волос.

— Большая часть женщин, которым удалось выжить, превратились в собственность войск. Некоторые, наиболее молодые и наиболее привлекательные, получили медное кольцо, продетое в нижнюю губу, и были оставлены для офицеров высокого ранга. По местам стоянки войск часто проезжали

повозки, собиравшие тела женщин, погибших в результате разгула насилия. При мне ни один офицер ни разу не выразил какого-либо возражения по поводу жестокого обращения с женщинами, оказавшимися в палатках военного лагеря. Мертвые свозились и сбрасывались в ямы. И никого, даже мертвых солдат Имперского Ордена не хоронили с именем на мемориальной доске. Всех бросали в общие могилы. Орден не признавал значимость отдельной личности и не собирался отмечать ее конец.

— А что же дети? — спросил Ричард. — Ты говорила, что они не убивали мальчиков.

Джебра сделала глубокий вдох, перед тем как снова начала говорить.

— Ну, мальчиков с самого начала разделяли на возрастные группы, про которые я бы сказала, что это отряды мальчиков-новобранцев. К ним относились не так, как к пленным жителям Галеи, не как к побежденным, а как к новым членам Имперского Ордена, теперь освобожденным от тех людей, которые бы лишь притесняли их и развращали их сознание. Вина за злодеяния, за которыми последовала кара Ордена, была возложена на старшее поколение, а не на этих подростков, которым объяснили, что они не отвечают за грехи своих старших. Таким образом, их отделили, духовно и физически, от взрослых, и с этого началось их воспитание.

Мальчиков тренировали способом, напоминавшим игры, но многим они показались бы жестокими. Обращались с ними относительно хорошо, и все занятия были нацелены на развитие их силы и сноровки. Им не разрешалось горевать по своим семьям... Это считалось проявлением слабости. Теперь их семьей становился Орден, нравилось им это или нет.

По ночам я могла слышать не только крики женщин, но и мальчиков, как они пели хором под руководством специальных офицеров. — Она сделала жест, отклоняясь от темы. — В мои обязанности входило приносить еду и тому подобное, так что у меня был шанс увидеть, что случилось с теми мальчиками, когда прошли недели, а затем и месяцы.

После начальных тренировок эти мальчики начали «набирать очки», получая определенное положение в своих группах по совокупности самых разных достижений. Неважно, были

ли это успехи в играх, развивающих силу и ловкость, или в заучивании уроков по части праведных обычаев Ордена. Проходя мимо, следуя к офицерам, я видела, как стоящие перед своей группой по стойке смирно мальчики повторяли наизусть заученные сведения, которым их учили. Они говорили о чести быть частью Ордена, и о священном долге стать частью нового мира, несущего прогресс человечеству, и о готовности приносить жертвы во имя этого величайшего блага.

Хотя у меня практически не было возможности вникнуть в детали того, чему учили этих мальчиков, я помню, как они, построившись, всей шеренгой как один выкрикивали: «Один — я ничто. Моя жизнь имеет смысл, когда посвящена другим. Вместе мы один разум, одна цель».

После такой эмоциональной зарядки мальчиков группами вели наблюдать за казнью «предателей человечества». Их учили проявлять радость и одобрение, когда очередной «предатель» умирал. Их учителя от Ордена стояли перед ними, высокие и гордые, повернувшись спиной к сцене массовых убийств, и не переставая наставляли: «Будьте сильными, молодые герои. Вот что происходит с эгоистичными изменниками человечества. Вы — будущие его спасители. Вы будущие герои Ордена, так что набирайтесь мужества».

Какое бы беспокойство ни испытывали эти мальчики поначалу, под длительным и непрестанным внушением, при руководстве и поощрениях от офицеров, они начинали выражать восторг и одобрение. Даже если вначале это не было искренним и неподдельным, то казалось, что таковым оно стало в конце. Я видела, как эти мальчики начинали верить — с самым настоящим пылом — в то, чему их учили взрослые.

Мальчикам давали возможность потренироваться в использовании ножей, нанося удары по свежим трупам «предателей». Это был всего лишь один из путей, каким их систематически приучали к обыденности смерти. В итоге некоторые мальчики заслуживали право участвовать в казнях. Они стояли перед пленниками и выговаривали им обвинения в эгоистичном образе жизни, в нежелании помочь собрату и в измене Создателю. Затем мальчик осуждал этого пленника на смерть и по возможности даже совершал само это действие. Приятели аплодировали такому участию в очистке человече-

ства от тех, кто сопротивляется священным учениям Ордена, от тех, кто отвернулся от их Создателя и от священного долга служения своему собрату.

До того, как их начальное обучение закончилось, почти каждый из них «замарался» в расправе над пленниками. Они получали похвалы, как «герои» Ордена. Ночью в их бараках нескольких мальчиков, не принявших участия в казнях, зачислили в отверженные. Их, в конечном счете, заклеймили позором как трусов или даже сочувствующих старому образу жизни, за эгоизм и нежелание поддержать их собрата — в данном случае такого же мальчика. Большинство этих отверженных были забиты до смерти всей группой.

Эти несколько мальчиков в моих глазах были героями. Они умерли в одиночку, от рук своих собратьев, таких же мальчишек, которые раньше играли и смеялись вместе с ними, но теперь стали их врагами. Я искренне хотела дать этим нескольким благородным душам хотя бы крепкое объятие и шепнуть о своей благодарности, что они не присоединились ко всему этому, но не могла — так что они умерли одиноко, как отверженные среди бывших друзей.

Это было безумие. Мне казалось, что весь мир превратился в сплошной абсурд, все окружающее лишилось смысла и жизнь больше не имеет цели. Ее неотъемлемыми свойствами стали страдание и боль — и ничего больше. Воспоминания о каких-то радостях казались подобием смутного сна и перестали быть частью реальности. Жизнь тянулась день за днем, сезон за сезоном, но это была жизнь, так или иначе вращавшаяся вокруг смерти.

В конце концов из всех галеанцев в живых остались только эти мальчики и женщины, выжившие во время массовых жестоких расправ. Старшие мальчики тоже стали принимать участие в актах насилия, что было и частью посвящения, и наградой за рвение при выполнении заданий, включая и участие в казнях.

Разумеется, многие женщины пытались убить себя. Каждое утро на мощеных булыжником улицах возле высоких домов находили тела разбившихся женщин, которые, не видя иного будущего, кроме все растущей жестокости, выбрасывались из окон или с крыш. Уж не знаю, сколько раз мне дово-

дилось находить в каком-нибудь темном углу женщину, собственноручно разрезавшую себе запястья, кровь которой безнадежно вытекала, унося с собой и жизнь. И не могу сказать, что порицала их за подобный выбор.

Ричард так и стоял, заложив сжатые руки за спину, глядя в спокойную воду фонтана, тогда как Джебра продолжала излагать бесконечные подробности событий, последовавших за великой победой смельчаков Имперского Ордена. Бессмысленность происходившего была настолько грандиозной, что постичь ее было невозможно, а тем более — смириться с ней.

Полосы солнечного света, падавшие через застекленную крышу, медленно ползли по мраморной скамье-барьеру, окружавшему бассейн фонтана, и через весь пол. Солнце начало клониться, и в его лучах запылал кроваво-красный камень колонн, а Джебра все продолжала рассказывать о пережитом ею в плену у Ордена.

Почти все это время Шота стояла неподвижно, по обыкновению сложив руки, с мрачным выражением лица наблюдая то за Джеброй, излагавшей свою истории, то за Ричардом, слушающим ее, будто хотела удостовериться, что его внимание не ослабевает.

— В Галее имелись запасы продовольствия для жителей, — сказала Джебра, — но не для такого множества захватчиков, какое теперь оккупировало город, не имея с собой сколько-нибудь существенных припасов. Они опустошили каждую кладовую, каждый склад. На мили вокруг на прокорм пошло каждое животное, включая огромные стада овец, разводившихся ради шерсти, и молочных коров. Не уцелели и куры — источник яиц; они тоже были все перебиты и съедены.

Когда с продуктами стало хуже, офицеры отправили гонцов с настоятельными требованиями улучшить снабжение. На протяжении многих месяцев провизия не поступала — без сомнений, большей частью потому, что наступившая зима замедляла поставки.

Было видно, что Джебра колебалась, но затем все-таки решилась продолжить.

— Помню, как однажды — это было во время сильной снежной метели — нам приказали приготовить свежее мясо,

доставленное на кухню солдатами Имперского Ордена. Это были еще теплые обезглавленные и выпотрошенные человеческие тела.

Ричард резко повернулся, чтобы взглянуть на Джебру. Она пристально смотрела на него, как будто из мира безумия, словно опасаясь, что будет тут же осуждена за то, что ей пришлось столкнуться с выходящим за любые пределы. Ее голубые глаза до краев наполнились слезами мольбы о прощении, как будто она боялась, что он готов поразить насмерть за то, в чем она собиралась признаваться.

— Приходилось ли вам разделывать для еды человеческое мясо? А вот нам пришлось. Мы жарили это мясо и освобождали его от костей, чтобы тушить. Сушили и вялили это мясо для обычных солдат. Если солдаты были голодными, а еды не было, то на кухню доставлялись тела. Мы старались надолго растягивать те запасы продуктов, что у нас были. Готовили суп и тушеное мясо, используя даже сорные травы, если удавалось отыскать их под снегом. Но все равно на всех еды хватить не могло.

Я стала свидетелем такого ужаса, что мне хватит кошмаров на всю оставшуюся жизнь. Солдаты, заносящие в кухню мертвые тела и сваливающие их в кучу прямо на полу, и врывающийся за ними снег — одно из тех впечатлений, которые постоянно преследует меня.

Ричард кивнул и прошептал:

— Я понимаю.

— А вскоре, с наступлением весны, наконец-то начали прибывать повозки с продуктами. Они доставили множество продуктов для солдат. Хотя вереницы этих полных еды повозок казались бесконечными, я знала, что это продлится недолго.

Помимо продуктов, прибыло и подкрепление — для замены людей, погибших при захвате Галеи. Численность войска Ордена, оккупировавшего Эбиниссию, была и без того поражающей воображение; дополнительные солдаты, казалось, только увеличивали мое чувство безнадежности.

Однажды я подслушала, как вновь прибывшие офицеры обсуждали, что прибудут еще повозки с продуктами, а с ними еще больше новых солдат. Поскольку они прибывали с

юга, то группы войск были отправлены с заданием прикрывать другие области Срединных Земель. Там были другие города, которые нужно взять, нужно захватывать другие места, нужно сломить другие очаги сопротивления и захватить в рабство новых людей.

Наряду с продуктами и свежим пополнением пришли и письма от людей, вернувшихся домой, в Древний мир. Разумеется, это не были письма каким-то конкретным солдатам, поскольку Имперский Орден не имеет способа найти какого-либо конкретного солдата внутри своих огромных армий, да и не видит целесообразности в этом, поскольку отдельные люди как таковые просто ничего для них не значат. Скорее, это были письма, направленные вообще тем «бравым смельчакам», сражающимся за скорейшее возвращение домой, сражающихся ради их Создателя, сражающихся за полный разгром язычников на севере, за приобщение заблуждающихся людей к образу жизни и обычаям Ордена.

По ночам, да практически каждой ночью на протяжении многих недель, эти письма, что пришли вместе с провиантом, зачитывались собранным в группы людям — большинство из которых не умели сами читать. Письма были разного плана. Письма от людей, рассказывавших о великих жертвах, на которые они шли, чтобы послать продукты и другие вещи на север, своим сражающимся солдатам; письма, восхваляющие те великие жертвы, что приносят солдаты, чтобы распространять священное учение Ордена; и даже письма молодых женщин, обещавших свое тело на служение бравым солдатам, когда они вернутся победителями нецивилизованного и заблуждающегося северного врага. Как можно вообразить, эта, последняя разновидность писем была чрезвычайно популярна, и они читались и перечитывались под радостные возгласы и дикие приветствия.

Люди из Древнего мира присылали даже сувениры: талисманы, приносящие победу; рисунки для украшения палаток бойцов; пирожные и печения, давно испортившиеся; носки, рукавицы, рубашки и шапки; различные травы для самого разного использования, от заваривания чая до перевязок; благоухающие носовые платки от восхищенных женщин, страстно желавших, из чувства долга, предложить себя солдатам;

пояса для оружия и тому подобное, изготовленное группами юношей, тренирующихся вместе со сверстниками в ожидании дня, когда они тоже смогут отправиться на север уничтожать тех, кто сопротивляется мудрости Создателя и справедливости Ордена.

Все эти вереницы обозов, доставивших продовольствие, отправляясь назад, в Древний мир, за очередной партией провианта и всего прочего, необходимого для поддержки той огромной армии, что теперь находилась в Новом мире, загружались трофеями, чтобы доставить их в города Древнего мира, снабжающие армию всем необходимым. Это словно замкнутый торговый цикл — трофеи за снабжение, снабжение за трофеи. Думаю, что постоянные отправки к югу бесконечной череды повозок, полных награбленных богатств, также имели целью служить побудительным мотивом для воинов, а сами трофеи — для людей, остающихся дома, чтобы продолжать восполнять чудовищные расходы на ведение войны.

Разумеется, армия вторжения была слишком большой, чтобы разместиться в городе, тем более вместе с подкреплением, прибывающим с каждым караваном груженых повозок, и рядом раскинулось целое море палаток, простершееся далеко по сельской местности, покрывая, как одеялом, холмы, долины и все вокруг. Еще прошедшей зимой на огромных пространствах были обломаны и вырублены деревья, использованные для костров, в результате чего пейзаж, окружавший столицу, выглядел безжизненным и мертвым. Новая трава так и не вырастала под кишащей массой людей, бесчисленного числа лошадей и множества повозок, так что казалось, будто Галея превратилась в море грязи.

Из подразделений и частей, только что прибывших из Древнего мира, формировались группы нападения, которые отправлялись захватывать новые места, чтобы распространять господство Ордена, устанавливая его власть. Казалось, происходит бесконечный приток воинов для порабощения Нового мира.

Я работала до изнеможения, доставляя еду всем этим офицерам, так что мне приходилось часто бывать около командного персонала и удавалось подслушать кое-что о пла-

нах нападений и сообщения о новых взятых городах, о числе захваченных пленных и о количестве рабов, отправленных в Древний мир. Иногда наиболее привлекательных женщин приводили для обслуживания высших офицеров. Глаза этих женщин были безумными от страха и неизвестности. Я знала, что через какое-то время их глаза станут унылыми и тусклыми от затянувшегося ожидания смерти. Все это казалось мне одним бесконечным сражением, одной бесконечной жестокостью, которой не видно было конца.

Разумеется, к этому времени город уже был почти очищен от людей, когда-то называвших его своим домом. Почти каждый мужчина старше пятнадцати лет давным-давно замучен до смерти, а те немногие, что избежали ее, вывезены как рабы. Многие из женщин — те, кто стар или слишком молод, чтобы быть полезными Ордену, — либо так же замучены до смерти, если они попались кому-то на глаза, но многие просто брошены на произвол судьбы, умирать с голоду. Они ютились как крысы в темных щелях. Прошлой зимой я видела ватагу старух и маленьких девочек, выглядевших как скелеты, обтянутых бледной кожей, собирающих объедки. Вид их разрывал мое сердце, но накормить их означало только одно: смерть для них и для меня. Однако если мне удавалось, я изредка, потихоньку, давала им еду — если она оказывалась под рукой.

В конечном счете почти все население столицы Галеи, составлявшее некогда сотни тысяч человек, оказалось уничтожено. По сути, сердца Галеи больше не было. Теперь город был оккупирован сотнями тысяч солдат. Те люди, что следовали за войсками и обирали падших, захватывали и занимали дома в местах, давным-давно разграбленных, где уже никто не жил. А также стали прибывать люди из Древнего мира, переселявшиеся сюда, захватывавшие дома и землю и начинавшие жить здесь так, будто все это было их собственностью.

Оставались в живых только те женщины Галеи, что были рабами либо использовались солдатами в качестве подстилок. Со временем многие становились беременными и производили на свет детей, отцами которых были солдаты Имперского Ордена. Это потомство растилось, чтобы стать будущими фанатичными приверженцами Ордена. Фактически единствен-

ными выжившими галеанцами были мальчики, оставшиеся в живых после первого года оккупации.

Бесконечные тренировки этих детей и обучение их жизненным принципам Ордена приводили к тому, что эти мальчики сами становились частью Ордена. Они забывали образ жизни своих родителей, забывали отечество, забывали общую благопристойность и порядочность. Теперь они были рекрутами Ордена — новыми чудовищами по единому образцу.

После долгих, месяц за месяцем, тренировок группы старших мальчиков были отправлены, чтобы быть первой волной нападающих при штурме новых городов. Им предстояло стать тем «мясом», что должно притупить мечи язычников. Все они отправлялись туда с нетерпением.

Когда-то мне казалось, что жестокие и грубые скоты из Имперского Ордена — другая, варварская порода людей, непохожая на цивилизованных людей Нового мира. После наблюдения за тем, как изменились эти мальчики, я поняла, что люди, составляющие Орден, на самом деле не отличаются от всех нас, разница лишь в верованиях и идеях, мотивирующих их поступки. Возможно, это безумная мысль, но похоже, что по какому-то загадочному механизму любой оказывается готов к тому, чтобы быть соблазненным и пасть в объятия жизненных принципов Ордена.

Тут Джебра в смятении покачала головой.

— На самом деле я никогда не понимала, как такое могло оказаться возможным, как получилось, что офицеры давали мальчикам столь скучные и нудные уроки, наставляли их стать самоотверженными и бескорыстными, обучали их тому, что им следует жертвовать жизнью ради блага других, — а затем, словно по волшебству, эти мальчики, маршируя и весело распевая песни, предвкушали умереть в сражении.

— На самом деле вышеупомянутое осуществляется очень просто, — бесцеремонно заметила Никки.

— Просто? — Джебра недоверчиво подняла бровь. — Ты не можешь говорить это всерьез.

Глава 15

— О да, очень просто. — Никки шла медленным и размеренным шагом, продолжая говорить. — И мальчики, и девочки в Древнем мире обучаются тому же самому при содействии Братства Ордена и теми же самыми методами.

Она остановилась недалеко от Ричарда и, вздохнув, свободно сложила руки — выражая скорее не слабость, а безрадостный цинизм.

— С той лишь разницей, что для них это начинается сразу после их рождения. Начинают это, разумеется, с простых уроков, но эти уроки тянутся и усложняются всю их жизнь. Нередко доводится видеть благочестивых старцев, просиживающих на лекциях, проводимых проповедниками из Братства Ордена.

Большинство людей, втягиваясь в упорядоченную общественную структуру, желает узнать, как им адаптироваться в более крупной схеме вселенной. Братство Ордена обеспечивает им всестороннее и заслуживающее доверия чувство структуры... другими словами, излагает им правильный путь поиска надлежащего образа жизни. Но эта методика особенно эффективна, когда применяется к молодым. Когда молодое сознание формируется под влиянием догматических учений Ордена, то после этого оно становится непоколебимым и неизменным всю жизнь. В результате любой другой образ мысли — сама способность к мышлению в общепринятом значении этого слова — увядает и гаснет еще в молодом возрасте и утрачивается на всю жизнь. Такие личности, даже состарившись, по-прежнему просиживают на тех же самых базовых лекциях и по-прежнему одобряют каждое произносимое там слово.

— Просто? — спросила Джебра. — Ты сказала, что все вышеупомянутое очень просто?

Никки кивнула.

— Орден учит, что в этом мире, мире живого, мы не навсегда. Сама жизнь мимолетна. Мы рождаемся, некоторое время живем и умираем. Напротив, загробная жизнь вечна. В конце концов, мы все знаем, что люди умирают; но поскольку ни один еще не вернулся назад из мира мертвых, то мир мертвых — вечен. Поэтому именно загробная жизнь является самым важным аспектом бытия.

Опираясь далее на этот принцип, Братство Ордена непрестанно вколачивает людям в голову убеждение, что любому надлежит заслужить право на вечное блаженство в сиянии света Создателя. А текущая жизнь и есть то самое средство, позволяющее заслужить бессмертие — в каком-то смысле, проба.

Джебра, в явном недоверии, прищурила глаза.

— Но ведь все равно жизнь... я не знаю... жизнь это жизнь. Как может быть что-то важнее своей жизни? — Она робко улыбнулась, смягчая свою недоверчивость. — Несомненно, все это не может убедить людей в правильности жестокого образа жизни Ордена, убедить отвернуться от собственной жизни.

— Жизни? — Никки слегка наклонилась в сторону Джебры с неожиданной угрозой во взгляде. — А разве ты не заботишься о своей душе? Разве не думаешь, что все, что случится с твоей душой на протяжении всей этой вечности, должно для тебя быть серьезным и нешуточным поводом для беспокойства?

— Ну, разумеется, я, я... — Джебра потеряла дар речи.

Никки же выпрямилась и пожала плечами, изображая недоумение.

— «Эта» жизнь ограничена временем, так что в общей схеме вещей, по сравнению с вечностью загробной жизни, разве может быть вообще важна эта мимолетная жизнь? Какую истинную цель может еще нести это короткое существование, как не служить испытанием для души?

Джебра выглядела сомневающейся, но не решались возразить Никки в таких вот формулировках.

— Ввиду этого, — сказала Никки, — жертва во имя близких, ради желаний и потребностей твоих собратьев есть смиренное признание того, что эта жизнь бессмысленна и бесцельна, есть демонстрация того, что ты признаешь, что бессмертие рядом с Создателем в следующем мире есть логически вытекающая отсюда цель. Так? Принося жертву, ты тем самым, открыто признаешь, что не ценишь человеческий мир по сравнению с бессмертием, по сравнению с царством Создателя. По этой причине жертва есть цена, очень маленькая цена, совершенно незначительная, что ты платишь за вечное блаженство твоей души. Это есть твое доказательство Создателю, что ты достойна бессмертия рядом с Ним.

Ричард был удивлен, увидев, как легко такое логическое обоснование, изложенное Никки уверенно, спокойно и властно, испугало Джебру и заставило замолчать. Слушая поучение Никки, Джебра изредка поглядывала на остальных — на Зедда, на Кару, на Шоту и даже на Энн и Натана, — но так и не увидела ни у одного из них ни малейшего намека на протест или возражение, и тогда ее плечи начали обвисать, будто она прониклась только одним желанием: исчезнуть в прожилках мраморного пола.

— Если же ты ограничиваешься желанием быть счастливой в этой жизни, если отваживаешься, — тут Никки небрежно обвела вокруг рукой, указывая на окружающий мир, похаживая перед ними с царственной осанкой то назад, то вперед, — если отваживаешься получать удовольствие в бессмысленной банальности этого жалкого мира, в этой бренности, в этом коротком существовании, значит, отрицаешь твою следующую, значительно более важную, вечную жизнь и, таким образом, отрицаешь совершеннейший план Создателя в отношении твоей души.

Но кто ты такая, чтобы подвергать сомнению Создателя всего сущего? Как смеешь ставить мелочные желания своей ничтожной, жалкой и короткой жизни выше Его великой цели подготовить тебя к истинному бессмертию?

Никки умолкла и демонстративным движением сложила руки, видимо предполагая выслушать аргументы другой стороны. Долгие годы теоретической подготовки давали ей возможность выражать тщательно проработанные догматы

Ордена с ужасающей точностью. И то, что она стояла в этой розовой ночной рубашке, казалось, только подчеркивало насмешливость ее рассуждений о тщетности бытия. Ричард прекрасно помнил, как Никки излагала ему это в очень похожей манере, только в то время она была предельно серьезной. Джебра избегала проницательного взгляда Никки, уставившись вместо этого на свои руки, сложенные на коленях.

— Для донесения образа жизни Ордена до других людей — например, до Галеи, — сказала Никки, возвращаясь к своей лекции и продолжая ходить взад и вперед по залу, — должно умирать множество солдат. — Она пожала плечами. — Но ведь это и есть наивысшая жертва — то есть чья-то жизнь, — в попытке просветить тех, кто пока еще не знает, как идти по единственно верному и истинному пути к блаженству в следующем мире. Если кто-то жертвует жизнью в борьбе во имя Ордена, чтобы принести спасение отсталым, невежественным и ничтожным людям, этот герой заслуживает бессмертия рядом с Создателем в том, следующем мире.

Никки провела перед собой рукой, почти полностью скрытой розовым атласом ночной рубашки, будто обозначая нечто великолепное, но невидимое, стоящее прямо перед ними.

— Смерть — всего лишь дверь к этому столь величественному бессмертию.

Она опустила руку.

— Поскольку жизнь индивидуума не имеет никакого значения в системе реальных ценностей, то очевидно, что с помощью пыток или убийства сопротивляющихся индивидуумов вы лишь помогаете склонять массы невежественных людей к просвещению — то есть помогаете этим массам спастись, обеспечивая их прямым стимулом, заставляя детей Создателя принять Его царство.

Выражение лица Никки было таким же зловещим, как и ее притворство.

— Люди, которых от рождения учат подобным вещам, начинают веровать в это с таким слепым рвением, что воспринимают каждого, кто живет по-иному, чем того требуют учения

Ордена — иными словами, отказывается платить необходимую цену из пожертвований в обмен на вечное блаженство, — как заслуживающего вечных невообразимых мучений в темных холодных глубинах преисподней, где правит Владетель мертвых, и именно это ожидает их, если они не изменят свой образ жизни.

Очень немногим, выросшим под властью подобных идей, удается сохранить достаточные способности к логическому мышлению, чтобы оказаться в состоянии выйти из этой зачарованной замкнутой ловушки — и к тому же большинство таких явно не желают этого делать. Для них наслаждаться жизнью, жить для самих себя означает обменять бессмертие на короткий и грешный миг веселья перед мрачной бесконечностью кары.

Поскольку им надлежит отказаться от наслаждений этой жизни, они сосредотачиваются лишь на том, чтобы поскорее заметить кого-то, кто оказался неспособен принести жертву, как следовало им всем, и не желал жить по канонам Братства Ордена. Кроме того, распознавание грехопадения в других считается добродетелью, потому что помогает склонять тех, кто пренебрегает своим моральным долгом, вновь повернуть на тропу спасения.

Никки наклонилась к Джебре и понизила голос до мрачного шипения.

— И точно так же добродетелью считается убийство неверующих. Так ведь?

Никки выпрямилась.

— Последователи Ордена взращивают глубокую ненависть ко всем, кто не верит в их цели. Ведь, в конце концов, Орден учит, что нечестивые грешники, отказывающиеся раскаиваться, являются всего лишь приверженцами Владетеля мертвых. Смерть — ровно то, чего заслуживают вот такие враги праведников.

Никки угрожающе взмахнула руками.

— Не может быть никаких сомнений на этот счет, поскольку учения Ордена все-таки являются лишь желаниями самого Создателя, а значит, божественно устанавливают истину.

Теперь Джебра была окончательно напугана и не смела возразить.

Кара, напротив, страха совершенно не испытывала.

— О, в самом деле? — заметила она, ровным, но явно возражающим тоном. — Боюсь, что это муха в варенье. Откуда им все это известно? Я имею в виду, откуда они знают, что загробная жизнь хоть отчасти похожа на то, как они ее расписывают?

Она заложила руки за спину и пожала плечами.

— Насколько мне известно, никто из них не посещал мир мертвых, с тем чтобы вернуться оттуда. Так откуда они знают, каково там, за этим занавесом?

Наш мир — это мир живого, так что самым важным в этом мире является жизнь. Как они отваживаются до такой степени унижать ее, обменивая нашу единственную жизнь на нечто непостижимое? Как могут они заявлять, что знают все о природе мира иного? Я имею в виду, что всем известно, что мир духов — лишь переходное состояние, пока мы плавно скользим в небытие смерти.

Собственно говоря, откуда Братство Ордена знает, что это все является желаниями Создателя... или про то, что Он вообще имеет желания? — Бровь Кары опустилась. — Откуда они знают хотя бы то, что Сотворение Мира произведено совершенно осознанно неким божественным властелином?

Теперь, когда хоть кто-то все-таки выступил с возражениями, Джебра казалась успокоившейся.

Никки улыбнулась несколько странным манером и подняла бровь.

— В этом-то главный трюк.

Не оборачиваясь, она снова подняла руку и протянула ее в сторону Энн, стоявшей в тени в противоположном конце зала.

— Это доказывается тем же самым методом, с помощью которого аббатиса и сестры Света обосновывают аналогичное их словоблудие. Какой-нибудь предсказатель, или верховный жрец, или еще какая-то смиренная, но глубоко благочестивая личность услышала таинственный божественный шепот или увидела священное видение, ниспосланное Им или явленное во сне. Говорят, существуют древние тексты, содержащие сокровенное знание о том, что находится за занавесом. Подобное знание, по сути, есть коллекция все тех же шепотов, видений и снов, которые в далеком прошлом были признаны фак-

тами и стали теперь «неопровержимыми» просто потому, что являются древними.

И как же мы можем проверить правдивость подобных свидетельств? — Никки сделала широкий величественный жест рукой. — Да ведь подвергать сомнению подобные свидетельства есть величайший из всех грехов: отсутствие веры!

Достоинство и святость вере придаёт познание *непостижимого*. В конце концов, какое достоинство может иметь вера, если то, во что мы *верим*, и без того совершенно точно известно? Но личность, способная исповедовать абсолютную веру без каких бы то ни было доказательств, действительно обладает серьезными достоинствами. Единственный вывод из этого — что только уничтожившие материальные препятствия для веры, перенесшие свое бытие с оснований реальности в пустоту незначимого, могут быть добродетельными и достойными вечной награды.

Это примерно так, как если бы тебе велели прыгнуть со скалы, проникнувшись верой, что можешь летать. Но тебе не следует махать руками, поскольку это покажет фундаментальное отсутствие у тебя веры, а любое отсутствие веры надежно гарантирует, что ты рухнешь на землю, и тем самым будет доказано, что произошло это по твоей личной фатальной вине, из-за недостатка веры.

Никки провела пальцами, отбрасывая назад светлые волосы, убирая их с плеч, а затем со вздохом опустила руки.

— Чем сложнее учение для усвоения, тем более сильная вера требуется для него. Но вместе с повышением уровня безусловной веры приходит и связь с другими, разделяющими это верование, и великое чувство вхождения в особую группу посвященных. Верующие, вера которых столь очевидно мистична, удаляются от «непосвященных», от тех, кто вызывает подозрение, поскольку не принимают веру. Понятие «неверующий» становится общей формой порицания, обвинением в служении демонам любого, кто пытается, — Никки постучала пальцем по виску, — пользоваться здравым смыслом.

Вера сама по себе, как вы понимаете, есть ключ... волшебная палочка, которой они помахивают над бурлящим ва-

ревом, состряпанном ради того, чтобы выдать его за «истину, не требующую доказательств».

Энн, хотя и бросала презрительные взгляды на сестру Света, ставшую предателем общего дела, но спорить не стала. Ричард подумал, что такое с ней бывает нечасто, но в данный момент это очень мудро.

— Но все же, — сказала Никки, покачивая пальцем и продолжая мерить босыми ногами пол зала, — есть трещина в этом башнеподобном нагромождении учений Ордена. В основе всех этих убеждений и взглядов, придуманных и вложенных в воображение людей, лежит фатальная ложь. Насколько бы искренней ни была подобная вера, в целом она всего лишь тщательно сфабрикованный продукт, состоящий из фантазий и самообмана. Ведь если отбросить основания реальности, то любого безумца, слышащего голоса в своей голове, следует объявить праведным и заслуживающим доверия.

Вот почему Орден превозносит святость веры и учений, по которым всем следует погасить порочное стремление воспользоваться своей головой и полностью довериться своим чувствам. Это учение гласит, что как только вы откажетесь от собственной жизни в пользу слепой веры в загробную жизнь, после этого, и только после этого, перед вами, как по волшебству, откроется дверь к бессмертию и вы узнаете все.

Другими словами, знание предлагают обретать только через отказ от всего, что на самом деле и составляет знание.

Вот почему Орден приравнивает веру к святости и почему ее отсутствие признается грехопадением. Вот почему любые размышления о вере считаются еретическими.

Без веры, как становится ясно, все их учение становится безосновательным.

И поскольку вера — необходимый «клей», скрепляющий все хлипкое нагромождение их убеждений, она порождает жестокость. Без жестокости их вера быстро иссякнет, став не более чем фантастическими грезами, наподобие пустой веры королевы в то, что никто не посмеет напасть на ее трон, и никакой враг не перейдет границы, и что нет силы, способной превзойти ее защитников, потому что она не позволяет этого.

В конце концов, мне нет нужды угрожать вам и оказывать принуждение, чтобы вы признали, что вода в этом фонтане мокрая или что стены этого зала сооружены из камня. Но Ордену приходится угрожать людям, принуждать их проникнуться верой, что бессмертие мира мертвых будет вечным наслаждением, но только в том случае, если они, в этой жизни, будут делать все так, как им приказывают.

Пока Никки пристально вглядывалась в тихую и спокойную воду фонтана, Ричард подумал, что ее голубые глаза вполне могут превратить эту воду в лед. Холодная ярость, наполнявшая эти глаза, была результатом многого, что она видела в своей жизни, такого, чего он не мог даже вообразить. Иногда то, что она поверяла ему темными тихими вечерами, когда они оставались наедине, было просто ужасным.

— Намного проще убедить людей умереть за ваше дело, если сначала вы заставите их страстно стремиться к смерти, — сказала Никки с горечью в голосе. — Гораздо проще уговорить мальчиков подставлять обнаженную грудь под стрелы и мечи, если они верят, что, поступая так, совершают самоотверженное действие, которое заставит Создателя с улыбкой и радостью принять их в вечное блаженство загробного мира.

Ордену достаточно приучить людей быть правоверными, все их реальные дела должны выковать из них настоящих чудовищ, которые не только умрут за общее дело, но будут с таким же успехом и убивать за него. Правоверные всегда охвачены непримиримой ненавистью к тем, кто не верит. Нет более опасного, более злобного и более жестокого человека, чем тот, кто ослеплен убеждениями Ордена. Не разум сформировал такого верующего, так что разум и не ограничивает его поступки. Отсюда следует, что в его ненависти отсутствует механизм сдерживания. Это убийцы, которые будут только счастливы убить ради их дела, абсолютно уверенные в осознании того, что делают правое и нравственное дело.

Пальцы Никки побелели, и суставы их стали бескровными, пока она сжимала кулаки. Хотя и казалось, что в зале стояла ужасающая звенящая тишина, сила ее слов все еще отдавалась эхом в голове Ричарда. Он даже подумал, что си-

ла той ауры, что потрескивает вокруг нее, способна вызвать самую настоящую грозу, с громом и молниями, в этом зале.

— Как я уже говорила, все вышеизложенное осуществляется очень просто. — Никки покачала головой с горьким смирением, ее душевное волнение иссякло, что придавало дополнительную мрачность ее высказываниям. — Поэтому у большинства людей Древнего мира, а теперь и у людей Нового мира, нет иного выбора, как следовать учениям Ордена. Если их вера дрогнет, им сурово и непреклонно напомнят о вечности невообразимых страданий, ожидающих неверующих. Если и это не даст результата, вера будет возвращена им острием меча.

— Но ведь должен же быть какой-то способ исправить этих людей, — наконец сказала Джебра. — Неужели нет возможности вернуть им собственные чувства и разум, заставить отринуть учения Ордена?

Никки отвернулась от нее, устремив взгляд куда-то вдаль.

— Я с детства воспитывалась на учениях Ордена и все-таки вернулась в мир собственного разума и чувств.

Она молчала некоторое время, все еще пребывая среди бушующего моря мрачных воспоминаний, как будто вновь ожила ее, по-видимому, бесконечная борьба за жизнь, за избавление от тянущихся к ней когтей Ордена.

— Тебе трудно будет вообразить, насколько сложным для меня оказалось вырваться из этого царства порочных верований. Вряд ли кто-то, не тонувший в смраде учений Ордена, может постичь, на что это похоже — верить, что твоя собственная жизнь никчемна, бесполезна и не имеет никакой ценности. Или познать тот ужас, что опускается на тебя всякий раз, когда ты пытаешься уклониться от того, что является, как тебя учили, единственным средством спасения твоей души.

Взгляд ее повлажневших глаз нерешительно переместился в сторону Ричарда. Он знал. Он был там. Он знал, на что это похоже.

— Я оказалась спасена, — прошептала она ломающимся голосом. — Но это было далеко не просто.

Джебра казалась приободренной такой поддержкой, но Ричард не думал, что она действительно восприняла духом.

— Тебе же смогли помочь, — сказала она, — так что, вероятно, можно оказать помощь и другим.

— Она весьма отличалась от большинства находящихся под чарами Ордена, — сказал Ричард, продолжая пристально смотреть в голубые глаза Никки, выдававшие, как много он значит для нее. — Ею двигало желание понять и разобраться, было ли то, во что ее приучили верить, правдой; было ли оно важнее жизни и существует ли что-то ценное, ради чего стоило жить.

Большинство воспитанников Ордена не имеют подобных сомнений. Они отметают подобные вопросы и вместо этого крепко цепляются за свои верования.

— Но почему ты думаешь, что они не изменятся? — Джебра, казалось, не желала упускать нить надежды. — Если Никки смогла, то почему это невозможно для остальных?

Продолжая пристально смотреть Никки в глаза, Ричард сказал:

— Думаю, они способны отвергнуть любое сомнение в том, что составляет предмет веры, потому что усвоили это, не рассматривая как какие-то особые идеи, вколоченные в них. Они начали освоение полученных идей как ощущений или эмоций, и они переходят в мощную эмоциональную убежденность. Полагаю, это хитрость самого процесса. Они сами внутренне уверены, что излагают свои собственные мысли, а не разрозненные идеи, которым их учат по мере подрастания.

Никки откашлялась, отвернувшись от взгляда Ричарда, и очередной раз переключила внимание на Джебру.

— Думаю, Ричард прав. Я была внутренне уверена, что мыслю самостоятельно, осознавала как внутренние убеждения то, что фактически было привито этим методом обучения.

Некоторые люди, которые втайне продолжают ценить свои жизни, присоединятся к бунтовщикам, если смогут убедиться, что существует реальный шанс победить... как и было в Алтур-Ранг. Но если такого шанса нет, тогда им приходится повторять слова, которые от них хотят слышать приверженцы Ордена, чтобы не потерять самую большую их ценность: жизнь. Под властью Ордена ты веришь в то, чему тебя учат, или умираешь. Это чрезвычайно просто.

В Древнем мире есть люди, готовые объединиться с теми, кто намерен восстать, люди, стремящиеся зажечь огни свободы для тех, кто хочет иметь возможность управлять своей судьбой. Там есть люди, действительно горящие желанием получить шанс на свободу, и они будет действовать, чтобы получить ее. Джегань, безусловно, знает о подобных попытках и использует войска для подавления их. Но я совершенно уверена, что большинство людей Древнего мира никогда по собственной воле, без принуждения, не откажутся от своих верований. Они считают такой поступок греховным. И сами будут подавлять безжалостно любое восстание. Если потребуется, будут цепляться за свою веру до самой могилы. Они...

Шота в раздражении подняла руку, прерывая Никки.

— Да, да, некоторые будут, а некоторые нет. Много болтовни на этот счет. Но это неважно. Надежда на восстание бессмысленна. Это всего лишь праздные желания и надежды на неожиданное спасение.

Легионы солдат из Древнего мира теперь находятся здесь, в Новом мире, так что Новый мир и есть то, о чем нам следует беспокоиться, а не Древний мир и поддержка в нем мятежа, который может быть, а может и не быть. Древний мир, по большей своей части, верит в Орден, поддерживает его и радуется его завоеваниям.

Шота вышла вперед, устремив многозначительный взгляд на Ричарда.

— Единственный способ для цивилизации выжить состоит в том, чтобы отправить всех вторгшихся солдат прямой дорогой к их долгожданной вечности в мире мертвых. Не подлежат исправлению те, чей разум направлен на страстное желание умереть за дело. Единственный способ остановить Орден и его армию — убить их столько, чтобы они не смогли продолжать свое завоевание.

— Наказание — это способ изменения человеческого разума, — сказала Кара.

Шота ответила одобрительным кивком на слова морд-сита.

— Только в случае действительного понимания, что победить они не смогут и что все эти попытки приведут лишь к несомненной смерти, некоторые из них откажутся и от своей

веры, и от общего дела. Скорее всего, на самом деле очень немногие из них, несмотря на веру в учения Ордена, действительно готовы умереть, чтобы это проверить.

Но и что из этого? Какое это имеет реальное отношение к нам? Мы и так знаем, что существует огромное число такого рода фанатиков, которые готовы с радостью умереть. Сотни тысяч уже умерли, доказав на деле, что они готовы принести подобную жертву. Все остальные тоже должны быть убиты, иначе эти люди убьют всех нас, обрекая весь мир на долгое и мучительное сползание к первобытной жестокости. Вот какая у нас ситуация. Вот реальное положение дел.

Глава 16

Шота обратила на Ричарда гневный взгляд.

— Джебра разъяснила тебе, каково это — оказаться в руках этих солдат, если ты не остановишь их. Ты думаешь, эти люди придают хоть какое-то значение собственной жизни? Или, по-твоему, они способны присоединиться к мятежникам против Ордена, будь такой шанс? Едва ли.

Я явилась сюда, чтобы ты получил представление о том, что *уже* случилось со многими, чтобы ты смог понять, что в ближайшее время случится со всеми остальными, если ты не сделаешь чего-то, чтобы это остановить.

Точное представление о том, как становятся солдатами Ордена и как совершается их жизненный выбор, приводящий их к столь неистовому вторжению в жизнь невинных людей, и причины, которые стоят за этим выбором — вовсе не это интересует нас. Они такие, какие есть. Они разрушители и убийцы. Они — здесь. Вот что важно на данный момент. Они должны быть остановлены. Если они будут мертвы, то больше не будут представлять для нас угрозу. Это так просто.

Ричарду было любопытно, как именно, по ее ожиданиям, он должен совершить такую «простую» вещь. С таким же успехом она могла бы попросить его достать с неба луну и воспользоваться ею, чтобы сокрушить армию Имперского Ордена.

И, словно прочитав его мысли, снова заговорила Никки.

— Мы можем согласиться с тобой во всем, что ты хотела здесь рассказать... но в действительности не было никакой необходимости, рассказывать нам то, что мы уже и без того знаем, словно считаешь нас детьми и только ты являешь ис-

ключительную мудрость. Но ты не понимаешь, о чем просишь. Та армия, что видела Джебра, которая вступила в Галею, так легко сокрушила ее защитников и перебила так много людей, всего лишь второстепенная и незначительная часть армии Имперского Ордена.

— Ты, наверное, шутишь, — сказала Джебра.

Никки наконец-таки отвела пристальный взгляд от Шоты, обратив его к Джебре.

— Ты видела там кого-нибудь из обладающих даром?

— Обладающих даром? Мне кажется, нет, — сказала та после недолгого раздумья.

— Это потому, что они не доверяют командование тем, у кого есть дар, — сказала Никки. — Окажись таковые люди там, Шота не смогла бы так легко проникнуть в такое место, а затем увести тебя оттуда. Там не было ни одного обладателя дара. Это маловажная часть войска, представляющая, скорее всего, лишь расходный материал.

Вот почему караваны с припасами приходят к ним запоздало. Все припасы отправляются сначала на север, к основным силам Джеганя. И только когда они получают все, что им требуется, только после этого снабжение осуществляется в другие части, как, например, войскам, находящимся в Галее. Это всего лишь один из экспедиционных корпусов Джеганя.

— Но ты не понимаешь. — Джебра поднялась со своего места. — Это была огромная армия. Я была там. Я видела их собственными глазами. — Она потирала руки, будто стараясь высушить их, и бросала взгляды на всех стоявших в зале. — Я была там и месяц за месяцем работала на них. Я видела, сколь велика их численность. Как мне оценить размеры их военной мощи? Я уже сообщила вам обо всем, чего они добились.

Ничуть не тронутая этим обращением, Никки покачала головой.

— Это был всего лишь незначительный отряд.

Джебра облизнула губы, боль и страдание отражались в ее облике.

— Возможно, я недостаточно хорошо смогла описать это и не уточнила, сколько именно солдат Ордена вторглись в Галею. И очень жаль, что не сумела должным образом объяс-

нить, чтобы вы поняли, как легко они сокрушили всех этих непреклонных защитников.

— Ты проделала большую и хорошую работу, очень точно сообщив нам о том, что ты видела, — сказала Никки более спокойным тоном, сочувственно положив руку ей на плечо. — Но ты видела лишь часть всей картины. И эта часть, которую ты видела, ужасающая по сути, была всего лишь малостью по сравнению с остальным. То, что ты видела, еще не дает представления о главной силе, ведомой императором Джеганем. Я провела много времени в главном лагере Джеганя и знаю, о чем говорю. По сравнению с его главной силой, та, что видела ты, не может быть названа впечатляющей.

— Она права, — мрачно заявил Зедд. — Мне очень не хочется признавать это, но она права. Основная армия Джеганя многократно сильнее той, что вторглась в Галею. В свое время я участвовал в действиях по замедлению их продвижения в Срединные земли, тогда как они постоянно теснили нас назад, к Эйдиндрилу, так что мне довелось узнать их силу. Видеть их наступление — это как наблюдать за приближением бесчисленной орды приспешников преисподней, спешащих поглотить все живое.

Он, в своей простой мантии, выглядел как истинный стоик, возвышаясь на верхней из пяти ступеней, наблюдая и слушая, что высказывают остальные, и Ричард понимал, что его деду это далеко не безразлично. Метод Зедда зачастую заключался в том, чтобы сначала выслушать, что готовы сказать другие, прежде чем выступать со своим мнением. Но в этом случае ему не пришлось поправлять никого из выслушанных.

— Если войска Ордена в Галее не имеют в своем составе людей, у которых есть дар, — сказала Джебра, — то, возможно, если несколько обладателей дара появятся там, они смогут уничтожить эту армию. Возможно, таким образом вы спасете тех несчастных, кто еще остается в живых, кто выжил и перенес такие страдания. В конце концов, еще не слишком поздно спасти некоторых из них.

Ричард догадался, о чем она опасалась говорить вслух, но что именно заключал в себе ее вопрос: если это действительно лишь небольшой вооруженный отряд, в котором нет ни одно-

го волшебника, то почему никто из тех, кто присутствует сейчас здесь, не сделал ничего, чтобы прекратить ту резню, свидетелем которой была она. И сам Ричард, до того как покинул леса Хартленда, тоже испытывал бы негодование и гнев по отношению к тем, кто не сделал ничего, чтобы спасти этих людей. Сейчас его все более беспокоило осознание, насколько сильно это связано с теми событиями.

Никки покачала головой, отвергая подобные предположения.

— Это не вполне подходящая идея, как могло бы показаться. Обладающие даром способны уничтожить большое число врагов и создать на некоторое время панику и хаос, но даже этот экспедиционный отряд насчитывает достаточно солдат, чтобы выдержать любую атаку тех, у кого есть дар. Например, Зедд способен воспользоваться магическим огнем, чтобы выжигать, нанося огромные потери, кося ряды вражеских солдат, но едва он прервет свои «фокусы», на него обрушатся, волна за волной, новые их отряды. Они, возможно, и понесут огромные потери, но не остановятся из-за этого. Они будут продолжать прибывать. Они будут бросать строй за строем в этот разрастающийся пожар. Несмотря на то, что очень многие погибнут, они, и достаточно скоро, преодолеют силу даже такого могущественного из обладающих даром, как Первый волшебник. И где тогда окажемся мы? Ведь даже такая простая «сила», как небольшой отряд лучников, вполне способна уничтожить любого обладателя дара. — Она бросила взгляд на Ричарда. — Все, что для этого нужно, — чтобы одна-единственная стрела нашла свою цель, и обладающий даром умрет точно так же, как и всякий другой.

Зедд развел руками, изображая жест разочарования.

— Боюсь, Никки права. В итоге Орден окажется по-прежнему в том же самом месте на той же самой позиции, хотя численность его солдат уменьшится. С другой стороны, мы окажемся уже без тех обладающих даром, кого посылали против них. Они могут снова пополнить свои войска из почти бесконечного источника, но спешащих нам на помощь легионов тех, у кого есть дар, уже не будет. Это может показаться бессердечным, но наш единственный шанс лежит не в том,

чтобы выбросить свои жизни на ветер в бесполезном сражении, не имеющем шансов на успех, а изыскать возможность добиться успеха, используя нечто такое, что наверняка позволило бы достичь цели.

Ричарду очень хотелось бы верить в возможность такого решения, какого-то метода, дающего реальный шанс на победу. Хотя он уже не думал, что шанс на это есть, что они способны сделать больше, нежели просто отсрочить конец.

Джебра кивнула, и тлевший в ней слабый уголек надежды сверкнул в последний раз. Глубокие складки, придававшие ее лицу печальный вид, наряду с жесткой паутиной морщин в уголках голубых глаз делали ее почти старухой. Она слегка сутулилась, а руки покрылись мозолями и огрубели от тяжелой работы. Хотя люди Ордена и не убили ее, они высосали ее жизнь, оставив навечно рубцы и шрамы от того, что ей пришлось испытать и чему пришлось быть свидетелем. Сколько еще осталось там других, таких же, как она, живых, но навсегда поблекших от жестокости и зверства войск захватчиков, пустых оболочек, живых внешне, но безжизненных внутри?

Ричард чувствовал, что ошеломлен. Он едва мог поверить, что Шота привела сюда Джебру, проделав с ней вместе такой путь, лишь для того только, чтобы убедить его, насколько ужасен в реальности этот Орден. Ведь он и так знал всю правду об их жестокости и о характере этой угрозы. Он почти целый год прожил в Древнем мире под гнетом Ордена. Он участвовал в начале мятежа в Алтур-Ранг.

И этот рассказ Джебры, это свидетельство из первых рук только помогло ему еще раз убедиться в том, что он уже знал, — что у них нет никакого шанса противостоять Джеганю и силам Имперского Ордена. Вероятно, вся Д'Харианская империя способна остановить тот отряд, что напал на Галею, но он незначителен по сравнению с основной частью армии Имперского Ордена.

Когда он впервые встретил Кэлен, все его усилия были направлены на то, чтобы остановить угрозу для всего мира, исходящую от Даркена Рала. Но, как бы это ни было трудно, Ричард оказался в состоянии устранить эту угрозу ликвидацией Даркена Рала. В данном случае ситуация была совсем

другой. Как бы он ни ненавидел Джеганя, Ричард знал, что невозможно рассуждать об этом, например, в таких выражениях, как «последняя битва». Даже если ему и удастся каким-то образом убить Джеганя, это никак не избавит от угрозы со стороны Имперского Ордена. Дело, которым занят Орден, было единым делом многих людей, основанным на идеологии, оно продвигалось отнюдь не честолюбием отдельных лиц. Именно поэтому все и казалось настолько безнадежным.

Видение Шоты — то, где в потоке времени она видела будущее мира совершенно беспросветным, если им не удастся остановить Имперский Орден, — для Ричарда было не одним из тех, для которых требуется великий талант или какие-то особые способности. Ему не нужно быть пророком, чтобы видеть, насколько ужасна угроза Ордена. И если их не остановить, они будут править миром. В этом смысле Джебра не сказала ему ничего нового, ничего такого, чего он еще не знал.

Ричард прекрасно осознавал, что когда армия Д'Харианской империи наконец-то встретится с армией Джеганя в решающем сражении, все эти смельчаки, вставшие на пути Ордена, окажутся обречены на смерть. После этого не останется никого, способного сопротивляться Ордену. Орден сможет буйствовать беспрепятственно и в конце обретет власть над всем миром.

Шота была далеко не глупа и потому, безусловно, знала все это и наверняка понимала, что и он все это сознает.

Итак, задавался он вопросом, зачем она явилась сюда на самом деле?

Несмотря на мрачное настроение, после пугающего рассказал Джебры обо всем, увиденном ею, Ричард все же не упустил из вида, что Шота, скорее всего, имела какую-то другую причину для визита.

Историю Джебры трудно было слушать не только без сострадания, но и без гнева. Ричард отвернулся и теперь смотрел в спокойную воду бассейна фонтана. Он в полной мере ощущал тяжесть того состояния подавленности, что опустилась на его плечи. Что он мог сделать хотя бы с частью всего этого? Ему казалось, что это и все прочие несчастья, свалившиеся на

них, вытесняют Кэлен из его мыслей, постоянно удаляя ее от него.

Иногда он сам начинал сомневаться в ее реальности. И приходил в ярость всякий раз, когда замечал за собой такие мысли. Время от времени, когда он вспоминал ее ум; или то, как она улыбалась, легко и непринужденно, положив руки ему на плечи и сцепив пальцы на его шее, и смотрела на него; или прекрасные зеленые глаза; или ее мягкий смех; или прикосновения; или сдержанную улыбку, которую дарила только ему, — в такие моменты она напоминала призрака, существующего только в его воображении.

Сама мысль о нереальности Кэлен порождала внутри него острые шипы вызывающего дрожь и поднимающегося волной страха. Он довольно долго прожил с этим цепенящим страхом. Было очень тяжело оставаться одному в своей вере в то, что она существовала, с опасениями за состояние собственной психики, до тех пор пока он наконец не раскрыл всей правды о магии Огненной Цепи и не убедил остальных, что Кэлен, без всяких сомнений, реальна. И по крайней мере теперь он мог рассчитывать на их помощь.

Ричард мысленно встряхнулся. Кэлен не призрак! Он должен найти способ вырвать ее из когтей сестры Улисии и других сестер Тьмы. Это не помогло: мысли о Кэлен, ставшей пленницей таких безжалостных женщин, вызывали у него такие муки, что временами он не мог даже думать об этом, как не мог думать и о тех ужасных вещах, которые они могли сделать с ней, с женщиной, что была для него всем на свете, с женщиной, которую он любил больше жизни. И тем не менее ему не удавалось заставить свой разум сосредоточиться на чем-то еще.

Шота совершенно точно знала, как ему следует действовать, и Ричарду все же следовало помнить о том, что кроме Кэлен, затерявшейся в водовороте магии Огненной Цепи, есть и другие зловещие опасности. Например, запущенные в дело шкатулки Ордена или ущерб, нанесенный посещением гармоний. Он не может игнорировать все это просто потому, что эта ведьма явилась сюда с рассказом о том, что именно, по ее мнению, ему следует сделать. Вполне могло быть, что истинная цель Шоты — некая сложная комбинация, некий скрытый план, в котором принимает участие и та, другая ведьма, по

имени Сикс. И уж точно не вызывало сомнений, что и сама Шота что-то затевает.

Но все же, решил Ричард, он уважает ее, как уважала и Кэлен, даже если внутренне не совсем доверяет ей. Хотя Шота зачастую казалась зачинщиком множества неприятностей и можно было подумать, что она отчаянно пытается причинить ему горе, временами ее намерением было помочь ему, а по большей части она просто выступала как предвестник истины. И хотя она не всегда была права в личной оценке того, что сообщала ему, это почти всегда оказывалось правдой. Как правило, не так, как она свои предсказания преподносила — по меньшей мере, она чего-то недосказывала. Как частенько говорил Зедд, ведьма никогда не скажет вам того, что вам хочется узнать, не сообщив заодно того, чего вы знать не хотели.

При первой его встрече с нею Шота предсказала, что Кэлен коснется его своей магией, и потому ему следует скорее убить ее, чтобы предотвратить то, что будет результатом этого события. Получилось так, что Кэлен действительно использовала «прикосновение» Исповедницы по отношению к нему, но лишь благодаря этому ему удалось обмануть Даркена Рала и нанести ему поражение. Шота была права, но суть произошедшего была совсем другой, и результат оказался совсем не таким, как она представляла. Если бы Ричард последовал ее совету, то Даркен Рал уцелел бы, высвободил силы Одена и управлял ими всеми — по крайней мере теми, кто остался в живых.

Где-то в глубине его памяти затаилось пророчество, сделанное Шотой: если Ричард женится на Кэлен, то ее ребенок будет настоящим чудовищем. Он и Кэлен повенчались. Несомненно, и это пророчество окажется на поверку не таким, как его представляла Шота. Наверняка Кэлен не родит чудовище.

Прервавший молчание Зедд оторвал Ричарда от размышлений о личном.

— Так что же случилось с королевой Цириллой?

Некоторое время в зале стояла мертвая тишина, затем Джебра ответила ему.

— Все произошло так, как это и было в моих видениях. Ее отдали последним из солдат, чтобы они делали с ней что хотели. Они с радостью восприняли такой трофей. И все закончи-

лось для нее очень плохо. Свершились самые худшие из опасений.

Зедд вскинул голову, явно полагая, что ей есть еще что рассказать.

— Стало быть, это был последний раз, когда ты видела ее?

Джебра сложила руки перед собой.

— Не совсем. Однажды, торопясь с доставкой подноса только что зажаренного мяса, я наткнулась на громко галдевших мужчин, увлеченно наблюдающих за игрой, которую в войсках Имперского Ордена очень любят смотреть. Там было две команды, и вокруг собралась толпа кричавших мужчин. Они делали ставки на то, какая из команд победит. Не знаю, что это была за игра...

— Джа-ла, — сказала Никки. Когда Джебра повернулась в ее сторону, она добавила: — Эта игра называется джа-ла. Теоретически это игра, рассчитанная на атлетические способности, мастерство и стратегию; на практике же, при тех правилах, какие установил в этой игре Орден, джа-ла включает в себя все это и вдобавок массу жестокости. Эта игра — любимый спорт императора Джеганя. У него есть даже собственная команда. Я помню лишь один случай, когда они проиграли. Вся команда была казнена. Вскоре император набрал новую команду, из самых талантливых, стойких, самых могучих игроков, каких только удалось найти. Они еще не проигрывали. Полное название этой игры Джа-Ла Д'Йин. На родном языке Джеганя это означает «игра жизни», а скорее, игра за жизнь.

Джебра нахмурилась, вспоминая.

— Да. Припоминаю, что слышала такое название. Я не раз видела, как в нее играли с тяжелым мячом — достаточно тяжелым, чтобы ломать кости игроков.

— Этот мяч называется брок, — не поворачиваясь, заметил Ричард.

Никки бросила взгляд в его сторону.

— Верно.

— Так вот, — сказала Джебра, продолжая свой рассказ, — в этот вот день, когда я несла еду командирам, мне пришлось подойти туда, где проходила игра. Там были тысячи солдат, собравшиеся посмотреть. Меня направили к небольшому столику, где сидели командиры, и я была вынуждена пройти че-

рез кричащую и аплодирующую толпу. Это было ужасно. Мужчины видели железное кольцо раба в моей губе, так что потащить в свою палатку меня никто не осмелился, но это не останавливало их распускать руки. — Некоторое время Джебра разглядывала пол. — Впрочем, подобное мне приходилось испытывать не раз.

Наконец она подняла глаза.

— Добравшись до командиров, совсем рядом с игровым полем, я увидела, что мужчины готовятся к новой игре, но не с тем мячом, который они обычно использовали. — Она откашлялась. — Вместо мяча они использовали голову королевы Цириллы.

Джебра вскоре прервала неприятную тишину:

— Во всяком случае, жизнь в Галее изменилась навсегда. То, что однажды было торговым центром, теперь превратилось в огромный военный лагерь, откуда совершаются военные походы против нескольких еще свободных частей Нового мира. Фермы, расположенные в сельской местности, работающие теперь с использованием рабского труда, не дают того, чего давали раньше. Урожаи или погибают, или очень скудны. Потребности армии, находящейся в Галее, огромны. Продовольствия не хватает, но из Древнего мира оно регулярно поступает, обеспечивая сносное питание солдатам, позволяющее им продолжать свои походы.

Я день и ночь занималась рабским трудом, обслуживая командиров Имперского Ордена. И больше не наблюдала никаких видений, после того, последнего, связанного с королевой Цириллой. Моя теперешняя жизнь без видений кажется мне странной. Они сопровождали меня всю жизнь, но после того ужасного видения королевы Цириллы, пару лет тому назад, они и не посещали меня. Мой дар провидицы, похоже, пропал. Мое видение померкло.

По взгляду Никки Ричард понял, что она догадалась, о чем он подумал.

— В конечном счете, — сказала Джебра, — в один прекрасный день меня просто забрали откуда-то посреди всех этих войск. Это Шота каким-то образом вытащила меня. Я не совсем понимаю, как именно это произошло. Помню только, что она оказалась там рядом со мной. Я попыталась спросить

ее о чем-то, но она велела мне держать рот на замке и следовать за ней. Помню, как обернулась, один только раз, чтобы взглянуть назад, и увидела армию, раскинувшуюся через долину и по окрестным холмам, но войска были уже на большом расстоянии от нас. На самом деле я не знаю, как случилось, что мы оказались так далеко. — Она нахмурилась каким-то своим смутным воспоминаниям. — Мы просто шли. А теперь я здесь. Хотя боюсь, что из-за отсутствия моих видений я не смогу больше оказать вам никакой помощи.

Ричард подумал, что ей следует знать правду, и потому сказал:

— Вполне возможно, твои видения исчезли потому, что несколько лет назад этот мир посетили гармонии и оставались здесь некоторое время. Их вновь изгнали в преисподнюю, но вред оказался нанесен. Полагаю, именно присутствие этих гармоний в мире живого положило начало разрушению магии. Должно быть, именно это уничтожило твои способности. Твой дар предвидения, вероятно, потерян, а даже если и вернется частично или на какое-то время, он, в конечном счете, полностью утихнет.

Джебра с изумлением выслушала эти новости.

— За всю свою жизнь я очень часто хотела, чтобы никогда не рождалась на свет с этим даром Провидца. Во многих случаях этот дар делал меня изгоем. Я часто плакала по ночам, страстно желая избавиться от своих видений, желая, чтобы они оставили меня. Но сейчас, когда ты сказал мне, что мое желание оказалось исполнено, мне кажется, что вовсе не это я имела в виду.

— В этом основная проблема с желаниями, — со вздохом заметил Зедд. — Они стремятся стать тем, что...

— Гармонии? — прервала его Шота. По тону ее голоса и по нахмуренному виду Ричард понял, что ей не хотелось выслушивать лекцию по поводу желаний. — Если подобное — правда, почему нет других доказательств этого?

— Они были, — сказал Ричард, пожимая плечами. — Магические создания, такие как драконы, нигде не появлялись в течение последних двух лет.

— Драконы? — Шота накрутила на палец длинную прядь своих волос, молча, долгие секунды, оценивая его слова. —

Ричард, люди могут прожить жизнь и ни разу, даже мельком, не увидеть дракона.

— А то, что исчезли видения Джебры? После того как гармонии побывали в этом мире, ее видения прекратились. Как и многое другое, связанное с магией, с волшебством, ее уникальная способность постепенно исчезла. Уверен, мы даже не осознаем большинство из наших потерь.

— Я бы точно знала.

— Не обязательно. — Ричард, проведя пальцами, как гребнем, отбросил со лба волосы. — Проблема в том, что на магию Огненной Цепи — о которой я впервые услышал от тебя, — что «запалили» четыре сестры Тьмы, чтобы заставить всех и каждого позабыть о Кэлен, наложились искажения, произведенные гармониями, так что, помимо Кэлен, люди забывают и многое другое — например, драконов.

Шота выглядела явно не убежденной.

— Я наверняка узнала бы о подобном, по тому, как события изменялись бы в потоке времени.

— А как насчет той другой ведьмы, этой Сикс? Мне показалось, что ты говорила именно о том, что это она заблокировала твою способность наблюдать за потоком времени.

Шота опустила этот вопрос и высвободила палец из нитей золотисто-каштановых волос. И, как обычно, сложила руки. Ее миндалевидные глаза по-прежнему неподвижно смотрели на него.

— Если тень Ордена омрачит все человечество, ничто из того, что мы сейчас обсуждаем, не будет иметь значения, или не так? Они положат конец всякому волшебству, равно как и всяким надеждам.

Ричард не ответил. Вместо этого он повернулся к спокойной поверхности воды и вернулся к собственным мыслям.

Шота, негромко обращаясь к Джебре, мотнула головой в сторону ступеней.

— Поднимайся наверх и пообщайся с Зеддом. Мне же нужно поговорить с Ричардом.

Глава 17

Бесшумно скользнув к Ричарду, Шота бросила в сторону Никки угрожающий взгляд. Он уже готов был услышать, что она велит и Никки пойти побеседовать с Зеддом. Хотя догадывался: ведьма знает, что вряд ли Никки выполнит подобный приказ. Но ему определенно не хотелось видеть их противостояния. У него было достаточно проблем и без готовых вцепиться друг в друга своих сторонников.

Подняв взгляд и увидев поднимавшуюся по ступеням Джебру, Ричард заметил и то, что Энн и Натан уже успели обогнуть зал и оказались возле него. Когда Джебра поднялась наверх, Зедд успокаивающе обнял ее рукой за плечи, бормоча какие-то утешительные слова, но его взгляд при этом был прикован к Ричарду. Внук по достоинству оценил поведение деда: тот приглядывал и за ним, и за ведьмой, явно просто на тот случай, если у нее возникнет мысль выкинуть один из своих трюков. Вероятно, Зедд куда лучше многих знал, на что способна Шота. Кроме всего, он питал глубокое недоверие к этой женщине, ни в малейшей степени не разделяя точки зрения Ричарда, что у Шоты, по сути, те же мотивы, что у всех у них.

И хотя он мог оценить по достоинству ее главную цель, но отлично осознавал, что иногда Шота добивается этой цели такими способами, которые в прошлом уже не раз доставляли массу хлопот. То, что ей виделось как помощь, временами оборачивалось не чем иным, как очередной неприятностью.

И еще он был абсолютно уверен, что Шота по возможности добивается чего-то своего... Например, зачем она отдала меч Самюэлю? Ричард подозревал, что она и сейчас затевает

что-то, только пока непонятно, что именно. Интересно, насколько это могло быть связано с устранением той, другой ведьмы?

— Ричард, — сказала Шота мягким, взывающим к сочувствию тоном, — ты уже слышал о природе того ужаса, что спускается на нас. И ты единственный, кто может его остановить. Не знаю, почему это так, но я знаю, что так оно есть.

Ричард не собирался проявлять снисхождение за этот мягкий тон или за беспокойство по поводу их общего врага.

— Ты смеешь выражать глубокое беспокойство по поводу тех страданий и смертей, что принес с собой Орден, и высказывать признание, что только я могу сделать что-то, чтобы остановить эту угрозу, и тем не менее ты скрывала от меня информацию, ради того чтобы отобрать у меня у меня Меч Истины?

Она не стала возражать.

— При этом не было никакого заговора, как тебе представляется. Это была честная сделка: одна ценность за другую. Обмен. — Ее голос оставался спокойным. — К тому же этот меч сейчас абсолютно бесполезен для тебя, Ричард.

— Это чистая отговорка, чтобы отдать меч этому кровожадному Самюэлю.

Шота подняла бровь.

— Но, как это теперь оказалось, не отдай я его, эти сестры Тьмы, выкравшие шкатулки Одена, вероятнее всего уже смогли бы объединиться. Собрав вместе все три шкатулки, они наверняка способны уже сейчас открыть одну из них, способны выпустить силы Одена и отправить нас всех к Владетелю мертвых. Какая польза для тебя в этом мече, если мир живого перестанет существовать? Вот и оказывается, что Самюэль, по какой бы причине ни действовал, предотвратил катастрофу.

— Самюэль, воспользовавшись этим мечом, еще и похитил Рэчел. И в процессе этого едва не убил Чейза — по-видимому, имея намерение сделать это.

— Подумай как следует, Ричард. У нас нет меча, но зато мы выиграли время, даже если такая цена не устроила лично никого из нас. Важно определиться, что ты собираешься теперь делать с этим временем, которое сейчас у тебя есть и

которого вполне могло бы не быть? А с другой стороны, какой бы прок был тебе от этого меча сейчас против угрозы Ордена?

И между прочим, любой обладатель этого меча может стать Искателем Истины... Во всяком случае, притворяться Искателем. Настоящий же Искатель не нуждается в мече, чтобы быть таковым.

Он знал, что она права. Ну что он сейчас делал бы с этим мечом? Пытался бы в одиночку, без чьей-либо помощи, сразить Имперский Орден? Но объяснение Никки Джебре, почему те, у кого есть дар, не способны победить бесчисленного врага за счет того только, что они обладают магией, в равной мере относится и к мечу. Однако Шота отдала этот меч Самюэлю, а Самюэль, как теперь оказалось, контролируется другой ведьмой, преследующей, несомненно, какие-то личные цели.

Да и какой смысл беспокоиться об этом единичном оружии, когда столько людей умирает в лапах Ордена и когда это отдельное оружие все равно не способно защитить их жизни и их свободу? Уж Ричард-то знал, что этот меч не был действительно оружием: разум, направлявший его, вот что имело значение при его использовании.

Он был подлинный Искатель Истины. Он сам был подлинным оружием. Самюэль не способен быть таким.

И тем не менее он не имел ни малейшего представления, что сделать, чтобы остановить угрозу, как справиться с любой из опасностей, смыкавшихся вокруг них.

Никки стояла не так далеко от него — на вполне достаточном расстоянии, чтобы дать Шоте возможность поговорить с ним, но и достаточно близко, чтобы в одно мгновение встать между ними, если разговор обернется угрозами или чем-то еще, что не понравится Никки.

Ричард с минуту пристально вглядывался в голубые глаза Никки, затем повернулся и вновь встретил взгляд Шоты.

— И каких именно действий ты от меня ожидаешь?

Практически не заметив, что Шота еще более приблизилась, он внезапно осознал, что может уже чувствовать ее дыхание на щеке. Оно несло слабый оттенок лаванды. Аромат ощущался так, будто снимал с него напряжение.

— Чего я ожидаю, — сказала Шота интимным шепотом, тогда как ее рука скользнула вокруг его талии, — тебе следует понять. По-настоящему понять...

Смутно встревоженный непониманием ее скрытых намерений, Ричард решил, что следует уклониться от ее крепкого объятия. Но прежде чем он двинул хоть одни мускулом, Шота приподняла пальцем его подбородок.

И в то же мгновение он оказался стоящим на коленях в грязи.

Вокруг ревет не прекращающийся ливень, барабаня по крышам и навесам, ударяя струями по лужам, разбрызгивая слякоть по стенам домов, на поломанные повозки и ноги сбившихся в толпы людей. Стоявшие в отдалении солдаты выкрикивали приказы. Тощие лошади с повисшими головами и покрытыми грязью ногами, безучастно стоя под дождем, выглядели жалкими и несчастными. От солдат, собравшихся группой в стороне, доносились взрывы смеха, тогда как несколько других, расположившихся неподалеку, были заняты обычной скучной беседой. Грохотали медленно проезжающие по дороге повозки, а вдалеке, скорее по врожденной привычке, непрестанно лаяли несколько собак.

Мрачный свет, проникавший сквозь тяжелые облака, вокруг словно густые серые сумерки. Обратив взгляд направо, Ричард увидел, что там тянется ряд мужчин, стоящих на коленях в грязи, как и он. Однообразная серая вымокшая одежда свободно свисала с опущенных плеч. Их лица были бледны, а глаза обезумели от испуга. Позади них раскрытая пасть глубокой ямы, напоминавшей более всего темный вход в саму преисподнюю.

С нарастающим беспокойством, Ричард попытался сдвинуться, сместить центр тяжести к ногам, чтобы иметь шанс подняться и обороняться. И только тогда осознал, что его запястья стянуты за спиной чем-то, напоминавшим кожаный ремень. Когда же он попытался вывернуться из крепкой связки, ремень еще глубже врезался в его тело. Не обращая внимания на обжигающую боль, он напрягался изо всех сил, но так и не смог освободиться. И прежний кошмар хлынул на него: связанные руки и беспомощность...

Повсюду вокруг возвышались здоровенные солдаты, некоторые были в доспехах из кожи, или из ржавых металличе-

ских дисков, или из кольчуг, тогда как другие не носили никакой защиты, кроме жилета из необработанной шкуры. На широких поясах и на украшенных заклепками ременных перевязях висело оружие, не имеющее даже следов украшений. Это были простые орудия их труда: ножи с самодельными рукоятками, набитыми на основания лезвий; мечи с обмотанными кожей деревянными захватами, чтобы удерживать их на хвостовиках; боевые дубинки с набалдашниками из грубо обработанного железа, насаженного на прочную рукоятку из пекана или на металлический стержень. Грубость конструкции нисколько не умаляла ее эффективности в ратном труде. Во всяком случае, недостаток изящества и украшений подчеркивал основное назначение, и таким образом только делал оружие еще более зловещим.

Засаленные волосы тех, кто не брил голову, слиплись от беспрестанного дождя. Некоторые солдаты носили разнообразные кольца или заостренные металлические цилиндры в ушах и в носу. Глубоко въевшаяся грязь и сажа, покрывавшая их лица, казалась несмываемой. Немало было и таких людей, чьи лица пересекала темная полоса татуировки. Некоторые татуировки были почти как маски, тогда как другие украшали щеки, нос и брови яркими и замысловатыми, варварскими и извивающимися как змеи узорами. Эти дерзкие броские татуировки делали мужчин менее похожими на людей, приближая их к дикарям. Глаза солдат постоянно метались по сторонам, изредка останавливаясь на чем-то, напоминая этим взгляд беспокойных животных.

Ричарду пришлось часто моргать, стряхивая дождевую воду с глаз, чтобы видеть. Он помотал головой, сбрасывая пряди мокрых волос с лица, и тогда заметил людей слева от себя. Некоторые из них беспомощно плакали, а солдаты поднимали тех, кто не стоял или не мог стоять, выпрямив спину, на коленях в грязи. Ощущение паники было отчетливо осязаемым. И волна ее захлестывала Ричарда, наполняя его и угрожая затопить.

Это не было реальностью, он знал это, — но все же каким-то образом это было реально. Дождь был холодный. Одежда промокла. Изредка его пробирала дрожь. В этом месте пахло хуже, чем он мог вообразить: смесь едкого дыма, заста-

релого пота, экскрементов и гниющей плоти. Крики тех людей, что окружали его, были вполне реальны. Он не думал, что будет в состоянии вообразить стоны, лишенные тени надежды и в то же время до отчаяния пугающие. Многие из людей то и дело вздрагивали, и причиной этому был отнюдь не холодный дождь. Ричард осознал, пристально вглядываясь в них, что он и сам точно такой же, как они, просто один из многих, стоявших на коленях в грязи, один из многих со связанными за спиной руками.

Это было настолько невозможно, что сбивало с толку; но каким-то образом он там оказался. Шота исхитрилась отправить его в это место. Он не мог даже и предположить, как подобное вообще возможно; совершенно ясно, что ему лишь мысленно представлялось все это.

Камень, скрытый под слоем грязи, больно врезался в левое колено. Подобная неожиданная мелкая деталь создавала ощущение реальности. Как он может вообразить нечто неожиданное? Ричард попытался переместить свой вес, но удержать равновесие при этом было очень трудно. Ему удалось сдвинуть колено чуть в сторону, убирая его с острого камня. Придумать подобное он бы не смог.

Ричард задумался, а не может ли все это быть действительно реальностью? Могло ли предшествующее только что быть лишь сном, отвлекающим видением, неким провалом сознания? И забеспокоился, не могло ли случиться так, что магия Огненной Цепи каким-то образом вынудила его забыть реальность, происходившую на самом деле? Или, если эта реальность была настолько ужасающей, он каким-то образом просто заблокировал от нее свой разум, удаляясь в мир нереального, и вот теперь, неожиданно, под давлением обстоятельств, эта реальность вернулась. Следовало признать, что даже если он и не знает точно, как именно получилось, что он оказался в такой вот ситуации, по-настоящему имело значение лишь то, что это действительно реальность, и он каким-то образом только сейчас осознал ее. Фактически то, что сейчас происходило, ощущалось им вполне нормально, как будто он только что проснулся, сбитый с толку и в полном замешательстве.

И если сначала он оказался в замешательстве, то теперь отчаянно пытался вспомнить и понять, как пришел к тому,

чтобы оказаться там, где обнаружил себя, как все пришло к тому, что он оказался на коленях, в грязи, среди солдат Имперского Ордена. Казалось, что он почти вспомнил, как попал сюда, почти воссоздал все это в памяти, — но оно оставалось вне досягаемости, как забытое слово, плавающее где-то под темной поверхностью разума.

Ричард взглянул влево вдоль линейки людей и увидел, как солдат сжал в кулаке копну волос какого-то человека и вздернул его голову вверх. И этот человек закричал — короткие, прерываемые приступами ужаса звуки. Ричард мог легко понять, что, несмотря на неистовые попытки, этот человек не имеет шанса сбежать. Звуки его слезливых стенаний вызывали мурашки на руках Ричарда. Солдат, что находился позади этого стоявшего на коленях человека, достал тонкий длинный нож и поднес его к открытому горлу обреченного.

И вновь Ричард попытался убедить себя, что был прав и раньше, полагая, что это вовсе не реальность, что он всего лишь каким-то образом воображает все это. Но он мог видеть небольшой изъян на лезвии грубо заточенного ножа, мог видеть, как человек, задыхаясь в панике, все делал и делал глотательные движения, и как расплывалась безжалостная улыбка по самодовольному лицу солдата.

Когда нож глубоко врезался в горло человека, Ричард дернулся от шока при виде этого, так же, как дернулся человек от шока, вызванного болью.

Человек задергал ногами, но солдат, удерживая его за волосы, без труда справлялся со своей жертвой. Блестящие от дождя мускулы на его мощной руке напряглись, когда он второй раз, врезаясь еще глубже, провел ножом по горлу человека, совершая едва ли не полное круговое движение. Кровь, отвратительно красная среди всего серого вокруг, выплескивалась с каждым ударом все еще бившегося сердца человека. Ричард вздрогнул, едва запах свежей крови коснулся его ноздрей.

Он очередной раз попытался убедить себя, что это игра воображения, хотя все, что он видел, — как человек слабо извивался, как рос кровавый «фартук», опускаясь вниз по его рубашке, пропитывая штаны, — было слишком реальным. Наконец, с последним движением, разрез на его шее широко

раскрылся, а правая нога дернулась в сторону. Солдат, все еще державший человека за волосы, с усилием швырнул его в яму. Ричард слышал, как мертвый груз тяжело шлепнулся на дно.

Сердце Ричарда настолько тяжело колотилось в груди, что ему казалось, оно может разорваться. Он чувствовал приступ тошноты. И думал, что его может вырвать. Он напрягся изо всех сил, чтобы разорвать связанные руки, но кожа ремня только сильнее врезалась в его плоть. Дождь смывал пот прямо ему в глаза. Кожаные ремни были затянуты на руках так туго, что даже легкое движение вызывало обжигающую боль в открытых ранах, выжимая новые слезы из его глаз. Хотя это его не остановило. Шипя проклятия, он вкладывал всю силу мускулов в попытку порвать путы на руках. И ощущал, как кожа ремней скребется по обнаженным сухожилиям на запястьях.

А затем Ричард услышал, как произнесли его имя. И мгновенно узнал этот голос.

Это была Кэлен.

Жизнь остановилась и все вокруг буквально замерло, когда он обратил взор в ту сторону, прямо в ее ослепительно сиявшие зеленые глаза. Эмоции в одно мгновение заполнили его, вытесняя слабость и ужасное страдание, которые наполняли его все это время, вызывая боль, вплоть до мозга костей.

Он так долго был вдалеке от нее...

Эта возможность видеть каждую деталь ее лица; видеть изогнутую морщинку на лбу, о которой он уже забыл; видеть аккуратный профиль спины, когда она стоит с легким разворотом; видеть, как естественно растрепаны дождем волосы; видеть ее глаза, прекрасные зеленые глаза... Все это было таким, что привидеться никак не могло.

Кэлен протянула руку.

— Ричард!

Звучание ее голоса парализовало его. Так много времени прошло с тех пор, как он слышал этот ее необыкновенный голос, голос, который с первых минут, как он только познакомился с ней, притягивал своей внятностью, чистотой, своим изяществом и чарующим обаянием. Но сейчас ничего этого в

голосе не было. Все эти достоинства исчезли, оставив лишь нестерпимое страдание и муку.

Соизмеримо со страданием в голосе исказились и утонченные черты Кэлен от ужаса видеть его стоящим на коленях в грязи. Ее глаза были обрамлены красным. По щекам, вместе с дождем, стекали слезы.

Ричард в ужасе застыл, стоя на коленях, застыл перед ее взором, все на том же месте, так близко и так далеко. Застыл, узнав, что она там, посреди вражеского полчища.

— Ричард!

Ее рука вновь в отчаянии потянулась в его сторону. Она пыталась приблизиться к нему, но не могла. Ее удерживал, оттаскивая назад, грубый и сильный солдат с бритой головой.

Ричард с первой секунды заметил, что пуговиц на блузке Кэлен нет, они оказались оборваны, так что блузка распахнута, открывая ее похотливым взглядам солдат. Но это ее не беспокоило. Она лишь хотела, чтобы Ричард увидел ее, как будто это было самым главным в жизни, как будто один-единственный взгляд его составлял для нее всю жизнь. Как будто, чтобы жить, ей достаточно было только этого.

Болезненный узел стянул его горло. Слезы переполняли глаза. Ричард лишь шептал ее имя, слишком подавленный ее видом, чтобы сделать что-то большее.

Кэлен вновь отчаянно потянулась к нему, стремясь вырваться из удерживающей ее мускулистой руки солдата. Его крепкая хватка оставляла белые следы от пальцев на ее руке.

— Ричард! Ричард, я люблю тебя! Добрые духи, я люблю тебя!

Пока она пыталась освободиться, чтобы броситься к нему, солдат перехватил ее рукой за талию, под распахнутой блузкой, удерживая на месте. Мужчина пощупал ее груди, ухватил Кэлен за сосок большим и указательным пальцем и стал выкручивать его, глядя на Ричарда с многозначительной усмешкой, удостоверяясь, что Ричард видит, что тот делает.

Короткий вскрик от неожиданной боли вырвался из горла Кэлен, но больше она никак не отреагировала на действия солдата. Вместо этого старалась в ужасе унижения выкрикнуть имя Ричарда.

Взъяренный, Ричард с бешенством попытался вскочить на ноги. Он должен добраться до нее. Солдат смеялся, наблюдая за усилиями Ричарда. Ведь у него не было ни шанса получить возможность вмешаться. Все, что он мог, — только дергаться.

Едва Ричард начал пытаться встать на ноги, сапог стражника врезался в его живот с такой силой, что заставил согнуться пополам. Другой солдат, для ровного счета, ударил его сбоку ногой в голову, отчего он едва не потерял сознание. Окружающий мир начал меркнуть. Звуки сливались в сплошной тяжелый гул. Теперь Ричард старался не потерять сознание. Он не хотел потерять из вида Кэлен. Не существовало другого видения, которое значило бы для него больше, чем ее облик.

Он должен найти способ вырвать ее из пучины этого кошмара.

Пока он старался восстановить дыхание, огромная рука солдата схватила его за волосы и дернула, выпрямляя. Ричард хватал ртом воздух, пытаясь дышать, превозмогая притупляющую боль от ударов. Он чувствовал, как теплая кровь струится по половине его лица, смывает холодную грязь на шее.

Когда голову Ричарда вздернули вверх, его взгляд снова оказался устремленным на Кэлен. На ее длинные волосы, спутанные и пришедшие в беспорядок из-за дождя. Ее зеленые глаза были так прекрасны, что ему казалось, что сердце может разорваться от боли видеть любимую вновь, не имея возможности держать ее в своих руках.

А он так сильно хотел держать ее в своих руках, чтобы утешить и защитить.

Вместо этого ее держал в руках другой мужчина. Она вырывалась. Он сжимал ее грудь все с большим усилием, и Ричард видел, что это причиняет ей боль. Она колотила его кулаками, но он крепко держал ее. Он смеялся над ее тщетными попытками, а взгляд его вновь скользнул в сторону Ричарда.

Кэлен вырывалась, но в то же время игнорировала его действия, не обращала на это внимания. То, что он делал, не имело значения для нее. Ричард — вот что больше всего занимало ее. Она неистово и безумно тянула к нему руки.

— Ричард, я люблю тебя! Я так по тебе скучала! — Она разрыдалась от безутешного горя. — Добрые духи, помогите ему! Пожалуйста! Кто-нибудь, помогите ему!

Слева от него другой человек изо всех сил попытался увернуться, когда его горла коснулся нож. Ричард мог слышать затрудненное дыхание и ужасное бульканье, вырывающееся через надрез, образовавшийся в его дыхательном горле.

Ричард почувствовал, что от паники теряет сознание. Он не знал, что делать.

Волшебство. Магия. Ему необходимо воспользоваться своим даром. Но как сделать это? Он не знал, как вызвать эту магию, как привести ее в действие. И тем не менее в прошлом ему такое удавалось.

Гнев.

В прошлом его дар всегда начинал действовать через гнев.

Вид этого солдата, удерживавшего Кэлен и причинявшего ей страдания, вызывал у Ричарда более чем достаточно гнева. Вид другого из этих чудовищ, подошедшего вплотную к ней, оглядевшего похотливым взглядом и начавшего ее лапать, лишь раздул пламя его гнева.

Его мир стал красным от ярости.

Каждой частицей своего существа Ричард пытался запалить свой дар экстрактом этой ярости и гнева. Он стиснул челюсти и скрипел зубами, ощущая в себе колоссальную концентрацию гнева. Он трясся от гнева, ожидая взрыва силы, соответствующего этим эмоциям. Он уже представлял, что сейчас будет. Это казалось таким близким. Он представлял, как эта сила косит солдат, и сдерживал дыхание в преддверии грозы, что вот-вот должна разразиться.

Ничего не произошло. Это ощущалось им как внезапный провал в бездну, где нет внизу никакой поверхности, чтобы остановить его падение.

С серого неба продолжал проливаться дождь, словно пытаясь затушить его попытки. Никакая магическая сила не проявилась на пространстве, отделявшем Ричарда от человека, державшего Кэлен. Не ударила никакая молния. Правосудие не свершилось.

Это был важнейший момент за всю его жизнь. Если когда-то и была крайняя потребность, то именно сейчас — он знал это

без всяких сомнений. Не могло быть большего желания, большей ярости, чем при виде страданий любимой им женщины. Но магия не действовала, освобождения не наступало.

С таким же успехом он мог бы родиться и без всякого дара.

У него не было дара. Тот просто исчез.

Это воспринималось Ричардом так, будто мир вокруг начал рушиться. Он хотел, чтобы общее падение замедлилось, чтобы ему дали время найти решение, но все вокруг неслось вихрем в ужасающем стремительном движении. Все происходило слишком быстро. Было очень несправедливо умереть вот таким образом. Он не получил возможности жить с Кэлен. Он так любил ее, а на деле не мог быть рядом с ней, чтобы только вдвоем, он и она, жить безмятежно и спокойно. Он хотел улыбаться и смеяться вместе с ней, держать ее в объятиях, пройти с ней через всю жизнь. Просто сидеть рядом с ней у огня в холодную снежную ночь, обнимая ее, в безопасности и тепле, и они говорили бы о наиболее важном для них и об их будущем. У них должно быть будущее.

Это крайне несправедливо. Он хотел всего лишь жить своей жизнью. А вместо этого такой вот конец, в этом скверном месте и без всякого смысла. Просто так. Он не был даже способен придать своей смерти хоть какую-то значимость — хотя бы умереть, сражаясь за жизнь. Вместо этого ему предстоит умереть здесь, под дождем и в грязи, в окружении людей, ненавидевших все хорошее в этой жизни, в то время как Кэлен будет вынуждена наблюдать за происходящим.

Он не хотел, чтобы она видела это. Он знал, что ей никогда не удастся выбросить из головы это зрелище. Он не хотел, чтобы она жила вот с таким последним ужасающим воспоминанием: дергающийся, истекающий кровью любимый человек.

Он сделал еще одну попытку встать, как это делали большинство других людей. Солдат, стоявший позади него, наступил ему на икры ног, давя всем своим весом. Ричард этого почти не почувствовал, боль казалась чем-то далеким.

Ничего в этом мире он не хотел так сильно, как вырвать Кэлен у этих людей, которые удерживали ее, похотливо тиская. Кэлен в ярости кричала на них, царапала ногтями, била кулаками и в то же время плакала в беспомощности и из страха за Ричарда.

Он рвался изо всех сил, стараясь освободиться от ремней, стягивавших запястья, но те только глубже врезались в его руки. Он чувствовал себя как животное, попавшее в капкан. Руки начинали неметь. Он больше не ощущал теплоту крови, капающей с кончиков пальцев.

И все же он не хотел умирать. Что ему следует сделать? Он должен остановить происходящее. Каким-то образом, но должен. Но Ричард не знал, как. В прошлом гнев был средством «пробиться» к его дару, вызвать к действию скрытые в нем силы. Но сейчас не происходило ничего, одно только беспомощное замешательство.

— Кэлен!

Казалось, его сейчас затянет в окружающий ужас, в слепую панику от осознания происходящего. Он не мог остановить стремительное развитие ситуации. Не мог вернуть себе ощущение полного контроля над собой. Он выброшен в поток событий и не может его ни контролировать, ни остановить. Все стало совершенно бессмысленным. Исключительно бесцельным и немыслимо жестоким.

— Кэлен!

— Ричард! — выкрикнула она, очередной раз рванувшись в его сторону. — Ричард, я люблю тебя больше жизни! Я так люблю тебя. Ты все для меня. И всегда был.

Рыдания сбивали ее дыхание, вызывали удушье.

— Ричард... Ты так нужен мне.

Его сердце разрывалось. Он чувствовал, что не оправдал ее ожиданий.

Солдат ухватил Ричарда за волосы.

— Нет! — воскликнула Кэлен, протягивая в его сторону руку. — Нет! Пожалуйста, нет! Кто-нибудь, помогите ему! Добрые духи, ну пожалуйста, кто-нибудь!

Солдат наклонился, жестокая улыбка перекосила его покрытое полосами въевшейся грязи лицо.

— Не беспокойся, я позабочусь о ней... лично. — И он рассмеялся Ричарду в ухо.

— Пожалуйста, — услышал Ричард собственный лепет, — пожалуйста... не надо.

— Добрые духи, ну пожалуйста, кто-нибудь, помогите ему! — кричала Кэлен, взывая к окружающим.

Ничего сделать было нельзя, и она это знала. У него нет шанса, и это она тоже знала. И потому была вынуждена молить о чуде. Что, само по себе, питало пламя того раскаленного страха, что внутри него вырывался из-под контроля. Это был конец всему.

— Она отличный зритель, — сказал солдат, с вожделением бросая косой взгляд через дорогу в ее сторону, подтверждая то, что Ричард понял и так — чуда не предвидится.

— Пожалуйста... оставьте ее в покое... не трогайте ее.

Солдат позади него рассмеялся. Именно это он и хотел услышать.

Ричард задыхался в рыданиях, сдавивших его горло. Он не мог вдохнуть. Слезы бежали по его лицу, смешиваясь с дождем. Она — единственная женщина, которую он когда-либо любил. Единственный человек, который значит для него все, значит больше, чем сама жизнь.

Без Кэлен не было жизни, а лишь пустое существование. Она была его миром.

И без него, он это знал, жизнь Кэлен будет такой же пустой.

Он видел рядом с Кэлен и других женщин, удерживаемых солдатами, женщин, которые тоже звали своих мужчин. Он слышал их, кричащих то же самое, что и Кэлен, повторявших те же слова любви и так же призывавших на помощь, чтобы спасти любимого. Солдаты насмехались над мужчинами, стоявшими на коленях в грязи, произнося грязные ругательства.

При виде женщины в руках солдат один из стоявших на коленях мужчина, справа от Ричарда, рвался настолько сильно, что заработал короткий и резкий удар ножом в живот. Это не убило его, но оказалось вполне достаточным, чтобы он перестал дергаться, дожидаясь своей очереди. Стоя на коленях, оцепеневший и притихший, он созерцал широко раскрытыми глазами собственные розовые и блестящие внутренности, медленно вываливающиеся из глубокого разреза. А крики его жены, казалось, пытались вспороть нависшие вверху облака.

Ближайший слева от Ричарда мужчина беспорядочно дергался — и испустил последний вздох, после того как солдат,

подтягивавший вверх его голову, провел взад-вперед, как пилой, огромным ножом по обнаженному горлу жертвы. Когда все закончилось, солдат, прорычав от усилий, сбросил мертвое тело в открытую яму. Ричард слышал, как оно с глухим звуком шлепнулось на дно разверзнутой могилы, к прочим телам. Он также слышал булькающие звуки и хрипы, доносящиеся из этой темной дыры.

— Твоя очередь, — сказал солдат, державший Ричарда, обходя его сзади, чтобы исполнить роль палача. Мужчина наклонился ниже. От него разило отвратительным запахом эля и сосисок. — Покончим же с этим делом. У меня намечена встреча с твоей красавицей-женой, сразу, как только разделаюсь с тобой. Это ведь Кэлен, не так ли? Да, да, именно так... Одна из женщин призналась, что имя твоей жены Кэлен. Не беспокойся, приятель, я не дам ей шанса печалиться, вспоминая о тебе. Ее внимание будет полностью занято мною — это я могу тебе обещать. Когда я буду удовлетворен, ею займутся другие, по очереди.

Ричарду очень хотелось сломать этому подонку шею.

— А ты лучше подумай о том, как твоя порочная душа немедленно отправится к безмерным вечным мукам преисподней, как только ты свалишься в холодные и безжалостные объятия Владетеля. Вот куда отправляются все такие, как ты, — к расплате вечными страданиями, — и так и должно быть, ведь мы пожертвовали всем, чтобы добраться сюда, в эту далекую землю, чтобы принести божественный Свет и закон Ордена всем вам, эгоистичным язычникам. Ваш греховный образ жизни, само ваше существование оскорбляет Создателя — и оскорбляет всех нас, поклоняющихся Ему.

Этот человек старался разжигать в себе праведный гнев.

— Разве ты можешь вообразить, чем мне пришлось пожертвовать ради спасения всех ваших душ? Моя семья голодала, обходилась без... в общем, многим жертвовала, чтобы посылать все необходимое нашим бесстрашным войскам. Мы с братом отдали себя без остатка борьбе за наше дело и за все то, во что мы верим. Мы оба отправились на север, исполняя наш долг перед императором и Создателем. Мы оба посвятили жизнь делу благоденствия вашего народа. Мы сражались в бесчисленных кровавых битвах против тех, кто сопротивлял-

ся нашим попыткам, и во имя того, что является верным и справедливым. В тех битвах пало бесчисленное число наших героев.

Я видел, как прославилась наша армия, армия Ордена, продолжая борьбу за ваше спасение, в то время как ваши люди выслали против нас всех своих нечестивцев, обладающих даром. Используя дар, они выпускали зло, сотворенное магией. Мой брат ослеп, пораженный этой магией. Он кричал от боли, когда магия заставила кровоточить его глаза и выжгла его легкие. Затем от заражения у него распухла голова и начали выпячиваться ослепшие глаза. Он мог лишь стонать от боли. Мы оставили его умирать — чтобы не задерживать наше продвижение вперед в этой благородной борьбе.

А теперь черед твоей жены и прочих таких же, как она, пожертвовать собой, чтобы дать нам небольшое развлечение в этой ничтожной жизни, пока мы тратим все силы на священную борьбу. Это всего лишь ее скромный взнос, как долг уважения и признательности за то, что сделали все мы, простые парни, чтобы донести слово Ордена тем, кто, в отличие от нас, отвернулся от своего долга перед верой.

В один прекрасный день твоя грешная жена присоединится к тебе в темноте преисподней, но не раньше, чем мы вволю с ней развлечемся. Только не жди ее очень скоро, поскольку, как я предполагаю, она еще будет распутничать некоторое время с бравыми солдатами Ордена, поскольку мужчинам нравится держать в руках такую приятную женщину, как она, отвлекающую от тягот благородного труда. Полагаю, она приятно проведет время и будет долго занята, поскольку нам еще предстоит выполнить массу почетной работы, — он помахал ножом перед глазами Ричарда, — такой, как вот эта. С той радостью, что мужчины получат от нее, у нас появятся силы, чтобы удвоить свою решимость истребить всех, кто противится образу жизни Ордена.

Это было безумие. Ричард едва был способен поверить, что могут существовать люди, до такой степени не способные мыслить, настолько преданные бессмысленным верованиям, — но они были. Казалось, они стали теперь повсюду, размножаясь как мухи, устремленные разрушить все приятное и радующее глаз и благотворное для жизни.

Он подавил свои слова и ярость. Ничто так не злит подобных людей, как здравый смысл. А также правда, реальное понимание и правильность. Подобные качества лишь побуждают подобных людей к разрушению. Ричард знал: что он ни скажет, это только спровоцирует этого человека и ухудшит положение Кэлен, и потому молчал. Это было все, что он мог сейчас сделать для нее.

Видя, что ему не удалось подвигнуть Ричарда к просьбам и мольбе, солдат вновь рассмеялся и отправил воздушный поцелуй Кэлен.

— Скоро буду с тобой, любовь моя... скоро, как только «разведу» тебя с твоим никчемным мужем.

Он был чудовищем, грубо стремившимся к женщине, которую любил Ричард, к беззащитной испуганной женщине, которая еще только начинала страдать в руках этих животных.

Чудовище...

Может быть, именно это имела в виду Шота?

Однажды эта ведьма сказала, что если Ричард и Кэлен поженятся и окажутся вместе в одной постели, то она зачнет чудовище. Они предположили, что Шота называет их ребенка чудовищем, поскольку он должен наследовать дар Ричарда и силу Исповедницы, которой обладала Кэлен.

Но, возможно, предвидение Шоты имело совсем другой смысл.

В конце концов, ничего из того, о чем их предупреждала Шота, не произошло так, как ей это казалось, или, скорее, так, как она уверила себя. Сказанное Шотой, похоже, всегда проявлялось каким-то сложным, непредвиденным образом, так, как она не могла и вообразить, и в то же время пророчества Шоты всегда оказывались справедливыми.

Так, может, именно вот это на самом деле и означало пророчество Шоты? Вся сложная совокупность событий наконец привела к результату ее пророчества? Шота весьма настойчиво остерегала их от брака, ибо тогда Кэлен родит на свет ребенка-чудовище. Они поженились. Может быть, именно так раскрывается пророчество Шоты? Может это быть тем самым реальным смыслом, скрывавшимся за ее пророчеством? Значит ли, что ребенок-чудовище появится от вот этих вот чудовищ?

Ричард задыхался от слез. Его смерть была не худшим из происходящего. Кэлен предстояло страдать еще хуже, страдать, ведя жизнь, подобную смерти, в руках этих животных и становясь матерью их чудовища.

— Ричард, знай, я люблю тебя! И это самое главное, Ричард, — то, что я люблю тебя!

— Кэлен, я тоже люблю тебя!

Он не мог найти никаких других слов, ничего более значительного. Он полагал, что нет ничего более значимого, ничего более важного для него. Эти простые слова заключают весь смысл целой жизни, смысл всей вселенной.

— Я знаю, любовь моя, — сказала она с короткой искрой улыбки, промелькнувшей в ее прекрасных глазах. — Я знаю.

Ричард увидел, как лезвие, описав дугу, мелькнуло перед его лицом. Он инстинктивно откинулся назад. Солдат за его спиной был готов к этому и уперся коленом в спину Ричарда, как раз посреди лопаток, удерживая его от рывка назад, а затем, потянув за волосы, поднял его голову.

Кэлен, видя, что происходит, снова закричала, колотя державших ее мужчин.

— Не обращай на них внимания, Ричард! Смотри только на меня! Ричард! Смотри на меня! Думай обо мне! Думай о том, как я люблю тебя!

Ричард понял, что она делает.

— Помнишь день, когда мы поженились? Я помню его до сих пор, Ричард. Я буду помнить его всегда.

Она пыталась сделать ему последний подарок, воспоминание о любви.

— Я помню день, когда ты попросил меня стать твоей женой. Я люблю тебя, Ричард. Помнишь нашу свадьбу? Помнишь тот сказочный дом?

Заодно она пыталась отвлечь его, удержать от мыслей о происходящем. Но на самом деле это лишь вызвало в его памяти предупреждение Шоты: если он женится на ней, она зачнет чудовище.

— Очень трогательно, — сказал солдат за его спиной. — Как ты думаешь, от этого она станет еще более страстной в постели?

Ричарду хотелось оторвать ему голову, но он промолчал. Этот человек жаждал, чтобы пленник сказал хоть что-то, умолял, протестовал, завывал в отчаянии. Как последний акт пренебрежения к таким людям, Ричард не собирался доставлять им удовольствие.

Кэлен кричала о своей любви и о том, что ей хочется, чтобы он вспомнил, как она первый раз поцеловала его.

Несмотря на обстоятельства, это заставило его улыбнуться.

В эту минуту она не заботилась, что случится с ней самой, лишь хотела отвлечь его, уменьшить боль и ужас последних минут его жизни.

Его последних минут.

Все завершалось. Со всем было покончено. Больше не осталось ничего.

Жизнь закончилась. Закончилось и время, проведенное с женщиной, которую он любил. Больше ничего не будет.

Мир прекращал существование.

— Ричард! Ричард! Я так люблю тебя! Взгляни на меня, Ричард! Я люблю тебя! Посмотри на меня! Вот так, правильно, смотри на меня! Ты единственный, кого я когда-либо любила! Только тебя, Ричард! Только тебя! Только это и имеет смысл — что я люблю тебя. А ты любишь меня? Пожалуйста, скажи мне, Ричард. Скажи мне. Скажи мне сейчас.

Он ощутил, как лезвие щипнуло его горло.

— Я люблю тебя, Кэлен. Только тебя. Всегда.

— Очень трогательно, — прорычал ему на ухо солдат, удерживая лезвие ножа у его горла. — Пока ты будешь лежать в яме, истекая кровью, мои руки будут щупать ее. Я собираюсь изнасиловать твою хорошенькую маленькую женушку. Тогда ты будешь уже мертв — но прежде, чем умрешь, я хочу, чтобы ты точно знал, что я собираюсь с ней сделать, и что ты не способен сделать ничего, чтобы этому помешать, потому что таково желание Создателя.

Тебе следовало уже давно подчиниться образу жизни Ордена, но вместо этого ты продолжал бороться за свою греховную жизнь и отворачивался от всего, что правильно и справедливо. За преступления против своих же собратьев ты не

только умрешь, но будешь вечно страдать в руках Владетеля в преисподней. И очень страдать.

Я хочу, чтобы ты знал, отправляясь во тьму загробной жизни, что если твоя прелестница Кэлен и останется жива, то только как подстилка для всех нас. Если она проживет достаточно долго и у нее появится мальчик, то он вырастет великим солдатом Ордена и будет ненавидеть таких, как ты. Не сомневаюсь, что в один прекрасный день он придет сюда, чтобы плюнуть на твою могилу, плюнуть на тебя и на таких же, как ты, которые воспитали бы его, направив все на тот же порочный путь, воспитали бы без почтения к собрату и к своему Создателю.

Подумай о том, как твоя душа исчезнет, засасываемая в темноту. И твое тело еще не начнет остывать, а я уже буду возле приятного теплого тела твоей возлюбленной жены, и хочу, чтобы ты знал это, прежде чем умрешь.

Ричард в душе уже был мертв. Со всем было покончено: и жизнь, и мир перестали существовать для него. Так много потеряно. Потеряно все. Осталась только бессмысленная ненависть ко всем ценностям и к самой жизни со стороны тех, кто выбрал служение пустоте смерти.

— Я люблю тебя и всегда любил только тебя, всем своим сердцем, — сказал он хриплым голосом. — Ты сделала мою жизнь счастливой.

Он видел, как Кэлен кивнула в знак того, что слышит его, а ее губы вновь изрекли слова любви к нему.

Она была так прекрасна.

Более всего он не хотел видеть ее безутешное горе.

Они смотрели друг другу в глаза, будто прощаясь в последний момент существования мира.

Ричард потерял дыхание в крике ужаса и мучения и от неожиданной резкой боли, когда ощутил, как лезвие прорезало кожу, ощутил, как оно глубоко и смертельно врезается в его горло.

Настал конец всего.

Глава 18

— Прекрати это, — едва ли не прорычала Никки.

Ричард заморгал. В голове у него был полнейший сумбур. Никки железной хваткой держала запястье ведьмы, отводя от него ее руку. Но другая рука Шоты по-прежнему лежала на его талии.

— Не знаю, что ты делаешь, — сказала Никки таким угрожающим тоном, что он подумал, что Шота сейчас в страхе отпрянет, — но тебе следует прекратить это.

Шота не только не пошевелилась, но даже не казалась сколько-нибудь испуганной.

— Я делаю то, что сделать просто необходимо.

Никки не желала и слушать об этом.

— Отойди от него, или я убью тебя прямо там, где ты стоишь.

Кара, не выпускавшая из рук эйджил и выглядевшая куда более свирепой, чем Никки, стояла по другую сторону от ведьмы, почти рядом, блокируя ей возможность отступления. Но прежде чем Шота смогла выдвинуть в ответ какую-либо угрозу, Ричард тяжело рухнул на мраморную скамью, окружавшую фонтан.

Он с трудом дышал, почти задыхался, пребывая в состоянии рвущего душу страха. Внутренним зрением он все еще мог видеть Кэлен, находившуюся в руках тех головорезов, и все еще мог чувствовать острое лезвие, глубоко врезающееся в него. Его пальцы осторожно трогали горло, но там не было зияющей раны и никакой крови. Он отчаянно не желал отпускать видение Кэлен, но в то же время было так ужасающе видеть ее пребывавшей в безысходном стра-

хе, что ему хотелось выбросить поскорее и навсегда все это из головы.

Он не вполне понимал, где именно находится. Он не вполне понимал, что именно происходит вокруг. И для него по-прежнему было малопонятным, что из происходящего реально, а что нет.

Ведь если он действительно в крайней точке по пути к смерти, то наблюдаемое им сейчас могло быть предсмертным видением, последним перед тем, как остатки жизненных сил вытекут из него, неким заключительным обманом, терзавшим его сознание, по мере того как сам он исчезал из существования.

Пока Кара старалась защищать лорда Рала, заслоняя от ведьмы, Никки бросила препирательства с Шотой, присела рядом с ним и положила руку ему на плечо.

— Ричард, с тобой все в порядке? — Она приблизилась, заглядывая ему в глаза. — Ты выглядишь словно ходячий мертвец.

Не обращая на Кару внимания, Шота сложила руки и продолжала стоять где стояла, наблюдая за Ричардом.

В его голове все еще отдавалось эхо от криков Кэлен и сердце разрывалось при виде ее, выкрикивавшей его имя. Он так давно не видел ее. А встретиться с ней столь внезапно и вот таким образом было просто ужасно.

— Ричард, все в порядке, — сказала Никки. — Ты здесь, рядом со мной, рядом со всеми нами.

Ричард прижал ладонь ко лбу.

— Как долго я отсутствовал?

Никки наморщила лоб.

— Отсутствовал?

— Мне кажется, Шота все-таки что-то сделала. Сколько времени она... делала это, чем бы оно ни было?

— Я не позволила ей что-либо делать, я... остановила ее до того, как она смогла бы начать. Остановила ее в то же мгновение, как она коснулась твоего подбородка. У нее просто не было времени, чтобы что-то сделать.

Зрительной памятью Ричард все еще мог видеть Кэлен, как она кричит ему, в то время как безжалостные руки солдат Имперского Ордена удерживают ее.

Он провел дрожащими пальцами по волосам.

— У нее его было достаточно.

— Очень жаль, — прошептала Никки. — Я думала, что остановила ее достаточно быстро.

Он не думал, что сможет продолжить. Не думал, что способен собрать силы и сделать очередной вдох. Не думал, что когда-нибудь вновь будет в состоянии сделать хоть что-то, кроме как предаться полному отчаянию.

Он был не в силах таить и сдерживать свое страдание, свою боль и слезы.

Никки прижала его лицо к своему плечу, будто стараясь укрыть его в своих спасительных объятиях.

Все казалось абсолютно пустым и тщетным. Все шло к концу. Все завершилось. Ведь он уже сказал, что у них нет шанса сокрушить армию Джеганя. Орден слишком могущественен. Он непременно победит в этой войне. И Ричард ничего не может поделать с этим, и ничего больше не оставалось, кроме как дожидаться ужаса смерти, что вот-вот настигнет их всех.

Шота сделала шаг к нему и оказалась сбоку, рядом с тем местом, где он сидел на невысокой мраморной стенке, с другой стороны от Никки, и начала уже опускать руку на его плечо. Кара перехватила запястье ведьмы, останавливая ее.

— Сожалею, что пришлось сделать это, Ричард, — сказала Шота, не обращая внимания на морд-сита, — но тебе необходимо видеть, необходимо понять...

— Замолчи, — сказала Никки, — и держи руки подальше от него. Тебе не кажется, что ты и так причинила ему достаточно боли? Неужели все, что ты делаешь, кажется тебе безобидным? Или ты не способна помогать, не нанося при этом вред или не служа причиной всех неприятностей?

Когда Шота отдернула руку, Никки поднесла согнутую ладонь к его лицу и большим пальцем вытерла слезу на его щеке.

— Ричард...

Он кивком поблагодарил ее за осторожное и мягкое участие, не в состоянии совладать со своим голосом. Он все еще видел Кэлен, что-то кричавшую ему, пытаясь сопротивляться, вырываясь из рук тех людей. И пока он жив, это зрелище будет постоянно преследовать его. В этот момент он больше всего хотел избавить ее от ужаса видеть его казнь и от окру-

жавших ее жестоких мерзавцев Ордена. Он хотел вернуться туда, чтобы сделать хоть что-то, чтобы спасти ее от такого нечеловеческого обращения. Он не способен перенести крушение ее мира, когда она видит, как его убивают таким вот образом.

Но все это было нереальным. Он не мог оказаться там в такой ситуации. Это попросту невозможно. Он мог это лишь вообразить.

Он начал чувствовать, как постепенно к нему приходит облегчение.

Этого не было в действительности. Не было. Кэлен не была в руках Ордена. И она не наблюдала за его казнью. Это лишь жестокий обман, спровоцированный ведьмой. Еще одна из ее иллюзий.

За исключением этого момента, все остальное было реальностью для всех людей в Галее, так же как и во множестве других мест, где теперь присутствовал Орден. Даже если это не было реальным для Ричарда, это слишком реально для них. Для жителей Галеи все было в точности так. Их жизни закончились именно таким вот образом. И он точно знал, что они испытали. И точно знал, как это ощущалось.

Сколько бесчисленных, неизвестных, безымянных, добрых людей утратили свой шанс на жизнь вот таким образом, и все ради сверхъестественных амбиций тех, кто явился сюда из Древнего мира?

Внезапно новый страх накатил на него. У него есть дар. Он боевой чародей. Для большинства тех, у кого есть дар, это проявляется в какой-то особой области. Но быть боевым чародеем может только тот, у кого есть все элементы всех самых разных аспектов дара, а одним из аспектов как раз и было пророчество. Что если виденное им действительно было пророчеством? Что если это то, что должно случиться?

Что если то, что он видел, действительно видение будущего?

Но он не верил, что будущее полностью предопределено. Хотя и существует неизбежное, как, например, смерть, не все строго установлено, и наверняка кто-то способен послужить достойным целям, способен предотвратить бедствие, способен изменить ход событий. Даже если это пророчество, оно всего

лишь показывает возможное развитие событий. И это не означает, что он не способен предотвратить это.

В конце концов, пророчества Шоты никогда не сбывались именно так, как она их преподносила. А то, что он видел, то, что пережил только что, было, без всякого сомнения, проделками Шоты.

Ричард сжал руку Никки в знак молчаливой признательности. Ее вторая рука, лежавшая на его плече, вернула этот знак. Ее беспокойство слегка развеялось от слабой улыбки облегчения на его лице, при виде того, как он приходит в себя.

Ричард встал перед Шотой, настолько близко, что ей следовало бы сделать шаг назад; но она осталась на месте.

— Как ты посмела поступить так со мной? Как посмела отправить меня в то место?

— Лично я никуда не посылала тебя, Ричард. Твой собственный разум отвел тебя туда, куда отвел. Все, что я сделала, — лишь освободила твои мысли, которые ты сдерживал и скрывал. Я избавила тебя от всего того, что, в противном случае, ты переживал бы в ночных кошмарах.

— Я никогда не помню собственные сны.

Шота кивнула, продолжая изучать его глаза.

— Этот ты наверняка запомнил бы. Он оказался бы намного хуже того, что ты только что испытал. Лучше сталкиваться с подобными видениями тогда, когда в состоянии противостоять им, потому что они неизбежны, и уловить ту правду, которую они содержат.

Ричард ощутил, как кровь приливает к лицу.

— И это было тем самым, что ты имела в виду, когда говорила, что если я и Кэлен поженимся, то она зачнет чудовище? Это и было настоящей сутью твоего столь двусмысленного пророчества?

Шота сохранила бесстрастие.

— Оно означает ровно то, что означает.

Ричард все еще мог слышать слова солдата Имперского Ордена, рассказывавшего ему, что он собирается сделать с Кэлен. Солдата, рассказывавшего, как именно с ней будут обращаться. Солдата, рассказавшего, что она произведет на свет детей, которые вырастут, чтобы плюнуть на могилы тех, кто

хотел жить собственной жизнью, тех, кто верил во все, чем он сам дорожил.

Ричард внезапно рванулся к Шоте и резко ухватил ее за горло. Яростность этого движения привела к тому, что они оба свалились через невысокую стенку в фонтан. При этом, естественно, оба с головой окунулись в воду.

Ричард поднял ее из воды, продолжая держать за горло.

— Вот что ты имела в виду!

Вода потоками стекала с ее лица. Она откашливалась, выплевывая ее.

Он встряхнул ее.

— Вот что ты имела виду!

Ричард заморгал. Он стоял, по-прежнему совершенно сухой. Шота стояла перед ним, тоже абсолютно сухая. Его руки по-прежнему были опущены по бокам.

— Держи себя в руках, Ричард. — Шота выгнула бровь. — Ты все еще частично пребываешь в своих видениях.

Ричард огляделся по сторонам. Все вокруг было реальным. Он не намок. Не намокла и Шота. Ни один золотисто-каштановый волосок на ее голове не пострадал. Брови Никки резко дернулись, когда она бросила на нее быстрый взгляд. Она была явно озадачена, не понимая причины его замешательства. Должно быть, это правда, он все еще в плену грез. Это действительно было всего лишь видение, просто видение его казни, просто видение, в котором он встретился с Кэлен. И он всего лишь вообразил себе, что схватил Шоту за горло.

Но ведь он хотел сделать это?

— Так что ты имела в виду, когда говорила, что Кэлен родит чудовище? — спросил Ричард, чуть более спокойным тоном, но с не меньшей угрозой в голосе.

— Я не знаю, кто такая Кэлен.

Ричард сжал челюсти, скрипя зубами, всерьез подумывая, не схватить ли ее за горло по-настоящему.

— Отвечай на вопрос! Что на самом деле имелось в виду?

Шота предостерегающе подняла палец.

— Поверь мне, Ричард, не стоит ссориться с ведьмой.

— Ты ведь тоже не хочешь, чтобы я ссорился с тобой, так что ответь мне. Что на самом деле имелось в виду?

Она поглаживала рукава платья, в то же время стараясь подобрать нужные слова.

— Прежде всего, в разное время я сообщала тебе откровения о самом разном, что видела в потоке событий во времени. Я не помню эту женщину, Кэлен, и не помню ничего, что связано с ней. Так что не знаю, о каком событии или пророчестве ты говоришь, поскольку не помню ни того, ни другого.

Лицо Шоты обрело злобное и опасное выражение, напомнившее ему, что он разговаривает с ведьмой, одно только имя которой вселяет трепет ужаса среди большинства населяющих Срединные земли.

— Но тебе предстоит совершать серьезные дела, связанные с большим риском, насколько я вижу в том же потоке событий во времени. — Ее брови опустились, выражая явное неудовольствие. — Что именно ты имел в виду, говоря... про ребенка-чудовище?

Ричард отвернулся и уставился в спокойную воду фонтана, снова задумавшись о том ужасе, что видел недавно. Он был не в состоянии рассказать об этом вслух. Не мог рассказать перед всеми присутствующими, боялся озвучить, что некогда Шота сделала пророчество, скрытый смысл которого пугал его, ибо теперь оно могло на самом деле означать, что Кэлен зачнет ребенка от тех самых чудовищ из Имперского Ордена. У него было ощущение, что, произнеси он это вслух, все тут же станет реальным. Это была настолько болезненная мысль, что он целиком отбросил подобную фантазию и решил вместо этого задать совершенно другой вопрос.

Он снова повернулся к ней.

— А что означало то, что мне не удалось вызвать свой дар с помощью гнева?

Шота тяжело вздохнула.

— Ричард, ты должен кое-что понять. Я не создавала для тебя никаких видений. Я всего лишь помогла тебе проявить скрытые мысли, твои собственные. Я не навязывала тебе грез своего производства и не «сеяла» никаких лишних мыслей в твоей голове. Я лишь заставила тебя воспользоваться твоим собственным разумом. И потому не могу сказать ничего по поводу увиденного тобою, ибо не знаю, что именно ты видел.

— Тогда почему ты...

— Я знаю только, что лишь ты, единственный, способен остановить Орден. Я помогла тебе вынести на поверхность твои скрытые, подавленные мысли, опять-таки для того, чтобы помочь тебе лучше понять.

— Понять что?

— То, что следует понять. Я знаю об этом не больше, чем о том, что ты видел внутри собственного сознания и что тебя так встревожило. Можно сказать, что я всего лишь посланец. Но я не читала передаваемое послание.

— Ты заставила меня видеть вещи, которые...

— Нет, я не заставляла. Я лишь приоткрыла для тебя занавеску, Ричард. Но я не создатель того дождя, что ты увидел через это окно. Ты пытаешься винить меня за дождь, вместо того чтобы быть признательным за то, что я всего лишь отдернула занавеску, чтобы ты смог увидеть все собственными глазами.

Ричард бросил быстрый взгляд на Никки. Она не сказала ни слова. Он поднял глаза в сторону деда, стоявшего на ступенях, свободно сомкнув руки и молча наблюдая за происходящим. Зедд учил его всегда иметь дело с реальностью, с тем, что действительно происходит в мире, учил не жаловаться на то, что, по убеждению некоторых, было невидимой рукой судьбы, управляющей и, как по волшебству, сменяющей события. Не поступает ли он так же неправильно с Шотой? Не обвиняет ли он ее в том, что она показала ему нечто, о чем он прежде не знал или не хотел знать?

— Извини, Шота, — сказал он более спокойно. — Ты права. Разумеется, ты всего лишь указала мне на приближающуюся грозу. Не имею ни малейшего представления, что делать с этим, но я увидел. Мне не следовало винить тебя в том, что совершают другие. Извини.

Шота лишь скромно улыбнулась.

— Это тоже отчасти свидетельствует, что ты тот человек, Ричард... единственный человек, кто может остановить это безумие. Ты желаешь знать правду. Вот почему я привела сюда Джебру со столь ужасным свидетельством о том, что происходит от рук Ордена. Тебе необходимо знать всю правду об этом.

Ричард кивнул, но чувствовал себя все хуже, чувствовал все большее отчаяние оттого, что не имел ни малейшего представления, как сделать то, что, по ее предположению, он способен сделать.

Шота спокойно и пристально наблюдала за ним.

— Ты затратила много сил, доставив сюда Джебру. Вы проделали очень долгий путь. Ваше будущее и сама ваша жизнь зависят от исхода этой борьбы не меньше, чем моя жизнь и жизнь всех свободных людей, всех обладающих даром. Если победит Орден, мы все умрем, включая и тебя. Но разве нет чего-то такого, что ты можешь сказать мне, что помогло бы мне сделать то, что остановит это безрассудство? Я постараюсь использовать любую помощь, какую только ты можешь предоставить мне. Так все же, нет ли чего такого, что ты можешь мне сказать?

Она с минуту рассматривала его, прежде чем заговорить, рассматривала так, будто мыслями была где-то далеко.

— Всякий раз, когда я сообщала тебе чего-то, — наконец сказала она, — это приводило тебя в ярость — как будто именно я сделала что-то, а не просто передала тебе.

— Мы все стоим перед лицом рабства, пыток и смерти, а ты обижаешься по поводу оскорбленных чувств?

Не сдержавшись, Шота улыбнулась подобной характеристике.

— Ты полагаешь, я просто собираю откровения из воздуха, как будто трясу грушу?

Ее улыбка погасла, едва пристальный взгляд сфокусировался на чем-то, скрытом вдали.

— Ты не осознаешь истинную цену появления этих таинственных видений. Я ни за что не стала бы заниматься этим только ради того, чтобы столь тяжело полученное знание использовалось ради мести.

Ричард сунул руки в боковые карманы.

— Хорошо, я понял твою мысль. Если ты прилагаешь такие усилия, то ожидаешь, что я приму результат их со всей серьезностью. У нас сейчас на кону стоит все, Шота. И я высоко оценю все, что ты можешь сообщить мне.

Хотя Ричард не сомневался, что Шота совершенно искренне расскажет ему, что видела в потоке событий, он не ве-

рил, что смысл подобных рассказов будет непременно открытым и ясным или что Шота сама понимает, что ее рассказ означает. До сих пор вся информация, что она ему предлагала, каким-то образом имела значение для ближайших событий. Совсем недавний пример — Огненная Цепь. Хотя Шота не дала никаких пояснений к сочетанию слов «Огненная Цепь», оно оказалось важным в его попытках найти ответ, что же случилось с Кэлен. Без этих двух слов он ни за что не нашел бы ту особую книгу, где содержался ключ к открытию истины.

Шота глубоко вдохнула и наконец выдохнула, будто покоряясь судьбе. Она слегка наклонилась к нему, как бы подчеркивая, насколько серьезна.

— Это только между нами.

Глава 19

Ричард бросил быстрый взгляд на Кару и Никки. Судя по их лицам, не вызывало никаких сомнений, что они думают о самой идее оставить его без их защиты. Хотя он и знал, что они убеждены в необходимости быть вблизи него, на самом деле не верил, что будет в большей безопасности, находясь на один шаг от их бдительной охраны, нежели за несколько десятков шагов... В конце концов, Шота только что продемонстрировала это. Но очевидно, что они не разделяют такую точку зрения.

Ричард полагал, что, может быть, удастся найти компромисс.

— Они же на нашей стороне. Какая разница...

— Разница в том, что это соответствует моему желанию. — Шота повернулась к фонтану, демонстрируя Ричарду спину, и сложила руки. — Если хочешь услышать, что я собираюсь рассказать, то должен уважать мои желания.

Сложно было понять, пустое ли это упрямство, но сейчас Ричарду было не до того, чтобы заниматься поисками сути. Если он собирается получить хоть какую-то помощь от Шоты, то должен доказать, что доверяет ей. И точно так же Никки и Кара должны доказать, что доверяют ему.

Он жестом указал им в сторону ступеней.

— Пожалуйста, вы, обе, поднимитесь наверх, к Зедду, и подождите там.

Никки эта идея понравилась не больше, чем Каре, но по его взгляду, обращенному к ней, она поняла, что ему необходимо, чтобы она сделала так, как он просит. Она лишь бросила раздраженный взгляд в затылок Шоты.

— Если мне по какой-то причине покажется, что ты собираешься причинить ему вред, я превращу тебя в выгоревшие угли, прежде чем ты получишь шанс сделать что-то.

— Зачем мне вредить ему? — Шота бросила взгляд через плечо. — Ричард единственный, у кого есть шанс остановить Орден.

— Вот именно.

Ричард наблюдал, как Никки и Кара молча повернулись и поднялись по ступеням. Он ожидал более резких возражений от Кары, но был рад, что их не последовало.

Он обменялся долгим взглядом с дедом. Зедд, казалось, был необычно спокоен. Фактически точно так же себя вели и Натан, и Энн. Все трое наблюдали за ним, как будто изучали диковину, найденную под скалой. Зедд слегка кивнул Ричарду, побуждая его продолжать делать то, что необходимо.

Ричард услышал, как за его спиной неожиданно ожил фонтан. Повернувшись, он увидел, как вода выбрасывается высоко в воздух и падает в чашу наверху, а затем, стекая водопадами из чаш в чаши, в итоге попадает вниз и плещется на поверхности бассейна.

Шота присела на невысокую мраморную стенку, окружавшую бассейн, спиной к нему, при этом пальцами руки не спеша перебирала в воде. Было что-то в языке ее тела, что заставило волосы на затылке Ричарда, встать дыбом.

Когда она повернулась, бросая взгляд через плечо в его сторону, Ричард осознал, что видит перед собой лицо своей матери.

Все его мышцы словно свело судорогой.

— Ричард. — Печальная улыбка говорила, как она любит его и скучает по нему. Казалось, она не постарела с того дня, что сохранил ее образ в его детской памяти. И пока Ричард стоял, застыв, она, очень плавно, встала перед ним.

— Ох, Ричард, — сказала она голосом, таким же прозрачным и чистым, как вода фонтана, — я так скучала по тебе. — Она обвила рукой его талию, в то же время осторожно проводя пальцами другой руки по его волосам. Затем долго и пристально смотрела в его глаза. — Я так скучала по тебе.

Ричард тут же приглушил свои эмоции. Он именно знал, а не оказался подвержен внушению, что это действительно его мать.

Когда он встретил Шоту в первый раз, она являлась перед ним в образе его матери, погибшей в огне, когда Ричард был еще ребенком. В тот раз он был готов снести ей голову мечом за то, что представлялось ему жестоким обманом. Шота прочла эти мысли и упрекнула его за это, объяснив, что подобное явление ее было всего лишь искренним даром живой памяти его любви к матери и неумирающей ее любви к нему. Шота сказала, что доброта является для нее самой такой ценностью, которую он никогда не сможет ни понять, ни оценить.

Ричард не думал, что и на этот раз она решила одарить его чем-то. Он не понимал ни к чему она стремится, ни для чего делает это, но решил принять это спокойно и без всяких попыток делать торопливые выводы.

— Шота, я благодарен тебе за прекрасные воспоминания, но зачем тебе потребовалось являться в образе моей матери?

Шота, в полном сходстве с его матерью, наморщила лоб, собираясь с мыслями.

— Тебе известно имя... Барах?

Волосы на затылке Ричарда, едва начавшего приходить в себя, снова превратились в щетину. Он очень мягко опустил руки на ее талию и с большой осторожностью отодвинул от себя.

— Некто по имени Барах был Первым волшебником в давние времена, еще в период большой войны. — Ричард одним пальцем приподнял амулет, висевший у него на груди. — Вот это принадлежало ему.

Мать кивнула.

— Это он... Он был великий боевой чародей.

— Верно.

— Как и ты.

Ричард ощутил легкое смущение, оттого что мать назвала его «великим», даже если это и была Шота в ее облике.

— Он знал, как пользоваться своими способностями; я же не знаю.

Его мать снова кивнула, и легкая улыбка исказила уголки ее рта, как раз так, как он помнил это. Так его мать улыбалась, когда была горда, что он усвоил суть какого-либо трудного урока. Но ему было интересно, понимает ли сама Шота смысл отдельных мелких деталей?

— И ты знаешь, что случилось с ним, с этим Барахом?

Ричард вздохнул, чтобы успокоиться.

— Да, фактически знаю. Возникли неприятности с Храмом Ветров. Храм и его бесценное содержимое были отправлены ради безопасности в другой мир.

— В преисподнюю, — уточнила она.

— Да. Барах отправился туда, чтобы попытаться исправить эту ситуацию.

Его мать снова улыбнулась и в очередной раз провела пальцами по его волосам.

— Точно так же, как ты.

— Надеюсь.

Она наконец оставила его волосы в покое и опустила свои прекрасные глаза. Их взгляды встретились.

— Он отправился туда за тобой.

— За мной? — Ричард с подозрением уставился на нее. — О чем ты?

— Магия Ущерба оказалась запертой в этом Храме, в преисподней, отрезана от мира живого, чтобы больше не родился ни один волшебник, обладающий ею.

Ричард не понял, сообщает ли она ему то, что узнала, или свою трактовку этого факта.

— Из видений событий в потоке времени я пришла к определенному предположению. Именно вследствие сделанного тогда больше не появляется на свет людей, обладающих даром Ущерба.

Она наблюдала за ним с выражением, настолько проникнутым важностью сообщения, что это вызывало у него беспокойство.

— Но ты родился как раз с таким даром, — наконец сказала она так, будто это имело огромное значение, скрытое во внешней простоте.

Ричард заморгал.

— Ты хочешь сказать, что, находясь в Храме Ветров, он сделал что-то такое, чтобы кто-то родился с даром магии Ущерба?

— Под кем-то, я полагаю, ты имеешь в виду себя? — Она выгнула бровь, словно подчеркивала серьезность вопроса.

— Так на что ты намекаешь?

— С той поры, когда Храм был отправлен из этого мира в преисподнюю, никто не рождался с даром магии Ущерба, и, соответственно, не было больше боевых чародеев.

— Послушай, я не могу сказать с уверенностью, так ли это, но даже если и так, это еще не означает...

— А известно тебе, что сделал этот боевой чародей Бараx по возвращении из Храма Ветров?

Ричард был озадачен этим вопросом и задумался, насколько это вообще важно?

— Ну да. Вернувшись из Храма Ветров... он совершил самоубийство. — Ричард слабо шевельнул рукой, указывая на тот обширный комплекс зданий, что высился над ними. — Он бросился со стены Цитадели Волшебника, с внешней стены, выходящей к долине и к расположенному внизу городу Эйдиндрил.

Его мать печально кивнула.

— То есть туда, где, спустя много лет, будет построен дворец Исповедниц.

— Полагаю, что так.

— Но перед тем как прыгнуть с этой стены, он оставил кое-что для тебя.

Ричард уставился на нее, не вполне уверенный, правильно ли расслышал.

— Для меня? Ты уверена?

Мать кивнула.

— Описание его жизни, которое ты читал, содержало не все. Понимаешь, вернувшись из Храма Ветров, прежде чем броситься со стены Цитадели, он отдал книгу жене и отправил ее с этой книгой в свою библиотеку.

— В его библиотеку?

— У Бараxа была тайная библиотека.

Ричард чувствовал себя так, будто аккуратно ступает по тонкому льду.

— Я даже и не знал, что у него была жена.

— Но, Ричард, ведь ты знаешь ее.

Его мать улыбнулась так, что волосы на затылке, и без того стоящие дыбом, стали еще жестче. Ричард едва мог дышать.

— Я знаю ее? Как такое возможно?

— Ну, — сказала его мать, коротко пожав плечами, — ты знаешь о ней. Ты ведь знаешь про волшебника, создавшего первую Исповедницу?

— Да, — сказал Ричард, смущенный тем, что она сменила тему разговора. — Его звали Мерит. Первой Исповедницей была Магда Сирус. Во дворце Исповедниц есть картина на потолке с их изображением.

Его мать кивнула так, что у него свело живот.

— Это та самая женщина.

— Какая женщина?

— Жена Бараха.

— Нет... — сказал Ричард, притрагиваясь пальцами ко лбу, пытаясь осознать услышанное. — Нет, она была женой Мерита, волшебника, сделавшего из нее Исповедницу, а не женой Бараха.

— Это было позже, — сказала его мать, делая отвергающий жест рукой. — Ее первым мужем был Барах.

— Ты уверена?

Она убежденно кивнула.

— Когда Барах вернулся из Храма Ветров, Магда Сирус ждала его там, где он просил ее ждать, в анклаве Первого волшебника. Она долго ждала его, страшась, что он никогда уже не вернется. К ее величайшему облегчению, он наконец-то вернулся. Он поцеловал ее, произнес слова о неумирающей любви, а затем, взяв с нее клятву о вечном молчании, отправил с той самой книгой в свою тайную личную библиотеку.

После того, как она ушла, он оставил свое снаряжение — то, которое ты сейчас носишь, включая подбитые кожей серебряные браслеты, плащ, выглядящий так, будто соткан из золота, и этот амулет — в анклаве Первого волшебника, оставил все это для того волшебника, которому он обеспечил будущее рождение в мире живого, оставил их для тебя, Ричард.

— Для меня? А ты уверена, что они предназначены именно для меня?

— А почему, по-твоему, было так много пророчеств, говорящих о тебе, предсказывающих твое появление, называющих тебя «тот, кто рожден нести истину», Камень в Пруду, Несущий смерть, «Кахарин»? Почему, на твой взгляд, многие пророчества имеют отношение к твоему появлению? Как ты

думаешь, почему ты оказался способен понять некоторые из них, тогда как за прошедшие века, за тысячелетия, никто не оказался в состоянии расшифровать их? Почему, как ты думаешь, тебе довелось исполнить некоторые из них?

— Но все они не означали в точности, что подразумевался именно я.

Жестом безразличия его мать отказалась как опровергнуть, так и согласиться с его утверждением.

— Можно спорить лишь о том, как именно это случилось: магия Ущерба нашла родившегося ребенка, способного обладать ею, или наконец появился особый ребенок, о рождении которого было известно заранее. Пророчество изначально имело основу, наличие зернышка, которое должно прорасти. Затем что-то должно было запустить механизм, вызывающий определенные события, хотя бы даже цвет глаз, унаследованный тобой. Что-то должно было совпасть, чтобы все остальное случилось. Так что, в таком случае, имело место — случайность или преднамеренность?

— На мой взгляд, это случайная цепь событий.

— Если тебе так больше нравится. Но, как бы то ни было, разве это так важно? Ты единственный, кто родился с возможностями, высвобожденными Барахом из заточения в ином мире. Ты тот, рождение которого он обеспечил, неважно, произойдет оно по случайности или как результат преднамеренных действий. В конце концов, значение имеет лишь одно: ты единственный, кто рожден с такими способностями.

Ричард не мог не признать, что она права; ведь действительно, каким бы образом это ни произошло, это не меняло сути случившегося.

Его мать вздохнула и вернулась к продолжению рассказа.

— В общем, Барах вышел из своего анклава и прыгнул в объятия смерти уже после окончания всех приготовлений для того, что он обеспечил и что должно случиться в будущем. Описавшие те события не знали, что он после возвращения успел послать жену в библиотеку со срочным и тайным делом. Она вернулась — и обнаружила, что он мертв.

Голова у Ричарда шла кругом. Он не мог поверить в то, что услышал, и пришел в смятение от этого неожиданного рассказа о давних событиях. Тем не менее из посещения Хра-

ма Ветров он знал, что подобное вполне возможно. Он оставил те знания, что обрел там, в качестве платы за возвращение в мир живого. Но хотя он и утратил те знания, у него осталось ощущение того, насколько глубокими и основательными они были. Тот, кто затребовал с него эту цену — оставить все, что он изучил, в обмен на возвращение к Кэлен, — был дух Даркена Рала, настоящего отца Ричарда.

— И вот в безмерном горе Магда Сирус добровольно согласилась принять участие в очень опасном эксперименте, задуманном самим Меритом, добровольно согласилась стать Исповедницей. Она знала, что существует вполне реальный шанс, что она не переживет всех неизведанных опасностей этой магии, но в печали по умершему мужу, Первому волшебнику, считала свою жизнь конченной. Она не представляла, что в ее жизни может найтись еще что-то, ради чего стоит жить, что-то иное, кроме поиска того, кто в ответе за те роковые события, что привели к смерти ее мужа, и потому добровольно согласилась на то, что все воспринимали как крайне рискованный эксперимент.

Тем не менее она выжила. Лишь гораздо позже она влюбилась в Мерита, а он в нее. Это вернуло ее к жизни — новой жизни с ним. Сведения и истории о том времени довольно туманны, многие места вообще потеряны и перепутана хронология событий, но факт в том, что Мерит был ее вторым мужем.

Ричарду пришлось присесть на мраморную стенку-скамью. Воспринять все это было очень трудно. Взаимосвязь людей и событий была просто поразительной. Наконец упорядочивались все случайные совпадения и обстоятельства: и то, что он первый, за тысячи лет, родился обладателем магии Ущерба, и то, что Барах был последним, кто посетил Храм Ветров до Ричарда, и то, что Барах был женат на женщине, ставшей первой Исповедницей, и то, что Ричард влюбился, а потом и женился на Исповеднице — на самой Матери-Исповеднице Кэлен.

— Когда Магда Сирус воспользовалась своей только что обретенной силой Исповедницы и применила ее к Лотейну, тогда они и узнали, что он делал в Храме Ветров и что было известно только Бараху.

Ричард поднял глаза.

— И что же он делал?

Его мать вглядывалась в его глаза, словно смотрела в душу.

— Лотейн предал их. Находясь в Храме, он позаботился, чтобы та особая магия, что была «заперта» там, в какой-то момент освободилась и проникла в мир живого. Император Джегань оказался рожден с той силой, что с помощью Лотейна просочилась из места своего заточения и проникла в другой мир. Этой магией была сила сноходца.

— Но почему Лотейн, главный обвинитель, сделал подобное? В конце концов, ведь именно он проследил за тем, чтобы команда Храма была наказана за тот вред, что они нанесли.

— Вероятно, Лотейн пришел к убеждению, как и наши враги в Древнем мире, что магию следует искоренить из жизни человечества. Полагаю, его фанатизм нашел выход в навязчивой идее: он вообразил себя спасителем человечества. И в итоге он обеспечил возвращение сноходца в мир живого, чтобы очистить его от магии.

По какой-то причине Бараху не удалось заделать брешь, сделанную Лотейном, предотвратить столь ужасное событие. Но он сделал лучшее, что мог. Он обеспечил, чтобы появился противовес, своего рода противоположение нанесенному урону, чтобы был кто-то, сражающийся против сил, намеренных уничтожить всех, у кого есть дар, кто-то, обладающий необходимыми способностями.

Это твоя роль, Ричард. Барах обеспечил, чтобы ты родился в качестве такого противовеса тому, что сделал Лотейн. Вот почему ты, Ричард Рал, единственный, кто может остановить Орден.

Ричарду казалось, что, похоже, у него жар. Рассказанное заставляло его чувствовать себя пешкой в игре космических сил, используемой для скрытых целей, простаком, не способным сделать ничего самостоятельно, только осуществлять план собственной жизни, придуманный другими, исполнять предписанную ему тысячелетия назад роль в битве.

И, словно читая его мысли, Шота, оставаясь по-прежнему похожей во всех отношениях на его мать, с сочувствием опустила руку на его плечо.

— Барах позаботился, чтобы имелся противовес для противостояния этому урону. Он не предопределял, как именно этот противовес будет действовать или вести себя. Он не исключил из этого уравнения сил свободу твоей воли, Ричард.

— Ты полагаешь, что нет? Мне кажется, что я всего лишь безучастная пешка в этой игре, введенная наконец в действие. Не вижу здесь ни свободы воли, ни моей собственной жизни, ни моего выбора — не вижу ни в чем. Наоборот, кажется, что другие уже давно за меня все решили.

— Не думаю, что это так, Ричард. Ты мог бы сказать, что сделанное ими похоже на подготовку солдата к сражению. Подготовка создает возможность достичь цели и выиграть сражение, если таковое случится. Но она вовсе не гарантирует, что с началом битвы солдат не сбежит, а поднимется и пойдет в бой, и даже того, что если он будет сражаться со всем упорством и прилагая все способности, то действительно добьется победы. Барах позаботился, чтобы ты имел потенциал, Ричард, чтобы у тебя были доспехи, оружие, способности для защиты собственной жизни и окружающего тебя мира, если таковая необходимость возникнет, и ничего больше. Он просто протянул тебе руку помощи.

Рука помощи протянулась через бездну времени. Ричард чувствовал себя опустошенным и оказавшимся в тупике. Он ощущал себя так, будто не знал, кто он на самом деле, и не знал, какую часть своей жизни прожил самостоятельно.

Ему казалось, будто Барах внезапно материализовался из пыли древних останков и явился, словно призрак, терзавший его жизнь.

Глава 20

Существовало нечто, что по-прежнему мучило его, еще одна мелочь, все еще не укладывавшаяся в общую картину. Как мог главный обвинитель, этот Лотейн, изменить своим убеждениям, изменить всем, живущим в Новом мире? И Ричарду пришло в голову, как самое удобное объяснение, что Лотейн прельстился привлекательностью верований Древнего мира.

А затем его осенило... И понимание заполнило его со стремительностью и силой наводнения. От истинного смысла этой «мелочи» сперло дыхание. Его всегда интересовало и влекло все, что касалось древних преданий и рассказов. Шота оживила его память, направив его внимание на нечто, случившееся в древности, и при этом все действующие фигуры неожиданно встали на свои места. Теперь он понял, что именно было не так в этой истории и что постоянно беспокоило его. И когда понял это, никак не мог сообразить, почему не додумался до этого раньше.

— Лотейн был ревностным обвинителем, — произнес Ричард скорее самому себе. Он застыл, словно в трансе, с широко раскрытыми, немигающими глазами. — Но это не было проявлением фанатичного стремления Лотейна. В нем самом не произошло никакой перемены.

Он не был предателем. Он был тайным агентом.

Он с самого начала был тайным агентом. Словно крот, подбирался к цели, прокладывая ходы под землей. У него было достаточно времени, чтобы добиться высокого положения. И подобрать сообщников, готовых исполнять его тайные приказы.

Лотейн был уважаемым волшебником, обладающим большой властью. С его политическим влиянием он имел доступ к самым высокопоставленным лицам. И когда наконец представилась долгожданная возможность, он стал действовать. Устроил так, чтобы его сообщники были назначены в команду Храма. Как и сегодняшние последователи Ордена, Лотейн и его люди твердо верили в свое дело. Именно по их вине волшебники потерпели неудачу. Этот поступок не был результатом смены взглядов, не был бесчестным предательством. Оно так и было задумано. Специально, с самого начала.

Все его люди были готовы пожертвовать собой. Умереть за свою веру, во имя высшей цели. Не знаю, лишь некоторые из них были его тайными агентами или они все, но то, что они достигли своей цели, — несомненно. Возможно даже, что они убедили еще кого-то поддержать их во исполнение моральных обязательств.

Разумеется, все прочие волшебники в Цитадели неизбежно и достаточно скоро должны были понять, что в деле Храма Ветров не все чисто. Именно поэтому Лотейн так рьяно взялся за преследование команды Храма, подверг их суду и проследил, чтобы все они были казнены. Чтобы не остался в живых никто из тех, кто бы мог раскрыть, что они на самом деле совершили.

Лотейн спланировал все действия так, чтобы сохранить секрет, чтобы нельзя было предпринять успешных контрмер. Те агенты, которых он внедрил, добровольно отправились в могилу, унеся свою тайну с собой. Преследуя и обрекая на смерть всю команду Храма, Лотейн почти сумел добиться сокрытия всех действий, к чему и стремился. Он уничтожил всех, кто хотя бы имел представление об истинных масштабах нанесенного им вреда. Он пребывал в уверенности, что благодаря этому дело, которому он служит, однажды сметет всяческое сопротивление, и его сторонники будут править миром. Когда это произойдет, он будет величайшим героем этой войны.

Оставалась только одна маленькая проблема. После всего этого стоявшие во главе настоятельно потребовали, чтобы кто-то отправился в Храм Ветров — исправить причи-

ненный вред. Разумеется, Лотейн не мог позволить, чтобы там побывал кто-то, способный оценить истинные масштабы диверсии и даже попросту устранить ее. Так что он сам отправился туда, добровольно. Так им было задумано с самого начала — при необходимости самому отправиться расследовать ситуацию с командой Храма и скрыть истинное положение дел.

Поскольку он был главный вершитель правосудия, то все верили, что его жизненное кредо допускает только правильное исполнение дел. Когда Лотейн наконец добрался до Храма Ветров, он не только постарался, чтобы нанесенный ущерб не мог быть исправлен, но, воспользовавшись полученным в Храме знанием, постарался сделать еще хуже, для уверенности, что больше никто не придет сюда и не устранит «повреждение». Затем он замаскировал результаты своих действий, представляя их так, будто он все исправил.

Но возникла другая проблема: сделанных им изменений, с использованием знаний, полученных в самом Храме, оказалось вполне достаточно для того, чтобы запустить средства защиты Храма. И тогда в мире живых взошла красная луна, о чем Лотейн даже не подозревал, и поэтому, когда он вернулся, был арестован. И даже в такой ситуации он не тревожился: он с нетерпением ждал смерти, чтобы обрести вечную славу в загробной жизни за все содеянное им, в точном соответствии с тем, как Ники объясняла образ мысли людей Древнего мира.

Волшебникам в Цитадели было необходимо знать масштабы нанесенного Лотейном вреда. Даже под пытками он не признался в истинных размерах совершенного им. Чтобы выяснить правду о содеянном, Магда Сирус стала Исповедницей. Но у нее было мало опыта для такой задачи, она фактически училась по ходу дела. Даже обладая силой Исповедницы, она тогда еще плохо представляла себе, насколько важно задавать правильные вопросы.

Ричард посмотрел в лицо матери.

— Однажды Кэлен сказала мне, что получить само признание не составляет труда. Самая трудная часть задачи — разобраться, какие надо задать вопросы для получения истины. Мерит тогда только придумал, какова должна быть сила

Исповедницы. Но еще никто не разобрался, каким образом эта магия работает.

Кэлен всю свою жизнь училась делать это надлежащим образом, но тогда, тысячи лет назад, Магда Сирус еще не разобралась, как задавать правильные вопросы. И даже сумев заставить Лотейна признаться в совершенном, она не смогла раскрыть всей правды о масштабах его вероломства. Он был тайным агентом, но, несмотря на использование Исповедницы, им не удалось этого раскрыть. А в итоге они так и не узнали о полном объеме подрывной деятельности людей Лотейна, внедренных в команду Храма.

Мать сосредоточенно наблюдала за ним исподлобья.

— А ты уверен в этом, Ричард?

Он кивнул.

— Наконец-то для меня все обрело смысл. С тем, что ты добавила к этой истории, все детали, какие раньше я никак не мог соединить, теперь встали на место. Лотейн был тайным агентом, и он отправился на смерть, так и не раскрыв, кто он на самом деле, и того, что разместил своих людей среди команды Храма. Они все умерли, так и не поведав истинных масштабов причиненного ими вреда. И никто, даже Барах, не осознавал полного масштаба содеянного.

Мать вздохнула и отвела взгляд.

— Это определенно объясняет некоторые пробелы в том, что известно мне. — Она снова взглянула на него, как будто в новом свете. — Очень хорошо, Ричард. Действительно очень хорошо.

Ричард провел рукой, потирая уставшие глаза. Ему не доставлял удовольствия ни экскурс в эти древние мерзости истории, ни извлечение на свет подобных грязных дел, которые все еще, спустя столь долгое время, преследуют его.

— Ты сказала, что Барах оставил мне книгу?

Она кивнула.

— Он поручил жену спрятать ее. Что означает, что книга предназначалась тебе.

Ричард вздохнул.

— Ты уверена?

— Да. — Его мать осторожно сложила пальцы. — Находясь в Храме Ветров, Барах написал книгу, используя знания,

полученные там. Никто, кроме него, не читал ее. Ни одна живая душа не раскрывала ее с тех самых пор, как Барах закончил писать и лично ее закрыл. И с тех пор она лежит, нетронутая, в его тайной библиотеке.

Ричард почувствовал, что от этой мысли по коже пробежал мороз. Он не имел ни малейшего представления, где может быть эта библиотека, но даже если и найдет ее, кто подскажет, что в ней искать? Даже не надеясь, что такой шанс представится, он на всякий случай спросил:

— А нет ли у тебя хоть каких-то сведений о том, как называется эта книга? Или, может быть, ты знаешь, о чем она?

Его мать торжественно кивнула.

— Она называется «Тайна могущества боевого чародея».

— Добрые духи, — прошептал Ричард, взглянув на нее.

Он сидел, уперев локти в колени, опустив лицо в раскрытые ладони. Он был настолько ошеломлен, что, казалось, все еще не поверил в услышанное. Последний из людей, посетивший Храм Ветров за три тысячи лет до того, как там побывал Ричард, каким-то образом, пока находился там, устроил все так, что Храм высвободил магию Ущерба, с присутствием которой, в частности, и родился Ричард. Родился для того, чтобы оказаться способным отправиться в Храм Ветров и прекратить бедствие, начатое сноходцем, родившимся на свет лишь потому, что другой волшебник, Лотейн, оказался в Храме раньше и устроил так, чтобы сноходец явился на свет, чтобы править миром и уничтожить вообще всякую магию. И далее тот же самый человек, который устроил так, что Ричард от рождения обладает магией Ущерба, оставил Ричарду книгу с наставлениями по этой самой магии, словно бы для того, чтобы он уничтожил сноходца.

После того как Барах вернулся и совершил самоубийство, волшебники посчитали дальнейшие попытки проникнуть в Храм Ветров, чтобы ответить на зов красных лун или по каким-то другим причинам, неразумными. Они были не в состоянии проникнуть туда, чтобы устранить весь тот вред, что причинила команда Храма, а затем и сам Лотейн. Но Барах все же оказался в состоянии противопоставить что-то угрозе.

Очень может быть, что именно сам Барах и позаботился, чтобы никто другой не смог попасть в Храм Ветров, и скорее

всего, для того, чтобы не было шанса еще какому-то тайному агенту разрушить то, что Барах сделал для гарантии обретения противовеса угрозе, а именно: подготовил рождение Ричарда.

Ричард поднял глаза. Его матери больше не было. Перед ним стояла Шота, свободные края ее платья мягко колыхались, как будто на легком ветру. Ричард был опечален, увидев, что матери больше нет, но в то же время и испытал облегчение, поскольку разговаривать с Шотой через призрак матери было затруднительно.

— Та библиотека, куда Барах отправил свою жену с той самой книгой, «Тайна могущества боевого чародея», где она?

Шота лишь печально покачала головой.

— Боюсь, что я не знаю. Не думаю, что еще кто-нибудь, кроме Бараха и его жены, Магды Сирус, знал это.

Ричард носил полный комплект боевого чародея, который прежде носил Барах, носил амулет, ранее принадлежавший Бараху, и обладал даром магии Ущерба, тоже, весьма вероятно, благодаря Бараху. А еще Барах оставил ему нечто, по названию похожее на книгу наставлений по использованию силы, с которой, благодаря стараниям Бараха, и родился Ричард.

— Ведь существует так много библиотек. И личная библиотека Бараха может оказаться внутри любой из них. Нет ли у тебя хоть каких-то предположений, какая из них может оказаться той самой?

— Я знаю только то, что ее нет среди тех библиотек, которые ты имеешь в виду. Библиотека, созданная Барахом, была доступна только ему. И каждая книга в ней тоже была доступна только ему. Он очень хорошо прятал их. До сегодняшнего дня эти книги так и остались ненайденными.

— А по какой причине он не считал целесообразным оставлять все эти книги на безопасное хранение в анклаве Первого волшебника?

— Безопасное хранение? Не так давно сестры Тьмы, посланные Джеганем, потревожили это место. Среди прочих вещей они забрали и книги, чтобы передать их императору. Джегань охотится за книгами, потому что в них заключены знания, помогающие ему в его борьбе за власть над миром во имя Ор-

дена. Оставь Барах свою книгу здесь, в Цитадели, теперь она с легкостью могла бы оказаться в руках Джеганя. Барах был достаточно умен, чтобы не оставлять книгу такой силы здесь, где любой способен найти ее, где каждый Первый волшебник, пришедший после него, может обнаружить ее и приложить к ней руку, чтобы переделать или переиначить, а, может быть, даже и уничтожить, чтобы она не попала не в те руки.

Так случилось с «Книгой сочтенных теней». Энн и Натан из-за пророчества помогли Джорджу Сайферу вернуть ее в Вестландию, с тем чтобы, когда тот достаточно состарится, Ричард смог бы запомнить ее наизусть, а затем уничтожить ее, чтобы она не попала не в те руки. И тут оказалось, что Даркен Рал захотел получить эту книгу, нужную ему, чтобы открыть шкатулки Одена... Те самые шкатулки, что теперь вступили в игру благодаря бывшим сестрам Энн, теперь захватившим Кэлен — последнюю Исповедницу, которая посредством того, что было написано в этой книге, помогла ему разделаться с Даркеном Ралом.

Ричард взял в руки амулет, который теперь носил, принадлежавший когда-то Бараху, и вгляделся в символы, ведущие танец со смертью. Было слишком много того, чего нельзя объяснить простым совпадением.

Он пристально посмотрел на Шоту.

— Ты говоришь, что Барах все предвидел и потому поместил книгу в особо безопасное место?

Шота пожала плечами.

— Сожалею, Ричард, но я не знаю. Возможно, поступил так просто потому, что вообще был человек осторожный. Принимая во внимание обстоятельства и учитывая, что находится под угрозой, подобная осторожность не только оправданная, но и мудрая.

Я рассказала тебе все, что смогла. Ты получил новые фрагменты головоломки, которые я постаралась до тебя донести. Это не означает, что ты получил все, что требуется, но у тебя есть дополнительные сведения из других источников, так что в целом ты знаешь больше, чем я. В сущности, ты, скорее всего, знаешь об этом больше, чем кто-либо другой из ныне живущих, и даже с тех времен, как Первым волшебником был боевой чародей Барах.

Из всего сказанного ею ничто не представляло особенного интереса, разве только то, что ему предстоит найти книгу, которую Барах предположительно предназначал ему. Без этой книги вся сила боевого чародея, которой обладал Ричард, была для него загадкой и оказывалась почти бесполезной. Без этой книги, казалось, нет никакой надежды уничтожить подступавшую армию Древнего мира. Орден будет править миром, и магия будет истреблена, вырвана с корнем из мира живого, именно так, как и замыслил Лотейн. Без этой книги план Бараха терпел крах, а Джегань добивался победы.

Ричард уставился в стеклянную крышу в сотне футов над ним, которая позволяла тусклому свету позднего дня присоединяться к свечению ламп внизу, в самом центре зала, и пытался припомнить, в какой момент эти лампы зажглись. Но так и не вспомнил.

— Шота, во всех этих сведениях нет никакого проку. Как, спрашивается, я могу преуспеть в борьбе с Орденом, если не способен использовать свои возможности боевого чародея? Не можешь ли ты дать мне хоть какой-то намек, как найти эту книгу? Ведь если я так ничего и не узнаю, то очень скоро буду мертв. Мы все будем мертвы.

Она придержала ладонью его подбородок, заглядывая ему в глаза.

— Надеюсь, ты понимаешь, Ричард, что знай я, как добыть для тебя эту книгу, я бы ее добыла. Ты знаешь, насколько сильно я хочу остановить Имперский Орден.

— Ну а как ты получила эту особую информацию? Откуда она у тебя? И почему она появилась у тебя именно сейчас вот? Почему не в последнюю нашу встречу? Или в то время, когда я пытался попасть в Храм Ветров, чтобы остановить разраставшееся бедствие?

— Мне кажется, эти сведения исходят оттуда же, откуда ты получаешь ответы или вдохновение, когда обдумываешь какую-то идею. Почему ты получаешь ответы, когда работаешь над проблемой? Я размышляю над ситуацией, и время от времени ко мне приходят ответы. Думаю, нет существенной разницы в том, как любой из нас работает с какой-то идеей. Но мои идеи свойственны исключительно разуму ведьмы, и к

тому же имеют отношение к событиям в потоке времени. Полагаю, это происходит примерно так же, как ты вдруг узнал правду о том, что сделал Лотейн. Как это пришло тебе на ум? Полагаю, такое же происходит и в моей голове.

Знай я, где находится эта книга, «Тайна могущества боевого чародея», или будь у меня хоть малейшее представление, как найти ее, я без колебаний рассказала бы об этом тебе.

Ричард тяжело вздохнул и встал.

— Знаю, Шота. Спасибо тебе за все, что ты сделала. Я попытаюсь понять, как то, что ты рассказала, может помочь мне.

Шота ухватила его за плечо.

— Я должна идти. Мне необходимо найти ту ведьму. По крайней мере теперь, благодаря Никки, я знаю ее имя.

Неожиданная мысль пришла ему в голову.

— Интересно, почему у нее такое имя — «Сикс»?

Лицо Шоты помрачнело.

— Это уничижительное имя. Ведьма видит массу событий в потоке времени, особенно связанных с теми дочерями, которых она могла произвести на свет. Седьмой ребенок у ведьмы всегда особенный. Назвать же ребенка именем Сикс, означающим «шестая», — все равно что назвать неудачницей или далекой от совершенства. Это открытое оскорбление, с самого детства, указание на то, что ведьма предугадала характер дочери. Как бы официальное заявление, что ее дочь имеет изъян. Возможно, называя ее таким именем — Сикс, — мать обеспечила себе смерть от рук собственной дочери.

— Но зачем мать так открыто объявила о подобном факте? Почему бы не дать дочери какое-то другое имя и тем самым избежать возможности своего собственного убийства?

Шота разглядывала его с печальной улыбкой.

— Потому что некоторые ведьмы верят в правду, что правда помогает людям избежать опасности. Для таких ложь оказывается той самой почкой, из которой вырастет еще большее несчастье. Для нас правда — единственная надежда на будущее. А будущее для нас — это жизнь.

— Ну, похоже, ей дано имя, очень подходящее к тем напастям, что она вызывает.

Улыбка Шоты, хотя и раньше была печальной, теперь исчезла совсем. Нахмуренные брови сделали взгляд более мрачным. Она предупреждающе подняла палец.

— Подобная ведьма способна запросто скрыть свое имя. Эта же, наоборот, явила его, как змея обнажает клыки. Позаботься обо всем остальном, а ее оставь мне. Эта ведьма чрезвычайно опасна.

Ричард слегка улыбнулся.

— Как ты?

На этот раз Шота не дала ответной улыбки.

— Как я.

Ричард стоял около фонтана один, наблюдая, как Шота поднималась по ступеням. Никки, Кара, Зедд, Натан, Энн и Джебра стояли тесной группой, негромко беседуя между собой. Они не обратили никакого внимания на Шоту, проплывшую мимо них, словно бесплотный призрак.

Ричард последовал за ней. Открыв дверь и вырисовываясь на фоне заката, она повернулась назад и застыла, еще более напоминая призрак.

— Еще одно, Ричард. — Шота несколько секунд изучала его глаза. — Когда ты был еще маленький, твоя мать погибла в огне.

Ричард кивнул.

— Да, это так. Какой-то человек затеял ссору с Джорджем Сайфером — с тем, кто вырастил меня и кого я в то время считал своим отцом. Человек, затеявший ссору с моим отцом, опрокинул лампу на столе, отчего в доме начался пожар. Мы с братом спали в задней комнате. Пока тот человек вытащил моего отца во двор, продолжая драку, к нам вбежала мать и вытащила меня и брата из горящего дома.

Ричард сглотнул, ему по-прежнему было больно вспоминать об этом. Он вспомнил ее короткую улыбку от облегчения, что они спасены, и тот последний, короткий поцелуй в лоб.

— Уверившись, что мы все спасены, мать снова побежала в дом, чтобы спасти что-то еще... Мы так и не узнали, что именно. Ее крики привели того человека в чувство, и он вместе с моим отцом пытался спасти ее, но не удалось — было слишком поздно. Страшный жар пламени не давал им подсту-

питься, и они не смогли помочь ей. С чувством вины и отвращения за то, чему он стал причиной, тот человек сбежал, охваченный печалью и сожалением.

Это была ужасная трагедия, особенно потому, что никого в доме не оставалось, как и не было ничего ценного, что стоило спасать ценой жизни. Моя мать умерла ни за что.

Шота, все еще вырисовываясь силуэтом в дверном проеме, пристально разглядывала его, казалось, уже целую вечность. Ричард молча ждал. В ее позе и миндалевидных глазах присутствовало нечто тревожащее. Наконец она заговорила негромким мягким голосом.

— В том огне погибла не только твоя мать.

Ричард ощутил мурашки и на руках и ногах. Все, что он познал почти за целую жизнь, казалось, в одно мгновение испарилось от этих слов, как от удара молнии.

— О чем ты говоришь? Что ты хочешь этим сказать?

Шота лишь печально покачала головой.

— Клянусь всей моей жизнью, Ричард, больше я ничего не знаю.

Он приблизился к ней, схватил ее за руку, стараясь быть как можно осторожнее, чтобы не сжать эту руку слишком крепко, как легко мог бы под влиянием жгучего желания понять, почему вообще она сказала ему подобное.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что больше ничего не знаешь? Как ты можешь сказать нечто подобное о смерти моей матери — а затем, вот так просто, заявить, что больше не знаешь ничего? Это лишено всякого смысла. Ты должна знать что-то еще.

Шота поднесла ладонь к его щеке.

— Ты оказал мне большую услугу, когда последний раз появлялся в Пределе Агаден. Ты отверг мое предложение и сказал, что я могу претендовать на большее, чем обладать кем-то против его воли. Ты сказал, что я заслуживаю того, кто будет ценить меня такой, какая я есть.

Но я была так зла на тебя в ту минуту, что предавалась всяким мрачным мыслям. До той поры еще никто не отвергал меня, а ты сделал это по вполне правильным причинам — потому что беспокоился за меня и заботился о том, чтобы у меня было то, что сделает всю мою жизнь в высшей степени ос-

мысленной. Ты настолько заботился обо мне, что готов был рискнуть вызвать мой гнев.

Когда я проявила сходство с твоей матерью, дар каким-то образом повлиял на поток информации, приходящей ко мне. И поэтому, как раз сейчас, когда я собралась уходить, эта единственная мысль проникла ко мне. В том огне погибла не только твоя мать.

Как и все то, что я подбираю из текущих в потоке времени событий, это пришло ко мне в качестве интуитивного видения. Не знаю, что оно означает, и не знаю об этом больше ничего. Клянусь тебе, Ричард, не знаю.

При обычных обстоятельствах я не стала бы доносить эту небольшую частицу информации, потому что она слишком увязана в вопросах и вероятностях, но нынешние обстоятельства едва ли можно назвать обычными. И я подумала, что тебе следует знать, что пришло ко мне. Я подумала, что тебе следует знать каждый обрывок всего, что знаю я. Не все, что я узнала из видения событий в потоке времени, представляет интерес... Вот почему я не всегда сообщаю людям отдельные детали, как, например, та, про которую я рассказала тебе. Однако в данном случае я уверена, что тебе следует знать это, вдруг окажется, что эти сведения что-то значат для тебя, вдруг это сможет тебе как-то помочь.

Ричард чувствовал скорее растерянность. Он сомневался, что услышанное следует воспринимать именно так, как оно звучит.

— Следует ли это понимать так, что умерла не только она, потому что в тот день вместе с ней умерла и какая-то часть всех нас? И что наши сердца теперь не будут такими же, как прежде? Или это может означать, что она не единственная, кто погиб в том огне, если вкладывать такой смысл?

— Не знаю, Ричард, действительно не знаю, но такое вполне возможно. Это может не иметь никакого значения до самого того момента, пока и на самом деле не поможет тебе. Я не всегда понимаю то, что вижу в событиях в потоке времени, или, наоборот, смыслов бывает слишком много. Это могли быть просто слова, ничего больше.

Я могу быть полезной, только если безошибочно передаю информацию, и так я и поступаю. Вот информация, которую я

получила и в точности передаю тебе: твоя мать была не единственная, кто погиб в том огне.

Ричард почувствовал, как слеза скатилась по его щеке.

— Шота, я чувствую себя таким одиноким. Ты привела сюда Джебру, чтобы рассказать мне все то, что вызывает у меня лишь ночные кошмары. Я не знаю, что делать дальше. Не знаю. Так много людей верит в меня и полагается на меня. Нет ли чего-нибудь такого, что ты можешь сказать, что хотя бы укажет мне направление, прежде чем мы все пропадем?

Шота одним пальцем смахнула слезинку со щеки Ричарда. Это простое действие каким-то образом приободрило его.

— Извини. У меня нет ответов, способных спасти тебя. Поверь, будь они, я бы непременно передала их тебе. Но я знаю, что в тебе есть доброе начало. Я верю в тебя. И знаю, что в тебе есть то, что должно привести к успеху. Настанет время, когда ты усомнишься в самом себе. Не поддавайся этому. Помни: я верю в тебя и знаю, что ты способен завершить то, что должен. Ты — уникальная личность. Так поверь в себя. Знай: я верю, что ты тот самый, кто способен сделать это.

Стоя снаружи, прежде чем начать спускаться по гранитным ступеням, она повернулась и замерла черным силуэтом на фоне угасавшего дня.

— Была ли Кэлен реальностью или нет, не имеет большого значения. На карту поставлен весь мир живого, жизнь каждого из нас. Тебе следует забыть об этой отдельной жизни, Ричард, и думать обо всех остальных.

— Это что, тоже пророчество, Шота? — Ричард был слишком печален, чтобы повышать голос. — Нечто, полученное из наблюдения событий в потоке времени?

Она покачала головой.

— Просто совет ведьмы. — Она направилась к загону, чтобы забрать лошадь. — Слишком много поставлено на карту, Ричард. Тебе следует прекратить охоту за призраком.

Когда Ричард вернулся внутрь, все стояли вокруг Джебры, сочувственно обсуждая суровые испытания, выпавшие на ее долю.

Зедд неожиданно прервался на середине фразы, когда Ричард присоединился к ним.

— Это несколько странно. Ты не находишь, мой мальчик?

Ричард оглядел недоумевающие выражения лиц окружающих.

— Что странно?

Зедд развел руками.

— Что где-то посреди рассказа Джебры Шота просто поднялась и исчезла.

— Исчезла? — осторожно повторил Ричард.

Никки согласно кивнула.

— Мы думали, что она задержится здесь и скажет еще что-то, после того как Джебра закончит свой рассказ.

— Может быть, она торопилась на поиски кого-то, кого будет пугать или шантажировать? — заметила Кара.

Энн вздохнула и добавила:

— Может быть, она решила отправиться по следам той, другой ведьмы.

— Может быть, будучи ведьмой, она предпочитает обходиться без прощаний, — предположил Натан.

Ричард промолчал. Он помнил, что Шота поступала так и раньше, например, когда появилась на свадьбе, его и Кэлен, и подарила Кэлен ожерелье. Никто даже и не заметил, как она беседовала с Ричардом и Кэлен. И никто не заметил, как она ушла.

Все вернулись к прерванной беседе, кроме его деда. Зедд выглядел отчужденным и встревоженным.

— В чем дело? — спросил Ричард.

Зедд покачал головой, обнял Ричарда руками за плечи, наклонился ближе к нему и заговорил:

— Моя голова по какой-то причине полна мыслями о твоей матери.

— Моей матери?

Зедд кивнул.

— Я действительно скучаю по ней.

— Я тоже, — сказал Ричард. — Мы с тобой никогда об этом не говорили, но я тоже скучаю по ней.

Зедд смотрел вдаль.

— Часть меня умерла вместе с ней в этот день.

Ричарду потребовалась минута, чтобы справиться с голосом.

— Ты что-нибудь знаешь о том, почему она вернулась в горящий дом? Не думаешь, что там могло оставаться что-то важное? Может, там был кто-то, о ком мы не знаем?

Зедд упорно покачал головой.

— Совершенно уверен, что для этого должна быть какая-то очень важная причина, но я сам разгребал тот пепел. — Глаза его наполнились слезами. — Там были только ее кости, больше ничьи.

Ричард глянул в сторону двери и увидел очертания Шоты, сидевшей верхом на лошади и уже начавшей двигаться по дороге, ведущей вниз, даже не обернувшись.

Глава 21

Рэчел нерешительно замерла в глубине темной пещеры. Видеть что-либо становилось все труднее. Хотя при этом хотелось, чтобы она не смогла разобрать, что изображено на стенах, но беда в том, что это-то как раз она видеть могла.

Идя по этой пещере, она старалась не приглядываться к странным картинам, покрывавшим каменные стены. Некоторые из них вызывали оторопь. Она не могла даже вообразить, почему кому-то захотелось нарисовать столь ужасные и жестокие сцены, но, несомненно, могла понять, почему их поместили в глубине пещеры и почему кому-то хотелось скрыть столь темные мысли от света дня.

Этот человек неожиданно толкнул ее. Рэчел споткнулась и упала лицом вниз. Она с трудом вдохнула, хватая ртом воздух, восстанавливая дыхание после внезапного падения. Приподнимаясь на руках, сплюнула грязь. И была слишком зла, чтобы плакать.

Бросив через плечо короткий взгляд назад, она увидела, что вместо того чтобы следить за ней, он своими беспокойными золотистыми глазами пристально вглядывается вперед, в темноту, как будто его мысли блуждают где-то далеко-далеко и он попросту забыл о ней. Рэчел оглянулась в сторону света, задумываясь, не дать ли стрекача? Она прикинула, что может притвориться, будто отклоняется к одной стороне пещеры, а затем обманным движением броситься в другую. Это, наверное, удастся. Но он крупнее, чем она, и, без сомнения, способен бежать быстрее, даже если бы ее ноги и не заплетались от усталости. Если бы он не отобрал у нее все ножи... И все же, ей казалось, что если хватит проворства, то, пожалуй, можно и попробовать.

Но прежде чем ей удалось использовать такой шанс, этот человек снова обратил внимание на нее. Он ухватил ее за воротник и поставил на ноги, а затем подтолкнул вперед, в черную утробу пещеры. Рэчел с трудом успевала отыскивать точки опоры для ног среди выступающих камней и перепрыгивать трещины. Заметив какое-то движение впереди, она остановилась.

— Ну-ну... — раздался из темноты впереди тонкий, режущий слух голос. — Посетители.

Последнее слово было растянуто так, что звучало как шипение змеи.

Рэчел ощутила, как по коже пробежал мороз, пока она вглядывалась округлившимися глазами в темноту, заранее перепуганная владельцем столь ужасного голоса.

Из этой темноты, словно из самой преисподней, материализовалась тень и скользнула вперед, к тусклому свету.

Впрочем, Рэчел сразу осознала, что тени не улыбаются. Это была высокая женщина в длинной черной одежде. Длинные жесткие волосы тоже были черными. И, по контрасту, коже ее была такой бледной, что создавалось впечатление, будто лицо плавает в этой темноте само по себе. Она напомнила Рэчел кожу саламандры-альбиноса, которая днем прячется в лесу под листьями на земле и никогда не выходит на солнечный свет. Вся она, от грубой черной ткани одежды до иссушенной кожи, туго обтягивающей суставы пальцев, и жестких волос напоминала высушенный на солнце скелет.

На ее лице застыло некое подобие улыбки, которая, в представлении Рэчел, скорее подходила волку, перед которым неожиданно появился обед.

Хотя ее глаза и были голубыми, но голубизны такой же выбеленной, как и кожа, из-за чего казалось, что она могла быть слепой. Но по тому, как эти глаза внимательно и осторожно осмотрели ее, не оставалось никаких сомнений, что перед ней женщина, которая не только прекрасно видит все на свету, но, вероятно, с таким же успехом и в кромешной тьме.

— Дорого обошлась, — сказал мужчина позади Рэчел. — Эта маленькая дрянь ранила меня ножом в ногу.

Рэчел бросила взгляд назад, через плечо. Она не знала имени мужчины. Он так и не потрудился сообщить ей, как его зовут. С самого момента похищения говорил он очень мало, фактически вел себя так, будто она была не кем-то, а чем-то — неодушевленным предметом, который он просто подобрал для коллекции. То, как он обращался с ней, вынуждало ее чувствовать, что она не более чем мешок с зерном, переброшенный сзади его седла. Но сейчас, в этот самый момент, горе, страх, жажда и голод, не отпускавшие ее в течение долгого путешествия, уступили место гневу, затаившись в глубине сознания.

— Ты убил Чейза, — сказала она. — Ты заслуживаешь большего, чем я смогла сделать.

Женщина нахмурилась.

— Кто это?

— Человек, который был с ней.

— Ах этот, — сказала женщина в черном. — И ты убил его? — В ее голосе присутствовало лишь спокойное любопытство. — Уверен? Ты его похоронил?

Он пожал плечами.

— Полагаю, он мертв... Люди не выживают после таких ран. Магия вполне неплохо укрыла меня, как раз так, как ты и обещала, так что он даже и не заметил, что я был там. Я не стал задерживаться для похорон, поскольку знал, что ты хочешь, чтобы я вернулся как можно скорее.

Ее слабая улыбка стала шире. Подойдя еще ближе, она протянула руку и пробежалась длинными костлявыми пальцами по его густым волосам. Ее призрачные голубые глаза пристально изучали его.

— Очень хорошо, Самюэль, — проворковала она. — Очень хорошо.

Самюэль выглядел как гончая, которую чешут за ухом.

— Благодарю вас, госпожа.

— И ты привез все остальное?

Он с готовностью кивнул. Улыбка сделала его лицо добрым и приятным. Рэчел всегда думала о нем как о недружелюбном человеке, может быть, из-за странных золотистых глаз, но когда он улыбался, это, казалось, маскировало его истинную натуру. С этой улыбкой он выглядел лучше,

чем многие, хотя для Рэчел был и будет всегда сущим чудовищем. Живительная улыбка не меняла того, что он совершил.

У Самюэля же, казалось, внезапно улучшилось настроение. Рэчел еще не видела его таким счастливым. Хотя большую часть времени она провела в мешке, переброшенном через спину его лошади, так что на самом деле не знала, в хорошем он был настроении или нет. Но на самом деле это ее не интересовало.

Она желала ему лишь смерти. Он убил Чейза, самое лучшее, что встретилось Рэчел за всю ее жизнь. Чейз был лучшим из людей, живущих на свете. Чейз подобрал ее, когда она сбежала от королевы Милены, из дворца Тамаранг, и от этой ужасной принцессы Виолетты. Чейз любил ее и заботился о ней. Он учил ее многому, в том числе и тому, как постоять за себя. У него была семья, которую он любил и которая любила его и нуждалась в нем.

А теперь они все потеряли его.

Чейз был такой большой и так ловко обращался с оружием, что Рэчел и не думала, что кто-то способен победить его, особенно какой-то одиночка. Но Самюэль появился, словно призрак, и проткнул Чейза, когда тот спал, проткнул его тем прекрасным мечом, о котором Рэчел знала только одно: он не мог принадлежать ему. Она не хотела даже думать о том, как он заполучил этот меч и кого еще поразил им.

Самюэль стоял с видом идиота, свесив руки, опустив плечи, в то время как женщина проводила пальцами по его волосам, нашептывая успокаивающие, ласковые слова. Это казалось совершенно непохожим на него. До сих пор Самюэль всегда казался собранным и уверенным в себе. Он всегда старался ясно показать Рэчел, что он во всех делах главный. Он всегда и вполне определенно знал, чего хотел. Тем не менее в присутствии этой женщины он казался совершенно другим. Рэчел уже была готова увидеть, что у него вывалится язык и начнется слюнотечение.

— Ты сказал, что привез все остальное, Самюэль, — произнесла она своим шипящим голосом.

— Да. — Он поднял руку, указывая в сторону света. — Это там, на лошади.

— Ну так не оставляй это там, — сказала женщина, в ее голосе стали проскальзывать нетерпеливые нотки. — Иди и принеси это сюда.

— Да... да, сейчас, немедленно. — Казалось, он только и дожидался, чтобы получить ее приказание, и тут же поспешил исполнять его.

Рэчел наблюдала, как он бежит назад, через пещеру, прямо по камням, которые встречались на его пути, время от времени помогая себе руками, отталкиваясь ими, и вот так, спешно, миновал жуткую галерею с рисунками, направляясь к выходу из пещеры. Затем она заметила на темных стенах отблески света. А когда услышала фонтанирующее шипение, то поняла, что это свет от факела. Она повернулась, чтобы посмотреть, кто это еще появился из темноты, неся перед собой огонь.

У Рэчел отвисла челюсть.

Это была принцесса Виолетта.

— Ну и ну, уж не сиротка ли Рэчел вернулась к нам, — сказала Виолетта, вставляя факел в кронштейн на каменной стене, прежде чем занять место рядом с женщиной в черном.

Рэчел чувствовала, что глаза ее вот-вот вылезут из орбит. Ей никак не удавалось закрыть рот. Голос проваливался куда-то в глубину живота.

— Виолетта, дорогая, мне кажется, ты напугала ребенка. Что, язык проглотила, малышка?

Принцесса Виолетта оказалась когда-то лишена языка. Но теперь он к ней вернулся. Каким-то образом, каким невозможным это ни казалось, но он вернулся.

— Принцесса Виолетта...

Виолетта расправила плечи и выпрямила спину. Казалось, она стала в полтора раза больше, чем когда Рэчел видела ее последний раз. Выглядела более упитанной и более взрослой.

— Теперь королева Виолетта.

Рэчел заморгала от удивления.

— Королева?..

От улыбки Виолетты заледенел бы костер.

— Да, именно так. Королева. Моя мать, видишь ли, оказалась убита, когда сбежал тот человек, Ричард. Это он во всем виноват. Он в ответе за смерть моей матери, за смерть нашей

бывшей возлюбленной королевы. Он принес нам всем бедствие и ужасные времена. — Она вздохнула. — Все изменилось. И теперь королева я.

У Рэчел это никак не укладывалось в голове. Королева. Такое казалось попросту невозможным. И совершенно ошеломляющим был тот факт, что Виолетта снова способна говорить, после того как «лишилась языка».

Сухая улыбка скользнула по губам Виолетты, тогда как выражение ее лица помрачнело.

— Так что встань на колени перед своей королевой.

Рэчел словно не понимала смысла произнесенных слов.

Рука Виолетты, протянувшаяся будто ниоткуда, ударила Рэчел с такой силой, что заставила ее потерять равновесие.

— Встань на колени пред своей королевой!

Крики Виолетты отразились эхом в окружающей их темноте.

Задыхаясь от потрясения и боли, Рэчел прижимала одну руку к щеке, в то же время пытаясь опуститься на колени. Она чувствовала, как теплая кровь стекает по подбородку. Виолетта стала намного сильнее, чем прежде.

С этим болезненным ударом на нее словно обрушилось все прошлое, будто все недавнее оказалось сном, а теперь она проснулась в кошмаре прошлой жизни. Она снова была одна, без Джиллера, без Ричарда, без Чейза, и никто не мог ей помочь. Она снова была абсолютно беспомощна перед Виолеттой, без единого друга в целом мире.

Улыбка Виолетты исчезла. Пока она смотрела вниз, на Рэчел, стоявшую перед ней на коленях, ее глаза так сузились, что Рэчел с трудом выдержала этот взгляд.

— Он напал на меня, ты знаешь. В те времена, когда Ричард еще был Искателем Истины, он напал на меня и причинил вред без всякой на то причины. — Она уперла кулаки в бедра. — Он тяжело ранил меня. Напал на ребенка! Сломал мне челюсть. Выбил мне все зубы. У меня был порван язык, как раз так, как он однажды обещал это. И я стала немой.

Ее голос понизился до рычания, от которого Рэчел пробрал до костей мороз.

— Но это были наименьшие из моих страданий.

Виолетта вздохнула, чтобы успокоиться. Ладони ее рук разглаживали на бедрах розовый атлас платья.

— Ни один из советников моей матери не смог хоть чем-то помочь. Они все оказывались лишь самодовольными дураками, когда доходило до того, чтобы сделать хоть что-то стоящее. Они предлагали бесчисленные зелья и снадобья, припарки и заклинания. Они читали молитвы и делали подношения добрым духам. Применяли пиявок и горячие банки. И ничего из этого не помогало. Мою мать похоронили без меня. Некоторое время я была без сознания.

Даже звезды не могли ничего сказать о моем состоянии и шансах на жизнь. А советники просто стояли вокруг, заламывая руки... И, вероятно, загадывали, кто завладеет короной, когда я наконец-то умру. Подозреваю даже, что кое-кто из них наверняка был готов помочь мне отправиться в загробный мир, вслед за матерью. Я слышала их беспокойные перешептывания по поводу того, что я не могу стать королевой.

Виолетта сделала очередной успокаивающий вздох.

— Среди этого боли и страданий, тоски и горя, растущей убежденности, что я скоро буду убита — среди этого кошмара появилась Сикс и помогла мне. — Она жестом указала на женщину, стоявшую рядом с ней. — Как раз в тот момент, когда я нуждалась в этом больше всего, Сикс и помогла мне спастись, помогла спасти корону и сам Тамаранг, когда никто больше не мог или не хотел делать этого.

— Но... но... — запинаясь, проговорила Рэчел, — ты еще недостаточно взрослая, чтобы быть королевой.

Едва слова слетели с ее языка, прежде чем здравый смысл успел остановить их, она поняла, что это ошибка. Теперь другая рука Виолетты понеслась к ней по дуге, чтобы с силой врезаться в другую щеку. Затем Виолетта ухватила ее за волосы и грубо осадила назад, вновь опуская на колени. Рэчел прижала ладонь к месту новой пульсирующей боли, а другой рукой вытерла кровь около рта.

Виолетта лишь пожала плечами, совершенно равнодушная и к боли, и к крови, которые сама же и вызвала.

— Я все-таки выросла за последние несколько лет. И больше не ребенок, каким была прежде, не ребенок, как ты

думала обо мне в то время, когда жила здесь, наслаждаясь нашей добротой и великодушием.

Рэчел не думала, что Виолетта достаточно подросла, чтобы быть королевой, но знала, что говорить это еще раз не стоит. Как знала и то, что под «добротой» она понимает рабство.

— Сикс помогла мне выздороветь и возродиться. Она спасла меня.

Рэчел пристально вгляделась в улыбающееся бледное лицо.

— Я всего лишь предложила свои услуги. Виолетта пригласила меня в свой дворец. Советники ее матери и в самом деле не сделали ничего для нее.

— Сикс использовала свою магию, чтобы излечить мою покалеченную челюсть. Я была совсем слабой из-за того, что могла лишь с трудом цедить бульон. Благодаря Сикс я наконец-то стала способна снова есть, и силы вернулись ко мне. И даже выросли новые зубы. Не думала, что у кого-то может появиться третья смена зубов, и тем не менее у меня они выросли.

Но я все еще не могла говорить, так что, когда вполне поправилась и окрепла, Сикс использовала свои удивительные силы, чтобы отрастить мне новый язык. — Ее свисавшие по бокам руки напряженно сжались в кулаки. — Язык, которого я лишилась по милости Искателя Истины.

— Бывшего Искателя Истины, — едва слышно поправила ее Сикс.

— Бывшего Искателя Истины, — подтвердила Виолетта значительно спокойней. Самодовольная улыбка вернулась на ее пухлое лицо. Рэчел очень хорошо знала эту улыбку. — А теперь и тебя тоже вернули нам. — Ее тон выражал угрозу, не оформленную в словах.

— А что же остальные? — спросила Рэчел, пытаясь выиграть время для раздумий. — Все те советники королевы?

— Королева — я! — Казалось, заметно выросла не только сама Виолетта, но и ее крутой нрав.

Мягкое прикосновение Сикс к спине Виолетты вызвало короткий взгляд вверх и последующую улыбку на лице. Она снова сделала успокаивающий вздох, почти так, будто получила напоминание следить за своими манерами.

Наконец она ответила на вопрос Рэчел.

— Я не нуждаюсь в советниках моей матери. К тому же все они были совершенно бесполезны. Теперь вместо всех них Сикс, и она справляется с этим куда лучше, чем любой из тех дураков.

И, в конце концов, ведь никто из них не смог тогда вырастить мне новый язык, да и теперь не смог бы.

Рэчел взглянула на Сикс. Волчья улыбка снова проступила на ее лице. А призрачно-голубые глаза, казалось, заглядывали прямо в обнаженную душу Рэчел.

— Сделать такое — превосходит их возможности, — сказала женщина тихим голосом, но таким, что скрывал отзвуки глубочайшей силы. — Однако мне это оказалось вполне под силу.

Рэчел задалась вопросом, приказала ли Виолетта казнить всех этих советников? Когда она последний раз была во дворце, Виолетта, сидевшая рядом с матерью, только начинала отдавать приказы о смертных казнях. Теперь же, будучи королевой и имея Сикс за спиной, она ничем не ограничена в своих прихотях.

— Сикс вернула мне язык. И вернула мне голос. Искатель Истины думал, что забрал все это у меня, но теперь оно вернулось ко мне. Тамаранг в полной безопасности в моих руках.

Не будь это столь пугающим, столь ужасающим, Рэчел рассмеялась бы от одной мысли, что Виолетта будет королевой. Рэчел была подругой детства Виолетты, ее компаньонкой — а на практике всего лишь ее личным рабом. Мать Виолетты, королева Милена, взяла Рэчел из сиротского приюта, чтобы Виолетта на ней училась управлять, училась на ком-то, кто ее моложе, чтобы легче было манипулировать и принуждать к чему-то.

Рэчел не просто сбежала, но прихватила с собой самую ценную вещь Милены, шкатулку Одена, которую в итоге передала Ричарду, Зедду и Чейзу.

Это было много лет тому назад. Сейчас Виолетта выглядела почти повзрослевшей, хотя Рэчел плохо разбиралась в оценке возраста людей. Но она была намного крупнее, чем в последний раз, когда девочка видела ее, это можно сказать с уверенностью. Ее блеклые волосы стали еще длиннее. Кости

окрепли и стали основательнее. Как и вся фигура, ее лицо по-прежнему оставалось округлым и пухлым, но с присутствием этих маленьких, темных, расчетливых глаз утратило детские черты. Грудь больше не была плоской, а увеличилась до размеров, свойственных взрослой женщине. Она выглядела как взрослая особь, только что вывалившаяся из кокона. Она всегда была заметно старше Рэчел, но сейчас, казалось, сделала резкий рывок и увеличила этот разрыв. И даже при всем этом далеко не казалась достаточно взрослой, чтобы быть королевой.

Но была ею.

Рэчел испытывала страшную боль, опираясь на камни голыми коленями. И все же не отважилась попросить разрешения встать. Напротив, она поинтересовалась:

— Виолетта?..

Последовал звонкий шлепок.

Прежде, чем у нее нашлось время подумать, Виолетта ударила ее, совершенно неожиданно, как будто так и не дождалась извинения. У Рэчел все поплыло в глазах. Ей показалось, что этот удар выбил зуб, и она с большой осторожностью ощупала весь рот языком, убеждаясь, что все зубы пока на месте.

— Королева Виолетта, — прорычала Виолетта. — Только сделай еще раз подобную ошибку, и тебя отправят на пытки, как подстрекателя к государственной измене.

Рэчел ничего не оставалось, как проглотить застрявший в горле комок ужаса.

— Да, королева Виолетта.

Виолетта улыбнулась, переживая очередной триумф. Несомненно, она была королевой.

Рэчел знала, что Виолетта имеет склонность только к наиболее изысканным вещам, к тонкой работы отделке, будь то драпировка или посуда, к самым красивым платьям и самым лучшим драгоценным камням. Она всегда требовала, чтобы ее окружало все только самое дорогое — так было в те времена, когда она была всего лишь принцессой. И казалось совсем для нее неподобающим, что она находится в пещере.

— Королева Виолетта, а что ты делаешь в этой пещере?

Виолетта с минуту пристально разглядывала ее, затем помахала чем-то, напоминавшим кусок мела, перед лицом Рэчел.

— Мое наследство. Наследие предков.

Рэчел ничего не поняла.

— Твое что?

— Мой дар. — Она небрежно пожала плечами. — Ну, не совсем дар, но нечто подобное. Понимаешь, у меня довольно длинная генеалогическая линия, состоящая из художников. Ты помнишь Джеймса? Художника при дворе?

Рэчел кивнула.

— Он был однорукий.

— Да, — растягивая слова, проговорила Виолетта, — он несколько завысил оценку своих достоинств. Просто потому, что был родственником королевы, он думал, что нескромность может сойти ему с рук. И убедился, что все не так.

Рэчел в удивлении захлопала ресницами.

— Родственник?

— Дальний кузен или что-то в этом роде. Наследник небольшого ответвления королевской линии. А именно наша родословная включает уникальную способность... к живописи. Семья правителей Тамаранга все еще сохраняет по наследству этот древний талант. Моя мать не имела таких способностей, но, как оказалось, она передала этот талант мне. Хотя в то время единственным, кого мы знали в качестве обладателя такого таланта, был Джеймс. Именно поэтому он и служил в качестве художника при дворе, служил короне, то есть моей матери, королеве Милене.

Искатель Истины... бывший Искатель Истины, тот самый Ричард, прежде чем вызвать все те неприятности, что привели к убийству моей матери, убил Джеймса. И наша земля, впервые в истории, осталась без особого художника... защитника короны.

Тогда еще не было известно, что я действительно обладаю этим древним талантом. — Она указала на высокую женщину рядом с собой. — Это Сикс помогла мне раскрыть его. Она рассказала мне о моих удивительных способностях. И она же помогала научиться использовать его, руководя моими... упражнениями в живописи.

Множество людей были против того, чтобы я стала королевой. Среди них даже высшие советники короны. К счастью, Сикс вовремя рассказала мне об этих тайных планах. — Она подняла мел перед лицом Рэчел. — Предатели обрели свои портреты на этих стенах. Я позаботилась, чтобы каждый узнал, что случается с предателями. С помощью этого, с помощью Сикс и с помощью ее мудрости я стала королевой. И люди больше не смеют выступать против меня.

Еще живя во дворце, Рэчел думала, что Виолетта крайне радикальна. В то время она не имела и представления о том, насколько опасной та станет впоследствии. И Рэчел охватило чувство сокрушительной беспомощности.

Виолетта и Сикс подняли глаза, услышав, что Самюэль возвращается. Опасаясь, что Виолетта может захотеть ударить ее еще раз, Рэчел решила не поворачиваться и не смотреть, хотя и слышала пыхтение Самюэля, когда тот подошел ближе.

Виолетта взмахнула рукой, приказывая Рэчел отойти в сторону и освободить дорогу. И Рэчел тут же поспешила исполнить это, будучи счастлива оказаться подальше от рук Виолетты, если уж не от ее власти.

Самюэль принес кожаную сумку, затянутую шнурком. Очень осторожно опустил ее и открыл. Только после этого поднял глаза на Сикс. Та шевельнула рукой, поторапливая его с этим делом.

Внутри оказалось что-то типа ларца. Когда он был извлечен из сумки, Рэчел увидела, что он черный, как конец света. Ей даже подумалось, что их всех вполне может втянуть в эту черную пустоту, и они окажутся где-то в преисподней.

Удерживая на одной руке эту пагубную вещь, Самюэль протянул ее Сикс. Улыбаясь, ведьма сняла шкатулку с его руки.

— Как и было обещано, — сказала она Виолетте, — я дарю тебе эту шкатулку Одена, шкатулку королевы Виолетты.

Рэчел припомнила, что королева Милена брала в руки эту же самую шкатулку и с тем же самым выражением благоговейного почитания. За тем исключением, что сейчас шкатулка не покрыта серебром, золотом и драгоценными

камнями. Зедд рассказал Рэчел, что настоящая шкатулка Одена как раз и находилась под теми самыми камнями и украшениями. Это, должно быть, та самая шкатулка, что была спрятана под украшениями, когда Рэчел тайно похитила ее из дворца, сделав все в точности так, как ее просил волшебник Джиллер.

Теперь Джиллер мертв, Ричард давным-давно лишился своего меча, а Рэчел снова вернулась в лапы Виолетты. А сама Виолетта теперь владеет той бесценной шкатулкой Одена, так же, как ею владела ее мать.

Виолетта самодовольно улыбалась.

— Вот видишь, Рэчел? Какая нужда мне в тех старых бесполезных советниках? Способны ли они довести до конца хоть что-то из того, что смогла я? Видишь, в отличие от безвольных, нерешительных людей, которых ты упомянула, я всегда, упорно и настойчиво стремилась к цели, пока не добивалась успеха. Вот что значит быть королевой.

Я получила назад шкатулку Одена. И я вернула тебя. — Она вновь помахала мелом. — И я верну назад и Ричарда, чтобы увидеть, как он будет наказан.

Сикс вздохнула.

— Ну, довольно этих встреч и воспоминаний о прошлом. Ты получила все, о чем просила. Самюэлю и мне необходимо поговорить о следующем задании, а тебе нужно продолжить уроки рисования.

Виолетта заговорщически улыбнулась.

— Ах да, мой урок. — Она вновь пристально взглянула на Рэчел. — Во дворце тебя дожидается железный сундук. Вопросом о твоем наказании займемся чуть позже.

Сикс чуть наклонила голову.

— Тогда я пойду, моя королева.

Виолетта жестом руки подтвердила разрешение. Сикс, подхватив Самюэля под руку, отправилась с ним куда-то. Ему приходилось следить за равновесием, когда ступал по камням или перешагивал через них. Сикс же, казалось, легко скользила в сумрачном свете, без малейших затруднений.

— Иди за мной, — сказала Виолетта притворно веселым тоном, от которого у Рэчел едва не застыла кровь. — Можешь понаблюдать, как я рисую.

Как только Виолетта быстрым движением схватила факел, Рэчел поднялась на нетвердых ногах, а затем последовала за своей королевой. Свет от мерцающего пламени освещал стены, покрытые бесконечными рисунками самых ужасных вещей, проделываемых над людьми. На стенах не оставалось ни единого места, не занятого какой-нибудь такого рода ужасающей сценой. Рэчел очень не хватало Чейза, не хватало его утешения и его улыбки, появляющейся всякий раз, когда ей что-то хорошо удавалось, и его ободряющей руки на ее плече. Она так любила его. И вот Самюэль убил его, убил все ее надежды и мечты. Она чувствовала тупое отчаяние, следуя за Виолеттой, все дальше и дальше углубляясь в темноту и безумие.

Глава 22

Никки издалека заметила Ричарда на крепостном валу, стоящего у амбразуры внешней стены, вблизи основания взмывавшей вверх башни, и смотрящего на раскинувшийся далеко внизу заброшенный город. Сумерки приглушали краски умиравшего дня, превращая далекие волны по-летнему зеленых полей в серую массу. Кара стояла с ним рядом, молчаливая, но внимательная.

Никки достаточно хорошо знала Ричарда, и потому легко могла читать его напряженную позу. Знала она и то, что нарочитое спокойствие Кары отражает понимание этого напряжения. Никки подавила поднимающееся глубоко изнутри беспокойство.

Над головой клубились синевато-серые облака, брызгая время от времени крупными каплями дождя. С горных перевалов доносились раскаты грома, сулившие ночную бурю. Несмотря на темные синеватые облака, в воздухе было удивительно спокойно. Дневная жара неожиданно спала, словно вспугнутая предстоящей грозой.

Никки остановилась, оперлась рукой на стену возле амбразуры и глубоко вдохнула влажный воздух.

— Рикка сказала, что ты хотел видеть меня. Сказала, что это срочно.

Ричард выглядел под стать надвигавшейся грозе.

— Мне надо ехать. Немедленно.

Никки почему-то ожидала именно этого. Она взглянула мимо Ричарда на Кару, но та оставалась непроницаема. Вот уже несколько дней Ричард был погружен в раздумья. Он казался тихим и отчужденным, обдумывая все, что узнал от

Джебры и Шоты. Зедд советовал оставить его один на один с этими размышлениями. Никки и не требовался подобный совет; она, пожалуй, как никто другой понимала его мрачное настроение.

— Я отправляюсь с тобой, — сказала она, тоном внятно указывая, что не оставляет места для дискуссий.

Он рассеянно кивнул.

— Неплохо, если ты будешь рядом. Особенно в этом деле.

Таким образом, Никки не пришлось спорить с ним, но от последних слов узел тревоги и беспокойства затянулся снова. В воздухе словно присутствовало осязаемое ощущение опасности. Но ее заботой было обеспечить — куда бы он ни отправился — его защиту, по мере всех доступных сил.

— И Кара тоже отправится с нами.

Взгляд его был по-прежнему устремлен вдаль.

— Да, конечно.

Она поняла, что он смотрит на юг.

— Теперь, когда Том и Фридрих вернулись, Том будет настаивать, чтобы отправиться с нами. Его способности тоже будут весьма полезными.

Том входил в элитный отряд защитников Лорда Рала. Несмотря на дружелюбную внешность, он действовал более чем устрашающе, когда дело касалось его обязанностей. Одной лишь приятной улыбки было недостаточно, чтобы занимать важное положение при Лорде Рале. Подобно другим защитникам Ричарда, выходцам из Д'Хары, Том ревностно относился к своим обязанностям.

— Он не сможет отправиться с нами, — сказал Ричард. — Ведь будем путешествовать с помощью сильфиды. На это способны только Кара и ты. И я, конечно.

Никки стойко переварила известие о предстоящем путешествии такого рода.

— И куда же мы отправляемся?

Тут наконец его серые глаза обратились к ней. Он пристально посмотрел в ее глаза, так, как для него характерно, как будто заглядывал прямо в душу.

— Я наконец-то постиг это.

— Постиг что?

— Что мне следует делать.

Никки ощущала, как ее пальцы покалывает в предчувствие неведомой опасности. Во взгляде этих серых глаз была такая решимость, что ее пробрал страх.

— И что же тебе следует делать, Ричард?

С минуту он пребывал в замешательстве.

— Поблагодарил ли я тебя за то, что ты остановила Шоту, когда та коснулась меня?

Никки ничуть не смутило, что Ричард так резко сменил тему. Она уже свыклась с этой его манерой. Особенно характерным это становилось, когда он бывал чрезмерно встревожен. Чем более он был взволнован, тем больше, казалось, самого разного толкалось одновременно в его голове, словно ураган внутренней активности вытягивал все подряд в беспокойный вихрь размышлений.

— Ты поблагодарил меня, Ричард.

Почти сотню раз.

Он слегка кивнул.

— Хорошо, спасибо.

Его тон стал отсутствующим, далеким, будто он целиком погрузился в решение какого-то таинственного уравнения, от которого зависело будущее.

— Она ввергла тебя в какие-то мучения.

Это был не вопрос, а скорее утверждение, к которому Никки пришла и в которое с каждым днем после отъезда Шоты верила все больше и больше. Никки не знала, что сделала Шота, но сожалела, что допустила даже это короткое прикосновение. Трудно представить, как много может ведьма выразить и передать в подобном действии, даже в столь коротком, каким оно было. Молния, в конце концов, тоже длится очень недолго. Ричард так и не рассказал, что показала ему Шота, но это была область, ступать в которую Никки почему-то опасалась.

Ричард тяжело вздохнул.

— Да, она кое-что сделала. Показала мне правду. И эта правда отчасти помогла прийти к пониманию, что именно я и должен делать. Как бы я ни страшился этого...

Когда он замолчал, Никки терпеливо подтолкнула его:

— Так что тебе следует сделать?

Пальцы Ричарда сжали камень стены, когда он вновь посмотрел на темнеющую равнину далеко внизу, а затем на мрачное нагромождение горных вершин, поднимавшихся за ней.

— Я был прав с самого начала. — Его взгляд вернулся к Каре. — Прав, когда забрал тебя и Кэлен в эти горы, в глубину Вестландии.

Кара нахмурилась.

— Я помню, ты говорил, что мы отправились в эти пустынные горы из-за того, что ты пришел к пониманию, что мы не сможем выиграть войну, непосредственно сражаясь с армией Имперского Ордена. Ты сказал, что не можешь вести войска в битву, в которой их без сомнения ждет полное поражение.

Ричард кивнул.

— И я был прав. Теперь я это знаю. Мы не можем победить их армию. Шота помогла мне понять это. Возможно, она и пыталась уверить меня, что следует вступить в сражение с ними, но, отчасти благодаря всему тому, что сообщили она и Джебра, теперь я понял, что мы не можем победить их в битве. Теперь я знаю, как надо действовать.

— И как же? — настаивала Никки.

Наконец Ричард отступил от каменного зубца.

— Нужно поторапливаться. У меня нет времени излагать все это прямо сейчас.

Никки тронулась вслед за ним.

— Я уже многое сопоставила. И готова понять. Ричард, почему ты не можешь сказать мне, какое решение принял?

— Я скажу, — ответил он. — Позже.

— Ты попусту тратишь силы, — едва слышно сказала Кара, обращаясь к Никки, когда зашагала рядом с ней позади Ричарда. — Я уже устала пытаться вытянуть из него это.

Ричард, слышавший замечание Кары, взял Никки за руку и потянул ее вперед.

— Я еще не до конца это все обдумал. Мне еще нужно сложить вместе отдельные части. Я объясню позже, когда мы окажемся на месте, объясню это сразу всем — но сейчас... сейчас у нас просто нет времени. Договорились?

— Окажемся где? — спросила Никки.

— В д'харианской армии. Очень скоро в Д'Хару войдут главные силы Джеганя. И я должен сообщить нашей армии, что мы не в состоянии выиграть битву с надвигающимся на них войском.

— Ну, это должно поддержать их дух, — сказала Кара. — Ничто так не улучшает моральное состояние солдат накануне боя, как сообщение их предводителя о том, что им предстоит проиграть сражение и умереть.

— Мне следует сказать им вместо этого ложь? — спросил он.

Ответом Кары на это был только сердитый взгляд.

На краю крепостного вала, у самого основания башни, Ричард открыл тяжелую дубовую дверь. В помещении внутри горели несколько ламп. Никки услышала, как кто-то торопливо поднимается к ним по каменным ступеням.

— Ричард! — Это был Зедд, за которым по пятам следовал рослый светловолосый уроженец Д'Хары Том.

Ричард остановился, поджидая, когда его дед доберется до верхних ступеней и окажется в этой простой каменной комнате. Зедд подбежал ближе, хватая ртом воздух.

— Ричард! Что случилось? Прибежала Рикка и спешно сообщила, что ты уходишь.

Ричард кивнул.

— Я просто хотел, чтобы ты знал, что я собираюсь уйти, но я не планирую отсутствовать долго. Вернусь через несколько дней. Надеюсь, что тем временем ты, Натан и Энн сможете найти в книгах что-нибудь, что поможет разобраться с магией Огненной Цепи. Может быть, ты даже придумаешь, как исправить искажениям, внесенные гармониями.

Зедд с раздражением отмахнулся от такого совета.

— А заодно, раз уж ты здесь, не мог бы ты очистить небо от этой грозы?

— Зедд, не сердись. Я должен отправляться.

— Хорошо, но куда ты отправляешься... и зачем?

— Я готов сопровождать вас, Лорд Рал, — сказал Том, торопливо входя в комнату.

— Извини, — сказал ему Ричард, — но ты не сможешь пойти с нами. Мы отправимся в путешествие с помощью сильфиды — точнее, внутри нее.

Зедд вскинул руки.

— Ох уж эта сильфида! Ты изо всех сил убеждаешь меня, что магия терпит неудачу за неудачей, а теперь сам намерен доверить собственную жизнь магическому существу? Ты потерял рассудок, Ричард? Что вообще происходит?

— Я вполне осознаю опасность, но вынужден пойти на подобный риск. — Ричард указал рукой. — Ты знаешь вот этот символ, «вспышка звезды», изображенный на двери анклава Первого волшебника? — Когда Зедд кивнул, Ричард похлопал по верхушке своего серебряного браслета. — Он точно такой же, как и вот этот.

— Ну и что? — спросил Зедд.

— Помнишь, я говорил тебе, что он означает? Это предупреждение: не позволять мыслям сосредотачиваться на единственном предмете. Напоминание о том, что следует смотреть одновременно во все стороны и избегать привлечения всего внимания к чему-то одному. Это означает, что ты не должен позволять врагу отвлекать твое внимание и фокусировать его на том, чего тебе надлежит видеть по его желанию. Если ты поддашься на его уловки, то упустишь что-то важное.

— Вот именно от уловки я и сбегаю. Джегань принуждает меня — принуждает всех — сосредоточить внимание на одном-единственном. И я, как дурак, тоже это делал.

— Его армия, — предположила Никки. — Ты это имел в виду? Именно то, что мы все сосредоточили внимание на силах вторжения?

— Вот именно. Знак взрывающейся звезды означает, что нужно быть открытым для всего, что только есть, и никогда не выбирать что-то одно, даже когда пронзаешь своего врага. Это означает, что вместо того, чтобы фокусировать внимание на одном, следует держать разум открытым для всего, даже когда необходимо держать в центре внимания одну, главную угрозу.

Зедд вскинул голову.

— Ричард, тебе следует все же сфокусировать внимание на угрозе, которая скоро уничтожит тебя. Ведь его армия насчитывает миллионы человек. Они собираются сокрушить все, что противостоит им, и превратить нас в рабов.

— Я знаю. Но мы не сможем победить их; мы проиграем битву.

Лицо Зедда стало багровым.

— Стало быть, ты предлагаешь позволить их армии захватить в Новый мир, не встречая никакого сопротивления? Твой план состоит в том, чтобы позволить армии Джеганя свободно грабить города и творить все то, что, по рассказам Джебры, происходило в Эбиниссии? Ты собираешься запросто позволить, чтобы всех этих людей перерезали или превратили в рабов?

— Думай о решении, — напомнил Ричард деду, — а не о проблеме.

— Не слишком утешительный совет для тех, чьи глотки вот-вот перережут.

Ричард застыл и уставился на деда, по-видимому онемев от его слов.

— Послушай, — сказал наконец Ричард, зачесывая рукой волосы назад, — сейчас у меня нет времени, чтобы обсуждать все это. Я поговорю с тобой об этом, когда вернусь. Сейчас время дорого. А я и так потерял его уже слишком много. И теперь надеюсь только, что его осталось у нас еще достаточно.

— Достаточно для чего? — едва не прорычал Зедд.

Никки услышала, что еще кто-то торопливо поднимается по лестнице. И тут же в комнату стремительно ворвалась Джебра.

— Что случилось? — спросила она Зедда.

Зедд махнул рукой в сторону Ричарда.

— Мой внук решил, что мы должны проиграть войну и что нам не следует сражаться с армией Джеганя.

— Лорд Рал, ты не можешь всерьез думать об этом, — сказала она. — Ты не можешь всерьез думать о том, чтобы позволить этим животным... — тут голос Джебры затих, тогда как она пошла вперед, пристально глядя на Ричарда. И замерла посреди движения. Затем, спотыкаясь, отступила на шаг.

Кровь отлила от ее лица. Челюсть отвисла и подрагивала, пока она безуспешно пыталась выговаривать слова. Черты ее лица исказил страх. Голубые глаза глубоко закатились, а сама она погрузилась в обморок.

В тот момент, когда Джебра начала опрокидываться на спину, Том подхватил ее на руки и осторожно уложил на гра-

нитный пол. Все плотным кольцом окружили бесчувственную женщину.

— Что случилось? — спросил Том.

— Не знаю, — сказал Зедд, опускаясь на колени рядом с ней и прикладывая пальцы к ее лбу. — Она потеряла сознание, но не знаю, почему.

Ричард направился к железной лестнице, ведущей вниз, внутрь башни.

— Оставляю ее на твое попечение, Зедд, — ты ведь прекрасный целитель. Так что она в хороших руках. Сейчас у меня нет возможности продолжать терять время.

Он обернулся, стоя на ступенях.

— Я вернусь как можно скорее... обещаю. Вряд ли мы будем отсутствовать больше нескольких дней.

— Но, Ричард...

Он уже спускался по железным ступеням.

— Я вернусь, — крикнул он, и эхо повторило его слова во мраке.

Кара без всяких колебаний последовала за ним вниз, в темную башню.

Никки не хотела, чтобы он отправился без нее, но она знала, что ему еще предстоит вызвать сильфиду, так что несколько минут в запасе было. Пока Зедд прощупывал различные точки на голове Джебры, Никки присела напротив него на корточки рядом с бесчувственной пророчицей.

Никки потрогала лоб женщины.

— У нее жар.

Зедд поднял на нее глаза, и от этого взгляда у нее едва не замерло сердце.

— У нее видение.

— Откуда ты знаешь?

— Мне известно кое-что, в общих чертах, относительно пророков, но она особенная пророчица. Ее проницательность очень мощная. Джебра чувствительнее многих других. Ее эмоциональность в сочетании с определенной разновидностью способности к видениям иногда доводят ее до истощения. Вот и это видение, должно быть, содержало нечто слишком сильное, что и привело к потере сознания.

— Думаешь, это как-то связано с Ричардом?

— Не могу ничего сказать, — ответил старый волшебник. — Только она может рассказать нам об этом.

Возможно, Зедд не хотел попусту строить догадки, но ведь Джебра очень пристально смотрела в глаза Ричарда как раз перед тем, как упасть в обморок. Но у Никки не было времени проявлять терпение и осторожность. Она не могла позволить Ричарду уйти без нее — а она знала, что он наверняка поступит так, если ее не окажется на месте, когда он будет готов к отправлению... Но в то же время она не могла уйти, не выяснив, было ли у Джебры видение, относящееся к Ричарду, способное выявить нечто важное.

Никки просунула ладонь под шею женщины и сжала пальцами основание черепа.

— Что ты делаешь? — с явным подозрением спросил Зедд. — Если именно то, что я думаю, то это не просто безрассудно, а крайне опасно.

— Как и неведение, — сказала Никки, высвобождая поток силы.

Глаза Джебры внезапно открылись. Она тяжело дышала.

— Нет...

— Ну вот, ну вот, — успокаивал ее Зедд, — все в порядке, моя дорогая. Мы здесь, рядом с тобой.

— Что ты видела? — спросила Никки, переходя сразу к делу.

Испуганные глаза Джебры теперь обратились к Никки. Она потянулась и ухватила ворот ее платья.

— Не оставляйте его одного!

Для Никки не было никакой необходимости спрашивать, о ком говорит Джебра.

— Почему? Что ты видела?

— Не оставляйте его одного! Не позволяйте ему исчезать из вашего поля зрения... ни на мгновение!

— Почему? — снова спросила Никки. — Что случится, если он останется один?

— Если вы оставите его одного, он окажется потерян для нас.

— Каким образом? Что ты видела?

Джебра еще потянулась и обеими руками постаралась приблизить лицо Никки.

— Иди. И не оставляй его одного. Что я видела — неважно. Если он не останется один, этого не произойдет. Ты понимаешь? Если вы позволите ему отделиться от тебя и от Кары, то вообще будет неважно, что я видела... Это будет неважно для любого из нас. Я не могу рассказать тебе обо всех средствах и способах разъединения, только постарайтесь, и, как угодно, не дайте этому произойти. Это все, что действительно важно. Иди! И оставайся все время с ним!

Никки с трудом сдержалась и кивнула.

— Тебе лучше сделать так, как она говорит, — сказал Зедд. — Тут я ничем помочь не смогу. С этим придется разбираться тебе.

Он потянулся и пожал ее руку, не как Первый волшебник, а как дед Ричарда.

— Оставайся возле него, Никки. Защищай его. Во многих отношениях он по-прежнему Искатель Истины и он Лорд Рал, предводитель Д'Харианской империи, то есть всех, кто населяет Д'Хару, но, с другой стороны, в глубине души он все еще лесной проводник. Он просто наш Ричард. Так, пожалуйста, защити его. Мы все полагаемся на тебя.

Никки уставилась на него, изумленная этим призывом, показавшимся ей неожиданно слишком личным, призывом, который, казалось, вознесся выше всех нужд по защите свободы Нового мира и свел все к простой любви к Ричарду как человеку. В это мгновение она поняла, что без искренней и простой заботы о Ричарде ничто остальное не имеет значения.

Как только она собралась подняться, Джебра вновь потянула ее вниз.

— Это видение не относится к разряду условных — «может быть, а может и не быть». Это несомненный факт. Не позволяй ему оставаться одному, иначе он окажется в ее власти.

— В чьей власти?

Джебра прикусила нижнюю губу, готовая вот-вот заплакать.

— Черной волшебницы.

Никки вздрогнула от волны леденящего страха, прокатившейся по ее плечам.

— Иди, — прошептала Джебра. — Пожалуйста, иди. Поторопись. Не позволяй ему оставаться без тебя.

Никки вскочила на ноги и побежала через комнату. Возле лестницы она задержалась и повернулась назад. Сердце колотилось так сильно, что отдавалось даже в ногах.

— Клянусь, Зедд. Он будет под моей защитой, пока я буду дышать.

Она увидела, как он кивнул и слеза скатилась по его обветренной щеке.

— Поторопись.

Никки повернулась и побежала вниз по железным ступеням, перепрыгивая сразу через две. Эхо разносило звуки ее торопливого спуска по гигантской башне. Ее крайне беспокоило, что еще видела Джебра в своем видении? И что ждет Ричарда, если вдруг он отделится от них, если останется один? Но в конце концов Никки решила, что не имеет значения, какая именно судьба предсказывается видением, значение имеет лишь то, что Никки не позволит этому, неважно чему именно, случиться.

Стая летучих мышей расправила крылья, заполнив башню, взлетая к окнам наверху, отправляясь на ночную охоту, в то время как Никки продолжала сбегать по ступеням. От порывистого звука тысяч перепончатых крыльев казалось, будто башня издавала протяжный низкий стон. Никки без задержки проскакивала железные двери на лестничных площадках, иногда хваталась для устойчивости за перила. В самом низу она побежала по круговой галерее вокруг застоявшейся зловонной воды в самом основании башни. Черная поверхность покрывалась рябью всякий раз, когда в глубине этого чернильного убежище двигались какие-то мелкие существа.

Никки пробежала через дверной проем, открывшийся взрывом в тот момент, когда Ричард разрушил великий барьер, отделявший Древний мир от Нового. Такие башни, что возвышались над этим барьером, стояли со времен великой войны, вот уже три тысячи лет. До недавнего времени Джегань и его армия, армия Имперского Ордена, не были способны пересечь этот барьер. Но Ричард разрушил башни, чтобы иметь возможность вернуться в Новый мир после то-

го, как был насильно доставлен во Дворец Пророков, и в результате Имперский Орден получил возможность вторгнуться в Новый мир. Сама эта война случилась не по вине Ричарда, но она не разгорелась бы с такой силой, не будь барьер разрушен.

Ричард и Кара стояли и ждали прямо на стенке огромного колодца, которым пользовалась сильфида — существо, которое тоже было отгорожено вместе с Древним миром все то время, пока существовал великий барьер.

Живая, подвижная как ртуть физиономия сильфиды, видневшаяся позади Ричарда и Кары, уставилась на Никки, когда та торопливо вбежала в комнату.

— Ты тоже хочешь попутешествовать? — спросила ее сильфида своим внушающим суеверный страх жутковатым голосом, эхом отразившимся от каменных стен.

— Да, я хочу попутешествовать, — сказала Никки едва слышно, подбирая свой заплечный мешок. Сюда его, должно быть, принесла Кара. — Спасибо, — поблагодарила Никки представительницу морд-ситов.

Ричард протянул руку, как только Никки просунула свою через лямку и забросила мешок себе на спину.

— Присоединяйся.

Никки взяла его руку и позволила подтянуть себя на стенку колодца одним мощным рывком. Сердце Никки билось так, будто было готово выпрыгнуть через горло. Ей уже доводилось раньше путешествовать таким вот образом, так что она знала ошеломляющий восторг этого приключения, и тем не менее не могла отделаться от страха, что придется вдохнуть живую ртутную амальгаму сильфиды — такое шло вразрез с самим принципом дыхания как главного проявления жизни.

— Тебе понравится, — сказала сильфида, как только Никки присоединилась к остальным. Спорить она не стала.

— Давайте отправляться, — сказал Ричард. — Я желаю попутешествовать.

Блестящая лапа вытянулась из колодца и обхватила Ричарда и Кару. Но не Никки.

— Подожди! — воскликнула та. — Я должна отправиться вместе с ними. — Сильфида остановилась. — Послушай меня,

Ричард. Ты должен держать меня и Кару за руки. Ни в коем случае не отпуская.

— Никки, ведь ты уже делала это раньше. Это будет...

— Послушай! Кара и я верим тебе, и ты должен верить нам. Тебе не следует отделяться от нас. Ни при каких обстоятельствах. Даже на мгновение. Если такое случится, тогда ты будешь потерян для всех нас. Если такое случится, тогда всему, что ты планируешь, не суждено осуществиться.

Ричард с минуту молча изучал ее лицо.

— Так, значит, Джебра имела видение о чем-то, что должно произойти?

— Только если ты отделишься от нас. Только в том случае, если ты окажешься один.

— Что она видела?

— Ведьму. Сикс. Джебра называет ее «черная волшебница».

Ричард еще с минуту изучал ее лицо.

— Шота отправилась по следу Сикс.

— Это так, но Сикс уже захватила полноту власти над владениями Шоты.

— Может быть, на какое-то время. Но мне не хотелось бы оказаться на ее месте, когда Шота доберется до нее. Шота покрыла свой трон шкурой последнего из тех, кто попытался захватить ее владения. А это был волшебник.

— Не сомневаюсь, что Шота очень опасна, но мы не знаем, насколько опасна эта Сикс. Дар такого рода бывает очень разным, индивидуальным. Шота в итоге может оказаться не сравнимой по своим возможностям с Сикс. Мне известно, что даже сестры Тьмы побаивались ее. Джебра имела ужасающее видение, и она сказала, что нельзя позволять тебе оставаться одному. И я не собираюсь позволить, чтобы ее видение получило хоть какой-то шанс на то, чтобы могло сбыться.

Должно быть, он прочитал решимость на лице Никки, потому что согласно кивнул.

— Хорошо. — Он взял ее руку, затем взял руку Кары. — В таком случае, не будем разъединять наших рук, и тогда нам не о чем беспокоиться.

Никки согласно пожала его руку и наклонилась мимо него к Каре:

— Ты поняла? Мы не можем позволить ему исчезать из поля нашего зрения. Ни на мгновение.

Кара нахмурила лоб.

— Будь моя воля, я вообще не позволяла бы ему скрываться от моих глаз.

— Так куда же вы хотите отправиться? — спросила сильфида.

Никки бросила взгляд на Ричарда и Кару, а затем поняла, что вопрос относился к ней.

— Туда же, куда отправляются и они.

На лице сильфиды отразилось неприкрытое лукавство.

— Я не могу раскрывать намерения других моих клиентов, когда они находятся внутри меня. Скажи мне, чего ты хочешь, и я постараюсь угодить тебе.

Никки обратила недовольный взгляд к Ричарду.

— Она никогда и никому не передает чужих секретов; это своего рода профессиональная этика. Мы отправляемся в Народный Дворец.

— В Народный Дворец, — подтвердила Никки. — Я хочу отправиться в Народный Дворец.

— Она отправляется вместе с Карой и со мной, — сказал Ричард сильфиде. — В то же самое место. Ты поняла? И она будет оставаться с нами во время путешествия туда.

— Да, Хозяин. Мы попутешествуем. — И лицо, напоминавшее чрезмерно полированную статую, улыбнулось. — Вы будете довольны.

Ртутная лапа туго обернулась вокруг всех троих и стащила их со стены колодца. Никки изо всех сил сжимала руку Ричарда.

Как только они окунулись в полную темноту внутреннего пространства сильфиды, Никки затаила дыхание. Она знала, что должна дышать, но сама мысль о том, чтобы дышать этой серебристой жидкостью, ужасала ее.

Дышать.

Наконец она сделала отчаянный вдох, втягивая в легкие внутреннюю субстанцию сильфиды. Цвета, свет и формы сплавились вокруг нее в нечто необычное. Никки продолжала крепко держать руку Ричарда, в то время как они все плавно скользили в спокойную сияющую даль. Это было восхити-

тельное ощущение спокойного, ленного движения с невообразимой скоростью.

Она сделала еще один головокружительный вдох, вновь втягивая субстанцию сильфиды. Появилось чудесное ощущение освобождения от всего, что преследовало ее, от тяжкого бремени на душе. Она осталась обремененной лишь вот этой связью с Ричардом. Никем и ничем больше.

Это было состояние наивысшего восторга.

И ей хотелось, чтобы оно никогда не кончалось.

Глава 23

Кэлен наблюдала, как все три сестры вглядываются в даль, пытаясь заметить любое возможное движение. По мере того как солнце садилось, тени начинали сливаться, образуя темную мглу. В южной части горизонта небольшой осколок затухавшего дня все еще сиял под грозными серыми облаками, громоздящимися в темно-фиолетовом небе. Вершины облаков были тронуты красным отсветом, придававшим наступившему вечеру оттенок сказочности.

Небо в этом месте, так густо наполненное монументальными, вздымавшимися как море облаками, казалось ошеломляюще огромным и оставляло у Кэлен чувство собственной ничтожности и незначительности. Простирающаяся к югу плоская равнина казалась бесконечной, до самого горизонта. В этом пустынном месте растительности было очень мало, а та, что встречалась, росла в основном в низинах.

Под облаками, несущимися над этим ландшафтом, местами опускался столб дождя, но, судя по виду равнины, это здесь было редким явлением. Кэлен подозревала, что если встать в одном месте и дожидаться, когда там прольется дождь, то можно ждать целый год, и то, может быть, не дождаться. Этот бесплодный ландшафт заставлял жизнь казаться недолговечной и никчемной. Казалось, что только горные гряды на севере и на востоке способны отобрать влагу у этого парада облаков. В результате деревья не рисковали спускаться вниз из своего высокогорного прибежища.

Когда лошади зафыркали и стали бить копытами, Кэлен потуже натянула поводья и рассеянно почесала одной из них под нижней челюстью, чтобы уверить ее, что все в порядке.

Лошадь мягко толкнула ее, требуя продолжения. Все еще пребывая в ожидании, Кэлен отвлеклась от тяжелых мыслей и еще раз, более тщательно, почесала лошадь.

Вдалеке она смогла различить горную гряду, постепенно уменьшавшуюся, переходя в более низкий, но почти сплошной хребет. Этот хребет, напоминавший гребень какого-то спящего чудовища, скорее всего и был южной оконечностью тех самых гор, вдоль которых они и двигались к югу. Кэлен очень хотелось снова оказаться в горах. Горы давали ей ощущение приюта и убежища, скорее всего потому, что, в отличие от открытых равнин, она не чувствовала, что ее может кто-то увидеть с расстояния в несколько миль. Среди равнин она чувствовала себя голой и незащищенной. Она понимала, что на самом деле не знает, почему чувствует себя именно так, поскольку едва могла представить что-нибудь хуже, чем быть забываемым всеми рабом этих сестер.

Кэлен даже казалось, что она видит какие-то строения на том далеком хребте. И если глаза не обманывали ее, эти строения более напоминали руины. Если это действительно строения, то у некоторых из них должны виднеться крыши. Она не сразу догадалась, что непонятные низкие постройки — это давным-давно разрушенные стены. И ей нигде не удалось заметить никаких признаков людей. Это место было тоже давным-давно забыто и заброшено.

Даже если здесь давно никто не обитал, сестры в этих пустовавших местах были ничуть не менее осмотрительными, чем где-либо еще. Их настороженность, похоже, была рождена ощущением чьей-то совершенной и полной власти в пределах зоны их влияния. Хотя вот в таком месте, как это, Кэлен вполне разделяла их беспокойство.

Все три сестры большую часть дня молчали и говорили лишь по необходимости. У Кэлен все еще пульсировала боль в плече, со стороны спины, в том месте, куда сестра Улисия внезапно ударила ее. Это не было наказанием за какой-то проступок — реальный или вмененный, — а скорее суровым предупреждением: не быть источником каких-либо неприятностей. Временами сестры стремились выразить свое превосходство над другими — хотя бы демонстрацией того, что могли наносить оскорбления Кэлен просто исходя из своих

желаний. Она уже приучилась к тому, что не следует показывать сестрам, что она думает об их обращении с ней. Она прятала подальше свою гордость и мысли и просто говорила: «Да, сестра».

Кэлен не считала разумным идти, спотыкаясь и блуждая в темноте, особенно когда они оказались в местности, где дорога была изрыта глубокими колеями, а местами имела наносы с более высоких участков. Лошади могли запросто сломать ноги в таких условиях. Но в стремлении поскорее попасть в Касску сестры не пожелали останавливаться, когда вечер неумолимо начал обступать их. Что сестры хотели, то получали. Кэлен даже и не надеялась, что наконец в этой тьме они станут разбивать лагерь.

— Мне кажется, что там кто-то есть, — приглушенным голосом сообщила сестра Эрминия, всматриваясь в сумерки.

— Я тоже что-то почувствовала, — пробормотала сестра Цецилия.

Сестра Эрминия, нетерпеливо оглядевшись, предположила:

— Может быть, это Тови?

— А может быть, всего лишь дикий мул. — Сестра Улисия, похоже, была не в том настроении, чтобы строить предположения. — Идемте. — И тут же оглянулась на Кэлен. — Держись ближе.

— Да, сестра, — сказала Кэлен и протянула сестрам поводья лошадей.

Сестра Цецилия, старшая из всех, проворчала, напрягая уставшие мышцы, усаживаясь в седло:

— Насколько я помню те немногие карты, что были в подземельях Дворца Пророков, мы должны быть уже близко к этому месту.

— Припоминаю, что я тоже видела эту старинную карту, — сказала сестра Улисия, усевшись на свою лошадь. — Там эта равнина называлась Глубокая Пустота. А это должно означать, что Касска находится вон на том выступе.

Сестра Эрминия нетерпеливо вздохнула, подгоняя свою лошадь вслед за остальными.

— Там мы должны наконец-то отыскать Тови.

— А когда встретимся с ней, — сказала сестра Улисия, — ей придется многое нам объяснить.

Сестра Эрминия махнула рукой в сторону далекого горного выступа.

— Вы же знаете Тови... Она всегда пренебрегает тем, что от нее требуется, потому что считает, что ей все известно лучше других. Самая упрямая из всех, кого мне доводилось встречать.

По мнению Кэлен, не сестре Эрминии было об этом говорить.

— Мы еще посмотрим, как она будет упрямиться, когда я вцеплюсь пальцами в ее глотку, — сказала сестра Цецилия.

Сестра Эрминия подогнала лошадь, чтобы ехать рядом с сестрой Улисией.

— Ты не думаешь, что она могла затеять что-то скверное, ведь так, Улисия?

— Тови? — Сестра Улисия бросила взгляд через плечо. — Это вряд ли. Временами она может быть несносной, но она стремится к тому же, что и все мы. Между прочим, она, как и мы, знает, что необходимо иметь все три шкатулки. Она знает, насколько это важно и что поставлено на карту.

Очень скоро у нас снова будут все три шкатулки — вот все, что действительно важно, — и нам все равно нужно попасть в Касску, так что, полагаю, не будет никакого проку, если мы догоним Тови раньше. Ведь нам все равно придется, так или иначе, добираться туда.

— Но почему она поступила так? — продолжала настаивать сестра Цецилия.

Сестра Улисия лишь пожала плечами. В отличие от двух других, теперь, когда Касска уже видна, она перестала казаться чем-то обеспокоенной.

— Возможно, поблизости оказались войска Имперского Ордена и она просто захотела избежать любых возможных неприятностей и покинула то место. Просто поработала головой, вот и все. Она же знала, что нам все равно нужно попасть сюда. Вероятно, нашла шанс ускользнуть — и воспользовалась им. Нам только лучше от такой осторожности. В конце концов, она отправилась туда, куда мы и собирались, так что не представляю, что она могла бы затевать плохого.

— Надеюсь. — Сестра Цецилия казалась отчасти разочарованной, что не удалось никого уличить в злодействе.

Они молча ехали еще около часа, прежде чем сестрам стало очевидно, что, путешествуя по такой земле, да еще ночью, они рисковали сломать не только лошадиную ногу, но и шею всадницы. Насколько могла судить Кэлен, за прошедший день они почти не приблизились к горному выступу. На равнинах расстояния всегда значительно больше, чем кажутся. То, что поначалу казалось всего лишь в паре миль, могло располагаться на расстоянии нескольких дней путешествия. Сестры, несмотря на стремление скорее добраться до Касски и до Тови, сильно устали и теперь были готовы остановиться на ночлег.

Сестра Улисия спешилась, протягивая поводья Кэлен.

— Разбивай лагерь. Мы все ужасно проголодались.

Кэлен лишь наклонила голову.

— Да, сестра.

Стреножив лошадей, чтобы они не разбрелись, Кэлен принялась снимать с них поклажу, чтобы достать принадлежности и припасы. Она смертельно устала, но прекрасно понимала, что, возможно, пройдут еще часы, прежде чем ей удастся немного поспать. Ведь нужно поставить лагерь, приготовить еду, а затем, перед сном, необходимо еще накормить, напоить и вычистить лошадей.

Сестра Улисия схватила за руку сестру Эрминию и приблизила ее к себе.

— Пока мы занимаемся лагерем, я хочу, чтобы ты прошлась и понаблюдала за окрестностями. Хотелось бы знать, был ли это всего лишь мул?

Сестра Эрминия кивнула и тут же отправилась пешком в темноту, выполнять поручение.

Сестра Цецилия наблюдала, как сестра Эрминия растворялась в ночи.

— Ты думаешь, что действительно мул?

Сестра Улисия бросила в ее сторону мрачный взгляд.

— Если это мул, то он останется на том же расстоянии, на каком следовал. Если же это кто-то, следивший за нами, сестра Эрминия его найдет.

Кэлен вытащила скатки с постелями, когда сестры попросили что-нибудь мягкое, чтобы сидеть не на голой зем-

ле. Затем достала один из котелков, чтобы начать готовить еду.

— Никакого огня в ночное время, — сказала сестра Улисия, увидев в руках Кэлен котелок.

Кэлен с минуту в изумлении смотрела на нее.

— Тогда что вы хотите на ужин, сестра?

— У нас еще оставалась большая лепешка. Можно достать ее и немного вяленого мяса. И еще у нас есть кедровые орехи. — Она продолжала вглядываться в ночь. — Не хватало еще разводить огонь здесь, на открытом месте, где любой, от горизонта до горизонта, может увидеть нас. Достань одну из самых маленьких ламп.

Кэлен не могла даже вообразить, что сестры способны о чем-то беспокоиться. Она протянула сестре Эрминии лампу. Та зажгла ее легким ударом пальца, а затем поставила на землю перед ней и сестрой Улисией. Помощь от такого света при распаковке вещей была небольшой, но, по крайней мере, это лучше, чем совсем ничего.

В прошлом, бывало, им попадались военные патрули, но сестры никогда особенно не боялись таких неожиданных встреч с вражескими силами. Они справлялись с солдатами без каких-либо проблем... и без капли милосердия.

Наталкиваясь на патрули, сестры очень тщательно следили, чтобы ни одному из свидетелей не удалось сбежать — несомненно, не оставляя ни единого шанса донести сообщение о происшествии до главных сил войска. Кэлен предполагала, что подобное сообщение вполне могло привести к тому, что по их следу отправились бы бесчисленные отряды разгневанных людей. Но, казалось, сестры не очень-то задумывались над подобной возможностью; более вероятным было то, что они, занимаясь своим делом, не хотели, чтобы хоть что-то отвлекало их.

Добраться до Тови и последней шкатулки было для них делом первостепенной важности, и они вовсю торопились, чтобы попасть в эту даль как можно скорее. Кэлен была отчасти удивлена, что они до сих пор так и не догнали Тови, особенно ввиду того, что, казалось, нет ничего более важного для сестер, чем их драгоценные шкатулки.

Вернее, это были шкатулки Лорда Рала. Сестры похитили их из дворца Ричарда Рала.

Однажды они наткнулись на большое соединение внушавших ужас, жестоких и грубых солдат Имперского Ордена. Сестрам не терпелось пройти мимо солдат как можно быстрее, чтобы двигаться дальше вперед, но те, похоже, не спешили убраться с пути. И тогда они дождались полуночи, а затем пошли прямо через спящий лагерь. При этом если кому-то случалось их заметить, одна из сестер произносила тихое заклинание, которое быстро разделывалось с этим человеком без особых хлопот. Сестры не испытывали угрызений совести относительно убийства любого человека, случайно оказывавшегося на их пути. Они двигались через спящий лагерь бесшумно, бесстрашно, осторожно и безжалостно. Кэлен видела множество людей, принявших той ночью смерть. Для сестер же это было не больше, чем давить докучавших муравьев.

Но с тех пор они уже давно не встречали каких-либо отрядов солдат. Армия Имперского Ордена теперь была далеко позади них, и некоторое время о ней можно не думать. Однако это не означало, что нет других опасностей, и поэтому сестры зачастую нервничали как кошки. Тем не менее сами они в любой момент могли стать опасными как гадюки.

Спустя много времени после возвращения сестры Эрминии, так и не нашедшей никого поблизости, и после того, как три сестры поели, Кэлен все еще была занята, стараясь закончить свою поденную работу, прежде чем и ей будет позволено поесть. Она занималась лошадьми, когда ей показалось, что слышит легкий звук шагов по иссохшей земле. Этот звук отвлек ее от размышлений о солдатах. Она замерла со скребницей в руке.

Кэлен глянула через плечо и вздрогнула, увидев стройную девушку с короткими черными волосами, робко стоявшую как раз на границе слабого света от лампы.

Луна лишь изредка проглядывала меж движущихся облаков, и лагерь освещался в основном слабым светом небольшой лампы, стоявшей позади сестер, что очень мешало видеть, но Кэлен все-таки смогла разглядеть уставившиеся на нее тусклые глаза молодой женщины.

В этих глазах было осознание увиденного. Девушка видела Кэлен.

— Пожалуйста... — сказала она. Кэлен приложила палец к губам, чтобы девушку не услышали сестры. Точно так же, как тот человек в трактире, эта девушка видела Кэлен и помнила о ней. Кэлен была удивлена и в то же время напугана, что с девушкой может случиться сейчас то же самое, что с тем мужчиной.

— Пожалуйста, — повторила девушка слабым шепотом, — могу я получить хоть какой-то еды? Я так проголодалась.

Кэлен оглянулась на сестер. Те были заняты беседой. Кэлен потянулась и достала из седельной сумки, брошенный у ее ног, кусок вяленой оленины. Она снова приложила палец к губам и протянула девушке мясо. Девушка кивнула в знак понимания и не издала ни звука. Ухватив мясо обеими руками, она немедленно воспользовалась зубами, чтобы оторвать кусочек.

— А теперь уходи, — прошептала Кэлен, — пока они тебя не увидели. Поспеши.

Девушка подняла глаза на Кэлен, а затем посмотрела ей за спину. Ее глаза округлились. Она перестала жевать.

— Ну-ну, — раздался угрожающий голос из-за плеча Кэлен, — уж не наш ли маленький мул прибрел, чтобы обворовать нас?

— Она всего лишь проголодалась, — сказала Кэлен, надеясь погасить гнев сестры Улисии, прежде чем он вспыхнет со всей силой. — Попросила еды, чтобы поесть. Она не крала. Я отдала ей свою еду, а не вашу.

К сестре Улисии присоединились и две остальные, так что теперь они выглядели прямо как три стервятника, выстроившиеся в ряд. Сестра Эрминия подняла лампу, чтобы лучше видеть. Все трое выглядели так, будто собрались дочиста обглодать кости этой девушки.

— Скорее всего, дожидалась, пока мы заснем, — сказала сестра Улисия, наклоняясь ближе. — Вот тогда и перерезала бы наши глотки.

Глаза цвета меди блеснули в свете лампы, когда испуганная молодая женщина уставилась на всю троицу.

— Я не пряталась в засаде. Я проголодалась. Надеялась раздобыть хоть немного еды, вот и все. И я попросила, а не собиралась красть.

Эта молодая женщина напомнила Кэлен маленькую девочку в трактире «Белая Лошадь», которую Кэлен обещала защитить — которую так жестоко убила сестра Улисия. По ночам, перед сном, ужас от воспоминаний об этой девочке все еще преследовал ее. И неспособность сдержать свое обещание по защите этого существа все еще жгла душу Кэлен. Хотя девочка и не была в состоянии достаточно долго помнить слова Кэлен, чтобы осознать их, Кэлен очень сожалела, что дала такое обещание, а затем не сумела выполнить его.

Эта девушка была чуть старше и чуть выше ростом. Кэлен могла видеть в ее облике понимание степени опасности находящейся перед ней угрозы. В ее медных глазах проступала осознанная осторожность. Но все-таки это была девочка. Женская зрелость для нее оставалась тайной, лежащей за пределами жизненного опыта.

И тут сестра Эрминия неожиданно шлепнула девушку по щеке. От этого удара она развернулась и свалилась на землю. Сестра накинулась на нее. Девушка прикрыла голову руками и в то же время непрерывно извинялась за то, что попросила еды. Между ударами, которые она наносила ей, сестра Эрминия ощупывала одежду девушки.

Когда сестра остановилась и выпрямилась, она держала в руках нож, которого Кэлен никогда прежде не видела. Она помахала им в свете лампы, а затем метнула его в землю у ног сестры Улисии.

— У нее было вот это. Как ты и говорила, она, скорее всего, намеревалась перерезать наши глотки после того, как мы уснем.

— Я не собиралась причинять вам вред! — закричала девушка, когда сестра Улисия подняла свой дубовый прут.

Кэлен очень хорошо понимала, что происходит, и бросилась сверху испуганной девушки, стараясь прикрыть и защитить ее.

И потому прут сестры Улисии обрушился на ее спину, как раз в том месте, куда уже били ранее. Девушка вздрогнула от хруста при ударе дубовой палкой по костям, а Кэлен закричала от боли. Затем изо всех сил оттолкнула молодую женщину подальше от сестер, по-прежнему пытаясь защитить ее от побоев.

— Оставьте ее! — кричала Кэлен. — Она просто ребенок! Она хочет есть, вот и все! Она не собиралась навредить никому из вас!

В приступе паники слабые руки девушки обхватили шею Кэлен, словно та была единственным корнем на самом краю обрыва. Будь Кэлен способна убить сестер прямо сейчас, она определенно так бы и поступила. Но она могла лишь попытаться стать щитом для девушки; она понимала, что если решится бороться с сестрами, те просто отшвырнут ее в сторону, и тогда она вообще ничем не сможет помочь. Так что это было самое большее, что Кэлен могла сейчас предпринять.

И вновь сестра Улисия ударила Кэлен вдоль спины. Кэлен лишь сжала зубы от боли. А женщина снова и снова наносила удары прутом.

— Отпусти эту соплячку! — кричала сестра Улисия, продолжая бить Кэлен.

Девушка в ужасе еле дышала.

— Все в порядке, — ухитрилась сказать Кэлен в момент передышки, — я защищу тебя. Обещаю.

Девушка лишь прошептала, прямо в ухо Кэлен, слова благодарности.

Помимо отчаянного стремления защитить невинное дитя, у Кэлен было еще и безрассудное желание не потерять эту неожиданную связь с миром людей. Эта девушка знала, что Кэлен существует. Она могла видеть ее, слышать ее, помнить о ней. Кэлен очень нуждалась в этой спасительной ниточке, тянувшейся к миру людей.

Сестра Улисия сделала еще шаг вперед, замахиваясь на Кэлен и вкладывая в удар всю силу. Кэлен понимала, что ей сейчас крепко достанется, но не собиралась позволить им просто так расправиться с этой девушкой, как они уже поступили с другой. Эта девушка не сделала ничего, чтобы заслужить то, что, как знала Кэлен, они могут сделать с ней.

— Как ты смеешь...

— Если вы хотите кого-то убить, — закричала Кэлен сестре Улисии, — то убейте меня, но отстаньте от нее! Она не представляет для вас никакой угрозы.

Сестра Улисия, похоже, решила удовлетвориться хотя бы этим и, рыча от напряжения, в бешенстве все сильнее и силь-

нее била Кэлен. Та же, уже погружаясь от ударов в головокружительный дурман, так и не двинулась с места, чтобы позволить сестре добраться до девушки.

Девушка, укрываясь под защитой более крупного тела Кэлен, в испуге кричала не о том, что сестры могут сделать с ней самой, а сокрушалась по поводу того том, что они делали с Кэлен. Прут с отвратительным звуком ударил Кэлен по затылку, от этого она почти потеряла сознание, но по-прежнему прикрывала молодую женщину. Кровь пропитала ее волосы и стекала по лицу.

А затем прут сломался от удара о спину Кэлен. Большая его часть отлетела в ночную тьму. Сестра Улисия стояла, задыхаясь, в слепой ярости, держа в руках бесполезный короткий обломок. Кэлен ожидала, что сейчас будет убита, но в данный момент ей было все равно. Для нее нет возможности убежать. И для нее нет будущего. И если она не сможет побороться за жизнь этой невинной молодой девушки, то и ее собственная жизнь не представляет никакой ценности.

— Улисия, — прошептала сестра Эрминия, хватая ту за запястье. — Она видит Кэлен. Точно так же, как тот трактирщик.

Сестра Улисия уставилась на свою компаньонку, и, похоже, эта мысль встревожила ее.

Сестра Эрминия подняла бровь.

— Нам следует все же разобраться, что происходит.

Сестра Цецилия со зловещей улыбкой, исказившей лицо, явно не услышав, что сказала Эрминия, подошла ближе и остановилась над Кэлен.

— Как ты осмелилась так открыто не повиноваться сестре? Мы сейчас живьем сдерем кожу с этой соплячки и заставим тебя наблюдать весь процесс, чтобы преподать урок.

— Сестра? — Это спросила девушка. — Так вы и есть сестры?

Неожиданно ночь показалась невероятно тихой. И мир закружился вокруг Кэлен с неприятными тошнотворными ощущениями. Каждый вдох ощущался так, будто меж ребер втыкали ножи. По ее лицу текли слезы, вызванные болью от ударов. Она не могла унять дрожь, но по-прежнему не отпускала девушку.

Сестра Улисия наконец отбросила в сторону обломок дубового прута.

— Да, мы сестры. И что из того? — с подозрением спросила она.

— Тови просила меня дожидаться вас. Но вы не показались мне похожими на сестер Тови.

Воцарилось молчание.

— Тови? — осторожно переспросила сестра Улисия.

Девушка кивнула. Теперь она выглядывала из-за плеча Кэлен.

— Она более пожилая женщина. И большая, больше, чем любая из вас, и на самом деле не выглядит, как ваша сестра, но, тем не менее, она попросила меня остаться и дождаться ее сестер. Еще она сказала, что вас трое, и с вами еще одна, другая женщина.

— И почему такая девушка, как ты, согласилась сделать то, что просила Тови?

Девушка отбросила с лица темные волосы. Некоторое время она колебалась, а потом ответила.

— Она держит в заложниках моего дедушку. Она сказала, если я не сделаю, как она говорит, то убьет его.

Улисия улыбнулась так, как, по представлениям Кэлен, улыбнулась бы змея, будь она способна улыбаться.

— Хорошо, хорошо. Теперь верю, что ты действительно знаешь Тови. Тогда где же она?

Кэлен приподнялась, опираясь на руку. Девушка указала в сторону далекого горного выступа.

— Там. В месте, где полно старинных книг. Она заставила меня показать ей, где хранились эти книги. И велела проводить вас к ней.

Сестра Улисия обменялась взглядом с двумя другими сестрами.

— Возможно, она уже нашла центральный узел в Касске.

Сестра Эрминия с облегчением хихикнула и весело похлопала сестру Цецилию по плечу. Та ответила ей тем же.

— И как далеко это место? — спросила сестра Улисия с неожиданным нетерпением.

— Это может занять полных два дня, если мы отправимся прямо с рассветом, а может быть, и три.

Сестра Улисия с минуту вглядывалась в окружающую темноту.

— Два или три дня... — Затем она повернулась. — Как тебя звать?

— Джиллиан.

Сестра Улисия пнула Кэлен ногой в бок, и этот неожиданный удар отбросил ее от девушки.

— Ну, Джиллиан, теперь ты можешь взять постель Кэлен. Ей она не понадобится. Ей придется всю ночь простоять в качестве наказания.

— Пожалуйста, — сказала Джиллиан, опуская ладонь на руку Кэлен, — ведь если бы не она, вы так и остались бы без проводника к тому месту, где находится Тови. Пожалуйста, не наказывайте ее. Ведь она оказала вам услугу.

Сестра Улисия с минуту размышляла.

— Вот что я скажу тебе, Джиллиан. Поскольку ты завела речь о нашем непослушном рабе, должна уверить тебя, что ей не удастся даже присесть в течение ночи. А если она ослушается, я так поколочу ее, что она на всю жизнь останется с перебитыми руками и ногами. Но ты можешь это предотвратить, если проконтролируешь, чтобы она исправно простояла на ногах всю ночь. Что ты думаешь на этот счет?

Джиллиан сглотнула, но не ответила.

Сестра Улисия ухватила Кэлен за волосы и потянула ее вверх, стараясь поставить на ноги.

— Так присматривай, чтобы она стояла на ногах, иначе то, что мы сделаем с ней, будет по твоей вине, потому что ты не пожелала убедиться, что она сделала все так, как приказали. Поняла?

Джиллиан, с округлившимися глазами цвета меди, лишь кивнула.

Сестра Улисия коварно улыбнулась.

— Хорошо. — Затем повернулась к двум другим сестрам. — Пойдемте. Давайте немного поспим.

После того как они ушли, Кэлен мягко опустила руку на голову девушки, сидевшей у ее ног.

— Рада познакомиться с тобой, Джиллиан, — прошептала Кэлен так, чтобы сестры не услышали.

Джиллиан улыбнулась ей и прошептала в ответ:

— Спасибо, что защитила меня. Ты сдержала свое обещание. — Она осторожно взяла руку Кэлен и с минуту держала ее у своей щеки. — Ты самый храбрый человек, какого я встречала со времен Ричарда.

— Ричарда?

— Ричарда Рала. Он бывал здесь раньше. И тогда он спас моего дедушку, а вот теперь...

Голос Джиллиан замер, и она отвернулась от пристального взгляда Кэлен. Кэлен нежно погладила голову девушки, надеясь успокоить ее душевную боль за деда. Затем указала подбородком:

— Подойди вон к той седельной сумке, Джиллиан, и достань что-нибудь поесть. — Ее была дрожь от боли и очень хотелось прилечь, но Кэлен знала, что слова сестры Улисии не были пустой угрозой. — А затем, если ты не против... пожалуйста, просто посиди ночью рядом со мной... Сегодня мне пригодилась бы помощь друга.

Джиллиан улыбнулась ей. На сердце у Кэлен потеплело при виде такой искренней улыбки.

— Утром к нам присоединится еще один друг. — Когда Кэлен резко нахмурилась, Джиллиан указала на небо. — У меня есть ворон по имени Локки. Днем он явится сюда и покажет нам все свои фокусы.

Кэлен улыбнулась самой идее иметь в качестве друга ворона.

Девушка сжала руку Кэлен.

— Я не покину тебя ночью, Кэлен. Обещаю тебе.

Какие бы Кэлен ни испытывала страдания, каким бы безрадостным ни было ее будущее, сейчас она испытывала радость. Джиллиан осталась жива. Кэлен только что выиграла свое первое сражение, и это достижение было опьяняющим.

Глава 24

Проходя между собравшимися солдатами, Ричард, улыбаясь и кивая, отвечал на их приветствия. Настроения улыбаться не было, но он опасался, что люди неправильно поймут, если он будет хмурым. Глаза солдат были наполнены ожиданием и надеждой, когда они наблюдали за ним, уверенно продвигавшимся среди них. Многие просто стояли, молча прижав к сердцу сжатую в кулак руку, — не только как приветствие, но и в знак гордости. Ричард не мог начать рассказывать каждому из этих людей о тех ужасах, что продемонстрировала ему Шота, и потому просто улыбался так тепло и приятно, насколько был способен.

По ту сторону лагеря, у самого горизонта, сверкали молнии. И даже сквозь звуки лагерной жизни, говор тысяч людей и ржание лошадей, звонкие удары кузнечных молотков, разгрузку припасов, распределение продовольствия и отдаваемые во весь голос приказы, Ричард все равно слышал зловещие раскаты грома, проносившиеся через равнины Азрита. Сердитые грозовые тучи на глазах сгущались, поглощая все новые тени под собой. Застоявшийся чрезмерно влажный воздух время от времени освежался неожиданными порывами, вздымая флаги и вымпелы, привлекая к ним внимание. Почти так же быстро, как появлялся, этот ветер исчезал, словно передовые отряды надвигающейся грозы, возвращавшиеся обратно после успешного рейда.

Хотя, похоже, грозные небеса никого не беспокоили. Всем хотелось хоть мельком увидеть Ричарда, пока он проходил через лагерь. А было время, когда задачей этой самой армии было убить его или захватить в плен. Но это до того, когда Ричард стал Лордом Ралом.

Приняв же на себя такую ответственность, он дал этим людям шанс отстаивать достойные цели, вместо того чтобы с оружием в руках служить тирании. Конечно, некоторые отнеслись к этой перемене с откровенной ненавистью. Такие обратились к служению Ордену, со слепой жестокостью истребляя саму идею, что человек имеет право распоряжаться собственной жизнью. Но прочие, фактически большинство, не только не отказались от службы Ричарду, но приняли это почти со страстью, как могли поступить только люди, долгое время прожившие в тисках репрессий. Эти люди, первое поколение, кому была предложена реальная свобода, правильно уловили ее значение для собственных жизней. Они цепко держались за возможность жить в том мире, который показал им Ричард. Не было дара более значимого, который эти люди, в свою очередь, могли дать своим семьям и любимым, чем эта самая возможность жить свободно, жить для себя. Многие уже умерли во имя этой благородной цели.

Точно так же, как и морд-ситы, эти люди следуют за ним, потому что совершили осознанный выбор, а не потому, что их кто-то принуждал к этому. И обращение «Лорд Рал» теперь означает для них нечто, чего никогда раньше не содержало.

Но сейчас эти люди столкнулись с острой сталью, навязывающей им жизнь, смысл которой в том, что они сами и все, кого они любят, не имеют права на существование. Ричард не сомневался в мужестве этих людей, но понимал, что они не способны одержать победу в сражении против бесчисленной армии Имперского Ордена. Именно в этот день ему следует быть Лордом Ралом. Если и может быть шанс на будущую достойную жизнь, Ричард должен стать Лордом Ралом в самом полном смысле этого слова, Лордом Ралом, заботящимся о тех, кого ведет за собой. Он должен заставить их прозреть и понять то, что понял он.

Верна, торопливо шагавшая рядом с ним, чуть сильнее сжала его руку, наклоняясь к нему.

— Ты не можешь себе представить, как воодушевляет этих людей видеть тебя перед битвой, что им предстоит, Ричард. Перед битвой, предсказанной пророчеством не одну тысячу лет назад. Ты просто не можешь вообразить.

Ричард же не сомневался, что эти люди не могут вообразить, о чем он собирается просить их.

Он бросил взгляд на улыбку Верны.

— Мне это известно, аббатиса.

Поскольку войска непрерывно продвигались к югу, чтобы встретиться с угрозой, исходившей от Имперского Ордена, то путь от Народного Дворца, чтобы догнать их, оказался гораздо более длинным, чем это было в предыдущее посещение. С того момента, как Орден повернул на север, к Д'Харе, эта армия оставалась единственным, что могло противостоять захватчикам. Эти люди были последней надеждой Д'Харианской империи. В этом заключалось их призвание и их долг.

А Ричард ничуть не сомневался, что выиграть эту битву они не могут.

Задача Ричарда заключалась в том, чтобы убедить их в несомненности факта их приближающегося разгрома и смерти.

Кара и Никки, следуя прямо за ним, практически наступали ему на пятки. Он не считал, что им было необходимо находиться так близко, чтобы защищать его, но знал и то, что ни одна из этих женщин не послушается его. Когда он обернулся, бросив взгляд через плечо, Никки ответила ему напряженной улыбкой.

«Интересно, — подумал он, — как она отреагирует, услышав то, что я собираюсь сказать солдатам?» И решил, что она поймет. Из всех тех, кому предстояло услышать его слова, она была единственным человеком, в понимании со стороны которого он не сомневался. Фактически он рассчитывал и полагался на это. Временами только ее понимание и поддерживало его, помогая двигаться дальше. Был момент, когда он готов был все бросить, и именно Никки дала ему силу продолжать.

Знал Ричард и то, что Кара, с другой стороны, всецело одобрит то, что он собирался сказать, хотя и по другим причинам.

Кара выглядела суровой и решительной как никогда, будто была готова уничтожить всю эту армию, обернись дело изменой и пожелай они все напасть на Ричарда, но по тому, как ее пальцы «играли» швом ее красной кожаной одежды, он мог

бы сказать, что ей не терпится снова увидеть генерала Мейфферта... то есть Бенджамина. По сравнению с прошлым разом она стала менее сдержанной, позволяя себе проявлять чувства к этому красавцу генералу, и Ричард подозревал, что без Никки здесь не обошлось.

Ошеломленный собственными ощущениями по поводу того, что мир, казалось, рушился вокруг, в глубине души Ричард радовался, что эта морд-сит способна переживать подобные чувства, и еще более был доволен тем, что она наконец-то позволила себе проявлять их, по крайней мере перед ним. Это было подтверждением того, что, несмотря на грубое воспитание и жестокую тренировку этих женщин, они все же личности, со своими глубоко скрытыми и сдерживаемыми желаниями и стремлениями, которые не выветрились и не умерли, и что их истинная душа, скрытая внутри, способна вновь расцвести. Это подтверждало обоснованность веры в лучшее будущее, — как бывает, когда на бесплодной земле находишь прекрасный цветок.

Проходя размеренным шагом мимо рядов палаток, повозок, загонов с лошадьми, кузнечных мастерских и складов с припасами, Ричард видел приближающихся со всех сторон людей, оставивших все свои вечерние занятия, такие как уход за животными, починка снаряжения, забота о припасах, приготовление пищи и установка дополнительных палаток. Короткий взгляд, брошенный на тяжелые облака, подсказал ему, что для них было бы разумнее по крайней мере закончить установку палаток.

Среди этого моря людей, одетых в черные мундиры, Ричард заметил генерала Мейфферта. Он стоял, возвышаясь среди офицеров, перед проходом на территорию, отведенную для командования армии. Бросив через плечо взгляд назад, Ричард заметил и улыбку Кары, которая тоже увидела его.

Собравшихся офицеров было слишком много, чтобы разместиться в одной палатке, так что они стояли на усеянном валунами поле. Над этим местом натянули связанные вместе навесы, прикрепив края к массивным камням. Это должно было защитить от возможного дождя. Жаль, что не от ветра, но люди хотя бы будут обсуждать стратегию действий армии в относительной сухости.

Когда очередной раскат грома сотряс землю, Ричард чуть наклонился к Верне.

— Сестры будут здесь?

Верна кивнула.

— Да. Я послала им сообщение, что ты хотел видеть их здесь, наряду со всеми офицерами. Несколько из них сейчас далеко, на рекогносцировке, но остальные будут.

— Лорд Рал, — произнес генерал Мейфферт, резким движением прикладывая сжатую в кулак руку к сердцу.

Ричард наклонил голову.

— Генерал, рад видеть вас в добром здравии. Все ваши люди выглядят прекрасно, как всегда.

— Благодарю вас, Лорд Рал. — Взгляд его голубых глаз уже был прикован к Каре. Он поклонился ей в пояс. — Госпожа Кара.

Кара действительно искренне улыбнулась.

— Счастлива видеть вас, Бенджамин.

Не будь Ричард так подавлен по поводу тех обстоятельств и событий, что привели его сюда, он наверняка получил бы огромное удовольствие от одного только созерцания того, как эти двое смотрят друг другу в глаза. Ричард вспомнил, как точно так же смотрел на Кэлен, вспомнил свою внутреннюю радость при виде ее.

Чуть позади генерала стоял капитан Циммер, чьи, особой формы, кожаные доспехи подчеркивали его мощное сложение. Несколько других офицеров, тоже в особом обмундировании, располагались группой неподалеку, тогда как большинство уже собралось под укрытием. Оживленные беседы стихли, и все повернулись, чтобы видеть Лорда Рала, предводителя Д'Харианской империи. С расстояния, стоя большой толпой за пределами территории командования армии, молча наблюдали рядовые солдаты.

У Ричарда не было времени на вступительные шутки и веселые замечания, так что он сразу приступил к делу.

— Все офицеры и важные люди здесь, генерал? — спросил Ричард.

Тот кивнул.

— Да, Лорд Рал. Во всяком случае, все находящиеся в лагере. Некоторые сейчас в патрулировании. Я бы созвал всех,

знай мы заранее о вашем прибытии, поскольку требуется некоторое время, чтобы вернуть их сюда. Если хотите, я тотчас прикажу, чтобы всех вызвали.

Ричард жестом отклонил это предложение.

— Нет, в этом нет необходимости. В конце концов, большинство собралось здесь, и этого будет достаточно. Остальные смогут узнать позже.

В лагере слишком много людей, чтобы Ричард был услышан и мог говорить со всеми. Поэтому он планировал подробно объяснить все офицерам и важным специалистам, а затем дать им возможность пересказать это среди своих людей. Офицеров для подобной задачи здесь собралось вполне достаточно.

Генерал небрежно, но явно в манере приказа, сделал жест солдатам, окружавшим командный пункт и наблюдавшим за великими событиями. Они немедленно начали расходиться, возвращаясь назад, к своей работе, пока их командиры будут решать их судьбу.

Генерал Мейфферт махнул рукой, приглашая Ричарда и его эскорт под укрытие. Бросив взгляд на небо, Ричард оценил шансы на то, что скоро начнется дождь, как очень серьезные. Сотни людей стояли плотно друг к другу, собравшись под широким навесом из просмоленной парусины. Ричард тоже прижал кулак к сердцу, отвечая на коллективный приглушенный стук их энергичного приветствия.

— Я сегодня нахожусь здесь, — начал Ричард, когда осмотрел все обращенные к нему взгляды, — в связи с серьезнейшим из вопросов... в связи с приближающимся решающим сражением с наступающей армией Имперского Ордена.

То, что я собираюсь сказать, не должно вызывать ни сомнений, ни замешательства. Мне необходимо, чтобы каждый из вас понял, что поставлено на карту, и о чем я собираюсь просить вас, и почему. Это касается жизни каждого из нас; я не собираюсь что-либо утаивать от вас и я отвечу честно и по мере возможностей на любой вопрос. Пожалуйста, не стесняйтесь, задавая вопросы, высказывайте свои возражения или даже не соглашайтесь с отдельными положениями, пока я буду излагать вам предлагаемое мной решение. Я ценю ваше огромное совместное знание и талант. Верю в ваши способности и жизненный опыт.

Но я постарался взвесить и оценить множество фактов, лежащих в стороне от вашего кругозора, и, сведя все воедино, принял решение. Я сознаю, что в отсутствие такой информации многие из вас могут не понять весь ход моих мыслей, но сделаю все возможное, чтобы объяснить и его, и мое итоговое заключение.

Голос Ричарда стал уверенным и решительным.

— Затем вам предстоит исполнить все, что я прикажу.

Собравшиеся обменялись взглядами. Это было самым жестким приказом, какой он когда-либо отдавал им.

В послеполуденной тишине Ричард начал медленно прохаживаться взад и вперед, тщательно подбирая слова. Наконец он, жестом указав на всех, обратился к собравшимся перед ним:

— Как офицеров, как людей, исполняющих приказы, что больше всего занимает ваш ум?

После минуты вызванного смущением молчания заговорил офицер, стоявший сбоку.

— Полагаю, все мы думаем о том, что вы уже упомянули, Лорд Рал: о решающем сражении.

— Именно так, решающее сражение, — заметил Ричард, останавливаясь и поворачиваясь к людям. — Это самый традиционный образ нашего мышления: все будет стремиться к одному определенному событию, кульминационной точке усилий всех и каждого, и будет решающая великая битва, которая разрешит все — кто победит, кто проиграет, кто служит, кто правит, кто живет, кто умирает. Точно так рассуждает и Джегань.

— Он не стал бы их предводителем, если бы рассуждал иначе, — заметил один из пожилых офицеров.

Волна отдельных смешков и шуток пронеслась по собравшейся толпе.

— Довольно точно, — сказал Ричард серьезным голосом. — Особенно в случае императора Джеганя. Его цель — довести свое дело до этого решающего сражения, и в этом заключительном столкновении разбить нас раз и навсегда. Он очень искусный враг. Он заставил нас сфокусировать все внимание на этом решающем сражении. И его стратегия сработала.

Смех смолк. Люди выглядели слегка недовольными тем, что Ричард дает этому человеку такую высокую оценку. Военные руководители не любят приписывать своему врагу слишком много мастерства, чтобы их собственные солдаты не теряли мужества в сражении с ним.

Ричард не был заинтересован представлять Джеганя менее грозным, чем тот есть на самом деле. Совсем наоборот; он хотел дать этим людям точное представление о том, чему надо противостоять, и истинных размерах угрозы.

— Джегань — ревностный поклонник игры Джа-Ла Д'Йин. — Заметив, что некоторые кивнули, Ричард понял, что они хотя бы отчасти знакомы с этой игрой. — У него есть даже собственная команда для игры джа-ла, примерно так же, как Братство Ордена имеет собственную армию. Когда он выставляет свою команду на игру, единственное, что его интересует, это победа. Ради этого он набрал в свою команду самых сильных и самых выносливых игроков. Он не относится к этой игре как к состязанию или соперничеству, как делают это некоторые. Его задача — быть не просто победителем в каждом матче джа-ла, а полностью разгромить противника.

Однажды команда Джеганя проиграла. Его решением было не пытаться научить играть сильнее в следующий раз, тренировать и натаскивать своих игроков, чтобы получить лучший результат. Он не выбрал этот пусть, а набрал других игроков. Он создал команду самых крупных, самых сильных, самых быстрых людей. Между прочим, в переводе название этой игры означает «игра за жизнь».

В самом начале, когда он объединял самые разные царства и земли Древнего мира в одно государство, Джегань, бывало, проигрывал битвы. Но усваивал эти уроки жизни. Он создал самую большую, самую злобную армию, какую только мог, и в конце концов объединил весь Древний мир под знаменем Ордена. Перед тем как начать эту войну по повелению Братства Ордена, Джегань сначала убедился, что имеет в своем распоряжении необходимые ресурсы, чтобы собрать и обеспечить поддержание силы, достаточно большой, чтобы выполнить эту работу. Вы все поступили бы так же.

Проигрывая сражения, Джегань учился на этом. Чтобы избежать возможности поражения, он позаботился, чтобы у

него было как можно больше солдат. Именно так он приближался к цели победоносной войны во имя Ордена. А в результате сегодня имеет силу столь ошеломляющую, что он в состоянии разгромить всех противников. Он знает, что победит. Поэтому устремлен вперед, к решающей битве.

И, кроме того, император Джегань был еще и сноходцем, человеком, обладавшим могуществом, переданным ему через древнюю магию. Он пользовался этой способностью, чтобы подчинять чужие умы, и не только для того, чтобы приобретать знания, но и чтобы контролировать людей. Сегодня, как вам известно, он управляет некоторыми их обладающих даром, среди которых есть и сестры Света, и сестры Тьмы. Таким образом, он командует как силами оружия, так и силами волшебства.

— Лорд Рал, — произнес один из пожилых офицеров, перебивая сопровождаемую хождением речь Ричарда, — вы слишком легко списываете со счета наших людей. Большую часть собранной здесь армии составляют вооруженные силы д'хариан, а остальных мы сами подготовили. И эти люди хорошо знают, что поставлено на карту. Они не зеленые рекруты. Это опытные солдаты, умеющие воевать. И еще у нас есть Верна и ее сестры, уже показавшие себя в деле. А кроме того, что воины наши опытны и сестры Света с нами, — правда на нашей стороне.

— Поражение Имперского Ордена не предопределяется лишь тем, что они олицетворяют зло. Зло в итоге обернется против себя самого, но для наших жизней и для жизней тех, кого мы защищаем, это очень небольшое утешение. Зло способно сохранять свою власть над человечеством тысячу лет, две тысячи или даже больше, прежде чем, в итоге, умрет от собственного яда.

Ричард снова начал вышагивать, пока со страстью произносил эти слова.

— В истории бывали случаи, когда героические усилия отдельных личностей изменяли ход событий, и я это не отрицаю. Фактически я рассчитываю на это. Сейчас тот момент, когда решается, каково будет наше будущее. Момент, когда нам следует сделать то, что должно быть сделано, независимо от того, насколько это будет мучительно, чтобы мы и наши

дети имели будущее. Наше будущее, свободное будущее, зависит от нас и от того, преуспеем мы или нет.

— Лорд Рал, — продолжал пожилой офицер со спокойной уверенностью, — наши люди знают, что мы в отчаянном положении. Они не подведут, если это то, что вы имеете в виду.

Ричард осознал, что эти люди не понимают, к чему он ведет свою речь. Он замер и посмотрел им в лица, сжимая руки за спиной. Где-то в глубине его сознания все еще висело то видение, что показала ему Шота, относительно кровавого конца, которым все это закончится. Этот мысленный образ давил на него, словно непомерный груз.

Наконец Ричард снова заговорил.

— Я всегда прямо говорил, что не могу вести вас в это решающее сражение с Орденом, ибо мы тогда проиграем. С тех пор, как я последний раз был среди вас, многое изменилось, но все это побудило меня еще больше укрепиться в этом мнении.

Раскаты недовольства, сравнимые с раскатами грома, прокатились в воздухе этого мрачного полудня. И прежде чем они смогли бы возразить ему или осудить его, Ричард продолжил.

— Армия Ордена очень скоро приблизится к Д'Харе с юга, двигаясь в сторону Народного Дворца. Вы движетесь на юг, чтобы встретить их. И они знают это. Они этого ожидают. Они этого хотят. И, таким образом, мы действуем, подчиняясь Джеганю. Он управляет нашей тактикой. Он втягивает нас в сражение — и знает, что мы не сможем победить, а он не может проиграть.

Прорвались голоса протеста: о том, что будущее не предопределено и есть шанс, что они одержат победу.

Ричард поднял руку, останавливая эти голоса.

— Хотя будущее не определено, для нас существует только реальность. И, как воины, вы должны планировать свою тактику исходя из того, что знаете, а не из того, чего хотите.

Даже если мы каким-то чудом победим в этом грозном сражении, в итоге окажется, что эта победа не является бесспорной. Такое сражение закончится боем, в котором мы победим, заплатив огромную цену, тогда как Орден просто вернется спустя какое-то время с новыми, еще более много-

численными силами. Даже если нам доведется выиграть эту тяжелейшую битву — которую, я знаю это, мы выиграть не можем, — то после этого нам придется вести другую битву, и даже против больших сил, а затем... следующую.

Почему? Потому что мы при каждом сражении теряем людей и становимся слабее. И у нас очень небольшие резервы, чтобы полагаться на них. А когда потребность есть у Джеганя, он получает людей столько, сколько ему требуется, и становится только сильнее.

Мы же, в конце концов, проиграем по одной простой причине: ни одна война не выигрывается путем обороны. Хотя оборонительное сражение может быть выиграно, войну в обороне выиграть невозможно.

— Итак, — спросил один из офицеров, — что вы предлагаете? Нам следует вступить в переговоры?

Ричард отбросил эту идею пренебрежительным, если не раздраженным жестом.

— Орден не признает язык мирных переговоров. Может быть, очень давно, в самом начале вторжения, они и приняли бы нашу капитуляцию, позволив нам поклониться и поцеловать их сапоги, позволив нам надеть цепи рабства, — но не сейчас. Сейчас они хотят только победы, сполна оплаченной нашей кровью. И какая разница, каким путем это будет достигнуто? В любом случае, конечный результат будет тем же: убийство и порабощение нашего народа.

— Тогда... что же? — возбужденный голос офицера сорвался. — Сражаться до тех пор, пока нас не перебьют или не захватят в плен?

Люди уставились на говорившего, человека с раскрасневшимся лицом. Эти люди уже давно вели сражения с Орденом. И они не услышали ничего, что им не было известно. До сих пор борьба с захватчиками была их главным делом. Это был их долг. Это было единственное, на что они способны.

Ричард повернулся и окинул взглядом Кару. Стоявшая расставив ноги и сцепив руки за спиной, в красной кожаной одежде, она выглядела так, будто уверена, что способна справиться с Орденом сама.

Ричард жестом указал на женщину, стоявшую рядом с Карой.

— Вот Никки, когда-то служившая той стороне. — А когда он услышал шепот по поводу находящегося среди них врага, добавил: — Но точно так же большинство из вас служили прежде тирании Даркена Рала, а некоторые даже и его отцу, Панизу Ралу. У вас не было выбора. Даркена Рала никогда не интересовало, как вы намерены распорядиться своими жизнями. Он заботился лишь о том, чтобы вы следовали его приказам. Теперь, при наличии выбора, вы приняли нашу идею, наше дело. То же сделала и Никки.

Люди Ордена другие. Вы сражаетесь, чтобы отвести угрозу насилия и даже смерти. Они же сражаются, потому что верят в свое дело, в свою идею. Они страстно желают воевать. Им нравится участвовать в войне.

Поскольку она была там, с Джеганем, Никки обладает сведениями из первых рук. Она видела такое, что помогает понять, с чем вы столкнетесь.

Ричард снова повернулся к Никки. Сейчас она напоминала статую: ее кожа гладкая и белая, а светлые волосы спадают волнами на плечи. В лице и фигуре не было ничего, что Ричард захотел бы изменить, будь он скульптором. Она была воплощением красоты, наблюдающей невообразимую мерзость.

— Никки, будь добра, расскажи этим людям, что случится с ними, если они попадут в руки Имперского Ордена.

Ричард не представлял, что она сейчас им расскажет, но был уверен, особенно после рассказа Джебры, что у Ордена нет другой сущности, кроме полного презрения к жизни.

— Орден не казнит своих пленников тотчас. — С неумолимым спокойствием Никки передвинулась на шаг ближе ко всем собравшимся, не отрывавшим от нее глаз. Она сделала паузу, стоя рядом с Ричардом, пока тишина не стала мучительной и тягостной, и получила полное внимание всех стоявших перед ней. — Первым делом, — сказала она, — каждый захваченный в плен мужчина подвергается кастрации.

Затем, испытав нестерпимую боль и унижение, тот, кто еще останется в живых, подвергается пыткам. Тот, кто выживет после пыток, в конце концов отправляется на смерть, исполняемую тем или иным, но всегда крайне жестоким способом.

Те, кто сдался Ордену без борьбы, избавлены от подобного обращения. Цель жестокости по отношению к пленникам — так запугать противника, чтобы тот сдавался без сопротивления. Их отношение к гражданскому населению в захваченных городах столь же жестоко и имеет в виду ту же самую цель. Как результат, многие города сдавались Ордену без сопротивления.

Вы, все собравшиеся здесь, тяжело и долго сражались с ними. И вам не избежать всего этого. Если солдаты Джеганя схватят вас, то вам не останется никакой надежды. Вы будете всем сердцем желать лишь того, чтобы никогда не появлялись на этот свет. И единственным вашим избавлением будет только смерть.

Но дело не в этом. Жизнь под властью Ордена ничем не отличается от ожидания смерти от рук Ордена. Жизнь под властью Ордена — это медленная и мучительная смерть сама по себе. Только длится она дольше: страдание растягивается на годы.

И только ненавидящие жизнь и все добрые начала ее преуспевают при этом. Орден действительно способствует тем и поощряет тех, кто презирает и ненавидит добрые стороны жизни. Учения Ордена в целом основаны на злобной ненависти к добру. Среда, которую создают подобные убеждения, — всеобщее страдание. Ненавистники получают удовольствие от страданий других, тогда как все доброе презирает их. И если вы окажетесь в плену, эти ненавистники станут вашими хозяевами.

Люди застыли в ошеломленном молчании. В наступившей тишине Ричард услышал мягкие удары дождя по растянутому вверху навесу. Гроза накатывалась на них.

Никки бесцеремонно продолжала говорить в эту тишину.

— Жареные яйца их врагов — самый ценный деликатес для солдат Имперского Ордена. Сборища тех, кто следует за войсками, будут подчищать поле битвы после сражения, выискивая добычу, в том числе каждого раненого врага, который остался живым и которого можно кастрировать. Эти кровавые драгоценности, срезанные с живого врага, — ценный и весьма популярный продукт во время пьяных празднеств после победы. Солдаты верят, что такой деликатес придает им еще

больше силы и мужской энергии. А после этого переключают внимание на пленных женщин.

Ричард сдавил горбинку носа большим и указательным пальцем.

— Может, рассказать что-нибудь еще?

Никки вскинула бровь.

— А разве этого недостаточно?

Ричард лишь тяжело вздохнул, опуская руку.

— Думаю, вполне достаточно.

Он снова повернулся к людям.

— Простая истина заключается в том, что для нас нет способа победить в предстоящей битве. Мы обречены на поражение.

Ричард сделал глубокий вдох и наконец произнес те ужасные слова, что собирался сказать.

— Вот почему не будет этой решающей битвы. Мы не победим императора Джеганя и его армию, армию Имперского Ордена. Как Лорд Рал, глава Д'Харианской империи, я отказываюсь допустить подобный акт бессмысленного самоуничтожения. Мы не будем сражаться с ними.

Вместо этого я пришел, чтобы рассеять нашу армию. Не будет решающей битвы. Джегань захватит Новый мир, не встречая сопротивления.

Ричард видел, как слезы наполнили глаза многих людей.

Глава 25

Слова Ричарда были восприняты как пощечина.

— И для чего мы сражались? — выкрикнул озлобленный офицер. Он обвел рукой своих боевых товарищей. — Мы вели эту войну многие годы. Многих из наших братьев-солдат уже нет здесь, среди нас, потому что они принесли свои жизни в жертву, защищая наше дело и тех, кто нам дорог. Но если нет ни единого шанса, если нас в конце концов ждет поражение, то зачем нам думать об этой битве? Зачем нам думать о продолжении борьбы?

Ричард горько улыбнулся.

— В том-то все и дело.

— В чем? — огрызнулся человек.

— Если люди не видят никакого шанса на победу, никакого шанса выиграть, а вместо этого видят перед собой только руины и смерть, тогда они начинают терять волю к борьбе. Если они видят, что у них нет шанса распространить свою веру, что они встречают только смерть, если продолжают пытаться делать это, у них возникает желание забыть о такой войне.

Но от этого человек стал только более раздраженным, и его возмущение передавалось другим офицерам.

— Стало быть, вы предлагаете нам забыть о войне? И убеждаете, что нам не выстоять против Ордена? А поскольку мы не можем победить, то незачем и сражаться?

Ричард сцепил руки за спиной и решительно вскинул подбородок. Он ждал, пока не убедился, что каждый готов слушать его.

— Нет. Я говорю вам о том, что хочу заставить людей Древнего мира почувствовать все это на себе.

Люди нахмурились в замешательстве и обменивались вопросами между собой. Но быстро умолкли, как только Ричард продолжил.

— Джегань подтягивает свою армию к Д'Харе. Он хочет втянуть нас в битву. Почему? Потому что верит, что может нанести нам поражение. Я верю, что он прав. Но я верю в это не потому, что у вас не хватает смелости, подготовки, силы или умения, а потому, что просто знаю, как велики его ресурсы. Я провел довольно много времени в Древнем мире. Знаю, как он велик. Знаю это в полной мере, потому что путешествовал по Древнему миру и видел, как много людей населяет его, как велико там поголовье скота, как обильны урожаи и как значительно прочее их достояние. Я видел все это в таких масштабах, каких не встречал никогда раньше. Они имеют источники и резервы, какие вы не можете даже вообразить.

Джегань собрал огромную силу из жестоких, диких людей, преданных своей вере и беспощадных. Они готовы уничтожить все и каждого, кто противостоит им. Они почти с вожделением хотят стать героями-победителями, распространяя свою веру. Джегань получает все, что ему потребуется, исходя в расчетах из его собственного опыта и удваивая запрос. А для того, чтобы быть совсем уверенным, он удваивает еще раз.

Джегань не сторонник «извращенного» морального подхода, что военные действия предполагают использования средств того же рода, что и у противника, — своего рода надуманная справедливость, влияющая на ход смертельного поединка. У него нет интереса к равной борьбе — да и не должно быть. Он заинтересован лишь в том, чтобы овладеть нами. Это его единственная задача.

Они хотят, чтобы в итоге мы оборонялись на наиболее уязвимой позиции и не имея для того достаточных ресурсов — на поле боя, в традиционном решающем сражении. Вот на что направлены все усилия Джеганя, и потому все ожидают именно этого. Но просто не существует возможности для нас собрать достаточно сил для превосходства над ними. Следовательно, они разобьют нас.

А затем будут праздновать свою великую победу — как будто в подобном исходе хоть у кого-то были сомнения, —

поджаривая ваши яйца, а потом, в пьяном угаре, насиловать ваших жен, сестер и дочерей!

Ричард наклонился к стоявшим перед ним людям и постучал пальцем по виску.

— Подумайте! Неужели вы настолько поглощены мыслями об этой решающей битве, что позабыли ее цель? Или вы ставите принцип «то, как это делалось всегда» выше здравого смысла, раз поступаете так? Единственная предпосылка, единственное здравое основание стремиться к такой битве — полное превосходство над врагом, чтобы завершить дело раз и навсегда. Лишь в этом случае концепция решающего сражения должна переходить в размышления о том, каким образом оно должно осуществляться, потому что так должно делаться всегда.

Прекратите бессмысленно тяготеть к этой идее. Думайте. Не позволяйте тому, что делалось прежде, застилать ваши глаза. Прекратите бездумно бросаться навстречу гибели. Думайте — *думайте* — о том, как выполнить нашу задачу.

— Вы хотите сказать, что у вас есть лучшая идея, чем простое сражение с ними? — спросил более молодой офицер. Как и большинство других, он выглядел по-настоящему озадаченным.

Ричард сделал вдох, успокаивая себя. Затем понизил голос и, высматривая среди окружающих рассудительные лица, продолжил:

— Да. Вместо того чтобы совершать предсказуемое и самим бросаться в решающее сражение, я хочу просто уничтожить врага. Ведь, в конце концов, это и есть основная задача великой решающей битвы. И если битва не может послужить решению этой задачи, нам следует искать другой способ.

В отличие от тех, кто сражается за убеждения Ордена, никому из нас нет нужды хвастать славной победой на поле боя. В самих таких деяниях нет славы. Есть просто успех или поражение. Поражение означает новый темный век. Успех означает для нас свободную жизнь. На чашу весов брошена цивилизация. Все предельно понятно.

Не существует специально отведенного поля сражения в такой борьбе за жизнь, в такой борьбе за само наше выживание, против людей, движимых желанием уничтожить нас лишь потому только, что они считают, что мы не имеем пра-

ва на существование. Такая борьба — это не сражение за кусок земли и не война за территорию, а война, ведущаяся в умах людей и вызванная самими идеями, что побуждают к действию.

Тех, кто нам дороги, тоже не удовлетворит всего лишь победа на поле боя; они успокоятся только в том случае, если мы одолеем в этой борьбе идей.

Наконец генерал Мейфферт поднял руку, прося слова.

— Лорд Рал, если не вступать с ними в сражение, то как нам справиться в борьбе против этих враждебных сил, которые, как вы только что объяснили, настолько могучи, что непобедимы? Ведь, в конце концов, даже если движут ими идеи, нам-то приходится иметь дело с их мечами.

Люди закивали, довольные тем, что их генерал задал вопрос, бывший у всех на уме. Именно этого вопроса ожидал и Ричард. Он развенчал их надежду на победу в традиционном сражении, лишая тем самым оснований их обычные рассуждения. Теперь же должен показать им, как выиграть войну.

В то время как барабанный бой дождя по натянутой сверху просмоленной парусине начал усиливаться, Ричард, сцепив руки за спиной, оценивал все обращенные к нему лица.

— Вы должны быть и громом и молнией свободы. Вы должны быть возмездием, брошенным против людей с растлевающими идеями, которые не только позволяют злу пребывать в их душах, но и оправдывают и защищают его.

Нам следует вести эту войну по-своему. Мы должны вести ее исходя из того, какова она реально есть... Это не война армий на поле боя как продолжение войны идей, а война за будущее человечества.

И как таковая это война, в которой Древний мир участвует полностью, в которой каждый, находящийся на их стороне, принимает участие этой борьбе. Они неистово преданны своему делу. Они *верят* в то, что делают. Они считают, что право на их стороне, что они действуют нравственно, исполняют волю Создателя и потому имеют основания убивать любого, кого хотят, чтобы установить правила того, как человечество должно жить.

Они вкладывают все свое имущество, свой труд, свое богатство и свои жизни в эту борьбу. Все их люди — а не

только армия — желают покорить нас и заставить нас подчиниться их убеждениям. Они хотят, чтобы мы были рабами их веры, точно так же, как и они. Они потворствуют своей армии в нападении на невинных людей, здесь, в Новом мире, чтобы силой заставить нас склониться к их вере. Они хотят, чтобы мы, как последователи той же веры, что и они, приносили наши жизни в жертву этой вере и жили так, как хочется им, чтобы мы жили, и диктовали своим детям, во что им следует верить, — принуждая к этому, если необходимо, силой.

Все люди, верящие в образ жизни, устанавливаемый Орденом, все те, кто жертвует, кто поддерживает, кто молится за то, чтобы их солдаты сокрушили нас, — все они являются частью их военной машины. Каждый из них постоянно добавляет что-то к общему делу. И все эти люди — наши враги, подобно солдатам, которые вместо них орудуют мечами. Именно они обеспечивают их армии постоянный приток молодых людей и всего, что им необходимо, чтобы истязать нас, от еды до моральной поддержки и помощи.

Ричард указал рукой на юг.

— В действительности этих людей, что помогают войне, гораздо больше, чем открытых врагов, потому что каждый, кто желает нам вреда «издалека», кто осознанно ненавидит наш выбор, кто верит, что ему не придется отвечать за навязывание нам их воли, является молчаливым пособником ее.

Награбленное добро и военная добыча текут в обратную сторону, как благодарность за их поддержку. Туда же отправляют и рабов, чтобы те работали на них. Кровь и слезы проливаются реками исключительно для того, чтобы принудить их к следованию вере.

Эти люди сделали свой выбор, убедив себя, что имеют право на наши жизни, приняли решение совершить все необходимое, чтобы править нами. Они должны ощутить последствия сделанного ими выбора, особенно когда разрушают этим жизнь других, тех, кто не причинил им никакого вреда.

Ричард развел руками.

— И как нам этого добиться?

Он сжал кулаки.

— Мы должны перенести эту войну в дома тех людей, кто поддерживает и поощряет ее. Теперь это должно касаться не только жизней наших друзей, наших семей, всех тех, кто нам дорог, всех тех, кто брошен в тот кровавый котел, что подогревается людьми Древнего мира. Теперь это должно касаться и их жизней тоже.

Они увидят в этом борьбу за будущее человечества. Надеюсь, это будет именно так. Я хочу, чтобы они полностью осознали, что если они имеют намерение убивать и порабощать нас — по каким бы то ни было причинам, — то это порождает неизбежные результаты.

С этого дня мы начнем настоящую войну, войну тотальную, войну без пощады. Мы не будем связывать себя бессмысленными правилами относительно понятия «мораль». Наш наказ в этом сражении — победить. Это единственный путь, позволяющий нам и всем, кто нам дорог, выжить и сохранить свободу. Наша победа и будет заключать в себе всю мораль. Я хочу, чтобы каждый из тех, кто поддерживает Орден, поплатился за свою агрессивность. Хочу, чтобы они заплатили за это своим благосостоянием, своим будущим и своей жизнью.

Пришло время добраться до этих людей, имея только холодную и черную ярость в наших сердцах.

Ричард поднял сжатую в кулак руку.

— Сокрушим же их, обращая их в кровь и прах!

Наступила минута тишины, когда все одновременно затаили дыхание, а затем вырвалось оглушительное радостное восклицание, будто все собравшиеся здесь втайне знали, что не имеют шанса на успех и что в конечном счете обречены на гибель и смерть, но вот теперь им показали, что выход есть. Наконец-то у них появился реальный шанс защитить свои дома, спасти всех, кто дорог им, спасти свое будущее.

Ричард позволил, чтобы это проявление чувств длилось еще какое-то время, после чего поднял руку, призывая выслушать продолжение речи.

— Армия Ордена пользуется поддержкой людей, оставшихся на их родной земле. Каждый из солдат Ордена знает, что их семьи, друзья и соседи поддерживают их. И потому

солдатам Ордена необходимо слышать тех, кто находится дома, в Древнем мире. Я хочу, чтобы то, что они услышат, оказалось стонами и причитаниями. Хочу, чтобы они знали, что их дома бедствуют, их города и селения опустошаются, уничтожается их хозяйство и урожай, а их родные и близкие остаются ни с чем.

Орден проповедует, что жизнь в этом мире не стоит ни гроша. В таком случае, продемонстрируем им это. Сорвем тот тонкий налет цивилизации, который они так презирают.

Ричард бросил взгляд на Верну и на стоявших рядом с ней женщин, сестер Света.

— Они ненавидят магию; так заставим же их бояться ее. Они считают, что все, обладающие магией, должны быть уничтожены. Так заставим их убедиться в том, что они не смогут добиться этого. Они хотят мир без магии и волшебства, так сделаем так, чтобы у них не возникало даже желания рассердить нас очередной раз. Они хотят победить; так заставим их мечтать о капитуляции.

Когда молния с треском разорвала воздух мрачного полудня и подгоняемый ветром дождь забарабанил по натянутой вверху парусине, Ричард снова обратил свое внимание к людям. И едва затих последний раскат грома, он продолжил:

— Чтобы достичь нашей цели, нам нужно иметь согласованный план, позволяющий всесторонне противостоять угрозе. Для этого часть наших сил должна быть выделена для решения весьма важной задачи, такой как преследование и уничтожение их караванов. Эти караваны очень важны для армии Ордена. Ведь с ними не только прибывает необходимое подкрепление, но они доставляют и продукты. Войска Имперского Ордена грабят все вокруг по мере своего продвижения, но этого нигде и никогда не хватало, чтобы в достаточной мере поддерживать жизненные силы. Ошеломляющая численность войск — это их уязвимость. Мы должны отрезать их от поставок продовольствия, необходимых им всем, чтобы выжить. Для этого надо перерезать эту жизненно важную артерию по всей длине. Голод уничтожит войска Имперского Ордена не хуже нас. А каждый умерший солдат уменьшает наши проблемы. Это имеет для нас большое значение.

К тому же новобранцы, прибывающие с юга, более уязвимы, поскольку еще не присоединились к опытным в боевом деле людям и вообще к большим воинским соединениям. Они, как правило, плохо обучены и чуть меньше, чем опытные убийцы, склонны к насилию и грабежу. Уничтожайте их, прежде чем они доберутся на север и получат свой шанс. Ордену станет труднее вербовать на военную службу новых рекрутов, если тех будут убивать на их собственной земле еще до того, как они приступят к убийствам беспомощных людей из другого мира. А еще лучше — когда они только собираются небольшими группами в родных городах. Переносите войну к ним. Убивайте их прежде, чем им удастся донести ее к нам. Если молодые люди узнают, что, став добровольцами, им никогда не стать героями, никогда не захватить ни добычи, ни молодых пленных женщин; если они осознают, что им не удастся сделать этого прежде, чем на них нападут люди, сражающиеся не так, как они ожидали, не спешащие бросаться в бессмысленную финальную битву против превосходящих сил, их стремление присоединиться к этой борьбе слегка поостынет. Если же нет — то тем более они должны умереть, прежде чем получат хоть какой-то шанс присоединиться к армии и отправиться на север. Даже сам вид тел этих героев, гниющих на пороге их дома, поможет нам сломить дух людей Древнего мира.

Прежде чем продолжить, Ричард оценил направленные в его сторону внимательные взгляды.

— Итак, мысль о решающем сражении умирает здесь и сегодня. С этого момента мы растворимся в прозрачном воздухе. У Д'Харианской империи не должно быть никакой армии, которую Имперский Орден может втянуть в решающее сражение и таким образом уничтожить. Ведь в конечном счете они хотят сделать это для того, чтобы лишить наших людей нашей защиты, оставить их слабыми и уязвимыми. Мы не собираемся допускать подобное. Сегодня мы начинаем вести эту войну новым — нашим — способом, рационально продуманным, способом, который приведет к победе.

Я хочу, чтобы каждый человек в Древнем мире боялся вас, как боятся духов мщения. С сегодняшнего дня вы станете легионами-призраками д'хариан.

Никто не будет знать, где вы находитесь в данный момент. Никто не будет знать, когда вы нападете. Никто не будет знать, где вы нападете в следующий раз. Но я хочу, чтобы каждый из живущих в Древнем мире знал, без каких-либо сомнений, что вы скоро придете за ними и нанесете удар, как будто сама преисподняя раскроется и поглотит их. Я хочу, чтобы они боялись легионов-призраков д'хариан как самой смерти.

Они жаждут умереть, чтобы обрести вечность в загробной жизни, — так предоставим им такую возможность.

Кто-то из задних рядов откашлялся, а затем произнес:

— Лорд Рал, там будут погибать невинные люди. Ведь те, на кого мы будем нападать, не солдаты. И к тому же погибнет множество детей.

— Да, к сожалению, это так, но не стоит охлаждать свою решимость и омрачать разум такой ложной и неуместной ответственностью. Это Орден несет ответственность за ведение агрессивной войны против невинных людей, не причинивших ему никакого вреда, — включая женщин и детей. Мы же — лишь ищем путь прекратить агрессию, и как можно скорее.

Это правда, что при этом пострадают или будут убиты и невинные люди — в том числе и дети. Но какова альтернатива? Продолжать приносить в жертву добрых людей из боязни причинить вред невинному? Мы все невинны. Как невинны все наши дети. Но сейчас им причиняют вред. Власть Ордена будет приносить вред всегда и каждому, включая и всех тех детей в Древнем мире. Большую часть из них Орден превратит в чудовищ. И в конце концов погибнет еще больше людей, если Орден одержит победу.

Более того, ответственность за жизнь тех людей, в Древнем мире, лежит не на нас, она лежит на Ордене. Не мы начали эту войну и напали на них. Это они напали на нас. Наша единственная задача — покончить с войной как можно быстрее. А вести ее подобным образом и есть единственный способ этого добиться. Это наиболее гуманная тактика, которую мы можем применить, потому что в итоге это приведет к минимальным потерям жизней.

Разумеется, по возможности следует избегать причинения вреда невинным людям, но это не является вашей главной це-

лью. Ваша цель — покончить с войной. Чтобы добиться этого, нам нужно уничтожить саму их способность вести войну. Вот в чем ваша главная задача как солдат.

Мы защищаем наше право на существование. Если мы преуспеем, то в результате поможем бесконечному числу других жить так же свободно. Но наша цель не в том, чтобы освободить их народ. Если они желают быть свободными, то могут присоединиться к нам в нашей борьбе.

Мне известны люди в Древнем мире, что уже восстали против Ордена и в этой борьбе фактически поддерживают нас. Например, простой кузнец по имени Виктор и его помощники в Алтур-Ранг зажгли пламя свободы в Древнем мире и в действительности сражаются вместе с нами. Где бы вы ни встретили таких изголодавшихся по свободе людей, следует привлекать их на свою сторону и заручаться их поддержкой. Они будут готовы увидеть горящими собственные города и селения, если пламя этих пожаров уничтожит тех самых крыс, что пожирают их жизни.

Всегда и во всем, что ни делаете, никогда не забывайте, что ваша цель — чтобы Орден перестал убивать нас, и сделайте все возможное, чтобы лишить их воли к борьбе. А чтобы добиться этого, нам нужно перенести эту войну к ним.

Я скорблю о невинных людях, которые пострадают при этом, но их потери — прямое следствие безнравственных действий Ордена. Мы не обязаны жертвовать нашими собственными жизнями ради того, чтобы не пострадали невинные на их стороне. Мы не можем отвечать за их жизни в той борьбе, что навязана нам.

Мы имеем полное право защищать наше существование. Не слушайте никого, кто пытается внушить вам обратное. Угрозу необходимо устранить. Все остальное — путь к могиле для вас.

Все собравшиеся стояли мрачные и подавленные, под вздымавшимся волнами парусиновым тентом, защищавшим их от ливня. Никто не пытался спорить. Они уже долгое время участвовали в проигранном противостоянии. Они видели тысячи смертей. И понимали, что иного пути нет.

Ричард сделал знак рукой, обращаясь к капитану Цимеру, молодому, с волевой челюстью и шеей буйвола, чело-

веку, который стоял спокойно, сложив руки на широкой груди. Он сосредоточенно слушал все, что говорил Ричард. Этот человек стал командовать особым отрядом, когда Кэлен повысила Мейфферта, сделав его генералом и назначив командовать армией д'хариан. Кэлен же в свое время рассказала Ричарду, что капитан Циммер и его люди очень хороши в своем деле, что они очень опытные и успешно действуют в сложных ситуациях, неутомимы, бесстрашны и способны убивать с холодным расчетом. То, что заставляет большинство солдат бледнеть, у них вызывает лишь усмешку. И еще Кэлен говорила ему, что они собирают уши своих врагов.

— Капитан Циммер, у меня для вас есть особое задание, как часть нашей новой программы скоординированных действий.

Человек буквально засветился заразительной улыбкой, опустил руки и выпрямился.

— Да, Лорд Рал?

— Это дело первостепенной важности: устранить каждого — каждого! — кто проповедует догматы Ордена. Эти люди служат источником ненависти, источником развращающих убеждений, отравляющих жизнь.

Братство Ордена ставит своей целью покорение всего человечества, чтобы вынудить всех людей жить по их ортодоксальным учениям. Они проповедуют и осуществляют убийства всех тех, кто не хочет покориться им и принять их убеждения. Идеи, распространяемые этими людьми, являются теми запалами, что поджигают массовые убийства. Не будь тех, кто эти учения распространяет, они не убивали бы здесь людей.

Орден — это змея, существующая только благодаря его идеям и учениям. Эта змея дотянулась сюда из самой сердцевины Древнего мира. С этой минуты ваша задача — обезглавить эту змею. Убивайте каждого, кто проповедует их верования. Если кто-то выступил с речью, то я хочу, чтобы на следующее утро его тело нашли посреди самого посещаемого места, и хочу, чтобы для всех было ясно, что он умер отнюдь не естественной смертью. Я хочу, чтобы все узнали, что пропаганда верований Ордена влечет за собой немедленную смерть.

Как именно вы будете убивать их, не имеет значения, но убивать их необходимо. Когда они мертвы, то больше не способны изливать свой яд и разжигать в остальных людях страсть убивать нас. Такова ваша работа: убивать их. Чем меньше времени вы будете тратить на одного, тем быстрее сможете справиться с остальными.

Следует при этом помнить, что высшие жрецы Братства Ордена тоже имеют дар. Вам следует быть осторожными, поскольку эти люди действительно волшебники, но также следует помнить о том, что даже у волшебников есть сердце, что гонит кровь по их жилам. Стрела убьет их столь же верно, как и любого другого человека.

Я знаю это, поскольку не так давно едва не был убит стрелой во время неожиданного нападения на мой лагерь. — Ричард указал на двух женщин позади себя. — Мне повезло, потому что рядом оказались Кара и Никки, которые спасли мою жизнь. Смысл в том, что, несмотря на могущество, эти люди уязвимы. И вы вполне способны уничтожать их.

В конце концов, я часто слышал от вас, что вы будете стоять как сталь против стали, чтобы я мог стоять как магия против магии. Подразумеваемая в этом изречении основная истина заключается в том, что отмеченный даром так же смертен и уязвим, что и все люди.

Я знаю, что вы и ваши люди найдете способы устранить этих людей. Я хочу, чтобы всякий, кто проповедует ненависть, которой проникнуты верования Ордена, убедился, что следствием этого является смерть. Не должно быть никаких исключений в этой суровой реальности для тех, кто наделен магическим даром. Вы и ваши люди должны донести эту реальность до них.

В конце концов, что касается реальности и иллюзии, это есть битва за то, чему из них будет следовать человечество. Они проповедуют веру в нереальное, в выдумку, в царство в иных мирах, в посмертное наказание и награду. И они убивают, чтобы принудить людей принять эту веру.

Противодействие этому есть реальное подтверждение нашего обещания неминуемого возмездия за причинение нам вреда. Обещания же должны выполняться. Это обещание должно быть исполнено. И если мы потерпим неудачу в этой

борьбе, то человечество свалится в глубокую пропасть темных веков.

Ричард оглядел примолкших людей и заговорил тихо, но проникновенно.

— Я полагаюсь на ваш опыт и здравый смысл. Если вы видите нечто, что, на ваш взгляд, помогает им, уничтожайте это. Если кто-то пытается помешать вам, убивайте их. Я хочу, чтобы их посевы, дома, города и селения были сожжены дотла. Хочу видеть, прямо отсюда, что весь Древний мир пылает как факел. Хочу, чтобы там не осталось камня на камне. Хочу, чтобы Древний мир перенес такой разгром, после которого у него не будет больше никакой возможности простирать свои смертоносные намерения на других. Хочу сломить саму их волю к борьбе. Хочу сокрушить их дух.

Я верю, что вы вполне способны найти и другие способы осуществлять все это. Не ограничивайте себя только тем, что я рассказал. Задумайтесь о том, что является ценным подспорьем для них, и сделайте это своей мишенью. Думайте о том, как лучше всего выполнить эту новую задачу.

Он вглядывался в лица людей, которых призывал совершать то, о чем они совсем не подозревали. Им не могло даже прийти в голову, что подобное может стать их работой.

— Итак, не будет никакого решающего сражения с армией Ордена. Мы не будем противостоять им так, как хотят они. Вместо этого мы будем преследовать их и загоним в вырытую ими же могилу.

Собравшиеся офицеры дружно приложили сжатые кулаки к своим сердцам.

Ричард снова обратился к капитану Циммеру:

— Вы уже получили указания относительно ваших особых целей. Будьте безжалостны. У этих людей не должно быть иной альтернативы. Единственный приемлемый результат — их смерть. Так сделайте ее быстрой, уверенной и лишенной всякого милосердия.

Капитан Циммер застыл, выпрямившись.

— Благодарю вас, Лорд Рал, за то, что указали мне и моим людям возможность избавить мир от тех, кто проповедует и разливает этот яд.

— Мне бы хотелось, чтобы вы и ваши люди сделали для меня еще кое-что.

— Слушаю, Лорд Рал.

— Принесите мне их уши.

Капитан Циммер улыбнулся, прикладывая кулак к сердцу.

— Никто не скроется от нас и никому из них не будет пощады, Лорд Рал. Я доставлю вам доказательства.

По мере того как офицеры обдумывали свою новую задачу, они начинали выдвигать предложения как в отношении возможных объектов для внезапных нападений, так и в отношении методов их совершения. Перспектива нанести врагу реальный ущерб оживила их лица, прежде почти постоянно остававшиеся хмурыми, словно они уже свыклись с мыслью, что у них нет иного выбора, кроме как быть поверженными неумолимым врагом. Теперь же Ричард мог видеть в них приток новых сил и энтузиазм оттого, что в конце концов у них на горизонте забрезжил свет.

Люди предлагали испортить поля, заразить источники воды инфекцией от гниющих трупов, разрушить дамбы, вырубить сады, уничтожить поголовье скота, поджечь мельницы. Часть идей Никки отвергла, объясняя, что они не будут эффективными или потребуют чрезмерных усилий при реализации, и указывала на альтернативные решения. Она же доработала некоторые, сделав их более губительными.

Ричард испытывал сильнейшее отвращение к тому, что сейчас слышал, и при этом совершенно явно осознавал, что он сам — творец этого кошмара. Но когда он вспоминал о тех видениях, что связаны с Кэлен, о видениях, показанных ему Шотой, а также о том, что все эти ужасы абсолютно реальны для великого множества невинных людей, то был доволен, что собравшиеся здесь наконец-то решились на ответные действия, и таким способом, который должен положить конец всему этому кошмару. Ведь, так или иначе, сам Орден был причиной всего этого.

— Время сейчас очень ценно, — обратился Ричард к офицерам и собравшимся здесь сестрам. — С каждым проходящим днем Орден захватывает новые области, подчиняет себе, подвергает пыткам, насилует и убивает новых и новых людей.

— Я согласен, — ответил ему генерал Мейфферт. — Это должен быть не просто марш на юг.

— Да, не просто марш, — подтвердил Ричард. — Я хочу, чтобы вы нанесли стремительный и мощный удар. У Ордена огромная армия, и везде, куда она приходит, Новый мир сокрушается их мечами. Но как раз из-за чудовищной численности их армия тяжеловесна и неповоротлива. Передвижение занимает у них значительное время. Джегань использует низкую скорость передвижения как часть тактики; заставляет каждый из находящихся на его пути городов пребывать в агонии страха от ожидания, от одного лишь представления того, что будет с ними. Страх успевает вырасти и стать невыносимым.

У нас в этом отношении действительно есть преимущество, и если задействуем кавалерию и сформируем небольшие подвижные отряды, то сможем молниеносно наносить удары, один за другим, в разных местах. Они сбирают огромную армию у города, окружают его со всех сторон, а затем захватывают. Нам не следует соглашаться с их планами и испытывать на себе их мощное противодействие. Мы должны просто-напросто уничтожать все, что удается, а затем как можно быстрее перемещаться к новой цели. Нам надо сделать так, чтобы каждый человек в Древнем мире ощущал страх и опасался, что спасения от нашей мести не будет.

Бородатый офицер указал рукой на лагерь.

— У нас явно недостаточно лошадей, чтобы превратить всю армию в кавалерию.

— Так надо просто найти, и как можно быстрее, лошадей для всех солдат, — сказала Кара. — Доставайте их, где только возможно.

Офицер размышлял, теребя бороду, затем улыбнулся Каре.

— Не беспокойтесь, мы найдем способ сделать это.

Заговорил еще один из присутствующих:

— Я знаю несколько мест в Д'Харе, где разводят лошадей, и полагаю, что мы сможем, и относительно быстро, получить все, что нам необходимо. — Когда Ричард кивнул, одобряя его предложение, человек приложил к сердцу сжатую в кулак руку. — Я немедленно займусь этим, — сказал он и вышел из-под навеса на дождь.

— Необходимо разбить армию на мелкие соединения, — сказал Ричард, обращаясь к генералу Мейфферту, после того как офицер торопливо удалился. — Нам не нужно, чтобы люди вместе образовывали огромное войско.

Генерал задумчиво смотрел вдаль, затем сказал:

— Мы переформируем наши войска в ряд ударных групп и немедленно отправим их на юг. Они будут полагаться на собственные ресурсы и все добывать для себя сами. При этом они не смогут полагаться на то, что командование сможет координировать их действия или снабжать чем-либо.

— Нам потребуется наладить какую-то связь, — сказал кто-то из пожилых офицеров, — но вы правы — скорее всего, нам не удастся скоординировать действия всех и каждого. Надо дать отрядам общие указания и затем отправить на выполнение задания. В Древнем мире найдется предостаточно целей для нападений.

— Будет неплохо, — сказала Никки, — если отряды вообще не будут связаны друг с другом. — Когда же несколько человек вопросительно взглянули на нее, она продолжила. — Любой курьер с сообщением или приказом, оказавшись схвачен, обязательно будет подвергнут пыткам. У Ордена экспертов в этой области предостаточно. И любой человек, схваченный ими, расскажет все, что знает. И если наши отдельные отряды будут регулярно связываться между собой, их все можно будет выследить. Если же тот, кто окажется захвачен в плен, не будет знать, где другие отряды, то и не сможет выдать этой информации.

— Это похоже на мудрый совет, — заметил Ричард.

— Лорд Рал, — осторожно заговорил генерал Мейфферт, — вся наша армия, целиком и полностью брошенная в Древний мир, да еще без какого-либо сопротивления с их стороны, способна произвести там беспримерное опустошение. А если они будут еще и на лошадях, то опустошат Древний мир настолько, что даже трудно вообразить.

Этот человек предоставлял Ричарду последний шанс изменить свое решение, последний шанс осознать, к чему приводят его намерения. Ричард не стал уклоняться от подразумевавшегося этим вопроса. Он глубоко вдохнул и сцепил руки за спиной.

— Знаешь, Бенджамин, я ведь помню то время, когда одно лишь упоминание о солдатах-д'харианах вызывало в моей душе страх.

Стоявшие неподалеку люди кивнули в знак сожаления об утерянной славе.

— Втягивая нас в это решающее сражение, в котором мы вряд ли сможем добиться победы, — сказал им Ричард, — Джегань вполне преуспел, представляя солдат Д'Харианской империи слабыми и уязвимыми. Но на самом-то деле мы не испытываем страха. Однако они, представляя нас слабыми, думают теперь, что могут поступать с нами как пожелают.

Уверен, это наш единственный шанс победить в этой войне. Если же мы упустим его, то пропадем.

Но я не хочу, чтобы этот шанс был упущен. Никому не следует давать пощады. Я хочу, чтобы курьеры, прибывающие к Джеганю один за другим, сообщали ему о том, что весь Древний мир полыхает огнем. Я хочу, чтобы им казалось, будто сама преисподняя раскрылась и готова вот-вот поглотить их.

Я хочу, чтобы люди тряслись от парализующего страха при одной лишь мысли, что к ним идут солдаты-мстители Д'Харианской империи. Хочу, чтобы каждый мужчина, каждая женщина и каждый ребенок в Древнем мире испытывали страх перед легионами-призраками д'хариан, нападающими с севера. Хочу, чтобы каждый в Древнем мире начал ненавидеть Орден за подобные страдания, обрушившиеся на их головы. Хочу, чтобы их общий вопль, поднятый в Древнем мире, положил конец войне.

Вот, собственно, и все, господа, что я хотел сообщить вам. Не думаю, что у нас есть лишнее время, так что давайте приступать.

Люди, исполненные новой решимости, салютовали, проходя мимо Ричарда, благодарили его и подтверждали, что исполнят свой долг и свое предназначение. Ричард наблюдал, как они торопились под проливным дождем к своим войскам.

— Лорд Рал, — сказал генерал Мейфферт, сделав несколько шагов к нему, — я лишь хочу, чтобы вы знали, что даже когда вас нет среди нас, вы все равно впереди, вы все равно ведете нас в этом надвигающемся сражении. И хотя те-

перь оно может оказаться не одним большим сражением, как все мы ожидали, вы дали людям нечто такое, чего у них никогда не возникло бы без вас. И если это даст результат, тогда ваше руководство и окажется тем самым, что повернет ход войны.

Ричард смотрел, как дождь стекает с краев парусинового навеса, образуя сплошной занавес из водяных бусин. Земля под сапогами военных превратилась в слякоть, по которой они, рассуждая, прохаживались туда-сюда. Этот вид напомнил ему то видение, когда он стоял на коленях в грязи, со связанными за спиной руками и с ножом у горла. Где-то в глубине сознания он все еще слышал, как Кэлен выкрикивает его имя. Он вспомнил собственную беспомощность и ощущение близкой смерти — и был вынужден сдержаться и проглотить комок в горле от этого непрошеного, неизвестно откуда возникшего ужаса. Звуки голоса Кэлен наполняли все его существо болью.

Верна сделала несколько шагов и встала рядом с генералом.

— Я согласна с ним, Ричард. Мне не нравится идея втягивать в это противостояние помимо солдат еще и других людей, но все, что ты сказал, не вызывает сомнений. Эти «мирные» люди, по сути, и стали причиной всего. Стоит вопрос о выживании самой цивилизации, и в этом смысле они сделали себя частью этой борьбы. Да, другого пути нет. Сестры сделают все, как ты просил, даю тебе слово аббатисы.

Ричард опасался, что она станет возражать против этого плана. И был очень благодарен ей, что она не сделала этого. Он крепко обнял ее и прошептал:

— Спасибо.

Он всегда считал, что его сторонники должны не только понимать причины, по которым участвуют в борьбе, но и делать это, с ним или без него, добровольно, ради самих себя. Сейчас он был убежден, что они оценили истинный размер всего, что поставлено на карту, и будут сражаться не потому, что это их долг, а именно ради самих себя.

Верна удержала Ричарда на расстоянии вытянутой руки и теперь вглядывалась в его глаза.

— Что-то не так?

Ричард покачал головой.

— Просто я очень устал от всяких ужасов, что происходят с нашими людьми. И очень хочу, чтобы этот кошмар поскорее закончился.

На лице Верны появилась слабая улыбка.

— Ты уже показал нам путь, как достичь этого, Ричард.

— Какую роль вы оставили для себя во всем этом деле, Лорд Рал? — спросил его генерал, когда Ричард повернулся, закончив разговор с Верной. — Если мой вопрос, так сказать, уместен.

Ричард вздохнул, возвращаясь к делам. И когда он переключился на вопрос, ужасное видение растаяло.

— Боюсь, что у нас серьезные проблемы с магией. Армия Имперского Ордена — это всего лишь одна из угроз, с которыми мы столкнулись.

Генерал Мейфферт нахмурился.

— И в чем эти проблемы?

Ричард даже и не надеялся, что сможет очередной раз объяснить целиком всю историю, поэтому постарался изложить все коротко и по сути.

— Женщина, которая произвела вас в генералы, исчезла. Она сейчас в руках нескольких сестер Тьмы.

Его собеседник выглядел явно озадаченным.

— Сделала меня генералом? — Он как будто пытался заглянуть в затянутые туманом глубины собственной памяти. — Не могу вспомнить...

— Это имеет отношение к той беде, что и произошла с магией.

Генерал и Верна обменялись взглядами.

— Это была жена Лорда Рала, Кэлен, — сказала Кара. — Именно она, Бенджамин, и сделала тебя генералом. — Его выражение сменилось изумлением. Кара же лишь пожала плечами. — Это длинная история, и рассказывать ее лучше в другое время, — добавила она, опустив руку на его плечо. — Никто из нас, кроме Лорда Рала, не помнит ее. В этом и заключается магия, называемая Огненной Цепью.

— Огненная Цепь? — Верна проявила еще большую подозрительность. — Что за сестры?

— Сестра Улисия и ее другие наставницы, — сказала Никки. — Они выискали древнюю магию под названием Огненная Цепь и инициировали ее.

Верна бросила на Никки холодный взгляд.

— Полагаю, ты действительно представляешь, насколько опасны эти женщины, раз была одной из них.

— Да, — устало сказала Никки, — как знаю и то, что именно вы захватили Ричарда и забрали его в Народный Дворец. Не сделай вы этого, ему не пришлось бы разрушать великий барьер, и Имперский Орден оставался бы сейчас в Древнем мире, а не хозяйничал в Новом. И уж если продолжать обвинения, то сестры Тьмы никогда не столкнулись бы с Ричардом, если бы вы его не захватили и не переправили через барьер в Древний мир.

Верна лишь плотно сжала губы. Ричарду было знакомо это выражение, как и то, что могло последовать за ним.

— Хорошо, хорошо, — сказал он тихо, прежде чем они смогли продолжить. — В то время мы все поступали так, как считали нужным. Я тоже сделал свою долю ошибок. Мы способны исправить лишь будущее, а не прошлое.

Сжатые губы Верны свидетельствовали о том, что ей хочется продолжить этот спор, но она понимает, что лучше этого не делать.

— Ты прав.

— Разумеется, прав, — сказала Кара. — Ведь он же Лорд Рал.

Верна невольно улыбнулась.

— Я тоже так думаю, Кара. Он пришел исполнить пророчество, даже если и не желал делать этого.

— Нет, — сказал Ричард, — я пришел, чтобы попытаться помочь нам спасти самих себя. Ничего еще не закончено, а пророчество, в случае, о котором ты говоришь, имеет совсем другой смысл.

Подозрения Верны вспыхнули с новой силой.

— Какой смысл?

— У меня нет времени сейчас распространяться на эту тему. Нужно вернуться назад и проверить, добился ли чего-то Зедд вместе с другими.

— Вы имеете в виду поиски вашей жены, Лорд Рал?

— В том числе, генерал, но дело обстоит еще хуже. Произошло и многое другое. Затронуты самые основы магии.

— Что, например? — продолжала уточнять Верна.

Ричард встретил ее взгляд.

— Тебе следует знать, что гармонии внесли искажения в мир живого. Эти искажения сказались и на самой магии. Одна часть ее уже практически исчезла. Нельзя сказать, какая часть пострадает следующей или как скоро это случится. Поэтому нужно вернуться и попытаться понять, что можно сделать — если вообще можно что-то сделать. Энн вместе с Натаном помогают Зедду найти хоть какие-то ответы.

И прежде чем Верна успела обрушить на него очередной шквал вопросов, Ричард обратился к генералу:

— И последнее. При отсутствии здесь армии, стоящей на их пути, Джеганъ, я уверен, попытается захватить Народный Дворец.

Генерал Мейфферт почесывал свою светловолосую голову, обдумывая услышанное.

— Полагаю, что так. — Он поднял глаза. — Но ведь дворец находится высоко, на расположенном вверху плато. И наверх есть только два пути: узкая дорога с подъемным мостом или через гигантские внутренние двери. Если эти двери закрыты, то проникнуть через них невозможно, а дорога просто непригодна для вооруженного штурма.

И тем не менее, — продолжил генерал, — чтобы быть более уверенными в безопасности дворца, думаю, следует отправить туда часть наших лучших воинов в качестве подкрепления. Когда мы отправимся на юг, генерал Тримак и его Первая когорта останутся один на один с армией Джеганя. Но штурм дворца? — Он скептически покачал головой. — Дворец неприступен.

— У Джеганя есть люди, обладающие даром, — напомнила ему Кара. — И не забудьте, Лорд Рал, что некоторые сестры уже проникали во дворец. Помните, еще в самом начале?

И прежде чем Ричард смог ответить, Верна схватила его за руку и развернула в свою сторону, недовольно взглянув на него.

— Для чего эти сестры запалили ту самую магию, что ты только что упоминал, магию Огненной Цепи?

— Чтобы заставить людей забыть о существовании Кэлен.

— Но зачем им это понадобилось?

Ричард вздохнул.

— Сестра Улисия решила отправить Кэлен в Народный Дворец, чтобы украсть шкатулки Одена. А магия Огненной Цепи создавалась как раз для того, чтобы сделать некое лицо как бы невидимым. Применив магию Огненной Цепи по отношению к Кэлен, удалось сделать так, что все ее забывают. Никто не помнит, что она вошла и забрала шкатулки из Сада Жизни.

— Забрала шкатулки... — Верна заморгала от изумления. — Для чего же?

— Чтобы сестра Улисия привела их в действие, — ответила Никки.

— О Создатель... — только и смогла произнести Верна, прижимая ладонь ко лбу. — Я отправлю во дворец нескольких сестер со строгим наказом.

— Возможно, и тебе следует отправиться с ними, — сказал Ричард, поглядывая наружу и наблюдая, как поднявшийся ветер превратил прямой дождь в косой. — Мы не можем позволить, чтобы дворец пал. Вызывать опустошение в Древнем мире — это относительно несложное применение магии сестер. Защитить же дворец от орды Джеганя и подчиненных ему волшебников может оказаться куда более тяжелым испытанием.

— Возможно, ты прав, — призналась она, убирая с лица волнистую прядь волос, потревоженную ветром.

— Я подумаю, что можно сделать, чтобы остановить Улисию и ее сестер Тьмы. — Ричард посмотрел на Никки и Кару, затем бросил взгляд на тех людей, что уже спешили — сквозь проливной дождь — исполнять свою новую миссию. — Мне нужно возвращаться.

Генерал Мейфферт очередной раз приложил, с легким ударом, кулак к своему сердцу.

— Мы будем держаться, выставив сталь против стали, Лорд Рал, чтобы вы могли выставить магию против магии.

Верна коснулась рукой щеки Ричарда, взгляд ее карих глаз был устремлен на него.

— Будь осторожен, Ричард. Ты нужен всем нам.

Он кивнул и одарил ее теплой улыбкой, в которую вложил гораздо больше, чем способен был выразить словами.

Рука генерала Мейфферта скользнула вокруг талии Кары.

— Могу ли я проводить вас к лошадям?

Кара очень женственно улыбнулась ему.

— Я думаю, мы воспримем ваше предложение с удовольствием.

Собираясь выходить под ливень, Никки подняла капюшон плаща. Она взглянула на Ричарда и нахмурилась, не скрывая подозрения.

— Где ты подхватил эту мысль, насчет легионов-призраков?

Он обнял ее чуть ниже плеч и повел сквозь ливень.

— Эту мысль мне подала Шота, когда сказала, что следует прекратить охоту за призраком. Она имела в виду, что призрак невозможно обнаружить и невозможно поймать. Я хочу, чтобы эти люди стали призраками.

— Ты поступил совершенно правильно, Ричард.

Скорее всего, она не могла не заметить печаль в его глазах.

Кара осторожно положила руку ему на плечи, и они все вместе побежали к лошадям.

Глава 26

Рэчел зевала. Виолетта, взявшись будто ниоткуда, развернулась и отвесила ей затрещину, достаточно сильную, чтобы свалить ее с камня, на котором она сидела.

Оглушенная, Рэчел приподнялась, опираясь на одну руку. Другой рукой она поглаживала щеку, ожидая, когда оглушающая боль ослабнет, а все вокруг перестанет расплываться. Довольная результатом, Виолетта вернулась к своей работе.

Рэчел так ослабла от долгого недосыпа, что оказалась слишком невнимательной, позволив удару Виолетты застать ее врасплох. Глаза Рэчел увлажнились от подступивших слез, жгущих изнутри, но она была не настолько глупа, чтобы попытаться возразить или продемонстрировать свои мучения.

— Зевать в лучшем случае просто невежливо, а в худшем — проявление непочтительности, — донеслось до нее, когда Виолетта обратила назад через плечо свое пухлое личико. — Если ты не научишься вести себя, в следующий раз я использую плеть.

— Да, королева Виолетта, — кротко ответила Рэчел. Она очень хорошо знала, что пустых угроз у Виолетты не бывает.

Рэчел так устала, что с трудом удерживала глаза открытыми. Когда-то она была для Виолетты компаньоном по играм, но теперь, казалось, стала не более чем объектом для оскорблений.

Виолетта горела жаждой мести. На ночь она закрепляла во рту Рэчел приспособление из железа. Это был ужасающий процесс. Рэчел вынуждали сунуть язык в зажим в форме клюва, из двух плоских, шершавых кусков железа. Они бо-

лезненно удерживали язык так, что им невозможно было пошевелить.

Попытавшись как-то оказать сопротивление, Рэчел заработала порку, вслед за чем появилась стража и помогла открыть ее рот, а затем, с помощью причинявших неимоверную боль щипцов, завершить задачу, закрепив ее нежный язык в этом железном зажиме. В конце концов они победили и добились своего; ее языку некуда было деться. Как только зажим оказывался на месте, к лицу прижимали железную маску, частью которой он являлся, и закрепляли на голове, чтобы удерживать язык в неподвижном состоянии.

Когда все это проделывалось, Рэчел не могла говорить. Трудно было даже глотать. А после этого Виолетта запирала ее на ночь в старый железный сундук. Это она сопровождала словами, что хочет, чтобы Рэчел узнала, каково быть немым и страдать от боли.

Это было тяжело и мучительно. Быть всю ночь запертой в железном ящике, с этим ужасным устройством, удерживавшим язык, едва не доводило до безумия. Поначалу, боясь потерять рассудок от ощущения, что она загнана в ловушку, и от постоянного одиночества, не имея возможности выбраться из сундука, не имея возможности сбросить этот ужасный, вызывающий мучительные страдания железный зажим, она кричала, кричала и кричала. Виолетта же, давясь от смеха, лишь набрасывала поверх клетки плотный ковер, чтобы приглушить крики Рэчел. Эти крики и плач приводили лишь к тому, что боль от железного клюва, сжимавшего язык, становилась сильнее и язык начинал кровоточить.

Но что в конце концов вынудило ее прекратить плач и крики, так это возвращение Виолетты, когда та, заглянув в маленькое окошко в крышке сундука, сказала, что если Рэчел не затихнет, то Сикс, без всяких шуток, отрежет ей язык. Рэчел знала, что Сикс сделает все, о чем ни попросит Виолетта.

После этого она больше не кричала и не бесновалась. Она сворачивалась калачиком в тесной железной тюрьме и старалась вспоминать все, чему ее учил Чейз. Именно это, в конце концов, и успокаивало ее.

Чейз говорил ей, что следует думать не о сиюминутных затруднениях, а стараться дождаться того момента, когда уда-

стся избавиться от них. Чейз учил ее, как наблюдать за манерой поведения людей и пользоваться удобными моментами, когда они не обращают на тебя внимания. Воспоминания о Чейзе и были ее основным занятием, пока, каждую ночь, ей приходилось без сна лежать в этом железном сундуке. Потому что она была не в состоянии уснуть из-за того, что с таким нетерпением ждала наступления утра, когда ее извлекут из этого сундука и на целый день снимут этот ужасающий механизм.

Рэчел едва могла есть — настолько был ободран и исцарапан ее язык, — хотя еды ей давали все равно немного. Каждое утро, после того как снимали зажим, ее язык несколько часов мучительно пульсировал. Челюсти тоже постоянно болели, потому что рот из-за этого самого устройства всю ночь был открыт. Вызывал боль и сам процесс еды. Кроме того, во всем ощущался привкус грубого металла. Говорить было тоже трудно и больно, так что говорила она лишь, когда Виолетта спрашивала ее о чем-то. Виолетта, видя, как Рэчел избегает всяческих разговоров, нередко улыбалась, выражая глубокое презрение, и стала называть Рэчел маленькой молчуньей.

Рэчел же была полностью подавлена, снова оказавшись в когтях у такой злонамеренной личности, и крайне опечалена тем, что Чейз исчез из ее жизни. Она, несмотря на столь подавленное состояние, не смогла утратить воспоминаний о нем. И без конца горевала о Чейзе. Собственная душевная боль, страдания и полное одиночество казались ей нестерпимыми. Когда Виолетта не была занята «рисованием», не следила за слугами, не ела, не примеряла драгоценности или платья, она развлекалась, избивая и всячески унижая Рэчел. Иногда, напоминая Рэчел, как та угрожала ей огневой палочкой, Виолетта хватала Рэчел за запястье и подносила к ее руке раскаленный добела уголек. И все же печаль, когда она вспоминала о Чейзе, ранила и огорчала куда больше, чем все, что могла сделать с ней Виолетта. Без Чейза собственная судьба была ей почти безразлична.

Виолетте же было просто необходимо, как она выражалась, «проучить» Рэчел за все те ужасные поступки, что она совершила. Так, Виолетта решила, что потеря ею языка про-

изошла исключительно из-за оплошности Рэчел. Виолетта утверждала, что за это преступление Рэчел должна очень долго заслуживать прощение, как и за столь открытую демонстрацию неуважения, какой был ее побег из замка. Виолетта рассматривала побег Рэчел как позорнейшее неприятие того, что она называла «великодушием» по отношению к никчемной сироте. Она зачастую продолжала пенять ей теми тяготами, на которые она и ее мать пошли для того только, чтобы позаботиться о такой неблагодарной беспризорнице.

Когда же Виолетте надоедало издеваться над нею, Рэчел казалось, что теперь ее казнят. Она слышала, как Виолетта приговаривала к смерти узников, обвиняемых в «высшем преступлении». Если кто-то слишком раздражал ее или если Сикс указывала ей на кого-то, кто, по ее мнению, угрожал короне, Виолетта тут же отдавала приказ о казни. Если же кто-то совершал непростительную ошибку, открыто подвергая сомнению право Виолетты на власть или правление, Виолетта приказывала страже провести казнь как можно медленнее и сделать ее максимально мучительной. Иногда она и сама приходила понаблюдать за этим, просто чтобы убедиться, что все исполнено как надо.

Рэчел помнила прежние времена, когда приказания о казнях отдавала королева Милена, а Виолетта просто ходила туда и смотрела. Будучи ее партнером по играм, Рэчел приходилось ходить вместе с ней. Там она всегда отводила глаза от ужасных сцен и зрелищ; Виолетта же всегда внимательно наблюдала.

Сикс учредила целую систему, посредством которой люди могли тайно сообщать имена тех, кто произносил слова против королевы. Сикс убеждала Виолетту, что этих людей, кто делал такие тайные доносы, следует вознаграждать за преданность королеве. И Виолетта довольно щедро платила за имена предателей.

Еще до того, как Рэчел сбежала, Виолетте понравилось причинять боль. Сикс же часто высказывалась в том смысле, что боль — хороший учитель. Виолетта прониклась крайне безрассудным убеждением, что если она управляет жизнями других — это означает, что по одному ее слову люди могут быть обречены на страдания.

И еще Виолетта стала проявлять острую подозрительность ко всем и каждому. К каждому, кроме Сикс, которая оказалась единственной, на кого она полагалась. Она ни в малейшей степени не доверяла большинству своих «верноподданных» и зачастую обращалась с ними, как с полным ничтожеством, применяя обращение «никто». Рэчел припомнила, что раньше Виолетта использовала это обращение по отношению к ней.

Когда Рэчел раньше жила в замке, людям приходилось тщательно следить за собой, чтобы не перейти дорогу «нехорошему» человеку, но это скорее было поводом оставаться постоянно настороже. Люди опасались королевы Милены, и совершенно обоснованно, но при этом все они улыбались и даже временами смеялись. Прачки, как обычно, мололи языками, повара время о времени выпекали торты со смешными рожицами, уборщики, занимаясь своей работой, посвистывали, а солдаты, проходя по залам дворца во время дежурства, иногда рассказывали друг другу шутливые истории.

Теперь же при появлении королевы Виолетты или Сикс все лишь содрогались. Никто из уборщиков, прачек, белошвеек, кухарок или солдат не отваживался ни улыбнуться, ни рассмеяться. Они все при этом выглядели испуганными и торопились заняться работой. В замке теперь царила атмосфера всеобщего опасения, что в любой момент любой из них окажется в чем-то уличен. Каждый на свой манер старался продемонстрировать уважение королеве, особенно если за ней следовала ее высокая, мрачная и жестокая советница. Казалось, люди боялись Сикс не меньше, чем Виолетту. Когда Сикс улыбалась той странной, пустой, змееподобной улыбкой, характерной для нее, люди застывали на месте, их глаза широко раскрывались, а на лбу выступал пот, и они с облегчением сглатывали комок, застрявший в горле, когда она исчезала из вида.

— Как раз в этом месте, — сказала Сикс.

— В этом месте что? — спросила Виолетта, грызя хлебную палочку.

Рэчел, успокаиваясь, прислонилась к камню, на котором до этого сидела. Она напомнила себе, что следует быть более внимательной. Полученная затрещина была заслужен-

ной, результатом ее собственной ошибки, допущенной по невниманию.

Нет, это не так, поправила она себя. Это вина Виолетты. Чейз учил, что не следует брать на себя чужую вину.

Чейз. Ее сердце снова упало при мысли о нем. Следует думать о чем-то другом, чтобы не впадать в такую печаль, что не удержать рыданий. Виолетта вообще не переносит, когда Рэчел делает что-либо без разрешения. В том числе и плачет.

— Как раз в этом месте, — снова сказала Сикс, проявляя адское терпение. Поскольку Виолетта лишь продолжала в изумлении смотреть на нее, Сикс провела узким пальцем вдоль освещенной факелом каменной стены. — Чего здесь нет?

Виолетта склонилась, вглядываясь в стену.

— Гм-м-м...

— Где солнце?

— Ну, — сказала Виолетта резким голосом, вновь выпрямляясь, и повела пальцем вокруг желтого диска, — вот оно. Ведь понятно же, что это солнце.

Сикс с минуту пристально разглядывала ее.

— Да, конечно, я вижу, что это солнце, моя королева. — На ее лицо вернулась пустая улыбка. — Но где оно? В какой части неба находится?

Виолетта постукивала мелом по подбородку.

— Неба?

— Да, неба. В какой части неба оно находится? Прямо в зените? — Сикс указала пальцем вверх. — Так мы хотим сказать, что смотрим прямо на солнце? У нас что, самая середина дня?

— Ну, конечно, нет, это не полдень... Ты же знаешь, что это не может быть полдень. Это, как предполагается, конец дня. И тебе это известно.

— В самом деле? И откуда же это можно узнать? Ведь, в конце концов, не имеет большого значения, что мне известно, когда это должно быть. Рисунок должен говорить сам за себя. Ведь невозможно же получать комментарии по этому поводу от меня, разве не так?

— Полагаю, что нет, — призналась Виолетта.

Сикс снова провела пальцем по стене ниже нарисованного солнца.

— В таком случае, здесь что-то упущено.

— Упущено, упущено... — бормотала Виолетта. — О! — Она быстро провела прямую линию, как раз там, где Сикс указывала пальцем. — Горизонт. Надо зафиксировать время дня с помощью горизонта. Да, ты говорила мне об этом раньше. Полагаю, что это выскочило у меня из головы. — Она оглянулась на Сикс. — Ты же знаешь, как много всего приходится помнить. Очень трудно держать в голове все эти мелочи.

Улыбка Сикс оставалась застывшей.

— Да, моя королева, разумеется, это так и есть. Прошу прощения, что забыла, как трудно было выучить все это, когда я была в твоем возрасте.

Рисунок, над которым работала Виолетта, был гораздо сложнее, чем все остальные в этой пещере, но Сикс постоянно напоминала Виолетте о том, чтобы он соответствовал некоему реальному времени.

Виолетта потрясла мелом в сторону Сикс.

— Тебе не следовало забывать об этом.

Сикс очень осторожно сплела пальцы.

— Да, разумеется, моя королева. — Она сжала губы, но вскоре отвела взгляд от Виолетты и повернулась обратно к стене. — Теперь, вот в этом месте, нам необходима звездная карта этой области. Позже я могу преподать тебе специальный урок о том, для чего это нужно, если хочешь, но сейчас почему бы просто не показать тебе самое необходимое?

Виолетта взглянула туда, куда указывала Сикс, и пожала плечами.

— Конечно. — Она вновь принялась сосать хлебную палочку, ожидая.

Сикс открыла небольшую книгу. Виолетта наклонилась, прищуриваясь в мерцающем свете. Сикс постучала по странице длинным ногтем, тогда как Виолетта наконец-то откусила кусочек хрустящей хлебной палочки.

— Видишь азимут? Помнишь урок о положении вот этой звезды по отношению к горизонту?

— Да... — протяжно произнесла Виолетта, но по ее виду было заметно, что она вообще не понимает, о чем говорит

Сикс. — Значит, надо использовать вот это угловое отношение. Верно?

— Да, верно. Это своего рода общий фактор, который все это увязывает.

Виолетта кивнула.

— И посредством него все оказывается направленным на... — задумчиво сказала она.

— Именно так. Эта связь — один из элементов, фиксирующих место заключительного согласования. Это, в свою очередь, требует горизонта, который ты сейчас нарисовала, чтобы зафиксировать угол. Иначе в нашей системе не будет жесткой связи.

И Виолетта снова кивнула.

— Мне кажется, что теперь я поняла, почему их надо соединить. Если соотношение не зафиксировано, — она указала на дугу из символов, — тогда это может случиться в любое время. Сегодня, завтра или... или не знаю когда, хоть через десяток лет.

Сикс коварно улыбнулась.

— Верно.

Виолетта заулыбалась, радуясь собственным достижениям.

— Но откуда берутся все эти символы и как нам узнать, где расположить их на нашем конкретном рисунке? Коли на то пошло, откуда мы узнаем, что они необходимы в определенных точках, именно там, где ты заставила меня их нарисовать?

Сикс вздохнула, набираясь терпения.

— Ну, мне не сложно будет научить этому тебя, но на обучение уйдет дюжина лет. Ты согласна ждать так долго, чтобы совершить месть?

Выражение лица Виолетты помрачнело.

— Нет.

Сикс пожала плечами.

— Тогда, по моему разумению, непосредственное использование моей помощи в этом проекте и есть самый короткий путь к результату.

Виолетта скривила рот.

— Полагаю, что так.

— У тебя есть все, что тебе нужно, моя королева. И ты делаешь все абсолютно правильно на этой стадии развития

своего таланта. Уверяю тебя: хотя я и помогаю тебе там, где слишком сложно, ничто не сработает без приложения твоих, крайне важных, способностей. Я не смогла бы осуществить все это без твоего дарования.

Виолетта улыбнулась, как получивший похвалу учителя ученик. Бросив еще один внимательный взгляд на томик, который Сикс держала открытым, она наконец вернулась к стене, чтобы тщательно зарисовать необходимые элементы, взятые из книги.

Рэчел была удивлена, как хорошо на самом деле могла рисовать Виолетта. Все стены в этой пещере, от самого входа до этого дальнего места, где сейчас они работали, были покрыты ее рисунками. Они были буквально втиснуты в любое свободное место. Местами выглядело так, будто рисунок ужат до размеров того пространства, что оставалось между более ранними рисунками. Некоторые из рисунков были очень хорошие, с такими деталями, как штриховка и оттенок. Хотя большинство из них представляли простые изображения костей, растений, змей или животных. Были там и рисунки людей, пьющих из кружек с изображением на них черепов и скрещенных костей. В одном месте была изображена женщина, будто сделанная из хвороста, выбегавшая из объятого пламенем дома; и еще женщина, теперь уже охваченная пламенем. В другом месте был нарисован мужчина в воде рядом с тонущей лодкой. Еще на одном змея, кусавшая человека за лодыжку. Кроме того, стены были покрыты изображениями различного вида гробов и могил. И у картин в этой пещере было одно общее: все они изображали что-то ужасное.

Но во всей пещере не имелось ни одной картины, по сложности приближавшейся к той, что сейчас рисовала Виолетта.

Среди остальных картин изредка попадались изображения людей в натуральную величину, но даже эти немногие картины имели лишь схематически изображенные дополнения, в виде падающего на человека камня или контура лошади, по воле художника топчущей человека. Бо́льшая часть рисунков были одного типа и лишь несколько десятков сантиметров в ширину. Последний же рисунок Виолетты в высоту был та-

ким, насколько она могла достать, а ширина его тянулась на многие и многие десятки футов, простираясь в глубину пещеры. И все это Виолетта нарисовала сама, ну, разумеется, не без помощи Сикс.

Но более всего Рэчел насторожилась, когда, после того как Виолетта поработала над картиной некоторое время, изобразив звезды, формулы, диаграммы и еще какие-то непонятные и сложные символы, она наконец нарисовала в центре всего этого фигуру человека.

Это был Ричард.

Этот рисунок Виолетты был не похож на другие рисунки в этой пещере. Он заставлял их казаться, в сравнении с ним, примитивными и недоработанными. Все другие рисунки отображали, в общем-то, простые вещи, такие как грозовое облако с косыми каплями дождя, или волк, оскаливший зубы, или человек, схватившийся за свою грудь и падающий на спину. На стенах здесь в основном были изображены такие вот простые вещи, дополнявшие человеческие фигуры.

Этот же рисунок Виолетты содержал множество разнообразных деталей. Здесь были числа и элементы схем, слова на странных языках, некоторые из которых написаны вдоль линий схем и диаграмм, цифры, аккуратно вписанные в местах, где сходились углы, и еще были странные геометрические символы, разбросанные по всем частям картины. Всякий раз, когда Виолетта рисовала очередной символ, Сикс придвигалась к ней вплотную и с полным вниманием нашептывала ей указания по поводу каждой линии и время от времени корректировала то место на стене, куда Виолетта направляла мел, не позволяя ей лишний раз коснуться мелом стены, чтобы очередная линия не нарушала последовательности или композиции. Однажды Сикс даже забеспокоилась и ухватила Виолетту за запястье, прежде чем та успела коснуться мелом стены. С облегчением вздохнув, Сикс передвинула руку Виолетты, помогая ей начать линию в правильном месте.

В отличие от других рисунков, этот был сделан различными цветами. Все остальные рисунки на стенах пещеры, вплоть до того места, где она сейчас рисовала, были выпол-

нены обычным мелом. На новом же рисунке в одном месте были зеленые деревья, в другом — голубая поверхность воды; солнце было желтым, облака — красные. Некоторые из схем выполнены целиком белым, тогда как другие сделаны многоцветными, да еще с соблюдением правильного подбора цветов.

Еще одно отличие этого от других рисунков — когда они уходили, покидая пещеру, и Рэчел оглядывалась назад, она могла видеть, что отдельные элементы этого рисунка светятся в темноте. И не мел вызывал это свечение, потому что тот же самый мел в других местах рисунка не светился.

Светились в темноте части различных символов. Все вместе образовывало изображение странного лица, светящегося в той области картины, что была покрыта сложными схемами. Когда рядом оказывался факел, это лицо оказывалось невидимым, на стене оставалась лишь густая сеть линий. Рэчел так и не смогла определить, из каких элементов схем или символов формировалось это лицо. Но в полной темноте лицо вглядывалось в нее, а его глаза провожали ее, когда она покидала пещеру.

Но что действительно вызывало у Рэчел мурашки, так это изображение Ричарда. Он был исполнен так хорошо, что Рэчел могла распознать его даже по одному лишь лицу.

Рэчел не переставала удивляться тому, как хорошо рисовала Виолетта. Были и другие подробности, отличавшие Ричарда, даже если бы рисунок оказался недостаточно хорош. Его черная одежда была изображена исключительно точно, как раз такой, как помнила ее Рэчел. Даже воспроизведены несколько загадочных символов, нарисованных по краю его туники. Сикс была очень дотошна в соблюдении той точности, с которой Виолетта должна изобразить эти знаки. На картине Виолетты на Ричарде также была развевающаяся накидка, будто расшитая золотом.

По тому, как Виолетта изобразила его, можно было подумать, что Ричард находится в воде. Вокруг него располагались области с волнистыми цветными линиями, которые Сикс называла «ауры». Каждый цвет сопровождался сложными формулами и схемами, занимавшими отделявшую эту область от Ричарда пространство. Сикс пояснила, что в итоге, на заключительном этапе, эти вклинившиеся между ним и его сущно-

стью элементы будут соединены, принимая форму активного барьера. Что именно это означает, Рэчел не понимала, но было очевидно, что для Виолетты это важно.

Казалось, Сикс особенно гордилась именно этой частью, как раз этим самым активным барьером элементов. Иногда она подолгу стояла и разглядывала их.

На этой картине Ричард был изображен с Мечом Истины, но меч показан едва заметно, как будто он при нем, но вроде бы и нет. Казалось, Меч почти его часть, но по тому, как Виолетта изобразила Ричарда — он держал Меч так, словно тот пересекал его грудь, — Рэчел не могла сказать с уверенностью, действительно ли имелось в виду, что он держит его, поскольку Меч был слабо прорисован. Виолетте пришлось потрудиться, чтобы нарисовать это именно таким образом. Сикс заставила ее несколько раз переделать, уверяя, что получилось слишком «вещественно».

Рэчел была озадачена этим мечом, изображенным вместе с Ричардом, поскольку теперь меч Ричарда находится у Самюэля. С другой стороны, казалось правильным, что Ричард с этим мечом. Может быть, у Сикс было такое же ощущение.

Виолетта отступила назад и вскинула голову, оценивая свою работу. Сикс стояла совершенно неподвижно, всматриваясь в рисунок, как будто рядом с ней больше нет никого. Она протянула руку и нерешительно, очень осторожно, коснулась символов, размещенных вокруг Ричарда.

— Когда же мы наконец завершим соединение элементов? — спросила Виолетта.

Когда пальцы Сикс медленно и легко двигались вдоль линий схем, некоторые из промежуточных элементов реагировали на ее прикосновение, искрясь и мерцая в тусклом освещении пещеры.

— Скоро, — прошептала она. — Скоро.

Глава 27

— Лорд Рал!

Ричард обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть несущуюся сломя голову Бердину, уже прыгнувшую прямо на него. Она повисла на нем, обхватив его руками и ногами, и удар вышиб весь воздух из его легких. Собранные в длинную косу каштановые волосы захлестнулись вокруг него. Ричард, покачнувшись, сделал шаг назад и обнял ее, чтобы удержать от падения, — хотя, крепко вцепившись в него руками и ногами, она вряд ли нуждалась в этом.

Ричарду это напомнило прыжок белки-летяги. Несмотря на тяжелые мысли, он не смог удержаться от улыбки при виде такой жизнерадостности Бердины. Кто бы мог подумать, что эта девушка из морд-ситов снова будет выражать свои эмоции столь непринужденно, словно ребенок.

Она чуть откинулась назад и широко улыбнулась ему. Затем обернулась, чтобы встретить недовольный взгляд Кары.

— Он по-прежнему любит меня больше всех — я точно знаю.

Кара лишь закатила глаза.

Все еще удерживая руками Бердину за талию, Ричард приподнял ее и поставил на землю. Она была ниже ростом, чем другие морд-ситы, которых знал Ричард, но при этом более подвижная и куда более жизнерадостная. Эта комбинация простодушного сладострастия с озорным, веселым характером всегда обезоруживала Ричарда. Хотя, как и большинство морд-ситов, Бердина также обладала склонностью к внезапному жестокому насилию, скрывавшейся под искрен-

ним детским восторгом. Она и Ричарда любила страстно и открыто, совершенно искренне, чисто, на манер ребенка.

— Один твой вид уже согревает мне душу, Бердина. Ну, как ты поживаешь?

Она в замешательстве уставилась на него.

— Лорд Рал, я же морд-сит. Ну как еще, по-вашему, я поживаю?

— Доставляешь всем неприятности, как и прежде, — сказал он едва слышно.

Она улыбнулась, восторгаясь такому замечанию.

— В прошлый раз, узнав, что вы здесь, я не успела застать вас. Но решила, что во второй раз не упущу. И сейчас я не собираюсь позволить вам исчезнуть, не поговорив. Нам нужно обсудить так много всего, что даже не знаю, с чего начать.

Ричард взглянул вдоль широкого коридора, пол которого выложен мрамором с золотистыми прожилками, а по краям — черным гранитом, и увидел группу солдат, направляющихся быстрым шагом в его сторону. Высоко над их головами дождь продолжал колотить по прозрачной крыше, пропускающей вниз тусклый сумрачный свет. Каким-то образом этот неяркий свет умудрялся собираться и ярко отражаться от полированных нагрудников солдат.

У всех за пояс заткнуты серповидные топоры, в дополнение к мечам и длинным ножами. Некоторые вооружены арбалетами, уже взведенными и готовыми к стрельбе. Группа арбалетчиков шла чуть в стороне от других, и все они носили черные перчатки. Арбалеты заряжены устрашающего вида стрелами с красным оперением.

Залы дворца заполняли люди самого разного сорта: и те, кто здесь живет и работает, и те, кто пришел продавать или покупать что-либо. Все они расступались, давая группе воинов достаточно места для прохода, и краем глаза наблюдали за Ричардом, стараясь при этом не выглядеть откровенно следящими за ним. Когда Ричард встречался с кем-либо взглядом или замечал, что на него смотрят, некоторые склоняли голову в поклоне, другие опускались на одно колено. Ричард тогда улыбался, пытаясь избавить их от смущения.

Это было редкое событие за последние годы — когда Лорд Рал дома, в своем дворце. Едва ли можно было ожи-

дать, что люди не проявят интереса, не будут стараться увидеть его. В черной одежде боевого чародея, наряду с развевающимся золотистым плащом, он и так едва ли остался бы без внимания. Хотя по-прежнему так и не мог думать об этом месте как о своем доме; в душе он все еще считал своим домом леса Хартленда. Там он вырос, среди величественных деревьев, а не среди высоченных полированных каменных колонн.

Генерал Тримак, командующий Первой когортой Народного Дворца, резко остановился и в знак приветствия приложил кулак к груди, прикрытой рельефно выступающими кожаными доспехами. Раздался негромкий металлический перезвон снаряжения, когда отсалютовала дюжина прибывших с ним солдат. Эти люди, постоянно, с неослабным вниманием осматривающие залы и оценивающие каждого из проходивших мимо, составляли личную охрану Лорда Рала, когда он бывал в своем дворце. Они осмотрели Кару и быстро оценили Никки, на полном основании стоявших рядом с Ричардом. Эти люди составляли последнее кольцо защиты, оберегающее Лорда Рала от угрожавших ему опасностей. В Первую когорту отбирали наиболее опытных и преданных из всех войск д'хариан.

После воинского приветствия командир поклонился Каре, а затем обратился к Ричарду:

— Лорд Рал, мы рады, что вы наконец-то дома.

— Боюсь, генерал, это всего лишь короткий визит. Я не могу остаться здесь. — Ричард жестом указал в сторону Никки и Кары. — У нас срочное дело, и нам придется вскоре покинуть вас.

Генерал Тримак вздохнул с искренним огорчением, но в целом удивлен не был. Затем, как показалось, у него возникла догадка, отчасти не лишенная смысла.

— Так вы отыскали ту женщину... вашу жену?.. которая побывала в Саду Жизни и оставила ту статуэтку, что вы там обнаружили?

Ричард ощутил боль от тоски по Кэлен. Он ощутил свою вину, оттого что не сделал чего-то большего, чтобы найти ее. Как вообще он мог позволить, чтобы другие дела отвлекали его от поисков Кэлен? Разве могло быть хоть что-то настолько

важное, чтобы отвлечь его от ее поисков? Он старался не думать о том видении, где присутствовала Кэлен, которое ему продемонстрировала Шота. Ему казалось, что из-за множества прочих событий он отодвинул в сторону поиски того, кто имел в его жизни самое важное значение. Он знал, что это бесполезно, что это не способно помочь, но по-прежнему считал необходимым вернуться в Цитадель и продолжить работу над тем, как найти ее.

Даже когда он был занят другими делами, она на самом деле никогда не покидала его мыслей. Его по-прежнему беспокоило, куда сестра Улисия могла увести Кэлен? Теперь, обладая шкатулками Одена — по крайней мере двумя из них, — куда могли отправиться эти сестры? Что могли совершить? Если ему удастся понять это, тогда он сможет отправиться по их следу.

Ему приходило в голову и то, что им по-прежнему нужна «Книга сочтенных теней», чтобы открыть нужную шкатулку Одена. Так что вполне возможно, что если он будет просто спокойно сидеть на одном месте достаточно долго, то они сами придут к нему, поскольку эта книга существует теперь лишь в его памяти. Несомненный факт, что если они не желают действовать исходя из предположений и рисковать совершить ошибку, им требуется эта книга, чтобы открыть нужную шкатулку, а Ричард не мог даже вообразить, что они станут рисковать потерей того, что, по их убеждению, было шансом на бессмертие. Им нужен ключ, и только он может помочь им решить, как открыть нужную шкатулку. Кэлен была частью ключа к решению этого вопроса, но им все равно требуется то, чем обладает только Ричард.

Единственным способом найти ее, какой он мог придумать, было изучение всего, что известно об Огненной Цепи и шкатулках Одена, чтобы найти где-то в мешанине самых разных сведений ключ к тому, что именно предпримут сестры в качестве очередного шага. Книги, необходимые для этого, а также люди, лучше всех понимающие их и имеющие самый большой опыт в таких делах, находились в Цитадели. Ему необходимо вернуться туда.

Ричард встретил ожидающий взгляд генерала.

— Боюсь, что пока нет. Мы все еще ищем ее, но, тем не менее, спасибо за ваше беспокойство.

Никто, кроме Ричарда, не помнил ее, не помнил той улыбки и призрака ее души, просвечивающего в зеленых глазах. Временами Кэлен казалась ему нереальной. Она казалась неправдоподобной, словно не могло быть никого, настолько соответствующего его желаниям, будто она была воплощением самых потаенных его желаний. И он вполне мог понять, как трудно наиболее близким к нему людям в такой ситуации.

— Печально слышать это, Лорд Рал. — Генерал поглядывал на людей, движущихся по коридору. — Надеюсь, хоть на этот раз вы не оказались здесь исключительно из-за каких-либо неприятностей?

Наступила очередь Ричарда вздохнуть. С чего бы начать?

— В каком-то смысле да, оказался.

— Вы имеете в виду, что армия Имперского Ордена продолжает продвигаться по Д'Харе? — предположил генерал.

Ричард кивнул.

— Боюсь, что так. Короче говоря, генерал, я отдал приказ нашим силам, чтобы они не вступали в битву с армией императора Джеганя, потому что не обладают необходимой численностью, чтобы иметь шанс на успех. Это будет бессмысленная резня, а закончится она тем, что Джегань получит в итоге весь Новый мир.

Генерал Тримак потер шрам, проступавший по низу щеки белым на красноватой коже.

— А какой есть другой выбор, Лорд Рал, кроме как встретиться с врагом в решающем сражении?

Его тихая и спокойная речь несла в себе оттенок совета, осторожности, рожденной опытом, надежды, балансирующей на острие безнадежности. С минуту Ричард прислушивался к шуршанью ног по камню, возникающему от постоянного движения людей по коридору.

— Я приказал нашим силам отправиться на юг и опустошать Древний мир. — Ричард снова обратил пристальный взгляд к генералу. — Древний мир хотел завоеваний; я намерен затолкать это желание ему в глотку и посмотреть, как он до смерти подавится им.

От такой ошеломительной новости у некоторых раскрылись рты. Генерал Тримак с минуту стоял в недоумении, затем

задумчиво погладил шрам одним пальцем. Наконец лукавый взгляд показал, что, несмотря на первоначальное удивление, эта идея начала нравиться ему.

— Полагаю, это означает, что задачей Первой когорты будет не допустить этих ублюдков во дворец?

Ричард отметил твердый взгляд этого человека.

— Полагаете, что вы сможете сделать это?

Мрачная усмешка скривила рот генерала.

— Лорд Рал, мои скромные способности едва ли будут оплотом безопасности для этого дворца. Ваши предки обустроили это место особо, с тем, чтобы предотвратить его захват. — Он указал рукой на взмывающие ввысь колонны, стены и балконы, окружающие их. — И, кроме естественной защиты, это место пронизано силами, при взаимодействии с которыми ослабнет любой обладающий даром противник.

Ричард знал, что дворец выстроен по магической схеме, увеличивающей силу любого Рала, находящегося внутри дворца, и ослабляющей силы любого другого обладающего даром. Дворец в целом сооружен в виде символа. Ричард отчасти понимал его форму и общий характер того, что он означал. Он был способен прочесть основной лейтмотив силы, присущий линиям узора на мраморе пола.

К сожалению, эта магия ослабляла даже тех обладавших даром, кто был на его стороне. Таких как Верна. Ему необходима помощь Верны для защиты дворца, но если она и ее сестры будут ослаблены этой самой магией, им предстоит пережить тяжелые времена, участвуя в этом. Элемент успокоения, как ему казалось, вносило то, что у каждого из нападающих будут те же самые проблемы, и, таким образом, они не будут иметь преимуществ перед Верной и ее сестрами. Не остается ничего другого, кроме как положиться на Верну, которая постарается сделать все, что сможет.

— Кроме подкрепления, я отправил сюда нескольких сестер, вместе с Верной, их аббатисой.

Генерал Тримак кивнул.

— Я знаю эту женщину. Она упорна, когда довольна, и невыносима, когда нет. Хорошо, когда она на нашей стороне, Лорд Рал, и очень плохо, когда наоборот.

Ричард был вынужден улыбнуться. Этот человек действительно знал Верну.

— Я вернусь, как только смогу, генерал. А тем временем ваша задача — защита Народного Дворца.

— Большие внутренние ворота придется запечатать.

— Поступайте, как сочтете нужным, генерал.

— Большие двери защищены той же силой, что и весь дворец, так что они не являются слабым звеном, делающим нас уязвимыми для нападения. Единственная проблема с закрытием дверей: при этом прекращается торговля — источник жизни дворца... во всяком случае, в мирное время.

Ричард наблюдал за толпами людей, проходящих по коридору и по балконам вверху.

— С тем, что грядет, торговля во дворце в любом случае невозможна. В сущности, никто и не сможет путешествовать по равнинам Азрита — или где-либо еще в пределах Нового мира. Торговля прекратится повсюду. Так что готовьтесь к долгой осаде.

Его собеседник лишь пожал плечами.

— Именно этим и занимались на протяжении всей истории все вражеские армии: сидели под стенами и надеялись уморить нас голодом. Но это невозможно: на равнинах Азрита они сами раньше умрут с голоду. Вы вернетесь сюда, Лорд Рал, чтобы помочь защитить дворец?

Ричард прикрыл рот ладонью.

— Не знаю, когда смогу вернуться. Но я буду здесь, если смогу, — обещаю это. А сейчас мне надо подумать о наших предстоящих действиях. Мы собираемся уничтожить Орден, вырезав его сердце, вместо того чтобы вести войну мускулов.

— А если они тем временем устроят осаду дворца и вы захотите вернуться? Как вы сможете проникнуть сюда?

— Ну, у меня нет дракона, так что я не смогу прилететь сюда по воздуху. — Поскольку его собеседник продолжал тупо смотреть на него, Ричард откашлялся и сказал: — Если понадобится, я могу вернуться сюда точно так же, как добрался сегодня, с помощью магии... с помощью сильфиды.

Генерал, судя по его виду, явно не понял сказанного, но принял пояснения Ричарда без возражений.

— Я как раз собираюсь посредством нее возвращаться, генерал. Если хотите, можете проводить нас и все увидеть своими глазами.

Он выглядел отчасти успокоенным, поскольку получил приглашение продолжать охранять Лорда Рала. Ричард же взял Бердину за руку и повел ее через зал, тогда как все солдаты рассыпались вокруг, образуя защитный периметр.

Бердина была значительно ниже Ричарда, так что ему приходилось наклоняться, чтобы говорить с ней, не повышая голоса.

— Мне необходимо знать кое-что. Продолжила ли ты перевод дневников Коло?

Она улыбнулась, как служанка, переполненная сплетнями.

— Скорее, да. Но из-за того, что Коло пояснял неизвестные мне вещи, пришлось начать изучение еще и других книг — чтобы понять, как одно согласуется с другим. — Она ближе прислонилась к нему. — В те времена происходило много такого, о чем мы раньше даже не подозревали. Мы только слегка прикоснулись к этому.

Ричард подумал, что вряд ли она знает хотя бы половину.

— Может быть, что-то из этого имело отношение к Первому волшебнику по имени Барах?

Бердина внезапно замерла и пристально посмотрела на него.

— Как ты узнал?

Глава 28

Повернувшись назад, Ричард взял Бердину за руку и потащил за собой.

— Я объясню это позже, когда у нас будет больше времени. Так что записал Коло в своем дневнике по поводу Бараха?

— Ну, то, что записал Коло, всего лишь часть истории. Он давал лишь намеки на что-то, происходившее в то время, как бы заполняя пробелы. Мне пришлось заняться изучением книг из ваших личных, запретных библиотек.

Ричарда все еще удивляло, что, как у Лорда Рала, у него теперь есть доступ к таким вот «закрытым» библиотекам. Он не мог даже вообразить все богатство знаний, содержавшееся в хранящихся там многочисленных томах.

— И какие же книги?

Бердина пояснила:

— Одна из них находится не в публичной части, а гораздо дальше, в частных помещениях дворца — в месте, доступ куда мало кому дозволен. Я покажу тебе. Часть из них, должно быть, имеет отношение к так называемым центральным узлам.

Стараясь идти в ногу, с другой стороны от него, Никки чуть наклонилась к ним.

— Натан говорил мне, что читал что-то о местах, называемых центральными узлами.

— Называемых как? — переспросил Ричард.

Никки отбросила прядь светлых волос с лица за плечо.

— Центральные узлы — это особо секретные библиотеки. В давние времена, до или после великой войны, центральные

узлы были созданы как безопасные, тайные и скрытые места для хранения книг, содержание которых опасно знать всем, за исключением очень ограниченной, особо проверенной группы из нескольких человек. Натан говорил, что, по его мнению, существует с полдюжины таких мест.

— Это верно, — сказала Бердина. Она огляделась по сторонам, чтобы убедиться, что никто из следующих за ними солдат не находится достаточно близко, чтобы слышать их разговор. — Лорд Рал, я нашла упоминание о том, что по крайней мере несколько из этих узлов отмечены именем Лорда Рала, взятым из пророчества.

Ричард остановился.

— Ты имеешь в виду, что имя указано на надгробии?

Брови Бердины поползли вверх.

— Верно. Там было упомянуто, что эти места, эти библиотеки, «скрыты под костями». Они думали, исходя из известного пророчества, что будущий Лорд Рал захочет отыскать хранящиеся там книги, и по крайней мере в одном уже упомянутом случае, который я нашла, говорилось, что они поставили имя Рала на могильной плите.

— В городе Касска.

Бердина щелкнула пальцем, затем погрозила им в его сторону.

— Да, именно это название мне попалось. Как ты узнал?

— Я уже побывал там. Мое имя есть на большом монументе, установленном на кладбище.

— Ты побывал там? Зачем? Что ты искал? И что нашел?

— Я нашел книгу «Огненная Цепь», которая помогла разобраться, что случилось с моей женой.

Бердина посмотрела на Кару, затем на Никки, прежде чем снова обратить взгляд к Ричарду.

— До меня доходили слухи, что у тебя была жена. Поначалу мне казалось, что это всего лишь безумные сплетни. Так, значит, это правда?

Ричард глубоко вздохнул, продолжая идти по коридору, в окружении охраны и под взорами людских толп. Он не ощущал необходимости объяснять Бердине, что она знала Кэлен и на самом деле проводила с ней массу времени.

— Это правда, — просто сказал он.

— Лорд Рал, так как же это?

Ричард отмахнулся от вопроса.

— Это долгая история, и у нас нет времени рассказывать ее прямо сейчас. Так что по поводу тех центральных узлов, до которых ты докопалась?

— Ну, — сказала Бердина, когда он вновь наклонился к ней, пока они быстро шагали по широкому коридору, — ты помнишь, что Барах покончил с собой, после того как вернулся из Храма Ветров?

Ричард внимательно на нее посмотрел.

— Да.

— За этим что-то крылось.

— Что-то крылось? Что ты имеешь в виду?

Бердина направилась к ответвлению коридора, охраняемому двумя копейщиками. Те, едва завидев Ричарда и его окружение, приложили сжатые в кулак руки к сердцу и расступились. Бердина открыла одну створку двойных дверей, отделанных металлом. На двери была картина с изображением внутреннего сада дворца, тщательная резьба на полированной поверхности. За дверью тянулся коридор, богато отделанный панелями из красного дерева, и там никого не было. Это оказался проход в частные покои дворца.

— Мне не удалось выяснить это, но я уверена, что Барах что-то сделал, пока находился в Храме Ветров. — Бердина обернулась и взглянула на него, чтобы убедиться, что он слушает с вниманием. — Сделал что-то значительное. Что-то очень важное.

Ричард кивнул, следуя за Бердиной по пустому коридору.

— Пребывая в Храме Ветров, Барах каким-то образом позаботился, чтобы я родился с даром магии Ущерба.

На этот раз уже Никки ухватила Ричарда за руку, заставляя его резко остановиться, и повернула его лицом к себе.

— Что! Где это ты подцепил подобную идею?

Ричард, прищурившись, смотрел на ее лицо, не скрывающее потрясения.

— Это сказала мне Шота.

— Откуда Шота могла такое узнать?

Ричард пожал плечами.

— Ты же знаешь, что ведьмы видят события в потоке времени. Ну а я сопоставил ее слова с той частью истории, что мне известна.

Никки не выглядела убежденной.

— С какой стати Бараху понадобилось делать подобное? Шота пытается убедить тебя, что внезапно этот древний волшебник решил прогуляться в преисподнюю и, пребывая там, подумал, почему бы ему и не?.. Поскольку он уже находится там, то способен заодно позаботиться о том, чтобы, когда некий малый по имени Ричард Рал появится на свет через три тысячи лет, он оказался рожден с даром магии Ущерба?

Ричард взглянул на нее.

— Все это немного сложнее, Никки. Я почти уверен, что он сделал это, чтобы скомпенсировать то, что сделал другой волшебник, побывавший там до него. Тем волшебником был Лотейн. Припоминаешь его, Бердина?

— Разумеется.

— Лотейн был тайным агентом.

У Бердины перехватило дыхание.

— Именно так думал и Коло — что он все время был тайным агентом и выжидал случая, чтобы нанести удар. Коло не верил, что Лотейн просто сошел с ума или еще что-то в том же роде, как тогда предполагали. Обычная для тех времен история: напряжение и опасности его работы сказались на Лотейне, он не смог справиться и в итоге просто лишился рассудка. Коло не делился своими мыслями с другими, потому что не думал, что ему поверят, а также и потому, что раньше считалось, что тайным агентом был Барах.

Ричард нахмурился, снова направляясь по коридору.

— Барах? Но это же бред!

— Коло был того же мнения.

— Так что же, предположительно, сделал это волшебник Лотейн? — спросила Никки с волевыми нотками в голосе, стараясь вернуть его к обсуждаемому предмету и придать важность своему вопросу.

Ричард с минуту пристально смотрел в ее голубые глаза и видел там не просто Никки, а многоопытную волшебницу, которой она и была на самом деле. Из-за ее ошеломляющей внешности, ее пронзительно голубых глаз и того, как она

обходилась с ним, окружая вниманием и заботой, не говоря уже о непоколебимой дружбе, было очень легко забыть, что это волшебница, видевшая и делавшая такое, что он едва ли мог даже вообразить. Вероятно, она была одной из наиболее могущественных волшебниц, когда-либо появлявшихся на свет, и представляла собой силу, с которой необходимо считаться.

Но из всех людей кто-кто, а Никки достойна знать правду. И не то чтобы он пытался скрыть что-то от нее... Просто на обсуждение не было времени. Но он все равно собирался рассказать ей всю эту историю, чтобы выслушать ее мысли о проблеме в целом, и особенно в той ее части, что касалась секретной библиотеки, которую Барах сохранил в тайне, и относительно книги, предназначенной для Ричарда. Книги, которую Барах отправил в ту библиотеку, чтобы она сохранялась там до того дня, когда на свет вновь появится боевой чародей, чтобы продолжить их дело.

Ричард вздохнул. На все это просто не хватало времени. Хотя ему хотелось рассказать ей все это, рассказать всю историю целиком, чтобы обсудить все, наряду с некоторыми возникшими у него вопросами. Он решил в данную минуту опустить большинство деталей и отложить их обсуждение до более подходящего момента.

— Лотейн был тайным агентом Древнего мира. Скорее всего, он осознавал, что им не победить в той войне. Или, может, это просто дополнительные меры предосторожности с его стороны. Во всяком случае, отправившись в Храм Ветров, он посеял семена их дела, чтобы они взошли в отдаленном будущем. Он сделал там нечто; как минимум, позаботился, чтобы на свет снова явился сноходец.

Барах не смог полностью исправить подобную диверсию, потому просто сделал лучшее из того, что был способен сделать: позаботился, чтобы в мире одновременно появилось нечто в качестве компенсации — то есть я.

Никки, потерявшая дар речи, лишь смотрела на него, не сводя глаз.

Ричард же снова повернулся к Бердине.

— Ну, так что общего эта история с Барахом имеет с этими центральными узлами?

Бердина снова оглянулась по сторонам, проверяя, насколько далеко находятся солдаты.

— Коло записал в своем дневнике, что был слух среди группы влиятельных людей, будто Барах мог быть предателем, и если он им оказался, то был способен сделать нечто губительное, пока находился в Храме Ветров.

Ричард в недоумении только покачал головой.

— И в чем же конкретно его подозревали?

Бердина пожала плечами.

— Пока я этого еще не узнала. Все это не подлежало разглашению. Все были очень осторожны. Никто не захотел выйти и сказать что-либо или прямо обвинить Бараха в предательстве. Они не хотели разозлить не того человека. Ведь Барах все еще был глубоко уважаем многими людьми, как, например, Коло.

Могло быть даже и так, что они не имели каких-либо конкретных обвинений, а только не могли избавиться от подозрения, что он мог что-то совершить. Не следует забывать, что никому не удавалось вернуться в Храм Ветров после Бараха, пока не сделал этого ты. Очевидно, они боялись также и этой женщины, Магды Сирус, — ты знаешь... та самая, из которой сделали Исповедницу.

— Да, я помню, — сказал Ричард. — Но им должно было показаться странным, что нечто, предположительно способное стать столь гибельным, так и не проявило себя.

— Нет, — сказала Бердина еле слышно, словно бы так, чтобы лишь призраки прошлого были способны услышать ее. — В этом-то все и дело. Они боялись, что если люди узнают об их подозрениях, то может начаться паника или еще что-то подобное. Это могло оказаться причиной, заставляющей людей сдаться. Не забывай, что война тогда все еще продолжалась, и все еще оставалось под вопросом — если даже они выживут, большая ли в этом будет радость. Все они беспокоились о боевом духе людей во время сражений и в то же время старались найти путь к победе. Среди всего этого малый круг высокопоставленных лиц был обеспокоен тем, что Барах мог сделать что-то ужасное в этом Храме Ветров, чего изначально никак не ожидалось.

Ричард вскинул бровь.

— Как, например, что?

Бердина поморщилась, выражая раздражение.

— Не знаю. Коло лишь намекал на это. Он верил Бараху. И был возмущен всем тем, что делали эти люди, но в то же время не занимал такого положения, чтобы спорить с ними. Он не относился к руководителям или к волшебникам достаточно высокого ранга.

Но есть одно место, одно упоминание в его дневнике, от которого я покрылась мурашками, когда прочитала. Не знаю, имеет ли оно отношение к спору о Барахе или нет... Я хочу сказать, не могу точно определить, какое это имеет к нему отношение...

— О чем там говорится?

Вместе с Ричардом слегка наклонились вперед и Никки, и Кара.

Бердина тяжело вздохнула.

— Он писал в дневнике, рассуждая о плохой погоде и о том, какую скуку и раздражение нагоняет дождь, и при этом сделал по ходу замечание, что встревожен тем, что узнал из своих источников, что «они» сделали пять копий с «книги, которая никогда не должна копироваться».

Это привело Ричарда в замешательство, и он сам в полной мере ощутил мурашки на коже.

— И вскоре после этого, — продолжила Бердина, — он снова вернулся к рассуждениям о центральных узлах.

— Так ты думаешь... что? Что, возможно, они спрятали эти копии, которые не должны были делать, в этих тайных центральных узлах?

Бердина улыбнулась и постучала пальцем по виску.

— Вот теперь ты начал задавать те самые вопросы, которые задавала себе я.

— Он вообще не упоминал, какую именно книгу они копировали? — спросила Никки. — Ни единого указания?

Бердина покачала головой.

— Но как раз от этой части дневника у меня мурашки. Там было нечто большее, чем слова.

— Что ты имеешь в виду? — нетерпеливо спросила Никки.

— Знаешь, когда целую вечность работаешь над переводом какой-то рукописи, оказывается, что через какое-то время ты понимаешь настроение автора, его замысел, ход мыслей, даже если это не записано в явном виде? Ну, — она перебросила свою каштановую косу через плечо и теперь покручивала ее конец, — он явно боялся даже написать название этой книги, такой секретной и такой важной, что она никогда не должна копироваться. Словно упомянуть об этом в своем личном дневнике уже уподоблялось прогулке по тонкому льду.

Ричард подумал, что в ее мысли действительно что-то есть.

Бердина остановилась перед высокой железной дверью, выкрашенной в черный цвет.

— Вот здесь я нашла книги, где упоминались центральные узлы, скрытые под костями, — что бы это ни значило.

— Место, которое нашел я, было в катакомбах, — сказал Ричард.

Бердина нахмурилась, раздумывая.

— Это может объяснить многое.

— Натан говорил мне, — негромко сказала Никки, обменявшись взглядами с Ричардом и Бердиной, — что не сомневался в существовании катакомб под Дворцом Пророков, и что сам дворец был построен там отчасти для того, чтобы скрыть спрятанное под землей.

Солдаты тоже замедлили шаг, группируясь на короткой дистанции. Ричард заметил, что Бердина следит за ними.

— Почему бы вам не подождать с вашими людьми снаружи? — обратилась она к генералу Тримаку. — Мне нужно показать Лорду Ралу несколько книг в этой библиотеке. Думаю, вам лучше охранять снаружи, чтобы никто не проскользнул сюда.

Генерал кивнул и отдал приказания своим людям, чтобы они заняли позиции по обеим сторонам коридора. Из недр своей одежды Бердина выудила ключ.

— Именно здесь я и нашла книгу, которая вызывает у меня кошмары.

Она оглянулась на Ричарда, затем отперла дверь.

Никки склонилась к уху Ричарда.

— Это место закрыто щитом. — Ее тон был напряжен и полон подозрительности.

— Но ведь она не обладает даром, — прошептал в ответ Ричард. — Она не может проходить сквозь защитные поля. И если место действительно защищено, то как же ей удавалось делать это?

Бердина, слышавшая их, помахала ключом, после того как вынула его из замка.

— У меня есть ключ. Я узнала, где Даркен Рал прятал его.

Никки лишь подняла брови, взглянув на Ричарда.

— Ключ убирает щит возле двери. Раньше я никогда такого не видела.

— Должно быть, так было сделано, чтобы обеспечить доступ сюда доверенным слугам или ученым, не имевшим дара, — предположил Ричард. Он повернулся снова к Бердине, которая пыталась откинуть рычаг на тяжелой двери.

— Кстати, ты узнала еще что-нибудь о Барахе?

— Немного, — сказала она, оборачиваясь через плечо. — Только то, что Магда Сирус, та женщина, что стала первой Исповедницей, когда-то была замужем за ним.

Ричард только и мог, что уставиться на нее.

— Как она только узнает подобное? — пробормотал он, скорее для себя.

— Что? — переспросила Бердина.

— Ничего, — сказал он, жестом отбрасывая вопрос, перед тем как придержать дверь. — Итак, что же такого ты нашла здесь?

— Кое-что, связанное с тем, о чем говорил Коло.

— Ты имеешь в виду ту книгу, которую, как предполагается, запрещено копировать?

Бердина лишь хитро улыбнулась Ричарду, сунула ключ в карман одежды, а затем распахнула черную дверь.

Глава 29

Большую часть дальней стены комнаты занимали три высоких окна, через которые проникал унылый свет позднего полудня. Дождь постукивал по стеклу и змеевидными ручейками сбегал вниз. Стены этой небольшой комнаты были уставлены книжными полками из золотистого дуба. На свободном пространстве в центре стоял простой дубовый стол вполне приличного размера и четыре деревянных стула, по одному с каждой его стороны. В самом центре стола располагалась необычная четырехсекционная лампа, выделявшая каждому пустому стулу свое собственное освещение от серебристого рефлектора.

Никки взмахом руки отправила посредством дара искру ко всем четырем фитилям. Пламя заиграло, распространяя золотистый свет и тепло по небольшой комнате. Ричард обратил внимание, что, несмотря на то, что магия, охранявшая дворец, каким-то образом уменьшала силу каждого, имевшего дар, кроме Рала, Никки, похоже, не испытала никаких затруднений, зажигая эти лампы.

Бердина направилась к полкам с правой стороны от двери.

— Думаю, в том месте дневника, где Коло упоминал о книге, которая, предположительно, не должна копироваться, он мог бы записать, что именно люди, не доверявшие Бараху, скорее всего, и есть те, кто сделал эти копии. Во всяком случае, думаю, именно их он и имел в виду, но я не уверена в этом; в явном же виде он определяет их как «слабоумные, из "Сплетен Янкли"».

Никки резко повернулась к Бердине.

— «Сплетен Янкли»!?

Ричард перевел взгляд от удивленного лица Никки к лицу Бердины.

— Что еще за «Сплетни Янкли»? — спросил он.

— Книга, — сказала Бердина.

Ричард перевел свой вопросительный взгляд на Никки.

Та была явно в раздражении.

— Это гораздо больше, чем просто книга, Ричард. «Сплетни Янкли» — это книга пророчеств. Но очень-очень особая книга. Она появилась за семь веков до большой войны. В подземельях Дворца Пророков имелась ранняя ее копия. Это очень редкая книга, которую сестры изучают при обучении пророчествам.

Ричард продолжал всматриваться в корешки стоявших на полках книг.

— И что же такого особенного в ней?

— Это книга пророчеств, представленных молвой и слухами.

Ричард снова повернулся к ней.

— Я с такой книгой не знаком.

— Ну, — сказала Никки, делая паузу, чтобы подобрать нужные слова, — это не считается пророчеством по отношению к грядущим событиям, если говорить точно. Книга, скорее, содержит пророчества относительно будущих слухов, если так можно выразиться.

Ричард потер уставшие глаза, вздохнул и снова обратил взгляд к Никки.

— Ты хочешь сказать, что этот малый, по имени Янкли, записал пророчества в виде сплетен? — И когда Никки кивнула, все, что он мог сделать, это снова задать вопрос: — Зачем?

Никки слегка наклонилась в его сторону.

— Это тот самый вопрос, на который многим хотелось бы получить ответ.

Ричард потряс головой, будто для того, чтобы в ней прояснилось.

— Понимаешь, есть много вещей, сохраняющихся в тайне, — Никки сделала жест в сторону Бердины, — как и в случае этой книги, которая, предположительно, запрещена для копирования. Тайны такого рода зачастую остаются не раскрытыми, потому что люди уносят секреты с собой в могилу,

так и не поведав никому. Вот почему, когда мы изучаем исторические записи, то временами не в состоянии разрешить встречающиеся там загадки — просто потому, что для этого нет необходимой информации.

Но иногда бывает так, что некоторые очень лакомые кусочки информации начинают витать вокруг. Обычно это связано с тем, что люди что-то подглядели или подслушали. Эти люди, подглядевшие или подслушавшие что-то, начинают распускать слухи о пикантных новостях. Во Дворце Пророков была группа сестер, веривших, что все, содержащееся в этой книге пророческих слухов, — намеки, и в будущем все эти секреты откроются.

Ричард выгнул бровь.

— Ты хочешь сказать, что эти сестры, по сути, внимательно изучали слухи, чтобы «подслушать» что-то важное?

Никки кивнула.

— Что-то в этом роде. И даже было несколько сестер, считавших эту простую книгу — на первый взгляд ненужную и глупую — самой важной из всех существующих книг, имеющих отношение к пророчествам. Она держалась под большим секретом. Ее не позволялось выносить из подземелья для изучения, наряду с некоторыми другими, находящимися там же, книгами с пророчествами.

Некоторые сестры потратили массу времени на изучение этой, казалось бы, глупой книги. Поскольку люди обычно не желают тратить силы на запись слухов, «Сплетни Янкли» считается единственной книгой такого рода. Единственным сборником записанных слухов, касающихся событий, которые еще не произошли. Эти сестры верили, что бывают события, которые невозможно обнаружить или изучить каким-либо другим способом, кроме как с помощью этой книги, которая предваряла их. По сути, они верили, что подслушивают перешептывания о чем-то, чему суждено произойти в будущем, подслушивают слухи о вещах тайных и секретных. Они верили, что книга «Сплетни Янкли» содержит бесценные ключи к секретам, недоступным никаким другим способом.

Ричард прижал пальцы ко лбу, пытаясь осознать услышанное.

— Ты сказала, что были сестры, посвятившие себя изучению этой книги. А ты, случаем, не знаешь имен этих сестер?

Никки медленно кивнула.

— Сестра Улисия.

— Ну и ну, — только и пробормотал Ричард.

Бердина открыла стеклянную дверцу одной из полок и достала оттуда книгу. Затем вернулась и показала книгу Ричарду и Никки.

Название было, как и следовало ожидать, «Сплетни Янкли».

— Когда я прочла в дневнике Коло относительно «слабоумных, из "Сплетен Янкли"», это название показалось мне настолько странным, что засело в голове. Понимаете, что я имею в виду? Затем, однажды, я была здесь, занимаясь обычными поисками, и тут название этой книги просто бросилось мне в глаза. Я вовсе не думала, что это книга пророчеств, как говорит Никки.

Никки дернула плечом.

— Что касается подобных книг, то бывает трудно понять, что они содержат пророчества, — особенно тому, у кого в этом нет опыта. Очень ценные книги могут поначалу казаться просто скучными записями или, как в случае «Сплетен Янкли», всего лишь каким-то вздором.

Бердина указала на полки этой маленькой комнаты.

— Однако вряд ли здесь может быть что-то пустое и банальное.

— Хорошая мысль, — заметил Ричард.

Бердина улыбнулась, польщенная тем, что он оценил ее умозаключения. Она положила книгу на стол, расположенный посреди библиотеки, и осторожно открыла обложку. Затем пролистала хрупкие страницы, пока не нашла то место, которое хотела показать. И взглянула по очереди на каждого из них.

— Поскольку Коло упоминал эту книгу, я решила, что должна ее прочитать. Она казалась мне вообще не очень-то важной, — Бердина постучала пальцем по странице, — пока я не обнаружила это, вот здесь. Это действительно разогнало весь мой сон.

Ричард нагнулся, чтобы прочесть текст над ее пальцем. Ему пришлось с минуту подумать, чтобы понять значение аб-

заца, написанного на древнед'харианском языке. Потирая висок, он перевел это вслух:

— «И так будут нервничать эти сующие нос не в свои дела, эти слабоумные, пытаясь скопировать ключ, который не должен никогда копироваться, что будут дрожать от страха при мысли о том, что они сделали, и бросят подобие ключа посреди костей, чтобы никогда не обнаружилось, что только один ключ был сделан верно».

Волосы на затылке у Ричарда встали дыбом.

Кара сложила руки на груди.

— Итак, ты хочешь сказать, что, по твоему мнению, когда дошло до дела и они сделали копии, то перетрусили и сделали все копии, кроме одной, фальшивыми?

Бердина провела рукой по своей длинной блестящей каштановой косе.

— Похоже, что именно так и было.

Ричард все еще продолжал обдумывать слова.

— Бросили подобие ключа посреди костей... — Он взглянул на Бердину. — Спрятали их среди центральных узлов. Скрыли их под костями.

Бердина улыбнулась.

— Как хорошо, что ты вернулся, Лорд Рал. Мне так не хватало тебя. Здесь было так много всякого, похожего вот на это, в чем мне хотелось бы разобраться вместе с тобой.

Ричард осторожно обнял ее рукой за плечи, без единого слова, выражая то же чувство.

Бердина пролистала еще несколько страниц и наконец остановилась там, где было чистое место.

— Похоже, что во многих книгах есть пропуски в тексте, например, как вот здесь.

— Здесь было пророчество, — заметила Никки. — Это тоже действие магии Огненной Цепи, которую сестры Тьмы применили против жены Ричарда. Эта магия устранила еще и пророчества, относящееся к ее существованию.

Бердина обдумала слова Никки.

— Это определенно увеличивает наши трудности. Пропадает множество полезных сведений. Верна как-то упоминала, что в копиях книг пророчеств исчезли фрагменты, но причину этого она так и не поняла.

Никки оглядела полки.

— Покажи мне все книги, в которых, как ты знаешь, есть потерянные тексты.

Ричард заинтересовался, почему Никки столь подозрительна?

Бердина открыла несколько стеклянных дверей и начала вынимать книги, протягивая их одну за другой Никки. Ты быстро просматривала их, затем, по мере ознакомления, складывала на стол.

— Пророчество, — объявила она еще раз, добавляя в общую кучу последнюю поданную Бердиной книгу.

— Так что ты пытаешься выяснить? — спросил Ричард.

Вместо того чтобы ответить ему, она вновь взглянула на Бердину.

— Здесь есть еще книги с потерянным текстом?

Бердина кивнула.

— Есть еще одна.

Она бросила короткий взгляд на Ричарда, затем сдвинула целый ряд мешавших ей книг, после чего в глубине полки отодвинула в сторону панель. Открылся небольшой участок стены, в котором была отделанная позолотой ниша, где на зеленой бархатной подушечке лежала небольшая книга с золотым обрезом. Кожаный перелет ее выглядел так, будто когда-то был красным, но теперь протерт и потрепан так, что лишь слабые остатки цвета намекали о прежнем великолепии. Это была чрезвычайно изящная, красивая книга, вызывающая интерес не только из-за своего небольшого размера, но и изысканным рисунком ручной работы, украшающим кожаный переплет.

— Обычно я помогала Лорду Ралу — я имею в виду Даркена Рала — в переводе книг с древнед'харианского языка, — пояснила Бердина. — Эта комната была одним из тех мест, где он изучал свои личные книги... Именно тогда я узнала, где можно взять ключ, а также и об этом тайном отделении позади книжных шкафов. Я и в самом деле думала, что там может быть что-либо полезное.

— И оно оказалось полезным? — спросил Ричард.

— Я надеялась, что могло бы, но боюсь, что нет. Это тоже потерянный текст. За тем лишь исключением, что, в

отличие от других книг, эта книга не имеет потерянных то тут, то там абзацев или целых страниц. Вместо этого в этой книге потеряно каждое отдельное слово. Эта книга абсолютно пуста.

— В ней потеряно каждое слово? — с подозрением спросила Никки. — Позволь мне взглянуть.

Бердина протянула маленькую книгу Никки.

— Она абсолютно пустая. Уверяю тебя. Посмотри сама. Абсолютно бесполезная.

Никки открыла древнюю, истертую кожаную обложку и просмотрела первую страницу. Ее палец следовал по бумаге, словно она читала. Она перевернула страницу и принялась изучать следующую, затем проделала это еще раз, и еще.

— Добрые духи, — проговорила она и, как казалось, продолжила чтение.

— Так что это? — спросил Ричард.

Бердина привстала на цыпочки, стараясь заглянуть через верх книги.

— Здесь ничего нет. Видишь... эта книга пустая.

— Нет, она не пустая, — пробормотала Никки, не отрываясь от чтения. — Это книга магического свойства. — Она подняла глаза. — Она только кажется пустой для тех, кто не имеет дара. Но, в случае этой особой книги, даже имеющие дар должны обладать силой, позволяющей читать это. Это чрезвычайно важная книга.

Бердина сморщила нос.

— Да ну?

— Магические книги очень опасны, а некоторые опасны крайне. Некоторые, вот как эта книга, превосходят своей опасностью все возможное. — Никки помахала книгой перед девушкой. — Эта книга более чем чрезвычайно опасна.

Такие книги обычно имеют тот или иной способ защиты. Если книга опасная, ее защищают с помощью магии, которая «убирает» текст из памяти человека, и делает это так быстро, что люди даже не могут вспомнить, что видели его. Это заставляет их думать, что пред ними просто чистые страницы. Человек, не имеющий дара, просто не сможет удержать в своем разуме слова из такой магической книги. В действительности ты видишь слова в этой книге, но забываешь, что видела

их, так быстро, что остаешься неосведомленной по поводу того, что же было на тех страницах. Слова исчезают из твоей памяти прежде, чем ты реально осознаешь их.

Эта особая магия отчасти лежит в основе концепции магии Огненной Цепи. Еще в те далекие времена волшебники — которые часто использовали такие виды магии для защиты самых опасных книг, которые писали, — заинтересовались тем, а нельзя ли проделать нечто подобное с человеком, фактически делая его исчезающим из памяти, точно так же, как могли исчезать слова магических книг.

Никки сделала неопределенный жест, снова обращая внимание к книге.

— Разумеется, когда в такое дело включается душа, все становится более сложным, чем со словами в книге.

Ричард уже довольно давно усвоил, что был в состоянии заучить «Книгу сочтенных теней» только потому, что обладал даром. Зедд еще тогда говорил ему, что без обладания даром невозможно удерживать эти слова в памяти достаточно долго, чтобы запомнить хотя бы одно.

— Итак, о чем эта книга? — спросил он.

Наконец Никки оторвала взгляд от страниц и подняла глаза.

— Это книга — своего рода наставления, касающиеся магии.

— Я знаю, ты уже говорила это, — терпеливо сказал он. — Наставления конкретно для чего?

Никки снова сверилась со страницей, еще раз сглотнула и посмотрела ему в глаза.

— Думаю, это книга подлинных инструкций по использованию шкатулок Одена.

Ричард ощутил, как снова поползли мурашки, пощипывая руки и ноги.

Он осторожно взял книгу из рук Никки. Действительно, она не была «пустой» ни в малейшей степени. Каждую страницу заполняли мелко выписанные слова, диаграммы, карты и формулы.

— Это древнед'харианский язык. — Он поднял глаза на Никки. — Ты хочешь сказать, что можешь понимать его?

— Разумеется.

Ричард обменялся взглядом с Бердиной.

Он моментально понял, что книга в его руках чрезвычайно сложная. Он изучал древнед'харианский язык, но этот текст был где-то на грани его понимания.

— Она написана более специфическим языком, чем тот д'харианский, на котором я обычно читал, — сказал он, просматривая страницы.

Никки склонилась ниже и указала на то место на странице, которое он разглядывал.

— Здесь приведен справочный материал к формулам, необходимым для магических заклинаний. Эти формулы и заклинания нужно знать, чтобы по-настоящему понимать их.

Ричард взглянул в ее голубые глаза.

— И ты понимаешь?

Она поджала губы, хмуро уставившись в страницу.

— Трудно сказать. Мне нужно подробно изучить все это, чтобы уяснить, могу ли я оказать какую-либо помощь в переводе этого текста.

Бердина снова привстала на цыпочки и заглянула в книгу, будто проверяя: вдруг теперь там все-таки появились слова, доступные для нее.

— Почему ты не можешь определить это сразу? Я имею в виду, ведь либо ты можешь прочесть и понять ее, либо не можешь.

Никки гребнем провела пальцами руки по своим светлым волосам, делая глубокий вдох.

— Не все так просто с магическими книгами. Иногда это напоминает работу с математическими уравнениями. Можно знать величины и в первый момент решить, что тебе понятно, что все это в целом означает, и счесть, что уравнение вполне разрешимо, но если в процессе ты обнаружишь неизвестный символ, не сразу замеченный в этом уравнении, — символ, относящийся к чему-то, неизвестному тебе, — то все уравнение становится для тебя совершенно неразрешимым. Так что просто знать некоторые величины недостаточно. Необходимо знать, что означает каждый элемент или хотя бы как найти значимость или величину параметра, который он представляет.

Конечно, я упрощаю, чтобы ты мог понять мою мысль. В этой книге не просто символы, но древние магические обо-

значения, делающие ее трудной для понимания. А то, что она на древнед'харианском, еще более затрудняет понимание, потому что на протяжении веков слова в д'харианском языке и их значения менялись. В дополнение ко всему этому, текст здесь изложен в непонятной непосвященным форме, на своего рода древнем жаргоне.

Ричард сжал ей руку, привлекая ее внимание.

— Никки, это очень важно: ты думаешь, что можешь справиться с этим?

Она нерешительно взглянула на книгу.

— Придется потратить некоторое время и попытаться сделать перевод — по нему можно будет понять, есть ли у меня шанс на успех.

Ричард взял книгу из ее рук, закрыл ее, а затем вновь протянул ей.

— Тогда тебе лучше забрать ее с собой. Когда у нас будет больше времени, ты сможешь изучить ее и увидеть, в состоянии ли ты ее понять.

Она, опять-таки с подозрением, нахмурилась.

— Зачем? Что у тебя на уме?

— Никки, неужели ты не понимаешь? Эта книга, может быть, и есть ответ, который мы ищем. Если ты сможешь перевести ее и понять, тогда то, что написано в ней, может дать нам способ противопоставить, повернуть в обратном направлении или вообще отменить то, что сделала сестра Улисия. Может быть, с этой книгой мы сможем вывести из игры шкатулки Одена.

Никки, очень осторожно, погладила большим пальцем обложку маленькой книги.

— Похоже, в твоих словах есть определенный смысл, Ричард. Но знать, как сделать нечто, еще не означает, что ты способен сделанное отменить.

— Вроде того, как попытаться перестать быть беременной? — спросила Кара.

Никки улыбнулась.

— Что-то вроде того.

Неожиданная аналогия Кары снова отбросила мысли Ричарда к воспоминаниям о Кэлен, когда та была беременна. Шайка наемников подстерегла ее и избила едва не до смерти.

Тогда она потеряла их с Ричардом ребенка. Ее беременность закончилась раньше, чем Ричард узнал о ней.

Воспоминания о Кэлен были столь тяжелы и болезненны, что у него едва не подогнулись колени. Он попытался отогнать эти страшные призрачные мысли, отправить их назад, в ту тьму и мрак, откуда они появились.

Никки недовольно выгнула бровь, возможно, оттого, что заметила тень страдания на его лице. Но он оставил без внимания ее невысказанное беспокойство.

— Надеюсь, не нужно напоминать, насколько это важно для нас? — спросил он.

Никки долгую минуту не спускала с него пристального взгляда, словно хотела сказать, что он просит невозможного, но отчаянно не желала произносить это. Наконец она плотнее сжала губы и кивнула:

— Я сделаю все, что смогу, Ричард.

Внезапно ее словно осенило. Она открыла книгу с конца и торопливо просмотрела последнюю страницу. Затем некоторое время стояла, внимательно изучая что-то на ней.

— А это уже интересно, — пробормотала она.

— Что? — спросил Ричард.

Никки оторвала взгляд от середины страницы.

— Ну, в конце некоторых магических книг, в качестве меры предосторожности против неправомерного использования, иногда требуют совершить еще один, заключительный и важный шаг, который, однако, не включен в общее описание. И если это так, то даже если шкатулки Одена уже и задействованы, мы сможем помешать требуемой последовательности необходимых в дальнейшем действий. Понимаешь, что я имею в виду? А еще, если книга достаточно опасна, иногда ее не дописывают до конца, а для завершенности требуется кое-что еще.

— Кое-что еще? Как что, например?

— Не знаю. Как раз это я и пытаюсь посмотреть. — Она подняла палец. — Позволь мне дочитать до конца этого раздела...

Через минуту она оторвалась от чтения и постучала пальцем по странице.

— Да, я была права. Здесь предупреждение, что использовать эту книгу следует лишь с применением ключа. В про-

тивном случае, без этого ключа, все, что происходило раньше, окажется не только безрезультатным, но смертоносным. Там говорится, что в течение одного года ключ должен завершить то, что приведено в действие с помощью этой книги.

— Ключ, — повторил Ричард скучным тоном и посмотрел на Бердину.

— «Будут дрожать от страха при мысли о том, что они сделали, и бросят подобие ключа посреди костей, чтобы никогда не обнаружилось, что только один ключ был сделан верно», — процитировала она из «Сплетен Янкли». — Ты думаешь, это о той самой книге, о которой идет речь?

Что-то шевельнулось в темном отдаленном уголке его разума. И, осознав с быстротой молнии невероятное, Ричард понял. На него словно обрушился леденящий холод. Руки и ноги начали неметь.

— Добрые духи... — только лишь и прошептал он.

Никки еще больше нахмурилась, глядя на него.

— Ричард, я вижу, что-то случилось. Ты белый как мел.

Ричарду было трудно справиться со своим голосом. Наконец он услышал собственные слова:

— Мне необходимо вернуться назад, к Зедду.

Никки потянулась и опустила ладонь на его руку.

— Что случилось?

— Мне кажется, я знаю, что это за ключ.

Дыхание Ричарда сбилось, а сердце пыталось выскочить из груди. Все, что он знал, переворачивалось вверх дном, и вся картина рассыпалась на кусочки. Ему никак не удавалось вдохнуть.

Будут дрожать от страха при мысли о том, что они сделали, и бросят подобие ключа посреди костей.

— Ну, ты думаешь, что...

— Объясню, когда будем на месте. Необходимо отправляться... сейчас же.

Обеспокоенная Никки сунула книгу в карман платья.

— Я сделаю все, что смогу, Ричард. Я займусь этим... Обещаю тебе.

Он с отсутствующим видом кивнул, в эту минуту его разум отчаянно пытался сложить кусочки вместе, снова быстро-

ить единое целое. Он чувствовал себя так, будто наблюдал за собственными попытками сделать первый шаг.

Затем он ухватил за руку Бердину.

— У Бараха было одно тайное место... библиотека. Я хочу, чтобы ты попыталась найти, где она может быть.

Бердина кивнула в ответ на его настойчивость.

— Хорошо, Лорд Рал. Я постараюсь выяснить. Сделаю все, что смогу.

Она бросила взгляд на побелевшие костяшки его пальцев, сжимавших ее руку. Ричард понял, что, должно быть, причиняет ей боль, и отпустил руку.

— Спасибо, Бердина. Я знаю, что могу положиться на тебя. — Все остальные пристально смотрели на него. — Мне нужно вернуться к Зедду. Я должен немедленно поговорить с ним. Мне нужно знать, где он взял...

— Взял что? — Перед самой дверью Никки коснулась рукой его груди, не давая выйти. — Ричард, что может быть настолько важным, что ты...

— Послушай, я все объясню, когда мы вернемся, — сказал он, отстраняя ее. — А пока что мне нужно самому это хорошенько обдумать.

Никки с Карой обменялись беспокойными взглядами.

— Хорошо, Ричард. Успокойся. Мы довольно быстро вернемся в Цитадель.

Он вцепился в красную кожаную одежду Кары и потянул ее к выходу.

— Проводи нас к сильфиде... самым коротким путем.

Сосредоточившись, Кара повернула эйджил, зажатый в ее кулаке.

— Тогда идем.

Он повернулся к Бердине, продолжая, задом наперед, мелкими шагами спешить вслед за Карой.

— Мне нужно, чтобы ты отыскала все, что сумеешь, касающееся Бараха. Все!

Бердина торопилась вместе с ними чуть впереди Никки.

— Я все сделаю, Лорд Рал.

Он указал ей за спину.

— Скоро здесь появится Верна. Скажи ей, что я просил оказать тебе помощь. Пусть и ее сестры тоже помогут тебе.

Просмотрите каждую книгу в этом дворце, если будет нужно, но найдите все, что только сможете, о Барахе — где он родился, где рос, что ему нравилось, а что нет. Он был Первым волшебником, так что какая-то информация о нем должна иметься. Я хочу знать, кто стриг его волосы, кто шил ему одежду, какой был его любимый цвет. Все, и не важно, каким пустым и мелким тебе может это показаться. И заодно обрати внимание на любую информацию о том, что сделали эти «слабоумные» из «Сплетен Янкли».

— Не беспокойся, Лорд Рал, если какую-то информацию можно найти, я найду ее. Я все выясню и получу ответ к твоему возвращению.

Ричард схватил руку Никки, чтобы быть уверенным, что она не отстанет, а затем повернулся к Каре.

— Поспешим.

Бердина, зажав в кулаке эйджил, бежала следом за ними, прикрывая тыл. Ричард лишь заметил отблески света на полированной поверхности доспехов и оружия и перезвон снаряжения, когда солдаты подхватили эту гонку, будто сам Владетель гнался за Лордом Ралом.

Поскольку разум мчался даже стремительнее, чем ноги, Ричард успел решить, что сначала лучше всего отправиться в Касску. Обдумывая же эту идею, по мере того как отдельные части головоломки начали складываться, он ее пересмотрел. С помощью сильфиды он сможет быстро попасть в Касску и из Цитадели. Встреча с Зеддом была важнее.

Пока они бежали через лабиринт залов, комнат и переходов, Ричард слышал отдаленный звон колокола, созывающий обитателей Цитадели для выражения преданности Лорду Ралу.

Ему же было интересно, а смогут они вскоре после этого встать на колени пред Владетелем из преисподней и воздавать свои молитвы ему?

Глава 30

Сикс внезапно встала. Не говоря ни слова, сделала три размашистых шага к стене пещеры, на которой размещался весьма протяженный рисунок Виолетты. Она старательно приложила костлявые руки на вычерченные мелом символы, которые Виолетта закончила несколькими днями раньше. И эти символы неожиданно засветились. При этом желтый мел светился желтым светом, красный — красным, а синий — синим. Эта внушающая суеверный страх иллюминация из ослепительно ярких цветных линий вызывала мерцание на стенах пещеры, напоминающее свет, отражающийся от волнистой водной поверхности.

Рэчел бросила взгляд на Виолетту, сидевшую на низеньком стуле с фиолетовой обивкой, который она заставила Рэчел принести сюда несколько дней назад. Скучающая королева ковыряла ногтем слоистый камень стены позади себя. Рэчел пришла в голову мысль, что Виолетта — это королева пещеры, поскольку именно там они проводили все большую и большую часть времени.

Виолетте не нравилось сидеть на камне, когда она не рисовала. Отвратительный старый грязный камень, говорила она, замечательно подходит для Рэчел, но не для королевы. Сикс вообще нисколько не беспокоилась о стуле. У нее в голове, похоже, всегда имелась масса более важных дел, чем подушка для сидения. Тем не менее Виолетта уставала ждать, пока Сикс обдумывает все эти важные дела, и поэтому заставила Рэчел притащить это тяжелый стул в пещеру.

И вот сейчас королева пещеры сидит на своем мягком фиолетовом троне, в мерцающем свете факелов и магических

символов, ожидая, когда ее советница сообщит, что ей делать дальше.

— Он идет, — прошипела Сикс. — Он опять идет через пустоту.

Для Рэчел было ясно, что женщина на самом деле говорит не с Виолеттой, а сама с собой. Королева с таким же успехом могла и отсутствовать.

Виолетта подняла глаза. Она явно не собиралась давать себе труд встать, если только Сикс не скажет ей, что необходимо сделать еще несколько рисунков, но было ясно, что ее интерес пробудился. В конце концов, именно из-за этого она была здесь. В этом была вся причина того, что она столько трудилась над этим, делая сложные рисунки в сырой и грязной пещере, в то время как могла бы примерять платья и драгоценности или присутствовать на банкетах и пирах, где гости раболепствовали бы перед молодой королевой.

Сикс, казалось, полностью ушла в себя, а ее руки скользили по поверхности рисунка. Она приложилась щекой к камню и протянула руку в их сторону.

— Иди сюда, дитя мое.

Злобный взгляд исказил округлое лицо Виолетты.

— Ты хочешь сказать, «моя королева»?

Сикс или не слышала ее, или не посчитала нужным исправиться.

— Поспеши. Пришла пора приступать к связям.

Виолетта встала.

— Прямо сейчас? Давно пора обедать. Я проголодалась.

Сикс, прислоняясь лицом к рисунку, изображающему Ричарда, словно кошка, потирающая щеку о чьи-либо ноги, казалось, вообще не думала о еде. Она волнообразными движениями пальцев подзывала Виолетту.

— Это необходимо сделать сейчас. Поспеши. Мы не можем терять такую редкую возможность. Те связи, что нам нужны, требуют времени, но неизвестно, каким временем мы располагаем.

— Так почему мы не начали делать это раньше, когда...

— Это нужно начать именно сейчас, когда он в пустоте. — Одной рукой Сикс, будто когтями, скребла по воздуху. — Ку-

да легче выцарапать ему глаза, когда он действует вслепую, — сказала она шипящим голосом.

— Я не понимаю, почему...

— Таковы правила. Так ты хочешь этого или нет?

Сложенные руки Виолетты пришли в движение, неповиновение растаяло. Выражение ее лица стало мрачным.

— Я хочу.

Хитрая улыбка скользнула по лицу Сикс.

— Тогда давай приступать. Сейчас необходимо закончить связи.

Внезапно обретя решимость, Виолетта схватила палочки цветного мела с небольшого выступа в стене, расположенного позади королевского стула. И едва она подошла широким шагом к Сикс, женщина постучала вытянутым тонким пальцем по камню.

— Начинай со знака кинжала, как я учила тебя и как ты уже практиковалась, чтобы гарантировать, что при инициировании этой связи то, что ты заготовила, будет резать быстро и наверняка.

— Знаю, знаю, — сказала Виолетта, смело прикасаясь концом желтого мела к вершине одного из сложных светящихся символов сбоку от Ричарда.

Сикс ухватила запястье Виолетты, отводя ее руку как раз настолько, чтобы мел застыл над поверхностью стены, не касаясь ее. Затем она передвинула руку Виолетты еще на несколько дюймов вверх, после чего позволила мелу вновь коснуться символа, но только уже в другой вершине его изображения, одной из двенадцати, расположенных по периметру.

— Ведь я говорила тебе, — сказала Сикс с натянутой вежливостью, помогая Виолетте начать очередную линию, — что ошибка приведет к тому, что мы опоздаем на целую вечность.

— Знаю... Я всего лишь взяла неверную вершину, вот и все, — обиделась Виолетта. — Теперь я исправилась.

Сикс, не обращая внимания на королеву и не отрывая прикованного к рисунку взгляда, одобрительно кивнула, продолжая наблюдать за движением мела по камню.

— Смени на красный, — негромко напомнила Сикс после того, как Виолетта провела несколько дюймов по чистой поверхности.

Без лишних споров или колебаний Виолетта сменила мел на красный и начала двигать его под углом к желтой линии, которую закончила перед этим. После того как она продлила ее на половину расстояния, остававшегося до Ричарда, она остановилась без всяких напоминаний и перешла на синий мел.

Затем она все-таки помедлила в нерешительности и взглянула на Сикс.

— Ведь это будет узел? Верно?

А Сикс уже утвердительно кивала.

— Верно, — пробормотала та, довольная увиденным. — Верно, теперь обведи его, затем возвращайся к завершению первой связи.

Виолетта начертила синий круг в конце красной линии, прежде чем пересечь пустое пространство на гладком черном камне стены. Когда синий мел добрался до одной из вершин следующего символа, она вернулась назад и начертила линию, соединяющую этот круг с Ричардом. Завершенная Виолеттой триада линий засветилась. Синий круг испускал пульсирующий луч света, словно это был маяк, пробивавшийся сквозь оконце в темном камне.

Сикс внезапно подняла руку, командуя Виолетте остановиться, прежде чем та довела линию до следующей точки всей последовательности соединений.

— Что-то не так? — спросила Виолетта.

— Кое-что... неверно...

Сикс снова прижалась одной стороной лица к рисунку, на этот раз прислонившись щекой прямо к лицу Ричарда.

— Вообще все не так...

Ричард сделал очередной вздох серебристого наслаждения, но, при его неотложных заботах, подавляющих впечатления, это показалось всего лишь подобием того замечательного восторга, который он обычно испытывал, находясь внутри сильфиды.

Хотя он и сознавал, что, когда путешествовал вот таким образом, обычно бывал чем-то серьезно обеспокоен — в конце концов, именно разного вида неприятности и были причинами большинства его путешествий с помощью сильфиды, — тем

не менее так, как это ощущалось сейчас, раньше никогда не бывало. Он ощущал не страх, но скорее тяжелое предчувствие. И с каждым вдохом эта призрачная тяжесть давила на него все больше.

Внутри сильфиды не было реального зрительного восприятия как такового, а также ощущения времени или пространства. Но при этом все же было некое подобие зрения. Там присутствовали краски. А иногда появлялись, словно в тумане, какие-то темные формы, которые вскоре исчезали. Кроме того, было визуальное ощущение невероятной скорости, заставляющее чувствовать себя стрелой, выпущенной из мощного лука. И в то же время было ощущение почти неподвижного дрейфа внутри густой пустоты сильфиды. Эти столь противоречивые ощущения сливались, образуя опьяняющую смесь, и побуждение анализировать этот способ передвижения оставалось неосуществленным.

Пока он мчался сквозь подвижную как ртуть субстанцию сильфиды, его беспокойство ослабевало. Но появилось странное ощущение — Ричард будто почувствовал прикосновение к коже, какое-то скрытое давление, мгновенно оценив его как то, что он во время путешествий никогда раньше не испытывал. Через него волнами струилось покалывающее дурное предчувствие.

Но предчувствие, насколько он понимал, не бывает столь материальным и осязаемым, каким было это прикосновение.

По мере того как он дрейфовал, удерживаемый в объятиях безмерной серебристой пустоты, он попытался отделить ощущение прикосновения от всего остального. Ричард почувствовал безмятежное удаление от сильфиды. От сильфиды, которая окружала, ласкала и ограждала его от воздействия безудержного напора скорости, способного, казалось, разорвать человека на части. Он по-прежнему ощущал бальзам спокойствия, ослабляющего страх от вдыхания в свои легкие той жидкой субстанции, в которой он и плыл.

Но Ричард ощущал и что-то еще, хотя и не мог отделить тревожное ощущение от всего остального, чтобы точнее разобраться в нем. Внутри него нарастало убеждение, что что-то не так. Устрашающе не так. И это вызывало все большее беспокойство, потому что он никак не мог понять, откуда знает, что что-то не в порядке.

Так, значит, оно действительно было, это тайное прикосновение. На какое-то время он уверился, что ему лишь показалось. Но нет: он чувствовал его.

Он словно ощутил присутствие чего-то дьявольского. Примерно как чудесным днем, лежа на теплой, солнечной лужайке, в окружении буйства красок и нежных ароматов полевых цветов, наблюдать за пушистыми облаками, медленно плывущими по ярко-синему небу, а затем уловить слабый запах разлагающегося трупа и, кроме того, осознать при этом, что тот неясный звук, услышанный тобой, был не чем иным, как жужжаньем мух.

Чувство вневременного полета сквозь подвижное серебро сильфиды начало переходить в мучительное замедление их общего движения.

Кара уже держала его правую руку железной хваткой, а Никки сжала левую руку еще сильнее. Ричард по усилению ее хватки решил, что она тоже что-то почувствовала. Ему хотелось спросить ее, что именно, но вести разговоры внутри сильфиды было просто невозможно.

Ричард шире раскрыл глаза, пытаясь увидеть как можно больше вокруг, но везде по-прежнему было приглушенное царство мрака, в котором мало что видно, кроме мерцающих вспышек света — желтого, красного, синего — пронзавших этот мрак, через который они проносились. Ричарду показалось, что эти вспышки-лучи перестали двигаться, как они делали это раньше. Хотя было очень трудно понять что-либо с уверенностью, находясь внутри сильфиды. Это вообще было скорее смутное ощущение происходящего, нежели действительное восприятие.

В какой-то момент Ричард осознал, что впереди показалось что-то, словно бы маневрирующее, пробирающееся через окружающий серебристый мрак. Поначалу это выглядело как длинные тонкие лепестки, только-только начинавшие распускаться. Когда оно приблизилось, Ричард решил, что это походит скорее на многочисленные лапы — клиновидные, длинные, извивающиеся объекты, — расходящиеся веером из какого-то центрального элемента, который он почему-то так и не смог определить.

Этот объект при попытке наблюдать за ним сбивал с толку, потому что оказывался непонятным и непостижимым.

А когда приблизился, то показался Ричарду сделанным из стеклянных сегментов, объединенных в нечто упорядоченное, нечто волнообразно колышущееся. Можно было видеть сквозь эти прозрачные тянущиеся лапы, видеть цвета и лучи света, мерцающие за этим объектом.

Это было самое странное, что он когда-либо видел. И сколько ни пытался, ему не удавалось понять, что это. Оно словно бы и было там, и не было.

А затем его затопило осознанием и леденящим страхом.

И в этот момент Никки с такой силой потянула его руку, что едва не выдернула ее из сустава. Этот рывок словно бы опрокинул его на спину, еще и потому что Кара, тоже державшая его другую руку, опустилась ниже, будто падала в воздушном пространстве. Ричард словно погрузился глубже. Полупрозрачная форма проскочила мимо его лица, едва не задев его.

Никки вовремя оттащила его назад.

Теперь Ричард понял, что это.

Это его зверь.

Ощущение присутствия зла внезапно оказалось таким сильным, что вызвало удушающую панику. Едва зверь, подобно призрачному видению, плавно пронесся мимо него, он тут же развернулся. Стекловидные «лапы» раскрылись веером и начали тянуться, снова пытаясь схватить его.

Коротким рывком Никки снова избавила его от столкновения со звездообразной сетью щупалец, широко раскрывшейся перед ним, очередной раз попытавшейся сомкнуться вокруг него.

Ричард высвободил руку из руки Кары и выхватил кинжал. Свободной рукой она тут же ухватилась за его одежду, чтобы продолжать удерживать его.

Ричард изо всех сил старался рубить тянущиеся отовсюду лапы, пытавшиеся обнять его своей смертельной хваткой. Ему потребовалось немного времени, чтобы понять, что сражаться кинжалом внутри сильфиды граничило с невозможным. Слишком вязкое окружение, чтобы наносить удары с надлежащей скоростью. Все это напоминало движение в сахарном сиропе. Тогда он сменил тактику и, оставив в покое лапы, ждал, когда центр этого стекловидного, чем бы оно ни было, приблизится к нему.

И когда оно оказалось близко, он направил лезвие кинжала к деятельному центру полупрозрачной угрозы. Но вместо того чтобы оказаться пронзенным стальным лезвием, это существо, как показалось, лишь обтекло складками кинжал, пропуская его через себя, проносясь мимо.

А затем оно вновь развернулось для атаки, на этот раз с некой внезапной жгучей яростью, которую Ричард мог вполне ощутить. Существо двигалось с плавным изяществом, и ему, похоже, ничуть не мешала окружавшая их вязкая среда.

С одной стороны от себя Ричард видел мерцающий силуэт Кары, все еще удерживающей его за рубашку, а свободной рукой пытающейся атаковать зверя. С другой стороны Никки, он почувствовал это, пыталась задействовать магию. Но, похоже, ее магия не очень-то работала в условиях окружающей их внутренней среды сильфиды.

Одна из лап зверя обернулась вокруг руки Ричарда, другая обхватила руку Кары. Она вцепилась в его запястье другой рукой. Зверь точно так же обхватил другую руку Кары и без особого труда разъединил ее и Ричарда. И в одно мгновение Кара исчезла. В этой мрачной темноте Ричард не мог определить, где она или как близко от него находится. И, что еще хуже, он не знал, все ли с ней в порядке или существо все-таки прикончило ее.

Никки обхватила Ричарда вокруг талии, стараясь защитить его, вцепившись в эту дорогую для нее жизнь, в то время как новые прозрачные, волнообразно движущиеся лапы тянулись из мрака, обвивались вокруг них. Они словно бы очутились в гнезде змей, переплетенных друг с другом и с силой сжимавшихся, как только цеплялись за что-то. Одна, обернувшаяся вокруг ноги Ричарда, тянула так сильно, что ему казалось, что она сорвет плоть с кости.

И хотя Ричард не мог слышать Никки в обычном понимании, он ощущал ее приглушенную ярость, когда она боролась с этим существом, вознамерившимся поймать их здесь. Странная, приглушенная разновидность молнии бешено вспыхивала вокруг Никки. Ричард понял, что она пыталась использовать магию, но это практически не действовало на зверя.

Ричард не обращал внимания на боль от стекловидных щупалец, которые уже захватили его и терзали все сильнее, и

старался резать толстые лапы, которые, казалось, присутствуют только частично. Он яростно рубил кинжалом, решительно и целенаправленно, и ему удалось отделить несколько лап от основной части этого странного существа. Отрубленные щупальца дико извивались, уплывая в окружавшую их пустоту, как будто тонули в бездонном море.

Казалось, толку от этого немного; новые и новые извивающиеся щупальца тянулись к нему из темноты. Он словно бы оказался на дне темной ямы, полной злобных гадюк. Ричард продолжал сражаться изо всех сил, резал, рвал и полосовал кинжалом. Его руки болели от чрезмерных усилий. Никки одной рукой сражалась с толстыми щупальцами, а вторая ее рука все еще крепко держала Ричарда. И судя по тому, как она изгибалась и выворачивалась, он мог бы сказать, что Никки пребывает в агонии. Ричард оставил щупальца возле себя и со всей яростью начал рубить лапы зверя, угрожавшие Никки и пытавшиеся растащить их.

Но затем их все-таки с неимоверной силой разнесло в стороны.

Неожиданно Ричард остался один против непонятно чего, стеклообразного, скользкого, сильного существа, пытавшегося притянуть его к своей центральной части, к чему-то, как он мог слышать, рычащему, огрызающемуся и щелкающему зубами.

Не было понятного ему способа побороть подобное существо, как и способа превзойти его в силе, и не было способа сбежать от множества его лап. И этих лап, тянущихся схватить его, становилось все больше.

Изо всех сил, прежде чем его рука окажется опутана, он ткнул кинжалом по направлению к центральной массе, которую так и не мог отчетливо разглядеть. И наконец-то ощутил, что удалось добиться твердого соприкосновения. Зверь взвыл, со звуком, от которого у Ричарда заломило в ушах. Лапы чуть-чуть ослабли — не выпустили его, но раскрылись достаточно, чтобы Ричард смог сделать мощный рывок телом, благодаря которому вывернулся из «объятий» существа. Подобно тыквенному семечку, сжатому между мокрых пальцев, он выскользнул из этих смертельных «объятий».

Ричард попытался отплыть в сторону, чтобы как-то избежать снующих во все стороны полупрозрачных, вновь потянувшихся за ним лап, но это существо было быстрее его, более сильным и неутомимым.

— Вот сюда! — требовала Сикс, постукивая костяшками пальцев по центру символа.

Виолетта повела мелом к точке, на которую указывала ее советница. Пальцы совершали быстрые и уверенные движения. Тыльной стороной другой руки Виолетта вытерла пот с лица, а затем, пальцами, с бровей и глаз. Рэчел еще никогда не видела, чтобы Виолетта работала так быстро и так напряженно.

Рэчел не понимала, что именно происходит, но было очевидно: что-то пошло не так, как ожидала Сикс. Та находилась в состоянии ненадежного равновесия между паникой и яростью. Рэчел в равной мере боялась любого нарушения равновесия, в какую бы сторону это ни произошло.

Пока Виолетта довольно спешно завершала связи, меняя цвет мела и переходя к очередной точке, Сикс вернулась к негромкому, монотонному произношению своих заклинаний. Губительное, смертоносное звучание этих произносимых шепотом слов ощущалось так, будто они иссушали саму душу Рэчел. Несмотря на то, что она не различала отдельных слов и не понимала их значения, само зловещее звучание пугало ее.

Рэчел бросила взгляд в сторону далекого входа в пещеру, но поскольку снаружи было темно, ей не удалось ничего увидеть. Она хотела бежать, но не отважилась. Она понимала, что если вынудит Виолетту или Сикс прервать то, чем они сейчас занимаются, и броситься за ней, это кончится для нее крайне плохо.

Чейз учил ее сдерживать свои порывы, как он называл это, и выжидать реальной возможности. Он наставлял ее, что если она не подвергается немедленной смертельной опасности, то действовать следует только тогда, когда есть обдуманный четкий план. Он предупреждал, что не следует действовать в слепящем страхе, а надо работать над тем, чтобы найти способы увеличить шансы на успех.

Несмотря на то, что обе очень заняты, Рэчел не сомневалась, что обе вместе и каждая в отдельности, находясь в таком до ужаса безумном состоянии, будут реагировать на любые неправильные действия Рэчел спешным и необузданным насилием. Это никак не могло быть благоприятной возможностью; просто встать и побежать — не было хорошим планом, и она понимала это.

Пока Рэчел продолжала сидеть тихо и смирно, стараясь быть незаметной, Сикс осторожно постукивала кулаком по мерцающим узлам в тех связях, которые уже нарисовала Виолетта. Каждая цветная область, по которой она постукивала, темнела с низким рычащим звуком, от которого Рэчел бросало в дрожь. Казалось, пещера гудит в унисон с подъемами и спадами ритмических заклинаний Сикс.

Виолетта, рисовавшая уверенными, резкими движениями, поглядывала в сторону, интересуясь успехами Сикс. Ведьма же, справившись с очередным узлом, переключала внимание на королеву. Виолетта, будто в трансе, начала рисовать быстрее. Щелкающие звуки прикосновений мела отмечали каждую линию, которую Виолетта проводила на камне. И звуки мела совпадали с ритмом монотонных песнопений Сикс.

Сикс, невнятно бормоча заклинания, произносимые в нарастающем распевном ритме, что все более напоминало завывающий ветер, вихрящийся по пещере, постукивала кулаком вокруг фигуры Ричарда по точкам в тех связях, которые Виолетта рисовала без перерыва вот уже несколько часов. Рэчел думала, что Виолетта вот-вот упадет в обморок от истощения, но та все еще лихорадочно работала, стараясь все время опережать Сикс. И хотя мел ее двигался быстро, каждая линия, проведенная Виолеттой, казалась правильной, каждое пересечение проведено точно и строго. Сикс заставляла Виолетту бесконечно долго практиковаться в изображении символов, и теперь, похоже, это приносило свои плоды.

Изображение Ричарда было почти полностью покрыто паутиной символов и соединяющих их линий.

Выкрикнув странное слово, так громко, что оно перекрыло завывания ветра, Сикс загасила последнюю цветную область в окружении фигуры Ричарда. Ветер внезапно утих.

Мелкие кусочки листьев и другого мусора медленно колыхались в неожиданно успокоившемся воздухе.

Сикс прекратила песнопения. Ее лицо нахмурилось. Кончиками пальцев она коснулась нескольких символов, как будто ощущая их пульсацию. Мерцание разноцветного света наполнило пещеру.

— Он попался, — прошептала Сикс скорее самой себе.

Виолетта прервала работу, чтобы отдышаться.

— Что?

— Апогей к низшей вершине. — Она обратила к испуганной Виолетте злобно-ядовитый взгляд. — Ну, делай это!

Виолетта без лишних колебаний повернулась к стене, подняла мел и принялась рисовать спиральные линии, идущие вниз от одного их центральных элементов над головой Ричарда.

Сикс подняла руку.

— Будь готова, но не касайся точек начального заклинания, пока я не скажу тебе.

Виолетта кивнула. Сикс закатила глаза и склонилась, опираясь на камень кончиками пальцев, над изображением Ричарда. И пока Виолетта и Рэчел наблюдали, Сикс едва слышно бормотала какие-то странные слова.

Глава 31

Никки вырвалась в открытое пространство над ртутной внешней поверхностью сильфиды. Тяжелая инертная жидкость скатилась с ее волос и лица. Краски и свет, казалось, с силой прорезали безмолвную густую темноту.

Дышать.

Приложив все силы, Никки немедленно «выдохнула» серебристую жидкость из своих легких.

Дышать.

С потребностью, преодолевающей собственный страх, она с трудом сделала отчаянный вдох. Воздух обжигал, как будто она втягивала внутрь кислотные пары.

В ее зрительном восприятии комната тошнотворно вращалась. В какой-то момент Никки увидела красное пятно. Она беспомощно барахталась, чувствуя, что снова начинает задыхаться. Наконец сумела добраться до края и перебросить руку через каменную стенку колодца, в котором обитала сильфида, чтобы удержаться на поверхности. Поднявшаяся паника грозила затопить ее.

Чья-то ладонь ухватила ее руку. Никки удалось поднять свой заплечный мешок и перебросить его через стену. Другая рука протянулась вниз и помогла ей подтянуться, вполне достаточно для того, чтобы теперь обе ее руки оказались переброшены через стену. То красное, что она прежде видела, оказалось Карой.

— Где Лорд Рал?

Никки щурилась от взгляда ослепительно голубых глаз морд-сита. Она не представляла себе, что синева может быть столь острой и неприветливой. Она закрыла глаза и покачала

головой, все еще пытаясь прояснить свое сознание после всех переживаний этого опасного приключения, от замешательства, от звенящего звучания голоса Кары, эхо которого пробирало ее до мозга костей.

— Ричард... — Было такое ощущение, что внутри нее все выворачивается от боли и страданий, вызванных настойчивостью желания помочь ему. — Ричард...

Кара, кряхтя от усилий, перетянула обессилевшую Никки через стену. Никки, ощущая себя как выживший после кораблекрушения в штормовом море, соскользнула на пол с каменного барьера, ограждающего колодец сильфиды, не способная больше ни на какие усилия для собственного спасения. Кара, опустившись на одно колено, придерживала ее, не позволяя ее ослабевшему телу удариться о камень.

Едва Кара уложила ее на каменный пол, Никки постаралась изо всех сил приподняться на дрожащих руках. На большее сил не хватало. Это было пугающее ощущение — не суметь заставить подчиняться приказу собственное тело. С огромным усилием она наконец-то смогла выпрямить спину, но тут же тяжело оперлась о стенку колодца. Она все еще с трудом ловила воздух, стараясь восстановить дыхание. И все еще испытывала боль в разных местах. С минуту она сидела, привалившись к каменной стенке, пытаясь собраться с силами.

Кара ухватила ее за ворот платья и слегка встряхнула.

— Никки... где же Лорд Рал?

Никки моргала, осматриваясь кругом, пытаясь осмыслить окружающее. Да, пострадала она очень сильно. Боль, что она ощущала сейчас, напомнила ей избиения, что устраивал Джегань, и как во время одного из них, когда он особо взъярился, она могла чувствовать боль даже сквозь цепенящий туман ускользающего сознания. Но то, что случилось с ней сейчас, не было делом рук императора. Это была боль от чего-то, произошедшего внутри сильфиды. Никогда раньше путешествие не причиняло подобной боли и страданий. Оно никогда не вызывало болезненных испытаний.

— Где Лорд Рал?!

Никки содрогнулась от боли, которую вызвал этот разнесенный эхом по комнате крик. Она сдержалась, сглотнув, несмотря на саднящую боль в горле.

— Не знаю. — Она пристроила локти на коленях и, запустив пальцы в волосы, подперла двумя руками клонившуюся вниз голову. — Добрые духи. Я этого не знаю.

Кара перегнулась через стену, так быстро и настолько низко, что Никки подумалось, что она вот-вот свалится туда. Инстинктивно она потянулась, чтобы схватить Кару за ноги, испугавшись, что она действительно падает туда. Но та не упала.

— Сильфида! — очередной раз крикнула Кара, вызывая эхо в пространстве этой древней, запыленной, похожей на каменный мешок комнаты. Никки разделяла ее волнение, но прекрасно знала, что настойчивость по отношению к сильфиде бесполезна.

Не обращая внимания на боль в суставах, она с трудом, пошатываясь, поднялась на ноги. Ощущение неустойчивости всего вокруг понемногу ослабло. Она уже могла видеть подвижную ртутную физиономию сильфиды, частично высунувшуюся из колодца, чтобы взглянуть на них, и способна различать отдельные черты, сформированные на блестящей гладкой поверхности.

— Где Лорд Рал? — спросила Кара.

Сильфида проигнорировала вопрос Кары. Вместо этого она обратилась к Никки.

— Ты не должна этого делать, когда находишься внутри меня. — Жуткий, внушающий суеверный страх голос разнесся приглушенным эхом под каменными сводами комнаты.

— Ты имеешь в виду магию? — догадалась Никки.

— Я с огромными трудностями смогла удержать такую силу, высвободившуюся внутри меня, но подобное может плохо кончиться для тебя и для кого-то еще, путешествующего в то же самое время. Ты не должна даже пытаться использовать свои способности во время путешествий. Это, в лучшем случае, вызовет у тебя болезненные ощущения. Но запросто может обернуться и чем-то куда более плохим. Это опасно для всех.

— В этом она права, — доверительно сказала Кара. — Когда ты начала там это выделывать, мне показалось, будто кто-то воткнул в меня эйджил. До того тяжелое было воздействие. Ноги до сих пор плохо слушаются.

— И мои тоже, — заметила Никки. — Но не могла же я просто позволить, чтобы зверь схватил Ричарда, не попытавшись даже защитить его?

Смущенная даже таким намеком на упрек в том, что сама она не сделала ничего, чтобы защитить Ричарда, Кара лишь покачала головой.

— Я поступила бы и гораздо хуже, чтобы защитить Лорда Рала. Так что ты сделала все правильно... и не стоит обращать внимание на то, что говорит сильфида.

— Я того же мнения, — сказала Никки, не совсем уверенная в эту минуту, имеет в виду себя или Кару. Она снова обратилась к сильфиде: — Так где же Ричард? Что с ним случилось? Где он?

— Я не могу...

Терпение Кары, если оно вообще было, кончилось. Она приступила к сильфиде, будто собиралась придушить ее за эту серебристую шею.

— Где он?

Ртутная физиономия плавно скользнула на безопасное расстояние. Никки схватила Кару за одежду и оттащила ее назад. Лицо морд-сита, красное от ярости, сравнялось по цвету с красной кожей одежды.

— Сильфида, это жизненно важно, — сказала Никки, стараясь, чтобы ее слова звучали убедительно. — Мы были вместе с Ричардом... с Лордом Ралом, твоим хозяином, когда на нас напали. Вот почему мне и пришлось использовать свою силу. Я пыталась защитить его. Этот зверь был чрезвычайно опасен.

Гладкая серебристая физиономия исказилась, обретая пугающую форму.

— Я знаю, он здорово навредил и мне.

Никки замолчала, удивленная.

— Этот зверь причинил тебе вред?

Сильфида кивнула. Отражения комнаты изгибались и растекались, принимая причудливые формы, в гладких контурах застывших серебристых черт. Никки пристально и с удивлением смотрела, как мерцающие, подвижные словно ртуть слезы появлялись на нижних веках глаз сильфиды и скатывались по блестящей поверхности ее щек.

— Да, он причинил мне вред. Он не хотел путешествовать. — Серебристый лоб покрылся складками, что походило на негодование, добавленное к мучениям. — Он не имел права использовать меня таким образом. Он доставлял мне страдания.

Никки с Карой обменялись взглядами.

Кара, может, и выглядела удивленной, но никак не сочувствующей. Следовало выяснить правду, и в этот момент беспокойство за Ричарда было выше любых других забот.

— Сильфида, я очень сожалею, — сказала Никки, — но...

— Так где он? — рявкнула Кара. — Просто скажи нам, где находится Лорд Рал.

Сильфида колебалась.

— Он больше не путешествует.

— Тогда где же он? — повторила свой вопрос Кара.

Физиономия сильфиды стала безучастной и равнодушной.

— Я никогда не сообщаю никакой информации о других, кто были со мной в путешествии.

— Он не просто путешественник! — в ярости выкрикнула Кара. — Это Лорд Рал!

Сильфида отступила к дальней стене своего колодца.

Никки подняла руку, останавливая Кару, призывая ее к сдержанности и отчасти успокаивая.

— На нас напало нечто зловредное, когда мы путешествовали вместе. И ты прекрасно знаешь это. — Никки пыталась сгладить угрожающие нотки в своем голосе. Хотя и понимала, что это ей не вполне удавалось. Охватывавшая ее при воспоминании о Ричарде паника затрудняла ход мыслей. Она вспомнила вдруг о безумном предупреждении Джебры, что они не должны ни на мгновение оставлять Ричарда одного. — Сильфида, то злобное существо охотилось за твоим хозяином, за Ричардом. Мы друзья Ричарда — и ты знаешь это. Он сейчас нуждается в нашей помощи.

— Лорд Рал мог пострадать, — добавила Кара.

Никки кивнула, словно подтверждая слова Кары.

— Нам нужно добраться до него.

Тишина в этом каменном мешке ощущалась мучительно. Никки с трудом стояла на ногах, все еще пыталась подавлять боль, скручивавшую ее, пока она пыталась придумать, какой следующий шаг следует предпринять.

— Нам нужно добраться до Ричарда, — повторила она.

Серебристая физиономия поднялась еще выше, вытягивая из колодца текучую серебристую шею. Сильфида была явно озадачена словами Никки.

— Ты хочешь отправиться в путешествие?

Никки постаралась укротить свою ярость и ответила спокойно:

— Да. Именно так. Мы хотим отправиться в путешествие.

Кара, беря пример с Никки, сделала жест рукой в глубину колодца.

— Да, именно так. Мы хотим отправиться в путешествие.

— И на этот раз я не буду пользоваться своей магией, находясь внутри тебя, обещаю это. — Никки показала жестом, чтобы сильфида приблизилась к ним. — Мы хотим путешествовать, и немедленно. Прямо сейчас.

Сильфида обрадовалась, как будто все было прощено и забыто.

— Вам понравится. — Казалось, она рада доставить им удовольствие. — Тогда прошу вас, подходите, и мы отправимся в путешествие.

Никки опустила колено на верхнюю часть стенки колодца. Ее бедра отозвались на это болью. Не обращая внимания на жгучие ощущения в мышцах и суставах, она постаралась быстрее забраться на широкий верх каменной стенки. То, что им наконец-то удалось уговорить сильфиду если и не сказать, где Ричард, то хотя бы доставить к нему, успокаивало.

— Да, мы собираемся путешествовать, — сказала Никки, все еще пытаясь восстановить дыхание.

Сильфида сформировала руку и плавно обернула ее вокруг талии Никки, помогая ей удерживаться на стенке.

— Так прошу. И куда вы желаете отправиться?

— Туда, где находится Лорд Рал. — Кара забралась на стену рядом с Никки. — Доставь нас туда, — сказала она, излучая улыбку в ответ на радость сильфиды, — и мы будем счастливы.

Сильфида помолчала и пристально посмотрела на нее. Рука убралась, растворяясь в медленно растекающейся поверхности. Серебристая физиономия неожиданно приняла бесстрастный, даже обиженный вид.

— Я не могу предоставлять информацию о других своих клиентах.

Никки сжала кулаки.

— Он не просто какой-то клиент! Он твой хозяин, и сейчас он в беде! Он наш друг! И ты должна доставить нас к нему!

Отражающий облик сильфиды начал удаляться от них.

— Я не могу сделать такое.

Никки и Кара с минуту стояли онемевшие, обе оказались в тупике, не в состоянии придумать, как склонить сильфиду к сотрудничеству. Никки чувствовала себя так, будто ей хотелось то ли плакать, то ли кричать, то ли оказать жестокое магическое воздействие на сильфиду, принуждая ее продолжить разговор.

— Если ты не поможешь нам, — сказала она наконец спокойным тоном, — то испытаешь более сильную боль, чем получила от этого зверя. Я позабочусь об этом. Пожалуйста, не вынуждай меня прибегнуть к этому. Мы знаем, что ты хочешь защитить Ричарда. То же самое пытаемся сделать и мы.

Сильфида молча смотрела, напоминая серебряную статую, словно пыталась оценить угрозу.

Кара сжала пальцами виски.

— Это похоже на попытки урезонить ведро воды, — пробормотала она.

Никки пристально взглянула на сильфиду.

— Ты должна доставить нас к твоему хозяину. Это приказ.

— Тебе бы лучше сделать, как она говорит, — заметила Кара, — иначе, когда она закончит с тобой беседовать, тебе придется иметь дело со мной.

Представительница морд-ситов уже сжала в кулаке эйджил, чтобы подкрепить значение своих слов.

Но, едва сделав это, она неожиданно застыла, будто оцепенев, уставившись на оружие. Кровь отлила от ее лица. Даже руки стали казаться белыми на фоне красной кожи ее костюма.

Никки наклонилась к ней, положив руку на ее плечо.

— Что-то не так?

Отвисшая челюсть Кары наконец-то пришла в движение.

— Он мертв.

— О чем ты говоришь?

Голубые глаза Кары переполняла неудержимая паника.

— Эйджил в моей руке мертв. Я не чувствую его.

Хотя Никки отчетливо различила смятение и испуг в голосе морд-сита, она не смогла понять их причину. Держать в руке эйджил и не ощущать боли едва ли казалось подходящей причиной для паники. Но столь явно проявляемый ужас был заразительным.

— И что это означает? — спросила Никки, боясь услышать ответ.

Сильфида наблюдала от дальней стороны колодца.

— Эйджил действует через наш договор с Лордом Ралом — фактически за счет его дара. — Она протянула вперед оружие, как будто в качестве доказательства. — И если эйджил мертв, значит, то же самое произошло и с Лордом Ралом.

— Послушай, я воспользуюсь своей силой, и, если получится, сильфида доставит нас к нему. Мы не можем знать...

Но Кара не стала дослушивать ее до конца.

— Его там нет.

— Где его нет?

— Нигде. — Кара все еще не отрывала взгляд от своего оружия, держа его дрожащими пальцами. — Я больше не чувствую связь. — Взгляд ее голубых глаз, увлажненный слезами, обратился к Никки. — Наша связь всегда давала нам возможность знать, где находится Лорд Рал. А я больше не чувствую его. Больше не ощущаю места, где он находится. Его нет там. Его нет нигде.

Слабость и тошнота накатила на Никки волной. Она обессилела. Пальцы рук и ног начинали неметь.

Она повернулась обратно к сильфиде.

Но та уже исчезла.

Никки склонилась через стену, вглядываясь в глубь колодца. Она успела заметить внизу, в темноте, слабое серебристое мерцание, и в следующий момент сильфида совсем пропала, оставив вместо себя лишь сплошной мрак.

Никки снова повернулась к Каре, ухватила ее за складку на рукаве и прыгнула вниз со стены, увлекая Кару за собою.

— Идем. Я знаю, кто нам может сказать, где находится Ричард.

Глава 32

Рука об руку, Кара с Никки пронеслись по освещенному факелами коридору, по искусно выделанным коврам, приглушавшим топот их ног, мимо ведущих в темноту дверей, мимо комнат, где теплый свет масляных ламп освещал лишь пустовавшую мебель. Цитадель, почти такая же огромная, как и та гора, что приютила ее у подножия своих крепких каменных плеч, казалась пустой и населенной лишь призраками. Никки десятилетия провела в громадном комплексе, известном как Дворец Пророков, который отчасти напоминал Цитадель, но дворец был наполнен жизнью многих самых разных людей, обитавших в нем, от аббатисы и до мальчиков, убиравших конюшни. И он тоже был местом обитания волшебников — во всяком случае, тех, кто готовился стать волшебниками. Цитадель же предназначалась для людей, но, тем не менее, стояла молчаливая и лишенная всех тех, кто способен оживить ее. И если про какое-то место можно было сказать, что оно несчастно, то громадная Цитадели была именно таким местом.

Кара бежала изо всех сил, подгоняемая преданностью и любовью к Ричарду и опасениями, что с ним случилось самое худшее. Никки бежала так же быстро, подгоняемая страхом от одного лишь предположения, что он умер, и бежала, как будто пытаясь обогнать саму смерть. Она не могла позволить себе даже задуматься над подобной мыслью, чтобы не впасть в отчаяние. Жизнь без Ричарда для нее не имела смысла.

Кара проскользила по полу из серого полированного мрамора, чтобы замедлить движение перед поворотом, а Никки для этого же обхватила рукой холодный, черного гранита,

столб у перил — и понеслась по широкой, тоже из черного гранита, лестнице. Видневшиеся высоко вверху окна были темными и из-за этого напоминали зияющие черные пустоты окружавшего их мира. Лестница, освещенная несколькими стеклянными сферами, вела вверх через всю башню, из-за чего Никки чувствовала себя находящейся на самом дне очень глубокого каменного колодца.

Звуки их шагов отдавались эхом по всей Цитадели, словно призрачные шаги тех давно умерших душ, что когда-то ходили по этим самым залам, взбирались по этим самым ступеням, смеялись, любили и проводили жизнь в этом месте. Преодолев третий лестничный марш, Никки, чьи ноги уже болели от этих безумных усилий, свернула в широкий коридор. Пробегая мимо пилястров теплых тонов, красновато-коричневых, цвета вишневого дерева, отмечающих промежутки между большими и ярко расцвеченными освинцованными стеклами, она указала вперед, давая Каре понять, что у следующего коридора они повернут направо.

Наконец через паутину более мелких коридоров и залов, ведущих к комнатам, где они гостили прежде, Никки заметила вдалеке спешащего им навстречу Зедда. За ним по пятам следовала Рикка. Старый волшебник, выглядевший мрачным, остановился и теперь поджидал их, сокращавших остатки разделявшего их расстояния.

— Так что? — спросил он, несомненно догадываясь по их лицам, что что-то не так.

— Где же Лорд Рал? — требовательно спросила Рикка, останавливаясь прямо позади него.

Никки заметила на ее лице беспокойство. Это был тот же взгляд, что у Кары, с тех пор как она обнаружила, что ее эйджил не действует. Никки глянула ниже и увидела, что Рикка держит эйджил в кулаке, сцепив побелевшие костяшки пальцев, точно так же, как это делала Кара. Теперь эти талисманы, единящие их с Лордом Ралом, были безжизненны.

— Где мой внук? — спросил Зедд, выражая в этих словах личное страдание. — Почему он не с вами?

Последнее прозвучало как обвинение, как напоминание о предупреждении Джебры, сделанном перед их отбытием, и об обещании, которое дала тогда Никки.

— Зедд, — начала Никки, — мы не можем сказать ничего определенного.

Волшебник вскинул голову, отчего его седые волосы пришли в беспорядок. При этом его взгляд, брошенный на Никки, был взглядом волшебника, берущего под свою опеку беспокойного человека.

— Не заговаривай мне зубы, дитя мое.

Не будь ситуация столь серьезна, Никки, может быть, и рассмеялась бы над таким словесным оборотом.

— Мы были все вместе внутри сильфиды и возвращались в Цитадель, — сказала она, — и где-то на пути — во время путешествия трудно сказать, где находишься, — на нас напал зверь.

Зедд взглянул на Кару.

— Зверь?

Кара в подтверждение кивнула.

— И что потом?

— Не знаю. — Никки беспокойно вскинула руки в попытке подобрать слова для описания случившегося. — Мы пытались бороться с ним. У него были такие... змееподобные лапы. Мы с ним сражались. Я пыталась использовать против него Хань...

— Внутри сильфиды?

— Да, но этого мало или это вообще не помогло. Я пыталась использовать все, что только могла придумать. Затем зверь просто оторвал и меня, и Кару от Ричарда. И в той темноте мы просто не могли найти его. Мы пытались, но так и не смогли найти ничего... даже друг друга. Я уже говорила, что совершенно невозможно определить, где находишься, когда путешествуешь внутри сильфиды. Там нельзя слышать, там нельзя по-настоящему видеть. Это место из тех, что просто сбивает с толку, и, несмотря на все наши старания, мы так и не сумели найти Ричарда.

Зедд стал выглядеть еще более раздраженным.

— Тогда почему же вы здесь, а не в сильфиде, не продолжаете искать его?

— Сильфида попросту высадила нас, — сказала Кара. — Мы обнаружили, что находимся снова здесь, в Цитадели. Мы с Никки, каждая по-своему, попытались найти Лорда Рала,

но... безрезультатно. Ни зверя, ни Лорда Рала. Сильфида же просто доставила нас в то самое место, куда мы и направлялись, когда подверглись нападению.

— И что вы делали после этого здесь? — снова спросил он с угрозой в голосе. — Почему не вернулись внутрь сильфиды и не продолжили поиски, или, что еще лучше, не спросили сильфиду, чтобы она сказала вам, где находится Ричард?

Никки заметила, что его свисавшие по бокам руки сжались в кулаки. Она понимала, что он чувствует. И осторожно сжала его руку.

— Зедд, сильфида не пожелала сказать нам, где Ричард. Поверь мне, мы пытались. Может быть, и возможно заставить сильфиду это сделать, но я подумала и решила, что знаю лучший способ. Есть некто, кто может нам сказать, где находится Ричард. Это Джебра. И я не хочу тратить время понапрасну, поскольку думаю, что Джебра способна дать такой ответ гораздо раньше, чем его можно добиться от сильфиды.

Раздумывая, Зедд плотно сжал тонкие губы.

— Стоит попытаться, — сказал он наконец. — Но с тех пор, как вы отбыли, она оставалась крайне взволнованной. В лучшем случае это напоминало безутешное горе, а временами скорее походило на истерию. Мы пытались успокоить ее, но не преуспели в этом. Боюсь, что в дополнение к тому, что ей довелось испытать, внезапное возвращение пророческого дара оказалось слишком тяжелым испытанием. Ей трудно справиться со своим даром, не говоря уже об обстоятельствах его возвращения.

Сейчас мы уложили ее в постель, в надежде, что если она хоть немного отдохнет, то восстановит силы и сможет справиться с возбуждением от видений. По крайней мере, она не в таком состоянии, как королева Цирилла; она борется, чтобы не позволить себе впасть в подобное безумие. Она осознает, что ей необходимо взять себя под контроль, чтобы помочь нам, но сейчас ее отчаяние просто подавляет здравый смысл. К тому же не сомневаюсь, сильнейшее истощение играет определенную роль в этих процессах. Мы надеемся, что после небольшого отдыха она сможет добавить еще что-нибудь к тому, что уже рассказала.

— И что же она рассказала? — спросила Никки, в надежде, что ответ может дать какой-то ключ.

Зедд с минуту изучал ее глаза.

— Она сказала, что ты должна вернуться назад без Ричарда.

Никки в изумлении смотрела на него.

— И что же стало с ним?

Зедд отвел глаза в сторону.

— Вот именно это мы и пытаемся узнать у нее.

— Мой эйджил не подает признаков жизни, — сказала Рикка. — Я не чувствую ни договора, ни единения. Я не чувствую Лорда Рала. А что если он умер?

Зедд слегка повернулся и поднял руку, призывая ее успокоиться.

— Давайте не будем строить умозаключений. Объяснений может быть сколько угодно.

Кара не выглядела ободренной его советом.

— Как, например? — спросила она.

Зедд обратил к ней орехового цвета глаза и минуту изучал морд-сита, обдумывая ответ.

— Не знаю, Кара. Просто не знаю. Я обдумывал все возможные причины, с тех пор как Джебра сказала мне, что он не вернется с вами. Существует множество возможностей, но в данный момент слишком мало фактов, чтобы стоить умозаключения. Но мы обшарим все и заглянем под каждый камень, это я могу тебе обещать.

Никки сдержалась, сглотнув комок в горле.

— Прямо сейчас наш лучший шанс — попытаться узнать у Джебры, где находится Ричард. Если нам удастся получить от нее такие сведения, мы сможем действовать. А если сможем действовать, то будет шанс помочь ему.

— Если он все еще жив, — сказала Рикка.

Никки стиснула зубы, обращая на нее пристальный взгляд.

— Он жив.

— Я ведь просто сказала... — попыталась оправдываться Рикка.

— Никки права, — с настойчивостью произнесла Кара. — Ведь мы говорим о Лорде Рале. Он жив. — Слеза скатилась по ее щеке. — Он жив.

— Тем не менее, — заметил волшебник страдальческим голосом, — следует быть готовыми к тому, что и самое худшее может обернуться правдой. — Увидев выражение лица Кары, он попытался слабо улыбнуться. — Произносить вслух еще не означает прилагать усилия в эту сторону. Что есть, то и есть. Я всего лишь говорю, что нам следует быть готовыми в итоге ко всему — вот, собственно, и все. Это наиболее разумно. Точно так же стал бы действовать и сам Ричард, потеряв кого-то из нас, и такого же поведения он ожидает от нас, случись что-либо с ним. Вы же не думаете, что он прекратит борьбу, если с вами что-то случится? Мы не можем попросту игнорировать происходящее. Ричард наверняка предпочел бы, чтобы мы боролись — боролись за самих себя.

Никки осознала, возможно, отчетливее, чем когда-либо прежде, что слушает речь Первого волшебника. Теперь она могла понять, откуда Ричард получил часть своей выдающейся смелости.

Кара не сводила взгляда с волшебника.

— Ты говоришь так, будто он мертв. Он жив.

Зедд улыбнулся ей и кивнул в знак согласия. Сам он не смог бы сказать более убедительно.

— Нужно поговорить с Джеброй, — сказала Никки. — И лучше бы прямо сейчас. Что еще она рассказала о своем видении?

Зедд вздохнул.

— Не много. Ведь годы прошли с тех пор, как у нее последний раз было видение, и увиденное вдруг, после такого перерыва, оказалось не только на удивление ярким, но и, несомненно, шокирующим. Я уж начал было опасаться, что причина, по которой она потеряла свою способность, — то ослабление магии, о котором говорил Ричард. И если это так, тот факт, что это видение прорвалось, несмотря на ослабевшую способность, показывает его значимость. Принимая во внимание, что она какое-то время была в сознании и способна к логическому изложению, то, при ее способности ухватывать полноту видений и события внутри них, похоже, это видение было фрагментарным и неполным.

— Может быть, у нас получится помочь ей сложить все фрагменты вместе, — сказала Никки как можно мягче, не-

смотря страстное желание добиться от этой женщины всего необходимого.

Зедд, очевидно, не надеялся, что это что-то даст, но было очевидно, что он скорее все-таки попытается, чем сдастся на милость чего-то невообразимого.

— Сюда, — сказал он, поворачиваясь в претенциозном жесте, и заспешил через тускло освещенный зал.

Остановившись возле небольшой, с закругленным верхом, двери, украшенной замысловатыми вьющимися стеблями и перекрывающимися листьями, вырезанными на панелях из красного дерева, Зедд, в сопровождении Никки и стоявших по каждую сторону от него двух морд-ситов, осторожно постучал. Ожидая ответа, повернулся к Рикке.

— Сходи позови Натана. Скажи ему, что это срочно, и еще скажи, чтобы дал приказ собирать вещи. Потому что очень скоро ему придется отбыть.

Никки подозревала, о чем именно Зедд собирается попросить Натана, но прогнала эту мысль из головы — думать об этом не следовало ни в коем случае. Вместо этого она сосредоточилась на ближайших задачах. Нужно добиться от Джебры ответа на вопрос, где Ричард и что с ним случилось. Если необходимо, Никки готова воспользоваться своим даром, чтобы разрешить эту загадку.

Когда Рикка бросилась по коридору исполнять его поручение, Зедд постучал еще раз, немного громче. Ответа снова не последовало, и он бросил через плечо взгляд на Никки.

Беспокойно теребя манжеты своей простой мантии, Зедд спросил:

— Ты не чувствуешь ничего... странного?

Никки, поглощенная своими безумными мыслями и переживаниями, ни на что другое не обращала никакого внимания. И, в конце концов, они же были в Цитадели — кругом тревожные оповещатели, которые предупредят о непрошеном вмешательстве.

Она отмела переживания, приводя себя в состояние повышенного внимания.

— Сейчас, когда ты сказал, что-то действительно кажется... странным.

— Странным, как что? — спросила Кара, снова сжимая эйджил в руке. Последовавший испуг оставался на ее лице лишь мгновение, до того как память напомнила ей о случившемся.

Никки осторожно сняла руку волшебника с ручки двери, прежде чем он успел открыть ее.

— Там с ней никого нет? Может, Том или Фридрих?

Зедд хмуро взглянул на нее.

— Нет, насколько мне известно. Они оба патрулируют территорию. Я сидел с Джеброй, когда почувствовал, что ты и Кара вернулись. Она спала, а я хотел быть рядом с ней, на тот случай, если она проснется и будет в состоянии рассказать что-то еще о своем видении. Я оставил ее и отправился встретить вас, в надежде узнать, что она ошибалась насчет Ричарда. Энн и Натан уже отправились спать. Возможно, это кто-то из них.

Никки, чувства которой были теперь полностью настороже, лишь покачала головой.

— Это не один из них. Там что-то еще.

Зедд внимательно осмотрелся, озадаченный вопросом, будто прислушивался к каждому звуку, но Никки знала, что на самом деле он не прислушивается даже к тревожным оповещателям, а делает то же самое, что и она: используя свой дар, пытается определить то, что они могли не увидеть и не услышать, и чтобы почувствовать таким образом чье-либо присутствие. Хотя, насколько ощущала Никки, здесь, поблизости, людей было всего лишь трое: она, Зедд и Кара. Намного слабее ощущалось присутствие Джебры по ту сторону двери.

Но было и еще что-то. Хотя это казалось лишенным всякого смысла. Это было присутствие, но ощущалось совсем не так, как если бы за дверью кто-то прятался. Ей показалось, что совсем недавно было такое же ощущение. Никки нахмурилась, пытаясь вспомнить.

— В этой части Цитадели стоят дополнительные тревожные оповещатели, — сказал ей Зедд.

Никки кивнула.

— Знаю. Я почувствовала их.

— Никакого шанса, чтобы кто-то мог пробраться мимо них. Я об этом узнал бы. Даже мышь не проскользнет здесь незамеченной.

— А может это быть из-за того, о чем нас предупреждал Лорд Рал? — тихим голосом спросила Кара. — Я имею в виду его слова о том, что с магией случилось что-то нехорошее? Может быть такое, что с вашим даром тоже что-то подобное случилось, и как раз поэтому вы чувствуете то, что чувствуете?

Зедд бросил на женщину недовольный взгляд.

— Ты хочешь сказать, что, по твоему мнению, наш дар... работает со сбоями?

Кара пожала плечами, но затем дополнила свою мысль:

— Я не так много знаю о магии, но, быть может, с этим такой же непорядок, как и с моим эйджилом? Может быть, все дело в этом. И, может быть, на ваших ощущениях, получаемых посредством дара, сказалась порча магии. Возможно, заключение, к которому я пришла так поспешно, попросту ошибочное. А может, причина именно в этой порче.

Зедд отнесся к этой идее с раздражением. Он протянул руку в сторону, и масляные светильники над полочках, расположенные по обе стороны от двери, погасли.

— Ну, вот, эта часть моей силы работает, а значит, и все в целом действует, — прошептал он. И снова опустил ладонь на ручку двери, бросив на Никки решительный взгляд. — Будь готова ко всему.

— Подожди, — сказала Никки.

Зедд обернулся через плечо. Его черты в полумраке разобрать было трудно, чего нельзя сказать про глаза. Она увидела в них что-то от глаз Ричарда.

— Что еще? — спросил он.

— Я просто кое-что вспомнила. И теперь пытаюсь понять.

Никки сложила пальцы пучком, пытаясь торопливо припомнить подробности. Наконец она заговорила, покачивая указательным пальцем.

— Когда во время путешествия на нас напал зверь, у меня было странное ощущение. Я не приняла это в расчет, по-

тому что, находясь внутри сильфиды, очень трудно определить, какие именно из странностей ощущений заслуживают внимания. Самые обычные ощущения могут показаться чудесными... даже невероятными. Непонятно, то, что ты ощущаешь — всего лишь искажение знакомых ощущений или нечто большее.

— И когда именно у тебя было такое ощущение? — спросил Зедд, неожиданно проявляя острый интерес к тому, что она говорит. — Все время вашего путешествия или в какой-то определенный момент?

— Нет, как я уже сказала, это тогда, когда на нас напал зверь.

— Постарайся быть более точной. Подумай. Было ли это, когда зверь напал на вас? А может, когда он схватил Ричарда? Или когда он схватил тебя?

Никки сжала пальцами виски и плотно прикрыла глаза, отчаянно стараясь припомнить в точности, как это было.

— Нет... нет, это было после того, как он оттащил меня от Ричарда. Не сразу после этого, но вскоре.

— Так в какой последовательности это происходило?

— Сначала на нас напал зверь. Мы боролись с ним. Я пыталась воспользоваться своим даром, но это мне не помогло. Зверь причинил мне ужасную боль. Ричард воспользовался кинжалом, отрубив ему несколько лап. Этим он спас меня от гибели.

Затем зверь оттащил от него Кару. И вскоре после этого он окончательно отрезал Ричарда от меня. Это было после, после этого... не сразу, но короткое время спустя. Я запомнила, потому что это случилось в тот момент, когда я отчаянно искала Ричарда... именно тогда я почувствовала это странное ощущение.

Никки подняла глаза на волшебника.

— Дело в том, что после того, как я это почувствовала, я больше не ощущала присутствие зверя. Я продолжала попытки искать Ричарда, но безуспешно. Когда сильфида доставила нас в Цитадель, это ощущение очень быстро затухло, и я забыла о нем.

— Так на что было похоже... это ощущение?

Никки развела руками.

— Оно было точно таким же, как и то, что я ощутила за этой дверью.

Зедд долго и пристально смотрел на нее.

— Что общего? Что находится за пределами чувств? Разновидность... воздействующего потока силы?

Никки кивнула.

— Некое магическое воздействие, которое кажется не имеющим источника.

— Магия часто кажется действующей сама по себе, — сказала Кара. — Так что здесь странного?

Зедд покачал головой.

— Магия не может быть чем-то таким, что воздействует само по себе. Магия не имеет сознания, но сейчас впечатление такое, будто есть подобие осмысленных намерений.

— Да, — сказала Никки. — Именно так я сейчас ощущаю. Вот почему это кажется странным: магия с таким типом воздействия не может не иметь источника. Есть общее воздействие силы, но нет жизненной составляющей, необходимой для такого воздействия.

Зедд выпрямился.

— Это вполне удачное описание того, что я чувствую. — Он с подозрением уставился на дверь. — Думаю, подобравшись ближе, мы сможем ощутить это отчетливее и, возможно, понять, что это такое. Если окажемся достаточно близко, возможно, удастся и проанализировать это явление. — Он посмотрел на обеих. — Ну, будем осторожными, хорошо?

Все трое сбились теснее в тусклом свете коридора, в то время как волшебник осторожно повернул ручку и медленно приоткрыл дверь. Когда дверь оказалась приоткрытой, Никки почувствовала не более того, что чувствовала, когда та была закрыта. Зедд на мгновение сунул голову внутрь, а затем полностью распахнул дверь на ширину проема. В комнате было темно, и только падавший из коридора тусклый свет порождал очертания и тени того, что находилось внутри.

У дальней стены слева Никки разглядела пустое кресло, через спинку которого переброшен аккуратно сложенный шерстяной шарф. Неподалеку от двери у той же самой стены располагался низкий круглый стол с незажженной лампой. Кровать сразу за столом пуста. Смятые простыни сбиты в сто-

рону и свисают на пол. И сколько Никки, Зедд и Кара ни вглядывались, они не заметили Джебры. Если она где-то в этой комнате, то в темноте ее не видно. Странное ощущение внутри комнаты стало еще сильнее, но чувства Никки по-прежнему ничего не подсказывали.

Зедд отправил к лампе на столе огонек Хань. Фитиль оказался сильно прикручен, так что свет получился слабый, недостаточный, чтобы разогнать густые тени в углах или за дальней стенкой платяного шкафа, стоящего в противоположной стороне комнаты. Никаких признаков Джебры они не увидели.

Никки, отключившись от обычного восприятия и сосредоточившись целиком на проницательности посредством Ханя, проследовала за Зеддом и замерла в безмолвном напряжении посреди комнаты, продолжая вслушиваться. Она пыталась посредством дара нащупать постороннее присутствие в этой темноте — но безрезультатно.

Дуновение ветерка шевельнуло занавески. Ведущие на балкон двойные двери, сделанные из небольших стеклянных блоков, были открыты. Никки знала, что, как и в ее собственной комнате, находившейся рядом, этот балкон должен выходить на мрачный город, расположенный далеко внизу, у основания горы.

Над перилами балкона освещенные лунным светом окрестности заслонял какой-то темный силуэт.

Зедд позади Никки вывернул фитиль масляной лампы. Когда свет усилился, Никки увидела, что Джебра на балконе. Спиной к ним, она стояла босыми ногами на толстых каменных перилах.

— Добрые духи, — прошептала Кара, — она что, собирается прыгнуть?

Все трое застыли, опасаясь сделать лишнее движение, способное испугать женщину и побудить ее к прыжку, прежде чем они смогут добраться до нее. Хотя, похоже, она еще не подозревала об их присутствии.

— Джебра, — окликнул ее Зедд тихим, острожным голосом, — мы пришли навестить тебя.

Если Джебра и слышала его, то никак не отреагировала. Хотя Никки не думала, что Джебра вообще слышит хоть что-то, кроме навязчивого шелеста магии. Никки и сама ощущала

слабые волны этой чужеродной силы, овевающие ее, направленные на пророчицу, стоявшую, как каменное изваяние, на перилах балкона. Она пристально смотрела вдаль, поверх города Эйдиндрила, лежащего далеко внизу. Мягкий ветерок шевелил ее короткие волосы.

Балкон, насколько знала Никки, хотя и смотрел в сторону раскинувшейся внизу долины, не выходил за границу Цитадели. Джебра стояла перед обрывом глубиной в сотни футов, высоко над одним из внутренних дворов, пешеходными дорожками, парапетами и сланцевыми крышами Цитадели. При такой высоте не имеет большого значения, свалится она за пределы Цитадели или нет, если упадет или прыгнет: исход будет один.

— Звезды, — чуть слышно произнесла Джебра, обращаясь к пустому пространству перед собой.

Зедд сжал руку Никки и притянул ее ближе к себе. Затем приблизил рот к ее уху.

— Думаю, кто-то ищет те же самые ответы, что и мы. И думаю, что этот кто-то прощупывает ее память. Именно это мы и ощущаем. Это «вор», похититель мыслей.

— Джегань, — едва слышно сказала Кара.

Никки сочла это вполне логичным предположением. При условии, что связь с Ричардом каким-то образом нарушена, Джегань теоретически способен проделать подобное. Без Лорда Рала, обязанности которого исполнял Ричард, все они внезапно стали уязвимы для сноходца.

Болезненная дрожь леденящего страха пронзила Никки при воспоминании о Джегане, некогда владевшем ее разумом и ее волей. Без Лорда Рала договор, защищавший их всех, переставал действовать. Если император отправится в ночное «странствие», он запросто может обнаружить, что теперь они остались незащищенными. Сноходец может в любой момент, внезапно, войти незримо и неощутимо в их собственный разум и взять под контроль их мысли.

Но Никки хорошо знала Джеганя. Она знала, на что похоже его проникновение в посторонний разум. Ведь, в конце концов, однажды он владел и ее разумом, контролировал ее, управлял ею посредством своего ужасающего присутствия. Здесь же все было совсем не так.

— Нет, — сказала она, — это не Джегань. Я чувствую что-то другое.

— Как ты можешь знать наверняка? — прошептал Зедд.

Никки наконец оторвала взгляд от Джебры и взглянула на недовольного волшебника.

— Ну, прежде всего, — прошептала она в ответ, — будь это Джегань, ты бы не почувствовал ничего. Сноходец следов не оставляет. И поэтому невозможно сказать, когда он находится в чьем-то сознании. Это же, повторяю, совершенно иное.

Зедд погладил чисто выбритый подбородок.

— Но почему-то это кажется очень знакомым, — пробормотал он скорее самому себе.

— Звезды, — вновь произнесла Джебра в окружавшую ночь.

Зедд двинулся было через дверной проем к балкону, но Никки сжала его руку и потянула назад.

— Подожди, — прошептала она.

— Звезды падают на землю, — произнесла Джебра беспокойным голосом.

Зедд и Никки обменялись взглядами.

Зедд оцепенел.

— Добрые духи. Теперь я это узнал.

Никки наклонилась ближе к нему.

— Присутствие?

Волшебник медленно кивнул.

— Ощущение присутствия ведьмы, простершей сюда свою силу.

Джебра подняла расставленные в стороны руки.

— Она собирается прыгать! — закричала Никки, когда Джебра начала валиться вперед, в окружавшую ночь.

Глава 33

Ричарда скрутило сильным кашлем.

Боль от вынужденного подъема на поверхность потрясла его, приводя в сознание. Он едва осознавал собственные безуспешные попытки стонать. Но и чтобы стонать, требовалось дыхание, которого у него не было. С обретением сознания пришла нарастающая, приводящая в замешательство паника от удушья, как будто он в некотором смысле продолжал тонуть.

Он снова закашлялся, вздрагивая от боли. А потом в агонии попытался кричать, скручиваясь клубком на земле и прижимая руки к животу: так он пытался предотвратить очередной судорожный приступ кашля.

— *Дыши.*

Ричард считал тот навязчивый голос, доносившийся, по-видимому, из какого-то потустороннего места, не иначе как голосом безумия. Он делал все, что только мог, лишь бы *не* дышать. Делал осторожные, неглубокие, крошечного объема вдохи, чтобы не допустить новый мучительный приступ кашля.

— *Дыши.*

Он не знал, где сейчас находится, но это никак и не заботило его. Все, что сейчас имело значение, это ощущение удушья. И он не хотел дышать, несмотря на то, что отчаянно в этом нуждался. Ощущение это было столь гнетущим и столь болезненным, что не только приводило в полное смятение его разум, но и всецело захватило его. И казалось, что лучше смерть, чем это затянувшееся ощущение.

Ричард даже не хотел шевелиться, потому что с каждой проходящей минутой легче становилось не дышать. И каза-

лось, что если удастся удержаться от дыхания чуть-чуть дольше, то там, где-то за гребнем темного холма, маячившего впереди, закончатся и боль, и страдания. Он тщательно старался лежать абсолютно спокойно, надеясь, что вращение мира остановится прежде, чем его вырвет. Он не мог даже представить, насколько это опасно для него. И если он пролежит без движений еще немного, тогда все страдания исчезнут. Если он сможет просто вот так неподвижно лежать, тогда просто-напросто исчезнет все.

— Дыши.

Он не обращал внимания на этот далекий, вкрадчивый голос. Его разум медленно уплывал в прошлые времена, когда ему довелось вот так же тяжело страдать. Это было, когда Денна захватила его, заковала в цепи и, совершенно беспомощного, оказавшегося полностью в ее власти, пытала, причиняла ему боль, пока он не обезумел от пыток.

Тем не менее именно Денна научила его терпеть боль. Он даже представил ее, стоящую где-то рядом, следящую за ним и поджидающую, чтобы удержать его на грани смерти. Были времена, когда, находясь с ней, он добирался до гребня далекого темного холма и начинал опускаться по другую его сторону. И когда случалось такое, Денна оказывалась там как раз в нужный момент и, приложив свой рот к его рту, принудительно вдыхала в него свою жизнь. Она управляла не только его жизнью, она управляла и его смертью. Она забирала все. Даже собственная смерть не принадлежала ему; она принадлежала ей.

И вот сейчас она снова следила за ним. Ее серебристое лицо приблизилось, присматриваясь к нему. И было интересно, будет ли ему дарована смерть или она вновь поднесет свой рот к его рту и...

— Дыши.

Ричард был в замешательстве. Ведь Денна вовсе не была похожа на серебристую статую.

— Тебе нужно дышать, — говорил тот же вкрадчивый голос. — Если ты не будешь дышать, то умрешь.

Ричард прищурился, уставившись на это прекрасное лицо, мягко освещенное холодным лунным светом. И попытался втянуть чуть больше воздуха в легкие.

А затем плотно зажмурил глаза.

— Это вызывает боль, — прошептал он, тратя весь запас воздуха от неглубокого вдоха.

— Ты должен. Это дает жизнь.

Жизнь. Ричард даже не знал, хочет ли жить. Он был таким усталым и таким истощенным. И смерть казалась такой заманчивой. Не будет больше борьбы. Не будет боли. Не будет отчаяния. Не будет одиночества. Не будет слез. Как не будет и мук и страданий из-за потери Кэлен.

Кэлен.

— *Дыши.*

Но если он умрет, кто поможет ей?

Он сделал более глубокий вдох, проталкивая воздух в легкие, несмотря на обжигающую мучительную боль. И думал только об улыбке Кэлен, а не о боли.

Он сделал еще вдох. На этот раз еще более глубокий.

Серебристая рука осторожно поглаживала сзади по его плечу, словно подбадривая в мучительной борьбе за жизнь. Лицо, наблюдавшее за его усилиями, выглядело печальным и полным сочувствия.

— *Дыши.*

Ричард кивнул, сжимая кулаки и задыхаясь от обжигающей прохлады ночного воздуха.

Он откашлялся бледной красноватой жидкостью со сгустками крови, имевшей металлический привкус. И сделал очередной вдох, давший ему силы выдавить наружу еще больше жидкости, жгущей его легкие. Некоторое время он лежал на боку, попеременно вдыхая воздух и исторгая с кашлем текучую жидкость.

Снова вдохнув, пусть и прерывисто, он перевалился на спину, в надежде, что окружающий мир от этого прекратит вращаться. Он закрыл глаза, но стало только хуже, потому что к вращению добавилось ощущение, что его переворачивает, словно он скатывается по склону. Его живот скрутило на грани извержения содержимого.

Он открыл глаза и в темноте уставился на раскинувшиеся над ним ветви с листьями. В пологе над головой он различал в основном кленовые листья.

Созерцание листьев — хорошо знакомых талисманов — улучшало его ощущения. В лунном свете он разглядел и дру-

гие по форме листья. Чтобы отвлечь рассудок от боли и тошноты, он заставлял себя определять все листья, какие мог различить. Вот небольшая группа сердцевидных листьев липы и, чуть выше, ветка или даже две, похоже, белой сосны. А вот, правда, на заметном удалении, торчат пучками листья дуба, наряду с елью и пихтой. Хотя вблизи преобладали кленовые листья. И при каждом дуновении ветерка он слышал характерный мягкий шелест листьев трехгранного тополя.

Помимо боли, затрудняющей дыхание, Ричард отчетливо осознавал, что вообще с ним самим что-то не так. Это касалось чего-то самого основного, врожденного.

И это не ушиб или какая-либо травма в обычном понимании, но каким-то образом он знал: что-то оказалось ужасающе повреждено. Он пытался точнее определить ощущение, но так и не смог выделить точное место. Это было чувство внутренней пустоты, гнетущее, не имеющее отношения к знакомым ему эмоциональным проявлениям, таким как необходимость разыскать Кэлен, или к тому, что он сделал, отправив д'харианскую армию в свободный поход на земли Древнего мира. Он попытался сопоставить ощущения с другими, пугающими, о которых ему рассказывала Шота, но все было не то.

Скорее, это было чувство тревоги, пустоты внутри него самого, ощущение, о котором он мог сказать лишь то, что никогда не испытывал ничего подобного раньше. Вот почему он оказался так взволнован и обеспокоен, пытаясь идентифицировать свои впечатления: это было совершенно незнакомое состояние. В нем словно бы отсутствовала некая важная составная часть, о которой ему никогда еще не приходилось задумываться и никогда не доводилось идентифицировать как особый элемент, как особую часть себя, теперь оказавшуюся потерянной.

Ричард чувствовал себя так, будто больше не был самим собой.

И тут ему на ум пришла рассказанная Шотой история про Бараха и написанную им книгу «Тайна могущества боевого чародея». Ричард удивился: уж не внутренний ли голос пытается подсказать ему, что такая книга способна помочь ему в

подобной ситуации. И затем был вынужден признать, что проблема, похоже, как-то связана с его даром.

Размышления об этой книге заставили Ричарда задуматься, зачем Шота рассказывала ему о его матери, о том, что мать не одна погибла в том пожаре? Зедд заверял, что обследовал обуглившиеся остатки дома и не нашел никаких других костей. Как такое могло быть? Или Зедд, или Шота, но кто-то из них должен оказаться неправ. Но Ричард не мог поверить, что такое может быть.

Ответ пульсировал где-то в самой глубине сознания, и, несмотря на все старания, его не удавалось извлечь наружу.

Ричард ощутил муки одиночества и тоску по матери. Это было то самое чувство, что время от времени посещало его на протяжении жизни. Ему хотелось знать, что сказала бы она по поводу всего произошедшего с ним. Ведь у матери не было шанса увидеть его повзрослевшим, увидеть его мужчиной. Она знала его только ребенком.

Он был уверен, что его мать полюбила бы Кэлен. Была бы счастлива с ним и очень довольна такой невесткой, как Кэлен. Она всегда хотела, чтобы его жизнь сложилась хорошо. И для него не могло быть жизни лучше, чем жизнь с Кэлен.

Но теперь жизни с Кэлен у него нет.

Но просто жизнь у него еще оставалась, и при данных обстоятельствах ожидать большего было чрезмерным. По крайней мере он мог действовать, пытаясь реализовать собственные мечтания. У мертвого же нет никаких мечтаний.

Ричард лежал на спине, восстанавливая ощущения и самообладание, подставляя ветру свои пылающие мышцы. Он был настолько слаб, что едва мог шевелиться, а поэтому и не пытался этого делать. Вместо этого, пока он лежал, восстанавливая силы, он старался разобраться во всем, что случилось прежде, пытаясь сложить в голове цельную картину.

Он был на пути назад, в Цитадель, вместе с Никки и Карой, когда на них напали. Это был зверь. И Ричард мог ощущать его ауру, источавшую зло. На этот раз он явился в форме, несколько отличной от всего, что доводилось видеть прежде, но такова и была природа зверя: принимать самые разные формы. Единственное, на постоянство чего можно рассчиты-

вать, что зверь будет продолжать преследовать его до тех пор, пока не убьет.

Затем он припомнил борьбу с ним. И его рука потянулась к ноге, туда, где одно из щупалец ухватило его так крепко, что в тот момент показалось, что нога ободрана до кости. Бедро было распухшим, и прикосновение к нему вызывало боль, но, к счастью, обошлось без открытой раны. Он припомнил, как отрубил несколько лап у этого существа. И припомнил Никки, пытавшуюся воспользоваться своей силой, и что желал в тот момент лишь одного — чтобы она прекратила это, поскольку все это обязательно пройдет через сильфиду, так что часть той силы, что она использует против зверя, обрушится на сильфиду. Он подозревал, что эта сила никак не подходила для субстанции сильфиды, и магия Никки могла убить и саму сильфиду. И, вполне определенно, магия никак не навредила зверю — по крайней мере настолько, чтобы хоть как-то задержать его. Конечно, эта сила оказалась заметно ослаблена все той же сильфидой.

Он вспомнил, как от него оторвало Кару. Вспомнил, как подобным же образом, грубо и резко, оказалась отстранена и Никки. Вспомнил, как зверь пытался разорвать его на части. И вспомнил, как ему удалось-таки, совершенно неожиданно, вырваться на свободу.

Но затем случилось нечто такое, чего он так и не понял.

Едва он высвободился из хватки зверя, его тут же потрясло незнакомое, болезненное ощущение, прорывавшееся из сердцевины его существа. Оно отчетливо отличалось от боли, которую вызывало колдовство Никки — или еще какая-либо когда-либо ощущаемая им магия.

Магия...

Едва сформулировав эту мысль, он осознал, что прав; это ощущение, казавшееся совершенно незнакомым, было как-то связано именно с магией.

И хотя он высвободился из хватки зверя — и непонятно даже, где находился зверь в тот особый момент, — все внезапно изменилось.

Из-за неожиданного воздействия неизвестной силы его легкие оказались заполнены субстанцией сильфиды. Такой «вдох» вызвал у него приступ паники.

Ричард вспомнил подобное ощущение, испытанное им в молодости. Он и несколько мальчишек ныряли на дно пруда, соревнуясь, кто соберет больше галек. Их полуденное купание, прыжки в воду с ветви дерева, нависавшей над небольшой, но глубокой заводью, взбаламутили илистое дно. Ныряя в мутной воде за галькой, Ричард потерял ощущение направления. Ему уже не хватало воздуха, когда он налетел головой на толстый сук. Совершенно не ориентируясь, Ричард решил, что удар о ветку должен означать, что он уже вынырнул и врезался в одну из ветвей, уходящих под воду. Но оказался он совсем не на поверхности. Эта отвалившаяся ветка лежала на дне. И прежде чем сообразил, что делает, он «вдохнул» грязную воду.

Ричард находился недалеко от берега и от своих друзей. Это было ужасающее переживание, но оно все же закончилось, и он довольно быстро пришел в себя, получив урок впредь относиться к воде с бóльшим вниманием.

Именно из-за этого детского воспоминания о том, как он наглотался воды, в дополнение к естественному нежеланию вдыхать воду, ему в первый раз было трудно заставить себя вдохнуть жидкость сильфиды. Тем не менее Ричард преодолел этот страх, что превратилось в итоге в захватывающий эксперимент.

Но когда, находясь внутри сильфиды, он внезапно обнаружил себя тонущим, то там не было поверхности, не было берега, и поблизости не было никакой помощи. Никогда прежде с ним не происходило ничего подобного внутри сильфиды. У него не было ни возможности куда-то сбежать, ни возможности вырваться на поверхность, ни кого-либо, кто способен протянуть руку помощи.

Ричард осмотрелся в лунном свете. Сильфида была рядом и наблюдала за ним. Он осознал, что на этот раз существо находится не в колодце, как он привык видеть ее. Они оба были на земле, в окружении редко растущих деревьев. Кругом не было никаких звуков, кроме естественных звуков природы. И не ощущалось ничего, кроме лесных запахов.

Под листьями, под сосновыми иголками, под лесной порослью и корнями Ричард ощущал твердое основание из грубого камня. Стыки были толстыми, больше пальца шириной.

Не такие аккуратные, как во дворцах, но, без сомнения, созданные человеком.

И серебристая физиономия сильфиды, вместо того чтобы подниматься из привычного колодца, сейчас возвышалась над небольшим, неправильной формы, отверстием в этом древнем каменном основании. Выломанные куски пола валялись поверх сухих листьев и обломков веток — как будто сильфида только что пробила снизу перекрытия.

Ричард выпрямился и сел.

— Сильфида, с тобой все в порядке?

— Да, Хозяин.

— Так ты знаешь, что произошло? Такое ощущение, будто я тонул.

— Так ты тонул.

Ричард уставился на физиономию, поблескивающую в лунном свете.

— Но как такое могло быть? Что-то пошло не так?

Серебристая рука вытянулась от земли и, образовав текучие как ртуть пальцы, приложила их к его лбу, проверяя его состояние.

— У тебя нет необходимой для путешествия магии.

Ричард заморгал от удивления.

— Не понимаю. Ведь прежде я путешествовал много раз.

— Прежде ты имел то, что для этого требовалось.

— А теперь у меня этого нет?

Сильфида с минуту наблюдала за ним.

— А теперь у тебя этого нет, — подтвердила она.

Ричард задумался, уж не галлюцинации ли у него.

— Но у меня есть даже две стороны дара. И я могу путешествовать.

Сильфида осторожно потянулась и снова потрогала его лицо. Затем серебристая рука скользнула на его грудь, с минуту задержалась там, слегка надавливая. После чего убралась обратно в темную дыру в разбитом камне.

— У тебя нет требующейся для путешествия магии.

— Ты уже говорила это. Это бессмыслица. Я ведь уже путешествовал.

— И пока путешествовал, ты утратил то, что требуется для этого.

У Ричарда округлились глаза.

— Ты хочешь сказать, что я утратил какую-то из сторон своего дара?

— Нет, я хочу сказать, что ты не имеешь дара. Ты вообще не обладаешь магией. И ты не можешь путешествовать.

Ричарду пришлось еще раз обдумать эти слова, чтобы увериться, что он все правильно расслышал. Слова сильфиды не проникали в его сознание. Его разум беспорядочно гонялся за обрывками мыслей, когда он попытался понять, как подобное вообще возможно.

Ужасающая догадка пришла ему в голову. Может ли быть так, что причиной этого было искажение, вызванное гармониями? Могло ли это искажение в конце концов затронуть его самого и уничтожить его дар? Подтачивало дар без его, Ричарда, ведома, пока тот не исчез окончательно?

Но это не давало объяснения тому ощущению, что он испытал, еще находясь внутри сильфиды, сразу после того как вырвался из хватки зверя и перед тем, как начал тонуть, — то внезапное ощущение прикосновения какой-то темной и тайной магии, дотянувшейся до него в тот момент, когда он был наиболее уязвим.

Ричард осмотрелся, но не увидел ничего, кроме деревьев. Они росли довольно плотно, поэтому при свете луны не удавалось разглядеть ничего за ними. Как лесной проводник, он плохо себя чувствовал в неизвестном месте.

— Так все же где мы? И как здесь оказались?

— Когда это случилось, то есть когда ты утратил то, что необходимо для путешествия, я была вынуждена доставить тебя сюда.

— И где же это «сюда»?

— К сожалению, я имею об этом слабое представление.

— Как же ты могла доставить меня сюда и не знать, где это место находится? Ведь ты всегда знаешь, где находишься, и все те места, куда способна путешествовать.

— Я уже сказала тебе, что никогда раньше не бывала в этом месте. Это место предназначено для непредвиденных случаев. Разумеется, я знала о нем, но не бывала здесь раньше. Потому что раньше у меня не возникало непредвиденных случаев.

Этот ужасный зверь измучил меня. Я боролась, как могла, чтобы сохранить всех вас живыми. А затем внутри меня возникло что-то еще. И я не могла это остановить. Подобно тому зверю, это нечто заявилось внутрь меня без моего разрешения. С насилием по отношению ко мне.

Это подтверждало предполагаемую Ричардом последовательность событий: как раз после того, как зверь выпустил его, еще что-то, какая-то разновидность силы, достигла их и коснулась его своей мощью.

— Мне жаль, что ты пострадала, сильфида. А что же случилось со зверем?

— После того как эта, другая, сила вошла внутрь меня, зверя больше не стало.

— Ты хочешь сказать, что эта другая сила уничтожила его?

— Нет. Эта сила не прикасалась к зверю. Она всей своей мощью затронула только тебя. И сразу же после этого ты перестал обладать тем, что требуется для путешествий. Зверь же затем еще короткое время рыскал внутри меня, а потом исчез. Я больше не могла поддерживать тебя внутри себя, и поэтому была вынуждена искать ближайшие «ворота» для срочного выхода.

— А что Никки и Кара? Они пострадали? Или они в безопасности?

— Им тоже довелось испытать боль от того же, что случилось и со мной, при этом одна из них пыталась, внутри меня, воспользоваться своей силой... то есть совершила то, что запрещено. После того как я доставила тебя сюда, я переправила их в Цитадель, куда они и хотели попасть. При этом я сказала той из них, что использовала свою силу, что делать так очень опасно и что она должна впредь не делать такого.

— Кажется, теперь я понял, — сказал Ричард. — Я тоже весьма пострадал от этого нечто. Они очень плохо чувствовали себя?

— Сейчас они в Цитадели и в полной безопасности.

— Тогда мы должны находиться где-то между Цитаделью и Народным Дворцом, — сказал Ричард скорее самому себе.

— Нет.

Он оглядел серебристую физиономию.

— Не понимаю. Мы направлялись из дворца в Цитадель. И если ты высадила меня по пути, тогда вот это место, эти «ворота» для аварийного выхода должны находиться между дворцом и Цитаделью.

— Хотя я и не знаю этого места, но примерно представляю, где оно находится. Мы находимся почти на полпути между Срединными землями и Цитаделью, чуть в стороне от Предела Агаден, практически в лесных дебрях.

Ричард почувствовал себя так, будто окружающий мир вздрогнул и в суматохе запихнул его куда подальше — туда, где он сейчас был.

— Но... но это намного, намного дальше от Народного Дворца, чем Цитадель. Почему же ты не доставила меня в ближайшее место... то есть в Цитадель?

— Я действую совсем не так. То, что тебе кажется наикратчайшим расстоянием между двумя точками, не является наикратчайшим путем для меня. Я нахожусь во многих местах одновременно.

Ричард наклонился к сильфиде.

— Как же ты можешь находиться во многих местах одновременно?

— Если ты стоишь одной ногой вот на этом темном камне, а другой вот на том светлом, то ты находишься одновременно в двух местах.

Ричард вздохнул.

— Кажется, я понял твою мысль.

— Я перемещаюсь способом, отличающимся от вашего способа путешествовать. Это место, вот здесь, где мы сейчас, хотя для тебя оно и находится посреди Срединных земель, для меня оказалось ближайшим местом. Мне необходимо было скорее высадить тебя в твоем родном мире, чтобы ты смог дышать.

У тебя больше не было того, что необходимо для путешествия. Твои легкие были заполнены моей субстанцией. А для тех, кто не имеет дара, это смертельно. Моя субстанция действует как яд. Но для тебя, поскольку ты раньше уже дышал внутри меня, оставался короткий период, пока происходило это преобразование, так что моя субстанция внутри тебя не привела к мгновенному концу. Ты вскоре умер бы, но все-таки

оставался короткий период, прежде чем это произошло. Я знала, что времени у меня совсем немного. И решила сделать все возможное, чтобы спасти тебя — доставить в такое место, где ты окажешься в своем родном мире и сможешь прийти в себя и, надеюсь, восстановиться.

Я доставила тебя сюда, разбила заглушку и вернула тебя в твой мир. Ты был очень плох, но я знала, что моя субстанция, все еще находившаяся в тебе, поможет поддержать твою жизнь еще некоторое время.

— Если я не мог больше путешествовать из-за того, что утратил требующийся для этого дар, то как было возможно доставить меня сюда?

— Меня создали с наличием способностей и качеств, помогающих в чрезвычайных обстоятельствах. Эти качества присутствуют во мне — и посредством этого они присутствовали и у тебя. Благодаря им запускаются процессы восстановления. Это предназначено только для критических случаев, и все же у меня были опасения, что это не даст результата, потому что бывают изменения и отклонения, не поддающиеся контролю.

Пока ты спал между двумя мирами и моя магия, еще сохранявшаяся внутри тебя, работала над тем, чтобы извлечь из тебя все то, что теперь становилось ядом, я завершила доставку остальных своих пассажиров в Цитадель. Вернувшись, я ждала рядом с тобой, пока ты не восстановился достаточно, чтобы мог вновь пытаться дышать, и тогда просто напомнила тебе, что, собственно, надо делать, чтобы жить.

Некоторое время я вообще не знала, будет ли моя магия действовать. Мне никогда раньше не доводилось делать ничего подобного. Это было ужасно, вот так ждать, наблюдая за тобой, лежащим на земле, не зная, будешь ли ты снова дышать или нет. Я опасалась, что оказалась не в состоянии помочь тебе и стала причиной твоей смерти.

Ричард долгую минуту разглядывал серебристую физиономию. Наконец он одарил ее улыбкой.

— Спасибо, сильфида. Ты спасла мне жизнь. Ты поступила правильно. Ты совершила доброе дело.

— Ты мой хозяин. И мне следовало сделать хоть что-то для тебя.

— Твой хозяин... Хозяин, который не может путешествовать.

— Это сбивает меня с толку так же, как и тебя.

Ричард пытался разобраться в сути этого факта, до конца осмыслить его, но из-за боли и затрудненного дыхания — после того как он едва не утонул внутри сильфиды, что до сих пор ощущалось как тяжелое давление на грудь, — он пока что с трудом мог фокусировать мысли на чем-то конкретном.

Ричард сложил руки на коленях.

— Мне трудно сообразить... Существует ли какой-нибудь способ, чтобы ты могла доставить меня обратно в Цитадель?

— Да, Хозяин. Если ты хочешь путешествовать, я могу взять тебя с собой.

Ричард выпрямился.

— Можешь? Каким образом?

— Ты обретешь требуемую для этого магию, и тогда я снова могу забрать тебя с собой. И мы будем путешествовать. Ты будешь доволен.

Обрести требуемую магию. А ведь он не умел пользоваться даже той магией, которой обладал... или привык считать, что обладает. И он не мог вообразить, что случилось с его даром, и не имел никакой идеи, как вернуть его назад. Много раз он хотел избавиться от него, как от проклятия, но сейчас, когда это действительно произошло, все, о чем он мог думать, так это как вернуть его назад.

Когда его дар пропал, зверь, очевидно, просто потерял его внутри сильфиды. В качестве утешения за утрату дара теперь стало на одну проблему меньше — его дар и был тем самым маяком, при помощи которого зверь выслеживал его. В магии всегда должен быть некий баланс; похоже, и утрату магии что-то уравновешивает.

Ричард пригладил волосы рукой, как гребнем, зачесывая их назад.

— По крайней мере Никки и Кара завершили свое путешествие и теперь находятся в безопасности. — Он поднял глаза на сильфиду. — Ты уверена, что с ними все в порядке?

— Да, Хозяин. Они в безопасности. Я доставила их в Цитадель, куда они и пожелали отправиться. Они имели то, что требовалось для путешествия.

— И ты рассказала им, где я был. Ты рассказала им о том, что случилось.

Сильфида смотрела удивленно, поскольку это прозвучало скорее как некое утверждение, нежели вопрос.

— Нет, Хозяин. Я никогда не раскрываю то, что совершаю с другими.

— Ох, ну и ну, — пробормотал он, стараясь держать раздражение под контролем. — Но ведь ты рассказала мне о других.

— Ты мой хозяин. Мои отношения с тобой не такие, как с кем-то еще.

— Сильфида, но ведь они мои друзья. Они, скорее всего, ужасно беспокоятся за меня. Ты должна была сказать им то, что им необходимо знать.

Серебристая голова склонилась в его сторону.

— Хозяин, я не могу предать тебя. Я не могу поступить так.

— Это не предательство. Уверяю тебя, вполне можно было сказать им, что произошло.

Сильфида слушала так, будто воспринимала эти слова как самую странную просьбу из всех, какие ей когда-либо доводилось выслушивать.

— Хозяин, ты хочешь, чтобы я рассказала другим про нас и про то, что мы делали, когда были вместе?

— Сильфида, послушай, ты ведь уже не какая-то блудница.

— Но люди используют меня, чтобы получать удовольствие.

— Это не то же самое. — Ричард снова пригладил волосы, стараясь говорить без подступающей злости. — Послушай, волшебники, еще в древние времена, изменили тебя, превратив из того, чем ты была, в то, кем ты стала.

Сильфида серьезно кивнула.

— Я знаю, Хозяин. Я помню. Я была одной из тех, с кем это случилось.

— Теперь ты другая. Это не одно и то же. Ты не можешь сравнивать эти две вещи. Они различны.

— Мне было вменено в обязанность обслуживать других в этом качестве. Моя сущность никуда не исчезла.

— Но некоторые из нас, кто пользуется твоими услугами, высоко ценят твою помощь.

— Меня всегда ценили за то, что я делаю.

— Но это очень отличается от того, что ты делала раньше. — Ричарду не хотелось продолжать этот спор. Были более важные дела, о которых следовало побеспокоиться. — Сильфида, путешествуя вместе с нами, ты зачастую помогала спасать жизни. Доставив нас к Народному Дворцу, ты помогла мне покончить с войной. Ты делаешь добрые дела.

— Раз ты так говоришь, Хозяин. Но ты должен понять, что те, кто создал меня, сделали меня такой, какова я есть. Они использовали то, что у меня когда-то было, чтобы создать меня такой, какова я сейчас. И я не могу быть иной. Я не могу позволить себе даже пожелать стать другой, не больше, чем ты способен сейчас путешествовать, просто пожелав этого.

Ричард вздохнул.

— Увы.

В раздумьях он ломал пальцами сухие веточки, не сводя взгляда с очаровательной физиономии, наблюдавшей за ним и внимательно прислушивающейся к каждому его слову. Наконец он негромко сказал.

— Бывают времена, когда нет иного выхода и приходится доверять другим. Сейчас как раз такое время.

Что-то из его слов явно попало в цель. Удивительная текучая физиономия придвинулась.

— Ты тот самый, — прошептала сильфида.

— Тот самый? Какой?

— Тот, о приходе которого меня предупреждал Барах.

Волосы на затылке Ричарда встали дыбом.

— Ты знала Бараха?

— Когда-то он был моим хозяином, как сейчас ты.

— Разумеется, — прошептал Ричард самому себе. — Ведь он был Первый волшебник.

— Именно он настоял, чтобы я обрела те способности для непредвиденных ситуаций, про которые уже говорила тебе. Кроме того, он создал вот эти ворота для аварийного выхода. Не сделай он этого, ты бы сейчас умер. Он был очень мудр.

— Очень мудр, — согласился Ричард, глядя округлившимися глазами на сильфиду. — Ты сказала, что Барах говорил тебе что-то о том, кто должен прийти?

Сильфида кивнула.

— Он был очень добр ко мне. Его жена ненавидела меня, но Барах был добр.

— Ты знала и его жену?

— Магду.

— И почему же она ненавидела тебя?

— Потому что Барах был добр ко мне. А еще потому, что я забирала его у нее.

— Ты имеешь в виду, что забирала его, когда он желал путешествовать?

— Разумеется. Когда я говорила ему, что он будет доволен, она складывала руки и злобно смотрела на меня.

Ричард слегка улыбнулся.

— Она ревновала.

— Она любила его и не хотела, чтобы он покидал ее. Когда я возвращалась вместе с ним из наших путешествий, она частенько уже стояла там, поджидая его. Он же всегда улыбался, когда видел ее, и она улыбалась в ответ.

— А что Барах говорил обо мне?

— Он говорил мне то же самое, что только что сказал ты: бывают времена, когда нет иного выхода и приходится доверять другим. Тогда это были его слова, как сейчас это слова твои. Он сказал, что однажды другой хозяин скажет в точности эти слова, а затем добавил точно те слова, что сказал ты. «Сейчас как раз такое время».

Он сказал мне, что если хозяин когда-либо скажет эти слова, то, значит, он тот самый, и я должна рассказать ему кое-что.

Ричард ощутил, что каждый волосок на его руках встал дыбом.

— Ты путешествовала куда-то с Магдой Сирус?

— Да, Хозяин. И после этого никогда больше не видела Бараха. Но перед тем, когда он сказал мне, что однажды кто-то скажет эти слова, он велел мне передать тому человеку его сообщение.

— Он оставил сообщение? — Когда сильфида кивнула, Ричард театральным жестом протянул к ней руку. — Так давай его.

— «Извини. У меня нет ответов, способных спасти тебя. Поверь, будь они, я бы непременно передал их тебе. Но я знаю, что в тебе есть доброе начало. Я верю в тебя. И знаю, что в тебе есть то, что должно привести к успеху. Настанет время, когда ты усомнишься в самом себе. Не поддавайся этому. Помни: я верю в тебя и знаю, что ты способен завершить то, что должен. Ты — уникальная личность. Так поверь в себя. Знай: я верю, что ты тот самый, кто способен сделать это».

Ричард сидел, будто заледеневший. Слова эхом носились в его голове. Они были до удивления знакомы.

— Я уже слышал весьма похожие слова раньше.

Сильфида скользнула чуть ближе.

— Слышал?

Ричард сосредоточился, мысленно повторяя слова, пытаясь припомнить...

И наконец вспомнил. Это было вскоре после того, как Шота рассказала ему о Барахе. Как раз перед уходом она произнесла эти самые слова. И эти слова, произнесенные Шотой, в тот момент вызвали у него какие-то смутные воспоминания.

— Это была Шота, ведьма, — сказал Ричард и нахмурился, вспомнив это. — Она сказала мне эти же самые слова.

Сильфида отступила.

— Мне очень жаль, Хозяин. Ты не прошел испытание.

Ричард поднял взгляд.

— Какое испытание?

— Испытание, которое заготовил для тебя Барах. Извини, но ты не справился с его испытанием. И больше я не могу тебе ничего сказать.

Без дальнейших слов сильфида внезапно исчезла в черной дыре, проделанной в камне.

Ричард лег на живот и склонился над дырой, заглядывая туда.

— Нет! Подожди! Не уходи!

Только его собственный голос разносился эхом по пустой черной шахте.

Сильфида исчезла. И, лишенный своего дара, Ричард не мог вернуть ее назад.

Глава 34

Никки услышала негромкий стук в дверь. Зедд бросил взгляд, но не двинулся с места. Кара, не сводившая глаз с окна, сцепив руки за спиной, обернулась через плечо. Никки, стоявшая ближе всех к двери, распахнула ее. Слабое свечение лампы, стоявшей на столе, не полностью разгоняло мрак, сгустившийся в комнате, но его вполне хватало, чтобы осветить лицо высокого пророка.

— Что происходит? — спросил Натан низким глухим голосом и обвел подозрительным взглядом всех собравшихся в комнате. — Рикка сказала мне только, что ты и Кара вернулись и что меня хочет немедленно видеть Зедд.

— Все так, — сказал Зедд. — Проходи.

Сделав широкий шаг, Натан оглядел мрачную комнату.

— Где Ричард?

Никки сдержалась.

— Ему не удалось вернуться с нами.

— Не удалось вернуться? — Он помолчал, печально вглядываясь в лицо Никки. — Добрые духи...

Зедд, сидя у постели Джебры, не поднимал глаз. Джебра была без сознания. Когда они пытались закрыть ей глаза, ее веки тут же открывались снова. В конце концов они оставили эти попытки и позволили ей просто смотреть в потолок.

Зедд по мере своих сил уже позаботился о ее сломанной ноге. Ей невероятно повезло, что Кара оказалась не только быстрой, но и сильной, и сумела удержать Джебру за лодыжку, поймав ее в тот момент, когда она под действием собственного веса уже начала валиться с балкона. Тем не менее

инерция движения протащила провидицу далее, под балкон, а нога ударилась о балку, в результате чего получился перелом. Никки считала, что Джебра в момент падения была уже без сознания.

Перелом был тяжелый. Зедд немедленно им занялся, но из-за того состояния, в котором пребывала Джебра, вылечить его не удавалось. Все, что он мог сделать, — вправить кость, наложить шину и, максимально приложив свой дар, поспособствовать началу заживления. Когда она все же придет в себя, он может закончить лечение. Если придет. У Никки на этот счет были сомнения.

Она знала, что сломанная нога Джебры — наименьшая из ее проблем. Им никак не удавалось вывести ее из бессознательного состояния. Пробовал Зедд. Пыталась Никки. Она применяла даже опаснейшие заклинания, в том числе и магии Ущерба. Зедд поначалу был против, но когда Никки объяснила ему альтернативу, он нехотя согласился.

Увы, не помогло даже это. Рассудок Джебры оставался надежно заперт. Какую бы магию эта ведьма ни применила к ней, это было нечто такое, что разорвать оказалось им не по силам. И как бы ни было это сделано, Никки казалось, что это воздействие не задумывалось обратимым. Знай они природу этой магии, возможно, им удалось бы ее разрушить, но определить ее компоненты тоже не удалось.

Натан наклонился и двумя пальцами коснулся виска бесчувственной женщины. Затем выпрямился и безнадежно покачал головой на молчаливый вопрос Зедда.

Никки никогда не встречалась ни с чем подобным. Зедд же, напротив, в глубоком раздумье с самого начала потирал подбородок и невнятно бормотал о том, что в природе этой магии есть что-то странно знакомое. Что именно, он сказать не мог. Несмотря на всю настойчивость Никки и его отчаянное желание сделать хоть что-то, Зедд пребывал в тупике, потому что не мог точно указать, почему ему казалось, что он раньше уже имел дело с некоторыми аспектами этой магии.

В конце концов, напомнил он им, он Первый волшебник и провел изрядную часть своей жизни, изучая подобное. И он верил, что сможет разобраться, что за паутина сплетена вокруг

провидицы. Никки знала, что будь Джебра в сознании, сделать это было бы гораздо легче, но Зедд не принимал никаких оправданий собственной неудачи.

Никки услышала какой-то шум в коридоре. Натан высунул голову, чтобы посмотреть.

— Что случилось? — выкрикнул отдаленный голос. Это была Энн, бежавшая к ним в сопровождении Рикки. — Что происходит?

Как только она вошла в комнату, с трудом переводя дыхание, Натан опустил руку на ее плечо:

— Что-то случилось с Ричардом.

Пряди седых волос выбились из распавшегося пучка, накрывая одну сторону ее головы, словно плюмаж из взъерошенных перьев. Она оценивающим взглядом прошлась по всем, находившимся в комнате, определяя степень серьезности того, что видела в каждом из них. Никки хорошо знала эту разновидность быстрой рациональной оценки.

Будучи аббатисой сестер Света, Энн всегда имела грозный вид, способный нагнать страх на всякого, от старшей сестры до мальчика на конюшне. И хотя Никки больше не была сестрой Света, ее настороженность просыпалась всякий раз, когда бывшая аббатиса оказывалась рядом. Невысокий рост этой женщины нисколько не ослаблял атмосферу смутной угрозы, которая, как казалось, окружала ее.

Энн обратила обеспокоенный взгляд к Натану.

— Что случилось? Мальчик ранен?..

— Я сам еще не знаю, — сказал Натан, выставляя руку, чтобы предотвратить поток вопросов, прежде чем его засыплет с головой. — Пусть женщины объяснят.

— Все, что нам точно известно, — сказала Никки, когда Энн обратила к ней взволнованный взгляд, — так это то, что во время путешествия внутри сильфиды из Народного Дворца сюда, в Цитадель, на нас напал зверь. Мы с Карой пытались помочь Ричарду сражаться со зверем, но в итоге оказались разъединены с ним. Как только это произошло, я ощутила присутствие какой-то посторонней магии. И еще нам известно, что когда мы с Карой вернулись в Цитадель, Ричарда не было с нами. Мы не имеем ни малейшего представления, что случилось с ним после прикосновения к нему той странной

силы, которую я тогда почувствовала. И после того мы больше не видели зверя.

Когда мы вернулись сюда, Джебра оказалась в сетях паутины, наброшенной, как нам удалось понять, тем же действующим лицом, что выпустило и ту самую силу, что коснулась Ричарда во время нашего путешествия. И поскольку Зедд распознал ее уникальные особенности, теперь мы знаем, что это была сила, вызванная колдовством ведьмы.

— И мой эйджил больше не работает, — сказала Кара, поднимая свое оружие. — Наше единение с Лордом Ралом нарушено. Мы больше не чувствуем его.

— О Создатель, — прошептала Энн, отводя взгляд.

Зедд жестом указал на пророчицу, лежащую перед ним на кровати.

— Какова бы ни была та сила, выпущенная ведьмой, она удерживает Джебру в бессознательном состоянии. И мы не можем разбудить ее. И хотя я знаю, что именно магия ведьмы каким-то образом захватила ее, но не могу понять, каким образом ведьма сделала нечто подобное — смогла забросить такую паутину издалека. Судя по моему опыту, они не только держатся обособленно, но и не применяют подобные фокусы. Это превышает их возможности.

— А ты уверен, что была именно ведьма? — спросила Энн.

Зедд глубоко вздохнул и серьезно обдумал вопрос.

— Мне доводилось иметь дело с ведьмами. Если кошка хоть раз впустит в вас свои когти, вы никогда не забудете, что это за ощущение. Не знаю, кто именно сделал это, но узнаю ощущение от сделанного. Это была ведьма.

Никки сложила руки.

— Думаю, у нас есть очень неплохая идея насчет того, кто эта ведьма: это Сикс. Но не следует обманываться, что если тебе удалось распознать в этой силе особенности ведьм, это означает, что для нее характерны и обычные для ведьм ограничения. В конце концов, если кто-то распознал твою силу, как силу волшебника, это еще не означает, что он узнал пределы твоих возможностей или твой реальный потенциал.

— Вполне справедливо, — со вздохом признал Зедд.

Натан решил прервать их обсуждение темы ведьмы.

— А не говорила ли Джебра еще что-то о своем видении? Хоть что-нибудь?

Зедд обменялся взглядами с Никки.

— С тех пор как эта магия опутала ее — ничего. Но как раз перед тем, как она перешла в это состояние, мы слышали, что она говорила: «Звезды. Звезды упали на землю. Звезды среди травы».

— Звезды... — Натан повторял это, прохаживаясь по тесной комнате, поддерживая одной рукой локоть другой, кончиками пальцев которой постукивал по подбородку. Наконец он повернулся к Зедду. — Боюсь, что пророчество в такой форме мне ни о чем не говорит. Скорее всего, что она произнесла вслух лишь фрагмент его. В таком случае, легко может оказаться, что просто не хватает сведений, чтобы я мог продолжить.

Сердце Никки упало. Она-то надеялась, что пророк окажется способен расшифровать видение провидицы.

Энн почесывала боковину носа, подыскивая слова.

— Тогда вполне возможно, что мы... — она откашлялась, — мы потеряли Ричарда. Возможно, эта ведьма убила его.

Кара энергично шагнула вперед.

— Лорд Рал не умер!

В гулкой тишине Зедд поднялся со стула. Он бросил в сторону Кары предостерегающий взгляд, затем обратился к Энн:

— Я тоже не думаю, что мы его потеряли.

Энн перевела взгляд с возбужденной Кары на Зедда.

— Я знаю, почему она не верит в это. Но почему не веришь ты?

Он жестом указал на Джебру.

— Из-за этой женщины, что лежит здесь, в этой постели.

Энн нахмурилась.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, ведь первое видение, что было у Джебры за эти несколько лет, касалось Ричарда.

— Это верно, — вступила в разговор Никки. — Ее видение было о том, что случится с ним. И она сказала — и особо

отметила, — что не следует ни на мгновение оставлять его одного.

Энн выгнула бровь.

— И все-таки вы это сделали.

Никки оставила этот выпад без внимания.

— Да. Но не по недосмотру, а из-за зверя. Этот зверь оказался непредвиденным обстоятельством, все смешавшим.

Когда на лице Энн отразилось недоумение, Зедд пояснил:

— Мы убеждены, что план ведьмы заключался в том, чтобы коснуться Ричарда своей силой. Но зверь появился в самый неподходящий момент, разрушая ее тщательно продуманную западню.

Энн еще больше нахмурилась.

— Каким же образом?

— Из-за этого зверя она потеряла Ричарда, вместо того чтобы заполучить его, как планировала, — сказала Никки. — Из-за этого зверя она потеряла Ричарда внутри сильфиды, точно так же, как потеряли и мы. Теперь у нее новая задача: ей необходимо найти его.

— И потому она поступила точно так же, как и мы, — сказал Зедд. — Она явилась сюда или, по крайней мере, направила сюда свою силу, чтобы выяснить у провидицы, где он должен быть.

— Стало быть, она искала пророка? — спросила Энн. — Но ведьмы и так видят события в потоке времени. Зачем ей понадобилась провидица?

Зедд развел руками.

— Да, они видят многое, но, насколько я знаю, и Натан может объяснить это лучше меня, они не могут видеть точно то, что хотят знать, именно в тот момент, когда им это необходимо.

Натан кивнул, соглашаясь с ним.

— Что же до пророчества, в нем существует сослагательный элемент. Он действует тогда, когда появляется, а не тогда, когда вам этого хотелось бы. Возможно, древние волшебники знали ключ к применению сослагательных пророчеств, но если это и так, они никому не передали такое знание. Очень редко удается извлечь из пророчества именно то, что хотелось бы узнать.

Зедд поднял палец, подчеркивая свою мысль.

— Сикс, скорее всего, узнала или благодаря собственной способности, или благодаря своим заклинаниям, имеющим дело с потоком событий, что Джебра уже получила видение, явившее ей, что должно случиться с Ричардом и где именно он будет в следующий раз, так что она просто пролезла в разум Джебры, чтобы выкрасть ответ.

— Мне кажется, именно поэтому мы не можем разбудить Джебру, — сказала Никки. — Думаю, Сикс не хочет, чтобы кто-то еще ознакомился с той информацией, которую она уже получила. Когда Джебра произнесла вслух всего несколько слов, могу поспорить, Сикс уже «вытянула» все целиком — все видение — из разума Джебры. И уверена, что именно Сикс вынудила Джебру прыгнуть с балкона, чтобы разбиться насмерть, с тем чтобы она не могла открыть свое видение кому-то еще. Потерпев неудачу с этим, она магией привела Джебру в бесчувственное состояние — как и самоубийство, сделать это во много раз легче, чем убить на расстоянии, и вполне годится для ее целей.

Натан нахмурился, слушая ее. Он делал вращательное движение ладонью, как будто мысленно перебирал события.

— Стало быть, ты думаешь, что в своем пророчестве Джебра открыла, что Ричард собирается искать упавшие на землю звезды? И что он будет находиться в месте, где звезды разбросаны среди травы? В месте, подобном тому, где находят метеориты?

Зедд сцепил за спиной руки и кивнул.

— Похоже, что так.

Натан углубился в себя, обдумывая что-то, время от времени кивая самому себе. Энн, судя по ее виду, не разделяла такой уверенности.

— Таким образом, ты полагаешь, что Ричард жив, — спросила она, — и что та ведьма, Сикс, каким-то образом зачаровала его?

Никки ответила бывшей аббатисе одним только уверенным кивком головы.

— Мы с Зеддом пришли к такому заключению.

Энн не сводила взгляда со своей бывшей подопечной.

— С какой целью? Я могу понять, для чего Сикс нужно убить Ричарда, но зачем ей подчинять его себе, иметь в своем полном распоряжении?

Никки не уклонилась от ее жесткого пристального взгляда.

— Сикс посягала и на принадлежащее той ведьме, что живет здесь, — Шоте. Почему? Что забрала Сикс? Компаньона Шоты, Самюэля, — сказала она в ответ на собственный вопрос. — А у Самюэля Меч Истины, который когда-то носил Ричард.

Энн выглядела так, будто потеряла нить рассуждения.

— Какая связь одного с другим?

— Для чего использовал этот меч Самюэль? И что он украл? — спросила Никки.

Глаза Энн округлились.

— Одну из шкатулок Одена.

— Причем у сестры Тьмы, — добавила Никки, — и с помощью Меча Истины.

Энн обратила взволнованный взгляд к Зедду.

— Но зачем этой женщине понадобился Ричард?

Взгляд Зедда был обращен в пол, в то время как сам он поглаживал кончиками пальцев морщины на лбу.

— Чтобы открыть нужную шкатулку Одена, необходимо знать текст одной очень важной книги. Я думаю, уж кто-кто, а вы двое должны быть знакомы с этой особой книгой.

У Натана отвисла челюсть от внезапного осознания.

— «Книга сочтенных теней», — едва слышно произнесла Энн.

Зедд кивнул.

— Единственная копия этой книги теперь осталась лишь в голове Ричарда. Оригинал был сожжен после того, как он запомнил ее.

— Мы должны найти его первыми, — сказала Энн.

Зедд хмыкнул, услышав это предложение, прозвучавшее как совет, вскинув брови в притворном удивлении, словно он не смог бы догадаться о таком без ее помощи.

— У нас есть более насущные проблемы, — сказала Никки.

Кара, в другой стороне комнаты, помахала эйджилом.

— Пока у нас нет Лорда Рала, никакого договора не существует.

— А без договора, — сказала Никки, — мы все во власти сноходца.

Осознание этого обрушилось на Энн как удар грома.

— Кое-что следует сделать немедленно, — добавил Зедд. — Угроза очень страшная, а времени очень мало. Если мы промедлим, то можем внезапно проиграть эту войну.

— Что ты хочешь сказать? — с подозрением спросил Натан.

Зедд поднял глаза на сердитого пророка.

— Нам нужно, чтобы ты стал Лордом Ралом. Мы не смеем рисковать нашими людьми, чтобы они какое-то время оставались без договора. Поэтому тебе следует немедленно отправиться в Народный Дворец.

Натан стоял молча и выглядел мрачным. Он был высокого роста, крепкого телосложения. Седые волосы, спадавшие на плечи, делали его внешность весьма внушительной. Но сама мысль о том, что кто-то другой займет место Ричарда как Лорда Рала, вызывала у Никки боль в сердце.

Альтернативой было: позволить сноходцу опустошить их разум. Она слишком хорошо знала, на что это похоже. Она вполне сознавала, что договор с Ричардом не только спас ее жизнь, но и дал возможность получать от жизни радость. Этот договор не был формальным молчаливым согласием на правление Лорда Рала, как это было с народом Д'Хары; скорее, это было глубокая преданность Ричарду-человеку. Человеку, которого она полюбила почти с первой минуты, как только увидела искру жизни в его серых глазах. Ричард дал ей возможность не только обрести жизнь, но обрести и любовь.

Она подавила в себе боль осознания, что никогда он не будет принадлежать ей — и, что еще хуже, от осознания, что его сердце принадлежит другой, той, которую она даже не помнит. Если бы Никки смогла припомнить эту Кэлен, узнать, что та умна, нежна, красива, она могла бы порадоваться за Ричарда. Очень трудно радоваться за него, когда он страдает от любви к призраку.

— Понимаю, — сказал наконец Натан глухим голосом.

Энн выглядела так, будто имела тысячу возражений, по одному на каждый год жизни пророка, но сдерживала их, осознавая последствия, которые возникнут из-за отсутствия Лорда Рала.

— Д'Харианская армия находится не так далеко от дворца, — сказал Натан. — И довольно скоро они встретятся с ор-

дой Джеганя. Думаю, вы правы: находясь там, я буду наиболее полезен нашему делу.

Никки рассказала им еще не все. Она откашлялась, для уверенности, что голос не подведет ее.

— Ричард обратился с речью к армии. Для этого он и отправился в Д'Хару. Он сказал им, что они не смогут сразиться с Имперским Орденом, рассчитывая на победу.

У Энн побагровело лицо.

— Так чего же он от них ожидает? Если не вступать в сражение с армией Ордена, тогда... что?

— Опустошить Древний мир, — с мрачной решимостью сказала Никки.

Зедд, Натан и Энн молча уставились на нее.

— Он приказал им сделать именно это? — недоверчиво спросил Зедд.

— В этом единственный шанс, — сказала Никки. — У нас нет ни малейшей надежды разбить их армию. Ричард предполагает, что вместо этого армия д'хариан уничтожит их волю к борьбе. Это единственный имеющийся у нас способ защиты.

— Добрые духи, — прошептал Зедд, отворачиваясь от них. Он подошел к окну и замер, вглядываясь в ночь. Наконец он повернулся назад, и глаза его были полны слез.

— Я уже бывал в его положении. Мне доводилось руководить и направлять все силы, чтобы сделать то, что необходимо. — Он снова покачал головой. — Бедный мальчик. Боюсь, он прав. Мне следовало самому додуматься до этого. Полагаю, я просто не хотел этого. Иногда требуется мужество даже для того, чтобы сделать необходимое.

Кара вышла вперед и опустилась на колено перед Натаном. Затем склонила голову.

— Магистр Рал ведет нас. Магистр Рал наставляет нас. Магистр Рал защищает нас. В сиянии славы твоей — наша сила. В милосердии твоем — наше спасение. В мудрости твоей — наше смирение. Вся наша жизнь — служение тебе. Вся наша жизнь принадлежит тебе.

Зедд припал на одно колено, как и Рикка. То же самое сделала Никки. Наконец, с явной неохотой, их примеру последовала и Энн.

— Магистр Рал ведет нас, — в унисон повторяли они. — Магистр Рал наставляет нас. Магистр Рал защищает нас. В сиянии славы твоей — наша сила. В милосердии твоем — наше спасение. В мудрости твоей — наше смирение. Вся наша жизнь — служение тебе. Вся наша жизнь принадлежит тебе.

Натан стоял, высокий и молчаливый, сжав руки и глядя вниз, на склоненные головы, и выглядел как полноценный Лорд Рал. Когда обряд-посвящение закончился, все встали, несколько обеспокоенные невысказанной важностью того, что они только что совершили, и того, что это означало, что Ричард теперь больше не Лорд Рал.

— Дело сделано, — сказала Кара. Она проверила, как ощущается в пальцах тонкое красное оружие, глядя на него влажными голубыми глазами. — Мой эйджил снова ожил. — Она улыбнулась, отстраненно и печально. — Узы договора снова действуют в полной мере. Вся Д'Хара одобрит, что у нас снова есть Лорд Рал.

Натан испустил глубокий вздох.

— По крайней мере, у нас будет хотя бы это.

— Натан, — сказал Зедд пророку, — тебе следует немедленно отправиться в Д'Хару. К востоку отсюда все большие перевалы заняты войсками Имперского Ордена, все еще пытающимися проникнуть с «черного хода». Я покажу тебе несколько путей в обход их. Будет лучше, если Лорд Рал, блюститель договора, останется вместе с теми, кто будет защищать дворец.

— А что же армия Джеганя? — спросила Энн, казавшаяся обеспокоенной после того, как Натан кивнул в знак согласия. — Как, по-твоему, поступит Джегань, когда обнаружит, что д'харианская армия растаяла как раз перед тем, как он собрался разгромить ее?

Зедд пожал плечами.

— Займется осадой Народного Дворца. Верна и несколько ее сестер помогут его защищать, но Народный Дворец выстроен в форме магического знака, что усиливает силу Рала и подавляет ее у других. Верна и сестры не смогут использовать все свои возможности в полную силу. Сейчас Натан — единственный Рал, который у нас есть для помощи в защите дворца и всех его обитателей.

— Вот почему нужно, чтобы Натан немедленно отправлялся во дворец, — сказала Никки.

— Сегодня же вечером, — добавил Зедд.

Натан отвел взгляд от Зедда и теперь смотрел в глаза Никки.

— Понимаю. Я сделаю все, что могу. Будем надеяться, что в один прекрасный день Ричард окажется в состоянии вновь занять свое место после меня.

Эти его слова сняли хоть частицу тяжести с сердца Никки.

— Мы будем работать над этим, — уверил его Зедд.

— Можешь в этом не сомневаться, — сказала Никки.

Кара навела эйджил на пророка.

— И лучше не держи в голове безумных фантазий на тот счет, чтобы удержать за собой это высокое положение. Оно принадлежит Лорду Ралу.

Натан поднял бровь.

— Теперь я и есть Лорд Рал.

Кара сделала недовольное лицо.

— Ты знаешь, что я имею в виду.

Натан слабо улыбнулся.

Энн ткнула Натана пальцем под ребра.

— И не надо излагать нам никаких великих идей, *Лорд Рал*. Я отправляюсь с тобой, чтобы быть уверенной, что на тебя не свалится никакая напасть.

Натан пожал плечами.

— Полагаю, Лорду Ралу вполне пристало иметь свиту. Ты вполне можешь составить ее.

Глава 35

Пролежав довольно долго на древней и холодной каменной кладке в глубине заброшенного леса — из-за чего пребывание здесь казалось вечностью, — глядя вниз, в черную пропасть, и не зная, что еще можно предпринять, Ричард в конце концов выпрямился и сел. Он звал сильфиду, пока едва не охрип, но так и не получил ответа. Сильфида исчезла.

Ричард опер локти на колени и, свесив голову, сцепил пальцы позади шеи. Он чувствовал себя так, будто потерял дорогу и не знал, какой сделать следующий шаг. Сколько раз с тех пор, как покинул родные леса Хартленда, он чувствовал себя точно так же и думал о том, что стоит у последней черты? И всегда находил выход. Но сейчас не знал, удастся ли это.

Когда Ричард рос, он никогда не задумывался над тем, что от рождения обладал даром. Он даже и не знал ничего о магии. И едва лишь обнаружилось, что Ричард несет этот дар уже от рождения, он не захотел обладать им. Он хотел избавиться от него, будто это была передавшаяся ему болезнь. Он хотел быть просто самим собой. Но в результате пришел к признанию ценности своих способностей и понял, что они были частью его самого. Ведь эти способности не раз помогали ему спасать не только собственную жизнь, но и жизнь Кэлен, и еще жизни многих других, встречавшихся на его пути. Дар был неотъемлемой его частью. Это было нечто такое, что невозможно отделить от него, во всяком случае, не легче, чем отделить сердце или легкие.

Тем не менее теперь, каким-то непостижимым образом, он этот свой дар потерял.

Поначалу, когда сильфида сказала, что у него больше нет магии, требуемой для путешествий, ему трудно было принять на веру возможность подобного, возможность того, что его дар мог действительно исчезнуть. Он решил, что это, должно быть, какой-то магический сбой, некая своего рода аномалия. Вернувшись к воспоминаниям о том, как хотел когда-то избавиться от своего дара, он вспомнил, что интересовался, каким образом мог бы отвергнуть свой дар, и узнал, что подобное попросту невозможно.

И хотя такая потеря казалась ему невозможной, Ричард осознал, что на самом деле оно именно так. Он понял это, потому что наряду со своим даром утратил и способность хранить в памяти «Книгу сочтенных теней». Ему не удавалось вспомнить ее содержимое, потому что вместе с даром утратилась и эта память.

«Книга сочтенных теней» была магической книгой. И чтобы иметь возможность читать ее, требовался дар, необходимый также и для того, чтобы помнить ее наизусть, до последнего слова. Без такого дара Ричард не способен читать магические книги, или, правильнее говоря, запоминать слова на достаточное длительное время, чтобы осознать написанное. При отсутствии дара страницы магической книги выглядят как чистая бумага. Теперь «Книга сочтенных теней» исчезла из его памяти.

Кроме того, он еще не справился с испытанием, даже не подозревая, что подвергается ему. И до сих пор не вполне понимал, что же это было за испытание. Хотя, как ни крути, он не справился с ним.

Он чувствовал себя так, будто не оправдал ожиданий Кэлен.

Он по-прежнему не понимал, каким образом те слова могли оказаться испытанием от Бараха. Как с помощью этих слов можно было испытать его? Испытать в чем? Он не знал, о каком испытании могла говорить сильфида, а потому не понимал, каким образом выяснить, с чем именно он не справился, в чем была его ошибка.

Как бы ему хотелось, чтобы Зедд был здесь и помог разобраться в этом! Или Никки, или Натан... хоть кто-то из них, любой. Он прекратил эти рассуждения и спросил себя, сколь-

ко раз за эту ночь стремился получить ответы, помощь, внезапное спасение? Ни на одно его желание так и не было отклика. Это были всего лишь желания, не более того.

Он напомнил себе, что тратит время впустую на жалость к самому себе. Ему следует придумать что-нибудь, а не сидеть и не надеяться, что придет кто-то другой и подумает за него.

Он вновь прилег на камни, уставился вверх, на полог из веток и листьев, раскинувшийся над ним, и на видневшиеся сквозь него звезды. Он улыбнулся себе, подумав, что, возможно, падающая звезда исполнит его желания. Затем отодвинул все мысли о желаниях и просьбах и сосредоточился на ближайшей задаче.

Он уже в сотый раз прогонял в мыслях цепь событий, и все еще так и не нашел смысл. Барах сказал, как следовало из переданного сильфидой сообщения, что у него нет ответов, способных спасти Ричарда. Хотя Барах и верил, что у Ричарда есть то, что необходимо для успеха. Барах убеждал Ричарда верить в самого себя и хотел, чтобы тот знал, что и он сам верил в Ричарда, хотя конкретное имя не называл.

Это послание, как полагал Ричард, предназначалось для того, кто родится с даром магии Ущерба, о чем Барах позаботился в Храме Ветров, но Барах не мог знать имя этого человека, как не знал и того, кем он окажется. Это объясняло, почему Барах, обращаясь непосредственно, не использовал никакого имени. Послание было вполне ясным и без использования имени конкретного лица, которое, в конечном счете, услышит его. И заодно это усиливало впечатление прямой адресации.

И каким образом это послание могло быть еще и испытанием? Как могло оказаться, что Ричард не справился с ним?

Он печально вздохнул и выдернул длинную травинку из пучка, проросшего прямо на каменной кладке, в раскрошившемся стыке. Обдумывая эту проблему, он мял зубами ее мягкую часть.

Могло ли быть так, что сильфида каким-то образом получила от Бараха некую силу, подобную той, которую он дал самому Ричарду для действия в непредвиденных ситуациях, так что сильфида могла определить, есть ли в Ричарде то, что

предвещает успех? Могло ли быть так, что эта проницательность, данная сильфиде, и подсказала ей, что Ричард некоторым образом потерпел неудачу?

Какова же взаимосвязь? Глядя на звезды, Ричард продолжал обдумывать ситуацию. Он сказал сильфиде, что слышал эти слова еще раньше, от Шоты, после чего сильфида внезапно прекратила разговаривать с ним.

Могла ли сильфида знать Шоту? Может быть, в представлении Бараха, Ричард не должен иметь дела с ведьмой. Может быть, в этом и была ошибка Ричарда — что он поступал не самостоятельно? Он состроил гримасу. Ему было трудно вообразить, что Барах не хотел, чтобы он действовал совместно с другими людьми в поисках ответов и решении проблем.

Он напрягал память, настойчиво стараясь припомнить все те слова.

Извини. У меня нет ответов, способных спасти тебя. Поверь, будь они, я бы непременно передал их тебе. Но я знаю, что в тебе есть доброе начало. Я верю в тебя. И знаю, что в тебе есть то, что должно привести к успеху. Настанет время, когда ты усомнишься в самом себе. Не поддавайся этому. Помни: я верю в тебя и знаю, что ты способен завершить то, что должен. Ты — уникальная личность. Так поверь в себя. Знай: я верю, что ты тот самый, кто способен сделать это.

Вот каким, по словам сильфиды, было послание Бараха. И Ричард припомнил, что это были те же самые слова, которые не так давно сказала ему Шота, как раз перед самым ее уходом, когда они встречались последний раз.

На самом деле Ричард почти не верил в совпадения. В данном случае — определенно нет. Шота не могла сказать случайно те же самые слова, которые Барах оставил сильфиде для передачи. Послание было слишком длинным и слишком витиеватым, со своеобразными оборотами.

Если дело как раз в том, что это не совпадение, а Ричард был уверен, что не совпадение, то почему Шота использовала точно такие же слова, что и Барах? Было ли это своего рода посланием? Пыталась ли она что-то сказать ему тем самым? О чем-то предупредить?

Если ведьма хотела помочь ему, то почему не предупредила об испытании и не сказала ему? Если же она не могла выдать ему ответ, то могла по крайней мере сообщить, что такое испытание будет. Впрочем, Зедд не раз говорил, что ведьма никогда не скажет вам то, что хотелось бы знать, не сказав заодно того, чего вы знать не хотели. Могло такое быть? Он сомневался, что это так, поскольку она сообщила ему в тот день множество ужасных вещей... сведений, которые, как оказалось, помогли ему в конце концов разобраться, как следовало поступить с армией, вместо того чтобы позволить ей ввязаться в решающее сражение с Джеганем.

Некоторые фразы послания, словно зуд, раздражали его, не давая покоя своей необычностью: *ответов, способных спасти тебя; я бы непременно передал; доброе начало; есть то, что должно привести к успеху; знай: я верю, что ты тот самый.* Манера изложения была несколько странной. Отличие не было кардинальным, скорее, некая эксцентричность: почти по-детски непосредственные слова, но при этом четкие формулировки. Ричард вздохнул. В языке этого послания было что-то явно нетрадиционное, но никакой пользы извлечь из этого не удавалось.

Осознание обрушилось на него ледяным душем, и он вспомнил.

Он вспомнил, почему эти слова звучали до знакомого тревожно, когда Шота произносила их. Потому что он слышал точно такие же слова и раньше.

Это были точно те самые слова, что он слышал от мерцающей в ночи, ночной дымки, вечером того дня, когда Ричард впервые встретил Кэлен.

Они находились под покровом приют-сосны. Кэлен спросила, не боится ли он магии, а затем, после его одобрительного ответа, извлекла перевязанный флакон, где находилась эта мерцающая в ночи. Ночная дымка, крошка Ша, провела Кэлен через границу, но теперь постепенно таяла, умирая. Эта мерцающая в ночи не могла жить вдали от дома и от своих сородичей. И у нее не хватало сил, чтобы перебраться через границу еще раз.

Ричард помнил, как Кэлен говорила: *«Ша пожертвовала жизнью, чтобы помочь мне, потому что если Даркен Рал преуспеет, то все из ее рода погибнут».*

Именно это хрупкое существо и сказало впервые Ричарду, что за ним охотится Даркен Рал. Ша предупредила Ричарда, что если он попытается скрыться бегством, то будет пойман и убит. Ричард поблагодарил Ша за помощь, которую та оказала Кэлен. И сказал ей, что теперь его жизнь удлинилась, поскольку она спасла в тот день и его, удержав от глупого поступка. И еще он сказал Ша, что его жизнь стала лучше оттого, что он узнал ее, и поблагодарил эту мерцающую в ночи за помощь Кэлен в переходе границы.

Ша тогда сказала ему, что верит в него, и все прочее в том же духе, именно так, как Барах передал ему через сильфиду. В тот момент он полагал, что слегка странные речевые обороты — просто своеобразная манера говорить, свойственная этим странным существам, мерцающим в ночи, ночным дымкам... и, возможно, так оно и было, но Барах использовал те же самые слова с определенной целью.

Шота использовала эти же самые слова — преднамеренно или в невинном незнании их источника, — без сомнения, чтобы помочь ему, напоминая то, что произнесла Ша. Вероятно, она не понимала истинной причины, по которой произносились эти слова, но ее посредство заключалось в том, чтобы заставить его думать. Заставить его вспомнить. Но, видимо, из-за того ужасного видения, которое Ричард получил от нее, где Кэлен оказалась свидетелем его казни, он не связал слова Шоты со словами, которые слышал за много лет до этого от мерцающей в ночи. То видение фактически заслонило от него все остальное.

Ричард прислушивался к ночным звукам леса: стрекоту насекомых, шуму листьев под порывами ветра и далеким крикам пересмешника, как вдруг другое воспоминание начало просачиваться в его сознание.

Ша, та мерцающая в ночи, назвала его по имени, даже не будучи представлена ему. Он тогда предположил, что она могла просто услышать их разговоры, пока находилась в маленьком флаконе, болтавшемся в сумке на поясе Кэлен.

Или, возможно, его имя уже было ей известно.

Глаза Ричарда округлились еще больше, когда он припомнил кое-что еще. Он спросил крошку Ша, почему Даркен

Рал пытается убить его, из-за того ли это, что он помогает Кэлен, или есть какая-то иная причина.

Ша приблизилась и спросила: «*Другая причина? Тайна?*»

«Тайна...»!

Ричард вскочил на ноги и громко закричал, потрясенный осознанием.

Он сдавил голову кулаками, не в силах сдержать следующий крик.

— Я понял! Добрые духи, я понял!

«Тайна...»

В то время Ричард решил, что она знает про клык, спрятанный у него под рубашкой, но все было совсем не так. Ее вопрос не имел к клыку никакого отношения. Ша спрашивала его о совершенно другом. Она предлагала ему первый шанс обрести ту секретную книгу, которую оставил для него Барах.

Но тогда было слишком рано. Ричард еще не был к этому готов.

В тот раз он тоже не прошел испытания Бараха. Не прошел первого испытания, случившегося той ночью, когда он разговаривал с крошкой Ша. Барах, скорее всего, и не мог знать, когда Ричард будет готов. Просто устроил проверки время от времени. Шота сказала ему, что хотя Барах позаботился, чтобы Ричард родился с такими способностями, это совсем не означает, он будет совершать правильные поступки.

Барах не лишал его свободы выбора — и потому должен был устраивать время от времени испытания тому, кто рожден с этими способностями, чтобы определить, научился ли он пользоваться ими, чтобы завершить то, что должно быть завершено. Ричарда заинтересовало, сколько всего еще расставлено на его пути, что задумано Барахом? Пока что он не имел понятия, как найти ответ на этот вопрос.

Он понял, что когда сильфида сказала ему о провале испытания, то это был по меньшей мере второй такой промах. Испытание, устроенное сильфидой, было резервным, повторным испытанием, после которого Ричард должен расширить свои познания. В случае успеха у него появлялся шанс узнать, кем он действительно был.

«Тайна...»

Ричард чувствовал себя так, будто его голова разрывается от силы этого осознания. Все эмоции и каждое переживание, что когда-либо у него были, казалось, теснились внутри него, наполняя его возбуждением и беспокойством.

Он бросился на каменный пол и так впился пальцами в края отверстия, что суставы побелели.

— Сильфида! Вернись! Я знаю, что имел в виду Барах! Я понял! Сильфида!

В нескольких дюймах от него в холодном серебристом лунном свете вспучился жидкий металл, принимая безупречные черты сильфиды. Это было невозможно красивое видение, в котором, текуче искажаясь, отражались колеблющиеся деревья и его собственное лицо.

Сильфида медленно улыбнулась.

— Так ты хочешь изменить свой ответ, Хозяин?

Ричарду хотелось расцеловать подвижную, как ртуть, физиономию.

— Да.

Сильфида вскинула голову, склонив ее набок.

— И что же ты желаешь поведать мне, Хозяин?

— Еще раньше мне говорила эти слова мерцающая в ночи, ночное видение, блуждающий ночной огонек, а не Шота. — Ричард сделал сдерживающий жест, стараясь проговорить все быстрее, прежде чем сильфида успеет заявить, что он снова не выдержал испытание. — Шота была второй. Блуждающий ночной огонек — вот кто сказал мне впервые те самые слова... слова, произнесенные Барахом. Вот от кого я впервые слышал их. То, что Барах хотел сообщить мне... касается этих самых мерцающих в ночи.

Ричард ожидал, что серебристые руки сейчас обхватят его за шею и подтянут ближе.

— Что-нибудь еще, Хозяин? — с намеком прошептала сильфида.

— Да. В этом послании Барах хотел подсказать мне, что то, что оставлено им специально для меня, спрятано у этих самых мерцающих в ночи.

Сильфида придвинулась еще ближе к Ричарду, сохраняя мягкий изгиб понимающей улыбки, и жадно впилась в него взглядом. Впервые ее губы шевелились в такт со словами, а

голос перешел на шепот с придыханиями, в котором ощущалась капитуляция.

— Ты прошел испытание, Хозяин. Я довольна.

— Начало положено, — сказал Ричард.

Сильфида рассмеялась, издавая звук такой же прозрачный и легкий, как лунный свет.

— И ты знаешь, где они, эти мерцающие в ночи, Хозяин?

Ричард покачал головой.

— Нет, но Кэлен немного рассказывала мне о них и том месте, где их дом. Кэлен — моя жена. В прошлые времена она путешествовала в тебе и была довольна, но ты не помнишь ее, потому что она оказалась захвачена очень плохими людьми, которые высвободили магию, заставляющую всех забыть о ней — что-то, отчасти похожее на то, что было сделано с тобой. Я же пытаюсь найти ее прежде, чем эти самые плохие люди смогут причинить вред всем и каждому. Вот, собственно, вкратце вся ситуация. Вот почему Барах оставил что-то для меня — что-то, что поможет мне в моих попытках.

— Понимаю. Я рада за тебя, Хозяин.

— Во всяком случае, Кэлен рассказывала мне о том месте, где живут эти крошечные существа. Она говорила, что это очень красивое место.

— То же самое говорил и Барах.

— Кэлен говорила, что их нельзя увидеть днем, а можно только ночью. Думаю, поэтому их и называют мерцающими в ночи. Кэлен говорила, что они похожи на звезды — словно звезды упали на землю. Они словно звезды среди травы.

Сильфида кивнула, видя его волнение.

— Я рада, что ты так доволен, Хозяин.

— А ты можешь отправиться туда? Туда, где обитают мерцающие в ночи — в то место, где звезды упали на землю?

— Боюсь, что нет, даже если бы ты мог путешествовать, — сказала сильфида. — Барах указал, что этот колодец для аварийного выхода устроен здесь с определенной целью. Но он не хотел, чтобы я могла путешествовать туда, где обитают мерцающие в ночи, потому что не хотел, чтобы кто-либо знал,

что он бывал там. И еще он хотел, чтобы то место стало не одним из доступных пунктов назначения в моих путешествиях, а оставалось уединенным и тайным местом упавших на землю звезд.

Барах говорил мне, что вот этот выход — ближайший к месту обитания этих существ, но то место — одно из самых запретных мест, и я не могу попасть к ним. Он не хотел, чтобы я даже намекала на то, что это место существует, или рассказывала о нем что-то моим будущим хозяевам. Это сделано им для защиты тебя. Вот почему я не могла сказать твоим друзьям, где ты. Эта таинственность и секретность предполагала, что нужный человек обязательно должен произнести нужные слова. К тому же это не только предохраняло тебя, но и не давало воспользоваться помощью твоих друзей, побуждая размышлять самостоятельно. Именно размышление, по словам Бараха, должно повернуть для тебя ключ в закрытой двери.

Голова у Ричарда шла кругом от всего, что он сейчас узнал. Он наклонился ближе и спросил, чтобы убедиться в том, о чем уже догадался:

— Ведь ты доставляла сюда жену Бараха, Магду? Разве не так? И она что-то несла с собой.

— Да. Я доставляла Магду в это место после того, последнего раза, когда видела хозяина Бараха. Затем она, перед тем как вернуться, восстановила здесь все камни. Это был последний раз, когда я видела ее. С тех пор больше никто не бывал на этом месте.

Ты прошел испытание, Хозяин. Это путь к той тайной библиотеке, которую Барах оставил для тебя.

Глава 36

Кэлен осторожно ступала между каменными обломками, когда-то составлявшими древние здания вокруг, что уже почти тысячелетие как разрушились и в конечном счете обвалились, беспорядочно разбросав свои части по крутому склону холма. Присыпанные пылью куски кирпича и камня попадались везде. В темноте запросто можно споткнуться и упасть, а катиться вниз можно очень долго — начало подъема осталось далеко внизу. Джиллиан, как гибкая и проворная тень, неутомимо карабкалась впереди них, легко, словно горная коза. Сестра Улисия впереди Кэлен и две другие сестры позади нее пыхтели и отдувались от натуги из-за столь тяжелого подъема. Настойчивость сестер привела к тому, что они, безусловно, устали и теперь все чаще оступались и соскальзывали, теряя силы и едва не срываясь с кручи.

Кэлен была убеждена, что лучше бы дождаться рассвета, чтобы закончить подъем к руинам города Касски. Но она не собиралась давать такой совет. Сестры всегда поступали только так, как хотели, и с этим Кэлен ничего не могла поделать. И в конце концов единственным результатом любого совета, который она может предложить, будет очередная порка за назойливость.

Кэлен была бы просто счастлива увидеть, как одна из сестер сломает себе при падении шею, хотя и знала, что оставшиеся две доставят ей не меньше неприятностей, чем все трое. По правде говоря, любая из сестер вполне способна превратить жизнь Кэлен в мучительный кошмар. Любая из них с легкостью может использовать свою силу посредством металлического кольца на шее Кэлен и привести ее в состояние непре-

кращающейся агонии. И потому она взбиралась без всякого рода критических замечаний о том, что подобное путешествие гораздо благоразумнее совершать не при свете одной лишь луны.

Поскольку путь, предложенный Джиллиан, был таким ненадежным и коварным, им пришлось оставить лошадей у подножия холмов. Но были кое-какие вещи, которые сестры не пожелали оставить без постоянного присмотра, тем более фактически на дороге, так что Кэлен заставили нести и их, наряду с тем, что она несла прежде. Это было тяжело — тащить такой груз по обрывистому склону. Джиллиан хотела помочь ей с частью поклажи, но сестры не позволили ей, сказав, что Кэлен — всего-навсего раб и предназначена для рабского труда. Они велели Джиллиан лучше позаботиться о том, как проводить их к Тови. Кэлен сделала Джиллиан знак глазами поступать так, как хотят сестры, и тронулась в путь. Она молча напомнила самой себе, что эти нагрузки сделают ее сильнее, тогда как сестры, избавляясь от любого багажа, будут только слабеть.

Кэлен хотела оставаться сильной. Чтобы в один прекрасный день этим воспользоваться. Но этот день был все еще далеко, а силы подходили к концу.

Тем не менее их стремительное путешествие завершалось. Теперь уже все четыре сестры скоро воссоединятся, а затем, быть может, останутся здесь на некоторое время и будут чуть менее напряженными, чуть меньше склонными к беспричинной ярости и гневу. И хотя Кэлен, заглядывая вперед, надеялась на одно- или двухдневную передышку, ее пугало, что именно все это может означать.

Поведение сестер производило устойчивое впечатление, что это должен был быть конец путешествия и начало новой эры. Кэлен была не в силах представить, что следует под этим понимать, но все равно это очень беспокоило ее. Сестры часто говорили между собой о награде, которая ожидала их и была у них почти в руках. Сестра Улисия не раз замечала, отвечая на нетерпеливые понукания других: «Теперь уже недолго».

Кэлен не имела ни малейшего представления об их плане и что за великое событие намечается, но была уверена, что для

этого необходимы те шкатулки, которые она сейчас несла за спиной, — шкатулки Лорда Рала. И две сестры, следовавшие за ней, не спускали с них глаз. Прошлой ночью Кэлен подслушала, как сестры говорили, что когда они доберутся до Тови и до третьей шкатулки, то сразу займутся приготовлениями.

Кэлен с облегчением вздохнула, когда они наконец достигли вершины склона, оказавшись у основания развалившейся стены. Местами части стены были изъязвлены и проедены глубокими оврагами. Кэлен обернулась последний раз, бросая взгляд на лежавшую далеко внизу и освещенную лунным светом долину, прежде чем отправиться вслед за Джиллиан в темнеющий пролом в стене. Оказавшись под самой стеной, нависавшей как потолок, Кэлен обнаружила, что толщина стены сопоставима с размерами небольшого дома. Кто бы ни построил эту стену, его, несомненно, беспокоила возможность нападения.

По другую сторону вниз вела крутая тропинка между теснящимися к стене строениями. Многие из них были разрушены или покосились, готовые упасть. Массивная стена служила опорой рассыпающимся конструкциям, но некоторые постройки превратились уже просто в кучи кирпичей. С течением времени разбитые камни, блоки и известковый раствор вымывались дождями все через те же канавы и овраги.

Вскоре они оказались на узкой улице, среди домов, которые явно были в лучшем состоянии. Похоже, на здания у края приходились основные удары непогоды, и потому они ветшали сильнее. Через скопление строений путешественники добрались до кладбища. При свете луны оно имело впечатляющий вид. Стоявшие то тут, то там статуи казались призраками мертвецов.

Проходя между могилами, Кэлен заметила, что торчащие верхушки зданий создают впечатление бесконечного ковра, раскинутого поверх неровного ландшафта. В чистом небе она приметила и ворона Локки, приятеля Джиллиан. Девушка никогда специально не указывала на него, вероятно в надежде, что сестры посчитают его просто дикой птицей, но когда Кэлен смотрела в ее сторону, Джиллиан изредка делала ей знак глазами, показывая на него. Локки выделывал самые разные воздушные трюки, которые вызывали у Джиллиан улыбку,

когда сестры смотрели в другую сторону. Она казалась девочкой, находящей любые, даже самые маленькие поводы для радости среди того горя, что случилось с ней и с ее дедушкой из-за этих сестер. Когда сестра Эрминия заметила этого ворона, то решила, что это стервятник, преследовавший их через весь этот опустошенный безлюдный пейзаж. Кэлен не стала ей возражать.

— Далеко еще? — спросила сестра Улисия, делая остановку среди надгробий. Кэлен показалось, что в ее голосе сквозит недоверие к Джиллиан.

Джиллиан показала рукой.

— Недалеко. Вон через то строение. Это проход к мертвым.

Сестра Цецилия фыркнула.

— Проход к мертвым. Тови всегда была склонна к драматическим эффектам.

Сестра Эрминия пожала плечами.

— Не вижу в этом ничего особенного.

— Тогда продолжим, — сказала сестра Улисия, жестом показывая девушке, чтобы та снова шла вперед.

Джиллиан тут же двинулась с места, ведя их далее через лабиринт кладбища, а затем вверх, к давно опустевшему городу. Кэлен не могла с уверенностью определить при слабом лунном свете, но казалось, что все окружающее — каждая стена, крыша, улица, любая часть всего — было одного и того же цвета, цвета пыли и смерти. Призрачная тишина среди домов окутывала ночь ощущением жуткого покоя. Кэлен казалось, будто она идет через бескрайний скелет города, с которого плоть уже сорвана до последнего кусочка, а остались лишь рассыпающиеся кости.

Следуя по одному из главных проходов, если судить по украшенным каменными барельефами стенам с обеих сторон, должно быть, когда-то выглядевшим очень красивыми, Джиллиан скользнула, словно тень, в ряд арок, украшающих вход в крупную постройку. Разобрать что-либо внутри было довольно трудно. Кэлен слышала только хруст осыпавшейся известки под ногами девушки. Сестры, казалось, даже не замечали мозаику под ногами. Там, где лунный свет попадал на пол, Кэлен могла различать небольшие поблекшие плитки, состав-

лявшие в целом картину с изображением деревьев, тропинок и стены, окружавшей кладбище. Там были даже выложенные мозаикой люди.

Засмотревшись на картину, сохранившуюся на плитках, и продолжая тащить тяжелую ношу, Кэлен споткнулась о выбитый кусок этого украшения и упала на колени. Сестра Улисия тут же ударила ее ладонью по затылку, заставляя свалиться на пол лицом вниз.

— Поднимайся же, неповоротливая корова! — закричала сестра Улисия, пиная Кэлен под ребра.

Кэлен пыталась встать, но с тяжелой ношей за спиной — это легче сказать, чем сделать.

— Да, сестра, — сказала она, тяжело дыша между ударами и стараясь выбрать момент, чтобы подняться.

Между ними встала Джиллиан.

— Не трогайте ее!

Сестра Улисия выпрямилась, не спуская с Кэлен сердитого взгляда.

— Как ты смеешь вмешиваться? Я сверну твою тощую шею.

— Думаю, давно пора заживо содрать с нее шкуру, — сказала сестра Эрминия, — и бросить стервятникам ее окровавленный труп.

Сестра Улисия ухватила Джиллиан за воротник.

— Прочь с дороги, чтобы я могла преподать урок этой ленивой корове.

— Не трогайте ее, — повторила Джиллиан, отказываясь отступать.

— Лучше просто перерезать этому гаденышу горло, — выразила недовольство сестра Цецилия. — У нас нет времени на споры. Теперь мы и сами можем найти Тови.

Понимая, что ей следует как-то умиротворить сестер, прежде чем они выполнят свои угрозы относительно девушки, Кэлен наконец сумела снова подняться на ноги. Она тут же схватила Джиллиан за руку и отвела ее чуть в сторону — от немедленной расправы.

— Очень сожалею... Это моя вина, — сказала Кэлен сестрам. — Теперь мы можем идти.

Кэлен сделала пол-оборота, готовая продолжать идти дальше, но не сдвинулась с места. Она отлично знала, что зна-

чит делать что-то без разрешения. Сестра Улисия осталась на месте. В ее глазах была жажда убийства.

— Мы никуда не пойдем, пока она не увидит тот урок, который мы уже изрядно тебе задолжали, — сказала она. — Ты получала слишком легкие наказания за свои проступки.

— Оставьте Кэлен в покое, — сказала Джиллиан, высовываясь из-за Кэлен, но оставаясь все же за ее спиной.

— Или что? — спросила сестра Улисия, уперев кулаки в бедра.

— Или я не покажу вам, где находится Тови.

— Глупый ребенок, — прорычала сестра Улисия. — Мы уже и так знаем, где Тови. Она здесь. Ты уже привела нас к ней.

Джиллиан медленно покачала головой.

— Здесь вокруг целые мили всяких проходов. Вы заблудитесь посреди этих костей. Либо вы оставляете Кэлен в покое, либо я не покажу вам дорогу.

— Я уже могу ощущать присутствие Тови, — сказала сестра Цецилия, расслабленно вздохнув. — Перережь горло девчонке. Теперь мы уже достаточно близко, чтобы я могла найти Тови с помощью своего дара.

— Я тоже могу чувствовать ее, — заметила сестра Эрминия.

— Ощущать ее близость, — сказала Джиллиан, — еще не значит, что вы в состоянии найти правильный поворот, чтобы добраться до нее. Вы можете находиться от нее на небольшом расстоянии, но если хотя бы один раз свернете неправильно в этом лабиринте, что вам предстоит одолеть, то удалитесь на целые мили и никогда не доберетесь до нее. Люди, забредающие сюда, умирают, потому что не могут найти путь назад.

Сестра Улисия сцепила руки, раздумывая, наставив на девушку свой нос.

— Сейчас у нас нет времени на все это, — наконец заявила она. — Двигай вперед, — скомандовала она Джиллиан. Затем повернулась и многозначительно взглянула на двух других сестер. — Достаточно скоро мы вернем себе и этот долг... вместе с остальными.

Она повернулась обратно с грозным выражением лица, отчего глаза Джиллиан округлились.

— Ты ведешь нас к Тови, или она может стать нетерпеливой и начнет ломать твоему деду кости... по одной.

На лице Джиллиан отразилась неожиданная тревога. Она немедленно повела их через лабиринт коридоров и комнат этого здания. Здесь попадались места, где коридоры были открыты лунному свету. В других местах было темно как в могиле, и сестры зажигали крошечные лепестки пламени, парившие над их ладонями — чтобы хоть что-то видеть. Джиллиан, похоже, испугало, что эти женщины способны делать такое.

Они выбрались из этого здания и двинулись по другому кладбищу. Джиллиан уверенно провела их через царство мертвых, среди холмиков, поросших искривленными оливковыми деревьями, и рядов могил, усеянных дикими цветами. Наконец она привела их к конечному пункту — к лежавшему на боку могильному камню, рядом с черным отверстием, проделанным прямо в земле.

— Спускаться в эту крысиную нору? — спросила сестра Эрминия.

— Если хотите добраться до Тови. — Джиллиан подхватила с соседнего оградительного камня лампу и, когда сестра зажгла ее, начала спускаться вниз.

Они все спускались по узкой лестнице, следуя вниз за Джиллиан. Древние каменные ступени были неровными, гладко протертыми, с округлыми передними краями. Для Кэлен, с той тяжестью, что она несла на спине, этот спуск был опасным. У сестер на вытянутых руках колебались слабые язычки пламени, помогавшие им видеть. Спустившись по этой лестнице, они свернули на следующую и продолжили углубляться в могильное царство.

Вскоре они оказались у прохода в широкий коридор, прорезанный в сплошном, но довольно мягком камне, составлявшем местный грунт. В стенах были устроены ниши, и Кэлен заметила, что во всех них лежат кости.

— Берегите головы, — бросила Джиллиан через плечо, ведя их в один из боковых проходов.

Им всем пришлось нагнуться, проходя следом за ней в комнату, где потолок был таким же низким, как и дверной проем. На пересечениях коридоров Джиллиан делала поворо-

ты без малейших колебании, будто следовала по пути, нарисованному на полу. Кэлен обратила внимание, что на этом пыльном полу были и другие отпечатки ног, ведущие в самые разные коридоры. И эти отпечатки были гораздо крупнее тех, что могли быть оставлены маленькими ногами девушки.

Тесный коридор сменился просторными помещениями. Они прошли через казавшуюся бесконечной вереницу комнат, содержащих упорядоченно расположенные кучки костей. Более узкие комнаты имели в стенах ряды ниш, заваленные костями, будто их собрали сюда из разных мест.

Еще была группа комнат, заполненных одними лишь черепами. Кэлен оценила их количество во многие тысячи. Они были уложены аккуратными рядами в больших нишах, каждый череп затылком к стене. Все ниши были заполнены ими до самого верха. Кэлен вглядывалась в их пустые глаза, которые будто отвечали взглядами в ответ и наблюдали за ее продвижением. Она напомнила себе, что когда-то они были людьми. Все когда-то были живы. Каждый был когда-то дышащим, думающим существом. Все они когда-то прожили жизнь, полную страхов и страстей. Это же напомнило ей о том, как драгоценна и как коротка жизнь человека. Напомнило, как важна эта жизнь, потому что когда она заканчивается, то для любого существа она заканчивается навсегда. И напомнило ей, кроме того, о том, почему она так хотела вернуть свою жизнь.

Когда рядом была Джиллиан, Кэлен ощущала, что у нее словно появилась связь с прежним миром, с тем, кем она была раньше. Когда Джиллиан увидела ее и не забыла тут же, Кэлен почувствовала себя чуточку живой, словно она действительно *кто-то* и ее жизнь имеет смысл.

Они прошли через комнаты, где были собраны кости ног, сложенные в отдельные ниши, и в отдельные же ниши собраны и кости рук. В некоторых комнатах в основании стен были устроены длинные каменные лари. В них были аккуратно сложены мелкие кости.

Такое вот отделение костей от скелетов показалось Кэлен очень странным. Она подумала, что наверняка более почтительно по отношению к мертвым оставлять кости умерших вместе. Возможно, у них не было такой роскоши, как место

для каждого, поэтому и складывали их вот таким образом, изрядно экономя пространство. А может, просто слишком большой и тяжелой была работа по вырезанию ниши только для одного тела или одной семьи, когда потребовалось хоронить сразу много мертвых. Может быть, произошла большая эпидемия, унесшая значительную часть населения, и они не могли обременять себя подобной щепетильностью.

Сам город, замкнутый внутри массивных стен, выглядел довольно тесным. Должно быть, место здесь ценилось очень высоко. И если люди и их умершие собратья должны оставаться в пределах стен, то живым приходится идти на уступки.

С другой стороны, недостаток места казался несколько странным, потому что вокруг города земля тянулась от горизонта до горизонта. Она подумала, что, возможно, это происходило во время войны, когда сентиментальные соображения по поводу мертвых отбрасывались в пользу насущных потребностей живых. Возвышенность, на которой стоял город, казалась наиболее удобным для обороны местом. Несмотря на то, что часть городской стены проходила по краю отвесных обрывов, все равно можно было расширить город в глубь этой возвышенности, где оставалось свободное пространство. Но затем она подумала, что переделывать столь массивные городские стены могли счесть слишком сложной задачей.

А еще она подумала, что, возможно, у живших здесь когда-то людей просто не было того отношения к своим мертвым, какое принято у других народов. В конце концов, какой глубокий смысл в этих костях? Ведь жизнь давно покинула их. И нет тех существ, которым они когда-то принадлежали. Только жизнь имеет реальный смысл. А их мир закончился вместе с их смертью.

Но принимая во внимание, как трудно выстроить такой подземный город для мертвых, жившие здесь, должно быть, проявляли заботу к этим костям, точнее к людям, которыми те когда-то были. И еще Кэлен заметила, что вокруг ниш сделаны, теперь уже выцветшие, рисованные или вырезанные украшающие орнаменты. Нет, конечно, эти украшения сделаны живыми. Тем самым они проявляли скорбь по умершим.

«Интересно, — подумалось ей, — когда я умру, вспомнит кто-нибудь, кем я была, и даже будет ли вообще знать, что вот когда-то жила на свете такая женщина, как Кэлен, очень любившая жизнь?» И она ощутила некоторую зависть ко всем этим костям. Друзья и члены семьи каждого умершего, чьи кости находятся здесь, в этом месте, хорошо знали того, кем те раньше были, оплакивали их и оставили останки этих высокочтимых людей покоиться здесь вот таким образом, чтобы живые помнили тех, кто уже ушел.

А еще Кэлен хотелось бы знать, что стало со всеми теми людьми, кто жил в этом месте, с теми самыми людьми, что захоронили эти кости? Ей было интересно, кто же захоронил их самих? Ведь, в конце концов, опустевшие строения молчаливо свидетельствуют, что никого из этих людей не осталось. Кроме Джиллиан. Из чего Кэлен сделала вывод, что Джиллиан относится к небольшой группе кочевников, забредающих время от времени в это место.

Внезапно они вступили в область, выглядевшую частично осыпавшейся, пол был покрыт каменной крошкой. Сестра Эрминия схватила девушку за руку.

— Это путешествие по катакомбам становится все более нелепым и глупым. Тебе не стоило бы водить нас здесь шутки ради.

Джиллиан подняла руку, указывая дальше.

— Но мы уже почти дошли. Идемте, идемте, и вы увидите.

— Хорошо, — сказала Улисия, — тогда продолжим путь.

Джиллиан обошла огромную каменную плиту, выглядевшую так, будто когда-то целиком перекрывала проход. На полу, там, где она была сдвинута в сторону, чтобы освободить проход и открыть доступ к тому, что скрывалось за ней, остались выщерблины. Когда Джиллиан прошла дальше, Кэлен разглядела, что ее лампа осветила комнату с полками, вырезанными в твердом камне. Все эти полки были уставлены книгами. Цвет кожаных корешков потускнел, но было ясно, что когда-то большинство переплетов были в ярко-красных или глубоких синих тонов, а остальные — самых разных цветов, от бледно-зеленого до золотого.

Сестры с удивлением и явным восхищением уставились на эти книги. Их настроение внезапно улучшилось. Сестра

Эрминия слегка присвистнула, замедлив ход и разглядывая полки вокруг себя. Сестра Цецилия громко рассмеялась. И даже сестра Улисия улыбнулась, пробежав пальцами по пыльным корешкам.

— Сюда, — сказала Джиллиан, предлагая им продолжить путь.

Они почти с восторгом последовали за девушкой, и та провела их еще через несколько комнат, в основном небольших и очень тесных, с полками, набитыми книгами. Джиллиан вела их извилистым маршрутом через лабиринт коридоров, прорезанных в камне, уводя все дальше в глубины подземной библиотеки. Головы сестер крутились во все стороны, по-видимому, торопясь прочитывать названия на корешках, которые они успевали увидеть, пока плелись позади Джиллиан и Кэлен. А свет лампы тем временем продолжал прорезать тьму подземелья, являя перед ними все новые и новые книги.

— Чертов Свет! — прошептала сестра Улисия себе под нос в полном восторге. — Мы нашли центральный узел, самое главное место в Касске. То самое место, где должна быть эта книга. Могу спорить, Тови потратила свое время как раз на ее поиски.

— Могу спорить, она уже нашла ее, — сказала сестра Цецилия оживившимся от восторга голосом.

Сестра Улисия усмехнулась.

— У меня такое чувство, что ты права.

Пройдя по широкому и тщательно обустроенному коридору, с округлым потолком и со стенной росписью, уже давным-давно выцветшей до призрака того, чем она когда-то была, они повернули и оказались перед двойной дверью. Эта дверь, украшенная простой резьбой в виде виноградной лозы, была вовсе не широкой — путешественники вряд ли могли пройти только через одну ее половину. Кэлен предположила, что двойной она устроена потому, что вход из двух половинок выглядит более величественным.

— Я чувствую за этой дверью присутствие Тови... Наконец-то... — сказала сестра Цецилия со вздохом облегчения.

— Думаю, сегодня ночью мы сможем приступить к церемонии, — бодрым голосом сказала сестра Эрминия.

Сестра Улисия кивнула и положила руку на бронзовую ручку.

— Если Тови справилась с поисками книги — а я готова спорить, к этому времени она уже справилась, — то, при наличии всех трех шкатулок, я не вижу причин, почему бы не начать это сразу. — Она сдержанно улыбнулась. — Чем скорее Владетель освободится из заточения, тем скорее мы обретем заслуженное.

Кэлен снова задумалась, есть ли хоть какой-то способ для нее разрушить их планы? Она не сомневалась, что как только они реализуют свои намерения, пути назад не будет — ни для кого. Она думала о тех шкатулках, которые несла, и гадала, что случится, если, когда сестры отвлекутся при встрече с Тови, она разобьет хотя бы одну? Может быть, ей даже хватит времени, чтобы разбить обе.

Кэлен понимала, что такой поступок навлечет не просто ярость сестер; за такое они, скорее всего, убьют ее. Но Кэлен уже пришла к убеждению, что когда сестры добьются успеха, ей самой в любом случае грозит смерть.

Сестра Эрминия наклонилась вперед.

— И, в качестве нашего первого акта, надо будет разобраться со старыми долгами. — Выражение ее лица стало злобно-ядовитым. — Я слишком хорошо помню, как это наглое животное отправило меня в палатки. Никогда не забуду, что было позволено его солдатам делать с нами.

Лицо сестры Улисии помрачнело, взгляд смертоносно сверкал.

— О, думаю, это один их тех долгов, которые мы уладим с удовольствием. — Злобная улыбка проглядывала сквозь этот взгляд. Она повернула бронзовую ручку. — Итак, приблизимся к успеху.

Глава 37

Сестра Улисия распахнула двери и уверенным шагом вошла в укрытую кромешной тьмой заднюю комнату.

— Тови? Что ты делаешь здесь в темноте?.. Спишь? — Раздражение и досада звучали в ее голосе. — Так просыпайся. Мы пришли. Наконец-то мы здесь.

Двигаясь теперь впереди процессии, сестры несли над повернутыми вверх ладонями крошечные огоньки пламени, света которых как раз хватило, чтобы разглядеть торчавшие на ближайших стенах, с каждой стороны, вставленные в кронштейны незажженные факелы. Сестры отправили крошечные лепестки пламени к факелам, зажигая их. И как только те потихоньку с шипением разгорелись, их свет наполнил комнату, почти просторную, с книжными полками, врезанными в желтоватый, цвета соломы, камень стен.

У дальней стены этой комнаты стоял массивный стол из железа и дерева. За этим столом, в высоком, с художественной резьбой, кресле, подпирая подбородок большим пальцем и наблюдая за ними, сидел крупный и плотный мужчина.

Он казался самым свирепым из всех людей, которых когда-либо доводилось видеть Кэлен.

Три сестры замерли на полушаге, их глаза округлились, отражая шок смущения и неверия в то, что они видят.

Мужчина мощного телосложения спокойно сидел за столом и продолжал наблюдать за тремя сестрами. И то, что он не говорил, не двигался и, по-видимому, не проявлял ни малейшего нетерпения, только усиливало вполне осязаемое ощущение опасности, повисшее в комнате. Было слышно лишь шипение и потрескивание факелов.

Этот человек, с мощными мускулами и бычьей шеей, был воплощением явной угрозы. Рубашки на нем не было, мускулистые плечи выпячивались из-под расстегнутого посредине овчинного жилета, оставлявшего открытым мощную грудь. Серебряные ленты охватывали его руки в области массивных бицепсов. Каждый из толстых пальцев украшало золотое или серебряное кольцо, как бы нагло объявляя, что это скорее трофеи, нежели украшение. В бритой голове отражалось мерцание дрожащего света факелов. Кэлен не могла представить его с волосами; это умаляло бы производимое им устрашающее впечатление. Золотое кольцо в левой ноздре тонкой золотой цепочкой соединялось с другим кольцом, продетым через середину его левого уха. Он был чисто выбрит, за исключением двухдюймовых узких усов, огибающих уголки рта, и такой же узкой бородки, спускающейся от середины нижней губы.

Но каким бы пугающим, грозным и безжалостным он ни выглядел, истинным кошмаром казались его глаза. В них вообще не было белков. Вместо этого в них туманились зловещие очертания на фоне чернильного мрака. Эти глаза, казалось, с легкостью читают все мысли, и когда его взгляд замер на ней, она почувствовала себя обнаженной. Ей показалось, что колени подгибаются под тяжестью обрушившейся на нее паники.

Когда же его зловещий и мрачный взгляд переместился к сестрам, Кэлен вслепую нащупала Джиллиан и, в попытке защитить ее, притянула ближе к себе, прикрывая рукой. Она могла чувствовать, как дрожит девушка, хотя и обратила внимание, что та, казалось, вовсе не удивлена, обнаружив в комнате этого человека.

Кэлен никак не могла понять, почему сестры молчат и почему бездействуют. Она ожидала, что, увидев открытую угрозу от присутствия этого человека, они испепелят его, для того чтобы оказаться в безопасности. Прежде сестры без колебаний уничтожали любого, едва лишь могли заподозрить угрозу. Этот же человек явно представлял угрозу. Весь его облик свидетельствовал, что он готов размозжить им головы ударом кулака. А выражение глаз говорило о том, что подобные поступки ему привычны.

Позади Кэлен из темных углов вышли двое плотных мужчин и закрыли двойные двери. Они тоже имели устрашающий вид, их тела покрывали ужасные татуировки. Крепкие мускулы лоснились от пота с примесью копоти, и они были так смуглы, будто никогда не смывали с себя дым от масляных факелов. Когда оба встали у закрытых дверей, Кэлен смогла ощутить запах кислого пота, прорывающийся сквозь смрад горящей смолы.

Эти двое выглядели абсолютно готовыми к любым неожиданностям. Тяжелые, усеянные заклепками кожаные ремни, удерживающие множество ножей, пересекали крест-накрест их грудь. Топоры и боевые дубины свисали с боевых поясов, поблескивая в свете шипящих факелов. Лица усеяны металлическими шипами — в ушах, над бровями и в переносице. Это выглядело так, будто лица утыканы вбитыми изнутри гвоздями. Оба тоже были бриты наголо. Эти двое совершенно не производили впечатление людей. Еще меньше — цивилизованных. А скорее напоминали намеренное искаженное представление о человеческом существе, где суть составляли только сталь, сажа и звериная натура.

Хотя у них были короткие мечи, они даже не пытались извлечь их. Казалось, они ни в малейшей степени не боятся сестер Тьмы.

— Император Джегань... — в подобострастном ужасе с замиранием произнес бесцветный, слабый голос сестры Улисии.

Император Джегань!

Шок от двух этих слов потряс Кэлен до глубины души.

В ее представлении об этом человеке, составленном исходя из наблюдения издалека за его армией и посещения нескольких мест, подвергшихся нападению, было что-то такое, что заставляло Кэлен бояться его даже больше, чем сестер. А то, что он был, в отличие от них, мужчина, придавало чужеродность той угрозе, которую он представлял.

Сестры, насколько она помнила, делали все возможное, чтобы оставаться как можно дальше от Джеганя, — и вот теперь он сидит здесь, прямо перед ними. Он выглядел спокойным и непринужденным, как человек, который все держит под

контролем. В нем не было ни тени беспокойства. Казалось, что даже сестры Тьмы нисколько его не тревожили.

Кэлен поняла, что это не случайная встреча. Она была специально подстроена.

Но куда сильнее, чем страх, порожденный невольно подслушанными разговорами сестер и их упорным стремлением избегать этого человека, Кэлен поразило что-то еще, более глубокое, какой-то непонятный темный ужас, уходивший корнями в саму ее душу, почти как недоступное ей воспоминание, выдававшее себя смутной, но зловещей тенью.

Украдкой взглянув в сторону, Кэлен увидела, что сестры будто застыли на месте и, казалось, обратились в камень. И к тому же стали мертвенно бледные.

На сестре Улисии было синее платье, выбранное специально по случаю воссоединения с Тови. Теперь оно оказалось покрыто пылью — не только от долгого подъема по склону, но и от спуска в это хранилище. На сестре Эрминии платье с белыми оборками на груди и по краю глубокого выреза. В подобных обстоятельствах, в этом пыльном склепе и стоя перед этими злобными тварями, ее оборки выглядели до наивного смехотворными. Сестра Цецилия, старшая из них, наиболее контролирующая себя и по обыкновению аккуратно одетая, с вьющимися седыми волосами, сейчас выглядела так, будто застыла перед прыжком в спасительное безумие.

Мрачные глаза Джеганя продолжали следить за тремя сестрами. Кэлен понимала, что он наслаждается этим моментом, наслаждается охватившим их ошеломляющим ужасом. Она не сомневалась, что будь сестры в состоянии совершить какие-то действия, способные исправить положение, они давно бы предприняли их.

Сестра Эрминия облизнула губы.

— Ваше превосходительство, — сказала она тихим напряженным голосом. Кэлен решила, что эта жалкая попытка почтительного обращения явно порождена охватившей ее паникой, а уж никак не уважением.

— Ваше превосходительство, — повторила сестра Цецилия, но более уверенным тоном.

Кэлен редко доводилось видеть сестер столь осторожными и осмотрительными, но никогда раньше она не видела

их испуганными. Она не могла даже вообразить, что они способны чего-то бояться. Сестры всегда казались ей в высшей степени и полностью контролирующими себя и окружающее. Теперь же их привычный надменный нрав вдруг исчез.

Все три сестры кланялись резкими неуклюжими движениями, как куклы, которых дергают за веревочки. Сестра Улисия, выпрямившись, старалась подавить дрожь, бьющую ее от страха. Но испуг не пересилил ее любопытство, и нестерпимая тишина также подвигла ее на разговор.

— Ваше превосходительство, что вы делаете здесь?

Свирепый взгляд Джеганя вновь растворился в самодовольной ухмылке при столь непосредственном, невинном, чисто женском характере ее вопроса.

— Улисия, Улисия, Улисия... — Он тяжело вздохнул. — Ты действительно непроходимо глупая сука.

Все три женщины упали на колени, будто свалились от удара невидимого кулака. Тихий заунывный вой полился из их глоток:

— Помилуйте, ваше превосходительство, мы не собирались...

— Я точно знаю, что вы собирались. Знаю до самой последней грязной детали все, что делается в вашем мозгу.

Кэлен никогда не видела сестру Улисию такой запуганной и одновременно потрясенной.

— Ваше превосходительство... я не понимаю...

— Разумеется, не понимаешь, — с усмешкой произнес он после короткой паузы, когда ее слова растворились в тишине. — Именно поэтому вы стоите на коленях передо мной, а не наоборот, о чем вы так долго мечтали. Не так ли, Эрминия?

Его взгляд скользнул в сторону сестры Эрминии, и она издала короткий испуганный крик. Кровь сочилась из ее ушей, стекая тонким красным ручейком по белоснежной шее. И, не считая слабой дрожи, она не совершала никаких движений.

Руки Джиллиан вцепились в Кэлен. Кэлен же покровительственно закрыла рукой лицо девушки, прижимая ее к себе и стараясь поддержать и утешить, хотя не могло быть и

речи ни о каком реальном утешении в присутствии такого человека.

— Значит, и Тови у тебя в плену? — спросила сестра Улисия, все еще настолько удивленная поворотом событий, что так и не смогла ухватить суть его.

— Тови! — Джегань разразился приступом грубого смеха. — Тови! Да Тови давным-давно мертва.

Сестра Улисия в ужасе уставилась на него.

— Она... мертва?

Он сделал рукой жест освобождения.

— Наконец-то отправилась в потусторонний мир с помощью нашего общего друга, надо сказать, весьма вероломного и бесчестного друга. Я представляю, как Владетель совершенно взбешен неудачей Тови на службе у него. У вас будет целая вечность, чтобы убедиться, насколько он зол. — Его усмешка вновь вернулась, едва лишь он со злобой взглянул на женщину. — Но только после того, как я закончу разбираться с вами в этой жизни.

Сестра Улисия склонила голову.

— Разумеется, ваше превосходительство.

Кэлен заметила, что сестра Эрминия обмочилась, а сестра Цецилия выглядит так, будто готова вот-вот разразиться слезами или рыданиями.

— Ваше превосходительство, — рискнула продолжить сестра Улисия, — как вам удалось... я имею в виду, несмотря на наше соглашение...

— Ваше соглашение! — проревел Джегань, вновь со смехом, хлопнув рукой по столу. — А, да, ваше соглашение с Лордом Ралом. С этой вашей трогательной преданностью Лорду Ралу, которая «защищает» вас от моих способностей сноходца.

Сердце Кэлен упало, когда она услышала, что сестры были в какой-то мере союзниками Лорда Рала. Она почему-то лучше думала об этом человеке. Обидно, если она ошиблась.

— «Мы не охотимся за Ричардом Ралом», — произнес он фальцетом, пародийно жестикулируя, видимо, цитируя какое-то заявление, в прошлом принадлежавшее сестре Улисии. — «Джегань охотится за ним и ищет возможности уничтожить

его, а не нас. Мы же те, кто получит в свое распоряжение все могущество Одена, а затем мы даруем Ричарду Ралу то, что, получив надлежащую силу, сможем даровать только мы. Этого будет вполне достаточно, чтобы выполнить наше обязательство и защитить нас от сноходца».

Затем он отбросил это женоподобное притворство.

— Ваша преданность и привязанность к Лорду Ралу просто трогательна. — Его кулак с силой грохнул по столу. Лицо налилось кровью от ярости. — Вы, глупые суки, действительно верите, что такое соглашение с Лордом Ралом, какое вы придумали, убережет вас от бед?

Кэлен припомнила, что сестры действительно говорили эти слова, и тогда, как и сейчас, она тоже не могла понять этого. Какие дела могли быть у Ричарда Рала со столь зловредными женщинами, а тем более — соглашение? Может, на самом деле он ничем не лучше их?

Хотя кое-что в этом казалось бессмысленным. Если они присягали ему и клялись в верности, то зачем тогда украли из его дворца эти шкатулки?

— Но магия соглашения... — Голос сестры Улисии умолк, растворившись в окружающей тишине.

Джегань встал. От этого движения у всей троицы сперло дыхание, и их страх усилился. Кэлен не сомневалась, что, будь они способны лучше контролировать себя, то отступили бы на шаг, а скорее всего, даже и больше.

Он покачал головой, будто не мог поверить, что они могли оказаться столь невежественными и глупыми.

— Улисия, я был в твоем мозгу и наблюдал все эти прискорбные события. Я был там вчера, я был там годы назад, когда вы предлагали этот план Ричарду Ралу. И должен сказать, что на самом деле не верил, что вы были тогда действительно серьезны. Мне было трудно поверить, что вы могли оказаться настолько глупы, чтобы полагать, будто, заключая подобную сделку, способны освободиться от меня.

— Но это должно было получиться.

— Нет, потому что не было никакой возможности, чтобы так могло получиться. Это была не более чем неразумная идея. Вам хотелось верить, что это получится, потому вы так и поступали.

— Вы присутствовали в нашем разуме в тот день? — спросила сестра Цецилия. — Тогда почему же позволили нам поверить в собственный успех?

Взгляд его чернильных глаз остановился на ней.

— Ты разве не помнишь, что я говорил вам в самом начале, в тот первый день, когда вы предстали передо мной? Контролировать, сказал я, важнее, чем убивать. Я могу убить вас всех шестерых, но что мне это даст? Пока вы под моей властью, вы не представляете угрозы для меня и будете полезными во многих отношениях.

Нет, разумеется, вы этого не помните, потому что вместо этого предпочли верить, что оказались достаточно хитры, чтобы провести меня своим путанным, нелогичным заблуждением относительно этого обязательства. Вы считали себя слишком умными, чтобы просчитаться, и вот теперь снова стоите передо мной, так и не освободившись от моей власти.

— И, тем не менее, вы позволили нам заниматься... нашим делом? — спросила сестра Цецилия.

Джегань пожал плечами, обходя стол.

— Я мог остановить вас и подчинить в любую минуту, если бы захотел. Но вы и без того были у меня в руках. Что я тогда получил бы? Еще нескольких сестер Тьмы, а у меня их и так избыток... хотя недавно их число заметно поубавилось. — Он наклонился к ним и сказал тише, словно делая некоторое отступление от темы: — У вашего типа есть склонность приносить множество смертей в интересах Братства Ордена.

Но в случае с вами, — сказал Джегань, выпрямляясь, — я получил нечто в высшей степени интересное. В моем распоряжении оказались сестры Тьмы, которые в состоянии додуматься до чего-то. — Он постучал толстым пальцем по своему виску. — Которые имеют хитроумные планы — и знания, чтобы претворить их в жизнь.

У вас богатый жизненный багаж, обретенный в подземельях Народного Дворца — в подземельях, хранивших тысячи книг, ныне уже исчезнувших. Не имеет большого значения, насколько неразумными и нелогичными временами становились ваши планы — о чем свидетельствует ваше нынешнее положение, — это никак не умаляет объема ваших знаний,

полученных за десятилетия учебы, и не означает, что все ваши планы были неосуществимы.

— Итак, вы все время знали наши планы? Начиная с соглашения с Ричардом Ралом?

Джегань пристально посмотрел на сестру Улисию.

— Разумеется, знал. Я знал ваш план с того мгновения, как вы замыслили его. — Голос императора понизился, наполняясь угрозой. — Вы думали, что я «посещаю» людей только во сне? Так нет. Вы думали, что меня не было там, в вашем разуме, когда вы бодрствовали. Так я был. Раз я вошел в ваш разум, Улисия, я остаюсь там, в вашем разуме, постоянно.

О чем бы вы ни думали и когда бы вы ни думали, я остаюсь свидетелем этого. И вижу самую мелкую, самую грязную вашу мыслишку. Я узнаю обо всем, словно об этом произносится вслух, в то же самое мгновение, как только вы замыслили что-то. Хотя из-за того, что я не беспокою вас своим присутствием, вы, по недомыслию, уверены, что меня в вашем сознании не было. Но я был. — Он помахал толстым пальцем. — Ох, Улисия, ведь я был.

Когда ты изложила Ричарду Ралу свой план, что вы хотите поклясться ему в преданности в обмен на кого-то, кто ему глубоко не безразличен, ну, я едва ли мог поверить, что ты сама верила, что такое могло бы получиться.

Кэлен почувствовала болезненный приступ печали, услышав, что у Ричарда Рала был кто-то, о ком он проявлял большую заботу. С того самого дня, как она побывала в его чудесном саду, ее не оставляло ощущение какой-то связи с ним. Связи глубоко личной, даже если это всего лишь схожее восприятие красоты всего растущего там, сходство в понимании природы, а следовательно, и окружающего их мира, мира живого. Но сейчас она услышала, что у него были дела с сестрами Тьмы и что у него был кто-то, о ком он заботился. Это заставило ее еще более ощутить себя забытым всеми никем. И она была удивлена тем, какие, оказывается, иллюзии питала.

— Но... но... — Сестра Улисия начала запинаться. — Это же удалось...

Джегань покачал головой.

— Лояльность на ваших условиях, лояльность, при которой вы продолжаете работу по его уничтожению, и даже продолжаете работу в пользу всего того, чему он противостоит, особенно если вы продолжаете это, находясь под присягой у самого Владетеля преисподней, лояльность, допускающая к тому же ваши исключительно эгоистические желания, — это всего лишь ваша фантазия. Но фантазия не обращает ваши пожелания в реальность просто потому, что вы этого желаете.

Кэлен ощутила, по крайней мере, небольшое облегчение, услышав, что сестры прилагали усилия к уничтожению Лорда Рала. Это должно было означать, что на самом деле он им вовсе не союзник. Возможно, его каким-то образом, как и ее, использовали против его воли.

— Я с трудом верил этому, когда слушал, как ты излагала условия вашей преданности ему, — продолжал Джегань, сделав величественный жест, — заявляя, что такого рода преданность подчинена моральным критериям, применять которые будете вы, а не он. Я имею в виду, что если вы собирались выстраивать верование прямо среди пустого воздуха, Улисия, то зачем было выстраивать такую сложную последовательность, а не избавиться от неприятностей простым волевым решением, что ваш разум должен стать непроницаемым для сноходца? Это было бы столь же эффективно, как «соглашение».

Он покачал головой.

— Подумать только, Улисия. Как жестока природа бытия, делающая невозможными ваши неразумные желания.

Джегань взмахом выпрямил руку.

— И просто удивительно, что остальные ваши сестры тоже верят в это. Я знаю. Я был и там, у них в головах, наблюдая, как они опьянели от веселья по поводу того, что избавились от меня, — всего лишь потому, что ты заявила, что смогла заключить соглашение с Ричардом Ралом, основанное на твоем собственном представлении о преданности.

— Но ведь ты позволил нам сделать это, — сказала сестра Улисия, все еще ошеломленная от удивления. — Почему не помешал нам тогда?

Джегань лишь пожал плечами.

— Мне было доступно множество сестер. А это была очень привлекательная возможность. И я добывал массу полезного из тех знаний, которыми обладали другие. Обретение разнообразных знаний дает силу, которую нельзя получить иначе.

Я решил просто посмотреть, что у вас получится, если предоставить вам действовать самостоятельно, посмотреть, может, найдется, чему у вас поучиться. В конце концов, я мог в любой момент покончить с любой из вас, если бы решил, что мне этот небольшой эксперимент надоел. Бывали моменты, когда я действительно был готов поступить так, например, когда Эрминия недавно сказала: «Хотелось бы подвесить Джеганя и разобраться с ним по-своему».

Он выгнул бровь.

— Помнишь это, Эрминия? Не беда, если это уже выскочило из твоей головы. Я время от времени буду напоминать тебе об этом.

Сестра Эрминия, будто в мольбе, воздела руку.

— Я... я только...

Он свирепо уставился на нее, и она затихла, не способная сказать ничего в оправдание. Джегань продолжил:

— Да, я был с вами все время. Да, я все знал. Да, я способен в любой момент покончить с вами. Но у меня есть кое-что, чего нет у вас, Улисия. У меня есть терпение. Имея терпение, можно свернуть горы... или обойти их, или через них перебраться.

— Но вы могли захватить Ричарда Рала прямо там, когда мы предлагали ему наши условия. Или могли захватить его прямо у него в лагере.

— Вы тоже могли захватить его в лагере. Зачаровать его и обездвижить. Вы могли с ним покончить. Но почему вы тогда не сделали этого? Потому что у вас был более грандиозный план, так что вы оставили его в живых, полагая, что ваш договор с ним — ваша защита, пока вы будете продолжать гнаться за чем-то куда более ценным.

— Значит, он и вам не был нужен, — продолжала настаивать она. — Вы вполне могли покончить с ним.

— О, в назидание убивать, конечно, полезно, но это не идет ни в какое сравнение с тем, что можно сделать с людь-

ми, пока они живы. Возьмем, к примеру, вас троих. Смерть не послужит суровым наказанием, а даст лишь награду в загробной жизни, если вы хорошо послужили Создателю в этой. Однако вам троим будет отказано в Свете Творца. И какая польза от этого мне? Но если человек остается жив, я могу заставить его страдать. — Он наклонился ближе. — Разве вы не согласны?

— Да, ваше превосходительство, — сумела произнести сестра Улисия сдавленным голосом, в то время как из ее уха начала сочиться кровь.

— Мне понравились отдельные части вашего плана, — сказал он, выпрямляясь. — Я счел их вполне полезными для моих целей... например, такие вещи, как эти шкатулки Одена. Зачем мне убивать Ричарда? У меня есть возможность сделать гораздо больше, чем просто убить его. Я смогу сделать так, чтобы он оставался в живых и переносил неимоверные страдания.

В тот день, в том лагере, когда вы позволили ему выжить, и еще потом, когда запалили вашу магию Огненной Цепи, я понял, что вполне смогу использовать эту новую возможность, чтобы отнять у него все. А поскольку я в тот момент был у вас в голове, я тоже оказался защищен от магии Огненной Цепи, как защищены и вы.

А теперь, получив от вас этот подарок, я могу лишить Ричарда Рала его силы, его земли, его людей, его друзей и всех тех, кто близок и дорог ему. Я могу отнять у него все во имя Братства Ордена.

Джегань сжал руку в тугой кулак и стиснул зубы.

— За сопротивление нашим праведным целям я намерен уязвить его до глубины души, и лишь когда выжму из него все и дам испытать всю боль, какая только существует на земле, я погашу пламя этой души. И вы предоставили мне такую возможность.

Сестра Улисия печально кивнула, прощаясь со всеми своими надеждами. Казалось, она примирилась со своим новым статусом.

— Ваше превосходительство, мы не сможем завершить ни один из этих планов без той книги, за которой пришли сюда.

Джегань взял со стола книгу и протянул ее так, чтобы они могли видеть ее название.

— «Книга сочтенных теней». Это та самая книга, которую вы собирались здесь искать. Мне пришла в голову мысль поискать ее, пока я ждал, когда вы завершите свое путешествие сюда.

Он бросил книгу на стол.

— Исключительно редкая книга. Разумеется, это одна из нескольких копий, которые, предположительно, вообще не должны были с нее делаться, и поэтому она спрятана в таком месте. Конечно, я был там, в вашем мозгу, когда вы разузнали обо всем этом.

— Вы даже предоставили мне средство для проверки. — Его беспокоящий пристальный взгляд переместился на Кэлен. — И даже надели на шею железное кольцо, посредством которого я могу управлять ею. — Он обратил снисходительную улыбку к сестре Улисии. — Пойми, поскольку я присутствую в твоей голове, то способен не только контролировать тебя, но и через тебя контролировать каждое ее движение — так же легко и просто, как это делаешь ты.

Надежда Кэлен на возможность побега испарилась. Уж если сестер можно считать мастерами жестокости, то этот человек был специалистом более высокого уровня. Хотя Кэлен и не знала, каковы его намерения, но не питала никаких иллюзий, что в них может быть что-то, кроме мерзости.

В ней начало зарождаться некое подозрение. Она сама по какой-то причине представляет для сестер ценность и теперь, точно так же, представляет ценность и для Джеганя. Каким образом она могла оказаться средством проверки для какой-то древней книги, спрятанной от посторонних глаз тысячелетия назад? Она каждый день слышала, что она никто и ничто, просто раб, не более того. Теперь она начинала понимать, что сестры попросту обманывали ее. Они стремились, чтобы Кэлен привыкла думать, будто она полное ничтожество. Но теперь выясняется, что она из-за чего-то для них всех — главная ценность.

Джегань резко махнул рукой в сторону Джиллиан.

— Помимо кольца на шее, мне понадобится еще и она, чтобы помочь убедить Кэлен делать то, что ей приказывают. Скажи, дорогая, ты уже была с мужчиной?

Джиллиан отстранилась от Кэлен и повернулась к нему.

— Ты сказал, что освободишь моего дедушку. Ты сказал, что если я сделаю все точно, как ты велел, и приведу этих сестер сюда, ты освободишь и его, и остальных. Я выполнила все, что ты приказал мне сделать.

— Да, верно, ты сделала это. И ты действительно была очень убедительной. Я был в их головах все это время, наблюдая за тем, как ты исполнила это. Ты безупречно следовала моим инструкциям. — Его голос внезапно наполнился угрозой, как и пристальный взгляд. — А теперь ответь мне на вопрос, или твой дед и все остальные будут брошены утром на корм стервятникам. Ты когда-нибудь была с мужчиной?

— Не вполне понимаю, что именно вы имеете в виду, — сказала она чуть слышно.

— Понимаю. Ну хорошо, если Кэлен не сделает все то, что я ей прикажу, я отдам тебя моим солдатам для развлечения. Им нравится ласкать таких молодых прелестниц, как ты, которые прежде еще не были сведущи в таких желаниях, как у них.

Пальцы Джиллиан еще сильнее вцепились в блузку Кэлен. Она прижала лицо к ее руке, задыхаясь от рыданий. Кэлен сжала плечо девушки, пытаясь успокоить ее, дать ей понять, что она не позволит, чтобы с ней случилось что-то плохое.

— Я и так полностью в ваших руках, — сказала Кэлен. — Отставь ее в покое.

— У Тови была третья шкатулка, — сказала сестра Улисия. И для Кэлен стало ясно, что та пыталась отвлечь внимание, потянуть время, а заодно попытаться снискать расположение Джеганя.

Он пристально смотрел на нее.

— Ее похитили у Тови.

— Похитили? Ну... я могу помочь найти...

Джегань привалился задом к столу, сложив массивные руки на груди.

— Улисия, когда же ты начнешь понимать, что я не только стою перед тобой, но также присутствую и в твоем мозгу? Я знаю все, о чем ты думаешь. Но подожди лезть со своими проектами. Они чрезмерно изощренные.

И я знаю, что ты к тому же замыслила несколько грандиозных планов, — сказал он со вздохом удовлетворения, подходя к ней ближе. — Ты продвинулась с ними значительно дальше, чем я предполагал исходя из твоих способностей.

Он восторженно возвысил голос, из-за чего Кэлен пробрала дрожь.

— И вот посмотрите, что мое терпение принесло мне, — сказал он, поворачиваясь к ней и будто припечатывая взглядом ужасающих чернильных глаз. — Ты хотела знать, почему я позволил тебе так долго разгуливать на свободе и делать, что тебе заблагорассудится? Ответ здесь, перед тобой. Предоставив тебя самой себе, Улисия, мне удалось заполучить настоящий, всем призам приз.

Кэлен теперь поняла, что была права. Она сама по какой-то причине представляет для них необыкновенную ценность. Хотелось бы знать, почему. И еще ей хотелось бы знать, кто она на самом деле.

Кэлен могла только молча наблюдать за приближающимся к ней Джеганем. Наблюдать за тем, как быстро сокращается расстояние между ними. И некуда бежать. Едва у нее возникла такая мысль, она почувствовала, как приступ боли мгновенно распространился по позвоночнику, ожигая до ног, словно приковывая их к полу. Она знала, что именно кольцо на шее вызвало этот болевой паралич, потому что сестры многократно проделывали подобное и раньше. И, разумеется, он тоже должен знать, как это делается, поскольку постоянно находился в их разуме. Кэлен видела по безжалостному выражению его лица, что на этот раз причиной этой боли был именно он.

Джегань протянул руку и запустил толстые пальцы в волосы Кэлен. Ей очень не хотелось, чтобы он дотрагивался до нее, но она не могла сделать ничего, чтобы избежать этого. Уставившись на нее, Джегань, казалось, забыл обо всех остальных, находящихся в комнате.

— Да, Улисия, ты действительно доставила приз всех призов. Привела ко мне Кэлен Амнелл.

Амнелл.

Итак, теперь она знает свое полное имя. Она обратила внимание на очень легкую заминку после того, как прозвучало имя, примерно такую же, какая могла возникнуть, если бы к этому имени следовало добавить титул.

Джегань наклонился к ней ближе, с отвратительной улыбкой, выражающей именно то, о чем ей не хотелось и думать. Кэлен застыла на месте, по собственной воле, хотя и не имея реального выбора. Мощное, мускулисто тело Джеганя прижалось к ней. Ощущение было такое, будто на нее навалился буйвол.

Движением пальца этот человек отбросил волосы с ее шеи. Щетина оцарапала ее щеку, когда он приблизил рот к ее уху.

— Но Кэлен не знает, кто она, и потому не знает истинную цену приза, которым она, несомненно, является.

Впервые в жизни Кэлен очень хотелось стать невидимой, чтобы этот человек тоже был не способен помнить ее, как не мог помнить никто, кроме сестер и Джиллиан. Она не была рада его способности видеть ее и не желала, чтобы он находился рядом.

— Ты даже не можешь представить, — доверительно прошептал он, голосом, обжигающим ее иссушающим страхом, — какой исключительной неприятностью все это для тебя обернется.

Ты мое вознаграждение за терпение, за все то, что мне пришлось вытерпеть от Улисии. Теперь мы сможем познакомиться поближе, ты и я. И если ты думаешь, что в отношении Лорда Рала я планирую самое худшее, то ты не можешь даже вообразить, каковы мои намерения относительно тебя, дорогая.

Кэлен еще никогда в жизни не чувствовала себя такой одинокой и такой беспомощной. Она чувствовала, как против ее воли по щеке скатилась слеза, несмотря на то, что она старалась сдержать рыдания.

Глава 38

Едва Джегань отвернулся, больше не глядя в ее сторону, Кэлен наконец-то позволила себе расслабиться, после того как он убрал от нее руки, хотя он и коснулся только ее волос. Она вздрагивала от пронзавшего ее страха, от беспомощности, когда этот человек находился так близко от нее. Она целиком поняла тот многозначительный взгляд, что он бросил на нее. Она знала, что он способен сделать с ней все, что захочет, и она полностью в его власти.

Нет. Пока она еще способна дышать. Ей не следует соглашаться с такой позицией. Не следует позволять думать о себе как об абсолютно беспомощной.

Ей следует задуматься, вместо того чтобы вот так просто сдаваться панике. Паника не поможет ей ни в чем. Возможно, она действительно не распоряжается собственной жизнью, но она полностью подчинится его воле, если позволит, чтобы паника слепо управляла ею. Собственно, именно этого он от нее добивался.

По другую сторону комнаты Джегань, склонившись над массивным столом, пододвинул книгу ближе к себе. Он раскрыл обложку, а затем наклонился, опираясь на обе руки, молча вчитываясь в нее. Округлые мускулистые контуры его широких плеч, такая же мускулистая мощная спина и толстая шея производили впечатление скорее буйвола, чем человека. То, во что он был одет, только усиливало звероподобие его облика. Он и его люди, казалось, преднамеренно отвергали благороднейшие идеалы человечества и вместо этого подчеркивали плотский, животный внешний вид. Стремление быть низшей формой существования, а не высшей, соответствовало общему

характеру той угрозы, которую представляли эти люди; они стремились быть не людьми, а чем-то более примитивным.

Сзади, неподалеку от входных дверей, молчаливо стояли два стража, расставив ноги и сцепив за спиной руки. Кэлен опустила ладонь на плечо Джиллиан, когда девушка взглянула на нее с молчаливым беспокойством относительно присутствия здесь таких вот людей, бросающих время от времени мрачные взгляды в ее сторону.

Эти два стража не видели Кэлен. По крайней мере, она решила, что не видят. Она приглядывала за их поведением и заметила, что время от времени, кроме Джиллиан, они бросают взгляды на сестер, но без особого интереса. Когда Джегань заговорил с Кэлен, стражи выглядели слегка смущенными. Они ни словом не выдали своего беспокойства, но Кэлен поняла, что для них это должно выглядеть как беседа их вождя с самим собой. Как и все остальные, кроме Джиллиан, сестер и Джеганя, благодаря его связи с сестрами, эти стражи забывали о Кэлен быстрее, чем осознавали, что видят ее. Как бы ей хотелось оказаться невидимой и для их предводителя!

— А что ваша армия, ваше превосходительство? — спросила сестра Улисия, явно все еще пытавшаяся тянуть время, вовлекая его в разговор. Она тоже старалась не поддаваться панике.

Джегань повернул к ней голову и злобно усмехнулся.

— Она уже близко.

Озадаченная, сестра Улисия заморгала.

— Близко?

Он кивнул, продолжая усмехаться.

— К северу, за горизонтом, движется к Д'Харе.

— На севере... к Д'Харе? — не подумав, выпалила сестра Эрминия. — Но это же невозможно, ваше превосходительство.

Он поднял бровь, явно наслаждаясь ее удивлением.

— Должно быть, ваши командиры ошибаются, утверждая это в своих сообщениях о дислокации, — сказала сестра Эрминия, и голос ее звучал так, будто она восторгалась возможностью снискать милость самого императора. Она облизнула губы. — То есть, я имею в виду, ваше превосходительство, что

мы... ну, мы миновали их достаточно давно. И тогда они еще только вступали в Срединные земли и по-прежнему двигались на юг, чтобы обойти мешавшие их продвижению горы. Вряд ли они могли...

Слова, произносимые дрожащим голосом, постепенно затихли, словно один лишь взгляд, брошенный на Джеганя, иссушил весь запас ее смелости, в том числе смелости говорить, оставляя только молчаливую оболочку страха.

— О, они уже обогнули горы и повернули на север, к Д'Харе, — сказал Джегань. — Видишь ли, я постоянно оказывал влияние на ваши мозги, понуждая вас идти туда, куда мне хотелось вас направить, тогда, когда мне этого хотелось. В этом была моя цель: чтобы вы думали, будто находитесь в безопасности, думали, что действительно знаете о моем местонахождении. Вы не замечали моего шепота, по-прежнему руководившего вами — без малейшего вашего подозрения об этом.

— Но мы видели ваши войска, — сказала сестра Цецилия. — Мы видели их и обходили их стороной. И, в конце концов, оставили далеко позади себя.

— Вы видели то, что я позволил вам увидеть, — сказал Джегань, делая отстраняющий жест. — Вам казалось, что вы идете туда, куда хотели, но на самом деле шли туда, куда вел вас я... прямо ко мне и к моим главным силам.

Я провел вас мимо нескольких арьергардных отрядов, а затем мимо нескольких соединений, движущихся на юг, в другие области Срединных земель. Я заставлял вас верить в то, во что мне хотелось, чтобы вы верили, и следил за тем, чтобы вы чувствовали себя уверенно в своих планах, в то время как я заботился о том, чтобы моя главная армия продвигалась согласно моим собственным планам.

Наши силы продвинулись гораздо дальше, чем вы думали. Я хочу скорее закончить эту войну, и вижу уже, что цель наша близка, и потому перестроил свою тактику. Направил главные силы в таком утомительном, быстром темпе, как раньше никогда не делал — потому что это изматывает и ослабляет армию и обходится в большее число бесцельно погибших людей. Но сейчас конец уже виден, так что эти потери можно считать оправданными. И ведь они служат, между прочим, делу Ордена, а не наоборот.

— Понимаю, — сказала сестра Эрминия слабым голосом, расстроенная тем, что узнала кое-что еще об их обмане и безнадежности положения.

— А теперь нам предстоит поработать.

Все три сестры неожиданно дернулись вперед, будто их резко потянули за невидимые привязи на шеях.

— Да, ваше превосходительство, — сказали они разом. Скорее всего, Джеганъ уже отдал им беззвучный приказ, слышимый только ими — вероятно, просто для того, чтобы напомнить им, что его способности никуда не исчезли и он все еще у них в головах.

Кэлен решила, что он способен управлять ею с помощью кольца на шее, посредством контроля разума сестер, но не похоже, что способен делать это напрямую. Кроме того, явно испытывая ненависть к ней, он, казалось, стремился парализовать ее страхом, используя его как один из рычагов управления поведением, — чтобы лишить ее способности мыслить, — как дополнение к кольцу на шее. Похоже, что хотя он каким-то образом присутствовал в разуме сестер, разум Кэлен был ему недоступен.

Разумеется, она не могла быть уверена в этом. В конце концов, сестры тоже обманывались, думая так же, как и она сейчас — что сноходец не был в их головах и не наблюдал за их мыслями постоянно. Таким образом, хотя точно об этом узнать невозможно, скорее всего, ее разум недоступен ему. И было кое-что еще: он обращался с ней не так, как с сестрами. Они были вероломными пленницами; Кэлен же являла собой приз.

Он обманывал их, скрывая свое присутствие, с определенной целью. По сути, он шпионил за их мыслями. Они занимались своим делом, а он тайно вникал в их планы, для того чтобы иметь возможность воспользоваться ими к собственной выгоде. Он знал, что единственное, к чему стремится Кэлен, — убежать от сестер. Никаких иных планов у нее нет. Она даже не помнит, кем была на самом деле. Джеганю просто незачем было шпионить за ней. И без того вполне очевидно, что она не хочет быть его пленницей, а кроме того, хочет вернуть свою прошлую жизнь. И нет ничего такого, чего он способен дополнительно узнать, тайно подглядывая за ее мыслями — осо-

бенно сейчас, когда она не способна думать, а все еще ослеплена подавляющей все мысли паникой.

Но если он не проникал в ее мысли, тогда вставал вопрос — почему? Ведь, в конце концов, он сноходец, человек, обладающий такой сверхъестественной силой, что даже сестры старались держаться подальше от него — впрочем, совершенно безуспешно, как оказалось на деле, именно из-за его способности и могущества. Кроме того, ему очень хотелось, чтобы рядом с ним была Кэлен, «приз всех призов», как он называл ее. Будь ему доступен ее разум, он контролировал бы ее посредством такой же невидимой привязи, как контролировал сестер и управлял их поведением. Ему не потребовалось бы пользоваться для этого их способностями и кольцом. Он, похоже, не относился к тому типу людей, что прибегают к столь сложному, через вторые руки, способу управления, если не вынуждены поступать так. Ему не требовались бы для управления ею никакие сестры, будь он способен проникнуть в ее разум.

Какой ему смысл скрывать свое присутствие в ее разуме, если он бы способен проникать в него? И даже более: если она так важна для него, то он наверняка желает контролировать ее, если это возможно. Так почему бы ему тогда не войти в ее разум и не управлять ею напрямую?

В этом явно что-то было. У нее сложилось отчетливое впечатление, что он очень о многом не договаривал.

— Итак, вот она перед вами, — сказал он сестрам. — «Книга сочтенных теней». Та самая, за которой вы шли сюда и которая вам так необходима. Я хочу, чтобы вы начали прямо сейчас.

— Но, ваше превосходительство, — сказала сестра Улисия, казавшаяся перепуганной уже самой идеей, — у нас ведь только эти две шкатулки. А нам нужны все три.

— Нет, все три не обязательны. Вам необходимо лишь, воспользовавшись этой книгой, выяснить, является ли одна из двух имеющихся у вас шкатулок той, которая действительно нужна. Если же потерянная шкатулка — та самая, что может уничтожить нас или разрушить все существующее вокруг, то все остальное в этой книге для нас бесполезно.

Сестра Улисия выглядела так, будто у нее есть веские причины изучить эту книгу, но она не хочет обсуждать эту тему.

— Ну, — сказала она, подыскивая нужные слова, — полагаю, вполне может так оказаться. В конце концов, у нас еще и не было возможности изучить «Книгу сочтенных теней», так что нельзя пока ничего сказать с уверенностью. Сторонние рекомендации и советы могут оказаться ошибочными. Вот почему мы и шли сюда. Нам нужна эта книга. И вполне может случиться и так, как вы сказали, ваше превосходительство, — что на самом деле нам не потребуется третья шкатулка.

Для Кэлен было очевидно, что сестра Улисия не верит в подобное. Джеганя же, похоже, ее сомнения не интересовали.

— И вот она находится здесь, ожидая вас. — Он жестом указал на книгу, лежавшую на массивном столе. — Ознакомившись с нею, вы сможете сказать, есть ли среди этих двух шкатулок та самая, что нужна нам. Если же окажется, что нужной нам шкатулки среди них нет, тогда будем отыскивать третью.

Сестры колебались, соглашаться с этой идеей или нет, но при этом, очевидно, не имели желания вступать в спор.

Наконец, обменявшись взглядами с двумя другими сестрами, Улисия сдалась, признавая ценность его предложения.

— Никто из нас раньше не видел этой книги, так что нам необходимо получить от нее все, что сможем. Думаю, вы правы, ваше превосходительство. Изучение книги — это вполне логичное и естественное действие.

Джегань качнул головой в сторону лежащей на столе книги.

— Тогда приступайте.

Сестры теснее сбились в кучу, напряженно выгибая шеи, почтительно вглядываясь первый раз в книгу, которую так долго искали. Они молча читали ее, в то время как Джегань не спускал глаз ни с них, ни с книги.

— Ваше превосходительство, — заметила сестра Улисия после беглого знакомства с книгой, — похоже, мы не сможем просто так... начать, как вы только что предложили.

— Почему нет?

— Ну, вот, взгляните. — Она постучала по странице. — Прямо в самом начале утверждается то, что мы имели основание подозревать и раньше, а именно, что существуют меры предосторожности против всякого рода искажений. Здесь говорится, что необходимо...

Она замолчала, бросив взгляд через плечо в сторону Кэлен.

— Ну, — продолжила затем она, — вот здесь, в самом начале, сказано: «Если тот, кто владеет шкатулками, не прочел сих слов сам, но услышал их из уст другого человека, в подлинности переданного знания он может убедиться лишь с помощью...» Вот, ваше превосходительство, вы и сами можете видеть, что здесь говорится.

Для Кэлен было ясно, что женщина явно избегает произносить что-то вслух. Джегань же читал книгу молча.

— Ну так что? — возразил он. — Книга читается тем, кто владеет шкатулками. Теперь она читается мною, при твоем посредстве. С этого момента шкатулками распоряжаюсь я.

Сестра Улисия откашлялась.

— Ваше превосходительство, я хочу быть предельно откровенной с вами...

— Я присутствую в твоем разуме, Улисия. И для тебя просто невозможно не быть со мной предельно откровенной. Я знаю, что ты сомневаешься в моей идее, но опасаешься высказать эти мысли вслух. Так что имей в виду, что я всегда буду осведомлен, если ты попытаешься обмануть меня.

— Да, ваше превосходительство. — Она жестом указала на книгу. — Но вы понимаете, дело здесь весьма специфическое.

— Какое именно?

— Проверка подлинности, ваше превосходительство. Это книга наставлений для выполнения крайне серьезных дел. Эти дела не только чрезвычайно сложны, но и чрезвычайно опасны... для всех нас. Так что, по этой причине, критически важно обратить строгое внимание на то, что гласит эта книга. Дело не в том, чтобы читать эту книгу, просто не допуская обычной небрежности. Здесь недопустимо ни малейшее отклонение. То, о чем написано в этой книге, это совершенно

особый предмет, и для этого есть причина. Следует правильно понять каждое слово, каждое предложение, каждую формулу, помещенную в ней. Следует учесть каждую возможность. От предельной осторожности во всех этих делах зависят жизни всех нас.

— Ну и чего такого особого или специального во всем этом? Здесь сказано абсолютно ясно: «не прочел сих слов сам, но услышал их из уст другого человека, в подлинности переданного знания он может убедиться». Она никем нам и не пересказывается. Мы непосредственно читаем ее.

— Вот это самый важный момент, ваше превосходительство. Не происходит непосредственного чтения.

Лицо Джеганя покраснело от ярости.

— Тогда что же, по-твоему, мы сейчас здесь делаем?

Сестра Улисия глотнула воздух, словно невидимая рука схватила ее за горло.

— Ваше превосходительство, теперь вы владелец шкатулок. Но при этом вы не читаете «Книгу сочтенных теней».

Он угрожающе наклонился к ней.

— Тогда что же такое я читаю?

— Копию, — сказала она.

Он помолчал.

— И что?

— А то, что в этом случае, вы, строго говоря, с формальной точки зрения, не читаете «Книгу сочтенных теней». Вы читаете копию ее. Вы, в сущности, читаете пересказ, сделанный кем-то другим.

Он еще больше нахмурился.

— Чей пересказ?

— Того, кто сделал копию.

Джегань выпрямился, как только осознание озарило его лицо.

— Да... это не оригинал. И в некотором смысле сам тот, кто сделал эту копию, сообщает об этом. — Он потер щетину на бороде. — Стало быть, книгу следует проверить.

— Именно так, ваше превосходительство, — заметила сестра Улисия, явно с облегчением.

Джегань глянул в сторону Кэлен, обернувшись через плечо.

— Подойди сюда.

Кэлен торопливо сделала то, что он приказал, не желая ненужной боли в борьбе, в которой, без сомнения, он запросто победит. Джиллиан, не желавшая оставаться одна вблизи свирепых стражей, вцепившись в нее, не отступала ни на шаг.

Большая ладонь Джеганя легла на шею Кэлен. Он с силой потянул ее вперед и затем склонил над книгой.

— Посмотри на это и скажи мне, подлинная ли она.

Болезненное присутствие его мощных пальцев, сжимавших ее шею, ощущалось и после того, как он отпустил ее. Кэлен с трудом подавила побуждение потереть все еще пульсирующую кожу и вместо этого взяла в руки книгу.

Она не имела ни малейшего представления, каким образом сможет сказать о книге, которую видит впервые в жизни, подлинная та или нет, как не имела ни малейшего представления о том, что именно может подтверждать подлинность книги; но точно так же знала, что Джегань не примет подобных оправданий. Его интересует лишь одно: получить ответ; он не пожелает и слушать, что ответа у нее нет.

Решив, что, в конце концов, следует хотя бы попытаться, Кэлен начала листать страницы, демонстрируя тем самым, что честно выполняет порученное дело, тогда как, по сути, всего лишь переворачивала чистые листы в лежащей перед ней книге.

— Мне весьма жаль, — сказала она наконец, не в состоянии думать ни о чем другом, как только сообщить ему правду, — но здесь все страницы пустые. Мне здесь нечего проверять.

— Она не может видеть слова, ваше превосходительство, — едва слышно сказала сестра Улисия, будто это нисколько не удивило ее. — Это ведь магическая книга. И чтобы читать ее, требуется полноценная связь с особыми видами силы.

Джегань бросил взгляд на кольцо на шее Кэлен.

— Полноценная? — Он с подозрением уставился ей в глаза. — Может быть, она просто обманывает нас. Может, просто не хочет сказать, что видит там.

Кэлен задумалась: подтверждение ли это того, что сейчас он не присутствует в ее разуме, или же, по каким-то

причинам, это тщательно подстроенная уловка? Ей казалось, что сокрытие проникновения в ее разум, если оно действительно имело место, сейчас могло служить какой-то цели. В конце концов, шкатулки и книга — вот ради чего был нужен обман сестер. Он сохранял свое присутствие в тайне исключительно для того, чтобы привести их сюда, к этой книге.

Внезапно Джегань схватил за волосы Джиллиан. Она издала короткий, резко оборвавшийся крик. Несомненно, он причинил ей боль. Она старалась не вырываться из руки, держащей ее за волосы, чтобы он не содрал с нее весь скальп.

— Сейчас я выколю ей один глаз, — сказал Джегань, обращаясь к Кэлен, — а затем вновь спрошу, подлинная эта книга или нет. И если не получу ответ — по любой причине, — то выколю ей второй глаз. А после спрошу тебя последний раз, и если ты снова не ответишь мне, я вырежу ее сердце. Что ты скажешь на это?

Сестры стояли притихшие, наблюдая и не делая ни единого движения, чтобы помешать этому. Джегань выдернул нож из чехла на поясе. Джиллиан начала задыхаться от страха, когда он резко развернул ее, ухватив рукой за горло, и прижал к своей груди, делая ее абсолютно беспомощной и удерживая в неподвижном состоянии, одновременно угрожающе приближая острие ножа к ее лицу.

— Позволь мне взглянуть на книгу, — сказала Кэлен, в надежде отвратить неизбежное.

Большим и одним из свободных пальцев руки, держащей нож, он взял книгу и протянул ей. Кэлен пролистала страницы более тщательно, чтобы убедиться, что не пропустила ни одной, где могло бы оказаться что-то написано, но так и не увидела ничего. Каждая страница была чистой. Смотреть в книге было нечего, как не было способа узнать, настоящая она или нет.

Кэлен закрыла обложку и провела по ней рукой. Она так и не знала, что делать. Не было никакой идеи, что еще можно искать. Она перевернула книгу и осмотрела заднюю сторону обложки. Затем осмотрела неровные края страниц. Перевернула книгу и стала разглядывать заглавие, тисненное золотыми буквами на корешке.

Джиллиан придушенно вскрикнула, когда Джегань сжал ее горло сильнее, при этом приподнимая девушку над землей, и направил острие ножа прямо в ее правый глаз. Она часто моргала, не в силах увернуться от угрозы, ее ресницы задевали острие лезвия.

— Пришло время ослепнуть, — прорычал Джегань.

— Она фальшивая, — сказала Кэлен.

Он поднял взгляд.

— Что?

Кэлен протянула ему книгу.

— Эта книга — всего лишь фальшивая копия. Это подделка.

Сестра Улисия сделала шаг вперед.

— Откуда ты можешь знать это? — Она выглядела явно обескураженной тем, что Кэлен смогла определить эту книгу как подделку, будучи не в состоянии прочитать в ней ни единого слова.

Кэлен же не обратила на ее слова никакого внимания. Наоборот, она продолжала смотреть в порождающие кошмары глаза сноходца. В них сгустились туманные призраки, подобно яростным грозовым облакам над полуночным горизонтом. Потребовалась вся ее сила воли, чтобы твердо смотреть на него, не отводя взгляда.

— Ты уверена? — спросил Джегань.

— Да, — сказала она, со всей убежденностью, какую только смогла собрать в себе. — Это ложная копия.

Теперь, сосредоточив проницательный взгляд на Кэлен, Джегань отпустил Джиллиан. Как только девушка ощутила свободу, она немедленно спряталась позади Кэлен, пользуясь ею как укрытием.

Взгляд Джеганя изучал глаза Кэлен.

— Как ты можешь знать, что это не истинная «Книга сочтенных теней»?

Кэлен, все еще державшая в протянутой к нему руке книгу, повернула ее, чтобы он мог видеть корешок.

— Вы искали «Книгу сочтенных теней». А здесь написано: «Книга сочтенной тени».

Взгляд его стал жгучим.

— Что?

— Вы спросили, как я узнала, что это не оригинал. Вот таким образом. Здесь написано: «сочтенной», а не «сочтенных». Так что это подделка.

Сестра Цецилия устало провела рукой по лицу. Сестра Эрминия закатила глаза.

Однако же сестра Улисия нахмурилась, глядя на книгу, и сама прочла название на корешке.

— Она права.

— И что? — Джегань всплеснул руками. — Что с того, что в слове используется единственное число вместо множественного? Всего-то перепутаны последние буквы. Ну и что?

— Самое главное, — сказала Кэлен. — Просто одно название настоящее, другое — нет.

— Просто? — спросил он. — Ты считаешь, что это так просто?

— Так что может быть проще?

— Вполне возможно, что это ни о чем и не говорит, — сказала сестра Цецилия, стараясь занять сторону своего недовольного хозяина. — Единственное, множественное — какая, по сути, разница? К тому же это всего лишь обложка; имеет же значение то, что внутри.

— Это может быть и просто ошибкой, — сказал Джегань. — Может быть, ее сделал тот, кто изготовил переплет. Ведь наверняка книга переплеталась не тем, кто ее переписывал, так что сама она может быть вполне качественной.

— Верно, — сказала сестра Эрминия, также пожелавшая присоединиться к императору. — Тот, кто делал переплет, тот и допустил эту ошибку, а не тот, кто делал саму копию. Совершенно невероятно, чтобы это был один и тот же человек. Скорее всего, переплетчик был некомпетентным в этих делах. Тот же, кто переписал слова этой книги, должен был обладать даром. Именно слова, написанные внутри книги, имеют значение. То есть истинной должна быть информация, находящаяся внутри, а не на обложке. И не может быть сомнений, что это просто ошибка, сделанная мастером-переплетчиком, и, конечно, она ничего не значит.

— Мы привели ее сюда как раз ради этого, — едва слышно напомнила им сестра Улисия. — И не имеет значения, насколько примитивным это кажется. Сама книга, кроме всего

прочего, предупреждает, что именно в этом конкретном случае она должна быть проверена... ею.

— Это в высшей степени сложное дело. Такой ответ слишком прост, — заявила сестра Цецилия.

Сестра Улисия вскинула голову, обращаясь к ней:

— А если на тебя с ножом нападет бандит, может ли простота такого нападения поколебать веру в его опасность?

Сестра Цецилия вовсе не выглядела удивленной или сбитой с толку.

— Это дело слишком сложное, чтобы разрешать его вот таким простым приемом.

— О-о? — Сестра Улисия подняла глаза, устремив снисходительный взгляд на женщину. — И где же это говорится, что проверка должна быть сложной? Сказано лишь одно: *она* должна сделать это. Ведь никто из нас не заметил ошибки. Она же заметила ее. Она выполнила предписанное инструкцией.

Сестра Цецилия продолжала свысока посматривать на женщину, которая прежде считалась их предводителем, но теперь им быть перестала. Сейчас сестра Улисия больше не командовала, и остальные ей больше не подчинялись.

— Не думаю, что ее слова имеют какое-то значение, — сказал Джегань, все еще глядя в полные решимости глаза Кэлен. — Вряд ли она действительно знает, что это подделка. Просто пытается спасти собственную шею.

Кэлен пожала плечами.

— Если вам так угодно думать, ваше дело. Но, скорее всего, отсутствие у вас сомнений вызвано лишь тем, что вы *хотите*, чтобы эта копия была настоящей, — она подняла бровь, — а не потому, что она таковой является.

Джегань с минуту пристально смотрел на нее. Затем внезапно вырвал книгу из ее руки и повернулся к сестрам.

— Нам необходимо тщательно изучить ее содержимое. Все, что имеет значение для определения правильной шкатулки и ее вскрытия. Очень важно не допустить в этом ошибки.

— Ваше превосходительство, — начала было сестра Улисия, — ведь может оказаться так, что нет способа выяснить, что что-то из написанного там является...

Джегань бросил книгу на стол, обрывая женщину.

— Я хочу, чтобы вы, все трое, просмотрели всю эту книгу. Постарайтесь найти хоть какой-нибудь признак ее подельности.

Сестра Улисия откашлялась.

— Ну, мы можем попытаться...

— Живее! — Его возвысившийся голос отозвался эхом. — Или вы предпочитаете отправиться по палаткам и развлекать моих людей? Выбор службы — за вами. Что-нибудь одно.

Три сестры одним прыжком приблизились к столу. Они склонились над книгой и приступили к внимательному изучению ее. Джегань втиснулся между Улисией и Цецилией, по-видимому, чтобы проследить за тем, что они читают, и быть уверенным, что они ничего не пропускают.

Глава 39

Убедившись, что все четверо поглощены своим занятием, Кэлен осторожно увела Джиллиан в дальний угол комнаты, подальше от соседства с двумя огромными стражами.

— Я хочу, чтобы ты очень внимательно выслушала меня и сделала точно так, как я скажу, — прошептала ей Кэлен, стараясь, чтобы Джегань не мог услышать ее.

Джиллиан нахмурилась, ожидая продолжения.

— Мне необходимо кое в чем убедиться. Я собираюсь прогуляться в сторону этих двух стражей...

— Что?..

Кэлен прижала ладонь ко рту девушки.

— Т-с-с.

Джиллиан бросила взгляд в сторону стражей у двери, обеспокоенная тем, что могла привлечь их внимание. Нет, не привлекла.

Убедившись, что девушка правильно поняла ее, Кэлен убрала руку.

— Подозреваю, что я уже давно зачарована этими тремя волшебницами. Думаю, именно поэтому и не помню, кто я есть, — все это своего рода магия. Практически никто, кроме них и Джеганя, не помнит, что когда-либо видел меня. Почти никто. Я не имею представления, почему ты можешь меня видеть и помнить. А еще они нацепили мне на шею вот это кольцо и используют его, чтобы причинять боль.

Эти стражи, как мне кажется, не могут видеть меня, но нужно, для полной уверенности, проверить это. Я хочу, чтобы ты оставалась все время на этом месте. Не следи за мной, иначе ты привлечешь их внимание.

— Но...

Кэлен приложила палец к ее губам.

— Слушай меня и делай, как я говорю.

Наконец Джиллиан кивнула в знак согласия.

Не давая девушке возможности передумать и вновь начать спор, Кэлен еще раз проверила, что сестры и Джегань заняты чтением книги, и, убедившись, что они по-прежнему на своих местах, тут же скользнула в сторону, пригибаясь к полу. Она старалась двигаться бесшумно: стражи могут и не знать о ее присутствии, но если Джегань или сестры услышат, все закончится, не успев начаться.

Оба стража пристально смотрели прямо перед собой, наблюдая за своим императором. Время от времени тот, что стоял ближе к Джиллиан, поглядывал на девушку. По долгим задержкам его взгляда Кэлен могла сказать почти точно: он надеялся, что Джегань отдаст Джиллиан ему. Кэлен казалось, что при таком человеке, как Джегань, подобные случайные награды могут быть привилегией столь ответственной должности, как личный телохранитель императора. Джиллиан же не имела ни малейшего представления об уготованной ей судьбе. Кэлен следовало что-то предпринять, чтобы изменить направление стремительного развития событий.

Находясь перед стражами, следует внимательно следить, чтобы не пересекать линию обзора между ними и четверкой, сидевшей у стола. И еще постараться не привлечь непосредственного внимания ни Джеганя, ни кого-либо из сестер. Хотя эти два стража не могли помнить Кэлен достаточно долго, чтобы осознать, что она здесь присутствует, ей не хотелось выяснять, что случится, если вдруг они самым загадочным образом перестанут видеть своего предводителя. Эти двое были осторожными и осмотрительными людьми и, без всякого сомнения, весьма способными, и нечего говорить, что такая «мелочь» могла насторожить их, а Кэлен намеревалась устроить весьма и весьма крупные неприятности — но только тогда, когда подготовится к этому.

Остановившись перед двумя крупными мужчинами, она обнаружила, что макушкой достает им только до плеч, так что, по всей видимости, никак не может блокировать им пространство обзора. Они не смотрели на нее, или, в любом

случае, не замечали ее присутствия. Она очень осторожно коснулась металлического шипа, торчащего из носа одного из них. Он сморщил нос, а затем небрежным движением потянулся и почесал его, однако не попытался схватить ее за руку.

Удовлетворенная тем, что он не сделал ничего большего, Кэлен потянулась и очень плавно вытащила нож из чехла на кожаной перевязи, опоясывавшей его грудь. Как только лезвие обнажилось в свете факелов, она очень осторожно и плавно потянула его, не оказывая никакого бокового давления ни на чехол, ни на кожаный ремень. Когда лезвие освободилось полностью, он так ничего и не заметил.

Ощущение от присутствия оружия в руке было очень приятным. Вызванное им волнение заставило ее вспомнить трактир «Белая Лошадь», где сестры убили мужа и жену, заправлявших тем местом. Кэлен тогда схватила тяжелый нож для разделки мяса, пытаясь спасти от сестер дочь хозяев трактира.

Она испытала глубокое внутреннее удовлетворение от наличия оружия в своей руке еще и потому, что оно придавало уверенность в том, что хоть себя защитить вполне возможно. Оружие позволяло не находиться во власти злых людей, не чтящих законов — ни человеческих, ни законов разума, — не становиться добычей тех, кто сильнее и пользуется этим, чтобы попирать других.

Кэлен повертела нож в руке, оплетая его пальцами, наблюдая, как при поворотах лезвие отражает мерцающий свет факелов. Затем взяла оружие за рукоятку и с минуту разглядывала хорошо заточенное полированное лезвие.

Нож был шансом на спасение. Если не для нее самой, то по крайней мере для Джиллиан.

Вспомнив, где она и что собиралась делать, Кэлен быстро сунула оружие в сапог. Затем оглянулась — убедиться, что Джиллиан ведет себя тихо и остается на месте. Глаза девушки округлились. Кэлен продолжила свое дело и осторожно вытащила второй нож — из чехла, висевшего на широкой кожаной ленте у другого стража. Лезвие оказалось чуть тоньше, а само оружие сбалансировано чуть лучше. Как и первым, она пробила этим ножом голенища сапога, ближе к верху, и пропус-

тила лезвие внутрь, стараясь расположить так, чтобы оно находилось позади костного выступа лодыжки, а затем утопила острие в подошве. В таких импровизированных ножнах лезвие не могло сдвинуться и порезать ее при ходьбе.

Как можно бесшумнее, ступая лишь на подушечки ног, Кэлен быстро вернулась к перепуганной и дрожащей Джиллиан. Сестры и их хозяин оживленно обсуждали значение положения звезд, погоды и времени года для формирования и концентрации силы, требующейся для особых видов магии. Сестры объясняли значение и смысл отдельных мест книги, а Джегань каждые несколько минут задавал вопросы, причем требовал пояснений от каждой из них по очереди.

Кэлен была несколько удивлена, обнаружив, насколько сведущ этот человек. Иногда сами сестры выясняли, что он знает гораздо больше их о том, что связано со шкатулками Одена. Джегань не выглядел человеком, ценящим знания, полученные из книг, но Кэлен ошибалась. Хотя она не понимала большую часть того, что они обсуждали, было очевидно, что Джегань хорошо начитан и более чем готов к содержательной беседе с сестрами — особенно о предметах, которые, по их словам, раскрывались только в самых редких книгах.

Он — не просто животное. Он гораздо хуже, чем просто животное. Он — очень умное животное.

— Все в порядке, — сказала Кэлен достаточно тихо, чтобы быть уверенной, что другие не услышат ее. — Я хочу, чтобы ты выслушала меня. Возможно, у нас не так много времени.

Глаза Джиллиан были по-прежнему широко раскрыты.

— Как тебе удалось это?

— Я была права, они не могут меня видеть.

— И того, как ты вертела этот нож между пальцев?

Кэлен лишь пожала плечами, отводя вопрос, на который не смогла бы ответить, чтобы перейти к более важному.

— Послушай, мне просто необходимо освободить тебя. Возможно, это наш единственный шанс.

Джиллиан, судя по ее виду, от такого намерения пришла в ужас.

— Но если я сбегу, он убьет моего дедушку и, вероятно, всех остальных. Я не могу уйти отсюда.

— Это та невидимая привязь, которой он удерживает тебя. Но если ты не сбежишь, то, правда такова, в любом случае вы все можете оказаться убиты. Тебе следует понять, что это, возможно, единственный шанс на свободу, какой у тебя есть сейчас или какой вообще может быть.

— Ты действительно уверена в этом? Но как я могу рисковать жизнью моего дедушки из-за того лишь, что, по твоим словам, могло бы случиться?

Кэлен сделала глубокий вдох. Ей не хотелось пускаться в долгие объяснения.

— У меня нет времени излагать тебе это все доходчиво и обстоятельно, чтобы убедить тебя спокойно. Есть время только на то, чтобы изложить тебе основу голой правды, именно это я сейчас и сделаю, так что слушай меня внимательно.

Я хорошо знаю, что это за люди. Я уже видела, что они делают с молодыми женщинами, как ты, и я... видела собственными глазами... Видела обнаженные искалеченные тела, так и оставшиеся распростертыми там, где лежали, когда солдаты Имперского Ордена использовали их, или сваленные в ров, как отбросы.

Если ты не сбежишь, то в лучшем случае с тобой случится множество самых ужасных вещей. Ты проведешь остаток своей короткой жизни как раб, используемый солдатами для отвратительных извращенных удовольствий и развлечений, таких, о которых ты не захочешь и слушать. Ты проведешь остаток своей жизни в чередовании ужаса и рыданий. И это в лучшем случае. Ты будешь жить, но каждую минуту будешь желать смерти. В худшем же случае ты будешь убита сразу, как только Джегань покинет это место.

В любом варианте, глупо думать, что он действительно отпустит тебя. Неважно, что именно произойдет, убежишь ты или останешься, он может отпустить и твоего дедушку, и остальных просто так, потому что они не захотят тратить время и обременять себя беспокойством, чтобы убить их. У Джеганя есть более важные дела, занимающие его мысли.

Но сама ты для него добыча, и весьма ценная. В самом лучшем случае он просто отдаст тебя тем двум солдатам, что

стерегут у дверей, как награду за их службу. Именно так люди, подобные Джеганю, привлекают таких безжалостных животных, как эти двое, к преданной службе — кидая им вот такие «вкусненькие» объедки, вроде тебя. Можешь ли ты представить себе, что они с тобой сделают — прежде чем перережут глотку? Или нет?

Джиллиан с минуту молчала. Затем сглотнула, прежде чем заговорить.

— Я знаю, что имел в виду Джегань тогда, когда спросил меня, была ли я когда-нибудь с мужчиной, — но притворилась, что не поняла его вопроса. Я знаю, что он имел в виду, когда обещал отдать меня солдатам. Знаю, что он хотел сказать, когда объяснял, что им очень нравится наслаждаться такими молодыми женщинами, как я. И знаю, что он подразумевал, говоря об их желаниях.

Родственники предупреждали меня об опасностях, исходящих от таких чужеземцев, как эти. Мать объясняла мне это. Хотя, подозреваю, она не сказала всего, чтобы меня не мучили кошмары. Думаю, от того, что знаешь ты, ночные кошмары у меня точно были бы. Я лишь притворялась, что не понимаю, о чем говорил Джегань, чтобы он не узнал, насколько я боюсь того, что он может со мной сделать.

Кэлен не смогла сдержать улыбки.

— Это очень разумно с твоей стороны — держать подобные знания при себе.

Только теперь осознав, какая мрачная судьба ее ожидает, Джиллиан скривила рот, сдерживая слезы.

— И что же теперь делать?

— Да. У тебя длинные ноги, но вряд ли это поможет сбежать. Хотя есть и другой путь — используя то, что ты знаешь, а они нет. Ты говорила, что один неверный поворот — и люди теряются в этом лабиринте коридоров и комнат. Если же у тебя будет хоть небольшое, но критически важное преимущество, ты сможешь очень быстро запутать их во всех этих поворотах и переходах. Не думаю, что в таком запутанном месте, как это, даже силы сестер помогут им поймать тебя, и не думаю, что Джегань станет тратить попусту время на твои поиски.

Она все еще выглядела охваченной сомнениями.

— Но я...

— Джиллиан, это шанс для тебя сбежать отсюда. Другого может не оказаться. Я не хочу, чтобы с тобой случилось что-то ужасное, но если ты останешься, оно обязательно случится. Я хочу, чтобы ты поняла, что тебе необходимо использовать этот шанс. Хочу, чтобы ты сбежала отсюда. Это все, что я могу для тебя сделать.

Джиллиан, казалось, охватил ужас.

— Ты хочешь сказать... что не пойдешь вместе со мной?

Кэлен плотно сжала ей губы и покачала головой. Затем похлопала по металлическому кольцу на своей шее.

— С этим они легко могут остановить меня. Это своего рода магия. Они запросто меня остановят. Но думаю, что прежде, чем они сделают это, я смогу достаточно задержать их, чтобы ты могла убежать.

— Но ведь они причинят тебе страдания или даже убьют за подобную помощь мне.

— Это они сделают в любом случае. Джегань уже пообещал мне худшее из того, что только может придумать. И он не сможет сделать больше, чем уже намерен. Убивать же меня они, скорее всего, не будут, по крайней мере сейчас. Я все еще нужна им.

Я помогаю тебе сбежать отсюда, и обсуждать это не имеет смысла. Это осознанное решение. Таков мой выбор. Это все, что я способна сделать, и именно это я выбираю. Если я помогу тебе, моя жизнь приобретет хоть какой-то смысл, и неважно, что при этом станет со мной. По крайней мере, я хотя бы совершу попытку сопротивления. Одержу над ними хотя бы эту маленькую победу.

Джиллиан смотрела на нее во все глаза.

— Ты такая же, как Лорд Рал.

Брови у Кэлен поползли вверх.

— Ты имеешь в виду Ричарда Рала? Ты знаешь Ричарда Рала?

Джиллиан кивнула.

— Он тоже помог мне.

Кэлен удивленно помотала головой.

— Живя здесь, посреди этой глуши, тебе, оказывается, довелось встречаться с влиятельными людьми. Что же он делал здесь?

— Он восстал из мертвых.

Кэлен нахмурилась.

— Что?

— Ну, не совсем из мертвых. Во всяком случае, он так сказал мне. Но он поднялся из колодца мертвых на кладбище, именно так, как говорилось об этом. Я жрица костей. Я — его слуга, хранительница снов. Он мой хозяин. И до меня было множество жриц костей, но перед ними он никогда не являлся. Я не подозревала, что все обернется таким образом и его возвращение произойдет при моей жизни.

Он тоже пришел сюда, чтобы найти книги. Именно он и открыл вот это самое место... Я даже и не подозревала, что здесь есть такое. Никто из всех нас не знал. Даже мой дедушка не знал, что здесь есть такое захоронение костей.

Ричард искал книгу, которая помогла бы ему открыть что-то важное. Книга называлась «Огненная Цепь». Как только он обнаружил это место и привел меня сюда, именно я и нашла для него эту книгу. Он был поистине в полном восторге. Я же была просто счастлива, что помогла найти ему то, что он искал.

С того дня, как оказалась здесь с ним, я тратила все свое время на изучение этого места, изучала каждый поворот, каждый коридор и каждую комнату. Я надеялась, что Ричард однажды снова вернется, что, по его словам, вполне возможно, и я смогу показать ему все, что здесь есть. Мне очень хочется, чтобы он остался мною доволен.

Кэлен видела в глазах Джиллиан стремление помочь этому человеку, сделать что-то ценное для него, чтобы он увидел и оценил ее старания и способности. Кэлен хотелось задать ей тысячи вопросов, но на это не было времени. И все же она не удержалась и задала лишь один.

— И каков он?

— Господин Рал спас мою жизнь. Я еще никогда не встречала такого, как он. — Джиллиан отрешенно улыбнулась. — Он был... ну, я, право, не знаю... — Она вздохнула, не в состоянии подобрать слова.

— Я понимаю, — сказала Кэлен, подметив в ее глазах цвета меди мечтательный взгляд.

— Он тогда спас меня от солдат, посланных Джеганем. Они явились сюда, чтобы искать книги. Я очень испугалась,

когда человек, поймавший меня, собирался перерезать мне горло. Но Ричард убил его. Затем он обнял меня и успокаивал, пока я не перестала плакать. — Она подняла глаза, будто оторвавшись от очередных воспоминаний. — А еще он спас моего дедушку. Ну, вернее, не он, а женщина, что была с ним.

— Женщина?

Джиллиан кивнула.

— Никки. Сказала, что она колдунья. Очень красивая. Я не могла оторвать от нее глаз. Никогда прежде не видела такой красивой женщины. Словно какой-то добрый дух, стоящий передо мной, с волосами как солнечный свет и глазами как само небо.

Кэлен вздохнула. И почему бы рядом с таким человеком не быть красавице? Сообразив сейчас это, она недоумевала, почему раньше не подумала о такой возможности?

Кэлен не знала почему, но почувствовала, будто что-то, какая-то надежда, которую она не осмеливалась как-то обозначить, или, может, скрытое стремление к чему-то исключительно ценному, но скрытому под черным занавесом, опустившимся над ее прошлым, просто ускользнула от нее.

Ей пришлось отвернуться от взгляда Джиллиан, чтобы не потерять контроль над собой из-за безнадежности ситуации, в которой оказалась. Воспользовавшись необходимостью глянуть через плечо, чтобы убедиться, что император и сестры по-прежнему заняты, она смахнула неожиданную одинокую слезу, скатившуюся по щеке.

Сестры, казалось, с еще большим усердием втянулись в обсуждение различных процедурных тонкостей, изложенных в книге. Джегань требовал он них объяснений, почему они убеждены, что определенные разделы книги действительно верны.

Когда Кэлен повернулась назад, Джиллиан все еще пристально смотрела на нее.

— Но все же она была не такой красивой, как ты.

Кэлен улыбнулась.

— Дипломатия — одно из непременных требований к жрице.

— Нет, — сказала Джиллиан, выглядевшая обеспокоенной, возможно, тем, что Кэлен не поверила, что она говорит правду. — Это действительно так. В тебе что-то особенное.

Кэлен нахмурилась.

— Что ты имеешь в виду?

Нос Джиллиан наморщился, пока она старалась подобрать слова.

— Не знаю, как объяснить это. Ты и красива, и умна, и ты знаешь, как следует поступать. Но есть кое-что еще.

Кэлен задалась вопросом, не послужит ли это какой-то нитью к тому, кем она была в действительности? Она нуждалась в ком-то, кто способен видеть ее и не забывать, а может быть, даже дать ей ключ к разгадке.

— Что же?

— Не знаю. Какое-то благородство.

— Благородство?

Джиллиан кивнула.

— Ты чем-то напоминаешь мне Лорда Рала. Он спас мою жизнь без колебаний, вот так же, как собираешься сделать ты. Хотя это было не точно так же. Я не знаю, как объяснить... Было в нем что-то такое... и в тебе есть то самое качество.

— Хорошо. У нас с ним общее по крайней мере то, что я тоже намереваюсь спасти твою жизнь.

Кэлен сделала вздох, успокаивая себя, когда очередной раз проверяла обстановку, обернувшись через плечо. Сестры и император по-прежнему были увлечены оживленной беседой. И она снова повернулась к Джиллиан и посмотрела на нее решительно и серьезно.

— Мы сделаем это сейчас.

— Но... я все еще беспокоюсь о моем дедушке.

Кэлен долгую минуту смотрела в ее глаза.

— Выслушай меня внимательно, Джиллиан. Ты должна побеспокоиться о своей жизни. Это единственная жизнь, которую ты хоть когда-то будешь иметь. Они не пощадят тебя, если ты останешься. Не сомневаюсь, что и твой дедушка захотел бы, чтобы ты использовала этот шанс.

Джиллиан кивнула.

— Я понимаю. Лорд Рал говорил мне то же самое относительно ценности моей жизни.

От этих слов у Кэлен почему-то стало теплее на сердце, они вызвали улыбку на ее лице. Но улыбка эта тут же исчезла, как только разум снова обратился к решению ближайших задач. Она не знала, долго ли еще продлится беседа сестер Тьмы и Джеганя и будут ли они устраивать перерыв на ночной отдых, но не могла позволить себе упустить имевшуюся возможность.

— Нужно сделать это сейчас, пока у меня не сдали нервы. Я хочу, чтобы ты сделала все точно так, как я говорю.

— Я сделаю, — сказала Джиллиан.

— Вот что мы сейчас совершим. Ты пока остаешься на месте. Я иду вон туда и убиваю этих двух людей.

У Джиллиан округлились глаза.

— Ты собираешься сделать это?

— Убить их.

— Как? Ты всего лишь женщина, а они такие громадные. И, к тому же, их двое.

— Это не так уж и невозможно, если знаешь, как.

— Ты собираешься перерезать им глотки? — предположила Джиллиан.

— Нет. Случится переполох, если я это сделаю. Кроме того, я не способна совершить это с обоими одновременно. Поэтому я собираюсь забрать у них еще два ножа, а затем встать позади них и всадить нож прямо... вот сюда.

Кэлен ткнула пальцем в спину Джиллиан, чуть сбоку, в мягкое место, как раз туда, где находится почка. Даже легкий тычок вынудил девушку охнуть от боли, доказывая, каким чувствительным было это место.

— Удар ножом прямо сюда, в почку, настолько болезнен, что лишает человека способности кричать.

— Наверное, ты говоришь не всерьез. Они наверняка закричат.

Кэлен покачала головой.

— При ударе ножом в почку боль так велика, что горло сводит спазмом. Крик оказывается «заперт». В этом наш шанс. Прежде чем они упадут, умирая, и ударятся об пол, мы должны выскользнуть в дверь позади них. Необходимо проскользнуть как можно тише, чтобы выиграть как можно больше времени. Скорее всего, у нас будет максимум минута до того, как

наш побег обнаружат, но этой минуты тебе должно хватить для того, чтобы скрыться.

Ты сидишь здесь. Как только я всажу ножи в их спины, ты бросаешься к двери — так быстро, как только сможешь. Но без всякого шума. Я буду ждать тебя у дверей.

Джиллиан задыхалась от страха в предвкушении подобного испытания. Ее глаза были полны слез.

— Но я хочу, чтобы ты убежала со мной...

Кэлен присела на корточки и обняла девушку.

— Знаю. Но это все, что я могу сделать, чтобы защитить тебя, Джиллиан. И надеюсь, что этого окажется достаточно, чтобы ты смогла убежать.

Та вытерла глаза.

— А что будет с тобой?

— Беспокойся только о том, как убежать. Если у меня будет шанс к побегу, обещаю тебе, что воспользуюсь им. И скажи своему ворону, Локки, последить за мной на тот случай, если мне все-таки удастся сбежать.

— Хорошо.

Кэлен знала, что это ложная надежда. Она сжала плечо Джиллиан и встала. Затем напоследок проверила сидевшую за столом четверку. И сделала это как раз вовремя.

Джегань обернулся через плечо, чтобы взглянуть, чем занята Кэлен. Она же стояла неподвижно и молча рядом с Джиллиан, наблюдая, как он и сестры корпят над книгой, как будто все это время провела на этом месте, не делая ничего, кроме безучастного ожидания собственной судьбы. Он переключил внимание обратно к горячему спору между сестрой Улисией и сестрой Цецилией. Сестра Улисия проявляла упрямство, тогда как сестра Цецилия пыталась успокаивать Джеганя, стараясь говорить то, что ему хотелось бы слышать.

Убедившись, что внимание Джеганя снова занято книгой, Кэлен бесшумно переместилась к стражам. Когда один из них снова уставился на Джиллиан с неприкрытым возрастающим вожделением, Кэлен осторожно вытащила длинный нож, висевший у него на поясе. И без промедления переместилась к стражу, что стоял поодаль, и сделала то же самое, забирая и его длинный нож.

Стоя позади них, она бросила взгляд на сестер и Джеганя и, убедившись, что они по-прежнему заняты, посмотрела на Джиллиан. Девушка, обтерев о бедра взмокшие ладони, кивнула, подтверждая свою готовность.

Кэлен протянула руку к человеку справа и вытянула нож, висевший у него сбоку в чехле, закрепленном на перевязи. Это лезвие она зажала между зубами.

Без дальнейших промедлений она внимательно изучила нижнюю часть спины обоих стражей, выбирая точные места для удара. Она выбрала правую сторону человека, стоявшего от нее слева, и левую сторону стоявшего справа, чтобы иметь две расположенные близко цели и возможность вложить в удар всю свою силу.

Она переводила взгляд с одного человека на другого и примерялась, чтобы быть уверенной, что удар каждого ножа придется в нужное место. Если она ошибется, то это будет конец, но не обязательно для этих стражей. За ошибку придется расплачиваться Джиллиан. Все должно быть сделано верно и точно, и должно быть сделано так с первого раза.

Кэлен сделала глубокий вдох, задержала его на короткое время, а затем резко выдохнула, добавляя и эту энергию к тому движению, что вложила в этот колющий удар. Со всей силой она всадила оба ножа в спины этих людей. Лезвия вошли по самые рукоятки.

Оба человека замерли в сковавшем их шоке.

А Кэлен уже сделала новый вдох. На этот раз она выдохнула как можно быстрее и, использовав всю свою немалую силу, потянула к себе рукоятки ножей, чтобы лезвия в результате двинулись в обратные стороны, разрывая почки.

Оба стража стояли неподвижно, как замороженные, слегка скривившись и выгнув спины от сильнейшей мучительной боли. У них выкатились глаза и раскрылись рты, но они так и не издали ни звука. Они стояли, смертельно раненые, но неспособные ни сделать вдох, ни издать хоть слабый крик.

Когда Кэлен подняла глаза, Джиллиан уже двигалась к ней. Кэлен повернулась и быстро открыла узкую дверную створку. Она не хотела облегчать своим преследователям путь, распахивая обе половины.

Джиллиан была уже рядом. Колени стражей начинали сгибаться. Кэлен положила ладонь на спину Джиллиан, между плечами, и толкнула ее через дверной проем в коридор. Затем взяла в руки нож, что прежде держала в зубах.

— Беги. Не останавливайся, что бы ни случилось.

Джиллиан кивнула в ответ и рванула так, будто сам Владетель гнался за ней по пятам.

Кэлен повернулась, чтобы закрыть дверь, и как раз в этот момент оба стража рухнули на пол.

Четыре испуганных лица тут же повернулись в ее сторону. Кэлен толкнула дверь, закрывая ее, и тоже бросилась так, будто Владетель гнался теперь и за ней.

Она смутно видела, как далеко впереди Джиллиан достигла пересечения коридоров, где разветвления расходились в разные стороны. Девушка приостановилась, оглядываясь на Кэлен. Они обменялись коротким взглядом, полным глубокого смысла, а затем она исчезла в одном из проходов. Вокруг было так темно, что издали Кэлен не могла с уверенностью определить, в каком именно из переходов скрылась Джиллиан.

Позади нее раздался треск раскалываемого дерева, будто дверь разнесло на куски. Свет факелов внезапно залил коридор, высвечивая и Кэлен. Она тут же остановилась и повернулась назад. Затем перехватила нож за кончик лезвия. Кэлен видела, как внутри комнаты мечутся тени, торопясь к взломанному дверному проему. И она бросила со всей силы нож в этот дверной проем, еще до того, как кто-либо появился в нем.

Взбешенная от ярости и гнева, первой через разнесенную дверь устремилась сестра Цецилия. Нож ударил ее прямо в грудь. Кэлен хотелось бы, чтобы первым прорывался Джегань, но она почти не сомневалась, что это окажется сестра, так что и целилась соответственно. Лезвие летело надлежащим образом и врезалось прямо в сердце сестры Цецилии.

Сестра тяжело повалилась на пол. Кэлен развернулась и побежала со всех ног. Делая поворот, она увидела, что остальные образовали затор, споткнувшись о тело сестры Цецилии.

Кэлен бежала так, как не бегала никогда прежде. Она свернула в первый же поворот налево. У нее не было пред-

ставления, какой из коридоров выбрала Джиллиан, но впереди ее не видела. Девушка исчезла.

Внезапный прилив незамутненного веселья охватил Кэлен, наполняя ее душу волнением от успеха. У нее получилось! Она сдержала обещание перед Джиллиан и перед самой собой. Хотя бы в чем-то она смогла победить их.

От этой победы у нее кружилась голова, в то время как она неслась как сумасшедшая. Она не только убила двух стражей, но и уничтожила сестру Цецилию. Воспоминания о той боли, которую эта женщина доставляла ей, и то удовольствие, которое сестра извлекала из этого, промелькнули в голове Кэлен яркой вспышкой, и она наслаждалась своей местью.

Теперь, когда ее план удался и Джиллиан убежала, ее охватил страх. Она знала, что ей никуда не деться. Все, что она могла делать, это только бежать, выбирая произвольные повороты туннелей, и ждать конца.

И он наступил: навалился внезапный приступ боли, такой же, как та, подумала она, что испытали те двое, что стояли на страже у дверей.

Она поняла, что упала на землю, но на самом деле уже не ощущала ничего. А затем почувствовала себя так, словно весь этот потолок и весь мертвый город, что над ним, обрушились на нее сверху.

Окружающий мир потемнел и превратился в могильную тьму.

Глава 40

Ричард уже задыхался к тому времени, когда наконец преодолел подъем. Впрочем, не только задыхался, но еще и выдохся. Он сам понимал, что сэкономил время, не подкрепившись, и теперь расплачивался за это. Ноги ощущались так, будто были налиты свинцом. Живот сводило от голода. Он чувствовал слабость, и ему хотелось просто прилечь, но он не мог, по крайней мере сейчас не мог, когда так близок к цели. Сейчас, когда так много поставлено на карту.

Он съел попавшиеся по дороге кедровые орехи и несколько пригоршней черники, но не стал задерживаться, чтобы набрать побольше. Просто не хотел тратить время.

Но у него с собой был походный заплечный мешок, так что до наступления ночи, перед самым закатом, он забросил леску в небольшое озеро. Затем собрал охапку сушняка и с помощью кремня и стали развел огонь. К тому времени, как огонь занялся, он выловил три форели. Ричард был так голоден, что испытывал искушение съесть их прямо сырыми, но рыба обычно готовится быстро, так что он решил не торопиться.

Не желая задерживаться больше, чем необходимо, он позволил себе лишь короткий сон за все недолгое путешествие от того места, где расстался с сильфидой. Он считал, что чем раньше в его руках окажется книга, что оставил для него Барах, тем лучше. Три тысячи лет эта книга дожидалась его. И он не хотел продлевать это ожидание еще на одну ночь. Ему казалось, что, окажись он достаточно сообразительным, чтобы найти эту книгу раньше, удалось бы избежать всех тех проблем, которые стояли перед ним сейчас. Он надеялся, что эта

книга подскажет ему, как отыскать Кэлен и, возможно, даже как обратить вспять магию Огненной Цепи.

Он считал, что лучше обрести книгу как можно скорее, а затем заняться едой и заодно просмотреть ее. А потом уже побеспокоиться насчет сна и по поводу возвращения в Цитадель.

Цитадель была далеко. Ричард точно не знал, где сейчас находится, за исключением того, что где-то на приличном расстоянии к югу от Предела Агаден, в необитаемой, предположительно, области, в самой глубине непроходимой чащи, так что вряд ли удастся раздобыть здесь каких-либо лошадей. Решай проблемы по очереди, одну за одной, напомнил он себе, каждую проблему в отдельности.

Хотя взбираться по крутому каменистому склону, да еще в темноте, было очень трудно, он не мог доставить себе удовольствия остановиться, когда знал, что находится близко к цели. Кроме того, если он хотел повидать этих мерцающих в ночи, то сделать это можно только темной порой, так что не стоит дожидаться утра, чтобы закончить подъем, а затем прождать еще весь следующий день до тех пор, пока вновь стемнеет.

Добравшись наконец до вершины, Ричард внимательно оглядел окрестности, чтобы сориентироваться. За гребнем крутого склона местность выравнивалась, переходя в рощу из редко растущих дубов. Легкий ветерок, овевавший его весь день, стих несколько часов назад, на закате, и стояло полное безветрие. Тишина ощущалась гнетуще, словно повисшая на нем тяжесть. Обычные ночные звуки мелких животных и насекомых, естественные для долин, бесконечным морем раскинувшихся позади него, почему-то совсем затихли, пока он совершал этот долгий подъем.

При свете луны Ричард тут же заметил, что с деревьями что-то не так. Было похоже, что все они мертвые. Толстые приземистые стволы искривлены и покрыты наростами. Кора во многих местах начала отваливаться неровными длинными кусками. Изогнутые и перекошенные ветви выглядели как когти, тянущиеся, чтобы схватить любого, кто отважится проникнуть в это место.

Ричард до сих пор все внимание уделял подъему, но теперь насторожился, обратившись в слух, стараясь уловить

хоть какой-то звук в этой жуткой, нагоняющей страх тишине. Он осторожно пробирался под деревьями, стараясь производить как можно меньше шума. Это оказалось трудно, поскольку земля была усыпана сухими сучьями и листьями. Смутно вырисовывавшиеся наверху ветви отбрасывали нелепые тени в лунном свете, а прохладный воздух заставлял поеживаться.

При следующем шаге что-то хрустнуло под его ногой со странным дробным звуком ломающейся кости. За все годы, проведенные в лесах, Ричард никогда не слышал звука, подобного этому.

Он застыл на месте, прислушиваясь и ожидая. Его мысли понеслись ускоряющимся галопом, пока он старался «припомнить» этот звук, пытаясь уяснить его причину. Его старания не дали результата, он так и не смог определить его. Ничего больше не услышав и не заметив ничего движущегося, он осторожно отступил назад, убирая ногу с того, что оказалось им раздавлено.

После визуальной проверки всех направлений и оценки каждой тени он опустился на корточки, чтобы рассмотреть, на что же наступил. Что бы это ни было, оно оказалось прикрыто листьями. Ричард осторожно отгреб сгнившие листья в сторону.

На него уставился наполовину вдавленный в лесной суглинок, потемневший от времени, сломанный человеческий череп. Нога проломила округлую макушку, а неповрежденные пустые глазницы, казалось, смотрели на него.

Внимательно приглядевшись к земле вокруг, Ричард заметил под листьями и другие бугорки. Затем он заметил черепа, не похороненные под лесной подстилкой. Только с того места, где он сидел на корточках, можно было различить добрую полудюжину частично выступающих из листьев и еще большее число выдаваемых округлыми бугорками. Под листвой нашлись и остальные кости, имевшие отношение к тому черепу, на который он наступил.

Ричард медленно поднялся и снова тронулся в путь, внимательно осматривая по дороге землю, толстые искривленные стволы деревьев, а также ветки над головой. Но так никого не увидел и ничего не услышал. Теперь, зная, на что обращать внимание, он замечал черепа в самых разных местах. Дойдя до

тридцати, он перестал считать их. Казалось, останки здесь разбросаны, а не собраны грудами, словно люди умирали по отдельности или мелкими группами. За некоторыми исключениями, казалось, это были отдельные люди, каждый из которых умер в своем отдельном месте. Возможно, тела просто приносили в это место и бросали; но как было на самом деле, он не знал. Было несколько исключений, когда черепа лежали совсем близко друг к другу, но он посчитал, что такое могло произойти случайно — просто так вышло, что кто-то упал возле останков другого.

Ричард снова присел, чтобы осмотреть несколько черепов, из которых некоторые лежали на виду, а другие были скрыты под лесной подстилкой. Его первоначальная мысль была о том, что, возможно, здесь место древней битвы, но, насколько он мог судить даже при лунном свете, эти люди умерли никак не в одно и то же время. Место напоминало кладбище, где тела просто кидали на землю, а не хоронили в ней.

Он заметил здесь и кое-что другое: похоже, никакие хищники не побеспокоили мертвых. Будучи лесным проводником, Ричарду доводилось находить в лесу останки. Звери всегда доедали мертвых — и людей, и не людей. Здесь же все выглядело так, будто каждое из этих тел разложилось со временем, и кости остались лежать точно в том положении, в каком оказались, когда человек упал — на бок, либо с распростертыми руками, либо лицом вниз. Ни один не лежал так, как бывает в случае похорон: руки либо четко скрещены на груди, либо вытянуты по бокам. Здесь все выглядели так, будто просто свалились замертво. Но этот факт не казался настолько удивительным, как тот, что ни один труп, похоже, не был потревожен никаким хищником.

Проходя по этой, казалось, бесконечной дубовой роще, Ричард удивлялся, есть ли вообще у нее конец. В безлунную облачную ночь или даже пасмурным днем в этом месте можно было бы запросто заблудиться. Все вокруг выглядело одинаковым. Деревья располагались равномерно со всех сторон, и не было ровным счетом ничего, за исключением звезд и луны, что указывало, в каком он идет направлении.

Когда ему показалось, что он идет уже половину ночи, Ричард ускорил движение через этот лес мертвых. Он был

уверен, что следует в том направлении, что указала ему сильфида. Однако сильфида не имела представления, что именно Ричард найдет здесь; она только передала ему указание Бараха, оставленное три тысячи лет назад. Со времен Бараха здешний ландшафт мог сильно измениться. Хотя кости не казались такими старыми. Разумеется, могло быть и так, что в этой дубовой роще лежали и кости тысячелетней давности, к настоящему времени уже рассыпавшиеся бы в пыль.

По мере продвижения окружающие заросли становились все более густыми. Наконец Ричард обнаружил, что углубляется в темный и мрачный лес из громадных сосен, чьи стволы стояли близко друг к другу, а каждый ствол — такой же толстый, как когда-то его домик в лесах Хартленда. Это было все равно что неожиданно очутиться перед стеной взмывающих в самое небо гор. Стволы деревьев, напоминавшие колонны, не имели веток и сучьев до высоты, находящейся за пределами видимости. Но ветки, росшие еще выше, полностью закрывали небо и делали подножье леса темным, запутанным лабиринтом среди толстых стволов.

Ричард остановился, задумавшись, как выдержать направление в кромешной темноте, лежащей впереди, чтобы продолжать двигаться по прямой. И тогда он услышал шепот.

Он вскинул голову, прислушиваясь, пытаясь разобрать слова. Но не смог, и поэтому сделал еще несколько шагов в глубь мрака, давая глазам время приспособиться к темноте, прежде чем двинуться еще дальше. Вскоре он начал различать очертания деревьев, и тогда двинулся вперед, по каньону из стволов монументальных сосен.

— Поворачивай назад, — раздался шепот.

— Кто здесь? — прошептал он в ответ.

— Поворачивай назад, — произнес негромкий голос, — или навсегда останешься рядом с костями тех, кто был здесь до тебя.

— Я пришел, чтобы поговорить с мерцающими в ночи, — сказал Ричард.

— В таком случае, ты напрасно пришел сюда. Уходи немедленно, — повторил голос, на этот раз с большей настойчивостью.

Ричард попытался сопоставить звучание слов с тем голосом мерцающей в ночи, который он помнил. Голос был другой, но нечто общее заметно.

— Пожалуйста, покажитесь, чтобы я мог с вами поговорить.

Но лишь тишина окружала его. Ричард двинулся вперед, сделав с десяток шагов в темноту.

— Предупреждаю последний раз, — донесся внушающий страх загадочный голос. — Уходи немедленно.

— Я проделал долгий путь. И не уйду, не поговорив с мерцающими в ночи. Это очень важно.

— Не для нас.

Ричард стоял, подпирая одной рукой бок, пытаясь при этом вообразить, что делать дальше. В голове у него не было ясности. Общая слабость мешала думать.

— Да, да. Для вас это тоже очень важно.

— Каким образом?

— Я пришел за тем, что оставил для меня Барах.

— Точно так же думали и те, мимо чьих костей ты только что прошел.

— Послушай, это очень важно. Ведь, в конце концов, от этого также зависят и ваши жизни. В этой борьбе не останется никого в качестве постороннего свидетеля. Всех подхватит надвигающаяся буря.

— Все те истории, что ты слышал о сокровищах, всего лишь пустая ложь. Здесь нет ничего.

— Сокровище? Нет... ты не понял меня. Речь вообще не об этом. Думаю, ты все-таки неправильно меня понял. Я уже прошел испытания Бараха, которые тот заготовил для меня, — вот, собственно, почему я здесь. Я Ричард Рал. Я женат на Кэлен Амнелл, Матери-Исповеднице.

— Мы не знаем, о ком ты говоришь. Отправляйся к ней, пока можешь.

— Нет, в том-то все и дело, что не могу. Я пытаюсь найти ее.

Ричард в растерянности пригладил волосы. Он не знал, сколько у него есть времени, чтобы сказать все то, что он хотел сказать, или сколько надо пропустить в своем рассказе, если придется убеждать мерцающих в ночи в своей истинной причине появления здесь, убеждать их помочь ему.

— Когда-то вы ее знали. Против Кэлен была использована магия, заставляющая всех позабыть про нее. Вы знали ее, но позабыли, как и остальные. Кэлен часто приходила сюда. Будучи Матерью-Исповедницей, она старалась защищать земли мерцающих в ночи и держать людей подальше отсюда.

Она рассказала мне об этой прекрасной земле. Она рассказывала мне об открытых полянах посреди далеких древних лесов. Она бывала у мерцающих в ночи, когда те собирались в сумерках и устраивали танцы среди трав и полевых цветов.

Она рассказала мне, что провела много ночей, лежа на спине, в густой траве, а вокруг нее собирались мерцающие в ночи и беседовали с ней о том, что бывает общим в нашей и вашей жизни: о мечтах, надеждах и любви.

— В таком случае, мы рады сообщить, что мерцающие в ночи знали ее. Она была нашим другом.

Ричард увидел, как из-за деревьев приближается крохотный огонек.

— Уходи, или твои кости останутся с костями других, искавших сокровище, и никто больше не увидит тебя и не узнает, что стало с тобой.

— Будь мне нужно золото, я бы смог достать его. Но меня не интересуют сокровища.

Крошечная искра света начала удаляться.

— Не всякое сокровище — золото.

По мере того как огонек скользил вдаль, лучики кружащегося света играли на стволах деревьев, мимо которых он проходил.

— Я был знаком с Ша, — выкрикнул Ричард.

Световое пятно остановилось, вращение прекратилось.

С минуту Ричард наблюдал, как искра висела в отдалении, слабо освещая стволы тесно сбившихся лесных великанов, замерших, словно часовые, охраняющие то, что лежит за ними.

— Ты хочешь сказать, что пришел сюда не из-за легенды о хранящихся здесь сокровищах?

— Нет.

— Что ты знаешь о той, чье имя только что произнес?

— Я встречался с Ша после того, как она перешла через границу. Ша пересекла эту границу, чтобы помочь остановить

угрозу, исходящую от Даркена Рала. Ша перешла границу в попытках найти меня, чтобы я смог принять участие в этой борьбе. Прежде чем умереть, Ша сказала, что если мне когда-нибудь понадобится помощь мерцающих в ночи, то я могу назвать ее имя, и мне помогут, потому что никакой враг не может знать его.

Ричард указал назад, в сторону рощи мертвых дубов, где почивали забытые останки.

— Мне кажется, никто из тех людей, чьи кости покоятся там, не знал ее имя, как и имя любого из мерцающих в ночи.

Свет медленно двинулся мимо деревьев в его сторону и, в конце концов, замер неподалеку. Он даже мог ощущать мягкую теплоту лучей света, скользящих по его лицу. Это ощущалось как мягкое прикосновение паутины.

Ричард переместился на шаг ближе.

— Я говорил с Ша перед ее смертью. Она сказала, что больше не способна жить вдали от своего рода, а сил на возвращение к домашнему очагу у нее не было.

Она первая произнесла слова испытания от Бараха. Сказала, что верит в меня и знает, что во мне есть то, что должно привести к успеху. Это были слова Бараха. А затем она спросила меня о тайне.

Маленький огонек приобрел теплый розовый цвет, вращаясь при этом в полной тишине.

— И ты прошел ее испытание?

— Нет, — признался Ричард. — Тогда было еще слишком рано, чтобы я понял все это. Я пришел к пониманию значительно позже. Сильфида сказала, что теперь я прошел испытание, предусмотренное для меня Барахом.

— Как твое имя?

— Я вырос под именем Ричард Сайфер. Лишь потом узнал, что я еще и Ричард Рал. У меня были также и другие имена: Искатель Истины, Истинно рожденный; Несущий смерть; Ричард-с-Характером; Камень в Пруду; и Кахарин.

— А для тебя что-нибудь значит имя Гхази?

— Гхази? — Ричард задумался на минуту. — Нет. А должно?

— Оно означает «огонь». Гхази получил это имя по пророчеству. Если ты тот самый, то должен знать это имя.

— Жаль, но я не знаю его. И не знаю почему, но могу сказать, что я не доверяю пророчествам.

— Мне очень жаль, но в эту землю пришло несчастье. Мерцающие в ночи переживают время страданий. Мы не можем помочь тебе. Тебе следует уйти.

Его собеседник снова начал удаляться, вращаясь, пока уплывал между вздымающимися соснами.

Ричард сделал шаг вперед.

— Ша сказала, что если мне понадобится помощь мерцающих в ночи, они мне помогут! Мне нужна ваша помощь!

Маленькая точка света снова остановилась. У Ричарда возникло четкое ощущение, по тому, как она неподвижно зависла, что мерцающий в ночи что-то обдумывал. Прошла почти минута, и он снова начал медленно вращаться, отбрасывая мерцающие лучи света. Он вернулся назад почти на прежнее место.

Затем мерцающий в ночи произнес имя. Ричард уже много лет не слышал, чтобы это имя произносили вслух.

Кровь застыла у него в жилах.

— Может быть, *это* имя что-то значит для тебя? — спросил его собеседник.

— Откуда ты знаешь имя моей матери? — прошептал Ричард.

Мерцающий медленно подтянулся еще ближе.

— Много-много лет назад Гхази отправился через границу тьмы, чтобы отыскать ее, чтобы помочь ей, рассказать ей о ее сыне и сообщить еще множество самых разных вещей, которые ей необходимо знать, множество разных вещей, которые потребуется знать ее сыну. Но Гхази так и не вернулся.

Ричард уставился на него широко открытыми глазами.

— А куда деваются мерцающие в ночи днем? Когда вокруг светло?

Его собеседник, представлявший собой не более чем светящийся серебристым светом уголек, медленно повернулся, отбрасывая лучи, скользнувшие по лицу Ричарда.

— Мы отправляемся туда, где темно. Мы не любим находиться на свету.

— А огонь может повредить вам?

Лучи света стали тускнеть.

— Огонь может нас убить.

— Добрые духи... — прошептал Ричард.

Тот, с кем он беседовал, приблизился, его мерцающий свет стал ярче, словно для того, чтобы изучить лицо Ричарда.

— В чем дело?

— А что за пророчество было относительно Гхази? — поинтересовался Ричард.

Медленно вращающийся свет остановился.

— Пророчество касалось смерти Гхази. Оно указывало, что ему предназначено умереть в огне.

Ричард на секунду прикрыл глаза.

— Много лет назад, когда я был еще ребенком, моя мать погибла в огне.

Мерцающий в ночи оставался безмолвным.

— Мне очень жаль, — сказал Ричард тихим голосом, в то время как слова Шоты проносились в его голове, — но я думаю, что Гхази умер в моем доме. Наш дом охватил огонь. После того как моя мать вытащила из огня меня и моего брата, она вернулась туда еще за чем-то... Мы так и не узнали, за чем. Вероятно, она задохнулась в дыму. Больше я не видел ее. Она погибла в пламени.

Думаю, она вернулась туда за Гхази. Думаю, моя мать и Гхази погибли вместе в этом огне, и он не смог завершить свою миссию.

Казалось, мерцающий в ночи пристально наблюдал за ним некоторое время.

— Мне очень жаль, что такое случилось с твоей матерью. И что печаль об этом все еще не покидает тебя.

Ричард растерял все слова и мог только кивать. Мерцающий в ночи вновь начал вращаться, на этот раз быстрее.

— Ричард Сайфер — это то имя, под которым мы знаем тебя. Идем, Ричард Сайфер, и мы расскажем тебе то, что Гхази отправился сообщить твоей матери.

Глава 41

Ричард последовал за искрящейся точкой света в древний лесной массив, в место тишины и покоя. Он еще никогда не видел столь огромных деревьев. И он был поражен странным несоответствием, как такие крошечные существа жили среди таких больших деревьев.

Казалось, он шел долгие часы, хотя Ричард знал, что это кажется ему из-за сильного утомления. Когда они наконец выбрались на просторную поляну, Ричард едва поверил своим глазам. Здесь все было так, как описывала ему Кэлен. Травянистый луг усыпан сотнями искр мерцающих в ночи, скользящих меж высоких стеблей травы и полевых цветов. То звездное поле, что виднелось вверху в разрыве между высокими соснами, казалось безжизненными и мертвыми по сравнению со звездами, сверкавшими в этой траве.

Зрелище было восхитительное, но оно вызвало в сердце Ричарда боль, потому что напомнило ему о Кэлен и о том первом дне, когда он встретил ее и когда она представила его Ша, о том времени, когда она рассказывала ему о мерцающих в ночи. В его мыслях Кэлен и мерцающие в ночи были связаны.

И вот, спустя столько лет, он узнал, что его мать бросилась в горящий дом спасать именно мерцающего в ночи. В том огне погибла не она одна.

А все из-за того, что за тысячи лет до этого некий человек отправился в Храм Ветров и сделал там нечто такое, в результате чего Ричард появился на свет с двумя сторонами дара... с двумя сторонами, которых, по словам сильфиды, он теперь лишен.

Как только Ричард ступил на траву, некоторые из мерцающих в ночи приблизились к нему, заинтересовавшись незнакомцем, оказавшимся среди них. Они вспыхивали то ярче, то слабее, как будто беседовали между собой.

— Как тебя зовут? — спросил Ричард сопровождавшее его крошечное существо.

— Мое имя Тэм.

Ричард наблюдал, как мерцающие в ночи, плавно скользя, приближаются к нему, даже поднимаются на одну с ним высоту, прежде чем уплыть в сторону.

— Наша численность сокращается, — сказал Тэм. — Подобного раньше никогда не случалось. Для нас наступает время тяжелых испытаний. Но причины этого нам неизвестны.

— Отчасти из-за этой причины я и оказался здесь, — сказал ему Ричард. — Я надеюсь получить помощь, и тогда мне, возможно, удастся остановить то, что вызывает пагубу среди мерцающих в ночи. Если же мне не удастся преуспеть в этом, вы в конце концов исчезнете из этого мира.

Тэм некоторое время молча обдумывал услышанное. Остальные, кто слышал слова Ричарда, медленно отплывали в сторону, забиваясь в темные места в гуще травы, словно в поисках укромного тихого местечка, где можно поплакать. Хотя некоторые, наоборот, приблизились.

— Здесь многие знали Гхази, — сказал Тэм. — И скучают по нему. Не можешь ли ты рассказать нам, что он сказал перед тем, как жизнь покинула его? Так, как ты рассказывал о словах, сказанных Ша?

— Весьма сожалею, Тэм, но я вовсе не видел Гхази. Даже не знал, что он приходил повидать мою мать. Должно быть, Гхази и моя мать умерли до того, как у него появился шанс рассказать нам хоть что-то о причинах своего появления там.

Ричард удивился: уж не это ли было причиной пожара?

Многие из мерцающих в ночи потускнели, как будто разочарованные тем, что он так и не смог сообщить им последних слов Гхази.

Ричард вспомнил о цели своего появления здесь и вновь обратился к своему проводнику.

— Тэм, пожалуйста, пойми, я пришел сюда по очень важной причине, которая, как я говорил, связана с тем, что заставляет мерцающих в ночи страдать, и это может помочь вам. Я пришел сюда потому, что Барах оставил кое-что для меня. Здесь находится его библиотека. Он отправлял сюда свою жену с книгой для меня.

— Магда, его жена, — заметил кто-то из ближайших мерцающих в ночи. Ричард не мог определить, кто именно из них говорил, но бесспорно звук голоса был более женственным, чем у Тэма.

— Да, верно.

— Это было задолго до наших дней, — сказала она, — но слова Бараха дошли и до нас. Мы по-прежнему храним тайны, которые он доверил сберегать нам. Меня зовут Джесс. Идем. Мы с Тэмом покажем тебе это место.

Тэм и Джесс повели Ричарда по шелковистой траве к возвышавшимся слева деревьям. Там, среди сосен, в стороне от открытой луговины, вновь было погружение в мир тьмы. Но два этих крошечных и хрупких существа давали ему свет, вполне позволяющий не сбиваться с пути.

— Далеко ли идти? — спросил Ричард.

— Вовсе нет, — сказала Джесс.

— Это место находится внутри наших земель, — сказал Тэм. — То самое место, которое мы должны охранять и защищать. Тысячелетиями зернышки слухов, падавшие в плодородную почву из кусочков и обрывков фактов, поливались и удобрялись желаниями, а затем начали пускать корни и давать всходы. В конечном счете обильный урожай ложных представлений вырос и был разнесен ветром молвы — что, якобы, мы прячем у себя баснословный золотой клад. И ничто не могло убедить уверовавших, что все это неправда. Правда не имеет для этих людей такого же блеска, как золото. А их мечта заполучить незаслуженное богатство так сильна, что они скорее принесут в жертву все по-настоящему ценное для них, чем примут правду о том, что вера в эти богатства была попросту пустой.

— То, что мы прячем здесь, вовсе не сокровище, — сказала Джесс, — а всего лишь обязательство, принятое нашими предками.

— В своем роде это сокровище, — сказал им Ричард. — Во всяком случае, для того, кому оно предназначено.

То, что им не казалось далеким, оказалось слишком далеко для Ричарда. Ему становилось все труднее переставлять ноги. Живот сводило от голода, так что временами в нем урчало, пока они шли через примолкший лес.

Было, видимо, уже далеко за полночь, когда деревья расступились и Ричард наконец смог увидеть простиравшуюся внизу долину, залитую серебристым светом луны. Буйный лес покрывал эту чашу, словно ковер, поднимаясь и по склонам гор, замыкавших ее со всех сторон. Точка, где он стоял, осматривая всю долину, не только главенствовала над местностью, но отсюда открывались прекрасные виды, которые всегда нравились Ричарду. Он страстно жаждал побродить в таком месте, исследуя его, спуститься в те леса... но сделать это вместе с Кэлен. Без Кэлен, без ее улыбки мир был пустым и мертвым.

— Вот то самое место, где находится библиотека, которую Учитель Барах завещал нам охранять, — сказал Тэм.

Ричард огляделся по сторонам. Он видел лишь папоротники, несколько лиан, спускавшихся из темноты откуда-то сверху, и могучие стволы сосен, стоявшие неподалеку на самом краю пропасти.

— Где? — спросил он. — Я не вижу нигде никакого здания.

— Здесь, — сказала Джесс, подплывая к небольшому камню и устраиваясь отдохнуть прямо на нем. — Здесь, внизу, и находится библиотека.

Ричард почесал затылок. Это казалось неподходящим для библиотеки. Но затем он припомнил, как искал вход в библиотеку в Касске, в итоге оказавшийся под могильным камнем. В свете этого здесь просматривался определенный смысл. Здание давным-давно было бы обнаружено и разграблено.

Он нагнулся и уперся плечом в камень, в небольшое углубление в нем, не имевшее острых граней. Он почти не сомневался, что у него не хватит сил, чтобы сдвинуть такую каменную глыбу, но, тем не менее, приложил к камню весь свой вес. С большим трудом, но он начал сдвигать его в сторону.

Мерцающие в ночи приблизились, чтобы вместе с Ричардом посмотреть, что же было под камнем. Открылась небольшая гладкая площадка. Но здесь не было никакого отверстия и никакой лестницы, ведущей вниз, под землю.

Ричард опустился на колени и погрузил пальцы в то, что находилось под камнем. Мягко и сухо.

— Это всего лишь песок.

— Да, — сказала Джесс. — Прибыв сюда, Магда, следуя указаниям мужа, воспользовалась магией и засыпала то, что располагается внизу.

Ричард выразил недоверие:

— Песком?

— Да, — сказала Джесс.

— И много здесь песка? — спросил Ричард. Он вовсе не рвался раскапывать засыпанный песком проход, неважно, насколько сложным это было бы.

— Видишь вон ту небольшую речку, там, в долине? — спросила Джесс.

Ричард прищурился и, при тусклом лунном свете, приглядевшись, увидел искрящиеся блики на воде, петляющей среди песчаных отмелей.

— Да, я вижу ее.

— До нас дошел рассказ о том, — сказала Джесс, — что Магда прибыла с очень сильной магией, полученной от Бараха. Она воспользовалась ею, чтобы вызвать вихрь, который и переместил песок с берегов той речки и, как из воронки, засыпал им это отверстие в земле, чтобы таким образом защитить все нижнее пространство.

— Защитить? Но от чего?

— От всякого, кто способен зайти так далеко. Этот песок здесь с целью остановить поиски любого, способного прийти сюда за тем, что находится здесь внизу.

— Ну, я полагаю, что если здесь действительно много песка, это серьезно помешает любому. — Ричард с подозрением глянул на двух крошечных существ, медленно вращавшихся в лунном свете. — Так сколько же здесь все-таки песка?

Тэм выплыл за край обрыва.

— Видишь вон тот выступ внизу?

Ричард осторожно перегнулся через край обрыва и вгляделся вниз. До находившегося там и напоминавшего узкую полку каменного выступа было несколько сотен футов.

— Да, вижу его.

— Вот на этой глубине и следует искать комнаты библиотеки.

— Так, значит, комнаты библиотеки погребены глубоко... под всем этим песком?

— Да, — сказал Тэм.

Ричард был ошеломлен. Должно быть, песка здесь размером с целый дворец.

— И как же мне прикажете раскапывать это? Потребуются века, чтобы справиться с такой работой.

Тэм возвратился к нему, оказавшись почти у самого его лица.

— Возможно. Но Барах сказал, что если ты тот самый, то должен знать, что делать.

— Если я тот самый? — Ричард ощутил тяжесть свалившегося на него уныния, словно обрушилась гора песка. — Ну почему мне всегда приходится быть «тем самым»?

Тэм с минуту молча вращался.

— Это следует говорить не нам.

Ричард едва не застонал от разочарования: оказаться так близко, а на деле так далеко.

— Если я тот самый, тогда почему же он не мог оставить мне послание, чтобы я знал, как мне быть и что делать?

Тэм и Джесс с минуту молчали, будто думали о чем-то.

— Да, есть нечто, что мы забыли сказать, — призналась наконец Джесс.

— И что именно?

— Барах сказал, что мерцающим в ночи надлежит охранять это место веками, но в тот момент, когда пески времени наконец закончат течь, тот, для кого предназначена эта книга, окажется здесь и заберет эту книгу с собой. — Джесс, продолжая кружиться, приблизилась к нему. — Это может помочь тебе, Ричард Сайфер?

Ричард схватился руками за голову. Почему Барах не мог просто подсказать ему, как обрести «Тайну могущества боевого чародея»? Может быть, он полагал, что человек, которому

предназначена эта книга, уже сейчас должен был дойти до такого могущества, что все это не будет для него помехой? Может, он предполагал, что Ричард уже знает, как закружить магический вихрь и таким образом вытянуть этот песок наружу? И если так, то Ричард никак не мог быть «тем самым». Он не только не знал, как воспользоваться своей силой, но и, после того, что произошло внутри сильфиды, больше не обладал даром.

Для Ричарда пески времени уже все давно утекли. Сестры Тьмы запустили в действие шкатулки Ордена; гармонии уже внесли искажения мир живого, которые теперь разрушали магию, что явилось огромным несчастьем, от которого страдали и мерцающие в ночи; и армия Имперского Ордена теперь совершенно беспрепятственно свирепствовала в Новом мире. Но для него лично самым худшим было похищение Кэлен, оказавшейся под воздействием магии Огненной Цепи и отчаянно нуждающейся в его помощи.

А он стоит здесь и ждет, когда пески времени закончат течь.

Ричард убрал руки от лица, продолжая хмуриться. Он склонился над обрывом скалы и глянул на видневшийся далеко внизу выступ. Пески времени.

Он посмотрел левее, продолжая изучать скалу, и не увидел там ничего подходящего, зато справа, как ему показалось, увидел путь, как по скале спуститься вниз. Он сбросил со спины походный мешок и, положив его на землю, отыскал ручку и штык походной лопатки и торопливо собрал ее.

— «Когда пески времени закончат течь, тот, для кого предназначена эта книга, окажется здесь и заберет эту книгу с собой», — процитировал он. — Разве не так ты сказала?

— Да, — согласилась Джесс. — Именно это передано нам предками.

Ричард снова заглянул за край скалы.

— Мне нужно спуститься туда, к этому выступу, — сказал он мерцающим в ночи.

— Мы отправимся с тобой и будем освещать путь, — сказал Тэм.

Ричард не стал терять времени и откладывать спуск по каменистому обрыву. Это оказалось действительно труд-

ным, как он и предполагал, но продолжалось недолго, и вскоре он уже стоял на узкой полке-выступе, значительно ниже вершины скалы, где он сдвигал с места камень, обозначавший вход.

Он внимательно изучил все здесь, ковыряя поверхность каменной стены, пока не обнаружил то, что искал. И немедленно начал копать, выбивая и выковыривая, как рычагом, камни, крепко сидящие в том, о чем было трудно судить наверняка при слабом свете луны и двух мерцающих в ночи, но, похоже, это было действительно то, о чем он думал. Когда скала начала подаваться, его уверенность возросла. И чем больше кусков камня он извлекал, тем легче было удалять последующие.

Требовалась осторожность при освобождении самых больших камней: одно неверное движение — и он мог соскользнуть и сорваться с узкого уступа. Некоторые из валунов в растущем отверстии были больше, чем он способен поднять, такие он просто выкатывал, удаляя из постоянно расширяющегося прохода. К счастью, под большинство таких валунов удавалось подкопаться, чтобы выкатить. Он отходил по узкому выступу чуть в сторону, чтобы и камни и валуны падали мимо него, и наблюдал, как они срывались в ночной воздух, а затем беззвучно падали, пока окончательно не обрушивались в видневшийся далеко внизу лес.

Неожиданно, когда лопатка ушла во что-то мягкое, остаток заглушки из камней начал скользить с легким рокотом и посыпался каскадом фрагментов. Ричард успел отпрыгнуть с их пути. С нарастающим ревом за камнями последовал поток песка, высыпающегося в открытое пространство, превращаясь в уходящую вниз дугу.

Ричард стоял, прижавшись спиной к скале, а его сердце радостно билось при виде этого внезапного обвала, очищавшего вырубленные в скале помещения. Мерцающие в ночи крутились неподалеку, наблюдая за удивительным зрелищем. Один из них — Ричард не был уверен, кто именно, — проследил, куда именно падала колонна песка, а затем вернулся.

Казалось, он будет высыпаться вечность, но вот поток песка, вытекавшего из отверстия, заметно уменьшился, и теперь лишь небольшая струйка его высыпалась рывками.

Ричард, не тратя времени, забрался в отверстие.

— Идите сюда, — позвал он своих помощников. — Мне нужен свет.

Оба мерцающих в ночи с готовностью перелетели через его плечи, чтобы вступить в проход раньше него. Едва попав внутрь, они осветили просторное помещение. Ричард тоже прошел внутрь и, отряхиваясь, разглядывал полки, заполненные книгами. Подумать только, насколько это удивительно — оказаться первым, кто стоял в этом месте после Магды Сирус, той женщины, что стала Первой Исповедницей.

Мысль о Магде напомнила ему о Кэлен и о необходимости найти ее, поэтому он немедленно приступил к осмотру. Место выглядело как типичная библиотека, с дверным проемом в дальней стене, который, как он мог видеть, вел дальше, в глубь скалы. Еще он заметил смутные очертания других проемов и винтовых лестниц. Хотя наружу высыпалось целое море песка, внутри его оставалось еще достаточно, он покрывал все вокруг. Потребуется заметное время, чтобы вычистить помещение, и лишь тогда можно будет разбираться, что оно содержит.

Однако справа, на каменной тумбе посреди пустой каменной стены, особняком лежала книга. Ричард поднял ее из песка и сдул остатки песка и пыль.

На обложке было указано: «Тайна могущества боевого чародея».

Его пальцы осторожно гладили золоченые буквы на обложке, пока он очередной раз читал слова, предназначенные ему.

Это было повергающее в трепет чувство: осознавать, что боевой чародей, сам Первый волшебник Барах, написал эту самую книгу специально для того, кто будет рожден с силой, о которой он позаботился, высвобождая ее из Храма Ветров. Наконец-то Ричард обрел то сокровище, которое Барах оставил ему.

Мерцающие в ночи, повиснув над плечами Ричарда, каждый над своим, наблюдали, как он с благоговением разглядывает книгу, которая наконец-то должна ответить на его вопросы и помочь ему овладеть своим даром.

И вот, с сильно бьющимся сердцем, Ричард открыл обложку, чтобы посмотреть, чему именно Барах хотел научить его.

Первая страница была пустой, то есть абсолютно чистой.

Ричард перевернул еще несколько страниц, но и они оказались пустыми. Он пролистал всю книгу и обнаружил, что, за исключением слов на обложке, вся она состоит лишь из чистых страниц.

Ричард сжал виски пальцами одной руки, обхватив лоб. Ему показалось, что он в лихорадке.

— Вы что-нибудь видите на этих страницах?

— Нет, — сказала Джесс. — Извини.

— Я не вижу вообще никаких письменных знаков, — добавил Тэм.

И тогда Ричард понял, в чем была проблема. Сердце его упало.

«Тайна могущества боевого чародея» была собранием наставлений по использованию особого дара. Эта книга заключала в себе магию. По какой-то причине Ричард оказался лишен своего дара. А без помощи этого дара все, что бы ни было написано на этих страницах, не могло задержаться в его памяти. Он забывал слова прежде, чем мог осознать их.

Будучи неспособным вспомнить ни единого слова из «Книги сочтенных теней», он не мог помнить достаточно долго и ни единого слова из «Тайн могущества боевого чародея». В отсутствие дара книга должна казаться ему пустой.

— Я буду вынужден взять это с собой, — сказал Ричард, обращаясь к мерцающим в ночи.

— Как и говорил Барах, ты можешь сделать это, Ричард Сайфер, — сказал Тэм.

Ричард задумался: предвидел ли каким-то образом Барах подобную ситуацию? У Ричарда не было времени обдумывать, знал он заранее или нет. Он выбрался через раскопанный проход и поднялся вдоль скалы. Он обратил внимание, что над этим проходом нависала скала, и, вероятно, поэтому вода в течение всего времени так и не размыла «заглушку» и не проникла внутрь. Песок должен был оставаться сухим не только для того, чтобы не испортились находящиеся внутри книги, но и чтобы он мог потом вытечь наружу. Ричард решил, что библиотека и сейчас остается вполне защищенной от дождя.

Наверху он спрятал столь ценную, но «пустую» книгу в походный мешок. На месте сдвинутого камня, где прежде был песок, теперь была винтовая лестница, ведущая в лежавшую внизу темноту. Чтобы быть уверенным, что никто не найдет случайно эту библиотеку, он прилагал к камню неимоверные усилия, пока не добился того, чтобы вернуть его на прежнее место.

Тяжело дыша от усталости, он забросил мешок за спину. В голове его проносились тысячи самых разных мыслей. На обратном пути через темный лес Ричард почти не разговаривал с мерцающими в ночи, лишь благодарил их за помощь.

Когда они снова добрались до лесной лужайки, он внимательнее посмотрел на скользивших среди травы и полевых цветов мерцающих в ночи, некоторые из которых кружились в замысловатых танцах, двигаясь парами. И подумал, насколько больше их было в те времена, когда здесь бывала Кэлен?

Из-за тоски по Кэлен к его горлу подкатил комок. Она была для него всем. Целым миром, который казался исчезнувшим навсегда.

— Я должен идти, — сказал он Тэму и Джесс. — Я надеюсь использовать то, что нашел здесь, чтобы помочь остановить страдания мерцающих в ночи, как и всех других.

— Но ты вернешься? — спросила Джесс.

Коротко поразмыслив о спрятанной библиотеке, Ричард кивнул.

— Да. И надеюсь привести с собой Кэлен, а к тому времени вы вспомните ее. Я знаю, что она очень обрадуется, увидев вас всех снова.

— Когда вспомним ее, — сказала Джесс, — мы тоже будем рады.

Едва сдерживая слезы, Ричард кивнул и отправился в обратный путь.

Тэм проводил его через древний лес, помогая найти дорогу. На границе, где заканчивались древние сосны, мерцающий в ночи остановился.

— Барах был очень мудр, выбирая тебя, Ричард Сайфер. Я уверен, что у тебя есть все для успеха. Желаю тебе преуспеть.

Ричард печально улыбнулся. Хотелось бы и ему быть таким же уверенным. У него больше нет доступа к своему дару — если тот вообще сохранился, — и он не имеет ни малейшего

представления, как добиться успеха. Возможно, Зедд окажется способен помочь ему.

— Спасибо, Тэм. Ты и остальные мерцающие — хорошие защитники всего того, что Барах оставил вам. Я сделаю все, что могу, чтобы защитить вас и других невинных, находящихся в такой большой опасности.

— Если ты не преуспеешь, Ричард Сайфер, уверен, это будет не из-за недостатка усердия. И если тебе снова понадобится наша помощь, то, как говорила и Ша, назови одно из наших имен, и мы постараемся помочь тебе.

Ричард кивнул и пошел прочь, повернувшись разок, чтобы помахать рукой. Мерцающий в ночи еще некоторое время излучал розовый свет, а затем исчез среди деревьев. Оказавшись под лучами одной лишь луны, Ричард почувствовал себя ужасно одиноким.

Роща из мертвых дубов, казалось, тянется бесконечно. Он тяжело брел в тупом оцепенении. Ему требовалось отдохнуть и поесть, но он хотел выбраться из странной рощи и поскорее спуститься в нормальный лес. Время от времени ему попадались кости, оплетенные корнями дубов, будто деревья вцеплялись в мертвых и крепко удерживали.

Где-то посреди мертвой рощи, после бесконечно долгого странствия, поглощенный беспокойными мыслями, Ричард вздрогнул, ощутив в воздухе неожиданный холод, и втянул леденящий воздух в легкие.

Ощущение было такое, будто он забрел в пасть зимы.

Подняв взгляд от земли, он разглядел то, что поначалу выглядело как тень, поднявшаяся из скелетов. Когда же он наконец осознал, что это на самом деле, ледяная дрожь пронзила его позвоночник.

Это была высокая женщина с жесткими черными волосами. Ее одежда была черной как смоль. Кожа такая же бледная, как луна, делала вытянутое лицо будто плывущим в сплошной темноте. Высохшая плоть плотно обтягивала костлявые черты, как, по его представлению, должны выглядеть мертвецы, некоторое время пролежавшие в этом всеми забытом лесу, ожидая, пока черви закончат свою работу.

Ее едва заметная угрожающая улыбка безошибочно указывала, что она из тех, кто вполне способен оставить кости

изнуренных и измученных людей гнить именно в подобном месте, среди разлагавшихся мертвецов.

Ричарда заморозило настолько, что он не смог сдвинуться с места. Он понимал, что дрожит, но не мог сдержать себя. Не мог почувствовать пальцы ни на руках, ни на ногах. Ему хотелось сорваться с места и побежать, но он не мог заставить свои ноги двигаться.

У него не было дара, который можно было бы призвать. И не было меча, чтобы вытащить его из ножен.

Он чувствовал себя беспомощным под чарующим пристальным взглядом ее обесцвеченных синих глаз.

Ричард подумал, что теперь и его кости останутся лежать в этом заброшенном месте, рядом со всеми остальными костями неведомо кого — всех, пришедших сюда с надменными мечтами.

Руки женщины взметнулись вверх, как поднимаются крылья ворона, и ночь поглотила его.

Глава 42

Очень медленно, постепенно Кэлен начала различать непонятный приглушенный гомон голосов, как отдаленных, так и более близких. Будучи почти в шоке, на грани сознания, она не могла сказать с уверенностью, было ли это реальным или только воображаемым. Она знала, что некоторые образы, бесконечной чередой проносящиеся в ее сознании, — несомненно, плоды воображения, несмотря на то, что казались совершенно реальными. Она знала, что не могла стоять среди поляны, полной звезд, в следующую минуту нестись верхом на лошади в гуще сражения с иссушенными трупами, а еще через миг лететь сквозь облака на спине красного дракона. Все это казалось реальным, но она знала, что такого просто не могло быть.

В конце концов, драконы никогда не существовали. Это всего лишь миф.

Но если то, что она слышала, действительно было голосами, слов она не понимала. Они доходили до нее раздробленными, нечеткими звуками, и при этом каждое возвышение тона болезненно резонировало с чем-то глубоко внутри нее.

В чем она была уверена, так это в том, что ее голова пульсирует в медленном мучительном ритме, и каждый толчок этого ритма ощущался так, будто череп готов разорваться от давления изнутри. А на каждом спаде внутри нее возникала тошнота, казалось, для того только, чтобы тут же снова стать незаметной на фоне следующего мучительного сжатия.

Изо всех сил стараясь приоткрыть глаза, Кэлен так и не смогла поднять отяжелевшие веки. Для этого требовалось значительно больше сил, чем она могла собрать сию минуту.

Кроме того, она боялась, что здесь может оказаться свет, а она была уверена, что свет причинял боль, словно длинные иглы, пронзающие ее беззащитные глаза.

Она ощущала себя так, будто оказалась подвешена в чем-то плотном, удерживающем ее в неподвижном состоянии, в то время как скрытая сила мучила и терзала ее пульсирующим давлением. Отчаянно пытаясь высвободиться из этих объятий, она старалась согнуть руки, но те слишком одеревенели. Она пыталась подвигать ногами или хотя бы поднять колено, но ее ноги туго сдавливались коконом плотного мрака.

Звук — вероятно, резкое слово — заставил ее вздрогнуть, подталкивая сознание ближе к грани пробуждения, поднимая ее из оцепенелого помутнения в мир живого. Теперь она была уверена, что слышит голоса. Постепенно проявилась способность различать отдельные слова.

Она мысленно хваталась за эти слова, как за единственную надежду, и использовала их, пытаясь выбраться из темного колодца бессознательного состояния. Она дышала ровно, концентрируя все внимание на словах, стараясь отодвинуть пульсации на задний план, в то время как сама тщательно прислушивалась к каждому слову и пыталась связать их друг с другом в осмысленные цепочки. Она различала голоса женщин и голос мужчины. Очень сердитого и грубого мужчины.

Тем не менее, боль от пробуждения изматывала еще больше, чем подобные сну страдания, которые она испытывала, пока находилась без сознания. Реальность обладала способностью добавлять болезненным ощущениям мучительную весомость, превращая их в физическую боль и жестокие мучения, пробиравшие все ее тело.

Пытаясь отвлечься от терзающей ее боли, Кэлен приоткрыла глаза, чтобы украдкой глянуть на окружающее и осторожно осмотреться. Она находилась внутри какого-то сооружения, выглядевшего как шатер из рыжевато-коричневой парусины, но если это действительно шатер, то он намного больше любого, какой ей доводилось видеть. По одной его стороне свисали богатые ковры, видимо исполнявшие роль дверей.

Она лежала на толстых шкурах, постеленных на каком-то возвышении, а не просто раскинутых на полу. В нагретом,

душном воздухе ей было жарко. Во всяком случае, она не была укрыта одеялом. Кэлен решила, что ее положили так, чтобы держать под наблюдением. Напротив того места, где она лежала, стоял стул с резной спинкой, но на нем никто не сидел.

По всему пространству шатра было расставлено несколько ламп, одни стояли прямо на сундуках, тогда как другие висели на цепях. Они мало способствовали тому, чтобы разогнать мрачную атмосферу внутри шатра, но зато запах горящего масла маскировал тяжелый смрад пота, животных и навоза. Кэлен утешилась тем, что свет не причинял боли ее глазам, как она опасалась.

В тусклом свете прошла одна из сестер, словно призрак, пытающийся найти собственную могилу.

Сквозь плотную и тяжелую парусину шатра и укрытый коврами вход снаружи проникал приглушенный общий гул. Звук был такой, словно целый город окружал этот заповедник относительной тишины. Кэлен смутно различала голоса тысяч людей, цоканье копыт, скрип повозок, мычанье мулов и металлический перезвон оружия и доспехов. Издалека доносились отдаваемые приказы, смех, ругань, тогда как речи, слышимые неподалеку, разобрать было невозможно.

Кэлен знала, на что похожа эта армия. Она имела некоторое представление о ней по тем местам, через которые она проходила, и видела тех, кого эта армия терзала, насиловала и убивала. Она не хотела даже выходить наружу, чтобы оказаться среди таких варваров, какими были, по ее мнению, эти солдаты.

Заметив, что Джегань взглянул в ее сторону, она притворилась, что все еще находится без сознания, стараясь ровно дышать и лежать совершенно неподвижно, держа глаза почти закрытыми. Очевидно, решив, что она еще не пришла в себя, он снова обратил внимание к вышагивавшей по шатру сестре Улисии.

— Это не может быть так просто, — настаивала сестра Эрминия, стоявшая неподвижно возле стола. Она надменно вздернула нос.

Кэлен смогла лишь различить край лежащего на столе тома. Растопыренные пальцы сестры Эрминии опирались на кожаную обложку книги.

— Эрминия, — спросил Джегань спокойным, почти приятным голосом, — можешь ли ты хотя бы попытаться представить себе, как забавно бывает мне присутствовать в голове какой-нибудь сестры, обеспокоенной тем, что я отправлю ее по палаткам, передавая с рук на руки моим солдатам?

Женщина побледнела, делая шаг назад, но ее спина уперлась в парусину шатра.

— Нет, ваше превосходительство.

— Быть там, наблюдая их страх? Быть в их разуме, следя за тем, как они становятся совершенно беспомощными, едва крепкие руки срывают с них одежду и начинают щупать их тело, едва их бросают на голую землю, заставляя раздвинуть ноги, а затем они оказываются под мужчинами, которые не видят в них никакой иной ценности, кроме небольшого похотливого развлечения? Мужчинами, вообще не питающими к ним никаких симпатий, не заботящимися ни в малейшей степени, какие страдания причиняют им в своем небрежном стремлении удовлетворить свое желание? Можешь ли ты представить, какое удовлетворение я испытываю, наблюдая изнутри за такими вот провинившимися сестрами, будучи очевидцем их, так сказать, заслуженного наказания?

Глаза сестры Эрминии в ужасе округлились, и она произнесла едва слышно:

— Нет, ваше превосходительство.

— Тогда полагаю, что тебе стоит прекратить возражать, основываясь не на том, что ты думаешь, а на том, что, по твоему мнению, я хочу слышать. Я вовсе не нуждаюсь в твоей лести. Льстить ты можешь мне в постели, если думаешь, что сможешь заработать этим мою благосклонность, чего вряд ли стоит ждать, но сейчас я заинтересован только в правде. Твое подобострастие в этом споре не приближает нас к успеху. Нам нужна только правда. Если у тебя есть какое-то реальное возражение, говори, но перестань прерывать Улисию своей критикой только потому, что тебе кажется, будто я хочу услышать именно это, иначе ты рано или поздно опять отправишься в палатки, и сейчас мне кажется, что скорее рано, чем поздно. Ты поняла?

Сестра Эрминия отвела взгляд в сторону.

— Да, ваше превосходительство.

Сестра Улисия сделала успокаивающий вдох, когда Джегань вновь обратил к ней внимание. Она перестала ходить и замерла. Затем протянула руку в сторону лежащей на столе книги.

— Проблема в том, ваше превосходительство, что не существует метода установить, держим мы в руках фальшивую копию или подлинную книгу. Я понимаю, чего именно вам от нас хочется, и поверьте, мы старались сделать это, но правда заключается в том, что мы не можем найти ничего, что могло бы решить эту проблему.

— Но почему так?

— Ну, например, если в книге говорится «поставьте шкатулки лицевой стороной на север», то как, вы думаете, можно проверить, поддельная эта инструкция или истинная, с помощью только лишь чтения текста? Из того, что мы знаем, указание об ориентации их на север могло быть точной копией манускрипта-оригинала, и тогда не сделать так, как сказано, значит оказаться в смертельной ситуации. Или это может быть искажением истинного направления, и сделай мы так, как сказано, получим ту же ситуацию. Как же нам это узнать? Конечно, вы можете заставлять нас сделать заключение относительно достоверности этой книги путем простого прочтения ее, но у нас нет способа сделать это. Ведь я знаю, что вы не хотите, чтобы мы лгали вам ради удовлетворения вашего требования. Мы стараемся служить вам наилучшим образом, и вы слышите от нас только правду.

Джегань взглянул на нее с подозрением.

— Будь осторожна, Улисия, не перебирай с подобострастием. У меня не то настроение.

Сестра Улисия склонила голову.

— Разумеется, ваше превосходительство.

Джегань сложил мощные руки на широкой груди и вернулся к своему вопросу.

— Итак, ты полагаешь, что по этой причине те, кто делал эти копии, оставили нам способ отличить фальшь от истины?

— Да, ваше превосходительство, — сказала сестра Улисия, несмотря на то, что выглядела обеспокоенной, отстаивая мнение, которое, как она знала, не нравится ему. Но по-

скольку император мог читать ее мысли, он должен бы знать правду о том, во что она действительно верила. Кэлен понимала, что сестра Улисия обоснованно считает, что наилучший шанс для нее не навлекать на себя его гнев — быть искренней в своей убежденности. Сестра Улисия была в высшей степени не глупа.

— Значит, ты полагаешь, что настоящее объяснение состоит в том, что это не ошибка, но сделано умышленно и преднамеренно.

— Да, ваше превосходительство. Должен быть какой-то способ определить это. В противном случае успешное использование этой книги будет определяться лишь случайностью. Шкатулки Одена создавались как средство ответного удара...

Она замолчала и бросила короткий взгляд в сторону Кэлен. Та держала глаза почти закрытыми, до мельчайших щелочек, чтобы не догадались, что она уже пришла в себя. Сестра Улисия снова обратилась к Джеганю.

— Они должны были предполагать, что если когда-то возникнет необходимость использовать этот контрудар, то произойдет это лишь в исключительно отчаянной ситуации, и потому требуется доподлинно знать, что книга именно настоящая, иначе они будут рисковать потерять все, во что верят. Ведь они, в конце концов, должны использовать эту книгу для того, чтобы спасти все, что для них важно. А если те, кто применяет шкатулки для контрудара, ошибутся в копии, которую будут использовать, они окажутся перед верным поражением и потеряют не только собственные жизни... Они рискуют потерять весь мир живого.

— Если только те, кто делал фальшивые копии, не хотели, чтобы эти копии одурачили жадного вора, — заметил Джегань.

— Но, ваше превосходительство, — сказала сестра Улисия, — чтобы противодействовать каким-то вероломным планам, тем, кто обладает шкатулками, необходимо уметь отличать истинные копии от фальшивых. И если копировавшие книгу не оставили такого способа тем, кто придет после них, то в таком случае они вынуждают своих потомков выживать, рассчитывая лишь на волю случая. Причина же изготовления копий, в первую очередь, — в том, что создатели их беспо-

коились о том риске, что может возникнуть в будущем при наличии лишь единственного экземпляра текста. В конце концов, существующая в единичном экземпляре книга может пострадать от многочисленных естественных опасностей, от пожара до потопа и червей, не говоря уже о множестве угроз преднамеренных. Они старались сделать так, чтобы существовала правильная копия, если возникнет необходимость использования шкатулок, а оригинальная книга по каким-то невообразимым причинам окажется недоступна. То есть задачей изготовления копий была, прежде всего, гарантия правильного применения шкатулок в будущем.

Вы понимаете, что я имею в виду? Поскольку они сделали лишь одну действительную копию, а остальные фальшивые, значит, они пытались препятствовать неправомерному использованию шкатулок — создавая для такого случая дополнительные трудности. Но в то же время они наверняка не хотели, чтобы, если шкатулки будут действительно необходимы, их потомки полагались лишь на случай. Они должны были указать грядущим поколениям способ установить истину.

Поскольку текст внутри книги не содержит явных внутренних противоречий, мне кажется, что те, кто делал копии, несомненно, должны были изобрести другие средства для отделения истинного от ложного.

Джегань повернулся к другой сестре.

— Ого, похоже, у Эрминии появилась мысль. Прошу высказываться, дорогая.

Сестра Эрминия откашлялась.

— Нам предложили опираться на то, что употребление слова в единственном числе вместо множественного свидетельствует о том, что и вся книга неправильная. — Сестра Эрминия покачала головой. — Хотя я признаю разумной эту мысль в целом, но полагаю, что это слишком простой ответ; скорее, его можно счесть лишь туманным намеком. В этом случае придется признать, что само средство отделения истинного от ложного становится делом случая, как если бы они вовсе не предоставили нам способа определить это.

— Но ведь они предоставили нам способ. — Сестра Улисия выгнула бровь, слегка наклонившись в сторону Эрминии. — Это же есть прямо здесь, в самом начале; здесь сказа-

но совершенно определенно, как проверить, является ли книга истинной или нет. Здесь сказано, что *она* должна проверить ее. И она сделала это.

Эрминия сложила на груди руки.

— Как и сказала, я считаю, что это слишком примитивно для ответа.

— Если это слишком примитивно, Эрминия, тогда почему *ты* не заметила этого? — спросила сестра Улисия.

Кэлен постаралась чуть больше прикрыть глаза, когда сестра Улисия указала на нее.

— Она нашла это несоответствие. Почему никто из нас не заметил его? И только она смогла заметить. Без нее мы, возможно, не заметили бы этого или, если бы заметили, то, скорее всего, решили бы, что это не имеет большого значения и мы можем проигнорировать этот факт. Она сделала то, что, как и указано в книге, должна была сделать. Она нашла ошибку. И, как она сказала, это означает, что данная копия — фальшивая. Это именно то назначение, для которого она, по указанию в книге, и должна быть использована.

Некоторые из нас могут не верить, что определяющим элементом является столь простая ошибка, но это в данном случае неважно. Главное — тот факт, что именно она должна проверить достоверность этой книги, и поскольку эту ошибку заметила только она, она и заявила, что эта копия фальшивая. Вот в чем дело. Мы должны принять это заявление как обоснованное.

Внимательно выслушав слова каждой из женщин, Джегань, вышагивая перед столом, тер мясистой рукой свою бычью шею. Некоторое время он пристально разглядывал книгу, затем заговорил.

— Есть способ проверить достоверность этой книги. — Он по очереди взглянул на каждую из сестер. — Мы находим остальные копии и сравниваем их. Если они все имеет точно такую же ошибку в названии, тогда этот аргумент бессмыслен. С другой стороны, если все, кроме одной, имеют тот же дефект, то та одна, не имеющая этого дефекта, и есть, вероятнее всего, правильная копия. В этом случае мы можем сравнить все версии текста, и если та, что не имеет ошибки в заглавии, отличается от остальных, мы будем считать ее единственной правильной копией.

— Ваше превосходительство, — сказала сестра Эрминия, почтительно склоняя голову, — это замечательная идея. Если мы сможем найти другие, но лишь эта окажется с ошибкой в названии, тогда будет подтверждена моя точка зрения, что это всего лишь случайная примитивная ошибка невежественного переплетчика.

Джегань смотрел на нее с минуту, затем наконец отвел взгляд и подошел к стоявшему в стороне сундуку. Он открыл крышку, достал книгу и бросил ее на стол, так что она проскользила по его поверхности и застыла прямо перед двумя сестрами.

Сестра Эрминия подхватила ее и прочла заголовок на обложке. Даже в тусклом свете масляных ламп Кэлен смогла заметить, что лицо женщины густо покраснело.

— «Книга сочтенной тени», — произнесла она недоверчивым шепотом.

— «Тени»? — спросила сестра Улисия, вглядываясь через плечо сестры Эрминии. — А не «теней»?

— Нет, — сказал Джегань. — Это «Книга сочтенной тени», точно такая же, как и та, что из Касски.

— Но... но... — Сестра Эрминия начала запинаться. — Я не понимаю. Откуда тогда эта копия?

Снисходительная улыбка присоединилась к его красноречивому взгляду.

— Из Дворца Пророков.

У сестры Эрминии от изумления отвисла челюсть.

Сестра Улисия нахмурилась.

— Что? Этого не может быть! Вы уверены?

— Уверен ли я? — Он хмыкнул, выражая насмешку. — О да, я вполне уверен. Видишь ли, эта книга находится у меня уже некоторое время. И отчасти это одна из причин, почему я позволил вам, дурам, продолжать ваши поиски. Мне была нужна та же самая женщина, что и вам, чтобы выяснить, фальшивая эта книга или нет.

— Все то время, пока эта книга была у меня, я так и не заметил, что слова «сочтенной тени», в заголовке ее, некоторым образом отличаются от тех, какими должны быть. Я просто допускал, что заголовок гласит то, что и должен гласить. Но наш друг, находящийся вон там в бессознательном состоянии, сразу заметил это.

— Но как вам удалось заполучить ее из Дворца Пророков? — спросила сестра Улисия. — Насколько мы знаем, эта книга была скрыта под костями, как и в Касске, в тайных катакомбах. Однако перед тем как дворец оказался разрушен, там не было и намека ни на какие катакомбы.

Джегань улыбнулся, скорее самому себе, будто разъяснял непонятливым детям.

— Ты думаешь, что ты такая умная, Улисия, что смогла разузнать все о шкатулках, о книге, необходимой, чтобы открыть их, о катакомбах и о той персоне, которая должна проверить истинность текста этой книги. Но я знал уже десятки лет назад о том, что вам открылось всего лишь недавно.

Я уже довольно давно посещал самые разные головы, чтобы способствовать успеху нашего дела. Вы будете удивлены, как много разных сведений я узнал уже давным-давно. В то время пока вы, сестры, занимались дворцовыми интригами, пытались делить власть на своем маленьком островке, пока вы, выискивая расположения то Создателя, то Владетеля, искали благосклонность в обмен на преданность то у одного, то у другого, я работал над объединением Древнего мира в борьбе за дело Братства Ордена, которое есть истинное дело Создателя, и по этой причине — единственное праведное дело всего человечества.

Пока вы учили юношей, как стать волшебниками, я показывал этим же юношам Свет Истины. Незаметно для сестер многие из тех молодых волшебников посвятили себя будущему спасению человечества, становясь сторонниками Ордена. Они десятилетиями бродили по залам Дворца Пророков, прямо под носом у сестер, служа при этом Братству Ордена. А я был там, в их головах, когда они читали все те запрещенные к широкому пользованию книги, хранившиеся в подземельях дворца.

И, как сноходец, я задавал им направление и задачи их исследований. Я знал, что нужно найти. Я заставлял их осуществлять поиски для меня. Они, уже как братья Ордена, давным-давно нашли тайный вход в катакомбы. Вход, скрытый под неиспользуемым и давно забытым хранилищем в старинной части конюшен. Они тайно вынесли эту книгу, так же как и многие другие ценные тома, из катакомб, а затем, когда я

наконец-то прибыл ко дворцу, после триумфального объединения Древнего мира, они передали эти книги мне. Так что вот эта копия находится у меня уже десятки лет.

Единственное, чего мне не удавалось, это пройти через великий барьер, чтобы заполучить как шкатулки, так и средство проверки. Но затем сующие всюду свой нос сестры были так любезны, что сделали для меня кое-что, что привело в итоге к разрушению великого барьера.

И теперь, когда Дворца Пророков больше нет, боюсь, что и катакомбы, и книги, хранившиеся там, потеряны навсегда, но те молодые волшебники все-таки просмотрели большинство из скрытых от постороннего взгляда томов, и, их глазами, я сам прочел большую часть их. Дворец и катакомбы теперь исчезли, но не все знания, хранившиеся там, потеряны. Те юноши выросли и вступили в Братство, многие из них еще живы и служат делу нашей борьбы.

Став свидетелем вашего плана похищения Матери-Исповедницы, я понял, что могу использовать этот план, чтобы в итоге заполучить ее в своих целях. Поэтому и позволил вам думать, что вы делаете именно то, что сами хотели, тогда как фактически добивались того, чего хотел я. И вот теперь у меня есть и книга, и Мать-Исповедница, которую, как указано в книге, следует использовать для установления подлинности копии.

Обе сестры только и могли, что изумленно таращиться.

Кэлен ощутила, что ее разум оказался в замешательстве. Мать-Исповедница. Она — Мать-Исповедница.

Что такое Мать-Исповедница?

Джегань одарил сестер коварной улыбкой.

— Разве вам не кажется, что вы были совершеннейшими дурами, а?

— Да, ваше превосходительство, — едва слышно признались они в один голос.

— Итак, вы видите, — продолжил он, — что теперь у нас есть две копии «Книги сочтенных теней», и обе имеют одну и ту же ошибку — единственное число вместо множественного на обложке.

— Но это одинаково на обеих, — заметила сестра Эрминия. — А что если все остальные копии имеют тот же изъян?

— Не думаю, что такое может быть, — сказала сестра Улисия.

— Ну, а если они имеют его, это наверняка кое-что докажет, не так ли? — Джегань вопросительно выгнул бровь над темным глазом. — Сейчас у меня их две, и в них одинаковая ошибка. Нам необходимо получить остальные, чтобы проверить теорию, что одна из них должна иметь заголовок, написанный правильно, то есть «неизвестных». Таким образом, получается, что нам необходимо сохранять Мать-Исповедницу живой, пока мы не разберемся, действительно ли она нашла изъян, или пока она не подтвердит подлинность копии.

— А если все копии имеют один и тот же изъян, ваше превосходительство? — спросила сестра Эрминия.

— Тогда мы будем знать, что ошибка в заглавии — не метод проверки подлинности «Книги сочтенных теней». Вполне может оказаться, что нам понадобится дать ей доступ к самому тексту, чтобы она смогла иметь более широкую основу для проведения проверки... для проведения ее над тем, что она сейчас не в состоянии видеть.

Сестра Эрминия подняла руку.

— Но, ваше превосходительство, я вовсе не уверена, что подобное вообще возможно.

Джегань не ответил на опасения Эрминии, а вместо этого он забрал у нее книгу и положил рядом с той, что лежала на столе.

— Мать-Исповедница пока что нам крайне необходима. Она представляет единственный способ установления подлинности копии. Тем не менее у нас нет уверенности, что она уже сделала это. Она лишь высказала суждение на основании единственной доступной ей информации. Так что на данный момент она все еще нужна нам.

— Да, ваше превосходительство, — сказала сестра Эрминия.

— Думаю, она уже могла проснуться, — сказала сестра Улисия.

Кэлен поняла, что прислушивалась с таким вниманием, что не полностью зажмурилась, когда сестра Улисия взглянула в ее сторону. Сестра же подошла ближе, приглядываясь к ней.

Кэлен не хотела, чтобы они поняли, что она слышала, как они называли ее, используя титул Мать-Исповедница. Она слегка потянулась, словно пытаясь вырваться из границ бессознательности, тем временем пытаясь представить, что мог бы означать подобный титул.

— Где мы? — пробормотала она, имитируя вялый, неустойчивый голос.

— Уверена, довольно скоро это станет тебе и так ясно. — Сестра Улисия с силой схватила ее за плечо. — А теперь просыпайся.

— Что случилось? Тебе что-то нужно, сестра? — Кэлен терла глаза тыльной стороной ладони, пытаясь выглядеть дезориентированной и ошеломленной. — Где мы?

Сестра Улисия просунула согнутый палец под кольцо на шее Кэлен и дернула ее вверх.

Прежде чем сестра Улисия успела сказать что-то еще, мясистая рука Джеганя ухватила ее за руку и отшвырнула прочь. Он набросился на Кэлен. Мощные руки вцепились в ее горло и блузку. Кэлен повисла над полом.

— Ты убила двух моих самых верных слуг, — сказал он сквозь зубы. — Ты убила сестру Цецилию. — Его лицо начинало наливаться кровью, по мере того как нарастала ярость. Лоб еще больше нахмурился. И казалось, что из этих мрачных черных глаз вот-вот вырвется молния. — Что дало тебе основание полагать, что ты смогла бы убежать, убив этих двоих?

— Я и не думала, что смогу таким способом убежать, — сказала Кэлен так спокойно, как только сумела. Как она и подозревала, ее спокойствие лишь усилило его ярость.

Он взревел, выпуская гнев, и встряхнул ее настолько яростно, что ей показалось, что мышцы шеи вот-вот порвутся. Очевидно, он относился к тем людям, что при малейшей провокации впадают в неконтролируемую ярость. Еще немного — и он бы ее прикончил.

Кэлен не хотела умирать, но знала, что быстрая смерть наверняка предпочтительнее того, что он обещает для нее в дальнейшем. Однако она практически не могла повлиять на это или остановить.

— А если ты не думала, что сможешь при этом убежать, зачем отважилась на подобное?

— А почему бы и нет? Ведь от этого ничего не изменится, — заметила Кэлен со спокойным безразличием, хотя его руки держали ее так, что сапоги едва касались земли.

— О чем ты говоришь!?

— Ну, ты же сказал мне, что обращение со мной будет ужаснее всего, что я могла когда-либо испытать. Я верю тебе; это единственный путь, приносящий победу таким людям, как ты, — с помощью угроз и насилия. А поскольку ты самовлюбленный дурак, то сделал ошибку, сообщив мне, что я не смогу даже вообразить все те ужасы, которые мне предстоит испытать. В этом твоя главная ошибка.

— Ошибка? О чем ты говоришь? — Он встряхнул ее и приблизил к своему мускулистому телу. — Что за ошибка?

— Ты совершил тактическую ошибку, *император*, — сказала Кэлен, стараясь произнести его титул так, чтобы он звучал как насмешливое оскорбление. Она хотела привести его в ярость — и увидела, что это ей удалось. Несмотря на то, что он удерживал ее в побелевших от напряжения руках, Кэлен старалась, чтобы голос ее звучал спокойно, даже отчужденно. — Ты сделал для меня абсолютно ясным, что не имеет значения, что именно я делаю, так как мне все равно нечего терять. Ты сделал очевидным, что не можешь быть милостивым в отношении меня. Ты сказал, что собираешься сделать со мной самое худшее. Что и дает мне право вести себя так, поскольку я больше не связана никакой надеждой на милосердие с твоей стороны. Сделав ясным, что у меня нет надежды на какое бы то ни было сострадание, ты дал мне преимущество, которого раньше я не имела.

Тебе следует понять, что, сделав такую ошибку, ты показал мне, что я ничего не теряю, убивая твоих слуг, и поскольку я уже обречена на самое худшее с твоей стороны, то вполне могла позволить себе кинуть нож в сестру Цецилию. Сделав такую тактическую ошибку, ты показал мне, что, в конце концов, не столь уж хитер и сообразителен, ты всего лишь животное, которое можно перехитрить.

Он ослабил свою хватку ровно настолько, чтобы Кэлен коснулась земли носками сапог, получая некоторую опору.

— А ты действительно штучка, — сказал он, и хитрая улыбка медленно сменила ярость. — Я вволю наслажусь тем, что заготовил для тебя.

— Я уже указала тебе на твою ошибку, а теперь ты повторяешь ее. Очевидно, ты, к тому же, недостаточно хорошо усваиваешь уроки, не так ли?

Перед тем как он в ярости притянул ее к себе, лицом к лицу, пока его руки были целиком заняты, удерживая ее, Кэлен воспользовалась тем, что внимание его отвлечено, чтобы осторожно вытащить клинок из ножен, висевших на его поясе. Взяв сначала двумя пальцами, она перехватила его выше и зажала в руке. Джегань был настолько зол, что не заметил этого.

И вместо того чтобы впасть в очередной приступ гнева из-за ее последнего оскорбления, он засмеялся.

Его нож был уже крепко зажат в кулаке Кэлен.

Без лишних церемоний и без предупреждения она ударила его ножом, так сильно, насколько могла.

Кэлен намеревалась всадить лезвие под ребра, поражая жизненно важные органы, может быть, даже сердце, если бы удалось вонзить нож так далеко. Но то, как он держал ее, затрудняло движения настолько, что она промахнулась на долю дюйма и вместо этого попала в нижнее ребро. Острие ножа ударило в кость.

Прежде чем она смогла отвести нож и ударить снова, он схватил ее запястье и дернул за руку, разворачивая ее всю кругом. Ее спина оказалась прижата к его груди. Он вырвал нож из ее руки, прежде чем она получила еще хоть какой-то шанс использовать его как-либо. Рука обхватила ее шею, лишая воздуха и прижимая к его массивному телу. Спиной она чувствовала, как яростно вздымается его грудь.

Вместо того чтобы признать поражение, и прежде чем потерять сознание от недостатка воздуха, она, собрав всю свою силу, двинула сапогом по его голени. И по вскрику поняла, что это оказалось больно. Затем тут же нанесла резкий удар локтем в свежую рану. Он вздрогнул. Едва ее локоть отскочил назад после удара, она отвела его подальше вперед и вверх, чтобы использовать силу инерции, а затем двинула назад, ударяя Джеганя в челюсть. Однако при его весе и силе все эти действия не произвели надлежащего эффекта и не вывели его из строя. Будто она наносила удары по быку. И, подобно быку, он стал лишь еще больше взбешенным.

Прежде чем ей удалось выскользнуть из его хватки, Джеганъ, выглядя явно не пострадавшим от этого нападения, сгреб ее блузку в пригоршню и нанес удар по животу, с такой силой, что она согнулась пополам и выпустила весь воздух из легких. Она задыхалась, пытаясь сквозь оглушающую боль глотнуть воздуха.

Кэлен поняла, что стояла на коленях, только когда он поднял ее за волосы и вновь поставил на ноги. Колени держали ее нетвердо.

Джеганъ ухмылялся, оскалившись. Его вспышку гнева словно смыло этой внезапной, опасной, но неравной схваткой и возможностью причинить боль. Эта игра доставляла ему удовольствие.

— Почему бы тебе просто не убить меня? — сумела все-таки произнести Кэлен, пока он стоял, наблюдая за ней.

— Убить тебя? С чего бы мне убивать тебя? Тогда ты будешь просто мертвой. Ты нужна мне живой, чтобы я мог заставить тебя страдать.

Две сестры Тьмы не сделали ни единого движения, чтобы успокоить своего хозяина. Кэлен знала, что они не станут возражать, чего бы он ни делал с ней. До тех пор, пока его внимание занято Кэлен, оно не распространялось на них. Но прежде чем он успел ударить ее очередной раз, внутрь шатра хлынул поток света, привлекая его внимание.

— Ваше превосходительство, — прозвучал густой низкий голос. Он доносился снаружи. Кто-то большого роста и брутального вида отодвинул ковер в сторону и стоял, ожидая. Этот человек выглядел подобно тем двум стражам, которых она убила прежде. Кэлен подозревала, что у Джеганя неисчерпаемый запас таких людей.

— В чем дело?

— Мы уже готовы свернуть ваш лагерь, ваше превосходительство. Прошу прощения за беспокойство, но вы просили сказать, как только мы будем готовы. И вы сказали, что это спешное дело.

Джеганъ отпустил волосы Кэлен.

— Хорошо, тогда начинайте.

Он внезапно развернулся и ударил ее тыльной стороной руки по лицу, достаточно сильно, чтобы она упала и прокатилась по полу.

Пока она лежала на полу, приходя в чувство, он прижимал руку к раненому ребру. Затем отнял, чтобы посмотреть, велико ли кровотечение. После чего вытер руки о штаны, видимо решив, что это относительно небольшая царапина и беспокоиться о ней не следует. Как Кэлен могла видеть, на нем было немало шрамов, и большинство из них свидетельствовало о ранах куда более серьезных, чем та, что нанесла она.

— Позаботьтесь, чтобы у нее больше не возникали подобные идеи, — сказал он сестрам, направляясь к ковру, который страж отвел в сторону, давая ему дорогу.

Кэлен ощутила, как огонь срывается с кольца на шее и пронизывает ее нервы, вплоть до пальцев на ногах. Обжигающая боль вызвала, как непреднамеренное последствие, удушье.

Получив очередной раз заряд разрывающей боли, ей хотелось кричать в ярости. Ее угнетал тот способ, каким сестры использовали кольцо на шее, чтобы управлять ею. Как угнетало и то беспомощное страдание, на которое ее обрекали.

Сестра Улисия подошла ближе и встала над ней.

— Ну разве не глупо делать подобное сейчас?

Кэлен не могла ей ответить сквозь ошеломляющую боль. Иначе она ответила бы сестре, что это вовсе не глупо, а вполне стоило того.

Пока дышит, она будет бороться с ними. И если понадобится, будет бороться с ними до последнего вдоха.

Глава 43

Выйдя из шатра императора Джеганя, Кэлен даже отшатнулась, впервые увидев армию Имперского Ордена так близко. Удаленность сглаживала наиболее острые сцены. И хотя она имела достаточное представление о них, все равно такое зрелище лишало присутствия духа.

Плотное скопление людей тянулось до самого горизонта. И каждый из них был в движении, перемещаясь с места на место. Они нагибались, разгибались, вставали, поворачивались, поднимали снаряжение, строились в ряды и шеренги, седлали лошадей, грузили повозки, а отдельные их группы, верхом на лошадях, словно волны двигались сквозь людскую массу... И все это выглядело как бесконечное, пенящееся, изменчивое черное море.

И не было ни одного человека в ее поле зрения — а она видела их тысячи и тысячи, — который выглядел бы дружелюбным или хотя бы безобидным. Каждый отдельный человек выглядел безжалостным и страшным, как будто не собирался заниматься ничем более, кроме как творить насилие. Эти люди выглядели так, будто ими двигала только перспектива безудержного буйства. Кэлен боялась даже думать о тех, кто оказывается на пути этих людей.

Получив обо всем этом общее представление, она начала замечать, что среди этих людей можно выделить несколько типов. Те, что составляли ближайшую к императору группу, были более дисциплинированны, более опрятны и сдержанны во всем, что делали. Крайне заботливо относились к своему оружию. Все люди ближайшего окружения императорских шатров выглядели почти точно так, как те двое, которых убила Кэлен.

На некотором удалении находились другие воины, носившие кольчугу и разнообразные кожаные доспехи. Они все выглядели почти такими же крупными и хорошо тренированными, как люди ближайшего окружения императора, но их основным оружием, похоже, были топоры с лезвием в виде полумесяца. Далее начиналось большее разнообразие, включая людей с арбалетами, с холодным оружием и шеренги людей с копьями, уже построенные в плотные группы и готовые к долгому маршу.

При этом воины каждого круга, с императором в центре, выглядят примерно одинаково, похоже не прочих в своей категории, и все они мускулистые, все огромного роста, носят доспехи и оснащены хорошо изготовленным, качественным оружием. Ядро императорских сил, самое смертоносное, самое ужасающее и самое грозное в его армии.

Среди этих внутренних кругов попадались люди, которые по виду были офицерами. Некоторые из них отдавали приказы посыльным, другие отдавали приказы людям более низкого ранга, а иные, собравшись группами, обсуждали планы, склоняясь над картами. И, кроме того, некоторые время от времени подходили к Джеганю, чтобы коротко переговорить с ним.

За пределами области отобранных солдат находилась толпа, составлявшая, безусловно, основную массу этой армии. То, чем вооружены эти люди — мечи, топоры, копья, булавы, дубинки и ножи, — выделано очень грубо и от этого выглядит еще более смертоносным. Вся эта толпа выглядела так, будто они шли устраивать бунт. Они имели лишь одну общую черту с людьми окружения императора: все казались вытаращившими глаза идеалистами, полными решимости навязывать свою веру каблуками сапог. Кэлен ощущала, будто оказалась выброшена на ненадежный островок, окруженный чудовищами, которыми полно бушующее вокруг море.

Среди внутреннего круга Кэлен заметила и кое-что особое. Здесь были и женщины. Поначалу она не заметила их, поскольку их одежда была настолько однообразной и блеклой, что в толпе они смешивались с мужчинами. Принимая во внимание, как эти женщины следили за каждым, она заподоз-

рила, что это сестры, которые служат, охраняя императора. Были и мужчины, тоже безоружные, но внешне напоминающие, в каком-то смысле, тех же сестер. Возможно, тоже обладающие даром. Никто из сестер или тех мужчин так и не взглянул в сторону Кэлен. Никто, за исключением сестры Улисии, сестры Эрминии и Джеганя, не знал, что она находится здесь.

Здесь были еще и юноши, скорее всего, судя по простым широким штанам и полному отсутствию оружия, рабы, используемые в качестве прислуги. Кэлен видела, что из некоторых шатров лагеря императора, перед тем как их свернули, выводили молодых женщин, загоняя их в повозки. Мужчины при этом откровенно разглядывали их, и по едва прикрывавшей этих женщин одежде Кэлен уяснила их роль среди этой избранной группы воинов. Пустой, мертвый взгляд этих женщин говорил ей, что это, должно быть, пленницы, вынужденные служить шлюхами.

От суетившейся в отдалении толпы доносился непрерывный гвалт, тогда как большинство людей из ближайшего окружения были молчаливы, пока занимались подготовкой к разборке лагеря. Многие из этих мужчин носили кольца, заклепки на ремнях, цепи и татуировки на лицах, такие жуткие, что они выглядели не просто варварами, а нарочито менее чем людьми, будто они отклоняли высшие ценности в пользу вот таких низких. Избранная ими цель жизни заключалась в откровенной жестокости. Занимаясь своей работой, они почти не говорили и обращали внимание лишь на приказы офицеров, перемещающихся среди них. Они действовали с профессиональной четкостью, когда экипировались и седлали лошадей.

Огромные массы людей за пределами этой группы не были так аккуратны или старательны. Они разбрасывали свое имущество в полном беспорядке. Уходя на новое место, они оставляли позади горы мусора и поломанные и разбитые вещи. Они и не могли беспокоиться о подобных мелочах: целью их жизни было преподать урок тем, кто не готов принять их превосходнейший образ жизни.

Видя реакцию Кэлен на всю эту ужасающую толпу, сестра Улисия кивнула в их сторону, а затем наклонилась чуть ближе к Кэлен.

— Я понимаю, что ты чувствуешь.

Кэлен сомневалась. Она вообще не хотела разговаривать, ибо нисколько не сомневалась, что Джеганъ присутствует в мыслях сестер, следя за тем, что может сказать Кэлен, пока его нет поблизости.

— На самом деле не имеет никакого значения, что именно я чувствую сейчас, не так ли? — сказала она двум присматривавшим за ней сестрам. — Он будет делать со мной все, что ему заблагорассудится. — Она потрогала порез на щеке, оставшийся от одного из колец Джеганя. Тот наконец-то перестал кровоточить. — И показал это вполне ясно.

— Полагаю, что да, — сказала сестра Улисия.

— Он будет делать со всеми нами все, что захочет, — добавила сестра Эрминия. — Не могу поверить, что мы были настолько глупы.

Вместе с Джеганем вернулась и группа офицеров. Чуть позади солдаты уже седлали для них коней. Другие солдаты выносили сундуки, стулья, столы и всякую мелочь из императорского шатра и грузили все в клети на поджидавших повозках. Как только шатер опустел, веревки ослабили, шесты опустили, и он лег на землю. В течение нескольких минут то, что выглядело как небольшой шатровый городок, с большим императорским шатром в центре, превратилось в пустое поле.

Джеганъ жестом указал человеку рядом с Кэлен, чтобы тот передал ей поводья лошади.

— Сегодня ты поедешь рядом со мной.

Кэлен заинтересовало, что такое предстоит ей делать на следующий день, но спрашивать она не стала. Его слова прозвучали так, будто у него уже заготовлен на ее счет какой-то план. Догадаться, что именно он задумал, она не могла, но боялась всего, чего бы он для нее ни припас.

Она сунула сапог в стремя и запрыгнула в седло, а затем еще раз бегло окинула глазом людское море, оценивая свои шансы, если попытается вырваться на свободу. Она способна сделать это через всю эту толпу, потому что, за исключением двух сестер и Джеганя, никто не мог помнить о ней достаточно долго, чтобы получить зрительный образ. Там, среди этих людей, какой устрашающей ни была эта мысль, она, в сущности, невидима. Для них это будет выглядеть так, будто

лошадь без всадника скачет куда-то, и никто из них, скорее всего, не захочет попасть под ее копыта без основательной причины.

Сестры, продолжавшие тщательно следить за ней, тоже уселись в седла и расположились по сторонам от нее, чтобы быть уверенными, что она не имеет шанса удрать. Хотя она и невидима для солдат, сестры могли воспользоваться кольцом на ее шее, чтобы заставить ее свалиться на месте. Для этого им не обязательно быть поблизости; в свое время ей тяжело обошлись эти уроки. Ноги все еще болели от того, что с ней проделали недавно. И то, что ей сейчас придется ехать верхом, — неплохо, потому что она не думала, что способна далеко уйти пешком.

Людское море уже начало двигаться темными волнами. Отблески едва взошедшего солнца заискрились на оружии миллионов воинов, придавая армии вид некой жидкой субстанции. Как будто проплывая на плоту, несущем личную стражу императора и свиту из сестер, слуг и рабов, они начали дрейфовать через широко раскинувшийся океан людей, сам движущийся к горизонту на север.

Жаркое солнце вставало справа от них. Кэлен вместе с этой людской массой, устремившейся на север, ехала между двумя сестрами, посреди охраны императора. С высоты седла у нее был отличный обзор всего окружающего. К тому же сейчас ей не приходилось тащить на спине вещи, как это было прежде.

Болтовня среди солдат вскоре стихла под монотонным напряжением марша. Вести разговоры становилось для них все труднее. Вскоре Кэлен начала потеть от жары. Люди, несшие тяжелую поклажу, с трудом переставляли ноги, опустив глаза в землю прямо перед собой. Для них остановиться, скорее всего, означало быть растоптанными. То, что она обозревала, было многомиллионным войском, движущимся на север.

Почти весь день сквозь людские толпы пробирались повозки или люди на лошадях, раздавая пищу. Повозки, распределенные равномерно по всей армии, везли воду. За ними выстраивались шеренги людей, продолжавших шагать и в то же время ожидавших своей очереди, чтобы получить воду из продолжающей катиться повозки.

Ближе к середине дня небольшая повозка появилась и посреди императорского кортежа. В ней была горячая еда, которую раздавали всем офицерам. Сестры передали и для Кэлен то же, что было предложено остальным — тонкий хлеб, в который завернуто соленое и мягкое, будто пористое, мясо. На вкус так себе, но Кэлен проголодалась и была очень рада даже этому.

К вечеру практически каждый утомился от столь напряженного марша. Они подкреплялись на ходу и ни для чего не останавливались. За день было покрыто гораздо большее расстояние, чем, на ее взгляд, могла бы преодолевать армия такого размера. Она чувствовала себя так, будто покрыта толстым слоем той земли, по которой они путешествовали весь день. Но при этом не была уверена, что порадуется дождю, который прибьет пыль, потому что тогда им придется пробираться по грязи.

Кэлен очень удивилась, разглядев впереди нечто, похожее на императорский лагерь. На жарком ветру развевались флаги, как будто приветствовали императора. Она поняла, что императорский обоз ехал быстрее и шатер сейчас уже установлен. Армия на марше имела столь большую протяженность, что понадобятся дни, чтобы все они миновали какую-то определенную точку, так что повозкам не требовалось выезжать вперед из-под защиты армии. Люди расступились, дав им дорогу, повозки обогнали марширующих солдат, и, прежде чем начала сгущаться темнота, был разбит лагерь, с тем чтобы ко времени прибытия императора все было готово.

Кэлен увидела, что сразу на нескольких кострах на вертелах жарится мясо. И от его аромата у нее сводило живот от голода. На железных кронштейнах над кострами же висели кипящие котлы. Повсюду суетились рабы: таскали какие-то вещи, суетились возле столов, переворачивали вертела, помешивали то, что было в котлах, и добавляли необходимые ингредиенты, готовя вечернюю трапезу. Уже стояли готовые тарелки с хлебом, с мясом и фруктами.

Джегань, ехавший прямо перед Кэлен, слез с лошади перед своим шатром. Подбежавший слуга тут же принял поводья. Когда сестры и Кэлен спешились, к ним тоже подбежали юноши, чтобы так же забрать и их лошадей. Сестры, будто

подчиняясь беззвучным командам, торопили Кэлен, чтобы та шла вместе с ними, тогда как сами они спешили вслед за Джеганем за большой, украшенный рисунком подвесной полог, прикрывавший вход в шатер, но сейчас отведенный в сторону и удерживаемый мускулистым, не носящим рубашку солдатом. Он лоснился от пота, вероятно после работы по установке шатров, и от него неприятно кисловато пахло.

Внутри все выглядело точно так, как было этим утром, когда они двинулась вместе с армией. Глядя на это, было трудно поверить, что они вообще куда-то уходили. Лампы уже были зажжены. Кэлен радовалась запаху горящего масла, потому что он перекрывал зловоние мочи, навоза и пота. Внутри шатра несколько рабов метались, накрывая стол, расставляя на нем блюда и закуски для императора.

Джегань резко повернулся и, схватив сестру Улисию за волосы, потащил ее вперед. Она издала поначалу короткий крик от неожиданной боли и удивления, но быстро прекратила нытье и предпочла не сопротивляться, в то время как он подтягивал ее ближе к себе. Рабы лишь мельком взглянули на сестру Улисию, отвлекшись из-за ее крика, но тут же вернулись к своей работе, словно ничего и не видели.

— Так почему же больше никто не видит ее? — спросил Джегань.

Кэлен уже поняла, о чем он.

— Магия, ваше превосходительство. Магия Огненной Цепи. — Сестра Улисия оказалась в неудобной позиции: полусогнутая, лишенная равновесия. — Именно такова вся идея этой магии — чтобы никто не мог видеть ее. Эта магия была специально создана для того, чтобы сделать человека как бы исчезнувшим. Возможно, это придумали как метод создания шпиона, которого невозможно заметить. Мы использовали эту магию как раз для этой цели — нам удалось забрать шкатулки Одена из Народного Дворца, и никто не узнал, что это сделали мы.

Кэлен, услышав, как ее использовали и для чего память и прошлая жизнь были отобраны у нее, почувствовала, будто сердце комом подступило к горлу. Комок в горле рос, пока она слушала, с каким высокомерным равнодушием сестры относились к ее драгоценной жизни. По какому праву эти женщины вот таким образом украли чью-то жизнь?

Еще совсем недавно она думала, что была просто никем, человеком без памяти, рабом этих сестер. И вот теперь, за столь короткий промежуток времени, она обнаружила, что прежде была Кэлен Амнелл и еще, к тому же, Мать-Исповедница — что бы это ни значило. Теперь она понимала, что не знала своего родового имени, Амнелл, и не знала, что она Мать-Исповедница, потому что эти сестры зачаровали ее.

— То есть предполагается, что эта магия должна работать таким вот образом, — сказал Джегань. — Так почему же тогда ее видел тот трактирщик? Почему та маленькая скальная крыса, там, в Касске, видела ее?

— Я... я не знаю. — Сестра Улисия начала заикаться.

Он рывком вновь приблизил ее к себе. Она потянулась было руками, чтобы ухватиться за его кулаки, боясь, что он сорвет с нее скальп, но передумала, отказываясь от попытки сопротивления действиям императора и позволила своим рукам свободно висеть на выгнутых плечах.

— Я постараюсь по-другому сформулировать свой вопрос, чтобы даже такая глупая сука, как ты, смогла понять его. Что ты сделала не так? В чем ошиблась?

— Но, ваше превосходительство...

— Должно быть, ты сделала что-то не так, или те двое не должны были видеть ее! — Сестра Улисия дрожала, но не ответила на вопрос, в то время как он продолжал отчитывать ее. — Ты и сестра Эрминия управляли той магией. Я могу видеть ее, потому что был в ваших головах и благодаря этому защищен от этого магического воздействия. Но никто другой не должен быть способен видеть ее.

— А теперь, — сказал он после паузы, скрипнув зубами, — я вновь задам тот же вопрос. Что вы сделали не так?

— Ваше превосходительство, мы не допустили никакой ошибки. Клянусь в этом.

Согнув палец, Джегань подозвал сестру Эрминию. Та смиренно прошла вперед жеманным шагом.

— Не хотела бы ты ответить на мой вопрос и рассказать, в чем была ваша ошибка? Или предпочитаешь отправиться в палатки вместе с Улисией?

Сестра Эрминия пересилила страх и развела руками.

— Ваше превосходительство, если бы мне было в чем признаваться, я бы призналась, но сестра Улисия права. Мы не совершили никакой ошибки.

Он снова перевел взгляд на сестру, которую держал за волосы.

— Сдается мне, вы обе ошибаетесь... Эта магия должна была сделать ее невидимой, но другие способны видеть ее. Тем не менее вы продолжаете держаться прежних слов, тогда как это очевидная ложь. Или вы совершили где-то ошибку, или те двое не должны видеть ее.

Сестра Улисия, роняя слезы от той боли, что ей приходилось испытывать, попыталась покачать головой.

— Нет, ваше превосходительство... Она не работает таким образом.

— Что не работает таким образом?

— Магия Огненной Цепи. Запущенная однажды, она действует сама по себе. Магия сама совершает работу. Она саморегулирующаяся; мы не управляем ею и не направляем ее каким-либо образом. Фактически в этот процесс никак невозможно вмешаться. Магия запускается, а затем сама совершает все свои действия в заранее заведенном порядке. Мы даже не знаем, что представляет собой этот заранее установленный порядок. В некотором смысле это действует подобно сложному составному заклинанию. Но мы даже не пытались совать свой нос ни в одну из составляющих. Сила, запущенная в Огненной Цепи, куда больше той, чем мы способны управлять, — и мы не смогли бы внести искажение, применяя магию такого рода, как бы ни хотели этого.

— Она права, ваше превосходительство. Мы знали, что, предположительно, эта магия делает и какой примерно получается результат, но не знаем, как она работает. Что мы могли изменить? Наша цель состояла в том, чтобы заставить магию работать, делать то, ради чего она была создана. У нас не было никакой причины пытаться что-то подправить, поэтому мы и не могли совершить никакой ошибки.

— Все, что мы сделали, это лишь «запалили» ее, — продолжала настаивать сестра Улисия, сопровождая свои слова слезами. — Мы запустили контролирующую сеть, чтобы убедиться, что все именно так, как должно быть, а затем только

«запалили» ее. Магия сама сделала все остальное. Мы не имеем представления, почему двое этих людей оказались способны видеть ее. Нас крайне изумило это.

Он перевел взгляд на сестру Эрминию.

— Можешь ли ты установить, что здесь не так?

— Мы понятия не имеем, в чем здесь проблема, — сказала сестра Эрминия, — и у нас нет способа разобраться в этом. Мы не знаем даже с уверенностью, действительно ли что-то не так. Все, что мы знаем, что эта магия оказывает такое вот действие. Возможно, так и должно быть, что некоторые люди, по неизвестной для нас причине, по-прежнему способны видеть ее. Эта магия куда сложнее, нежели все прочее, с чем мы сталкивались раньше. Мы не имеем представления, что здесь не так — если действительно что-то не так — или как это можно исправить.

— Возможно, это случайная аномалия, — предположила сестра Улисия, когда тишина в шатре стала зловещей. — Такое иногда бывает с магией. Некоторые чрезвычайно редкие обстоятельства, непредвиденные создателем магии детали оказываются за пределами ее действия. Возможно, только что-то подобное, ничего больше.

В конце концов, этой магии тысячи лет. Создавшие ее никогда ее не проверяли, так что вполне могут быть непредусмотренные нюансы, о которых они даже не подозревали.

Джегань явно не выглядел убежденным.

— Наверняка вы в чем-то допустили ошибку.

— Нет, ваше превосходительство. Даже великие древние волшебники не могли ничего сделать с магией, когда она уже запущена. В конце концов, магия Одена и была создана для того, чтобы оказывать воздействие на магию, уже «выпущенную на свободу». Ничто менее значительное не может изменить его ход.

Кэлен была вся внимание. Ее удивило, что сестры воспользовались магией, чтобы выкрасть шкатулки Одена, созданные специально для противодействия магии. Может быть, их намерение заключалось в том, чтобы никто не смог использовать их для контрудара?

Наконец Джегань с недоверчивым ворчанием отпустил сестру Улисию, швырнув ее на землю. Она руками взялась за голову, успокаивая боль.

Император мерил шагами шатер, пока обдумывал изложенное только что. Заметив, что кто-то заглянул снаружи, он остановился и сделал знак. Внутрь вошли несколько женщин с кувшинами и налили красное вино в стоявшие на столе кружки. Поток мальчиков-разносчиков устремился в шатер, доставляя тарелки и подносы, полные разнообразной, источавшей горячий пар пищи. Джегань продолжал ходить, почти не обращая внимания на рабов, занятых своей работой.

Когда стол наконец-то был накрыт, император уселся за него, выбрав для этого резной стул. Он размышлял, продолжая наблюдать за двумя сестрами. Рабы молча выстроились позади него, готовые выполнить его приказание или принести то, что он затребует.

Но вот он обратил свое внимание на обед и погрузил пальцы в окорок. Выдрал пригоршню горячего мяса. Другой рукой он отрывал длинные полосы от этого большого куска и клал их в рот, наблюдая за сестрами и Кэлен, будто решая, какой вынести приговор: должны ли они жить или умереть?

Покончив с окороком, он вытащил из-за пояса нож и воспользовался им, чтобы отрезать кусок обжаренной говядины. Затем проткнул ножом красноватый ломоть, поднял его и замер, задумавшись. Кровь стекала с лезвия и дальше, по его руке, к локтю, опиравшемуся о поверхность стола.

Он прервал размышления и улыбнулся, взглянув на Кэлен.

— Не правда ли это лучшее применение для моего ножа, нежели придумала ты?

Кэлен намеревалась промолчать, но не смогла сдержаться:

— Мне больше понравилось мое применение. Жаль только, оно не удалось. Будь это так, мы не вели бы этого разговора.

Он улыбнулся, скорее самому себе.

— Возможно.

Прежде чем впиться зубами и откусить от большого куска, свисавшего с ножа, он хорошенько глотнул вина из стоявшей перед ним кружки.

Наблюдая за Кэлен и продолжая жевать мясо, он сказал:

— Раздевайся.

Кэлен прищурилась.

— Что?

— Снимай свои одежды. — Он сделал жест ножом. — Все.

Кэлен стиснула зубы.

— Нет. Если ты хочешь их снять, тебе придется сорвать их с меня.

Он пожал плечами.

— Я сделаю это как-нибудь в следующий раз, просто ради удовольствия, а сейчас снимай их.

— Почему?

Он поднял бровь.

— Потому что я так сказал.

— Нет, — повторила она.

Взгляд его несущих ночные кошмары глаз скользнул к сестре Улисии.

— Расскажи Кэлен о пыточных шатрах.

— Ваше превосходительство?

— Расскажи ей о том обширном опыте, который у нас есть, убеждать людей поступать так, как нам нужно. Расскажи ей, какие пытки мы применяем.

Прежде чем сестра Улисия успела открыть рот, Кэлен заговорила первой.

— Чего откладывать — давайте сразу к ним перейдем. Никому не интересно слушать твою болтовню на этот счет, как от старой сплетницы. Я уверена, что вы с большой охотой заставите меня страдать, — так займитесь этим.

— О нет, пытки — это не для тебя, дорогая. — Он отломил от жареного гуся ногу и сделал ею жест в сторону молодой женщины, стоявшей позади него. — Пытки — это для нее.

Кэлен взглянула на неожиданно запаниковавшую женщину, а затем нахмурилась, глядя на Джеганя.

— Зачем?

Он откусил немного гусятины. Жир стекал по его пальцам, и Джегань слизывал его с колец.

— Ну, — сказал он, подхватывая ртом мясо, — пожалуй, я сам объясню. Понимаешь, у нас есть такая пытка, где инквизитор делает небольшой надрез в нижней части живота человека, о котором идет речь. — Он повернулся и ткнул

гусиной ногой в живот молодой женщины, чуть пониже ее пупка. Гусиная нога оставила жирное пятно на голой коже. — Вот здесь. Затем, — сказал он, поворачиваясь обратно, — инквизитор вводит внутрь живота щипцы и пытается нащупать что-нибудь, пока не ухватится щипцами за часть тонкой кишки. Там все скользкое, и лицо, подвергаемое этому испытанию, при этом не лежит спокойно, если ты понимаешь, о чем я говорю, так что обычно занимает некоторое время, чтобы ухватить надлежащую часть внутренностей. И когда инквизитору удается это, он медленно вытягивает несколько футов кишки наружу. Исключительно тяжелое испытание.

Он наклонился вперед, оторвал очередную полоску окорока.

— А теперь, если ты не сделаешь так, как я говорю, то мы все отправимся в пыточные шатры, — он жестом указал, не выпуская из руки ломоть окорока, налево, — и позволим одному из наших лучших инквизиторов проделать все это с девушкой, стоящей позади меня.

Он снова обратил леденящий взгляд в сторону Кэлен.

— И все потому, что ты отказываешься сделать так, как тебе говорят. Тебе придется наблюдать весь этот мучительный процесс. Придется слушать ее крики, слушать, как она будет умолять оставить ей жизнь, смотреть, как она истекает кровью, наблюдать, как жизненно важные внутренности вытягивают из нее. После того как будет вытянуто несколько дюймов, инквизитор начнет наматывать кишки на трость, словно пряжу, — просто чтобы потом проделывать все аккуратно и опрятно. Затем он сделает паузу и посмотрит на меня.

В этот момент я снова, очень вежливо, буду просить тебя сделать так, как уже указывал тебе. И если ты снова откажешься, мы медленно вытянем еще несколько футов ее мягких, нежных, кровоточащих кишок, наматывая их вокруг трости, и при этом все мы будем слушать ее крики, слезы и просьбы о смерти. Этот процесс может длиться очень долго. Очень мучительное и болезненное испытание. — Джегань весело улыбнулся Кэлен. — А затем, ближе к концу, ты увидишь ее предсмертные конвульсии.

Кэлен подняла глаза на девушку. Та не шевелилась, но стала белой как сахар, насыпанный в вазе, стоявшей на краю стола.

Джегань медленно жевал, а затем прополоскал рот глотком вина.

— А после этого ты увидишь, как мы бросим ее тело на катафалк, к другим безжизненным телам, когда-то принадлежавшим людям, подвергнутым дознанию.

Затем я предложу Улисии и Эрминии выбор: или они отправятся по палаткам, развлекать моих людей, обладающих исключительно чувственными желаниями, или, если предпочтут, пусть подумают о том, как использовать кольцо на твоей шее, чтобы доставить тебе еще большую боль, чем ты испытывала от него до сих пор, выполняя при этом условие: чтобы ты не теряла сознания. Разумеется, мне хочется, чтобы твои чувства восприняли все это в полной мере.

Звук движения армии снаружи не ослабевал ни на минуту, но внутри шатра стояла мертвая тишина. Джегань отрезал очередной кусок обжаренной, все еще источающей кровь говядины и продолжил разговор.

— После того как воображение сестер иссякнет, а я уверен, что хороший побудительный стимул наверняка вызовет к жизни несколько изобретательных идей, то я лично буду бить тебя, оставляя на краю смерти. А уже потом сорву с тебя одежды, и ты будешь стоять голой передо мной.

Его несущие ночные кошмары глаза уставились на нее.

— Твой выбор, дорогая? В любом случае в итоге ты подчинишься моим приказам и закончишь тем, что будешь стоять передо мной голой. Какой из способов тебя устраивает больше? И, пожалуйста, решай поскорее. Я не буду еще раз предлагать тебе выбор.

Выбора у Кэлен не было. Сопротивляться не имело смысла. Она взяла себя в руки и начала немедленно расстегивать блузку.

Глава 44

Джегань зачерпнул из серебряного блюда пригоршню орехов и бросил в рот несколько штук. Он радовался своему триумфу, наблюдая, как Кэлен начала раздеваться. Самодовольное выражение на его лице вынуждало ее чувствовать себя еще более несчастной и беспомощной.

Кэлен была уверена, что лицо ее стало густо-красным. Она отказалась от дальнейших попыток оказывать сопротивление. Она понимала, что следует тщательнее выбирать поля для сражений, а это было не из тех, где можно рассчитывать на победу. Впрочем, будет удивительно, если ей удастся в чем-то победить. Она уже сомневалась, что такое вообще возможно. Для нее спасения не было. Это была ее жизнь и ее будущее — здесь, это все, что уготовано ей судьбой. Ей нечего высматривать впереди и бесполезно стремится к чему-то другому.

Она сбрасывала одежду в кучу как можно более бесцеремонно, по мере того как снимала ее, не утруждая себя задержками на аккуратное складывание. Выполнив приказ, полностью обнажившись, она стояла, ссутулившись, посреди погруженного в мертвую тишину помещения, не поднимая глаз на Джеганя, потому что не хотела видеть его злорадный триумф. И старалась изо всех сил, чтобы ее дрожь не была заметна.

— Встань прямее, — сказал Джегань.

Кэлен сделала, как он приказал. И неожиданно ощутила слабость. Не слабость от физических усилий, а слабость вообще. Ради чего ей бороться? Что за жизнь может ее ждать? У нее нет никакого шанса стать свободной, или испытать лю-

бовь, или наконец ощутить безопасность. Есть ли шанс, что она добьется хоть какого-то счастья в жизни?

Никакого.

В этот момент ей хотелось только свернуться калачиком и плакать... или просто прекратить дышать и покончить со всем этим. Все казалось ей безнадежным. Любые ее усилия были тщетны — против такой силы, такой численности и таких способностей.

Она совершила усилие, преодолев смущение. Ей стало безразлично, смотрит ли он на нее. Она была уверена, что это не затянется надолго — по крайней мере, скоро он закончит со своим обедом, а уж затем сделает что-нибудь более серьезное, чем просто разглядывание ее. Хотя и в этом у нее нет выбора. У нее нет выбора ни в чем. Есть лишь имитация жизни. Без возможности контролировать большую часть такого существования. Жизнь — это нечто такое, что имеется у других. Она дышала, видела, слышала, ощущала вкус, даже думала, но в полном смысле она не жила.

— Прямо напротив выхода из моего шатра возвышается группа скал, — сказал Джегань, откинувшись на своем стуле. — Ты наверняка запомнила ее, когда мы подъезжали.

Кэлен взглянула на него и внутренне помертвела. Она осознала вдруг, что отнеслась к его задаче подобно послушному рабу. Она обдумала его вопрос и вспомнила, что видела эти камни. Это было не близко отсюда, но она помнила, как темная река людей обтекала со всех сторон этот выступающий скальный массив.

— Да, я помню это место, — сказала она подавленным голосом.

— Хорошо. — Он сделал глоток и отставил кружку. — Я хочу, чтобы ты прогулялась к той скале. Но иди туда не по прямой, а следуй кружным путем. — Он поднял бровь. — И не нужно так краснеть, дорогая. Ведь люди не могут видеть тебя... Помнишь?

Кэлен уставилась на него.

— Тогда зачем же ты хочешь, чтобы я сделала это?

Он пожал плечами.

— Ну, ты убила двух моих стражей. Теперь мне требуются новые.

— Снаружи предостаточно твоих людей.

Он улыбнулся.

— Да, но они не способны видеть тебя. А мне нужны люди, которые способны.

Кэлен начала улавливать смысл его намерений. Неожиданно она снова ощутила собственную наготу.

— Я полагаю, нет лучшего способа отыскать людей, способных видеть тебя, чем заставить тебя прогуляться среди них, демонстрируя им все, что ты можешь им предложить. — Его взгляд сначала обежал ее всю, лишь затем встретился с ее глазами. — Поверь мне, если кто-то из них сможет тебя увидеть, нет никаких шансов, что он не выдаст этого. Нисколько не сомневаюсь, что если кто-то способен видеть тебя, как хозяин трактира или та девушка, то, увидев тебя в таком виде, он бросит все свои дела и обязательно выскочит к тебе навстречу с дружескими приветствиями.

Он заразительно рассмеялся собственной шутке. Никто в шатре не выдавил даже слабой улыбки, но, похоже, его это вовсе не заботило. Наконец смех стих.

— При том количестве людей, какое у нас есть, могу спорить, в нашу сеть наверняка попадут несколько способных видеть ее. Среди такого множества людей неминуемо будет заметное число «случайных аномалий», как называет это Улисия. — Он мотнул головой в сторону сестры. — Мы наберем стражу, к которой тебе не удастся подкрасться или проскользнуть мимо, как ты поступаешь с другими.

Вот видишь, дорогая, ты сделала тактическую ошибку. Тебе лучше было попридержать этот фокус для более подходящего случая, чтобы убежать. А теперь ты упустила его.

Нет, она его не упускала. Она совершила это, чтобы спасти жизнь Джиллиан. Зная, что у нее самой нет шанса обрести свободу, Кэлен, по крайней мере, предоставила этот дар Джиллиан. Но препираться с ним не было никакого проку, так что она не стала спорить по поводу его соображений относительно ее преимуществ в той игре, которую он с ней вел.

Кэлен не смогла придумать ничего, чтобы отговорить его от такого плана. Единственной ее надеждой оставалась ее невидимость. Внезапно она ощутила, будто уже вышла из императорского шатра и каждый человек в этом лагере может ви-

деть ее. Она физически ощущала, как миллионы похотливых мужчин с вожделением косятся на нее.

Джегань сделал движение рукой.

— Улисия, Эрминия, вы отправитесь вместе с ней, но держитесь сзади, на приличном расстоянии. Если кто-то окажется способен увидеть ее, я не хочу, чтобы он заметил и вас двоих и обеспокоился, прежде чем даст нам уверенный шанс его обнаружить. Я хочу, чтобы любой человек, способный видеть ее, оказался достаточно нетерпелив и достаточно нагл, чтобы бросить все свои дела и отправиться вслед за нашей прекрасной молодой дамой.

Они обе поклонились и сказали в один голос:

— Да, ваше превосходительство.

Джегань отбросил веселое притворство и вернулся к угрозам.

— А теперь ступайте. Сделайте большую дугу вправо, через лагерь, к этому скальному образованию, а затем, завершая круг, идите сюда. Ну, женщина, вперед!

Кэлен, неслышно ступая, прошла по мягким коврам к пологу, закрывавшему выход, продолжая чувствовать на себе плотоядный взгляд императора. Она отвела занавес в сторону и выскользнула на открытое пространство.

Снаружи, представ лицом к лицу с простирающимся во все стороны лагерем, она застыла от страха. Но заставила себя, вздрагивая при каждом шаге, пройти между тех огромных животных тварей, что располагались поблизости от императорского шатра. Слезы обжигали ее глаза. Она ощущала себя униженной, представ обнаженной перед всеми мужчинами в этом лагере.

Она задержалась у первого кольца охраны, испытывая настоящий ужас, не решаясь выйти к солдатам, находящимся далее. Ей хотелось кричать от ярости и унизительного смущения. Она чувствовала себя пойманной в ловушку теми, кто управляет ею. И никак не могла заставить ноги сделать очередной шаг. Тогда она обернулась, бросив взгляд назад через плечо.

Император Джегань стоял снаружи своего шатра, держа за волосы женщину, которую обещал отправить на пытки. Та беспомощно заливалась слезами.

Кэлен сделала нечто чрезвычайно опасное для спасения жизни Джиллиан. И она решила, что готова пожертвовать собой, чтобы спасти жизнь той женщины, которую Джегань держит под такой страшной угрозой. Та женщина была рабом, не имеющим никакого выбора в своей жизни. Но Кэлен могла сделать выбор, спасающий ту женщину от ужасающих страданий. Кэлен снова обратила взгляд в сторону того кромешного ада, который являл собой лагерь, и продолжила движение. Земля была очень неровной, и ей приходилось внимательно смотреть под ноги, чтобы избежать не только камней и кусков разбитого снаряжения, но также и свежего навоза.

Кэлен напомнила себе, что никто из этих мужчин не может видеть ее. Она задержалась у следующего кольца охранения, где на карауле стояли все те же тупые скоты огромного роста. Внимательно вгляделась в одного из них, ближайшего к ней. Не замечая ее, он продолжал всматриваться в окрестности. Пока что ни один человек не обратил на нее внимания. Она бросила взгляд назад и увидела сестер, следующих за ней на значительном расстоянии. А Джегань по-прежнему держал за волосы ту женщину. Кэлен оценила это «послание» и без промедлений снова двинулась дальше.

Увидев неподалеку лошадей, Кэлен подумала, не воспользоваться ли ими для побега? Она мысленно уже представила, как вскакивает на спину одной из них и скачет прочь, убегая из лагеря. Она понимала, что это всего лишь фантазия. Сестры тут же выпустят поток боли через кольцо на шее, чем повалят ее на землю. Кроме того, женщина, которую держит Джегань, должна будет умереть. Он не тот человек, который раздает пустые угрозы. Он выполняет их как минимум для того, чтобы никто не подумал, что он склонен к обману.

Кэлен знала, что такого рода побег был невозможен, но мысли о нем отвлекали ее от людей, находившихся так близко со всех сторон от нее, от всех тех мерзостей, не смотреть на которые она не могла. И чувствовала себя уязвимой и незащищенной. Она выделялась среди широко раскинувшегося на привале лагеря, словно белоснежный цветок водяной лилии, распустившийся среди обширного и затхлого болота.

Она пошла быстрее, рассудив, что чем скорее сделает этот круг, тем раньше вернется под защиту шатра. Сама по себе эта мысль была ужасной: шатер Джеганя становился ее защитой, а этот ужасный человек — ее охраной. По крайней мере, там она снова будет не на виду, а в данный момент она только к этому и стремилась. На этом и сосредоточились все ее мысли. Преодолеть расстояние до скалы и вернуться обратно. Чем скорее она сделает это, тем скорее окажется снова внутри шатра.

Пока что в этой массе солдат не попадались люди, способные видеть ее. И в этом был хороший знак. До сих пор она повстречалась всего лишь с двумя, способными видеть ее, но среди очень небольшой выборки тех, с кем она вообще встречалась. А в этой армии миллионы людей. Шансы, что она столкнется с людьми, которые могут ее видеть, были слишком велики.

И что же ей в этом случае делать? Она снова оглянулась, бросив взгляд через плечо. Сестры выглядели так, будто пересекали вброд настоящую реку. А что если кто-то из мужчин схватит ее и потащит в сторону? Сестры, конечно, присматривают за ней, но все равно они находятся на значительном удалении. Кэлен начала беспокоиться о том, что случится, если кто-то сможет увидеть ее и схватить. А что если ее увидит целая группа мужчин? Будут сестры в состоянии отбить ее у толпы? Кроме того, они следовали сзади на заметном удалении. Кэлен беспокоилась, как далеко может зайти насилие, прежде чем сестры подоспеют?

Но сестры могут использовать магию. Они наверняка не допустят, чтобы ее изнасиловали.

Впрочем, откуда у нее такая уверенность?

Джегань. Он хочет оставить ее для себя. И он не из тех, кто позволит подчиненным использовать свою награду, «приз всех призов», по его словам. Он хочет обладать ею сам. Мысль о том, что он собирается по-хозяйски расположиться на ней, пронзила Кэлен леденящим страхом.

Но ближайшей проблемой сейчас был не Джегань, а вот эти люди. Одним плавным движением, обходя одного из солдат со стороны спины, она незаметно вытащила нож, висевший в ножнах на его бедре. Она сделала это движение одно-

временно с естественным движением рук, чтобы наблюдавшие за ней сестры не догадались, что она что-то сделала. Этот мужчина обернулся, возможно почувствовав что-то. И хотя он смотрел на нее целое мгновение, его взгляд скользнул дальше, а затем он продолжил свою беседу.

Пока что она шла через многочисленные группы людей вокруг императорского лагеря, но вот наконец вышла за их пределы и оказалась среди обычных солдат. Они пьянствовали, смеялись, играли в азартные игры или рассказывали всевозможные истории, собравшись возле костров. Посреди толпы стояли и стреноженные лошади. В произвольных местах попадались повозки. Некоторые из солдат уже поставили примитивные палатки, тогда как другие что-то готовили около огня или спали.

Видела она и женщин, которых уводили в эти палатки. Ни одна из них не шла добровольно. Видела и других женщин, только и дожидающихся, чтобы их подхватил любой мужчина и затащил к себе. Она припомнила, как Джегань упоминал о намерении отправить сестер по палаткам в порядке наказания. Кэлен бросало в пот от криков женщин и от страха за свою судьбу, когда сама она наконец вернется в шатер Джеганя. Сколь ни были ужасны все обстоятельства пребывания в этих палатках, с этими людьми, Кэлен не могла испытывать никакой жалости к сестрам. Если они закончат тем, что будут изнасилованы, по мысли Кэлен это не будет для них достаточным наказанием. Они заслуживали гораздо большего.

И тут на нее уставился один из ближайших к ней мужчин. Кэлен заметила вспышку похоти в его глазах — в глазах, смотревших прямо на нее. Он видел ее. Его рот самопроизвольно открылся в возбуждении от удачи, что такая женщина падает ему прямо в руки, если можно так выразиться.

Пока он поднимался, Кэлен, до того как он полностью выпрямился, вспорола ему живот, как говорится, от края и до края, продолжая, как ни в чем не бывало, быстро идти мимо. На лице этого человека отразился полный шок от произошедшего, и он, слабо шевеля руками, пытался подхватить свои внутренности, когда они начали тяжелой массой вываливаться из полости живота. Затем опрокинулся назад и рухнул на зем-

лю, издавая испуганное бормотание, которое не было никем замечено на фоне прочих хриплых и резких шумов, стоявших вокруг. Когда он ударился о землю, его внутренности вывалились. Окружающие повернулись взглянуть в его сторону, некоторые со смехом, некоторые в шоке, но все одинаково решили, что ему только что не повезло в стычке на ножах.

Кэлен не замедлила шаг и не обернулась. Она продолжала идти, не прерывая движения, постоянно напоминая себе о главной задаче: дойти до скалы, затем вернуться в шатер. Сделать круг. Сделать так, как ей было приказано.

Как только человек отделился от толпы и кинулся к ней, она отвела руку, а затем использовала инерцию его движения, чтобы всадить нож ему под ребра, разрезая жизненно важные органы. Ее сжимающий нож кулак проник через глубокую рану и погрузился в его теплые внутренности. По тому, как он свалился, подобно мешку с песком, без единого звука, она была уверена, что удалось достать до его сердца. На память об этом коротком столкновении она теперь носила перчатку из его крови.

Ей было крайне любопытно, откуда она научилась подобным вещам? Казалось, это проявляется у нее как инстинкт, так же естественно, как бывает с эмоциями, без всякой необходимости вызывать их. Она не могла ничего вспомнить о себе, но прекрасно помнила, как пользоваться оружием. Впрочем, подумала она, следует просто радоваться тому, что умеет и может делать это.

Пробираясь через людское море, она добралась до тесного островка оживленной активности. Здесь все люди отодвинулись, чтобы оставить свободным ровное поле, на котором соревновались команды джа-ла. Вокруг собрались десятки тысяч солдат, болеющих за ту или иную команду. Игра развивалась жестоко, нападающий натолкнулся на наиболее сильного игрока другой команды. Когда он упал, залитый кровью, половина из собравшихся, окружавших поле, начала восторженно аплодировать.

— Ну и ну, — произнес мужчина слева от нее. — Похоже, меня решила навестить весьма приятная женщина.

И едва она начала поворачиваться к нему, другой мужчина, справа, ухватил ее за запястье, выворачивая руку и отбирая

нож. В следующее мгновение оба мужчины схватили ее и потащили в сторону от толпы, собравшейся посмотреть игру в джа-ла.

Кэлен пыталась высвободиться, но они были намного сильнее и напали на нее неожиданно. Она молча злилась на себя за то, что позволила вот так, врасплох, захватить себя. Никто из окружающих вообще ничего не заметил. Они не могли видеть ее, для них она была невидима, но только не для этих двоих, которые навалились на нее с обеих сторон, укрывая от своих приятелей-солдат, чтобы те не вступили с ними в драку из-за доставшейся им такой приятной награды. С таким же успехом она может быть с этими двумя и совершенно наедине.

Один из них сунул руку ей между ног. У нее сперло дыхание от столь неожиданного насилия. А когда он склонился, чтобы лучше разглядеть ее пах, ей удалось высвободить руку, и в то же мгновение она нанесла ему локтем удар в самую середину лица, ломая нос. Он с криком упал на спину, кровь заливала ему щеки и глаза. Второй мужчина лишь рассмеялся, увидев в этом возможность заполучить ее лишь для себя одного. Он протащил ее немного в другую сторону, удерживая оба запястья в одной из своих мощных рук, другую используя, чтобы ощупывать свою добычу.

Кэлен вырывалась и выворачивалась, но он был слишком велик и силен, чтобы она могла с ним справиться. У нее не было никакой возможности вырваться из его хватки.

— Ты чересчур злющая, — сказал он ей на ухо. — Ты что, думаешь... что сможешь избежать священной обязанности по отношению к солдатам Ордена? Думаешь, что слишком хороша, чтобы обслуживать палатки? Ну так вот — нет. Вот моя палатка, и сейчас самое время исполнить свои обязанности.

Кэлен вертелась во все стороны, пытаясь укусить его, пока он тащил ее к расположенной неподалеку пустой палатке. Он ударил ее тыльной стороной руки. От удара она оцепенела. Казалось, шум лагеря затих и унесся прочь. Она не могла управлять своим мускулами, ей не удавалось заставить их сопротивляться этому грязному закопченному солдату, в то время как он продолжал тащить ее в палатку.

Внезапно Кэлен увидела лицо сестры Улисии. Никогда прежде она не испытывала такой радости при виде любой из сестер, как сейчас.

Сестра отвлекла внимание мужчины от Кэлен всего лишь на какое-то мгновение, а затем быстро прижала пальцы к его виску. Наконец-то освободившись, Кэлен отскочила назад, в то время как ее похититель опустился на колени, сжимал кулаками голову и не переставая кричал от боли.

— Поднимайся, — приказала ему сестра Улисия. — Или я сделаю намного хуже. — Он встал на шатающихся ногах. — Ты немедленно отправляешься к императорскому шатру, где будешь служить в качестве особого стража.

Человек выглядел явно смущенным.

— Особого стража?

— Именно так. Ты будешь охранять вот эту, очень беспокойную, молодую даму для его превосходительства.

Мужчина бросил на Кэлен угрожающий взгляд.

— Мне это доставит удовольствие.

— Доставит или нет, но отправляйся туда. Это приказание самого императора Джеганя. — Она указала большим пальцем через плечо. — Туда.

Солдат пригнул голову в поклоне, явно перепуганный ее магическими способностями. Он разглядывал сестру с оттенком осторожного, хотя и невысказанного, отвращения. Все эти люди, безусловно, не испытывали особого уважения к тем, кто обладал подобным даром.

— Скоро я познакомлюсь с тобой поближе, — пообещал он Кэлен, прежде чем отправился исполнять то, что ему было приказано.

Кэлен заметила, что и сестра Эрминия дала мужчине с перебитым носом такие же инструкции. Ее голос не был слышен Кэлен сквозь подбадривающие возгласы и улюлюканье толпы, но тот человек отчетливо слышал ее, и он, оцепенев от страха, поклонился ей, а затем бросился за первым мужчиной.

Сестра Улисия снова сосредоточила все свое внимание на Кэлен.

— Слезы тебе не помогут. Двигайся продолжай.

Кэлен не стала спорить. Чем скорее все это закончится, тем лучше. Она сразу отправилась дальше, считая, что ей по-

везло, что удалось устранить двух из четырех, кто оказались способными видеть ее. Ей предстояло обогнуть место игры в джа-ла, доводившей толпу мужчин до лихорадочного возбуждения. Она задержалась лишь один раз, привстав на кончики пальцев, чтобы проверить, где именно находится скала, а затем направилась прямиком к ней.

К тому времени, когда она вернулась к шатру Джеганя, они отобрали пятерых. Все эти люди стояли возле шатра в ожидании приказов, включая и того, что успокаивал свой перебитый нос. Он бросил на нее свирепый взгляд, когда она проходила мимо, в сопровождении двух сестер, к открытому входу шатра.

Кэлен сумела очень быстро вооружиться после того, как сестра Улисия спасла ее в первый раз. Хотя теперь обзавелась двумя ножами, по одному в каждой руке. Рукоятки она держала зажатыми в кулаках, а лезвия располагала с внутренней стороны запястий, так что сестры, следовавшие за ней на достаточно большом расстоянии, не могли разглядеть их.

Кэлен сумела убить еще шесть человек, оказавшихся способными видеть ее, и при этом сестры так и не поняли, что она сделала. И убить их было нетрудно: они не видели никакой опасности в голой женщине. И умерли неподобающим образом. При отсутствии у них бдительности, она могла спокойно и быстро направить свое оружие в цель, и при этом без всякой суеты. Вокруг стоял такой шум, беспорядок, пьянство, ругань и драки, что сестры так и не заметили тех людей, с которыми разделалась Кэлен.

Когда ей не удавалось быстро разделаться с человеком, который видел ее, из-за того, что кто-то из сестер оказывался слишком близко, или потому что сестры проявляли бдительность и замечали этого человека одновременно с ней и бросались тут же освобождать ее и дать солдату приказ о новом назначении в качестве особого стража, Кэлен всякий раз незаметно роняла ножи на землю, где они исчезали под ногами толпы солдат, так что сестры даже не подозревали, что она затевала. Будучи невидимой для всех окружающих, она запросто добывала новые и новые ножи во время этой долгой и нервной прогулки среди толп солдат.

Как только она оказалась внутри шатра, Джегань бросил ей одежду.

— Одевайся.

Вместо того чтобы дознаваться причин столь неожиданного приказа, она не стала тянуть с его исполнением. Было огромным облегчением получить назад свою одежду, даже под пристальным и мрачным взглядом этого человека. Хотя это и не умаляло его очевидного интереса к тому, что он перед собой видел.

Наконец его внимание переключилось на двух сестер.

— Я проинструктировал нашу новую стражу об их обязанностях. — При этом он улыбнулся, из-за чего обе сестры замерли в благоговейном страхе. — И теперь, в связи с наличием дополнительной охраны, с ваших спин снимаются заметные хлопоты и заботы, а у вас появляется свободное время, чтобы провести его в палатках, лежа там на спинах совсем для других обязанностей.

— Но, ваше превосходительство... — сказала сестра Эрминия дрожащим голосом, — мы сделали все, как вы сказали. Мы собрали этих людей...

— Вы думаете, что если вы наконец сделали хоть что-то, как вам было приказано, то теперь я забуду все те годы, что вы бегали вокруг, вынашивая планы прикончить меня? Вы думаете, что я так легко забуду ваше пренебрежение своими обязанностями по отношению к другим, обязательствами перед Орденом и моральным долгом пожертвовать вашими земными желаниями для блага всех?

— Но это не так, ваше превосходительство. — Сестра Эрминия потирала сухие руки, пытаясь найти слова, которые смогут спасти ее. — Да, мы были позорно эгоистичны, я согласна с этим, но не имели намерений причинить вам вред.

Он фыркнул и рассмеялся.

— Вы не думали причинить мне вред, выпуская Владетеля из преисподней? Вы не думали, что, передавая человечество во власть Владетеля мертвых, выступаете против меня, против образа жизни Ордена, против Создателя?

Сестра Эрминия умолкла. Она поняла, что у нее нет аргументов для спора. Кэлен о сестрах всегда думала как о гадюках. И вот теперь они извивались перед кем-то, имевшим

слишком толстую шкуру, чтобы в нее можно было всадить их ядовитые зубы.

Сестра Улисия и сестра Эрминия были привлекательными женщинами. У Кэлен сложилось впечатление, что их внешность сослужит им плохую службу среди тех животных, что составляли армию Имперского Ордена.

— Я контролирую... — Джегань вовремя поймал себя, едва не произнеся вслух ее титул, — Кэлен через кольцо на шее, через ваши способности. Вам не обязательно присутствовать рядом со мной, чтобы я мог использовать эти силы, — достаточно быть просто живыми. Я проинструктирую людей, что не хочу, чтобы кто-то из вас двоих пострадал, пока они будут наслаждаться вашими женскими прелестями.

— Спасибо, ваше превосходительство, — сумела лишь выдавить слабым голосом сестра Улисия, стискивая побелевшими пальцами полы платья.

— А теперь снаружи ожидают два человека, которые соответствующим образом проинструктированы, что делать с вами обеими. Отправляйтесь с ними. — Он широко улыбнулся им, как сама смерть. — Приятной ночи вам, дамы. Вы вполне заслужили ее... и многое другое.

Как только они покинули шатер, Кэлен осталась одна, в самом центре его, дожидаясь подобной же участи.

Джегань подошел к ней. Кэлен подумала, что сейчас или она свалится в обморок от страха, или ее стошнит от мысли о том, что вот-вот случится с ней.

Глава 45

Кэлен уставилась на рисунок ковра у самых своих ног. Она не хотела смотреть вызывающе в черные глаза Джеганя. Показная бравада в такой момент ни к чему хорошему привести не могла.

Когда Кэлен приходилось идти пешком, хотя сами сестры ехали верхом, она всегда твердила себе, что это сделает ее сильной к тому времени, когда сила действительно понадобится. Но вот теперь, примерно из таких же соображений, она не стала проявлять совершенно бесполезного прямого сопротивления. Выступать против своего захватчика, как и против того, что он собирается сделать с ней, в случае, когда она знает, что не в состоянии остановить это, приведет только к безрассудной трате собственных сил.

Ей хотелось сохранить пыл своего гнева до подходящего момента.

И такой момент должен настать. Она пообещала себе это. И даже если для этого придется броситься в зубы самой смерти, она все равно выпустит всю свою ярость на тех, кто сделал это с ней и со всеми остальными невинными жертвами Имперского Ордена.

Она увидела, как сапоги Джеганя возникли прямо перед ней, и задержала дыхание, ожидая, что он схватит ее. Она еще не знала, что именно он сделает, когда это действительно случится, и как ей удастся выдержать то, что, по ее разумению, он собирался сделать. Ее взгляд скользнул чуть выше, ровно настолько, чтобы увидеть, где висит на его поясе нож. Рука императора лежала на его рукоятке.

— Мы выходим, — сказал он.

Кэлен взглянула с недовольным видом.

— Наружу? С какой целью?

— Сегодня — вечер турниров Джа-Ла Д'Йин. Различные подразделения нашей армии имеют свои команды. И бывают особые вечера — отведенные для таких соревнований. Дух наших войск поднимается, когда они видят своего императора, наблюдающего за их игрой.

Со всех покоренных частей Нового мира отбираются люди и получают шанс соревноваться с другими командами. Для них это исключительная возможность приобщиться к новой культуре, которую мы несем в эти дикие земли, возможность стать частью структуры Имперского Ордена и принять наш образ жизни.

Лучшие игроки иногда становятся героями. Из-за таких людей дерутся женщины. Моя команда целиком состоит из таких — герои, которые никогда не проигрывают. Толпы женщин дожидаются этих мужчин после игр, готовые раздвинуть для них свои ноги. Игроки в джа-ла могут выбрать любую женщину.

Кэлен обратила внимание, что хотя, будучи императором, Джегань, скорее всего, мог выбирать любую из многих женщин, которые желали близости с таким представителем власти и силы, он все же предпочитал брать их силой. Он предпочитал брать то, что не предлагалось, брать то, что не мог получить как результат собственных заслуг.

— Сегодня вечером некоторые из команд проводят отборочные игры. И все они надеются, что однажды смогут получить шанс сыграть с моей командой в великом соревновании за высшие награды. Моя команда, раз-другой в месяц, играет с лучшими из лучших. Они никогда не проигрывают. Но в каждой новой группе претендентов всегда тлеет надежда, что именно они окажутся теми, кто победит лучших — то есть императорскую команду — и будут объявлены победителями игр. Для такой команды будет предостаточно наград, не последняя из которых — наиболее красивые из тех женщин, что сейчас проводят время только с мужчинами моей команды.

Казалось, ему нравилось рассказывать ей о нравах этих женщин, словно он говорил обо всех женщинах вообще, и, делая это, по сути, сообщал ей, что думает, что она точно та-

кая же. Она бы предпочла вскрыть вены. Проигнорировав эти косвенные намеки, она задала ему вопрос:

— Но если твоя команда не играет, для чего тебе смотреть эти игры? Ведь несомненно, что такой человек, как ты, не стал бы дарить свое драгоценное присутствие верноподданным исключительно только из великодушия.

Он уставился на нее с недоумением, будто это был очень странный вопрос.

— Ну, разумеется, чтобы посмотреть их стратегию, выявить самых сильных и самых слабых среди тех, кто будет противниками моей команды.

К нему снова вернулась коварная улыбка.

— То же самое, что делаешь ты — оцениваешь всех, кто может стать твоим противником. И не пытайся убеждать меня, что не делаешь этого. Я вижу, как твой взгляд застывает на оружии, оценивает планировку помещений, позиции людей, укрытия и маршруты для побега. Ты все время ищешь возможность, всегда следишь, всегда думаешь, как справиться с теми, кто стоит у тебя на пути. Джа-ла очень похожа на это. Эта игра тренирует стратегическое мышление.

— Я видела, как играют в нее. И могу сказать, что стратегия в ней не самое главное, в первую очередь эта игра тренирует жестокость.

— Ну, если тебя не привлекает стратегия, — сказал он с самодовольной ухмылкой, — тогда ты без сомнения будешь наслаждаться, наблюдая, как напрягаются и борются друг против друга потные мужчины. Большинство женщин любят смотреть игру ради этого. Мужчин больше привлекает стратегия, как выигрывается или проигрывается состязание, возможность поболеть за свою команду, представить себя на месте игроков; женщинам нравится наблюдать полуголые тела и лоснящиеся от пота мускулы. Они любят видеть победу сильнейших мужчин, мечтают быть желанными для победивших героев и планируют способы сделать себя доступными для них.

— И то и другое не представляет для меня интереса. И жестокость, и бессмысленное спаривание.

Он пожал плечами.

— На моем языке Джа-Ла Д'Йин означает «игра жизни». А разве жизнь не борьба... не жестокое и грубое состязание?

Состязание людей и полов? Жизнь, подобно Джа-Ла Д'Йин, это жестокая борьба.

Кэлен знала, что жизнь могла быть жестокой, но знала и то, что жестокость — не главное в жизни и не ее цель, и что состязание полов не было столкновением противников, а означало сближение в общей работе и наслаждении жизнью.

— Для таких, как ты, — да, — сказала она. — И в этом одно из отличий между мной и тобой. Я использую насилие лишь как последнее средство, лишь тогда, когда требуется защитить мою жизнь, мое право на существование. Ты же используешь насилие и жестокость как метод исполнения своих желаний, даже самых обыденных, потому что, за исключением силы, у тебя нет ничего заслуживающего внимания, чтобы предложить взамен того, что ты хочешь или в чем нуждаешься, — включая и женщин. Ты отбираешь, а не заслуженно получаешь.

Я выше этого. Ты не ценишь жизнь и не ценишь ничего, что в ней есть. А я ценю. Вот почему тебе приходится сокрушать вокруг все доброе и ценное — потому что это раскрывает никчемность твоей жизни и показывает, путем контраста, как, ничего не создавая, ты попусту расточаешь свое существование.

Вот почему ты и другие, подобные тебе, ненавидят таких, как я, — потому что я лучше тебя, и ты знаешь это.

— Подобное убеждение как метка грешника. Посчитать свою собственную жизнь имеющей значение и смысл есть преступление как против Создателя, так и против твоих собратьев.

И только она взглянула на него, он выгнул бровь, изображая предостерегающий взгляд, и наклонился к ней чуть ближе. Он поднял толстый палец — украшенный отнятым у кого-то золотым кольцом — прямо перед ее лицом, отмечая важный момент, словно учил эгоистичного и своевольного ребенка, едва избежавшего заслуженной порки.

— Братство Ордена учит нас, что быть лучше, чем кто-то конкретный, означает быть хуже каждого.

Кэлен никак не могла отреагировать на столь вульгарную идеологию. Этот благочестивый постулат пустопорожней веры предоставил ей неожиданное и истинное проникновение в бездну натуры варвара и в мстительную природу самого Ордена. Это концепция, сама же опровергающая то основание, на

котором она построена, — что жизнь имеет право существовать ради самой себя — с целью оправдать убийства ради абсолютно притворных убеждений Ордена относительно правильного понимания общего блага.

Этим примитивно сконструированным иррациональным догматом он просто и непреднамеренно разоблачил все и вся.

Это объясняло порочность всех его побуждений и главных эмоций, управляющих поведением этих людей-чудовищ, огромными массами, собранными вместе и готовыми убить любого, кто не подчиняется их убеждениям. Это был догмат, отрицающий цивилизацию и прославляющий дикость как способ существования и требующий постоянной жестокости, чтобы уничтожать любую достойную идею и человека, который ее принял. Это было учение, привлекающее в свои ряды воров, желавших считать себя добродетельными, убийц, жаждущих священного оправдания крови невинных жертв, что насквозь пропитала их души.

Этот догмат приписывал любое достижение или успех не тому, кто его реализовал, а, напротив, тем, кто не работал над ним и не был достоин его, именно потому, что они не заработали его и, следовательно, не заслужили. Он ценил грабеж, а не созидание.

Это была анафема индивидуальности.

В то же самое время это было пугающе печальное признание своей гнилой сути и слабости, неспособности существовать ни на каком другом уровне, кроме как будучи примитивным животным, вечно в страхе ежащимся, оттого что кто-то еще может стать лучше. Это был не просто отказ от всего, что является благом, и не просто неприятие чужих достижений — это на самом деле было нечто гораздо худшее. Это было выражение точащей изнутри ненависти ко всему хорошему, прораставшей из внутреннего нежелания приложить усилия ради чего-то по-настоящему ценного.

Подобно всем иррациональным верованиям, это тоже было абсолютно неосуществимым. Чтобы быть справедливым, подобное верование должно отказываться от стремления к доминированию, что противоречило самой вере, за которую они сражались. Но в самом Ордене равенства не существовало. Не было равенства среди всех этих просветителей и глаша-

таев насильственного равенства. Игрок ли в джа-ла, самый профессиональный из солдат или император — лучшие здесь не просто были нужны, но служили примерами для подражания и высоко ценились, с тем чтобы как общность они все таили внутреннюю ярость от невозможности жить согласно их собственному учению и страх, что при этом они будут раскрыты. И в качестве наказания за их собственную неспособность осуществить их священные верования через приверженность этим учениям, они вместо этого обращались к бичеванию других, объявляя во всеуслышание, как презренны все люди, и изливали ненависть к самим себе на козлов отпущения. Таким образом, они просто перекладывали вину на жертв.

В итоге их вера становилась не более чем надуманным богословием — абсурдом, повторяемым как заклинание в попытках придать правдоподобие, чтобы сами слова стали священными.

— Я уже видела эти игры джа-ла, — сказала Кэлен и отвернулась от него. — У меня нет никакого желания смотреть еще раз.

Он стиснул ее плечо, разворачивая ее лицом к себе.

— Понимаю, тебе не терпится, чтобы я затащил тебя в постель, но придется подождать. А прямо сейчас мы отправляемся наблюдать за игрой джа-ла.

Распутная улыбка медленно расползлась на его лице, подобно жирному навозу, вытекшему из прогнившей души.

— Если тебе не доставляет удовольствия наблюдать за стратегией и состязательной стороной этих игр, ты можешь наслаждаться видом крепких тел соперников. Уверен, подобное зрелище поможет тебе стать более благосклонной к тому, что произойдет несколько позднее этой ночью. Но постарайся не быть слишком нетерпеливой.

Неожиданно Кэлен осознала, что глупо протестовать по какой-либо причине, стараясь избежать его постели. Но игра джа-ла происходила снаружи, а у нее не было никакого желания снова выходить туда.

Но выбора нее не было. Она ненавидела необходимость пребывать среди этих мерзавцев. Кэлен тут же напомнила себе, что следует сдерживать свои чувства. Солдаты все равно не увидят. Так что возражать просто глупо.

Он взял ее за руку и повел к выходу из шатра. Она шла, не оказывая сопротивления. Сейчас был неподходящий момент, чтобы сопротивляться.

Снаружи их поджидали пятеро особых стражей. Они все обратили внимание на то, что Кэлен одета, но ни один из них не проронил ни слова. Они стояли, высокие, прямые и внимательные, по внешнему виду — готовые броситься на кого угодно, если последует приказание сделать это. Без сомнения, стоя перед их императором, они были максимально готовы ко всему, желая произвести на него впечатление.

Кэлен полагала, что быть лучше, чем остальные, неплохо, если ты император, и это положение никогда не сделает тебя хуже каждого. Он боролся за догмат, из которого исключил самого себя, и так же поступали все до одного его люди. Кэлен понимала, о чем это говорит.

— Вот это, — сказал он ей, — твои новые стражи. Недавний инцидент не должен повториться, поскольку эти люди могут видеть тебя.

Все мужчины выглядели вполне довольными как самими собой, так и, несомненно, предполагаемым безвредным характером женщины, которую им выпало охранять.

Кэлен бросила короткий, но внимательный взгляд на первого из тех, перед кем сестры поставили эту новую задачу, партнера того, что был с перебитым носом. Одним взглядом она оценила оружие, которое тот носил — нож и грубо сделанный меч с деревянной рукояткой из двух половинок, примотанных друг к другу, — и то, как непривлекательно он выглядел, нося их таким странным образом. Этот взгляд подсказал ей, что это те самые орудия, которые он, без всякого сомнения, с показной храбростью использовал, когда резал невинных женщин и детей. Она сомневалась, что он хоть когда-то пользовался им в рукопашной схватке с другими мужчинами. Для нее он был обычным подонком, ничего более. Устрашение — вот было его оружие.

Самодовольно улыбаясь, он всем своим видом показывал, что она не произвела на него впечатления. В конце концов, он едва не затащил ее в свою палатку. По его представлениям, он находился всего лишь в паре шагов от того, чтобы заполучить ее.

— Тебя, — сказала она, указывая ему пальцем прямо между глаз, — тебя я убью первым.

Все ее стражи негромко фыркнули. Она метнула вдоль них и их оружия оценивающий взгляд, запоминая все, что заслуживало внимания.

Затем указала на человека с перебитым носом.

— Ты умрешь вторым, после него.

— А как насчет нас троих? — спросил один из оставшихся, едва сдерживая смех. — В каком порядке ты будешь убивать нас?

Кэлен пожала плечами.

— Узнаете перед тем, как я перережу ваши глотки.

Все мужчины рассмеялись. Не рассмеялся лишь Джегань.

— Советую вам относиться к ее словам серьезно, — сказал император. — Последний раз, когда в ее руки попал нож, она убила двух моих самых доверенных телохранителей — людей, более искушенных в боевом ремесле, нежели вы, — и сестру Тьмы. Убила собственноручно и в течение короткой минуты.

Установилась тишина.

— Вы все должны быть постоянно начеку, — сказал им Джегань грубым рыком, — или я сам выпотрошу вас, если мне только покажется, что вы недостаточно внимательны к своим обязанностям. А если она сбежит из-под вашего наблюдения, я отправлю вас в шатры для пыток и прикажу, чтобы ваша смерть тянулась целый месяц, а плоть сгнила и омертвела прежде вас.

Теперь в головах этих людей не осталось никаких сомнений относительно серьезности намерений Джеганя или ценности его приза.

Как только император целенаправленно отъехал верхом от своего шатра, многочисленный эскорт из сотен, если не тысяч, наиболее преданных и опытных людей из ближайшего окружения сам собой сформировался вокруг него. Пятеро особых стражей окружали Кэлен со всех сторон, кроме той, где находился сам Джегань. Они все двинулись через лагерь, в доспехах и с обнаженным оружием. Кэлен сначала решила, что Джегань, как лидер, просто принимает обычные предосторожности против шпионов и лазутчиков, но затем поняла, что здесь кроется нечто большее.

Он был лучше, чем вообще кто-либо.

Глава 46

К тому времени, когда они после соревнований в джа-ла вернулись к императорскому лагерю и его большому шатру, беспокойство Кэлен усилилось. Это был не просто страх остаться одной с таким непредсказуемым и опасным человеком, — и даже не ее обычная паника по поводу того, что ей известно о его намерениях по отношению к ней.

Это все было, конечно, но вместе с его затаившейся жестокостью, бурлившей под самой поверхностью. К его лицу прилила кровь, движения стали более нетерпеливыми, возросла уверенность в себе, короткие замечания стали более острыми, взгляд чернильных глаз приобрел пронзительную интенсивность. Наблюдение за играми привело Джеганя в еще более вспыльчивое состояние, нежели то, которое, по ее представлению, было нормой. Эти игры разжигали его. Они возбуждали его — во всех смыслах.

Во время игр ему показалось, что одна из команд играет не в полную силу, не вкладывает в игру все свои способности. Он решил, что они специально сдерживаются и не выкладываются на предварительных соревнованиях.

Когда они проиграли, он казнил их всех прямо на поле.

Толпа одобрительными возгласами больше приветствовала это, нежели саму скорее скучную и утомительную игру. Джеганя бурно приветствовали, когда он приказал отправить игроков на смерть. Последующие игры прошли со значительно большей страстью, и к тому же на земле, еще влажной от крови после отсечения голов. Джа-ла была игрой, в которой мужчины бегали, делали обманные движения, стрелой проносились друг мимо друга, или блокировали проход, или пресле-

довали человека с тяжелым мячом — называющимся брок, — пытаясь захватить его, или уйти с ним в нападение, или заработать дополнительные очки. Во время игры люди часто падали или оказывались сбитыми с ног. Когда такое случалось, они катились по земле. В летнюю жару и без рубашек, они очень скоро становились скользкими, не столько от пота, сколько от крови. Как могла видеть Кэлен, наблюдая за женской частью зрителей, смотревшей игру с боковой линии, их нисколько не смущало наличие крови. Скорее, даже склоняло еще больше стремиться к тому, чтобы ловить внимание игроков, которые теперь приводили толпу в неистовство своими быстрыми атаками и агрессивной тактикой.

Во всех остальных играх, после той, что кончилась смертной казнью, так же как и в предыдущих, проигравшие команды, поскольку они по крайней мере играли с полной отдачей, не были отправлены на смерть, а лишь подвергнуты порке. Для наказания использовалась ужасающая плеть, состоявшая из нескольких шнуров. В каждый из этих шнуров были вплетены тяжелые куски металла. Все члены команды получали по одному удару за каждый пропущенный мяч. Некоторые из этих команд имели по несколько проигранных очков, хотя даже одного удара такой плетью было достаточно, чтобы сорвать всю кожу с голой спины.

Толпа с энтузиазмом подсчитывала каждый удар по каждому человеку проигравшей команды, которых стегали посреди поля. По краю же поля прыгали от радости победители, красуясь перед толпой, тогда как проигравшие, опустив головы, получали свое наказание.

Необходимость быть свидетелем подобного вызывала у Кэлен тошноту. Напротив, Джеганя это восхищало.

Кэлен облегченно вздохнула, когда игры наконец-то закончились, но когда она снова оказалась внутри императорского лагеря и у входа в его шатер, чувство страха начало грызть ее изнутри. Джегань был в настроении, спровоцированном насилием и возбужденном кровью. Кэлен могла видеть по его глазам, что он не расположен принять какой-либо отказ.

И этой ночью ей придется остаться с ним.

Как только особые стражи начали распределять между собой места снаружи шатра, она заметила человека, въезжаю-

щего в лагерь в сопровождении небольшой группы. Джегань отложил инструктаж стражей, приставленных к Кэлен, как только кольцо телохранителей расступилось, пропуская и этого человека, и сопровождавших его офицеров. Едва представ перед императором и чуть не задыхаясь, тот объявил, что он специальный связной.

— Итак, в чем дело? — спросил Джегань, внимательно разглядывая с полдюжины сопровождавших его высокопоставленных лиц. Джегань вообще не бывал доволен, будучи побеспокоен, когда голова его занята чем-то другим.

Кэлен прекрасно понимала, что именно она сейчас в фокусе бродивших в его голове мыслей, и что ему хочется скорее затащить ее внутрь и остаться наедине. Время пришло, и он горел от нетерпения заняться ею.

До сих пор он не прикасался к ней никаким неуместным образом. Откладывал все это на потом. Почти так же, как любой город на пути его армии должен был ждать в изнуряющем страхе надвигающуюся атаку, так и она тоже ощущала мертвую хватку всепоглощающего страха, ожидая приближение неотвратимого. Она старалась не рисовать в воображении, что именно он собирался сделать с ней и на что это будет похоже, но не могла думать о чем-либо еще — и не могла унять беспокойно бьющееся сердце.

Связной протянул кожаный тубус. Когда Джегань сдернул крышку, прозвучал четкий хлопок. Двумя пальцами он выудил из него скрученный листок бумаги. Сорвав восковую печать, он развернул листок и поднял над головой, чтобы прочитать в свете факелов, расположенных по бокам от входа в его шатер. В мерцающем свете факелов отблескивали кольца, украшавшие каждый его палец.

Поначалу нахмурившись, император начал улыбаться, читая дальше. Наконец он громко рассмеялся и посмотрел на офицеров.

— Армия Д'Харианской империи сбежала от боя. Разведчики и сестры докладывают одно и то же: д'хариане были так напуганы перспективой встречи с Джеганем Справедливым и армией Ордена, что все разбежались, бесследно рассеявшись, доказывая этим, какие они на самом деле недостойные трусы.

Армии Д'Харианской империи больше не существует. Ничто не стоит между нами и Народным Дворцом.

Офицеры одобрительными возгласами приветствовали своего императора. У всех внезапно пробудилось веселое настроение. Джегань, словно награды, раздавал офицерам поздравления за участие в обращении вражеской армии в бегство.

Слушая все это, стоя в стороне, пока офицеры не сводили глаз с Джеганя, размахивавшего бумагой и говорившего о близком конце этой долгой войны, Кэлен медленно и осторожно подняла ногу, пока ее пальцы не нащупали рукоятку ножа, спрятанного в правый сапог.

Стараясь делать максимально осторожные движения, чтобы не привлечь внимания тех пятерых, что могли видеть ее, или самого Джеганя, она вытащила оружие из сапога и зажала его в кулаке. После того как этот нож оказался в ее руке, она извлекла и второй из другого сапога.

Кэлен крепко сжала обмотанные кожей рукоятки качественно сделанных ножей, добиваясь того, чтобы пальцы держали их спокойно и уверенно. Присутствие оружия в руках наполнило ощущением цели, отогнало страх беспомощности, угрожающей ей этой ночью. Теперь у нее было средство нанести удар. Она понимала, что, возможно, это не остановит Джеганя в том, что он собирался сделать с ней, но зато оно не произойдет без борьбы. Это был ее шанс заставить его заплатить цену.

Она двигала не головой, а только глазами, оценивая, где стоит каждый человек. К сожалению, Джегань был не поблизости от нее. Он отошел к связному и стоял в окружении своих офицеров. Кэлен понимала, что он далеко не дурак. Если она сейчас двинется в его сторону, у него мгновенно возникнут подозрения. Он прекрасно понимал, что она ничего не сделает просто так. К тому же он очень опытный боец. Он среагирует гораздо быстрее, чем она успеет нанести ему удар. Вероятно, будь он и ближе, у нее оказалось бы не больше шансов на успех.

Но тут были куда лучшие мишени и куда больше возможностей для сюрпризов. Пятеро особых стражей находились недалеко от нее, слева, офицеры же чуть дальше, справа от нее. Офицеры не могли видеть ее. И далее тянулся лагерь, полный людей, которые тоже не могли ее видеть. Но хотя офицеры и не видели Кэлен, те пятеро вполне могли видеть, и

поэтому, как только она двинется, у нее останется лишь мгновение, прежде чем они среагируют.

Она понимала, что может пролить немало крови, но шанс на побег при этом был минимальным.

Альтернативой было смиренно покориться приближающемуся насилию.

Кэлен собрала всю свою ярость. Еще крепче сжала рукоятки ножей. Это был шанс нанести ответный удар своим тюремщикам.

Открытым, прямым и мощным колющим ударом она направила длинный нож, что был в левой руке, в середину груди особого стража, которого обещала убить первым. Смутно, уголком глаз, она отметила его оцепенелое удивление.

За его спиной начали округляться и глаза человека с перебитым носом, и тот тоже оцепенел, потрясенный до шокового состояния. Кэлен использовала нож, вонзившийся в грудь первого мужчины, в качестве опоры. Держась за его рукоятку, она повернулась вокруг уже заколотого человека. И одновременно выставила перед собой нож, зажатый в правой руке, заставляя его двигаться по дуге. Лезвие этого ножа располосовало горло мужчины с перебитым носом. За два удара сердца, ударяющего словно молот, она уложила их обоих.

Кэлен левой ногой оттолкнула тело первого человека, как только он начал падать, чтобы высвободить всаженный нож, и тут же метнулась в противоположную сторону — к офицерам. С третьим ударом своего сердца она ударила первого офицера, как при захвате в игре джа-ла. Еще двигаясь к нему, она всадила нож в правой руке как можно глубже в его живот, ведя его при этом вверх, вспарывая.

В следующий момент она коснулась другим ножом горла человека, стоявшего сбоку и чуть сзади первого офицера. То был высокопоставленный военный, его-то она и выбрала жертвой. Она ударила с такой силой, что лезвие ножа не только перерезало горло, но и проникло в пространство между позвонками. Его спинной мозг оказался разрублен, и мертвое тело рухнуло вниз так быстро, что, через зажатую в руке Кэлен рукоять ножа, лишило ее равновесия и потянуло за собой.

Но прежде чем она успела либо отпустить, либо выдернуть нож, сила, исходящая из кольца на шее, пронзила Кэлен

подобно удару молнии. В тот же момент три других особых стража схватили ее, сбивая с ног и вколачивая в рыхлую землю. После воздействия кольца на шее, сделавшее ее руки оцепеневшими и бесполезными, а ноги совершенно непослушными, им удалось без труда обезоружить ее.

Когда Джегань пронзительно закричал, приказывая им что-то, они подтянули ее верх, ставя на ноги. Кэлен задыхалась от усилий, потребовавшихся для столь короткого сражения. Ее сердце все еще бешено колотилось. Хотя освободиться ей не удалось, она не была полностью разочарована. На самом деле она не предполагала, что у нее хорошие шансы, начиная все это. Она рассчитывала, что убьет по меньшей мере пару офицеров, и это ей удалось. Разочарована она была лишь тем, что особые стражи не убили ее, вместо того чтобы просто схватить.

Джегань отпустил озадаченных офицеров, объяснив это побочным эффектом вырвавшейся из-под контроля магии. Он заверил их, что все и полностью контролирует. Это были люди, привыкшие к насилию, и они восприняли смерть своих приятелей от невидимой руки если и не совсем спокойно, то по крайней мере с самообладанием, успокоенные поведением их императора.

Едва отойдя от императорской ставки, они отправили назад несколько человек, которые бросились по их команде убирать тела. Люди из охраны Джеганя, собравшиеся взглянуть, что за беспорядок, оказались обеспокоены, увидев подобное убийство в пределах их зоны ответственности. Они все смотрели на Джеганя, оценивая его настроение, и, увидев, что он спокоен, очень быстро ретировались, заодно помогая убрать отсюда четыре трупа.

Как только они ушли, Джегань наконец-то обратил свирепый взгляд на Кэлен.

— Вижу, наблюдение за играми пошло тебе на пользу. Похоже, ты больше внимания уделила все же стратегии, а не голым телам мускулистых мужчин.

Кэлен встретилась со взглядами трех особых стражей, все еще державших ее.

— Просто сдержала обещание.

Джегань медленно сделал глубокий выдох, стараясь не совершить убийство.

— Ты крайне удивительная женщина... и трудный противник.

— Я посланница смерти, — сказала она ему.

Он посмотрел на четыре тела, уносимых в ночь.

— Видимо, так и есть.

Он обратил внимание на тех троих, что держали Кэлен.

— Есть ли какая-то причина, чтобы я не отправлял вас троих на пытки?

Все трое, только что полные самодовольства оттого, что схватили ее, внезапно помрачнели. Они нервно переглядывались друг с другом.

— Но, ваше превосходительство, — сказал один из них. — Два человека, что подвели вас, заплатили своими жизнями. Мы трое остановили ее. Мы не дали ей убежать.

— Я тот, кто остановил ее, — сказал он сквозь едва сдерживаемую ярость. — Я остановил ее с помощью кольца, что она носит на шее. — Он с минуту молча рассматривал их, давая возможность немного утихнуть вспышке ярости. — Но меня не без причины зовут Джегань Справедливый. Я разрешаю вам троим жить, пока, но пусть это будет для вас уроком. Я предупреждал вас, что она опасна. Возможно, теперь вы убедились, что я знаю, о чем говорю.

— Да, ваше превосходительство, — вразнобой сказали эти трое.

Джегань сцепил руки за спиной.

— Отпустите ее.

Он посмотрел испепеляющим взглядом отдельно на каждого из этих людей, прежде чем взять Кэлен за руку и отвести к открытому входу в шатер. Она все еще пошатывалась от шока, последовавшего от применения кольца на шее. Суставы ломило, ноги и руки горели изнутри.

Прежде ее интересовали, действительно ли Джегань может воспользоваться кольцом без присутствия сестер. Теперь она убедилась. Без этого кольца у нее есть неплохие шансы вырваться на свободу; с кольцом же — нет. С этого момента она не осмелится относиться легкомысленно к способностям Джеганя. По крайней мере, теперь она точно знала. Это значительно лучше, чем удивляться потом, почему что-то оказалось действительно возможным.

— Я хочу, чтобы сегодня ночью вы все трое охраняли мой шатер снаружи. Если она выйдет без меня, то лучше бы вам остановить ее.

Трое солдат поклонились.

— Да, ваше превосходительство.

Они больше уже не казались самодовольными. Они казались теми, кем и были, — людьми, только что избежавшими смертного приговора.

Как только эти люди заняли свои посты, Джегань обратил свой мрачный взгляд на Кэлен.

— В прошлый раз ты лишь прогулялась среди мужчин. Это была короткая прогулка. И ты увидела лишь небольшую часть моей армии. Завтра у тебя будет отличный шанс увидеть еще большее число моих людей. Среди них должно оказаться еще больше тех, которые способны видеть тебя.

Не знаю, что это за «аномалия», о которой говорит сестра Улисия, или о причинах ее, но практически для меня это не имеет значения. А то, что имеет значение, я намерен использовать для собственной пользы. Завтра ты снова отправишься верхом, и мы будем следовать через войска, но ты будешь без одежды. И таким образом ты поможешь нам найти значительное число новых особых стражей. Это наверняка будет очень интересный день.

Кэлен не спорила — это не принесло бы ей ничего хорошего. По тому, как тщательно он объяснял то, что собирается сделать, она сразу поняла, что он собирался унижать ее. Она подозревала, что это еще только начало.

Император Джегань провел ее через открытый вход в свой шатер, словно она принцесса крови. Он, конечно же, насмехался над ней. Входя внутрь, она ощутила, как сила кольца ослабила свое воздействие на нее. По крайней мере, она могла теперь самостоятельно двигать руками и ногами. Боль, к счастью, тоже начинала стихать.

Внутри шатра было почти темно, тут горели только свечи. От них распространялось теплое свечение, делая шатер уютным и безопасным, почти как священное место. Это было ложное ощущение.

Она чувствовала себя, как перед отправкой на казнь.

Глава 47

Рабы, уже выставившие для императора легкий ужин, тут же были выгнаны вон. При виде столь знакомого выражения его глаз и наслушавшись криков умирающих снаружи людей, каждый был только счастлив исчезнуть оттуда, когда он прорычал, чтобы все они убирались.

Джегань некоторое время наблюдал, как они торопливо покидали шатер. Затем, уперев толстый палец в середину ее спины, молча подтолкнул Кэлен мимо стола, уставленного кружками с вином, тарелками с мясом, караваями черного хлеба, вазами, полными орехов, красиво уложенных фруктов и сладостей, препровождая ее за следующий, напоминавший гобелен, занавес, закрывающий вход в спальню, отгороженную внутри шатра.

Спальня была изолирована от остальной части шатра и от внешнего пространства чем-то напоминавшим обитые мягким материалом панели — вероятно, чтобы заглушать звуки. Стены здесь тоже были покрыты шкурами и драпировками из материи с рисунками приглушенных тонов. Помещение было уютно украшено тонкой работы коврами, несколькими предметами изящной мебели, застекленными книжными шкафами, полными книг, а также изысканно отделанными золотыми и серебряными светильниками. По углам кровати, покрытой мехами и с атласным бельем, стояли столбы из черного дерева со спиральной резьбой.

Кэлен спрятала трясущиеся пальцы за спину, продолжая наблюдать, как Джегань пересек комнату и снял овчинный жилет. Он бросил его на спинку стула, стоявшего у небольшого письменного стола. Обнаженную грудь и спину императора

покрывали темные вьющиеся волосы, что придавало ему сходство с медведем. И выглядел он как угодно, но только не как человек, спящий на атласном постельном белье. Она подозревала, что на самом деле он нисколько не ценил подобные вещи, но хотел иметь их, как знак своего положения. Она предположила, что он, скорее всего, забыл, что внутри Ордена существует равенство и никто не должен жить лучше, чем другие. И еще она подумала, что он никогда не интересовался, спят ли те люди, что ночуют в стоящих поодаль прокопченных палатках, под атласными одеялами.

Джегань обратил к ней взгляд.

— Ну, женщина, раздевайся. Или ты предпочтешь, чтобы я сам сорвал с тебя одежду? Выбор за тобой.

— Сниму ли я одежду сама или ты сорвешь ее, все равно это будет насилием.

Он выпрямился и в установившейся полной тишине некоторое время вглядывался в нее. Раскинувшийся снаружи шатра лагерь в значительной мере затих, остались лишь приглушенные звуки отдаленных разговоров, сливающиеся в единый слабый гул. Люди устали как от долгого дневного марша, так и от эмоциональных волнений во время игр в джа-ла. Джегань приказал, чтобы ежедневные переходы стали длиннее, пока они не достигнут Народного Дворца, так что большинство людей, без всякого сомнения, сейчас спали в своих палатках.

Единственным, кто еще не угомонился в эту ночь, был Джегань. И если после игры он был просто в возбужденном состоянии, то после убийства четырех человек находился на грани ярости. Но Кэлен это ничуть не заботило. Если он изобьет ее до потери сознания, она просто не будет знать, что еще он собирался сделать с ней.

— Теперь ты моя, — сказал он низким грозным тоном. — Ты принадлежишь мне — и никому больше. Мне одному. Я могу делать с тобой все, что хочу. И если я решу перерезать тебе глотку, твоей обязанностью будет умереть для меня от потери крови. Если же я решу отдать тебя тем трем мужчинам, которые могут видеть тебя, тогда ты будешь ублажать их, нравится тебе это или нет, будешь ли ты делать это с охотой или нет.

Теперь ты принадлежишь мне. Твоя судьба определяется моим выбором. В том, что случится с тобой, у тебя не будет собственного выбора. Никакого. Все, что с тобой произойдет, произойдет только по моему решению.

— Это по-прежнему насилие.

Он пересек комнату тремя стремительными широкими шагами и ударил ее тыльной стороной руки, сбивая с ног. Затем поднял за волосы и швырнул на кровать. Весь мир кружился, как колесо, пока Кэлен кувыркалась в воздухе, пролетев лишь в нескольких дюймах от деревянной стойки.

— Разумеется, это насилие! Это то самое, чего я хочу. Это то самое, что тебя ожидает!

Он бросился к кровати, как разъяренный бык. Его черные глаза были наполнены диким ураганом теней. Прежде чем она осознала это, он был уже над ней. Кэлен заранее была готова ко всему. Она не собиралась препятствовать ему, чтобы не давать повода наслаждаться применением силы. Но когда он оказался прямо перед ней, готовый раздвинуть ее бедра, все эти мысли растворились во внезапной панике от того, чего она отчаянно не хотела. Она забыла обо всех своих планах и теперь безнадежно пыталась оттолкнуть его руки, но при этом нечего было и говорить о возможности остановить его. Он даже не побеспокоился еще раз шлепнуть ее, прерывая, таким образом, сопротивление. Одним рывком он разорвал на ней блузку.

Когда он замер, Кэлен затихла, а ее грудь вздымалась от усилий. И он, не отрываясь, смотрел на эту грудь.

Она воспользовалась неожиданной паузой, чтобы прийти в себя. Она только что убила четырех человек. Она смогла сделать это. Это было ничто по сравнению с тем, чего стоило носить это кольцо на шее, лишиться памяти, лишиться знаний о самой себе и стать беспомощным рабом у сестер Тьмы и у императора, правившего шайкой воров и бандитов.

Да, это был пустяк. Она была не настолько глупа, чтобы бороться с ним таким глупым способом, как это делает школьница, пытающаяся отвести руки уличного хулигана. Она не делала ничего подобного. И не станет этого делать. Она не настолько глупа. Да, она напугана, но не должна поддаваться панике. Она очень боялась, когда убивала тех четырех человек, но держала свой страх под контролем и действовала.

Она лучше, чем он. Он — всего лишь сильнее. Он мог получить ее только силой. Осознание этого давало ей хотя бы малое, но превосходство над ним, и он знал это. Он никогда не сможет заполучить ее без принуждения, потому что она лучше, чем он, и заслуживала гораздо лучшего. Он никогда не сможет заполучить такую женщину, как она, кроме как силой, потому что он слабый и пустой человек.

— Так удовлетворяет ли вас этот приз всех призов, ваше превосходительство? — с насмешкой передразнила его она.

— О да, — злобная улыбка Джеганя стала шире. — А теперь сбрось эти дорожные штаны.

Она не сделала ни единого движения, чтобы подчиниться, и тогда он сделал это за нее, расстегивая старательно, одну за другой, все пуговицы, будто распаковывал что-то исключительно ценное. Она продолжала лежать, держа руки по бокам. Он подцепил пальцами пояс ее штанов, стащил их с ее ног, выворачивая наизнанку, снял через ступни ног и отбросил в сторону, задержавшись на мгновение, чтобы рассмотреть ее почти полностью обнаженное тело.

Кэлен молча прикусила внутреннюю сторону щеки, чтобы удержаться и не дать волю своим рукам в приступе охватившей ее паники, когда он скользящим движением провел рукой вверх по ее ноге, осязая мягкость ее бедра. Кэлен глотала слезы. Она отдала бы все, только чтобы не находиться на этом месте, а быть где угодно еще, но не во власти этого чудовища.

— А теперь остальное, — произнес он хриплым шепотом. — Снимай остальное белье.

Можно было сказать, что занятие с ее раздеванием лишь еще больше возбуждает его, так что она сделала, как он приказал, стараясь, чтобы это выглядело как угодно, но только без доли соблазна.

Наблюдая, как она выполняет его приказ, он уселся на край кровати, чтобы снять сапоги. Затем сбросил штаны и швырнул их. Охваченная отвращением от одного лишь ужаса видеть его обнаженным, Кэлен почувствовала слабость и отвела взгляд.

Ей подумалось, неужели после такого она будет способна влюбиться и позволить мужчине прикоснуться к ней? И осу-

дила себя. Она не собиралась позволять себе влюбляться. Она зря беспокоится по поводу проблемы, которая никогда не встанет перед ней.

Кровать качнулась под его тяжестью, когда он, устраиваясь рядом с ней, лег. Он медлил, поглаживая рукой ее живот. Она ожидала грубого прикосновения или резких раздражающих хватательных движений, но вместо этого ощутила легкое, почти тайное прикосновение, медленную, осторожную оценку чего-то исключительно ценного. Она не ожидала, что мягкое обращение затянется так надолго.

— Ты действительно необыкновенная, — сказал он хриплым голосом, скорее для себя, чем для нее. — Наблюдать за тобой глазами других действительно совсем не то же... теперь я могу это понять.

Его тон изменился. Жар желания, вспыхнувшего к ней, растопил гнев. Он был на грани капитуляции перед раскованной похотью.

— Это совсем не то же самое... Я всегда знал, что ты исключительная, но сейчас вижу: ты... ты удивительное создание. Просто удивительное.

Кэлен заинтересовало, что он имел в виду, говоря, что наблюдал за ней глазами других. Ей хотелось знать, имел ли он в виду, что наблюдал за ней глазами сестер. Ее ошеломила неожиданная мысль, буквально поразившая ее: он мог видеть ее раздетой, когда она думала, что находится лишь в окружении женщин, сестер Тьмы. От такого осквернения ее переполнила леденящая ярость.

Следовательно, он был в них, наблюдая за ней и планируя все это. Но в то же время у нее было и ощущение, что он говорит о чем-то еще. Было что-то большее в его словах, какой-то больший смысл, что-то скрытое. То, как он говорил об этом, заставляло ее думать, что он говорит о чем-то, что было в ее жизни до появления сестер Тьмы. О чем-то, что было задолго до того, как она потеряла память о своем прошлом, о том, кем была. Она была разгневана и впадала в ярость, думая, что он наблюдал за ней посредством этих самых сестер. Но мысль о том, что он видел ее раньше, еще в той жизни, которую не удавалось вспомнить, потрясла ее.

Неожиданно он повернулся, наваливаясь на нее.

— Ты даже не можешь себе представить, как долго я ждал, чтобы проделать все это с тобой.

Ее дыхание и сердцебиение только-только начали успокаиваться. Теперь же все начало происходить слишком быстро. Сердце снова забилось так, будто уже колотило по ребрам. Она хотела заставить его снизить темп, чтобы иметь время подумать, как помешать ему делать то, что он делал. Хотя ощущение его плоти рядом со своей сбивало мысли и опустошало разум. Она не могла придумать никакого способа остановить его, а могла лишь отметить про себя, как сильно не хочет, чтобы он делал это.

Затем она вспомнила об обещаниях, что давала самой себе. Она была лучше, чем он; и должна действовать исходя из этого.

Она не сказала ни слова и уставилась мимо него, вглядываясь в крышу шатра, мягко освещенную светом лампы.

— Ты не можешь вообразить, как мне хотелось проделать с тобой все это, — сказал он, внезапно переходя на угрожающий тон. — Даже представить не можешь, как много это значит для меня.

Она перевела взгляд, чтобы заглянуть в его несущие ночные кошмары глаза.

— Нет, не могу. Так что тебе следует просто продолжить и не говорить загадками, избавив меня от разговоров, которые для меня не несут смысла, поскольку не имею ни малейшего представления, что именно ты имеешь в виду.

Кэлен отвела взгляд, чтобы не смотреть на него. Она хотела продемонстрировать полное безразличие. Она отправила свой разум в бесцельное блуждание. Это было не так-то просто, ощущая сверху такое мощное давление, какое производил он, требуя от нее участия в его устремлениях, но она прилагала все силы, чтобы игнорировать его, думать о чем-то другом. Она не собиралась предоставить ему удовлетворение тем сопротивлением и той борьбой, которую заведомо проиграет. Она стала думать об игре джа-ла, не потому, что ей хотелось об этом думать, а потому что это было свежо в ее памяти, это можно было вспоминать во всех подробностях.

Внезапно он подцепил ее руками под колени, разводя ноги в стороны и забрасывая их вверх, почти к самой груди, от-

чего стало трудно дышать. В таком положении ее суставы и связки испытывали боль, но она сдержала готовый вырваться крик и постаралась не обращать внимания на то, как он пытается управлять ею, демонстрируя свое полное господство, когда овладевает ею.

— Если бы он знал... Это убило бы его.

Глаза Кэлен вновь повернулись к нему. Она могла лишь едва дышать под тяжестью его веса.

— О ком ты?

Она подумала, что, возможно, речь шла о ее отце... об отце, которого она не помнит. Возможно, ее отец был один из командующих армией, и, возможно, именно поэтому она умеет управляться с оружием. Она не могла вообразить, о ком еще он может говорить при ней.

Она хотела сказать еще что-нибудь, осадить его, но передумала и осталась молчаливой и безучастной.

Теперь рот Джеганя был у самого ее уха. Грубая щетина болезненно скребла по ее шее и щеке. Его дыхание стало учащенным и неровным. Он вдруг умерил похоть, которой готов был дать волю.

— Если бы ты только знала... Это убило бы тебя, — сказал он, безусловно и чрезмерно довольный этой мыслью.

Оказавшись еще более озадаченной, она промолчала, оставив при себе растущее беспокойство по поводу того, что он может иметь в виду.

Она подумала, что он сейчас возобновит попытки удовлетворить свою развратную потребность, но Джегань медлил, держа ее ноги широко раздвинутыми и продолжая смотреть на нее, все еще находясь на грани намерения. Под его тяжестью ей с трудом удавалось дышать, но она знала, что любой протест будет встречен без всякого интереса к тем неудобствам, что он ей доставлял.

В каком-то смысле ей даже хотелось, чтобы он перестал тянуть время и закончил с этим. Ожидание сводило ее с ума. Ей хотелось кричать, но она отказывала себе в этом. Она не могла избавиться от страха перед тем, сколько еще страданий он доставит ей и как долго это может длиться — и как, несомненно, все это повторится не только этой ночью, но и все последующие ночи. И не вдавливай ее в постель тяжесть,

сравнимая с весом быка, она бы все равно дрожала от предвкушения ужаса.

— Нет, — сказал он самому себе. — Нет, это не то, чего я хотел.

Кэлен была в замешательстве. Ей показалось, что она неправильно расслышала.

Он отпустил ее ноги, позволяя им упасть на постель, а сам приподнялся, опираясь на руки. Ей хотелось, чтобы он не располагался между ее ног, чтобы она могла свести их вместе.

— Нет, — повторил он. — Все совсем не так. Ты не хочешь этого, и, следовательно, это окажется всего лишь тягостным событием. Тебе не понравится это, но не более того.

Я хочу, чтобы ты знала, кто ты есть, когда сделаю это. Я хочу, чтобы ты знала, что я значу для тебя, когда сделаю это. Хочу, чтобы ты возненавидела это больше, чем ненавидела что-либо еще за всю свою жизнь. Хочу быть тем, кто сделает это для вас обоих. Хочу, чтобы воспоминание о том, что это значит для тебя, было в твоем разуме, когда я оставлю в тебе свое семя. Хочу, чтобы это воспоминание преследовало тебя столько, сколько ты сможешь прожить, и вечно преследовало его, каждую минуту и при каждом взгляде на тебя. Хочу, чтобы он научился ненавидеть тебя за это, ненавидеть то, что ты собираешься преподнести ему. Ненавидеть твоего ребенка — ребенка, которого я дам тебе.

Чтобы это осуществилось, нужно, чтобы ты сначала узнала, кто ты есть на самом деле. Если я сделаю это с тобой сейчас, это окажется для тебя чем-то незначительным и испортит то изысканное, утонченное страдание, которое могло бы быть причинено, если ты узнаешь, кем была, только тогда, когда это уже случится с тобой.

— Так скажи мне, — произнесла она, почти готовая стерпеть насилие ради того, чтобы узнать это.

Коварная улыбка медленно проступила на его лице.

— Если я просто скажу тебе, это будет совсем не то. Слова не получат нужного веса, не будут содержать ни смысла, ни эмоций. Тебе следует именно знать. Ты должна вспомнить, кто ты; ты должна знать все, лишь тогда это будет действительно насилие... я имею в виду, худшее из всех насилий, что ты можешь испытать, насилие, которое даст

тебе ребенка, в котором он будет видеть и напоминание, и чудовище.

Пристально глядя на нее, он медленно покачивал головой, полный самодовольства от масштабов своих намерений.

Неожиданно он скатился с нее вбок. Кэлен сделала вдох, более напоминающий удушье.

Он стиснул зубы, и его большая ладонь сжала ее правую грудь.

— Не думай, что тебе удастся чего-то избежать, дорогая. Ты никуда не денешься. Я всего лишь стараюсь позаботиться, чтобы все это оказалось для тебя намного хуже, чем сегодня ночью. — Он сдавленно рассмеялся, продолжая сжимать ее грудь. — А также хуже и для него.

Кэлен не могла даже вообразить, каким образом что-то могло еще больше ухудшить ситуацию. Она могла лишь предположить, что он совершенно уверен, что насилие переводит вину на жертву. Таков был его образ мыслей, так мыслил Орден: именно жертва виновата во всем.

Неожиданно он столкнул ее с постели. Она больно ударилась, приземлившись на пол, но падение отчасти было смягчено коврами.

Он глянул на нее с презрением.

— Ты будешь спать на полу, прямо здесь, рядом с кроватью. Пока я не заберу тебя в свою постель. — Он усмехнулся. — Когда твоя память вернется, тогда это уничтожит тебя. А затем я предоставлю тебе то, что могу дать тебе только я, то, что только я могу сделать с тобой, чтобы разрушить твою... и его жизнь.

Кэлен лежала на полу, боясь пошевелиться и боясь того, что он может изменить свои намерения. Она ощущала безмерное облегчение оттого, что этой ночью ей не придется вытерпеть это.

Он наклонился к ней через край кровати, вглядываясь своими вызывающими беспокойство черными глазами, а затем так неожиданно запустил свою огромную руку ей между ног, что она вскрикнула.

Он же ухмыльнулся, глядя на нее.

— И если ты собираешься задуматься, как тайком ускользнуть отсюда или, того хуже, сделать что-то со мной, пока

я сплю, тебе лучше забыть об этом, и прямо сейчас. Это не выйдет. Все, чего ты сможешь этим добиться, так это некоторое проведенное в палатках время, да и то позже, после того, как я разрушу все, что имеет к тебе отношение. Я сам прослежу за тем, чтобы все те люди имели тебя прямо там, где укажет мой палец. Поняла?

Кэлен кивнула, ощущая, как по ее щеке скатилась слеза.

— Если этой ночью ты двинешься с коврика рядом с кроватью, то сила кольца остановит тебя. Хочешь испробовать это?

Кэлен покачала головой, опасаясь, что голос может подвести ее.

Он убрал руку.

— Хорошо.

Она слышала, как Джегань повернулся на бок, отворачиваясь от нее. Кэлен лежала абсолютно тихо. Она едва могла дышать. Она так и не поняла, что именно произошло этой ночью, как и того, что это могло бы означать. Она знала только, что почувствовала себя такой одинокой, как не чувствовала еще никогда в жизни — по крайней мере той части ее, которую могла помнить.

Каким-то странным образом, она почти жаждала, чтобы он изнасиловал ее. Если он сделает это, ей не придется дрожать в страхе от его слов, гадая, что же такое он мог иметь в виду. Теперь ей предстоит просыпаться каждое утро с надеждой, что это не будет тот самый день, когда к ней вернется память. Когда она обретет ее, это каким-то образом сделает насилие неизмеримо худшим, как сделает худшим, намного худшим и все остальное.

Кэлен верила ему. При той страсти, с какой он стремился овладеть ею, а она очень хорошо видела, как страстно он этого желал, Джегань не остановился бы в тот момент, не будь все, что он говорил, правдой.

Кэлен поняла, что теперь больше не желает знать, кем она была. Собственное прошлое стало слишком опасным для нее, чтобы она хотела знать, кем была. Если она узнает это, он сделает с ней самое худшее. Лучше, чтобы она оставалась лишенной памяти и, хотя бы таким образом, пребывала в безопасности.

Она услышала его ровное дыхание, а затем низкий рокочущий храп, и тогда потянулась и дрожащими пальцами

подобрала нижнее белье, а затем и другие предметы своей одежды.

Несмотря на то, что стояло лето, ее трясло от пронизывающего леденящего страха. Она натянула на себя ближайший ковер, так и продолжая лежать около кровати, не будучи настолько глупой, чтобы попытаться проверять его заявление о последствиях любой попытки к бегству. Таковы были условия ее жизни.

Сейчас она лишь надеялась, что удастся сохранить все остальное похороненным и забытым.

А если она все же вспомнит, кем была, тогда ее жизнь станет бесконечно хуже. Она не должна позволить, чтобы такое случилось. Все должно остаться за черной завесой. С этой ночи она станет новой личностью, не тем человеком, которым была. Тот человек должен навсегда остаться мертвым.

Все-таки ей было интересно, кем мог быть тот человек, о котором упоминал Джегань. Она боялась даже вообразить, что именно Джегань собирался сделать с ним посредством нее, что могло бы, каким-то образом, его уничтожить.

Она заставила себя отбросить подобные мысли. Все это осталось в ее исчезнувшем прошлом. Этот человек тоже исчез навсегда, и так все и должно оставаться.

Погружаясь в пучину одиночества и отчаяния, Кэлен свернулась калачиком и тихо всхлипывала, задыхаясь в мучительных рыданиях.

Глава 48

Ричард брел в оцепенении, оглядывая лежащую вокруг освещенную лунным светом землю. И казалось, существовало лишь одно, проблеск чего мог пробиться сквозь это смутное мрачное состояние.

Кэлен.

Ему так не хватало ее. Он так устал от борьбы. Так устал от непрестанных попыток. Так устал от неудач и поражений.

Он отчаянно стремился вернуть ее назад. Вернуть их совместную жизнь. Обнять ее... хотя бы просто обнять.

Он припомнил время, много лет тому назад, в доме духов, когда он еще не знал, что она — Мать-Исповедница, а она чувствовала себя до отчаяния одинокой и ошеломленной теми уничтожающими секретами и тайнами, что должна хранить. Тогда она просила его просто поддержать ее. Он помнил боль, звучавшую в ее голосе, боль от необходимости получить поддержку и успокоение.

Он отдал бы что угодно, чтобы сделать это сейчас.

— Остановись, — прошипел ему чей-то голос. — Подожди.

Ричард остановился. Ему никак не удавалось заставить себя задуматься над тем, что сейчас происходит, хотя он полностью осознавал необходимость этого. В позе женщины он смог заметить некоторое напряжение; она напоминала хищную птицу со вздернутой вверх головой и поднятыми в легком взмахе крыльями.

Ему не удавалось отделаться от плотной апатии и вялости, что тянули его вниз, пригибая к земле, не позволяя ясно рассуждать. Ее поведение, казалось, было свернутой в спираль агрессией, в основе которой он видел признаки страха.

Наконец он сумел мобилизовать все внутреннее беспокойство, чтобы попытаться осознать окружающее. В лунном свете он увидел, за чем наблюдала Сикс: нечто, выглядевшее как широко раскинувшийся по долине лагерь. Поскольку была глубокая ночь, вокруг относительно тихо. Но даже сквозь цепенящие миазмы ее присутствия Ричард ощутил, что уровень его озабоченности вырос еще сильнее.

Он заметил и кое-что еще. По ту сторону лагеря, занимавшего долину, он увидел возвышавшийся на холме дворец, показавшийся ему знакомым.

— Идем, — прошипела Сикс, скользнув мимо него.

Ричард устало потащился за ней, снова погружаясь в туман равнодушия, где все, о чем он только мог думать, была Кэлен.

Вот так, глухой ночью, держась стороной, они, казалось, шли долгие часы. Сикс была скрытна, как змея: двигалась, останавливалась, затем двигалась снова, пробираясь по едва заметным тропкам сквозь лесную чащу. Запахи бальзамина и пихты действовали на Ричарда успокаивающе. Мхи и папоротники вызвали ностальгические воспоминания детства.

Но восторг, вызванный лесом, моментально испарился, когда они продолжили путь уже по мощеным булыжником улицам, среди закрытых лавок, среди погруженных в темноту домов. В тени можно было различить людей, обычно парами, вооруженных копьями. Ричард чувствовал себя так, будто наблюдает за всем этим в глубоком сне, по мере того как оно перемещалось перед его мысленным взором. Он почти ожидал, что стоит лишь снова представить в своем воображении тот лес, как лес тут же появится вокруг.

Он представил себе Кэлен. Но она не появилась.

Два человека в вороненых металлических доспехах выбежали из боковой улицы. Они упали перед Сикс на колени, целуя подол ее черного одеяния. Она лишь чуть-чуть замедлила шаг, позволяя им выразить свою преданность. Они затрусили следом, едва она продолжила путь по улицам, становясь эскортом для густой тени, которая тянулась за нею даже в ночной тьме.

Все это усиливало впечатление сновидения. Ричард понимал, что с ним следовало бороться, но он не мог заставить себя

заняться этим. Он был озабочен лишь тем, чтобы делать все так, как приказывала ему Сикс. И ничего не мог поделать с собой. Один вид ее плывущих очертаний очаровывал его, взгляд ее глаз покорял, а звук голоса околдовывал. Потеря дара привела к пустоте внутри него, которую теперь наполнила она.

Ее присутствие полностью успокаивало его, наполняло его смыслом.

Двое стражей, сопровождавшие их, осторожно постучали в железную дверь, устроенную в огромной каменной стене. Небольшая дверца-окно поверх небольшой щели, устроенной в этой железной двери, распахнулась. Чьи-то глаза уставились на пришедших. Слегка округлились при виде стоявшей перед ними бледной тени. Ричард услышал, как люди по ту сторону бросились открывать тяжелый засов.

Дверь открылась, и Сикс скользнула через нее, с Ричардом в кильватере. В лунном свете вполне можно было разглядеть огромные каменные стены, но он уделил им очень мало внимания. Гораздо более он был восхищен и захвачен тем гибким призраком, который вел его через эту бархатистую ночь.

Как только они прошли через огромные железные двери, со всех сторон набежали люди и начали открывать новые двери, выкрикивать приказания и зажигать факелы.

— Сюда, — сказал один из них, подводя их к каменной лестнице.

Теперь они спускались все глубже и глубже по спирали ступеней. У Ричарда было ощущение, будто их заглатывает какой-то каменный зверь. Хотя, поскольку Сикс все еще была рядом, он был готов оказаться и проглоченным. На одном из нижних уровней, в неприятном сыром коридоре, сопровождавшие провели их в мрачное темное место. Поверх отвратительного скользкого пола была разбросана солома. Эхо разносило звуки падающих где-то в отдалении капель.

— Вот место, о котором вы говорили, — сказал ей страж.

Тяжелая дверь пронзительно взвизгнула ржавым и злобным протестом, когда он потянул ее на себя, открывая. Внутри помещения на небольшом столе стояла свеча, которую стражник зажег от факела.

— Твоя комната для ночлега, — сказала Сикс Ричарду. — Скоро рассветет. И тогда я вернусь.

— Да, госпожа, — сказал он.

Она слегка наклонилась к нему, слабая улыбка рассекла ее бледное, безжизненное лицо.

— Насколько я знаю королеву, она захочет начать все немедленно. Она крайне нетерпелива, если не сказать импульсивна. И она, без сомнения, приведет с собой крепких мужчин с плетьми. Думаю, прежде чем утро закончится, на твоей спине не останется живого места.

Ричард пристально смотрел на нее. Он не мог заставить свой разум воспринять все это.

— Госпожа?

— Королева не только порочна, но еще и мстительна. И ты оказался объектом ее ненависти. Но не беспокойся; мне ты все еще нужен живой. Ты будешь страдать от мучительной боли, но останешься жив.

Она повернулась волнообразным движением и выплыла за дверь, как призрак, растаявший во тьме. Людей словно утащило за ней из помещения. Дверь стукнула, закрываясь. Ричард слышал, как щелкнул, становясь на место, запор. Неожиданно он осознал, что оказался один, всеми покинутый, заброшенный, позабытый, в комнате, напоминающей каменный мешок.

Страх начал пробирать его до костей в окружающей тишине. Почему королева хочет ему зла? И зачем он понадобился Сикс именно живым?

Ричард прикрыл глаза. Минуту спустя он почувствовал, что его разум близок к пониманию происходящего. Похоже, чем дальше от него удалялась Сикс, тем лучше он мог соображать.

Поскольку вместе с людьми исчезли и факелы, потребовалось время, чтобы его глаза приспособились к свету одинокой свечи. Он оглядел ограниченное каменными стенами пространство. В комнате был только стол и стул. Пол из камня. Каменные стены. Потолок из тяжелых балок.

И его словно громом поразило.

Денна.

Это была та самая комната, куда его заточили, когда его захватила Денна. Он узнал этот стол. Он вспомнил и Денну,

сидевшую вот на этом самом стуле. Он поднял глаза и в точности там, где помнил, увидел железный крюк.

Железные кандалы сковывали тогда его запястья. Денна подвесила соединявшую их цепь на это крюк. И он висел на нем, в то время как Денна истязала его своим эйджилом. Ужасающие картины той ночи, когда Денна пыталась его сломить, вспышкой пронеслись в его голове. Той ночи, когда, как ей показалось, она сломила его. Его сознание тогда разделилось. Но он запомнил, что она делал с ним в ту ночь.

И вспомнил, что побудило ее к такой жестокости.

Он уже висел, когда сюда спустилась принцесса Виолетта, чтобы понаблюдать. Принцесса решила, что ей хочется поучаствовать, присоединиться к его пыткам. Денна дала этому маленькому чудовищу эйджил и показала, как им пользоваться.

Ричард вспомнил, что Виолетта похвасталась, что собирается похитить Кэлен, подвергнуть ее пыткам и в конце концов убить.

После тех слов Ричард ударил Виолетту ногой, достаточно сильно, чтобы сломать ей челюсть и лишить языка.

Да, это была та самая комната.

Ричард прислонился спиной к каменной стене и соскользнул вниз, чтобы присесть и отдохнуть. Ему нужно было подумать и понять, что именно происходит.

На его спине все еще оставался походный мешок, к которому он, собственно, и прислонялся, так что он снял его и положил на колени. Тут его словно толкнула какая-то мысль, и он начал рыться в нем, раздвинул одежду боевого чародея и золотистый плащ-накидку и нашел книгу, что оставил ему Барах. Он пролистал страницы. Они были попрежнему пустыми. Если бы он не утратил свой дар, то смог бы прочесть ее. А если бы узнал, как пользоваться своими способностями, то был бы в состоянии спасти себя. Только «если бы».

Неожиданно у него появилась новая мысль. Он не может позволить, чтобы они нашли эту книгу. Сикс обладала даром — во всяком случае, некой разновидностью его. Он не мог позволить ей увидеть это. Барах спрятал книгу на три тысячи лет. И это означало: от всех глаз, кроме глаз Ричарда.

Он поднялся и обошел помещение, стараясь найти хоть какое-то место, где можно спрятать книгу. Но здесь не было такого места. Это была просто каменная комната. Здесь не было ни секретных закутков, ни углублений, ни выпадающих или расшатанных камней. Здесь негде было спрятать хоть что-либо.

Стоя посредине и раздумывая, Ричард взглянул вверх и увидел тот крюк. Тогда он двинулся через комнату, исследуя потолочные балки. Одна из балок тянулась вдоль стены без сколько-нибудь заметного пространства между самой балкой и стеной. Эта балка, как и большинство балок на потолке, имела длинные трещины, образовавшиеся, когда свежесрубленное бревно обтесывалось, а затем высыхало. Это подсказало ему идею.

Он тут же подтащил стул и забрался на него. Но высоты стула оказалось недостаточно. Тогда он убрал его и передвинул на это место стол. Поставив на стол стул, ему наконец-то удалось дотянуться до железного крюка. Он раскачивал его, пытаясь выдернуть, но крюк прочно сидел на месте. А ему очень был нужен этот крюк, если он собирался спрятать книгу.

Он ухватился за крюк обеими руками и всем своим весом стал раскачивать его вверх-вниз. Наконец крюк начал подаваться. Собрав все свои силы, он раскачивал его туда и сюда, пока не сумел вытащить из стены.

Затем Ричард перетащил стол поближе к самому темному углу комнаты и снова забрался повыше. Он обследовал трещину в потолочной балке, выискивая место, где эта трещина заканчивалась. Там он втиснул железный крюк в трещину, как клин, и так действовал им, пока крюк не углубился в нее полностью.

После этого он взял свой заплечный мешок и просунул его в узкое пространство между балкой и стеной. Запихнув его как можно дальше и как можно ровнее, он протолкнул мешок вдоль балки, пока тот не заклинился о железный крюк. Ричард проверил мешок, пытаясь вытащить его, но тот сидел плотно. Случайно оттуда не выпадет.

Он спрыгнул вниз и поставил стол и стул на прежнее место. Мешок имел цвет, похожий на старый дуб, из которого

сделаны балки, да к тому же находится в тени. Если не будут искать специально, никто и не заметит, что мешок временно поселился там, куда он затолкал его. А кроме того, это было самое лучшее, что он способен сейчас сделать.

Удовлетворенный тем, что сделал все, что мог, чтобы уберечь книгу и снаряжение боевого чародея от неправедных рук, он улегся на холодный каменный пол у противоположной стены и попытался уснуть.

Но оказалось, что невозможно уснуть, думая о том, что пообещала ему Сикс на следующий день. Страх терзал его, из-за чего мысли неслись вскачь. Он знал, что ему необходим отдых, но никак не мог успокоиться.

И все-таки он испытывал чувство облегчения, оказавшись вдали от Сикс. Он утратил представление о времени с тех пор, как вышел из рощи древних дубов. Он не мог думать, находясь рядом с ней, как не мог и что-либо делать. Она полностью подчиняла все его сознание.

Все его сознание...

Он вспомнил о своем прежнем пребывании в этой комнате с Денной. Тогда она повторяла ему, что теперь, когда она сломила его, он станет ее любимцем и будет подчиняться ее воле. Он припомнил и то, что сказал тогда самому себе. Он сказал, что позволит делать с собой что угодно, но должен сохранить хотя бы небольшую часть себя, упрятать ее подальше и не допускать никого в то место, даже самого себя, до тех пор пока не потребуется отомкнуть это тайное, безопасное место и снова стать самим собой.

И теперь ему снова нужно проделать это. Он не мог позволить, чтобы Сикс завладела всем его сознанием, как сделала это, как захватила его. Он все еще ощущал тяжесть ее влияния, притяжение ее воли, но сейчас, когда не было ее непосредственного присутствия, все это казалось ослабленным, он имел некоторую свободу от нее и был в состоянии думать. В состоянии разобраться, хотя бы отчасти, чего он хочет.

А все, чего он хотел, — освободиться от этой ведьмы.

Он создал в собственной голове потайное место, точно так же, как делал это много лет назад, в этой же самой комнате. А затем запер там часть себя, часть своей силы, ядро своей

воли, совершая это почти с таким же упорством, как прятал свой мешок в углу потолка, чтобы никто не нашел его.

Обретя снова возможность думать и имея такой план, он испытал чувство облегчения. И хотя он все еще ощущал на себе клыки этой ведьмы, она больше не контролировала его так, как ей казалось. И наконец-то он мог немного расслабиться и отдохнуть.

Тогда он начал думать о Кэлен. Воспоминания о ней вызвали печальную улыбку. Он заставил себя вспоминать о счастливых днях, проведенных с ней. Он думал о том, какие испытывал чувства, когда обнимал и целовал ее, когда наедине, ночной порой, слушал ее шепот о том, как много он значит для нее.

Глава 49

Ричард вздрогнул и проснулся, услышав, как начали отпирать дверь. Это было внезапное и неприятное пробуждение, потому что во сне с ним была Кэлен. Он не помнил своих снов, но знал, что именно этот сон заключал в себе Кэлен. Он чувствовал себя наполненным ее присутствием, будто действительно был с нею и только пробуждение прервало эту встречу. Едва он проснулся, все ее существо, вся сущность ее пребывания тут же начали исчезать. Потеря ее присутствия, пусть даже во сне, и замена на холодное пустое сознание ломали волю и приводили в уныние. В его снах мир казался ему более красочным. Хотя он и не помнил их, сны казались ему благозвучными, как далекая музыка. В снах он по одним лишь ощущениям понимал, что, скорее всего, находится не в мире бодрствования.

Ричард заставил себя сесть и только тогда понял, что у него все болит, поскольку он спал на каменном полу. Принимая во внимание, какая путаница все еще творилась в голове, он проспал всего несколько часов. Увидев стражу, заполнявшую каменный мешок, Ричард, пошатываясь, поднялся на ноги, пытаясь растирать затекшие мышцы.

Сикс ворвалась в комнату, словно зловещий ветер. По контрасту с жесткими черными волосами и развевающейся черной одеждой, ее кожа казалась плотью призрака. Блеклые синие глаза уставились на Ричарда, будто в мире не существовало ничего, кроме него. Он почувствовал, как этот взгляд давит на него, будто обладает тяжестью целой горы. И этот взгляд, и само ее присутствие сокрушали его волю.

Он поплыл в затопившем его ощущении. Она приблизилась, и он с усилием постарался держать голову над поверхностью темных вод, лишающих его воли. Ощущения были как в борьбе за жизнь в бушующей реке, где мощные водовороты затягивали вниз.

— Идем со мной, нам нужно в пещеры. У нас очень мало времени.

И вместо того, чтобы спросить ее, что она имеет в виду под недостатком времени — вопрос, на котором он уже сосредоточился, — Ричард спросил, потратив весь остаток сил, о другом, о том, что по-прежнему сильно занимало его мысли.

— Знаешь ли ты, где находится Кэлен?

Сикс остановилась и повернулась в пол-оборота, чтобы пристально взглянуть на него.

— Разумеется. Она у Джеганя.

Джегань. Ричард был ошеломлен. Сикс не только помнила Кэлен, но и знала, где та находится. Казалось, она была рада той боли, которую, несомненно, вызвала в нем.

Сикс отвернулась и направилась к дверям.

— А теперь идем. Поторопись.

Что-то у нее шло не так. Он не знал, что именно, но мог чувствовать это по ее воздействию на него. Она удерживала его силой своей магии, напоминающей чарующее воздействие, словно благовонная привязь, прочная как железная цепь, и тем не менее это происходило не так, как прежде. Он мог ощущать, что кое-что воспринимается по-иному. В ее поведении были заметны следы некоего бедствия.

Но в первую очередь его заботило вовсе не это. Джегань и Кэлен. Он даже не задумывался, как Сикс смогла узнать, кто такая Кэлен, будучи совершенно оглушен смыслом произнесенных слов: *она у Джеганя*.

И если бы не усилие, с которым Сикс незримо тянула его за собой, Ричард наверняка тут же свалился бы на пол. Он не мог предположить худшего кошмара, чем тот, что Джегань заполучил Кэлен. Его мысли кувыркались в слепой панике, приходя в полный беспорядок, в то время как он следовал за ведьмой по темным изгибам и поворотам подземных переходов. Он должен сделать хоть что-то. Он должен помочь Кэлен.

Она не только попала в руки сестер Тьмы, но еще те, как оказалось, были в тайном сговоре с заклятым врагом Ричарда и Кэлен.

Преобладающей мыслью в голове Ричарда — на фоне всех его страхов за Кэлен — была мысль о том, что он знает, где находится Джегань. Император был на пути к Д'Харе, к Народному Дворцу. Значит, и Кэлен там же.

Он был так глубоко погружен в свои мысли, что не заметил, как уже вышел наружу. Но тут сразу понял, чем была так обеспокоена Сикс. Со всех сторон к землям дворца подтягивались войска. Это были те самые войска, лагерь которых они видели прошлой ночью в долине.

Сикс едва слышно сыпала проклятьями, ища путь, который позволит покинуть внутренний двор. Но сюда, через все возможные входы, уже устремились солдаты. Проход же назад, во дворец, обратно в каменную комнату-мешок, был уже отрезан потоком солдат, входящих на территорию дворца.

В основном это были черные от копоти люди, некоторые из которых носили доспехи из металлических пластин, некоторые прикрыты кольчугами, но большинство в простых кожаных доспехах. Ремни из конских шкур пересекали их грудь, удерживая кожаные сумки с припасами или ножны в чехлах, находящиеся всегда под рукой, в постоянной готовности. На крепких кожаных поясах подвешены топоры, боевые дубинки, цепи и мечи. Это были самые грозные люди, каких когда-либо доводилось видеть Ричарду. Дворцовая стража, в легких кольчугах, прикрытых красными туниками, была не так глупа, чтобы делать попытки остановить таких людей, особенно столь многочисленных.

Ричард знал, без всяких сомнений, что эти люди, широкой рекой вливающиеся на территорию дворца, были частью войск Имперского Ордена.

— Согласно договору, — произнес мускулистый человек, широким шагом приблизившись к Сикс, — мы пришли сюда увериться, что Тамаранг не является источником опасности для дела Имперского Ордена.

— Да, разумеется, — сказала Сикс. — Но... ваше появление произошло значительно раньше, чем предполагалось.

Человек опустил руку на рукоять своего меча, в то время как его темные глаза внимательно осматривали расположение местности. Ричард оценил качество вооружения этого человека, и то, как хорошо сделаны его доспехи, и то, что он немедленно принял начальственный тон. Это явно был командующий всех этих людей.

— Мы здорово сократили время, — сказал он. — Некоторые города и селения, что встречались на нашем пути, не оказывали никакого сопротивления, так что мы получили возможность прибыть сюда уже сейчас, а не после зимы, как планировали вначале.

— Ну, тогда... пожалуйста, от лица королевы, воспользуйтесь нашим гостеприимством, — сказала Сикс. — Ну а я... я как раз собиралась поискать ее.

Командующий носил наплечники из формованной кожи, наряду с нагрудной пластиной из прессованной кожи, украшенной различными знаками. Судя по виду, эта кожа хорошо послужила ему: пластина была покрыта рубцами и порезами, оставшимися от ударов оружия. По задней кромке его левого уха у него был ряд колец, а также татуировка в виде чешуи по всей правой половине лица, как будто он наполовину человек, наполовину рептилия.

— Действия Ордена нацелены на благо Ордена и нашего дела. Тамаранг становится частью Имперского Ордена, частью самой империи Ордена. Я уверен, что все проживающие здесь рады стать подданными Ордена.

Грохот от тысяч сапог по камню заглушал пение птиц, уже встречавших приближающийся рассвет. Людей вокруг Ричарда становилось все больше.

— Да, разумеется, — сказала Сикс командующему. Казалось, к ней начало возвращаться самообладание. — Мы с королевой убеждены, что вы будете соблюдать достигнутые соглашения относительно того, что дворец не будет занят никем из представителей Ордена и остается за ее высочеством, вместе с ее слугами и советниками.

Человек с минуту вглядывался в ее глаза.

— Для меня это не важно. Дворец не представляет для нас никакого интереса. — Он прищурился, словно его самого удивило, когда он услышал свое согласие по такому вопросу. Он

выпятил грудь, стараясь собрать весь свой пыл. — Но по нашему соглашению весь остальной Тамаранг становится провинцией в землях Имперского Ордена.

Сикс склонила голову в знак понимания. Ее едва различимая улыбка вновь вернулась.

— По соглашению.

Ричард обратил внимание на сам факт этой беседы, но едва слышал ее содержание. Он использовал ослабление внимания Сикс по отношению к нему, чтобы еще больше выскользнуть из-под ее контроля. Он воспользовался ее рассеянностью, чтобы оторвать от себя ее невидимые когти. Ему удалось разорвать эту хватку, и вполне достаточно, чтобы его разум мог выскользнуть на свободу.

Теперь самое время сделать что-нибудь для себя и для Кэлен.

И даже утратив свой дар и лишившись Меча Истины, он не растерял уроков владения оружием, тем более что эти уроки не прекращались всю его жизнь. Он мог не иметь дара, но помнил значение символов. Он знал ритм танца со смертью.

Он по-прежнему был человеком с клинком.

Пока Сикс и офицер обсуждали границы территории, где будут располагаться люди Ордена, какие места они занимать не будут и что будет предоставлено им в пределах самого города, Ричард обернулся и пробежал взглядом по деревянным рукояткам мечей у солдат. Обратил внимание на отделанную кожей рукоять меча у младшего офицера, стоявшего позади и чуть правее Ричарда.

Он улыбнулся этому человеку, извлек из кармана медную монетку и небрежно перекатил ее по суставам пальцев. Затем позволил монетке соскользнуть и упасть, будто был до такой степени неуклюжим. Он присел на корточки, чтобы подобрать ее, и прижал одну руку к песчаной земле рядом с дорогой, чтобы сохранить равновесие, пока другой тянулся к монетке, давая возможность песку налипнуть на пальцы и ладонь. Он подобрал монетку, сгребая вместе с ней немного земли и песка. Офицер, стоявший за его спиной и следивший за переговорами своего начальника с Сикс, краем глаза наблюдал за тем, как Ричард стряхнул землю с монеты, а затем сунул ее в кар-

ман. Сикс представляла более привлекательный объект, чем какой-то нескладный ее пленник. Ричард вел себя так, будто лениво стряхивал песок руки, а на самом деле старательно очищал песком ладони и пальцы.

Приступая к делу, он не хотел, чтобы его руки скользили по коже.

Не оборачиваясь, он наклонился назад, в сторону стоявшего позади него младшего офицера, все внимание которого было сосредоточено на завораживающей фигуре Сикс, поскольку она ткала свою паутину, указывая этим людям, что, на ее взгляд, они должны делать. Краем глаза Ричард заметил рукоятку оружия, висевшего на бедре у офицера. Это оружие было сделано гораздо лучше, чем у большинства вокруг.

Пока Сикс и командующий продолжали беседовать, Ричард слегка повернулся, имитируя движение, будто выпрямляется. В то же мгновение его рука оказалась на рукоятке меча. А в следующее клинок был свободен от ножен.

Наличие в руке оружия, этого меча, мгновенно наполнило Ричарда памятью о самых разных приемах этого мастерства, которому он посвящал долгие часы занятий. Хотя знания приходили отчасти и сверхъестественным путем, из трансцендентных источников, но обретенный им опыт магией не был. Это был опыт многих Искателей Истины, бывших до Ричарда. И хотя он не имел при себе их оружия, он по-прежнему обладал этими знаниями.

Офицер, несомненно, был уверен, что Ричард просто шутит, и сделал движение, чтобы вернуть свое оружие. Ричард развернул меч и, возвратным движением, пронзил его мечом.

Окружавшие их люди, будто внезапно пробуждаясь, приступили к действию. В холодном предрассветном воздухе обнажились мечи. Громадного роста мужчины выхватывали с поясов тяжелые топоры с лезвиями в виде полумесяца, боевые мечи, а также дубинки и цепи.

Ричард внезапно оказался в своей стихии. Туман, застилавший его разум, рассеялся. Он даже не предполагал, что та часть его рассудка, которую он «запер», обрекая на длительное бездействие, могла так быстро пробудиться к жизни, но

время пришло — и настала пора действовать. Это был его шанс.

Он знает, где Кэлен, и ему надо добраться до нее.

А на его пути оказались вот эти люди.

Ричард развернулся, отрубая руку, сжимавшую боевой топор. Пронзительный крик и струя крови заставили ближайших к нему людей отступить. В эту же долю мгновения Ричард сделал очередное движение и пронзил другого человека, поднимающего меч. Тот умер прежде, чем смог полностью вскинуть руку для удара. А Ричард лишь увернулся от очередного нацеленного на него клинка.

Отрешившись от внезапной какофонии звона металла и крика людей, Ричард уже замкнулся в молчаливом мире замысла и воли. Он полностью управлял собой. Возможно, что эти люди думали, что они выступают против него целой армией. Он же сражался с каждым человеком в отдельности. Они думали, как общая совокупность, как элементы коллектива, позволяя друг другу совершать такие движения, будто пытались быть одной сражающейся многоножкой.

В этом заключалась ошибка. И Ричард пользовался ею, чтобы прорезать сквозь них путь. Пока они колебались, пребывая в нерешительности, ожидая действия остальных, ожидая открытого пространства, Ричард уже продвигался через их ряды, укладывая одного за другим. Он вполне позволял им тратить силы на замах и даже выпад, в то время как сам плавно проплывал мимо их смертоносной стали. А когда наносил удар он, то всякий раз достигался результат. Всякий раз, когда он взмахивал своим оружием, он резал и рубил. Это было как пробираться через густые заросли, когда приходится обрубать тянущиеся к тебе ветки. Он старался, чтобы сила инерции меча использовалась для следующего удара, и держал меч в постоянном движении, экономя силы и не тратя драгоценного времени на то, чтобы заносить его для следующего удара. Если он направлял клинок вниз, врезаясь сбоку в чью-то шею, то затем продолжал двигать его под тем же углом, пока меч не втыкался в следующего врага. А вытягивая клинок наружу, проворно уходил в сторону, в то время как мечи, топоры и цепи обрушивались на то место, где он только что был. Это был гибкий танец, при котором движение происходило сквозь

стену рычащих, подныривающих или подпрыгивающих людей. Режь, руби, рассекай; пусть крики наполнят утренний воздух, пусть смятение из-за невозможности остановить его заставит остальных колебаться, страшась того, что движется в их сторону.

Ни на минуту Ричард не упускал из вида свою цель. Он прокладывал себе путь к выходу, за пределы стен. И всякий раз, когда он нападал, уклонялся или имитировал действие, прокладывая путь сквозь стремительный натиск людей, он старался приближаться к этому выходу и к свободе. Сначала нужно вырваться отсюда, а затем он сможет добраться до Кэлен.

Ричард косил многих на своем пути, и то же время многих старался обойти, ускользая от них. У него не было задачи убить как можно больше, лишь необходимость добраться до своей цели, до открытых небольших ворот в стене.

Впереди выкрикивались приказы, солдаты вокруг ревели в ярости, стараясь поймать свой шанс добраться до него, а другие при этом буквально визжали от боли, как только бывали разрублены, выпотрошены или оглушены, но в голове Ричарда оставался только все тот же четкий замысел. За счет высокой скорости продвижения ему не требовалось следить за тем, что у него за спиной. Он быстро выбирал цели и так же быстро поражал их. Он не тратил усилий на разворот и замах и рубил всегда наверняка. Когда Ричард замечал среди нападавших кого-то особого, человека, двигающегося с большей ловкостью и искусством, на которого при атаке полагались остальные, он немедленно «нейтрализовал» эту ситуацию. Продвигаясь к проходу в стене, он проскальзывал время от времени через разрывы в их обороне, но и при этом постоянно орудуя мечом. В этом неумолимом продвижении он не позволял себе задержки даже на мгновение. И не позволял врагам перевести дыхание, непрерывно кося их ряды. Он бил мечом без всякой жалости, срубая каждого, кого только мог, — выглядел ли тот злобным или испуганным, Ричард наносил удар. Кидаясь на него, они предполагали, что осилят его количеством и запугают воинственными криками. Вот наконец и выход, свободный от солдат Имперского Ордена. Ричард устремился туда.

И тут внезапно все вокруг замерло. По ту сторону ворот стояла стена стрелков, все как один изготовились к стрельбе, все как один нацелили на него свои стрелы. Люди с луками и люди с арбалетами стояли полукругом в несколько рядов, ожидая его в этой ловушке, их стрелы с обоюдоострыми стальными наконечниками все смотрели на него. Ричард слишком хорошо понимал, что у него нет никаких шансов против сотен стрел, если их выпустят в него с такого близкого расстояния.

В воротах за его спиной появился командующий.

— Очень впечатляюще. Никогда не видел ничего подобного.

Этот человек проявлял откровенное удивление, но и только. Ричард, с тяжелым вздохом, опустил меч.

Командующий, подойдя ближе, хмурился, пока оценивал Ричарда, оглядывая его сверху донизу. Позади него в проходе возникла Сикс, выделяясь черным силуэтом на фоне восходящего солнца.

Командующий сложил на груди мускулистые руки.

— Может быть, ты еще и знаешь, как играют в Джа-Ла Д'Йин?

Ричард решил, что в данный момент это, пожалуй, самый странный вопрос, какой можно было вообразить. За его спиной, где-то на заднем плане, по ту сторону узкого прохода в стене, который он все-таки преодолел, ужасающе кричали раненные люди, плакали и взывали о помощи.

Ричард нисколько не смутился от вопроса командующего.

— Да, я знаю, как играть в игру жизни, или игру за жизнь.

Человек улыбнулся тому, как Ричард обыграл перевод названия игры с имперского языка.

Командующий, выглядевший не очень-то озабоченным количеством своих людей, которых порубил Ричард, улыбнулся сам себе, продолжая покачивать головой от удивления. Ричард же тем более не испытывал никаких переживаний относительно своих жертв. Они сами решили стать частью армии завоевателей, чтобы грабить, насиловать и убивать людей, не причинивших им никакого зла, людей, совершивших лишь единственный грех: они не поверили в образ жизни Ордена и хотели жить свободно, собственной жизнью.

Сикс осторожно подплыла к командующему.

— Я высоко ценю ваши героические усилия по задержанию этого опасного человека. Он осужденный преступник и находится в моем ведении. Его наказание должна определить сама королева.

Командующий смерил ее взглядом.

— Он только что убил некоторое количество моих людей. И теперь он мой пленник.

Сикс, казалось, вспылила, готовая извергать огонь.

— Я не позволю...

Сотни луков, как один, развернулись прямо на женщину. Она застыла в молчании, оценивая угрозу. Подобно Ричарду, она, безусловно, понимала, что все ее способности не помогут справиться с таким количеством людей, держащих в руках оружие, которое будет применено одномоментно.

— Этот человек мой пленник, — сказала Сикс командующему тихим, но твердым голосом. — Я вела его к королеве как раз для...

— Теперь он мой пленник. Отправляйся во дворец. Теперь эти земли принадлежат Ордену. Здесь больше нет как королевской, так и твоей власти. И теперь этот человек наш.

— Но я...

— Ты теперь не у дел. Или хочешь нарушить наше соглашение и вынудить нас перерезать большую часть всех вас?

Выцветшие синие глаза Сикс обежали сотни людей, целящихся в нее из луков.

— Разумеется, наше соглашение остается в силе, командующий. — Она обратила к нему напряженный и внимательный взгляд. — Я честно выполняю его, как договорились, и так же будете поступать вы.

Он качнул головой в легком поклоне.

— Очень хорошо. А теперь позвольте нам заниматься своим делом. По соглашению. Как и было условлено, вы, а также все, кто служит в замке и находится на вашем попечении, могут заниматься своими делами, ходить, куда захотите, а мои люди не будут досаждать вам, им или дворцовой прислуге.

Бросив напоследок на Ричарда убийственный взгляд, ведьма повернулась и двинулась прочь. Вместе с командую-

щим и всеми его людьми Ричард наблюдал, как она проскользила через ворота в стене и далее вверх, по окровавленной дорожке, мимо мертвых и умирающих, не уделив им даже секундного взгляда, пока не добралась наконец до входа во дворец. Люди на ее пути расступались.

Командующий снова повернулся к Ричарду.

— Как тебя зовут?

Ричард понимал, что не может назвать свое настоящее имя. Он не мог даже выдать имя, с которым вырос, то есть Ричард Сайфер. Если он сделает так, то будет риск, что признают, кто он на самом деле. Мысли метались в его голове, пока он пытался придумать имя, которым может воспользоваться. И тут ему в голову пришло имя, которое обычно использовал Зедд, когда хотел скрыть свою личность.

— Меня зовут Рубен Рыбник.

— Хорошо, Рубен, я предоставляю тебе выбор. Мы можем содрать с тебя живого кожу, посадить на кол и вспороть живот, чтобы ты мог наблюдать, как стервятники растаскивают твои внутренности и дерутся из-за них.

Ричард понимал, что такая судьба ему не грозит, потому что в этом случае придется сейчас напасть на врага, и тогда стрелки наверняка убьют его. Тем не менее он не торопился умирать. Мертвый, он не сможет помочь Кэлен.

— Этот вариант мне не нравится. Каков другой?

По лицу офицера скользнула коварная улыбка, как нельзя лучше подходящая к той части лица, где была сделана татуировка под чешую рептилии.

— Да, другой вариант есть. Видишь ли, различные части нашей армии имеют команды для игры в джа-ла. Наша команда представляет смесь из моих людей и самых лучших из тех, с кем нам пришлось сражаться, — людей, которых Создатель наградил исключительным талантом.

Было совершенно потрясающим видеть, как ты двигался сквозь всех этих людей к проходу в стене, словно прокладывал путь к игровым воротам. Ты продолжал движение к цели, не позволяя быть остановленным, хотя люди бросались на тебя со всех сторон... ну, в общем, ты просто прирожденный нападающий игрок.

— Очень опасная позиция — быть нападающим.

Командующий пожал плечами.

— Это игра жизни, игра на жизнь. Но как раз сейчас у нас нет нападающего. Умер во время последней игры. Пытаясь увернуться от защитника, пропустил ловушку, и мяч, который мы называем брок, ударил ему в ребра. Они изрезали его легкие. Это была неприятная, мучительная смерть.

— Да, это не кажется привлекательной работой.

В глазах командующего вспыхнула угроза.

— Конечно, если ты предпочитаешь, то можешь воспользоваться возможностью остаться без кожи и понаблюдать за стервятниками, дерущимися над твоими кишками.

— А будет ли у меня возможность сыграть с императорской командой?

— С императорской командой? — повторил командующий. Он с минуту пристально смотрел на Ричарда, удивленный подобным вопросом с его стороны. — Ты действительно необычен, — наконец добавил он. — Все официальные команды для игры в джа-ла только и мечтают получить шанс на матч с командой императора. Если ты докажешь свою полезность и поможешь нам выигрывать турниры, с твоими талантами нападающего, тогда — да, ты вполне можешь получить шанс сыграть с императорской командой. Если доживешь до этого.

— В таком случае, я хотел бы присоединиться к команде.

Командующий улыбнулся.

— Наверное, думаешь стать героем? Так? Игроком в джа-ла, которому рукоплещет толпа? Прославленным игроком?

— Возможно.

Командующий склонился к нему чуть ближе.

— Думаю, ты мечтаешь о женщинах, которых такая победа принесет тебе. О восхищении в глазах красавиц. Об их улыбках.

Ричард вспомнил о прекрасных зеленоватых глазах Кэлен и об ее улыбке.

— Да, такая мысль приходила мне в голову.

— Приходила в голову! — Стоявший перед ним человек фыркнул от смеха. — Ну, Рубен, тебе лучше отделаться от этой мысли. Ты не тот игрок, который просто вступает в команду. Ты пленник, и один из опаснейших. У нас имеются

особые условия для игроков такого сорта. Тебя посадят в клетку и будут перевозить в повозке. Тебя будут выпускать на игры или на тренировки, но все остальное время ты будешь не больше, чем животное в клетке. Во время тренировочных игр тебе придется много и тяжело трудиться вместе с остальной командой, чтобы разобраться в ее сильных сторонах и в ее слабостях — в конце концов, ведь ты нападающий. Но и тогда ты не останешься без присмотра.

Ричард не видел другого выхода.

— Я понимаю.

Командующий глубоко вздохнул, засовывая большие пальцы за тяжелый пояс.

— Хорошо. Если ты играешь прилично, если будешь добиваться успеха в каждой игре и если мы сможем победить императорскую команду, я позволю тебе сделать выбор из всех женщин, которые соберутся там и будут согласны переспать с игроками.

— С победителями, — поправил его Ричард.

Командующий кивнул.

— С победителями. — Он поднял палец. — Но если сделаешь один неверный шаг — будешь убит.

— Сделка заключена, — сказал Ричард. — У вас новый нападающий.

Командующий поднял руку, давая офицерам знак подойти ближе. Они подошли, остановившись перед ним, полные внимания.

— Пригоните сюда повозку — ту, что с железной клеткой, — для нашего нового нападающего. Думаю, вы уже в курсе, насколько он опасен. Поэтому и обращайтесь с ним соответствующе. Я хочу использовать его талант против наших противников.

Один из офицеров бросил на Ричарда оценивающий взгляд.

— Было бы неплохо выиграть не просто по чистой случайности.

Командующий кивнул и начал отдавать распоряжения.

— Поставить охрану рядом с дворцом и в городе, вполне достаточную, чтобы гарантировать, что от людей Тамаранга не будет никаких неприятностей. После этого сгоняйте всех трудоспособных, чтобы начинали строить постоялые дворы

для наших продовольственных караванов. Для начала нужно найти достаточно большое ровное место. Попробуйте посмотреть за городом, ближе к реке.

Лето заканчивается. Не успеете оглянуться, как здесь наступит зима, а караваны пойдут через это место значительно чаще и в большем количестве. Всем нашим войскам, находящимся в Новом мире, потребуется продовольствие, чтобы пережить наступающую зиму.

Этот город, Тамаранг, обеспечит нас всем, что понадобится для строительства. На реке есть пристань, куда будет поступать лес и прочие материалы, так что вам будет необходимо сделать запас материалов для прокладки дорог от пристани к новому хранилищу, а также и для строительства бараков, которые должны вместить всех людей, что будут здесь расквартированы.

Один из офицеров кивнул.

— У нас уже подготовлен план.

Как Ричард и предполагал, Орден собирался использовать Тамаранг как перевалочный пункт, со складами и хранилищами, используя для работ местное население. Он знал, что они поступали так и раньше. Легче иметь дело с теми городами и селениями, что готовы присоединиться к Ордену, чем разрушать все, а затем возводить заново.

— Я отбываю немедленно с нашими войсками и с этим караваном, — сказал командующий офицерам. — Джегань хочет собрать всех, кого только может, для сражения с Д'Харианской империей.

Предводитель Д'Харианской империи стоял тихо, прислушиваясь к планам сокрушительного удара по защитникам Нового мира, к планам полного уничтожения тех, кто верит в свободу; к планам битвы, которая, как он был уверен, никогда не произойдет.

Глава 50

Рэчел проснулась, услышав, как Виолетта бродит по спальне. Сквозь небольшую щель под крышкой железного сундука Рэчел могла видеть высокое окно, занимавшее всю ширину комнаты. И хотя тяжелые синие шторы были задернуты, она могла сказать, по характеру освещения, проникающего через узкий разрыв между ними, что наступил рассвет.

Обычно королева Виолетта не вставала так рано.

Рэчел слушала, пытаясь понять, что делает Виолетта. Она услышала долгую зевоту, а затем звуки, свидетельствовавшие, что королева пещер одевается.

У Рэчел сводило ноги после ночи, проведенной в железном сундуке. Ей хотелось выбраться наружу и размяться. Хотя это желание никак не относилось к разряду тех, что она отважилась бы озвучить. По крайней мере, на эту ночь ей не надели замок на язык; иногда Виолетта не утруждала себя лишним беспокойством.

Неожиданно раздалось громкое *бум, бум, бум*, из-за чего сердце Рэчел вздрогнуло и забилось в безумном ритме. Это Виолетта стучала каблуками по железному сундуку.

— Просыпайся, — сказала Виолетта. — Сегодня важный день. Ночью посыльный сунул под дверь записку. Сикс наконец-то вернулась... за несколько часов до рассвета.

Королева, посвистывая, начала одеваться. Это само по себе было несколько странно, потому что обычно королева звала прислугу, чтобы те несли ей одежду и помогали собираться. Сейчас же она одевалась сама, посвистывая за этим занятием. Рэчел редко слышала, чтобы Виолетта свистела.

Было совершенно ясно, что она в отличном настроении, явно из-за возвращения Сикс.

У Рэчел упало сердце, потому что она догадалась, что это значит.

Тот небольшой свет, что попадал в спальный сундук, поблек, когда за щелью под крышкой сундука появились глаза Виолетты.

— Она привела с собой Ричарда. Все нарисованные мною заклинания сработали. Сегодня намечается самый худший день в его жизни. И я наслажусь этим. Сегодня он начнет расплачиваться за все преступления против меня.

Лицо Виолетты исчезло. Снова послышалось посвистывание, когда королева перешла в другой конец комнаты, закончить свой туалет, натянуть чулки и надеть сапоги на шнуровке. Через несколько минут она вернулась и снова склонилась над сундуком.

— Я собираюсь позволить тебе взглянуть, как мои люди будут стегать его плетью. — Она вскинула голову. — Что ты должна сказать?

Забившись в дальний угол сундука, Рэчел сдержалась.

— Благодарю тебя, королева Виолетта.

Виолетта хихикнула, выпрямляясь.

— К тому времени, когда сегодня взойдет солнце, на его спине не останется ни кусочка мяса. — Она отошла к стоявшему в углу столу, а затем вернулась. Рэчел услышала, как в замке поворачивается ключ. Послышался металлический лязг, когда Виолетта вытащила замок из петли. — И это только начало всего, что я буду с ним делать. Я буду...

Послышался нетерпеливый стук в дверь. Приглушенный голос потребовал открыть. Голос принадлежал Сикс.

— Подожди, я иду, — крикнула Виолетта через комнату.

Рэчел переместилась поближе к щели и увидела, что Виолетта торопливо засовывает замок обратно в дужку запора. Она стукнула по нему, чтобы он заперся, когда Сикс снова постучала в дверь.

— Иду, иду, — сказала Виолетта, отпуская замок и бросаясь бегом через комнату. Она повернула защелку на большой тяжелой двери, и та почти мгновенно распахнулась. Сикс влетела в комнату, вся в темном, мрачная как грозовая туча.

— Ты захватила его, верно? И он здесь, заперт там, где я велела? — спросила Виолетта голосом, полным дрожи от восторга, едва Сикс закрыла за собой большую дверь. — Мы можем приступить к его наказанию немедленно. Я соберу стражу...

— Его забрала у нас армия.

Рэчел придвинулась к железной крышке и очень осторожно выглянула в щель. Сикс в этот момент как раз находилась в дверях. Королева была повернута к Рэчел спиной. Виолетта, в белом атласном платье с синим поясом и в сапогах на шнуровке, поверх белых чулок, стояла, уставившись на застывшую фигуру ведьмы.

— Что?

— Прямо перед рассветом здесь появились войска Имперского Ордена. Они хлынули в город и, пока я это говорю, они все еще во дворце. Их тысячи... десятки тысяч... может быть, даже сотни тысяч.

Виолетта была смущена, не желая верить в то, что слышит, и стараясь подобрать слова.

— Но этого не может быть. В сообщении, которое ты прислала, говорилось, что он был заперт согласно моим инструкциям, заперт в том самом подземелье, где покалечил меня.

— «Был» в данном случае ключевое слово. Мы прибыли сюда ночью, и я заперла его так, как ты и хотела. Затем я отправила тебе то сообщение и до наступления утра сделала кое-какие дела.

Я уже вела его сюда, чтобы он предстал перед тобой, когда мы внезапно столкнулись с солдатами. Это была одна из тех огромных когорт новобранцев, отправленных в пополнение армии. Они не занимаются ни резней, ни грабежом, но собираются построить в Тамаранге склады для припасов, поступающих из Древнего мира. Они приняли все мои предложения...

— Так что с Ричардом?

Сикс тяжело вздохнула.

— Я опоздала. И уже ничего не могла сделать. Войска были уже во дворце. Наши люди не имели шанса остановить их. Те, кто пытался, оказались попросту сметены. Я решила,

что мне нужно самой переговорить с людьми Ордена и попытаться найти способ обезопасить тебя и твоих людей, пока есть возможность.

И вот, пока я беседовала с командующим, договариваясь о приемлемых для нас условиях в обмен на помощь в том, что им понадобится для организации снабжения, внезапно в руках у Ричарда оказался меч.

Виолетта стояла, уперев кулаки в бедра.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что у него оказался меч? — Она раздражалась все больше и больше, наряду с этим повышая голос. — Ты должна была проследить, чтобы он не получил назад свой меч.

— Нет, это не был Меч Истины. Другой меч. Просто обычный меч. Должно быть, он вытащил его у солдата, когда никто не смотрел в его сторону. Ему вполне достаточно и обычного меча, ибо он знает, как пользоваться им. Там внезапно разразилась настоящая война. Ричард был как сама сорвавшаяся с цепи смерть. Он десятками валил солдат Имперского Ордена. Это было настоящее безумие. Люди думали, что оказались участниками сражения. Вступающие в бой сами не знали, против кого сражаются. В одно мгновение все будто сошли с ума.

Я не могу управлять подобным столпотворением. Там было слишком много людей и слишком много неистовства. Требовалось время, чтобы установить хоть какой-то контроль. А времени у меня не было. Затем Ричард вырвался за пределы стены...

— Он сбежал! И после всего этого он сбежал!

— Нет. Снаружи его поджидали сотни стрелков. Он оказался в ловушке. И он был схвачен.

Виолетта с облегчением вздохнула.

— Хорошо. Я уж подумала было...

— Да нет. Хорошего мало. Командующий не отдал его. Поскольку Ричард убил очень много его людей, командующий захотел забрать его в качестве пленника. Скорее всего, они казнят его. Вряд ли он доживет до завтра.

Идя по дворцу, по пути сюда, я выглянула в окно и увидела, как они сажают Ричарда в железную клетку, установленную на повозке. Он отправился вместе с колонной войск, движущейся на север.

Виолетта побледнела от негодования.

— Ты позволила ему улизнуть? Ты позволила, чтобы эти грязные ничтожества забрали его... забрали мой трофей, мой приз?

В неожиданной тишине Рэчел заметила, каким мрачным стал взгляд Сикс. Она никогда прежде не видела, чтобы ведьма смотрела на королеву подобным образом, и подумала, что неплохо бы Виолетте стать чуть более благоразумной.

— У меня не было выбора, — ответила Сикс, произнося слова с леденящей интонацией. — Там были сотни стрелков, направивших на меня стрелы. Они не оставили мне выбора в этом деле. Это не означает, что я хотела отдать им Ричарда. Столько труда было вложено во все это!

— Ты должна была остановить это! У тебя есть магия!

— Одного этого недостаточно, чтобы...

— Ты тупоголовая идиотка! Глупая, бестолковая, никчемная и тупая ослица! Я доверила тебе такое важное дело, а ты так и не довела его до конца! Я прикажу выпороть тебя за это до полусмерти! Я прикажу выпороть тебя вместо Ричарда, чтобы проучить!

Рэчел даже вздрогнула от резонирующего звука пощечины. Этот удар свалил Виолетту с ног. И она оказалась на полу.

— Как ты смеешь обращаться со мной подобным образом?! — заявила Виолетта, поглаживая и успокаивая свою щеку. — За это я прикажу отрубить тебе голову. Стража! Вы мне нужны!

Почти немедленно раздался стук в двойные двери.

Сикс открыла одну из половин. Двое людей, вооруженных копьями, уставились на сидевшую на полу королеву, а затем в выцветшие синие глаза женщины, державшей дверную ручку.

— Если вы только посмеете еще раз постучать в эту дверь, — прошипела Сикс, — я съем на завтрак вашу печень прямо в сыром виде и запью вашей кровью.

Двое мужчин стали такими же бледными, как и сама Сикс.

— Извините за беспокойство, госпожа, — сказал один из них.

— Да, конечно, извините, — сказал другой, затем они развернулись и бросились бегом по коридору.

Сикс с яростным рычанием схватила Виолетту за волосы и поставила на ноги. После чего ведьма дала себе волю, нанеся удар, отправивший Виолетту кувыркаться через всю комнату, оставляя за собой полосы крови на коврах на полу.

— Ты неблагодарный маленький щенок. Чего только мне не приходилось терпеть от тебя. И я достаточно долго это выносила. С этого момента тебе лучше попридержать свой язык, или я вырву то, что вернула тебе.

Ее длинные костлявые пальцы снова ухватили Виолетту за волосы и подтянули вверх, а затем с силой швырнули ее о стену. Рэчел смогла даже заметить, как безвольно повисли руки Виолетты. Она не сделала ни единого движения, чтобы защититься от ударов, которые время от времени наносила ей Сикс. Кровь текла из носа и рта Виолетты, разбрызгиваясь по стене. А на белом атласном платье теперь резко выделялся кровавый нагрудник.

Когда возвышавшаяся над королевой ведьма отпустила ее, та бесформенной массой свалилась на пол и пустилась в беспомощные рыдания.

— Замолчи! — прорычала Сикс, и было видно, что гнев ее нарастает. — Вставай! Вставай немедленно, или больше не встанешь никогда!

Виолетта изо всех сил старалась подняться на ноги и наконец встала перед Сикс, не сводя с нее глаз; глаза ее были наполнены не только слезами, но и страхом.

Королева вздернула подбородок. Ей явно удалось приглушить свой страх и вместо этого дать волю негодованию.

— Как ты смеешь обращаться подобным образом со своей королевой. Я...

— Королевой? — ухмыльнулась Сикс. — Все это время ты была лишь королевой-куклой, просто марионеткой. А теперь не будешь и этим. Ты больше не королева. Прямо с этого момента — ты в отставке.

Теперь королевой буду я. Не подобной тебе напыщенной и истеричной маленькой кретинкой, представляющей себя важной лишь только из-за вздорности своих истерик, а на-

стоящей королевой. Королевой с настоящей силой и властью. Королева Сикс. Улавливаешь?

Когда Виолетта заревела в яростном негодовании, Сикс отвесила ей пощечину, и достаточно крепкую, чтобы резко отбросить ее голову в сторону и разбрызгать кровь на кружевной с синими крапинками узор на стене. И вновь при нападении разъяренной ведьмы Виолетта никак не отреагировала на это, даже не пыталась защититься от удара.

Сикс пристроила кулаки чуть ниже пояса и наклонилась ближе к Виолетте.

— Я спросила, поняла ли ты.

Виолетта, находившаяся на грани рвущей ее на части паники, услышав смертельную угрозу в голосе Сикс, кивнула.

— Так скажи это! — Сикс ударила ее снова. — Ответь надлежащим образом своей королеве!

Рыдания Виолетты сделались еще громче, словно этим она пыталась спасти свой трон.

— Скажи это, или я сварю тебя заживо, порублю на куски и затем скормлю свиньям.

— Да... королева Сикс.

— Очень хорошо, — прошипела Сикс, сопровождая это змеиной улыбкой. Затем выпрямилась. — А теперь подумаем, какая польза может мне быть от тебя? — Она уставилась в потолок, периодически притрагиваясь пальцем к подбородку, будто пребывая в глубоких раздумьях. — Да и нужно ли вообще оставлять тебя в живых? Да, думаю... ты будешь придворным художником. Самым маловажным из всех моих слуг. Будешь работать надлежащим образом — будешь жить. Сделаешь мне что-то не так — будешь сварена и пойдешь на корм свиньям. Уловила?

Виолетта кивнула в ответ на пристальный взгляд ведьмы.

— Да, королева Сикс.

Сикс улыбнулась, не скрывая зловещей гордости оттого, как быстро она пристроила Виолетту к делу. Она сжала воротник бывшей королевы, стягивая его вокруг ее шеи.

— А теперь у нас появилась срочная работа. Мы все еще можем исправить случившуюся неприятность.

— Но как? — заныла Виолетта. — Без Ричарда...

— Я подрезала его клыки. Его дар теперь в моих руках, а он остался отрезанным от него. Я решу, когда будет подходящее время, чтобы разделаться с ним.

Что же касается всего остального, есть и другой способ, но, к сожалению, более сложный. Я потому и предполагала использовать в первую очередь Ричарда, что определенные аспекты этого дела слишком сложны. В свою очередь, это позволяло держать тебя в относительном спокойствии и обеспечивало работу без жалоб и возражений с твоей стороны, пока я управляла тобой, как куклой на веревочках. Другой способ куда более сложен, в отличие от использования Ричарда, и требует вовлечь в это дело многих других людей, так что лучше приниматься за него немедленно.

— И что же это за способ?

На лице Сикс зажглась показная улыбка.

— Ты нарисуешь для меня еще несколько картин. — Она одной рукой открыла дверь, а другой потащила Виолетту в коридор. — Мне нужно, чтобы ты нарисовала женщину. Женщину с металлическим кольцом на шее.

— О какой женщине ты говоришь? — спросила Виолетта с дрожью в голосе.

Рэчел могла видеть, что они покидают комнату, поскольку Сикс потянулась к дверной ручке.

— Ты не помнишь ее. И поэтому сделать это будет непросто, но я буду описывать тебе те детали и элементы, которые мне понадобятся. Боюсь, что это будет испытанием не только твоих способностей, но и твоей выносливости. Если не хочешь закончить свое существование в кормушке в качестве похлебки для свиней, то целиком отдашься этой работе. Поняла?

— Да, королева Сикс, — сказала Виолетта голосом, заглушаемым слезами.

Когда Сикс начала удаляться по коридору, по-прежнему таща Виолетту за собой, дверь в спальню с шумом захлопнулась.

Рэчел в неожиданной тишине, затаив дыхание, гадала, вспомнят ли они о ней и вернутся ли обратно. Она ждала, но затем, в конце концов, все-таки позволила себе дышать спокойно. Виолетта вернула замок на место, так что, скорее всего,

теперь она не вспомнит о Рэчел. Сейчас у Виолетты были куда более важные проблемы, чем беспокоиться о том, чтобы выпустить Рэчел из сундука.

Рэчел боялась, что ей так и придется умереть в этом проклятом сундуке. Может ли кто-то выпустить ее отсюда? Или вернется Сикс и забьет ее до смерти? В конце концов, Рэчел держали здесь для развлечений Виолетты. Для Сикс больше нет причин сохранять подобное притворство.

Теперь Сикс обрела власть.

Рэчел знала большинство работавших во дворце людей. Она знала и то, что никто из них не отважится вымолвить ни единого слова против, когда Сикс заявит, что теперь новая королева она. Здесь каждый боялся Виолетты, потому что она наказывала и казнила, но еще больше все боялись Сикс, потому что именно она приводила в жизнь все причуды и прихоти Виолетты. И, кроме того, когда Сикс разговаривала с людьми, приказывая им что-либо, то казалось, что они попросту теряют способность делать что-то еще, кроме того, что она велела. Те, кто возражал Сикс, казалось, просто исчезали. И Рэчел пришло в голову, что свиньи при дворце выглядят хорошо упитанными.

Рэчел снова подумала о том, что Виолетта, когда Сикс отвесила ей пощечину, даже не попыталась защититься от ее рук. Рэчел знала, что Сикс ведьма. А ведьмы обладают способностью заставить людей забыть о борьбе против происходящего. Они просто делают так, как она говорит, независимо от того, насколько им не хотелось этого. Как те два стражника. Они видели королеву на полу, с разбитым лицом, слышали, как она звала на помощь, но моментально поступили так, как приказала им Сикс, а не Виолетта.

Глава 51

Так некоторое время Рэчел и сидела в своем железном сундуке, испытывая опасения и сомнения и раздумывая о том, что могло случиться с ней.

А затем у нее появилась мысль.

Очень осторожно, очень тихо, даже притом, что в комнате, кроме нее, никого нет, а дверь закрыта, она плотнее прижалась к крышке сундука и пристроила один глаз прямо у самой щели. Первое, что она сделала, это оглядела все вокруг, опасаясь, что ведьма каким-то образом может наблюдать за ней. Эта ведьма время от времени являлась ей по ночам, в ее снах. И если сейчас Сикс материализуется прямо посреди комнаты, Рэчел нисколько не удивится. Среди прислуги было множество слухов о тех странностях, что случались во дворце с тех пор, как здесь появилась эта женщина.

Но комната была пуста. Не было никого, в том числе и высокой фигуры в черных одеждах.

Убедившись, что находится здесь одна, Рэчел начала вглядываться в замок. Она вглядывалась в него еще некоторое время, потому что не могла поверить, что увиденное было самой настоящей реальностью.

Замок, висевший в запоре, не был заперт.

Рэчел припомнила, что Виолетта сунула его в запор сундука, когда Сикс постучала в дверь, но в спешке, должно быть, не защелкнула его. Если Рэчел удастся вытащить замок из запора, она сможет открыть крышку сундука. Она сможет выйти наружу.

Сикс повела Виолетту в пещеру. Таким образом, ни Виолетты, ни Сикс нет поблизости.

Рэчел попыталась добраться до замка через щель, но тот был слишком далеко. Ей требовалась палка или еще что-то, чтобы дотянуться до него. Она поискала внутри своего спального сундука, но здесь ничего подходящего не оказалось. Не было никакой просто так валяющейся палки. Зато за пределами сундука было множество вещей, годившихся для этого — но все это по ту сторону.

Поскольку этот замок продет крючком через стальное кольцо, проходящее через щель запора, то открыть сундук Рэчел не может. Замок все равно что закрыт.

Она свернулась калачиком на одеяле, огорченная растаявшей надеждой. Ей не хватало Чейза, по которому она так скучала. Какое-то время ее жизнь напоминала сказочный сон: у нее была семья и замечательный отец, следящий за ней и обучающий стольким многим вещам.

Рэчел лениво потянула за конец грубой нитки, которой к одеялу была пришита кайма. Чейз был бы разочарован, увидев, как легко она отказалась от своей затеи, увидев ее в таком подавленном состоянии, но что ей следует делать? В ее сундуке нет ничего, что можно использовать, чтобы сбросить замок. У нее есть платье, есть сапоги. Сапог никак не пролезет через щель. Еще у нее есть одеяло. Все остальное Виолетта отобрала. Так что у нее нет ничего.

Пока она тянула нитку, шов все больше и больше распускался. И когда Рэчел посмотрела на тот хвостик, что уже намотался на палец, пришло озарение.

Рэчел начала вытягивать нить, распуская стежок за стежком, все больше и больше высвобождая ее. Скоро она распустила целый край одеяла, и у нее теперь была довольно длинная нитка. Она сложила ее вдвое и скатала ладонью по ноге, делая более толстую и прочную нить. Она была достаточной длины, чтобы, несколько раз сложив, получить прочную веревочку. На конце веревочки она сделала петлю, а затем просунула в щель.

Очень осторожно Рэчел отпускала веревочку, пытаясь набросить петлю на хвостовик замка, чтобы зацепить его и вытянуть из запора. Сказать такое легче, чем сделать. Ее веревочка была недостаточно тяжелой, чтобы набросить ее на за-

мок с необходимой точностью. Рэчел пыталась сделать это самыми разными способами, но веревочка или не попадала на замок, или, оказавшись поверх хвостовика замка, тут же соскальзывала в сторону. Она никак не хотела опуститься точно сбоку и вниз, чтобы подцепить за дужку хвостовик замка. То, что скатала Рэчел, было слишком легким, чтобы точно набросить на замок, но при этом оказалась слишком жестким, чтобы облепить замок в тех нескольких случаях, когда она попадала туда, где Рэчел и хотела.

Вот ей снова удалось заставить конец веревочки опуститься на замок. Однако конец отклонился под углом в сторону, вместо того чтобы лечь на то место, где Рэчел смогла бы подвести его под разомкнутый хвостовик замка.

Она вытянула веревочку и смочила ее слюной, после чего возобновила попытки. Мокрая веревка стала немного тяжелее. Теперь Рэчел могла набрасывать ее с чуть большей точностью. Рука начала уставать от этих попыток и слегка побаливала, поскольку Рэчел постоянно выворачивала ее разными способами, чтобы набросить петлю на замок. Казалось, она занимается этим уже все утро. Веревочка тем временем начинала высыхать.

Рэчел вытянула ее назад и, взяв в рот, смочила еще, на этот раз сильнее. Затем вернулась к щели и вновь забросила свою «снасть». С первого раза веревочка опустилась прямо на замок. Петля теперь находилась чуть ниже концевой части дужки замка.

Рэчел замерла. Петля располагалась так близко, как ей еще ни разу не удавалось попасть. Было очень трудно, просунув в щель пальцы, еще и пытаться смотреть через то небольшое пространство, которое при этом оставалось. Тем не менее она смогла увидеть, что если сейчас потянет веревочку, то та, поднимаясь, никак не зацепит хвостовик так, как нужно.

Веревочка, пока все такая же мокрая, как и была, прилипла к длинному запору, который не фиксировался жестко, когда замок был заперт. У Рэчел появилась мысль. Она начала осторожно закручивать нить между двух пальцев. Веревочка, прилипшая к металлу вместе со слюной, начала скручиваться, оставаясь по-прежнему прилипшей, пока ее конец не перемес-

тился. Рэчел даже прищурилась, глядя на это. Похоже, что теперь петля была в точности там, где и хотела Рэчел. Она боялась сделать еще хоть одно движение, боялась сделать ошибку, боялась упустить свой шанс, боялась любого неосторожного движения, потому что не думала, что все это вообще осуществимо.

Чейз всегда говорил ей, чтобы она пользовалась головой — «здравым смыслом», как он называл это, — а затем действовала в соответствии с задуманным.

При всех прикидках, которые она могла сделать, петля находилась в нужном месте. Если она потянет ее и веревочка останется прилипшей, то петля зацепится за край запора.

Успокоив дыхание, Рэчел начала очень осторожно подтягивать веревочку. Петля подцепила плоский край металла. Если потянуть сильнее, та может просто соскочить.

Рэчел передвинула пальцы, чтобы изменить угол натяжения, с тем чтобы петля накинулась на край хвостовика, но не свалилась с металла.

Петля натянулась, а затем перескочила через конец хвостовика замка. Рэчел едва могла поверить. Плавно и осторожно она подтягивала веревочку вверх, вынимая замок из дужки запора. Когда он почти вышел из металлического кольца, имеющий вырез хвостовик зацепился за запор. Она попыталась потянуть сильнее, но то, как он зацепился там, привело лишь к тому, что замок вывернулся под углом, вместо того чтобы подняться. Рэчел боялась тянуть веревочку сильно, опасаясь, что та оборвется.

Скручивая нитку, она удваивала ее толщину, и сделала это несколько раз, из-за чего веревочка становилась прочнее. Ей казалось, что веревочка достаточно прочная. Вопрос же, на который Рэчел не могла ответить, заключался в том, насколько она прочная и выдержит ли, если потянуть ее сильнее. Рэчел ослабила натяжение и позволила замку опуститься, а затем слегка потянула веревочку и задергала ее вверх-вниз, пытаясь вытряхнуть хвостовик из петли запора, чтобы он выскочил из металлического кольца.

И, внезапно, замок пошел вверх и выскочил из запора. Он свободно свисал на веревочке, раскачиваясь взад и вперед под пальцами Рэчел, просунутыми в щель.

Рэчел толкнула, и дверь со скрежетом открылась. Тыльными сторонами обеих рук Рэчел вытирала со своих щек слезы облегчения. Она освободилась. Если бы Чейз мог видеть, чего она добилась!..

Теперь ей нужно сбежать из дворца, прежде чем Виолетта или Сикс вернутся. Рэчел ведь не знала, помнит ли Виолетта, что не заперла замок. Если она знает, что не заперла, и скажет об этом Сикс, они тут же вернутся назад.

Рэчел немедленно направилась к дверям спальни, но тут же вспомнила кое-что очень важное. Она повернулась и почти бегом бросилась к стоявшему в углу комнаты столику. Там она перевела наклоненную под углом крышку стола в положение, которое обычно использовала Виолетта, когда писала списки тех, кого следует подвергнуть наказанию или смертной казни. Ухватившись за золоченую ручку под крышкой, Рэчел выдвинула ящик, убрала его в сторону, а затем сунула руку в глубину образовавшегося пространства и пошарила там. Наконец ее пальцы нащупали металлический предмет.

Она вытащила его. Это был ключ. Виолетта не забрала его с собой. Он по-прежнему оставался там, где она и хранила его ночью.

Облегченно вздохнув, Рэчел сунула ключ в сапог, а затем привела стол в порядок.

Вспомнив о своем спальном сундуке, она закрыла его крышку и сунула замок в дужку запора. Затем надавила на замок, чтобы тот защелкнулся. Даже потянула его, чтобы убедиться, что он надежно заперт, — то есть сделала то самое, что забыла сделать Виолетта. Если кто-то войдет в комнату, он может решить, что Рэчел по-прежнему надежно заперта в сундуке. Если ей повезет, ни Сикс, ни Виолетта даже и не взглянут на сундук, пока Рэчел не окажется уже достаточно далеко отсюда.

Она подбежала к большим двойным дверям и чуть-чуть приоткрыла одну половину, настолько лишь, чтобы выглянуть наружу. Коридор был пуст, она не увидела там никого. Тогда Рэчел выскользнула из двери и осторожно прикрыла ее за собой.

В очередной раз оглядевшись, она направилась к лестнице, а затем как можно тише взбежала наверх. Оказавшись на

следующем этаже, в коридоре, отделанном деревянными панелями и не имевшим окон, Рэчел направилась к комнате, дверь в которую должна быть заперта. Лампы с отражателями все еще светили. Они обычно горели всю ночь, на случай, если королева захочет пойти в комнату, где хранятся драгоценности. Торопливо идя по коридору, Рэчел чуть прихрамывала на одну ногу и теперь наклонилась, чтобы достать из сапога ключ.

Подойдя с ключом в руке к нужной двери, Рэчел оглянулась через плечо. И как раз в этот момент по коридору шел человек. Это был один из дворецких. Рэчел знала его в лицо, но не знала имени.

— Госпожа Рэчел? — произнес он и нахмурился, приблизившись к ней.

Рэчел кивнула.

— Да. Что происходит?

— Вот именно. — Он бросил взгляд на дверь. — Что происходит?

Чейз учил ее, если не желаешь отвечать, то следует обратить существо вопроса к тому человеку, который его задает. И еще он учил ее, как отводить подозрения, заставляя все выглядеть так, будто другое лицо и замышляет что-то нехорошее. Они часто занимались подобной игрой на лагерных стоянках. И вот теперь она знала, что ей следует делать. Хотя на этот раз была далеко не игра. Ситуация была чрезвычайно серьезной.

Она изобразила самый сердитый взгляд. Как это делать, ее тоже научил Чейз. Он говорил, что для этого необходимо просто представить, что мальчик пытается тебя поцеловать.

— И на что же это похоже?

Человек выгнул бровь, уставившись на нее.

— Похоже на то, что вы собираетесь войти в комнату, где хранятся драгоценности королевы.

— Уж не собираетесь ли вы ограбить меня и отобрать те драгоценности, за которыми она послала меня? Уж не потому ли прятались за углом, поджидая кого-нибудь из тех, кто будет послан в эту комнату? С тем, чтобы ограбить его?

— Прятался?.. ограбить вас?.. Да нет, разумеется, нет. Я всего лишь хочу знать...

— Вы хотите знать? — Теперь Рэчел подпирала руками бока. — *Вы* хотите знать? А разве *вы* отвечаете за драгоценности? Почему бы тогда *вам* не спросить у королевы Виолетты то, что *вы* хотите знать? Я уверена, ей и в голову не приходило, чтобы дворецкий мог допрашивать ее. Может быть, она прикажет вас лишь выпороть, а не просто отрубить голову.

Сейчас я прислуживаю ей и должна кое-что принести для нее. Может быть, мне необходимо позвать стражу, для защиты себя и тех драгоценностей, которые я должна принести королеве?

— Стражу? Ну, конечно, нет...

— Тогда какого черта *вы* в это вмешиваетесь? — Она посмотрела в одну сторону, затем в другую, но никого не увидела. — Стража! — закричала она, но недостаточно громко. — Стража! Здесь вор, охотящийся за драгоценностями королевы!

Дворецкий запаниковал, пытаясь утихомирить ее, но затем отказался от этой затеи и просто ушел, так и не вымолвив ни единого слова. Он даже ни разу не оглянулся. Рэчел же быстро отперла дверь, снова проверила коридор, а затем скользнула внутрь комнаты. Она не думала, что кто-то еще помешает ей, но не хотела задерживаться дольше, чем необходимо.

Она не удостоила вниманием, даже боковым зрением, сверкающую полированным блеском стену из небольших деревянных шкатулок. Многие десятки этих шкатулок наполнены ожерельями, браслетами, брошками, тиарами и кольцами. Вместо этого она сразу направилась к возвышению из белого мрамора, стоявшему отдельно в противоположном углу этого хранилища драгоценностей. Когда-то здесь стояла любимая вещь королевы Милены, отделанная бриллиантами шкатулка, которой та чуть не поклонялась при малейшей возможности.

Теперь на этом месте находилась шкатулка, выглядевшая так, будто сделана из самых черных мыслей Владетеля. Она была такой черной, что комната, содержащая изобилие самых изысканных драгоценных камней, казалась невзрачной и самой обыденной в присутствии чего-то столь монументально зловещего.

Рэчел всегда испытывала неприязнь, когда прикасалась к отделанной драгоценными камнями шкатулке Одена, принад-

лежавшей королеве Милене. А мысль о том, чтобы прикоснуться к *этому*, была ненавистна ей еще больше.

Тем не менее необходимо забрать эту вещь с собой.

И Рэчел знала, что следует поторопиться, если она хочет получить возможность убежать из дворца. Не говоря уже о том, что Виолетта может вспомнить, что железный спальный сундук, стоящий в ее комнате, так и остался незапертым. Она может сказать об этом Сикс... Или Сикс просто прочитает ее мысли... Рэчел подозревала, что Сикс вполне способна на такое. Если они вспомнят, что Рэчел осталась в сундуке незапертой, то наверняка вернутся.

Рэчел сняла с мраморной подставки черную шкатулку и поместила ее в кожаную сумку, лежавшую у стены. Это была та самая сумка, в которой Самюэль принес сюда для Сикс эту шкатулку.

По пути к двери Рэчел задержалась перед высоким, оправленным в деревянную раму зеркалом. Ей было противно видеть себя в зеркале, противно смотреть на свои волосы, на то, каким образом Виолетта срезала их. Когда Рэчел прежде жила во дворце, будучи игрушкой для развлечения принцессы Виолетты, ей не позволялось носить длинные волосы, потому что она была никто. И как только Виолетта вернула свою игрушку, первое, что она сделала, это взяла огромные ножницы и обрезала такие чудесные, светлые и длинные волосы Рэчел. Только сейчас ей впервые удалось увидеть себя, как говорится, крупным планом.

Она вытерла слезы со щек.

Чейз говорил ей, когда она впервые шла с ним, что если она хочет быть его дочерью, то должна дать возможность своим волосам отрасти. И ее волосы отрасли за последнюю пару лет, стали длинными и лоснящимися, и она чувствовала себя так, будто на самом деле подросла, чтобы стать его дочерью. Сейчас она не увидела в зеркале ничего подобного тому, что видела, стоя здесь последний раз и глядя на себя, еще в то время, когда помогала волшебнику Джиллеру выкрасть отделанную драгоценными камнями шкатулку Одена. Теперь она выглядела по-иному. Менее искренней, менее... привлекательной. Теперь она выглядела долговязым и нескладным подростком «переходного возраста», как называл это Чейз,

прежде чем расцвести, обретая красоту женщины, что, по его обещаниям, в один прекрасный день должно было произойти. А день этот, похоже, был очень и очень далек. Кроме того, без Чейза нет никого, кто сможет видеть, как она подросла, или оценить это.

Теперь Чейз мертв, а ее волосы снова обрезаны. Виолетта не просто срезала их, но сделала это специально неровно, оставляя торчащие вихры, коротко выстриженные участки и неровные клочья. Это делало ее похожей на пса-дворняжку, спавшего рядом с навозными кучами. Хотя было и кое-что еще, что Рэчел увидела в этом зеркале. Она приметила там женщину, в которую превратится однажды, женщину, которой станет по обещаниям Чейза.

Что подумал бы Чейз, увидев ее сейчас, с напрочь отрезанными волосами?

Рэчел загнала эти мысли поглубже, в самый дальний уголок сознания, и перебросила через плечо кожаную сумку. Она приоткрыла дверь, ровно настолько, чтобы посмотреть вдоль коридора, затем открыла ее чуть больше, чтобы посмотреть в другую сторону. Вокруг по-прежнему было спокойно. Тогда она быстро вышла в коридор, закрыла и заперла за собой дверь.

Она помнила все коридоры и переходы дворца почти так же, как помнила все изгибы улыбки Чейза, когда она заставляла его смеяться, а он не был расположен к этому. Ей больше всего нравилось, когда он смеялся, пытаясь сердиться на нее.

Она воспользовалась лестницей прислуги, чтобы избежать встречи с большей частью стражи. Те оставались в основном в главных коридорах и тому подобных местах. Люди непрерывно сновали по своим делам, не задерживаясь ни на минуту. И тем не менее никто из них не знал, что королева у них сменилась. Она подозревала, что эти люди вообще не задумываются о подобном. Рэчел знала, что все во дворце ненавидят Виолетту, но все ужасно боятся Сикс.

Прачки, держащие узлы с бельем, обернулись, болтая между собой, когда заметили пробегавшую мимо Рэчел. Мужчины, переносившие провиант, не обратили на нее никакого внимания. Рэчел же предпочитала не встречаться

взглядами ни с одним из них, чтобы они не спросили ее о чем-нибудь.

Она дошла до двери, ведущей в боковой коридор, из которого можно было выйти за пределы дворца. Повернув за угол, тут же лицом к лицу столкнулась с двумя стражниками. На них были красные туники поверх металлических кольчуг, а в руках копья с блестящими наконечниками. На поясах висели мечи.

Рэчел уже ясно видела, что они не намерены выпустить ее наружу без подробных расспросов о том, что она делает здесь и куда направляется.

— Вам нужно туда! — крикнула им Рэчел. — Скорее! — Она обернулась и показала рукой. — Войска Имперского Ордена входят во дворец... отправляйтесь туда!

Один из них опирался на копье, обхватив его двумя руками.

— Нам нечего бояться этих людей. Они наши союзники.

— Они собираются отрубить головы всей страже королевы! Я слышала, как их командующий отдавал такое приказание! Отрубить головы всем, так говорил он. Там уже идут солдаты с огромными боевыми топорами. Им пообещали, что они могут забрать все с человека, которому отрубят голову. Поспешите! Спасайтесь!

Оба стражника стояли, раскрыв рты.

— Туда! — крикнула Рэчел, показывая в сторону лестницы для прислуги. — Они не догадаются искать здесь! Скорее! А я предупрежу остальных!

Оба кивнули в знак благодарности и направились к двери, ведущей к комнатам прислуги. Когда они исчезли, Рэчел очередной раз попыталась выйти из дворца, осторожно приоткрыв ведущую наружу дверь.

Она пошла по тропинке, которой обычно пользовались слуги, когда отправлялись в город за необходимыми для обслуживания дворца вещами. Вокруг можно было видеть огромных солдат, ужасающе страшного вида мужчин, которые патрулировали местность, но, похоже, не обращали внимания на слуг, так что Рэчел пристроилась к компании плотников и пошла вместе с ними, рядом с высоким колесом их ручной тележки. Свое лицо она старалась прятать за связкой досок.

Солдаты проявляли редкий интерес к слугам, отправлявшимся по своим делам, лишь когда замечали среди них симпатичных женщин. Рэчел старалась наклонять голову вниз и продолжала идти. С обрезанными волосами она выглядела как полное ничтожество, и ни один из солдат не заинтересовался ею.

Оказавшись за большой каменной стеной, окружающей дворец, она так и продолжала идти вместе со слугами, пока они не дошли до небольшого участка леса, тесно примыкающего к дороге. Она огляделась через плечо, не смотрит ли в ее сторону кто-нибудь из солдат.

Проворно, как кошка, Рэчел скользнула между деревьями. И как только оказалась среди бальзамина и сосен, бросилась бежать. Она выбирала оленьи тропы, проходящие через ежевичник, выбирая те из них, что вели на запад или на север. Едва она пустилась бежать, откуда ни возьмись появилась паника, забирая контроль над ее ногами. Все, о чем она теперь могла думать, это оказаться как можно дальше. В этом был ее шанс. И поэтому следовало только бежать.

Если здесь ее поймают солдаты Имперского Ордена, то она, как ей было хорошо известно, окажется в беде. Она не знала точно, что именно с ней сделают, но общее представление об этом, разумеется, имела. Этот урок Чейз преподал ей однажды темной ночью, у лагерного костра. Он рассказывал ей кое-что о том, что сделают с ней подобные люди. И он настоятельно указывал ей не попадаться в их лапы. Предупреждал ее, что если она столкнется с ними и будет схвачена, то следует сопротивляться изо всех сил, используя все, что есть под рукой. Чейз говорил, что не имеет намерения пугать ее, но тем самым надеется уберечь ее от опасности. Тем не менее это вызвало у нее слезы, и она успокоилась, лишь когда он обнял ее своей огромной рукой.

Она осознавала, что сейчас у нее нет ничего, что можно использовать для сопротивления. Все ее ножи у нее отобрали. Будь она сообразительнее, то, прежде чем покинуть дворец, быстренько поискала бы какие-нибудь ножи в комнате Виолетты. Ей так хотелось скорее сбежать из дворца, что она даже и не подумала об этом. По меньшей мере следовало заглянуть на кухню, когда спускалась через ту часть дворца, что отведе-

на для слуг, и прихватить там нож. Она была так переполнена гордостью из-за куска веревочки и того, что удалось сбежать, что даже и не подумала попытаться обзавестись оружием. Чейз, возвратись он к жизни, вероятнее всего, был бы зол на нее и отругал бы за то, что она оказалась настолько бестолковой. В эту минуту ее лицо пылало от стыда.

Рэчел остановилась, увидев лежавший на земле крепкий и толстый сук, подняла его и проверила на прочность. Сук оказался вполне надежным. Она несколько раз ударила этой палкой по пихте, и звук от удара был достаточно жестким. Это оружие несколько тяжелее, чем ей хотелось бы таскать с собой, но, по крайней мере, теперь у нее есть хоть что-то.

Она замедлила движение, перейдя на быстрый шаг, стараясь как можно скорее удалиться от дворца. Она не представляла, когда они обнаружат ее отсутствие, как не знала и того, может ли Сикс выслеживать людей так же, как могла делать все остальное. Интересно, подумалось Рэчел, способна ли Сикс заглянуть в котел с водой и увидеть, где находится Рэчел? Подобная мысль заставила ее снова побежать, и даже еще быстрее.

Около полудня она вышла на какую-то дорогу, ведущую, похоже, примерно на север. Рэчел знала, что Эйдиндрил находится где-то на севере. Она не знала, что, собственно, собиралась найти в той дали, но не могла придумать никакого другого места, куда можно отправиться. Если она сможет вернуться назад, в Цитадель, к Зедду, он наверняка поможет ей.

Рэчел была так погружена в свои мысли, что не заметила человека, пока едва не наскочила на него. Подняв глаза, она поняла, что это солдат Имперского Ордена.

— Так, так, так, что тут у нас такое?

Едва он двинулся в ее сторону, Рэчел изо всех сил махнула дубинкой и нанесла ему удар по колену. Человек закричал и свалился на землю, держась за колено и посылая в ее сторону проклятья.

Рэчел бросилась бежать. Она снова выбирала оленьи тропы, потому что она меньше своих преследователей и ей легче преодолевать их, чем взрослым большим людям. Шум стоял такой, будто, совсем неожиданно, следом за ней напролом че-

рез кусты ринулась дюжина солдат. Она могла слышать, как тот человек, которого она ударила дубинкой, где-то сзади все еще изрыгал бурю проклятий, призывая своих приятелей поймать ее.

Вырвавшись на открытую поляну, почти лишившись сил и еле переводя дух, она увидела, что впереди тропинка занята солдатами. И все они были готовы поймать ее.

Рэчел бросилась в сторону и побежала. Теперь ей казалось, что солдаты со всех сторон. И поскольку она не понимала, как от них избавиться, ее охватила паника.

Она услышала, как один из них упал. Она не стала оглядываться, а лишь продолжила бег. Затем услышала, как упал второй, коротко вскрикнул и затих. Скорее всего, подумала она, когда они неслись вот так, сломя голову, то попадали ногами в ямы или спотыкались о корни деревьев.

Еще один человек испустил громкий стон. На сей раз Рэчел остановилась и быстро оглянулась, пытаясь понять происходящее. Это явно не было падение или вывих ноги. Это был звук, обычный для объятий смерти. Рэчел замерла, ее глаза округлились. Следующий человек завопил, словно с него живьем сдирали кожу.

Рэчел удивилась, что это за лес, в который она попала, и что за чудовища разгуливают в нем?

Она повернулась и снова побежала. Ведь у нее нет шансов спастись, если эти люди схватят ее. Она не знала, что еще есть в этом лесу, но прежде всего ей нужно постараться, чтобы ее не поймали, иначе эти солдаты вполне могут перерезать ей горло за все те неприятности, что она доставила им.

Внезапно трое мужчин с неистовым ревом выскочили из кустов. Их крик едва долетел до ее ушей, поскольку она бежала изо всех сил, подгоняемая страхом. Тем не менее, эти люди, с более длинными ногами, настигали ее.

Вдруг один из них остановился. Рэчел бросила взгляд через плечо и заметила, что человек выгнул спину, будто от сильной боли. А затем увидела сталь, на целый фут торчавшую из его груди. Двое других повернули назад, в сторону неожиданного нападения с тыла.

И едва человек, пронзенный мечом, начал падать, у Рэчел отвисла челюсть от того, что она увидела за ним.

Там стоял Чейз, такой же большой, как и при жизни.

Она не могла в это поверить.

Двое солдат бросились на него одновременно. Чейз отбросил их быстрыми мощными ударами, сбивая с ног, словно смахивал рукой мелких насекомых, но тем временем из окружавшего их леса появились новые люди. Рэчел насчитала по меньшей мере полдюжины огромных солдат Имперского Ордена, атакующих одинокого стража границы.

Теперь Рэчел побежала назад, тогда как Чейз вступил в сражение сразу со всеми. Когда он разделался с человеком сбоку от себя, тот, который находился по другую сторону, воспользовался моментом, чтобы броситься на него. Рэчел ударила его по коленям сзади. Его ноги тут же согнулись, и он присел. Чейз развернулся и пронзил его мечом, а затем встретил яростное нападение сразу нескольких человек, громко рычавших в попытках одолеть одного здоровяка. Одни, стиснув зубы, кидались на него и пытались ухватить его руки, чтобы другие смогли нанести ему удар. Рэчел колотила их со всей силой, но все ее удары были бесполезны.

Когда один из солдат свалился замертво, Рэчел схватила нож, висевший в ножнах у него на поясе, и тут же ударила им по ногам человека, подступавшего к Чейзу сзади. Он вскрикнул и обернулся. А Чейз мгновенно свалил его.

Внезапно все стихло, осталось лишь тяжелое дыхание Рэчел и Чейза. Все остальные лежали мертвые.

Рэчел стояла, не сводя глаз с Чейза. Она все еще не могла поверить в то, что видит, боялась поверить своим глазам. Боялась, что он может исчезнуть, словно призрак.

Он взглянул сверху на нее, и на его лице появилась та самая удивительная улыбка.

— Чейз, что ты тут делаешь?

— Вот, пришел взглянуть, все ли с тобой хорошо.

— Хорошо? Меня держали пленницей во дворце! И еще я думала, что ты умер. Мне пришлось освобождаться самой. Где ты пропадал?

Он пожал плечами.

— Мне просто не хотелось мешать тебе проявить самостоятельность. Разве это плохо, что ты проделала все сама?

— Ну, — сказала она, слегка озадаченная, — я бы не возражала против чьей-то помощи.

— В самом деле? — Он, казалось, никак не сдавался, несмотря на ее недовольство. — По тебе видно, что ты справилась.

— Да ты ничего не знаешь. Все было просто ужасно. Меня снова заперли в тот железный сундук, а еще запирали мой язык, так, что я не могла говорить.

Чейз с недоверием разглядывал ее.

— Ты случайно не прихватила этот замок для языка с собой, а? Похоже, это вполне полезное устройство.

Рэчел рассмеялась и обхватила его за пояс. Когда она встретила его впервые, ей удавалось обхватить лишь его ногу, поскольку выше дотянуться не удавалось. Она наслаждалась спокойствием, исходившим от его большущей руки на ее спине. Это ощущалось так, будто все в этом мире снова встало на свои места.

— Я думала, что ты умер, — сказала она, пускаясь в слезы.

Он взъерошил ее обрезанные волосы.

— Пожалуй, я не мог бы поступить с тобой так, малышка. Ведь я обещал заботиться о тебе, и именно это я намерен делать.

— Надеюсь, ты признаешь меня дочерью?

— Правильно надеешься. Но волосы твои ужасны. Ты должна снова отрастить их, если хочешь оставаться со мной. И не должна впредь подрезать их до такого состояния, если хочешь быть моей дочерью. Это я тебе уже говорил!

Рэчел рассмеялась сквозь льющиеся слезы.

Чейз оказался жив.

Глава 52

Вместе с Карой, не отстающей от нее ни на шаг, Никки уверенно и быстро прошла через обитые медью и покрытые очень сложными гравированными знаками огромные двери. Мерцание вспышки молнии проникло сюда сквозь дюжину закругленных в верхней своей части окон, расположенных между вздымающимися колоннами из красного мрамора, освещая возвышающиеся ряды книжных полок по краю комнаты, чем-то напоминающей пещеру. Они успели залатать лишь наиболее сильно поврежденную часть высоких двухъярусных окон — как они надеялись, вполне достаточно, чтобы комнату можно было использовать с той же самой целью: для сдерживания мощной магии. Некоторые из этих тяжелых темно-зеленых мягких штор с золотистой бахромой были мокрыми от дождя, проникающего через невосстановленные участки при сильных порывах ветра.

Увидев то, что находилось в центре комнаты, зависнув над большим столом, где когда-то висела и сама Никки, она понадеялась, что небольшое количество случайно проникающего сюда дождя — это все, что способно проникнуть через отсутствующие части окон.

Зедд бросился ей навстречу и обхватил ее за плечи. Отчаяние отчетливо читалось в его глазах.

— Вы нашли его? Он жив, не так ли? С ним все хорошо?

Никки вздохнула.

— Зедд, он выжил после того, что случилось внутри сильфиды... по крайней мере это я выяснила.

Сильфида уже рассказала им об этом. Рикка сидела, наблюдая за колодцем, когда сильфида неожиданно вернулась.

Они были удивлены ее возвращением, но гораздо больше — тем, что она им рассказала.

Совершенно неожиданно ртутное существо оказалось весьма склонно к живой беседе и рассказу о том, что случилось с Ричардом. Не потому, что сильфиде захотелось рассказать, куда она доставила одного из своих путешественников, а скорее потому, что Ричард, ее хозяин, велел сильфиде рассказать им, что он сам в безопасности, а также куда он собирался отправиться. И сильфида стремилась выполнить его приказание.

К несчастью, из-за природной склонности сильфиды к секретам и тайнам, они не смогли получить прямых ответов на многие из своих вопросов. Зедд сказал, что сильфида не упрама или капризна; она просто не способна помочь из-за своей природы, заложенной в нее другими при ее создании. По своей натуре она правдива. И еще Зедд сказал, что им следует смириться с тем способом, каким сильфида выдает информацию, и постараться как можно лучше осмыслить и понять все, что она сообщила.

Зедд, кроме того, обнаружил на сильфиде следы магии, оставленные после силового воздействия ведьмы. Они были почти уверены, что это именно Сикс. Они не выяснили наверняка, что она затевала, но, по крайней мере, знали от сильфиды, что Ричард каким-то образом вырвался из ее когтей.

— Но где же он? Сильфида доставила вас туда? Она действительно доставила вас туда, где оставила его?

— Да, доставила. — Никки взглянула на морд-сита, а затем опустила руку на плечо Зедда. — Когда мы оказались в том самом месте, где сильфида высадила его, она рассказала нам, куда он отправился: в земли мерцающих в ночи. И нам предстояло пройти еще некоторое расстояние, чтобы попасть туда.

Зедд уставился на нее с удивлением.

— Мерцающие в ночи?

— Да. Но Ричарда там уже не было.

— По крайней мере он жив. И все указывает на то, что он действовал по собственной воле, а не под чарами этой ведьмы, — сказал Зедд, и в его голосе слышалось некоторое об-

легчение. — Так что они сказали? Что смогли сообщить вам эти мерцающие в ночи?

Никки тяжело вздохнула.

— Жаль, что ты сам не мог отправиться туда. Может быть, тебе они сказали бы больше, чем поведали нам. Они даже не позволили пройти дальше за этот странный мертвый лес.

— Мертвый лес? Что за мертвый лес?

Никки отмахнулась.

— Не знаю, Зедд. Я ведь не знаток дикой природы. Просто обширная область, где прежде росли дубы, но потом они все погибли...

— Дубовый лес погиб? Умер? — Зедд наклонился в ее сторону. — Ты вполне серьезно говоришь об этом? Дубы были мертвые?

— Да, все так, — сказала Кара, кивая головой. — И среди этих мертвых деревьев повсюду разбросаны кости.

— Беда, — едва слышно произнес Зедд.

— Но почему? — спросила Никки. — Что это значит?

Зедд поднял глаза.

— Но вы говорили с этими мерцающими в ночи?

Никки кивнула.

— С нами говорил Тэм. Так он указал свое имя.

Зедд поглаживал подбородок, обдумывая услышанное.

— Тэм... нет, я не знаю его.

— Было еще одно имя: Джесс, — добавила Никки.

Зедд скривил рот, продолжая обдумывать услышанное.

— Нет, боюсь, что не знаю и этого.

— Джесс сказала, что Ричард искал женщину, которую мерцающие в ночи должны бы знать.

— Скорее всего, речь шла о Кэлен, — сказал Зедд, понимающе кивнув.

— Мы тоже так решили, — сказала Кара.

— Но почему он отправился искать ее к мерцающим в ночи? — Этот вопрос он скорее задавал сам себе, чем Никки, но, во всяком случае, она ответила:

— Сильфида ничего не рассказала нам относительно этой части его путешествия, только указала место, куда доставила его. Очевидно, Ричард не был достаточно конкретен в этом отношении, когда давал указания сильфиде сообщить. Она же

не заходила в этом вопросе дальше собственного представления о точном соблюдении этих указаний. Как ты и говорил, в этом ее натура.

Мерцающие в ночи, тем не менее, так и не сказали нам, зачем он появлялся у них. Они сказали, что на то у него были свои причины, и нет никакой необходимости, чтобы другие знали об этом. И еще сказали, что не могут выдавать подобные его секреты.

— Нет необходимости, чтобы другие знали... но... но... — Его голос перешел в неразборчивое бормотание. Зедд снова взглянул на обеих женщин. — Но разве они так ничего и не сказали вам о том, что Ричард делал там? Вообще ничего? Ведь нам необходимо знать, зачем он отправился к мерцающим в ночи. Он направлялся сюда, а затем что-то случилось, и он утратил свой дар во время этого путешествия — вероятно, здесь как-то замешана Сикс, — и поэтому отправился к мерцающим в ночи? Зачем? Что они сказали ему? И что случилось, когда он был там?

— Мне очень жаль, Зедд, — сказала Никки. — На самом деле нам так и не удалось ничего узнать толком. Сильфида кое-что рассказала... о том, что случилось с Ричардом, и куда она доставила его, а также и то, что он отправился к мерцающим в ночи... Но она или больше ничего не знает, или же по какой-то причине не хочет сказать нам остального. Ричард больше не возвращался к сильфиде, но поскольку он теперь не способен путешествовать с ней, это не несет определенного смысла. Возможно, именно поэтому сильфида больше ничего и не знает.

Ричард, скорее всего, отправился далее пешком. Я предполагаю, что направлялся он сюда, в Цитадель. В конце концов, именно сюда он направлялся, когда что-то необычное произошло внутри сильфиды. По какой-то причине он отправился к мерцающим в ночи, но на самом деле это по большей части могло быть просто следствием его географического положения, а не чем-то еще... Он находился к ним гораздо ближе, чем к Цитадели, так что мог решить сделать там короткую остановку, прежде чем идти дальше к нам. Возможно, всего лишь это, и ничего больше.

Что касается мерцающих, они сказали нам очень мало. Даже не пустили нас дальше мертвых деревьев, в лес из

древних сосен, что лежит за ними. Но при этом мы узнали и хорошую новость. По крайней мере, мы знаем наверняка, что Ричард жив и что он побывал в землях мерцающих в ночи. Самое главное: Ричард жив. Зная Ричарда, можно предположить, что он при первой возможности попытается добыть лошадь и, вероятно, появится здесь прежде, чем мы узнаем все остальное.

Зедд сжал ее руку.

— Ты права, дорогая. — От этого жеста Никки стало спокойнее, словно она ощутила связь с Ричардом. Примерно так же успокаивал в трагические моменты сам Ричард.

Внезапно Зедд нахмурился.

— Ты сказала, что мерцающие в ночи не пустили вас к большим соснам?

Никки кивнула.

— Да, это так. Они не позволили нам пройти дальше леса из мертвых дубов и встретиться с другими мерцающими в ночи.

— В этом есть и другой смысл. — Зедд приложил палец к виску, продолжая раздумывать. — Эти мерцающие в ночи очень таинственные существа и обычно никому не позволяют посещать свои земли, но при таких обстоятельствах кажется странным — как я уже говорил, — что они не пригласили вас.

— Они вымирают.

Зедд уставился на нее.

— Что?

— Тэм сказал, что мерцающие в ночи вымирают, и поэтому они не хотят, чтобы мы входили к ним. Он сказал, что сейчас время больших разногласий и конфликтов среди самих мерцающих, большая печаль и беспокойство. Так что они не хотят сейчас видеть у себя никаких посторонних.

— Добрые духи, — прошептал Зедд. — Ричард был прав.

Никки ощутила, что внутри у нее все напряглось.

— О чем ты? В чем был прав Ричард?

— Дубы умерли. Они защищали земли мерцающих в ночи. И мерцающие тоже умирают. Это часть всей цепи событий. Ричард уже объяснял нам, почему происходит такое, вот в этой самой комнате. Мне же требовались дополнительные доказательства, чтобы поверить ему.

— Дополнительные доказательства? Что ты имеешь в виду?

Он взял Никки за локоть и повернул ее к магическим заготовкам, парящим над столом.

— Вот, посмотри.

— Зедд, — укоризненно заметила Никки, — это поверочная сеть для Огненной Цепи... и это подозрительно похоже на внутреннюю перспективу.

— Да, верно.

— Я почти не сомневалась. Но что происходит? Что ты затеваешь?

— Я нашел способ возбудить нечто типа имитации внутренней перспективы — одной лишь перспективы, без необходимости твоего пребывания в ней. Она отличается почти во всех отношениях, но для той идеи, что засела у меня в голове, вполне сгодится.

Никки была удивлена, что он оказался способен заняться вещью, подобной той, что едва не лишила ее жизни. Но не это вызвало у нее наибольшее беспокойство.

— А почему их тут две? — спросила она. — Ведь существует лишь одна магия Огненной Цепи. А почему здесь две магические модели?

Зедд криво улыбнулся ей.

— А, так в этом и весь фокус. Понимаешь, Ричард как-то говорил, что в мире живых появились гармонии. Будь это действительно так, их присутствие исказило бы живой мир, исказило бы и магию. И, тем не менее, никто из нас не видел доказательств этого. Но в этом заключается парадокс подобного искажения; оно исключает саму нашу способность обнаружить его присутствие. Я хотел найти способ узнать, был ли прав Ричард...

— Ричард Рал, без сомнения, прав.

В ответ на столь эмоциональное заявление Зедд только дернул костлявым плечом.

— Но мне требовалось понять, могу ли я найти какие-то доказательства этому. Я не понимаю всех этих штучек с символами, которыми так увлечен Ричард. Я тоже верю в него, Никки, но не понимаю, как он может оперировать языком символов так, как это у него получается, как ему удается при-

ходить к тем заключениям, которые он делает. Мне требуются обоснования, которые я понимаю.

Сложив руки на груди, Никки продолжала рассматривать магические заготовки-двойняшки.

— Кажется, я понимаю твои ощущения. Я верю в него, и он совершенно прав, но временами ощущаю растерянность, будто я обычный новичок и проводится опыт по предмету, которые все выучили тогда, когда меня не было в классе. Когда Ричард...

Никки внезапно замолкла. Руки ее опустились.

— Зедд, эти магические заготовки неодинаковы.

Его улыбка стала хитрой.

— Я знаю.

Никки подошла ближе к столу, ближе к двум заготовкам, образованным светящимися линиями. Теперь она изучала их более внимательно. И указала на одну из них.

— Вот это заготовка для магии Огненной Цепи. Я узнаю ее. Вторая заготовка очень похожа на нее, но не совсем. Это зеркальное отражение реальной магии.

— Да, знаю. — Он выглядел гордым собой.

— Но это же невозможно.

— Я тоже так думал, но затем мне на память пришло сочинение под названием «Книга инверсий и удвоений»...

Никки повернулась к старому волшебнику.

— Ты знаешь, где находится «Книга инверсий и удвоений»?

Зедд сделал неопределенный жест.

— Ну да, я отыскал копию.

Никки взглянула на него с подозрением.

— Отыскал копию?

Зедд откашлялся.

— Так вот, — сказал он, взяв ее за руку и снова возвращая к предмету разговора и светящимся линиям, — я вспомнил об этой книге, которую читал много-много лет назад, где говорилось о методах удвоения магических моделей. Но в то время это не представляло для меня интереса. С какой стати кому-то понадобится удваивать магическую модель?

Но книга содержала гораздо больше. Там были наставления, каким образом инвертировать модель, которая перед этим

продублирована. Самая безумная вещь, о какой мне когда-либо доводилось слышать. С тех пор я забыл и про эту книгу, и про ту странную методику. Какой мог быть смысл в подобном занятии? Кому и когда потребовалось бы делать такое? Никому, как мне казалось.

Он поднял палец.

— А затем, задумавшись о возможности существования тех искажений, что оставили гармонии, и пытаясь придумать способ проверить теорию Ричарда, я неожиданно вспомнил, что когда-то читал эту книгу, и тут меня осенило. Я понял, для чего кому-то понадобилось удваивать и инвертировать модель магии.

Никки все еще не понимала.

— Хорошо, я сдаюсь. Почему?

Зедд с восхищением указал на две магические заготовки.

— Вот почему. Взгляни. Вот это — оригинал, очень похожий на тот, в котором ты уже побывала, но без некоторых наиболее сложных и нестабильных элементов. — Зедд взмахнул рукой, подчеркивая, что это несущественно. — Для моей цели они не были нужны. Вот здесь — та же самая модель, продублированная, а затем инвертированная. Это копия.

— В целом мне понятно, — сказала Никки, — но я все еще не вижу, чего можно получить в результате столь странным образом выполненного анализа.

С многозначительной улыбкой Зедд коснулся пальцами ее плеча.

— Изъяны.

— Изъяны? И что... — У Никки от осознания сперло дыхание. — Если вывернуть магию наизнанку, изъян окажется не инвертирован!

— Верно, — сказал Зедд, озорно подмигивая и назидательно покачивая пальцем. — Изъян не будет инвертирован. Магическая заготовка всего лишь демонстрирует структуру магии, будучи заменителем чего-то реального. По этой причине ею можно манипулировать — подвергать инверсии. Ведь это не настоящая магия; настоящую магию ни за что не удалось бы инвертировать. Но изъяны, как и указано в наставлениях, не могут быть объектами магических преобразований...

Инвертировано может быть только то, что относится к магии. Изъян же реален. Изъян остается нетронутым.

Зедд стал серьезным, сообразно смертельно опасной природе того, что излагал.

— Когда магическая модель активируется, она уже несет в себе искажения, вкрапленные туда. Когда ты дублируешь магическую заготовку, новая тоже включает тот же самый изъян, но когда производишь инвертирование ее, изъян не может быть инвертирован, потому что он реален, а вовсе не дублер чего-то реального, как сама магическая заготовка. Именно это самое искажение, или повреждение магии, и было тем самым, что едва не убило тебя.

Никки перевела взгляд с напряженных карих глаз Зедда на две светящиеся заготовки. Они выглядели как зеркальные отражения друг друга. Она начала подробно исследовать общую структуру, не пропуская ни одной линии, ни одного элемента, поглядывая при этом на другую заготовку, которая была точно такой же, но перевернутой.

А затем она увидела это.

— Вот, — выдохнула она, указывая рукой. — Вот эта часть одинакова в обеих моделях. Она не исказилась. И она не является зеркальным отражением, как все остальное. Эта часть одинакова и здесь и там, тогда как все остальное инвертировано.

— Совершенно верно, — с триумфом произнес Зедд. — Таким образом, цель применения «Книги инверсий и удвоений» — в том, чтобы открывать изъяны, которые иным способом нельзя увидеть или отыскать.

Никки пристально смотрела на старика, видя его совершенно в ином свете. Ей была известна «Книга инверсий и удвоений», но, как и любой другой, изучавший ее, она не поняла ее предназначения. Разумеется, об этой книге было много споров, но никому не удалось обозначить цель этой эзотерической магической книги. Она бросала вызов традиционной мудрости с точки зрения функциональности и задач магии. В конце концов она была признана всего лишь причудливой диковиной, оставшейся от давних времен. Фактически ее так и преподносили при обучении: странная реликвия древних времен, бесполезная, но весьма оригинальная, и именно потому интерес к ней сохранялся так долго.

Зедд, подобно Ричарду, никогда не отвергал ни единой крупицы знания. Как и другие собиратели знаний, он укладывал все сведения в хранилище своей памяти, на случай, если что-то вдруг понадобится. Когда он мучился, не находя нужного ответа, то обращался к своей памяти и перебирал разложенное по пыльным уголкам.

Ричард поступал точно так же. Знание, однажды обретенное, навсегда оставалось в его арсенале. Оно позволяло ему находить новые решения новыми методами, приходить к удивительным выводам, зачастую опровергающим старые, обычные способы рассуждений. Многие находили такой способ мышления, особенно когда дело касалось магии, опасно граничащим с ересью.

Никки же видела в этом истинную ценность. Практические ответы на проблемы, исходящие из вот такого процесса мышления, логического и обоснованного — полностью основывались на известном знании. В этом и состояла сущность Искателя Истины, сама основа того, что он совершал в своем поиске. И одновременно это было одним из главных качеств Ричарда, которое так привлекало Никки. При изучении он был способен без предварительной подготовки интуитивно постичь самые сложные вопросы таким способом, каким не мог никто другой.

Зедд пригнулся, потянув ее за собой.

— Взгляни сюда. Видишь это? Узнаешь?

— Это та самая часть, которая не инвертируется? — Никки покачала головой. — Нет. А что это?

— Это «загрязнение», оставленное гармониями. Вот что я опознал. Паук в магической паутине.

Никки выпрямилась.

— Но это доказывает, что Ричард был прав.

— Мальчик ухватил все верно, — согласился Зедд. — Не понимаю, как, но он сразу дал абсолютно точный ответ. И как только удалось выделить эту часть таким вот образом, я узнал коррозию, оставленную гармониями, точно так же, как узнаю красновато-коричневую чешую ржавчины. Он же смог разглядеть ее прямо в языке линий, и оказался прав. Магия повреждена; источником искажения были гармонии. Это, по сути, механизм, посредством которого гар-

монии разъедают и разрушают магию. И если эта магия заражена ими, то точно так же заражены и все другие магические объекты.

— Это то, что убивает мерцающих в ночи? — спросила Кара.

— Боюсь, что это окажется именно так, — сказал ей Зедд. — Дубы, окружающие их родной дом, наделены защитной магией. И то, что и те и другие, дубы и мерцающие в ночи, умирают вместе, — в высшей степени подозрительно.

Никки прошла к окнам и наблюдала за далекими вспышками молний сквозь матовое стекло.

— Существа — носители магии умирают. Всё как говорил Ричард.

Она так скучала по нему, что скорбная мука терзала ее, подобно тени самой смерти, погружая во мрак ее душу. Она почувствовала себя так, будто вот-вот съежится и умрет, если они в ближайшее время не найдут его. Она чувствовала, что не способна существовать, если лишится возможности снова видеть его, видеть жизнь в его серых глазах.

— Зедд, а ты не думаешь, что он был прав и насчет всего остального? Не думаешь, что на самом деле драконы были, а мы все просто забыли о существовании на свете подобных вещей? Тебе не кажется, что Ричард прав относительно того, что мир, который мы знали, заканчивает существование, исчезает, переходя в область легенд?

Зедд вздохнул.

— Не знаю, моя дорогая, я действительно не знаю этого. Мне хотелось бы думать, что мальчик ошибался в большей части своих догадок, но я уже много лет назад усвоил одно: не спорить с Ричардом.

Никки улыбнулась сама себе. Она усвоила то же самое.

Глава 53

— Никки... — нерешительно сказал Зедд, делая неопределенный жест и, казалось, подыскивая слова, — ты... ну, словом, относишься к тем, кто так же уважает Ричарда, как и я, кто чувствует к нему такую же любовь и преданность. Во многих случаях ты, как мне казалось... — Он вскинул руки, а затем будто позволил им упасть. — Ну, не знаю...

— Зедд, ведь ты, Кара и я... мы все любим Ричарда, если это то, что ты пытаешься сказать.

— Полагаю, это и есть самое главное. У меня нет каких-либо воспоминаний о Кэлен, но если представить, что я должен думать о тебе точно так же, то, согласно моим собственным представлениям, я должен воспринимать ее не просто как его наперсницу, разделявшую ту же самую борьбу.

Никки почувствовала себя так, будто ее только что ударила молния. Она не посмела позволить себе даже пытаться уловить эмоциональный заряд его слов. С огромными трудностями она сохранила самообладание и, лишь слегка наморщив лоб, спросила:

— Что ты хочешь этим сказать?

— Как Кара и Ричард, я много думал о тебе и твоей роли в происходящем, особенно принимая во внимание, что думал о тебе в самом начале. Я стал доверять тебе, как доверял бы жене сына.

Никки сдержалась, но постаралась не встречаться с его пристальным взглядом.

— Спасибо, Зедд. Принимая во внимание то, откуда я пришла и что думала о себе в самом начале, это значит для

меня гораздо больше, чем ты способен представить. Когда рядом с тобой есть люди, по-настоящему, искренне...

Она откашлялась и наконец взглянула на него. Хотя его слова глубоко зацепили ее, похоже, он не намеревался вкладывать в них какой-то смысл, кроме как вступление к чему-то важному.

— Ты хочешь мне что-то сказать?

Он кивнул.

— Я выяснил и еще кое-что. Нечто, весьма беспокоящее меня. Об этом не следует рассказывать, но, кроме самого Ричарда, нет никого, кому я могу доверять больше, чем тебе и Каре. Вы двое стали для меня больше, чем просто друзьями. Я всего лишь пытаюсь найти способ выразить тебе, насколько...

Его речь затихла, словно исчезая в какой-то дали, а он, будто вслед за ней, продолжал вглядываться в эту даль, Никки осторожно опустила ладонь на его плечо.

— Мы вернем его, Зедд, обещаю тебе это. Но ты прав в том, как мы относимся к нему. Ричард полностью изменил мою жизнь. И если есть что-то, о чем тебе необходимо поговорить, то, мне хочется думать, ты можешь довериться Каре и мне почти так же, как мог бы довериться Ричарду. Думаю, именно это ты и хотел услышать? Мы все одинаково заботимся и о нем, и о нашем деле. Я... ну... — она постучала друг о друга кончиками пальцев. — Ты знаешь, что я имею в виду.

Испугавшись, что уже и так сказала слишком много, Никки почувствовала, как краска заливает ее лицо.

— Что я пытаюсь сказать, — наконец заговорил Зедд, — так это то, что мне нужна ваша помощь, и я хочу, чтобы вы знали, как много вы обе значите для меня... и что сейчас я открываю некоторые тайны не из беспечности или подчиняясь капризу. Всю свою жизнь я хранил секреты, потому что их следовало хранить. Это не самое легкое занятие, но таков порядок вещей. Хотя многое меняется, и я больше не могу сохранять определенные знания только для себя. Сейчас столь многое вовлечено в происходящее, что это никак не сравнить с тем, как бывало раньше.

Никки кивнула и переключила все внимание на волшебника.

— Я понимаю. И сделаю все, чтобы оправдать твое доверие.

Зедд поджал губы.

— «Книга инверсий и удвоений», была спрятана в таком месте, о существовании которого не знает никто, кроме меня. Она находилась в подземелье под Цитаделью.

Никки с Карой переглянулись.

— Зедд, — спросила она, — ты хочешь сказать, что под Цитаделью имеются захоронения? И, кроме костей, там находятся и книги?

Зедд кивнул.

— Множество книг. Именно там я нашел «Книгу инверсий и удвоений».

Он сделал несколько шагов в сторону, чтобы взглянуть на окна, мерцавшие от вспышек грозы, бушующей за пределами сдерживающего поля.

— Никто, и я в этом уверен, не подозревал даже, что здесь, внизу, есть место костей. Я нашел это место, когда был еще мальчиком. И понял, что ни один человек не бывал там уже целые века. За тысячи лет ни один отпечаток ноги не испортил пыль, покрывавшую пол. Я был первый, кто оставил свои следы на пыли веков. Мне не нужно было объяснять значение подобного факта.

Будучи ребенком, я оказался скорее напуган существованием этого древнего подземелья. Я и без того был напуган, потому что нашел его, пытаясь отыскать путь, чтобы проскользнуть назад, в Цитадель. Найдя же эти катакомбы, я инстинктивно понял, что они не могли оставаться в секрете без серьезной причины, поэтому... как бы мне временами ни хотелось, я никому не рассказал об этом. У меня было почти ощущение, что как будто само это место позволило мне войти, но взамен потребовало моего молчания. Я не только всерьез отнесся к этому, но еще и сознавал необходимость защиты такого тайного места. Ведь, в конце концов, оно хранило останки великого множества людей... возможно, даже моих собственных предков. Я знал, что всегда могут найтись те, кто захочет использовать подобную находку в своих интересах, а я не хотел, чтобы такое случилось с местом, которое так отчетливо хранило священную заботу тех, кто скрыл его.

В дополнение к этому, я чувствовал скорее вину за то, что побеспокоил подобное место погребения по ничтожной причине: при попытке незаметно проскользнуть назад, чтобы избежать неприятностей, и в первую очередь за то, что отлучился без разрешения. Я выскользнул из Цитадели, чтобы посетить ярмарку в Эйдиндриле, взглянуть на все те восхитительные безделушки, что там продавались. Это казалось мне более привлекательным, чем скучные учебные занятия, которым, как предполагалось, я отдавал все свое время.

После этого случайного открытия я очень осторожно задавал завуалированные вопросы и выяснил, что даже старые волшебники, с которыми я общался, не имели ни малейшего представления о таком месте под Цитаделью. Со временем я осознал, что о наличии подобного места даже не подозревали, не говоря уже о каких-либо слухах.

Будучи ребенком, я проводил почти все свое время за учебой. Между тем, в те времена в Цитадели жило множество людей, и при моей учебной загрузке я мог выкроить... как правило, не более пары часов, проведенных внизу. Очень быстро я обнаружил, что многие из тех книг точно такие же, как и у нас в библиотеке, в Цитадели, и поэтому, еще ребенком, я пришел к убеждению, что моя находка вовсе не столь важная, как казалось поначалу.

Он сдержанно улыбнулся.

— Я воображал себя великим исследователем, обнаружившим древние сокровища. Сокровища состояли в основном из костей и книг. В Цитадели было величайшее множество книг, которые мне надлежало изучить, так что дополнительное их количество не было на деле так же восхитительно, как мысли о заклинаниях, заточенных в янтарь, или об обрамленных драгоценными камнями проклятьях. Но ничего подобного внизу не было. Только рассыпающиеся кости и старые книги.

В этих катакомбах комнаты, заставленные пыльными книгами, тянулись, одна за другой. У меня никогда не было достаточно времени, чтобы подробно исследовать все их. Не могу даже представить, какое количество книг спрятано там. У меня никогда не было времени больше, чем на просмотр

лишь небольшой случайной выборки. Как я уже сказал, многие книги я уже видел раньше, в Цитадели, а некоторых не видел, и в столь раннем возрасте большинство из них не произвели на меня достаточного впечатления, чтобы запомнить о них, за исключением нескольких, к которым относится и «Книга инверсий и удвоений».

Когда вырос, я полюбил самую прекрасную женщину, которая вскоре стала моей женой. Она дала рождение новому свету в моей жизни, нашей дочери... которая, когда выросла, стала матерью Ричарда. Когда ты в Цитадели в качестве молодого волшебника, то дел всегда больше, чем хватает часов в сутках. И у меня не было времени, чтобы проводить его внизу, среди старых костей.

А затем мир был брошен в ужасную войну с Д'Харой. То было мрачное время ужасающих сражений. Я стал Первым волшебником. Те битвы были страшными и мерзкими, как и вообще бывают все битвы. Мне доводилось посылать людей на смерть. Я должен был смотреть в глаза волшебников, молодых и старых, которые, как я знал, не готовы к испытаниям, и приказывал им сделать все возможное, когда знал, что их «все возможное» явно недостаточно, чтобы могло им помочь, и они, скорее всего, погибнут в этой борьбе. Я всем сердцем знал, что если сделаю это сам, то это будет правильно сделано, и я сам способен выполнить эту работу, но такого рода задач стояло великое множество, и все требовали моего внимания, а я был только один.

Временами я считал, что ответственность, знания и способности — сущее проклятие. Видеть всех тех невинных людей, полагающихся на меня, как на Первого волшебника, и знать, что если я ошибусь, то они умрут, было почти невыносимо.

В этом отношении я точно знаю, что выпало Ричарду. Я побывал на его месте. Я тоже держал мир на своих плечах.

Он сделал жест, будто отбрасывал это грустное отступление от главной темы обсуждений.

— В общем, при всех моих прочих обязанностях, катакомбы оставались забытыми, как с ними было и тысячи лет до того, как я в них появился. У меня просто не было времени, чтобы заглянуть в то, что могло там храниться. При своих

очень ограниченных возможностях в период детства я почти уверился, что там нельзя найти ничего, кроме старых и почти бесполезных книг, похороненных с забытыми костями. И казалось, что вокруг гораздо более неотложные дела, касающиеся жизни и смерти.

Для меня самым главным, связанным с катакомбами, было то, что они обеспечивали мне тайный проход, позволявший проникать в Цитадель. Этот проход стал просто бесценным, когда Цитадель Волшебника захватили сестры Тьмы.

В те давние времена, когда я был молод, после той войны, в которой погибла моя жена, я вел с советом ожесточенный спор из-за шкатулок Одена. А затем... Даркен Рал изнасиловал мою дочь. Так что я покинул Срединные земли — посчитав отъезд лучшим исходом, — забрал с собой дочь и перебрался через границу в Вестландию. Она была все, что у меня осталось, и все, что имело для меня хоть какой-то смысл. Я думал, что смогу прожить оставшиеся дни за границей, в Вестландии.

Затем родился Ричард. Я присматривал за тем, как он подрастал. Моя дочь им так гордилась. Я же в тайне переживал, что у него может оказаться дар, и беспокоился, что силы, находящиеся по ту сторону границы, в один прекрасный день доберутся и до него. А затем случился пожар, и моя дочь, мать Ричарда, исчезла вдруг из моей жизни, и из жизни Ричарда тоже.

Я целиком посвятил себя внуку, чтобы хоть как-то утешиться. Я дал ему все, что только мог дать и что помогло бы ему стать тем, кем он способен стать. Это было самое лучшее время моей жизни — проведенное с ним.

И вот, без моего ведома, поскольку я прилагал все старания, чтобы забыть окружающий мир, Энн и Натан, движимые пророчеством, помогли Джорджу Сайферу вернуть обратно из Цитадели Волшебника «Книгу сочтенных теней». Она хранилась в личном анклаве Первого волшебника, где я оставил ее ради безопасности.

— Подожди минутку, — сказала Никки, прерывая его рассказ. — Ты хочешь сказать, что «Книга сочтенных теней», одна из наиболее важных существующих книг, вот так просто лежала в Цитадели?

— Ну, — сказал он, — не совсем «просто лежала». Как я уже сказал, она находилась в анклаве Первого волшебника. А это более надежное место, чем Цитадель в целом, и далеко не лучшее место для кражи.

— Если это место так надежно, — напомнила ему Никки, — тогда как же получилось, что Энн, Натан и Джордж Сайфер смогли забрать эту книгу?

Зедд лишь вздохнул, бросив на нее взгляд из-под густых бровей.

— Именно это-то меня и беспокоит — единственная копия книги, такая важная и такая незащищенная...

— Так вот что Ричард хотел сообщить тебе! — сказала Никки с неожиданной вспышкой понимания. — Вот почему он так спешил назад, сюда... Ведь он так и говорил, что должен добраться до тебя немедленно. Вот в чем была причина!

Зедд нахмурился.

— О чем ты?

Она сделала несколько шагов в сторону волшебника и протянула ему маленькую книгу из своего дорожного мешка.

— Это книга, которой воспользовался Даркен Рал, чтобы привести в действие шкатулки Одена...

— Что!?

— Книга, которой пользовался Даркен Рал, чтобы привести в действие шкатулки Одена, — повторила она изумленному волшебнику. — Мы нашли ее в Народном Дворце. Я обещала Ричарду, что буду изучать ее, чтобы понять, есть ли способ нейтрализовать то, что сделала сестра Улисия, есть ли способ вывести шкатулки Одена из игры. Я пыталась объяснить Ричарду, что магия не работает подобным образом, но ведь ты знаешь его, он не способен согласиться с тем, что кое-что нельзя осуществить.

Зедд уставился на книгу, которую она протягивала ему, так, словно это была гадюка, способная укусить.

— У этого мальчика есть обыкновение переворачивать камни и искать неприятности.

— Зедд, здесь есть предупреждение: при использовании книги следует применять ключ. Иначе, без ключа, все, что произошло раньше, то есть было сделано на основании этой книги, окажется не только бесполезным, но и смертельно

опасным. Здесь сказано, что ключ необходимо использовать в течение одного года, чтобы завершить все, что было вызвано с этой книгой.

— Ключ, — прошептал Зедд так, будто наступал конец света. — Шкатулки следует открыть в течение одного года после того, как они введены в действие. А чтобы открыть шкатулки, необходима «Книга сочтенных теней». Эта книга и должна быть ключом.

— Я тоже так думаю, — сказала Никки. — Но дело в том, что мы обнаружили сведения из прошлого, со времен великой войны, где говорится, что некие волшебники сделали пять копий «книги, которая никогда не должна копироваться».

— И ты думаешь, что книга, «которая никогда не должна копироваться», как раз и есть «Книга сочтенных теней»?

— Да. И еще существует книга пророчеств, где записано: «Будут дрожать от страха при мысли о том, что они сделали, и бросят подобие ключа посреди костей».

Зедд уставился на нее так, будто мир вокруг него раскололся надвое.

— Добрые духи. Это звучит как цитата из «Сплетен Янкли».

— Так оно и есть. Но дело в том, — сказала Никки, — что все копии, кроме одной, были фальшивыми. Пять копий, четыре фальшивых, одна настоящая.

Зедд прижал ладонь ко лбу. Никки заметила, что его дыхание участилось. Казалось, он на грани обморока.

— Зедд, в чем дело?

Его пальцы все еще дрожали.

— Помнишь, ты сказала, что «Книгу сочтенных теней» очень легко украсть? Я тоже подумал об этом, но не так чтобы специально об этом размышлять. Скорее, это была еще одна из тех мыслей, что плавают где-то в глубине сознания, никогда не всплывая полностью на поверхности.

— Да, — сказала Никки, терпеливо ожидая продолжения.

— Ну вот, когда я вспомнил про «Книгу инверсий и удвоений», то наконец-то вспомнил и то, где еще ребенком видел ее: в катакомбах. Мне было необходимо проверить эту магию, так что пока вы отправились с Ричардом в Народный

Дворец, я спустился в катакомбы и нашел там «Книгу инверсий и удвоений».

Никки уже знала, что он собирается сказать, еще до того, как Зедд произнес это.

— И пока искал эту книгу, обнаружил копию «Книги сочтенных теней».

— «Будут дрожать от страха при мысли о том, что они сделали, и бросят подобие ключа посреди костей», — снова процитировала Никки.

Зедд кивнул.

— Я даже не подозревал, что существовала копия этой книги. Меня учили, что не делалось никаких копий. Меня учили, что существовал только один экземпляр. Сама единственность его указывала, насколько важной была эта книга. Но если она такая важная, то почему находится в небезопасном месте? Этот вопрос был из тех, что навсегда застряли в глубине моей памяти.

И это была одна из причин, из-за чего я был зол на совет за попытку раздачи шкатулок Одена в качестве даров или наград. Я знаю, как опасны эти шкатулки, но никто в совете не поверил мне. Они все считали, что то, о чем я им рассказывал, всего лишь древние суеверия или сказки для детей.

Причина того, что ни один из членов совета не поверил правде об опасности, которую представляли эти шкатулки, отчасти в том, что книга, необходимая, чтобы привести их в действие, так и не была найдена. Без этой книги шкатулки всего лишь сказочная фантазия. — Он указал на книгу, которую Никки по-прежнему держала в руке. — На самом деле никто даже не знает название этой книги. Похоже, ее название написано на древнед'харианском. Нам нужен кто-то для перевода.

— Я могу читать на этом языке, — сказала Никки.

— Ну да, разумеется, — сказал Зедд таким тоном, словно больше его уже ничто не могло удивить. — Так как же называется эта книга?

— «Книга Жизни».

Зедд стал почти таким же белым, как его волнистые волосы. Вероятно, он еще не оправился от шока.

— «Книга Жизни», — повторил он, слабо проводя рукой по лицу. — Вполне подходящее название. Сила Одена рождена самой жизнью. Любой открывший верную шкатулку получит силу Одена — сущность самой жизни, власть над всеми живыми и мертвыми. Получит безраздельную власть. Но открой неверную шкатулку — и все живое перестанет существовать, выжженное дотла, ввергнутое в небытие. Это будет конец жизни.

Магия Одена — близнец магии самой жизни, а смерть есть неотъемлемое свойство всего живого, так что магия Одена связана со смертью точно так же, как с жизнью. И ключ — это средство узнать, что представляет собой каждая их этих трех шкатулок. Тот, кто открывает их, может действовать и наудачу, но лишь глупец сделает это без предварительного использования ключа, чтобы убедиться, что есть что.

— Глупец, — сказала Никки, — подобный сестрам Тьмы, которые не очень-то озабочены тем, что могут открыть не ту шкатулку?

Зедд смог лишь пристально посмотреть на нее.

— Итак, ты говорил, что нашел одну копию, — наконец сказала Кара, когда Зедд молчал какое-то время, погрузившись в раздумья.

Никки вздохнула с облегчением, что Кара взяла на себя задачу подтолкнуть его, когда он, казалось, погрузился в раздумья о событиях столь ужасных, что она, скорее всего, не способна себе их даже представить.

— Боюсь, это не самое страшное, — сказал он. — Понимаете, Ричард ведь еще ребенком запомнил наизусть «Книгу сочтенных теней». Джордж Сайфер очень боялся, что книга попадет в «не те руки», но был достаточно мудр, что не уничтожить знания, содержавшиеся в книге, и потому сделал так, чтобы Ричард запомнил ее. А когда Ричард заучил каждое слово, он и Джордж Сайфер, человек, который воспитал его и которого Ричард в то время считал отцом, сожгли «Книгу сочтенных теней».

Когда Даркен Рал схватил Ричарда и собрался открывать шкатулки, он заставил Ричарда прочитать наизусть все наставления из «Книги сочтенных теней». Сейчас я не припомню некоторых моментов... Вероятно, это последствие

магии Огненной Цепи. Но дело в том, что я был там. Я отчетливо помню этот эпизод, потому что был шокирован происходящим — по двум причинам. Во-первых, я узнал, что эта книга похищена из моего анклава в Цитадели, с тем чтобы Ричард запомнил ее, и, во-вторых, потому что это была магическая книга, и, следовательно, сам тот факт, что Ричард смог запомнить ее и читать по памяти, означал, что у него имеется дар.

Обнаружив копию «Книги сочтенных теней» здесь, в катакомбах, я был потрясен до мозга костей. Я прочитал ее и убедился, что она слово в слово точно такая же, как та, что заучил наизусть Ричард.

Никки вскинула голову.

— Она была такой же? Ты уверен в этом?

— Несомненно, — решительно заявил Зедд. — Эти две книги были идентичны.

Никки начала ощущать подступающую слабость.

— Это может означать только одно из двух. Или одна была ключом-оригиналом, а другая правильной копией этого ключа... или они обе были фальшивыми ключами, то есть неправильными копиями.

— Нет, они не могли быть фальшивыми, — настаивал Зедд. — Зачитывая книгу вслух, Ричард опустил некий важный абзац в самом конце. Именно благодаря пропуску этой части книги ему удалось уничтожить Даркена Рала. Ричард фактически превратил книгу в фальшивую копию, и, таким образом обманув Даркена Рала, уничтожил его. Как я частенько говорил Ричарду, временами лучшей магией бывает хитрость.

Никки положила книгу на стол.

— Но это еще не означает, что тот ключ был истинным, а не фальшивым. Вот, взгляни на это.

Она открыла «Книгу Жизни» и постучала пальцем по странице, в самом начале которой была только одна запись, чтобы подчеркнуть, какой особо важной — какой значительной — она была.

— Это вводное слово к «Книге Жизни». Я уже перевела его. Фактически, это предупреждение каждому, кто решится читать эту книгу. Здесь говорится: «*Тем же, кто пришел сю-*

да, чтобы посеять ненависть, — лучше уйти, ибо их ненависть обратится против них самих».

Зедд искоса посмотрел на слова, написанные на древнед'харианском языке, единственные на этой странице.

— Итак, ты утверждаешь, что... что поскольку Даркен Рал обратился к шкатулкам из ненависти, то оказался уничтожен истинной «Книгой сочтенных теней» точно так же, как если бы она была и фальшивой?

— Такова одна из возможностей, — сказала Никки.

Зедд покачал головой.

— Я просто не верю в это. Но магия способна срабатывать по чтению намерений. Меч Истины действует таким вот образом. Люди, пылающие ненавистью, обычно даже не распознают в себе этот подлый порок. Они изрыгают свою ненависть как праведную. Подобная порча и извращенность и делает их такими злонамеренными... и такими опасными. Подобные люди способны совершать наиболее низменные поступки и считать себя героями за подобные деяния.

— Так, значит, ты пытаешься убедить меня, что это совпадение, просто удача, и обе книги случайно оказались единственными истинными ключами? И они случайно оказались так близко друг от друга? Ты считаешь, что волшебники, сделавшие копии и отправившие их в далекие скрытые места, истинную книгу оставили прямо здесь, рядом с другим истинным ключом? Какова же была цель в рассеянии копий?

Зедд в раздумье потер подбородок кончиками пальцев.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду.

— Для книг, подобных этой, должен существовать способ проверки копий... способ подтверждения их истинности.

— Этот способ известен, — сказал ей Зедд. — В самом начале «Книги сочтенных теней» говорится: «Если тот, кто владеет шкатулками, не прочел сих слов сам, но услышал их из уст другого человека, в подлинности переданного знания он может убедиться лишь с помощью Исповедницы...» Копия и означает «из уст другого человека». Лицо, делающее копию, по сути, пересказывает книгу; читатель же фактически читает не оригинал. Если же это не ключ-оригинал, предостережение призывает того, кто запускает шкатулки в

действие, применить необходимую в данном случае проверку.

— Кэлен, — сказала Никки.

Двое других взглянули на нее, и по выражению их лица было ясно, что они поняли, что она имела в виду.

— Зедд, — спросила наконец Никки в наступившей тишине, — ни один из нас не помнит Кэлен. Если мы сможем найти ее и если сможем как-то разделаться с этой магией Огненной Цепи или еще как-то справиться... есть ли способ сделать так, чтобы она вспомнила то, что сейчас вспомнить не может?

Взгляд Зедда блуждал по светящимся магическим заготовкам, парящим над столом.

— Нет.

Никки не ожидала столь определенного ответа.

— Ты уверен?

— Уверен, насколько возможно. Эта магия разрушает память. Она не закрывает и не блокирует к ней доступ, но именно разрушает ее. Не просто заставляет людей забывать, но фактически стирает запомненное. У человека, на которого набросилась столь ужасная вещь, в памяти появляются дыры.

— Но ведь должен быть какой-то способ, — настаивала Кара, — какая-то магия, способная восстановить память о ней.

— Восстановить что? То, что никто из нас не может вспомнить? Память — это субстанция жизни. Магия действует специфическим образом в отношении всего существующего. Магия — это не какой-то сверхразум, находящийся за занавесом, который знает, что мы хотим совершить, и, таким образом, может убрать целиком всю память о некоем лице — то есть, по сути, всю его жизнь — в карман, а затем положить ее на место лишь только потому, что мы этого захотели.

Кара не выглядела убежденной.

— Но не может...

— Взглянем на это таким образом. Если я сброшу эту книгу со стола, она упадет на пол. Это происходит за счет невидимой силы гравитации. Гравитация действует строго определенным образом. Я не могу взмахнуть руками и по своему желанию приказать гравитации подать мне обед.

То же самое касается магии и памяти. Магия Огненной Цепи разрушила ее память. И ее нельзя вернуть назад. Невозможно возвратить то, что было когда-то и чего больше нет. Просто нельзя. Что пропало, то пропало.

Кара провела рукой вдоль своей длинной светлой косы.

— Твои слова означают, что у нас масса проблем.

— Бесспорно, проблем, — признался волшебник.

Никки хотелось сказать, что и в сердце Ричарда проблем преизбыточно, но не отважилась произнести такое вслух. Она пребывала в подавленном настроении из-за него, из-за того, с чем ему придется столкнуться в один прекрасный день. Но ей не хотелось оказаться тем, кто укажет на это.

— Тогда, если Ричард найдет ее, — слабым голосом спросила Никки, — что им следует делать?

Зедд, сцепив руки за спиной, с минуту смотрел на нее, прежде чем отвернуться.

— Есть и другой способ проверить истинность копии, — сказала Кара.

Оба, и Зедд, и Никки, хмуро посмотрели на нее, оба с облегчением, что можно сменить тему.

— Нужно просто найти другие копии, — сказала она, — и сравнить их. Той, которую запомнил Ричард, больше нет. Таким образом, если найти остальные, их можно сравнить. Та, которая отличается, и должна быть истинной копией. Остальные четыре, которые все одинаковы, должны быть фальшивыми ключами.

Зедд вздернул бровь.

— А что если люди, которые сделали эти фальшивые копии, смогли предположить, что однажды одна очень сообразительная морд-сит додумается до этого, и решили сделать все копии отличающимися друг от друга, так что они не поддаются сравнению?

У Кары был сконфуженный вид.

— О-о-ох.

Никки всплеснула руками.

— Да и как найти остальные? Они ведь спрятаны почти три тысячи лет назад.

— И не только в этом проблема, — сказал Зедд. — Натан говорил, что существовали катакомбы под Дворцом Пророков,

а теперь это место разрушено. Я знаю это — я сам установил разрушающее заклинание. Там не осталось ничего, но даже если какой-то закуток катакомб и сохранился, дворец ведь был построен на острове, и сам остров тоже оказался разрушен, вода залила все те подземные помещения, которые не затронуло разрушение.

Та копия, если таковая и была там, уже уничтожена. Был ли это истинный или фальшивый ключ? А что если за прошедшие века оказались уничтожены и остальные? И остается все тот же вопрос: как узнать, являются ли единственными истинными ключами те две книги, из которых одну заучил Ричард, а другую нашел я?

Никки отвела взгляд.

— Боюсь, обе эти копии могут быть фальшивыми — и та, что запомнил Ричард, и та, что ты нашел внизу, в катакомбах.

Зедд принялся мерить шагами комнату.

— Не знаю никакого способа проверить это.

— Путей есть два, — сказала она. — Хотя относительно первого поклясться не могу. Я еще только начала переводить «Книгу Жизни». Но уже прочитала кое-что об использовании ключа. Там говорится, что если тот, кто привел в действие шкатулки, совершает ошибку при использовании ключа, шкатулки будут уничтожены вместе с тем, кто пытался ими воспользоваться.

— Ошибку при использовании ключа... — повторил Зедд, глубоко задумавшись.

— Как мне кажется, это говорит о том, что если Даркен Рал допустил ошибку в надлежащем использовании ключа, допустим, такую, как пропуск последней части текста — как, по твоим словам, сделал Ричард, читая для него текст, — он должен был оказаться уничтожен, но вместе с ним уничтожились бы и шкатулки Одена. А как мы знаем, шкатулки не уничтожились. Так что это подсказывает мне, что Ричард вполне мог продиктовать фальшивый ключ, а Даркен Рал просто открыл не ту шкатулку, и шкатулка уничтожила его.

Там не сказано, что шкатулки будут уничтожены, если используется фальшивый ключ, потому что в то время, когда это писалось, еще не было фальшивых ключей, так что

об этой проблеме просто не могли знать, когда писалась эта книга.

Зедд хмурился, очевидно, собственным мыслям.

— Ты уверена в этом?

— Нет, — призналась Никки. — Книга сложная, а я только начала переводить. Я лишь бегло просмотрела эту часть, потому что она относится к использованию ключа для завершения необходимых шагов. Там же есть еще и формулы, которые также следует принимать во внимание. Я же изложила лишь предварительное впечатление.

Никки пробежала пальцами по волосам. Она стояла перед столом, над лежащей там раскрытой книгой, опустив другую руку на бедро.

— Тем не менее, ты понимаешь, что я имею в виду? — Она жестом указала на книгу. — Если Ричард исказил истинный ключ, вынуждая Даркена Рала открыть не ту шкатулку, то, как из этого следует, шкатулки должны были уничтожиться вместе с ним. А это, похоже, подтверждает ту мысль, что Ричард запомнил фальшивый ключ.

— Такое возможно. Хотя ты говорила, что не уверена в этом. — Зедд поглаживал затылок и шею, продолжая ходить по комнате. — Давай не будем делать поспешных выводов.

Никки кивнула.

— Ты говоришь, есть еще что-то, над чем ты продолжаешь размышлять, — заметил Зедд.

Никки сперва кивнула, а затем процитировала одно из главных пророчеств, о котором говорил Натан.

— «В год цикад защитник жертвующих и страдающих, под знаменем и Рода Человеческого и Духа Веры, наконец-то разделит свою стаю, что послужит знаком того, что пророчество вступило в силу и решающая заключительная битва близка. Будьте осторожны, все истинные ответвления и их производные отростки спутаны и переплетены в этой предрекательной корневой основе. Но только один ствол исходит из нее, соединенный ею с изначальным источником. Если *фуер грисса ост драука* не возглавит эту решающую битву, тогда мир, уже стоящий на краю тьмы, падет под эту ужасающую тень».

Понимаешь? — спросила Никки. — «Защитник жертвующих и страдающих, под знаменем и Рода Человеческого и Духа Веры», — это Джегань и Имперский Орден. Следующие слова предрекают, что он «наконец-то разделит свою стаю, что послужит знаком того, что пророчество вступило в силу и решающая заключительная битва близка». Он разделил свою армию. Половина ее занимает перевалы, тогда как другая половина старается пробиться в Д'Хару с юга. И, как там говорится, «решающая заключительная битва близка».

Как будто в подтверждение сказанного ею, удар молнии озарил мерцающим светом окна, а от сопровождавшего ее раската грома Цитадель под их ногами содрогнулась.

Зедд нахмурился.

— Не смог последовать за ходом твоей мысли.

— Прежде всего, почему Энн и Натан выкрали эту книгу для Ричарда? Потому что они неверно истолковали пророчество — они думали, что решающей битвой было сражение с Даркеном Ралом. Они думали, что Ричард нуждался в «Книге сочтенных теней», чтобы сразиться с Даркеном Ралом в решающей битве. И добыли единственный существующий экземпляр — как они думали.

Неужели тебе не понятно? Это же так просто. Ричард был рожден для сражения с Джеганем и с тем, что сотворили сестры Тьмы, приведя в действие шкатулки Одена. То есть сейчас происходит продолжение все той же решающей битвы, начатой с Даркеном Ралом.

Думаю, пророчество содержит намек, что Ричард заучил неверный ключ: «Будьте осторожны, все истинные ответвления и их производные отростки спутаны и переплетены в этой предрекательной корневой основе». Все истинные ответвления — истинные ключи? — являются пророческой основой этой решающей битвы. И пророчество говорит, что другие ответвления фальшивы. Возможно, другие ответвления основаны на фальшивых ключах.

Возможно ли понимать это пророчество так, что сражение с Даркеном Ралом было фальшивым ответвлением? В то время ни Натан, ни Энн не знали многого — во всяком случае, тогда произошло еще недостаточно ключевых событий, так

что они, следуя за этим «ответвлением», готовили Ричарда к сражению с Даркеном Ралом, а не с Джеганем. Но пророчество гласит: «Если *фуер грисса ост драука* не возглавит эту решающую битву, тогда мир, уже стоящий на краю тьмы, падет под эту ужасающую тень».

Эта ужасающая тень и есть сила Одена, выпущенная сестрами Тьмы. Они собираются омрачить мир живого. Энн и Натан готовили Ричарда не к той битве. Вот та битва, в которой ему прочили принять участие.

Зедд продолжал ходить по комнате, лицо его нахмурилось от раздумий. Наконец он остановился и повернулся к ней.

— Может быть, Никки. Может быть. Ты потратила куда больше времени, чем я, изучая это пророчество. Может быть, тебе оно понятнее.

Однако возможно все не так. Пророчество, как объяснял Натан, не объект изучения, подобно тому, как ты только что процитировала. Пророчество — средство связи между пророками. Оно не может изучаться, анализироваться или даже быть понятым теми, кто не имеет дара пророчества.

Точно так же, как Энн и Натан могли ошибаться в своих выводах при отсутствии соответствующей информации, я думаю, и тебе слишком рано делать такие заключения.

Никки кивнула, уступая ему в этом вопросе.

— Надеюсь, ты прав, Зедд... действительно надеюсь. Это не тот спор, в котором мне хотелось бы победить. Я подняла этот вопрос потому только, что считала, что нам необходимо обсудить смысл происходящего.

Он кивнул.

— Есть еще кое-что, что следует принять во внимание. Ричард не считается с пророчествами. Он существо свободной воли, и пророчеству нужно найти способ раскрыться. В случае с Даркеном Ралом — возможно, Даркен Рал и был фальшивым «ответвлением», но имелись пророческие корни, предвещавшие победу над ним. Сторонники этого толкования пророчества указывали на них, утверждая, что Даркен Рал и был истинным корнем. Сложись все иначе, корень был бы фальшивым. Можно найти пророчества для поддержки любого убеждения.

— Не знаю, — сказала Никки, проводя пальцами по волосам, — возможно, ты и прав.

Она очень устала. Ей необходим хотя бы короткий сон; возможно, тогда она сможет думать более ясно и четко. Иначе она в беспокойстве может выбрать «фальшивый» путь.

— В данный момент не существует способа, воспользовавшись которым мы сможем сказать, являются ли копии «Книги сочтенных теней», та, что нашел я, и та, что заучил наизусть Ричард, истинными или фальшивыми ключами.

— Так что мы собираемся делать? — спросила она.

Зедд прекратил хождение и, остановившись прямо перед ней, посмотрел на нее.

— Мы собираемся вернуть назад Ричарда, а он продолжит искать способ, как остановить угрозу.

Никки улыбнулась. Зедд всегда находил способ улучшить ее настроение в самой мрачной ситуации — точно так же, как умел это Ричард.

— Но я скажу тебе одно, — заметил Зедд. — Прежде, чем этот момент наступит, нам все-таки лучше выяснить, был ли ключ, который он запомнил, истинным или фальшивым ключом.

Никки закрыла обложку «Книги Жизни», взяла ее со стола и теперь держала на сгибе руки.

— Мне нужно подробно изучить эту книгу, от корки до корки. И необходимо выяснить, есть ли способ сделать то, о чем меня просил Ричард — вывести из игры шкатулки Одена или каким-то образом нейтрализовать угрозу. За неимением другого, мне лучше изучить ее максимально подробно, чтобы я могла надеяться быть полезной Ричарду в поисках ответа на все, что касается этого дела.

Зедд оценивающе смотрел ей в глаза.

— Это предполагает огромную работу. И наличие времени — книга, да еще такая сложная, может потребовать месяцев для ее полного понимания. Я только и надеюсь, что нужное время у нас есть. Хотя должен сказать, что согласен с тобой. И думаю, что тебе следует начать это безотлагательно.

Никки сунула книгу в карман своего платья.

— Постараюсь сделать все наилучшим образом. Но существуют книги, которые могут мне помочь. Если узнаю о ка-

кой-то или встречу упоминание, я дам тебе знать. Из того, что я уже посмотрела, есть чисто технические вопросы, в которых мне может понадобиться помощь. И если я на чем-то застряну, то надеюсь на помощь Первого волшебника.

Зедд улыбнулся.

— Считай, что она уже есть у тебя, моя дорогая.

Она погрозила ему пальцем.

— Но если ты придумаешь, как найти Ричарда, то лучше сказать мне об этом до того, как все закончишь.

Улыбка Зедда стала шире.

— Согласен.

— А что, если мы не найдем Лорда Рала? — спросила Кара.

Никки и Зедд уставились на нее. Далеко в долине прогремел гром. Дождь без перерыва барабанил по окнам.

— Мы вернем его, — заявила Никки, отказываясь обсуждать немыслимое.

— Это же совершенно очевидно, — пробормотал Зедд.

Глава 54

Хотя Кэлен сильно устала от долгого путешествия верхом, вид, что вставал перед ними, преисполнил ее благоговения. За темным морем солдат Имперского Ордена, поперек лилово-серых теней, сгустившихся вдоль широкой долины от края до края, возвышалось огромное плато, подсвеченное золотистыми лучами заходящего солнца.

На этом плоском возвышении стоял дворец размером с город. Высокие внешние стены отсвечивали в тусклом вечернем свете. Белый мрамор, лепнина и каменная отделка огромного множества строений, бесконечного разнообразия размеров, форм и высоты, мерцали в красноватом свечении затухавшего солнца. Крыши, укрывавшие это место от холодных ночей мертвого сезона, как будто собрали все это под свои защитные своды.

Казалось, будто видишь что-то непостижимо прекрасное, тогда как все, что она видела за бесконечные недели пути, — мрачные, угрюмые солдаты, озабоченные лишь поисками кого-нибудь, на ком можно выместить свою порочную натуру.

Этот вид вызывал у Кэлен ощущение, будто сам факт присутствия подобных людей в тени вот такого места, как это, был, по сути, осквернением его. Она чувствовала стыд оттого, что находилась среди этого грубого сброда, собравшегося у подножия этого блистательного творения людей, так гордо возвышающегося перед ними. Один лишь взгляд на это место почему-то побуждал ее сердце трепетать от радости. И хотя она не могла вспомнить, доводилось ли ей видеть это место раньше, у нее было ощущение, что, похоже, доводилось.

Со всех сторон ее окружали рычащие люди, ревущие мулы, фыркающие лошади, скрипящие повозки и звон доспехов и оружия — звуки, издаваемые зверьем, что пришло убивать все доброе и возвышенное. Стоял смрад, зловонное облако, которое всегда следовало вместе с ними, служа напоминанием для всех, как мерзки на самом деле эти мужланы. Как будто кто-либо нуждался в дополнительном свидетельстве.

Кэлен со всех сторон окружали ехавшие верхом особые стражи, вот уже долгие недели не спускавшие с нее бдительных глаз. Теперь их было сорок три. Кэлен вела им точный учет, чтобы иметь возможность наблюдать за каждым из них. Она сделала это своим занятием во время поездки, изучая их лица и их привычки. Она уже знала, какие из них грубы и неповоротливы, какие глупы, какие сообразительны, а какие ловко владеют оружием. Вот так, проводя в седле один бесконечный день за другим, она, как бы для развлечения, изучала их сильные и слабые стороны, прикидывая и проигрывая в уме, как сможет убить их всех до одного.

До сих пор, правда, она не убила никого. Она решила, что ее лучший шанс во время этой долгой поездки остается при ней, независимо от того, делает ли она что-то, подчиняясь приказаниям, выражая недовольство или покоряясь. Все эти люди были предупреждены, что она собственность Джеганя и они не должны и пальцем тронуть ее — кроме как для удержания от побега.

Кэлен хотелось раствориться в однообразии повседневной жизни, чтобы люди, охранявшие ее, начали успокаиваться и думать о ней, как о безвредном, безобидном существе, даже запуганном, с тем чтобы она стала просто еще одной их скучной и утомительной поденной работой. Она имела множество возможностей убить кого-нибудь из этих людей. Но ни разу не воспользовалась таким шансом, независимо от того, как легко это было бы сделать, тем самым позволяя им чувствовать себя спокойно, безопасно и даже скучно подле нее. Подобное пренебрежение опасностью, какую представляла она, в один прекрасный день послужит ей куда лучше, чем бесполезные нападения, которые сейчас все равно не дадут никакого результата. Это не поможет ей сбежать и послужит для Джеганя поводом использовать кольцо на шее — если не собственные руки, —

чтобы доставить ей боль. Хотя он и не нуждался в предлогах для этого, она не хотела предоставлять ему дополнительный.

Единственный, кто не был усыплен и погружен в безразличие и беззаботность, это сам Джегань. Он не обманывался по поводу нее или по поводу ее желаний. Казалось, он наслаждался, наблюдая за ее тактикой, даже за такой малоинтересной тактикой, как полное безделье. Подобно ей, в своем арсенале он имел немалое терпение. Он был единственный, кто не отпускал от себя стражу ни на мгновение. Кэлен понимала, что он всегда точно знает, чем она сейчас занимается.

Она старалась его игнорировать. Если он даже и знает, что она делает, она полагала, что это снижает уровень настороженности, который он мог поддерживать в ситуации, когда ничего не происходит. Ожидание того, что долго не происходит, ослабляет, даже если известно о неизбежности этого. Даже если он точно знал, что она что-то затевает, длящееся неделя за неделей кроткое поведение могло принести ей элемент неожиданности, даже если вызовет всего лишь секундное удивление. Такое мгновение превосходства могло сыграть решающую роль, когда наступит время.

Хотя временами она не могла игнорировать его. Когда он был в дурном настроении и она злила его — обычно лишь одним своим присутствием, а не тем, что делала, — он бил ее до крови. Дважды сестры Тьмы были вынуждены лечить ее, чтобы она не умерла от потери крови. Когда он бывал в одном из своих поистине мерзких настроений, это обычно кончалось намного хуже, чем простое избиение. Джегань был весьма изобретательным человеком, когда дело касалось того, как мучить женщину. И когда он бывал в злобном настроении, то восхищала его не просто боль, а еще и полнейшее унижение. Она уяснила, что он не останавливается до тех пор, пока каким-либо образом не заставит ее в конце концов плакать.

Но плакала она только тогда, когда не могла сдержаться, когда погружалась в пучину такой боли, унижения или отчаяния, что просто не могла удержать слезы. Джегань же наслаждался, наблюдая, как она плачет. Она плакала не потому, что сдавалась или пыталась заставить его прекратить то, что он делал, а только из-за того, что находилась в таком состоянии, что не могла себя сдерживать. А это было именно тем, что ему нравилось видеть.

В другое время он приводил в свой шатер женщин, и при этом Кэлен должна была оставаться на ковре, рядом с кроватью, будто его собака. Обычно он приводил какую-нибудь несчастную женщину-пленницу, которая меньше всех желала этого. Он, казалось, выискивал пленниц, более всего боящихся его внимания, а затем устраивал им жестокий «вводный курс», что значит быть рабом императора и его постели. Когда он засыпал, Кэлен старалась поддержать перепуганную женщину, обещала, что в один прекрасный день все переменится, и успокаивала, как только могла.

Он совершал это потому, что подобное доставляло ему удовольствие, но, по сути, это было лишь дополнительное развлечение. Его настоящей целью было постоянное напоминание Кэлен о том, что случится с ней, когда память вернется к ней.

Кэлен же была настроена на то, чтобы память никогда не возвращалась. Возвращение памяти должно привести к ее падению.

Тот факт, что они достигли места назначения, означал, что теперь появится больше времени для игр джа-ла. Кэлен даже предвкушала, что будут самые настоящие турниры. Она надеялась, что все это отвлечет внимание Джеганя от нее, хоть как-то займет его. Ей придется сопровождать его — ее заставят быть рядом с ним, — но это гораздо лучше, чем оставаться с ним наедине.

Когда они прибыли к императорским шатрам, ее сначала удивило, что лагерь императора и общий лагерь находятся на отдалении от их недоступного противника. Ведь на самом деле можно было проделать еще час или два пути, и они оказались бы возле дворца.

Кэлен не спрашивала, почему они решили задержаться здесь, но вскоре выяснила это, когда офицеры собрались на проводившееся каждый вечер совещание.

— Я хочу, чтобы все сестры этой ночью были на дежурстве, — сказал им Джегань. — Час близок, и нечего говорить, какие злобные и порочные силы враг, находящийся там, наверху, может послать на нас.

Кэлен обратила внимание, что сестры Улисия и Эрминия, находившиеся поблизости, облегченно вздохнули, нечаянно услышав такой приказ. Это означало, что их не отправят раз-

влекать солдат. Обе выглядели постаревшими за эти недели марша на сотни лет, после того как почти каждую ночь им приходилось отправляться в палатки, в качестве наказания за прегрешения против Джеганя.

Обе были скорее красивыми женщинами, но не более того. Обе потеряли свою красоту. Их глаза, с темными мешками, казались скорее пустыми и отчужденными. Небесно-голубые глаза сестры Эрминии постоянно казались испуганными, словно она все еще не могла поверить своей судьбе. Глубокие складки прорезали их лица, придавая им обеим мрачный, изможденный и подавленный вид. Они были грязными, их волосы вечно спутанными, одежда порвана. Зачастую по утрам они появлялись с жуткими синяками.

Кэлен не любила смотреть на чьи-то страдания, но не могла проявить и доли сочувствия к этим двоим. Если бы не они, она не была бы сейчас в когтях этого человека, который дожидается той минуты, когда у нее восстановится память и он сможет приступить со всей серьезностью к причинению ей страданий, что, как он обещал ей, должно стать невыносимой болью, как физической, так и душевной. Он обещал ей, и не раз, что, когда к ней вернется память, он собирается сделать ее беременной, и она родит ему ребенка мужского пола... Он регулярно это утверждал, и всегда очень загадочно добавлял при этом, что когда она обретет память, то со всей отчетливостью поймет, каким чудовищем будет для нее этот ребенок.

С точки зрения Кэлен, чего бы он ни делал с этими двумя женщинами, всего было недостаточно.

Из обрывков их подслушанных разговоров Кэлен сложила почти полную картину их заговора, что они сделали с ней и что собирались сделать со всеми живущими. Уже одно это делало невозможным проявлять по отношению к ним милосердие. Хотя, будь выбор за Кэлен, она просто приговорила бы их к смерти. Кэлен не имела наклонности к пыткам; она была уверена, что они просто не заслужили права продолжать жить. Они лишились права на жизнь тем, что уже сделали с другими, и тем, что собирались сделать, чтобы лишить всех людей их жизней. Но по такой мерке смерти заслуживала вся окружающая их армия.

Джеганю Кэлен желала испытать ту же судьбу, что уготована и сестрам.

— Во всяком случае, их армия разбежалась, — сказал один из старших офицеров Джеганю, как только слуги увели лошадь императора. Другой человек увел кобылу, на которой ехала Кэлен.

У этого офицера отсутствовала половина левого уха. Оно давно было залечено, превратившись в припухлость, ставшую предметом шуток и которую трудно не заметить. Те солдаты, которые не удерживались, чтобы не обратить на это внимания, иногда тоже оставались без уха.

— У них не осталось никаких защитников, — сказал другой офицер.

— Я уверен, что у них есть те, кто обладает даром, — сказал Джегань, — но они не представляют собой препятствие, способное остановить нас.

— Все донесения от разведчиков и шпионов согласны в том, что боковая дорога вверх очень узкая... слишком узкая для ведения массированного штурма. Кроме того, подъемный мост они уже подняли. Тащить строительный материал вверх по такой дороге, а затем обороняться самим, пока попытаемся навести новый мост через это ущелье, будет трудновато.

— Что же касается гигантских ворот, перекрывающих проход к внутренней дороге на плато, они закрыты. Ни у кого и в мыслях нет надежды проломить их. Они тысячелетиями выдерживали любые нападения. Между прочим, в сообщениях тех, кто обладает даром, говорится, что вблизи дворца их собственная сила слабеет.

Джегань лишь улыбнулся.

— У меня есть кое-какие идеи.

Человек с отрубленным ухом склонил голову.

— Да, ваше превосходительство.

Пока Джегань продолжал беседу с офицерами, Кэлен заметила вдалеке небольшую группу всадников, сломя голову мчавшихся к лагерю. Они появились с тыла, с южной стороны. На каждом сторожевом посту эти люди резко осаживали лошадей, быстро переговаривались с часовыми и скакали дальше.

Джегань тоже заметил всадников. Его разговор с офицерами мало-помалу смолк, и вскоре все, вместе с императором, уже наблюдали, как всадники достигли внутренних сторожевых постов и, в клубах пыли, соскочили с лошадей и стали

ожидать у последнего кольца охранения, когда им разрешат пройти в императорский лагерь.

Когда Джегань дал сигнал, этих людей провели к нему. Они, несмотря на усталость, очень спешили.

Шедший впереди был крепким жилистым человеком, старше остальных, с жестким взглядом серых глаз. Он поприветствовал императора, отдав честь.

— Ну, — спросил Джегань, — почему такая спешка?

— Ваше превосходительство, города Древнего мира подверглись нападению.

— В самом деле? — Джегань глубоко и нетерпеливо вздохнул. — Опять все те же мятежники, главным образом из Алтур-Ранг? Разве с ними не покончено?

— Нет, ваше превосходительство, это не мятежники — хотя и те тоже причиняют неприятности; ими руководит кто-то, кого они называют кузнецом. Слишком много мест подверглось нападениям, чтобы считать это делом рук мятежников.

Глаза Джеганя с подозрением уставились на говорившего.

— Какие места подверглись нападениям?

Человек извлек из глубин пыльной одежды свернутый в трубку лист бумаги.

— Вот список мест, о которых нам уже известно.

— Уже известно? — переспросил Джегань, выгибая бровь, пока разворачивал свиток.

— Да, ваше превосходительство. Информация такова, что из нее следует, что по земле катится волна разрушений.

Джегань пробежал глазами по длинному списку перечисляемых мест. Кэлен старалась не показывать, что краем глаза заглянула в свиток. Она заметила две колонки городов и селений. Список насчитывал не менее чем тридцать пять — сорок мест.

— Я не совсем понимаю, когда ты говоришь, что «по земле катится волна», — проревел Джегань. — То, что здесь перечислено, это беспорядочно выбранные места. Они не лежат на одной линии и не находятся в какой-то определенной области Древнего мира. Они разбросаны по всей стране.

Человек откашлялся.

— Да, ваше превосходительство. Так и отмечено в сообщении.

— Должно быть, здесь много преувеличений. — Чтобы подтвердить свою мысль, Джегань ткнул в бумагу толстым пальцем. Серебряные кольца на каждом из его пальцев засверкали в затухающем свете дня. — Вот, например, Така-Мар. Така-Мар был атакован? Не могу поверить, что нападение толпы мятежных дураков на такое место могло оказаться хоть сколько-то эффективным. Там есть воинский гарнизон. Этот город — перевалочный пункт для караванов снабжения. У него хорошая защита. К тому же, за ним присматривают люди из Братства Ордена. Какому-то сброду не позволят даже приблизиться к этому месту. Вероятно, это донесение составлено с большими преувеличениями какими-то истеричными дураками, боящимися собственной тени.

Человек сконфуженно поклонился.

— Ваше превосходительство, Така-Мар — одно из мест, что я видел собственными глазами.

— Ну и? — проревел Джегань. — Что ты там видел? Рассказывай!

— Все дороги, ведущие в город, уставлены кольями с обуглившимися черепами, — начал свой рассказ очевидец.

— Сколько черепов? — Джегань махнул рукой так, будто отвергал его слова. — Десятки? Сотня?

— Ваше превосходительство, так много, что и не счесть. Я перестал считать на нескольких тысячах, но их там было гораздо больше. А самого города больше нет.

— Больше нет? — Джегань в растерянности заморгал. — Что ты имеешь в виду, говоря «больше нет»? Такое просто невозможно.

— Он выжжен дотла, ваше превосходительство. Не осталось ни одного дома. Огонь был таким сильным, что ни одной головешки не осталось. Фруктовые сады, на всем протяжении до самых холмов, вырублены. Поля с созревшими посевами хлебов выжжены на многие мили вокруг. Земля испорчена солью. Там ничего больше не будет расти. Когда-то плодородное место больше никогда не окажет никакой поддержки нам. Похоже на то, будто сам Владетель озлобился на это место.

— Ну так там же были солдаты! Что они делали при этом?

— Черепа на кольях и принадлежали солдатам местного гарнизона. Боюсь, они были там все до последнего.

Джегань бросил взгляд на Кэлен, будто та каким-то образом была причастна к этой катастрофе. Его взгляд подсказывал ей, что он каким-то образом соединял эту тяжелую неприятность именно с ней. Император смял бумагу в кулаке и вновь обратил свое внимание к гонцу.

— А что с Братьями Ордена? Что они говорят о случившемся и почему им не удалось остановить это?

— В городе Така-Мар, ваше превосходительство, пребывало шесть Братьев. Каждый из них был посажен на кол, причем посреди разных ведущих в город дорог. С каждого была содрана кожа, от самой шеи. На голове каждого оставлена шапка, которую надевают при проведении религиозных обрядов, чтобы все могли знать, кто они.

Множеству людей удалось сбежать из города, и они рассказывают, что нападение произошло ночью. Все они были очень напуганы, так что нам не удалось получить много сведений, за исключением того, что напавшие на них люди были солдатами Д'Харианской империи. Все опрошенные уверенно подтверждают это. Каждый из этих людей потерял свой дом.

Нападающие даже не пытались убивать беглецов, если те не оказывали вооруженного сопротивления, но они очень ясно давали понять убегавшим людям, что намерены разорить в Древнем мире всех и каждого, кто поддерживает Имперский Орден.

Те солдаты говорили людям, что именно Орден и его учения навлекли на них эту кару, поскольку хотят уничтожить их и захватить их земли. Солдаты поклялись, что будут преследовать людей Древнего мира даже в их могиле, а затем и в самых дальних уголках преисподней, пока они не отрекутся от учений Ордена и от агрессии, вытекающей из этих учений.

Кэлен осознала, что не перестает улыбаться, только когда Джегань повернулся к ней и ударил ее тыльной стороной руки, достаточно сильно, чтобы сбить ее с ног. Она поняла, что этой ночью он будет избивать ее до крови.

Ее это мало заботило. То, что она сейчас услышала, было гораздо важнее. И потому она не могла убрать свою улыбку.

Глава 55

Никки плотнее завернулась в плащ, опираясь плечом о громадный каменный зубец крепостной стены. Она вглядывалась через бойницу на лежавшую далеко внизу дорогу, продолжая наблюдать за четырьмя всадниками, поднимавшимися от подножия горы к Цитадели. Они все еще были очень далеко, но она убедилась, что правильно догадалась, кто они.

Никки зевнула, оглядывая раскинувшийся внизу город Эйдиндрил и обширные ковры из лесов, раскинувшихся вокруг. Живые и яркие краски осени начинали блекнуть. Глядя на деревья, покрывавшие склоны окружающих гор, и на то, как четко они извещают о смене времен года, Никки ощутила, как все это заставляет ее думать о Ричарде. Он любил деревья. Никки тоже полюбила их, потому что они напоминали ей о нем.

Теперь она воспринимала деревья иначе еще и по другим причинам. Они отмечали поворот времени, смену времен года, изменение пейзажа, что было теперь частью ее собственного мира, из-за их связи со всем тем, что она почерпнула в «Книге Жизни». Все было очень причудливо связано — и то, как действует сила Одена, и то, как эта сила функционирует через свою связь с миром живого. Сам окружающий мир, времена года, звезды, фазы луны — все это было частями уравнения, все составляющие которого вносили свой вклад и управляли силой Одена. Чем больше она изучала эту книгу и чем больше узнавала, тем лучше ощущала пульс времени и жизни, которая окружала их.

Именно благодаря этому она пришла к четкому осознанию, что Ричард заучил наизусть фальшивый ключ.

Она никогда не высказывала этих соображений Зедду. И в данный момент это казалось несущественным. А кроме того,

это было нелегко сделать. Дело не только в том, сколько об этом говорилось в «Книге Жизни», но и как это говорилось. Книга была написана на другом языке, и не просто на древнед'харианском. Хотя формально она написана на этом языке, истинный язык книги был той ее внутренней связью, через которую происходило обращение к самой силе Одена. Формулы, заклинания и необходимые процедуры составляли лишь одну ее сторону.

Самыми разными способами эта книга напоминала ей о том же, что Ричард убедительно говорил о языке символов. Она пришла к пониманию того, что он имел в виду, обнаружив это среди текстов этой книги. Она научилась смотреть на линии и углы в определенных формулах как на особый, вполне определенный язык. Она начала по-настоящему улавливать суть того, что имел в виду Ричард.

«Книга Жизни» несла в себе смысл, заставивший Никки по-новому взглянуть на мир живого — именно таким образом, который очень напоминал ей то, как всегда на этот мир смотрел Ричард: сквозь призму восхищения, удивления и любви, которыми и полна жизнь. Тем самым образом, который являл собой глубокое определение точной природы вещей, оценку вещей по их сущности, а не по тому, как люди представляют себе их.

Отчасти это получалось из-за того, что «Книга Жизни» относилась не к магии Приращения, а к магии Ущерба, подобно тому, как смерть была частью процессов жизни. Она имела дело со всем. По этой причине Никки не могла объяснить это Зедду; он не обладал способностью к использованию магии Ущерба. А без этой способности отсутствовала и составная часть того, что необходимо для понимания «Книги Жизни». Она могла объяснить формулы, расписать порядок процедур, представить ему заклинания, но большую часть этого он мог лишь созерцать сквозь фильтр своих ограниченных способностей. Хотя он мог понять умом кое-что из этого, он фактически не мог осмыслить ее содержимое.

Это было примерно как слушать о любви, понимать глубину подобных чувств, улавливать ее воздействие на людей, но фактически никогда не иметь подобного опыта лично. А без опыта это было лишь академическое, «чистое» знание.

До тех пор, пока вы не почувствуете магию, вам не познать ее.

Именно из-за того самого ощущения, которым прониклась Никки, она пришла к пониманию, что Ричард запомнил фальшивый ключ. Она еще раньше была права в том, что если тот, кто приводит в действие шкатулки, допускает ошибку при использовании ключа, шкатулки будут уничтожены вместе с тем, кто пытается открыть их. Но за этим крылось нечто большее, чем столь простое утверждение. Существовала целая сложная природа процессов, включавшихся при использовании шкатулок, которые иллюстрировали эту концепцию, представленную словами лишь в столь сжатом и упрощенном виде.

Через механизмы взаимодействия, изложенные в этой книге, она смогла примерно понять, как функционирует эта сила. Разобравшись с этим функционированием на глубинном уровне, она смогла понять, каким образом магия, если вызвана к действию, требует и использует ключ для завершения процесса. А ухватив суть этого процесса, она смогла понять, каким образом, если ключ использован неправильно, шкатулки сами оказывались неизбежно уничтоженными вместе с тем, кто допустил фатальную ошибку. Магия просто не позволила бы, чтобы подобное нарушение прошло без такого завершения.

Это примерно как, подбросив камень вверх и без всякого постороннего воздействия, ожидать, что он поплывет по воздуху, вместо того чтобы свалиться на землю. Так просто не бывает. Точно так же магия Одена имеет свои специфические законы. И то, как она действует, используя те силы, что ей соответствуют, должно привести к разрушению шкатулок, если ключ использован неверно. Камень должен упасть.

Воспроизводя по памяти то, что он считал подлинной «Книгой сочтенных теней», Ричард исказил текст, чтобы обмануть Даркена Рала, вынуждая его открыть «неверную» шкатулку. Но это была всего лишь «неверная» шкатулка согласно той умело созданной подделке, которая лишь казалась имеющей смысл по отношению к «Книге Жизни». На самом деле та книга была лишь очень изощренно выполненным фальшивым ключом. Будь она настоящей и будь использована вот таким неверным способом, шкатулки больше не существовали бы.

Фальшивый ключ, искусная подделка, просто не мог привести силу Одена в действие, чтобы разрушить шкатулки. Но настоящий ключ, использованный таким образом, как его использовал Ричард, заставил бы внутреннюю структуру заклинания уничтожить самое себя, забирая с собой и шкатулки.

Шкатулки Одена, в конце концов, были созданы с целью, противоположной магии Огненной Цепи. Неправильное использование ключа означает, что кто-то без надлежащего намерения и знания пытается добиться доступа к силе Одена, в сущности, пытаясь подменить цель, ради которой была создана эта сила. «Книга Жизни» вполне ясно указывает, что в самой структуре магических заготовок заложено — в качестве гарантии, на тот случай, если не все сделано правильно, а именно, завершено с помощью ключа, использованного тем самым, описанным выше образом, — что формулы и заклинания должны ликвидировать сами себя, и произойти это, в общем, должно совсем не тем способом, которым Ричард, чтобы спасти Никки, отключил контролирующую сеть, заставляя ее распасться.

Что означало, что Ричард запомнил фальшивый ключ.

— И что там? — донесся голос Зедда.

Никки оглянулась через плечо и увидела старого волшебника, уверенно шагающего по широкому крепостному валу. Она понимала, что лучше пока отложить в сторону все то, о чем она только что думала. Говорить сейчас с Зеддом о фальшивом ключе — по сути, вовлекать его в спор. А спорить с Зеддом сейчас бесполезно.

Ричард — единственный, кому действительно следует знать, что ключ, которым он обладал, был фальшивым.

— Четверо всадников, — сказала ему Никки.

Зедд остановился у стены. Он вгляделся вниз, на дорогу, и что-то проворчал, показывая, что увидел их.

— Мне кажется, двое похожи на Тома и Фридриха, — сказала Кара. — Должно быть, они обнаружили кого-то, кто пытался незаметно пробраться к нам.

— Я так не думаю, — сказала Никки. — Те, кто с ними, мало похожи на пленников. Могу даже разглядеть блеск стали. Этот человек имеет при себе полное вооружение. А Том разоружит любого, если посчитает это угрозой. Между прочим, второй выглядит как девочка.

— Рэчел? — спросил Зедд, хмурясь и наклоняясь еще дальше вперед, в попытке разглядеть что-то между деревьев, далеко внизу, на дороге. Пройдет не так уж много дней, и эти золотисто-коричневые листья опадут. — Ты действительно думаешь, что это может быть она?

— Это лишь мое предположение, — сказала Никки.

Он повернулся и критически оглядел ее.

— Ты ужасно выглядишь.

— Благодарю, — сказала она. — Это как раз то, что женщине приятно услышать от джентльмена.

Собственные грубые манеры вызывали раздражение и у самого Зедда.

— Когда ты последний раз спала?

Никки снова зевнула.

— Не знаю. Наверное, летом, когда вернулась из Народного Дворца с этой книгой.

Он состроил гримасу на ее слабую попытку обратить разговор в шутку. Она и сама не знала, почему пыталась постоянно шутить с ним. Зедд же мог рассмешить одним лишь своим ворчанием. Но когда она говорила что-либо, что на ее взгляд было смешным и забавным, люди обычно пристально смотрели на нее, как обычно это делала Кара.

— Какие успехи? — спросил он.

Никки знала, что он имеет в виду. Она отбросила волосы с лица, придерживая их сзади от порывов ветра.

— Мне нужна твоя помощь со звездными картами и угловыми вычислениями. Это ускорит кое-что, если мне не придется вникать в это самой. А я смогу продолжать переводить и разбираться с другими трудностями.

Зедд осторожно опустил руку ей на спину и ласково провел, стараясь успокоить своим теплым отношением.

— При одном условии.

— И каком же? — спросила она, снова зевая.

— Тебе следует немного поспать.

Никки улыбнулась и кивнула.

— Хорошо, Зедд. — Затем сделала движение, указав направление подбородком. — Но сначала, думаю, нам лучше спуститься и взглянуть, что у нас за гости.

* * *

Они как раз выходили через большие двери во внутренний двор Цитадели, к загону для лошадей, когда всадники выезжали из-под арки в стене.

Том и Фридрих сопровождали Чейза и Рэчел. У Рэчел коротко остриженные, по сравнению с тем, какими были раньше, волосы, а Чейз выглядел на удивление очень хорошо для человека, получившего удар Мечом Истины.

— Чейз! — воскликнул Зедд. — Ты жив!

— Ну, думаю, трудновато было бы править лошадью, будь я мертвым.

Кара хихикнула. Никки взглянула на нее, удивляясь, откуда появилась эта неожиданная способность воспринимать юмор.

— Вот, обнаружил, что они возвращаются, — сказал Том. — Первые люди, которых мы встретили здесь за долгие месяцы.

— Как хорошо, что Рэчел вернулась, — сказал Фридрих. Он, более старший, с усмешкой разглядывал девочку, показывая, как много на самом деле хотел сказать ей.

Зедд подхватил Рэчел, когда она соскользнула с седла, а Кара тем временем взяла поводья.

— Ну и ну, да ты, оказывается, тяжелая, — сказал Зедд.

— Чейз меня спас, — сказала Рэчел. — Он был таким отважным. Видел бы ты его! Он убил сотню человек, и все сам.

— Сотню! Вот это да, вот это достижение.

— Одного ты ударила по ноге, подставив мне, — сказал Чейз, спрыгивая с седла. — Иначе их было бы только девяносто девять.

Рэчел дернула ногами, намереваясь спуститься на землю.

— Зедд, я привезла кое-что очень важное.

Едва оказавшись на земле, она тут же начала отвязывать висевшую позади седла кожаную сумку. Затем донесла ее до гранитных ступеней и поставила, и сразу же начала распускать стягивающую ее тесьму.

Когда она откинула кожаный чехол, то свет этого бодрящего дня поздней осени как будто померк. Никки ощутила это так, словно вновь заглянула в чернильную темноту глаз Джеганя.

— Рэчел, — сказал Зедд, не в силах скрыть удивление, — где ты раздобыла это?

— Тот человек, Самюэль, что был с мечом Ричарда, принес это с собой. Он напал на Чейза и забрал меня с собой. Затем передал все ведьме по имени Сикс и Виолетте, королеве Тамаранга, хотя я не думаю, что она все еще королева. Ты вряд ли представишь, насколько зловредная эта Сикс.

— Думаю, могу вообразить, — сказал ей Зедд.

С некоторым трудом следя за ее сбивчивым рассказом, он приподнял кожаную сумку, чтобы было удобнее заглянуть внутрь.

Уставившись на одну из шкатулок Одена, лежащую на ступенях прямо перед нею, Никки почувствовала, будто сердце колотится у нее в самом горле. После затянувшегося на многие недели изучения книги, непосредственно связанной с этими шкатулками, увидеть одну из них прямо перед собой было потрясением. Теория — одно, но реально увидеть этот предмет — совершенно другое.

— Не могла же я позволить, чтобы это оставалось у них, — сказала Рэчел Зедду. — Так что, как только появилась возможность сбежать, я выкрала это и забрала с собой.

Зедд ерошил ее остриженные светлые волосы.

— Ты сделала все правильно, малышка. Я всегда знал, что ты у нас особенная.

Рэчел обхватила волшебника за шею.

— Сикс заставляла Виолетту рисовать портреты Ричарда. Мне было страшно смотреть на то, что они делали.

— В пещере? — спросил Зедд. Когда Рэчел кивнула, он поднял глаза, обращая их к Никки. — Это многое объясняет.

Никки приблизилась на шаг.

— Ричард был там? Ты видела его?

Рэчел покачала головой.

— Нет. Сикс отсутствовала один день. Затем наконец вернулась и сказала Виолетте, что привела его, но его захватил Имперский Орден.

— Имперский Орден... — произнес Зедд

Никки пыталась представить, что хуже: Ричард в когтях у ведьмы или в плену у Имперского Ордена.

Она решила, что, пожалуй, хуже, что Ричард, лишенный своего дара и своего меча, оказался в руках Ордена.

Глава 56

Кэлен плотнее закуталась в плащ, продолжая идти рядом с императором, как его постоянный и покорный компаньон. Разумеется, это происходило не по выбору, не по соглашению, а только по принуждению — как прямому, так и в виде угрозы. Ночью она спала на ковре около его постели, в качестве постоянного напоминания о том, где должна закончить свой путь. В течение же дня всегда оставалась рядом с ним, как собака на поводке. Хотя поводок ее состоял из металлического кольца, с помощью которого хозяин в любую минуту мог заставить ее подчиниться.

Она не могла даже вообразить, что могло вызывать такую ненависть к ней, что могло быть причиной того жгучего желания наказывать ее за те грехи, которые он видел у всех своих врагов. Но что бы она ни совершила, чтобы заработать такую ненависть, он вполне этого заслуживал.

Когда порыв холодного ветра пронесся по лагерю, Кэлен спрятала от него лицо капюшоном плаща. Люди отворачивали лица от песка и пыли, которыми швырялся ветер. Осень стремительно заканчивалась, вот-вот наступит зима. Кэлен не думала, что это будет приятное время — на открытой равнине перед высоким плато, на котором раскинулся Народный Дворец, — но она знала также и то, что, вцепившись зубами в эту кость, Джегань ни за что не выпустит ее. Он был в высшей степени настойчивым и упрямым.

Предположительно где-то там, внутри этого плато, спрятана еще одна копия «Книги сочтенных теней», и Джегань намеревался заполучить ее.

На границе равнин Азрита поднималось земляное сооружение. Строительство его продолжалось всю осень и, она не

сомневалась, будет продолжаться и зимой, всю зиму, если понадобится, пока не окажется завершено. Если, разумеется, земля под ними не замерзнет слишком сильно. Кэлен подозревала, что у Джеганя был план и на случай, если это произойдет — вероятно, если понадобится, костры будут поддерживать землю в мягком состоянии. Она также подозревала, что если земля останется сухой, ее все равно можно будет копать, даже если она и подмерзнет.

Пробиться на плато через огромные внутренние ворота было невозможно, а боковая дорога вверх оказалась бесполезной для проведения штурма столь огромными массами людей.

У Джеганя нашлось решение для столь затруднительной ситуации.

Он начал сооружать широкую дорогу вверх, которая позволит его армии промаршировать прямо к стенам дворца, на вершину плато. Своих офицеров он убедил, что когда они доберутся до стен, то смогут пробить их осадными машинами. Но сначала до них необходимо добраться.

Чтобы добиться этой цели, на границе огромного лагеря, непосредственно возле плато, армия насыпáла холм для дальнейшей постройки дороги. Размеры этого холма были ошеломляющие. Большая ширина требовалась им по двум причинам, и обе были в равной мере важными. Им требовалась дорога достаточной ширины, чтобы поддержать массовый штурм, такой, чтобы защитники не смогли его отразить. И важным было то, что плато возвышалось над равнинами Азрита. Чтобы холм мог подняться на нужную высоту, его основание должно быть монументальным, чтобы все в целом не обвалилось. В сущности, им предстояло возвести небольшую гору напротив этого плато, чтобы добраться до его верха. Действительно, колоссальное упорство.

Расстояние до цели от того места, с которого они начинали, обескураживало. Для достижения необходимой высоты требовалась огромная протяженность этой дороги, по которой в конечном счете к стенам Народного Дворца пройдут люди и техника.

Поначалу это казалось безумной затеей, невозможным проектом, но то, что он может быть реализован при участии

миллионов людей, у которых нет иного выбора, и настаивающего на этом императора, которого почти не заботит их жизнь и судьба, не вызывало ни малейшего сомнения. Теперь непрерывно, при свете дня, а иногда и при свете факелов, длинные извивающиеся колонны людей то несли емкости с землей и камнями к месту начинавшей подниматься дороги, то выкапывали эти материалы. Другие простыми тяжелыми трамбовками прессовали свеженаваленные кучи земли.

Почти все люди в лагере были задействованы в этом предприятии. И хотя задача стояла обескураживающая, результат достигался за счет постоянного участия огромного количества людей. Холм неумолимо продолжал расти. Разумеется, чем выше он становился, тем медленнее рос, потому что требовалось больше и больше материалов.

Кэлен находила вполне уместным, что такие люди собирались атаковать столь величественное сооружение из мрамора с помощью земли. Это вполне соответствовало философии Ордена: рыть землю, чтобы уничтожить прекраснейшее творение.

Кэлен не представляла, как долго еще до завершения подобного проекта, но Джегань не намеревался отказываться от своего плана, пока не добьется успеха. «Победа уже видна», — часто напоминал он своим офицерам — и требовал полной преданности и жертвенности от всех ради этой священной цели. Он был неумолим в стремлении свергнуть этот последний бастион свободы.

Стоя на краю императорского лагеря, откуда они осматривали растущее сооружение, Кэлен заметила направившегося в их сторону верхового гонца. Глянув на юг, она разглядела и далеко растянувшийся пыльный шлейф, поднимающийся от приближавшегося каравана, доставляющего припасы. Она заметила их несколько часов назад, теперь он стал заметно ближе, и передовые повозки уже начинали въезжать в лагерь.

Джегань испытал облегчение, увидев, что караван наконец-то прибыл. Армия, да еще такая огромная, постоянно нуждается во множестве вещей, но главным образом в продовольствии. На равнинах Азрита армии негде добывать пищу: здесь нет ферм, нет полей, нет стадных животных, нет

домашнего скота. Поэтому требовалось постоянное снабжение из Древнего мира, чтобы сохранять жизнеспособность армии и продолжать строить уходящую в небо дорогу для императора.

Соскочив с лошади, гонец подошел ближе и теперь терпеливо ждал. Наконец Джегань дал знак нескольким офицерам приблизиться вместе с этим только что прибывшим человеком.

Тот поклонился.

— Ваше превосходство, я доставил припасы, которые послали сюда с нашей родины добропорядочные люди. Многие из них шли на жертвы, чтобы быть уверенными, что наши доблестные войска имеют все необходимое для разгрома врага.

— Мы применим с пользой все, что прислали эти добрые люди. Наши солдаты много и напряженно работают, и мне необходимо поддерживать их силы.

— Наш караван привез еще и несколько команд Джа-Ла Д'Йин, которые горят желанием участвовать в турнирах, в надежде получить возможность однажды встретиться с прославленной командой вашего превосходительства.

— И что это за команды? — рассеянно спросил Джегань, продолжая просматривать декларацию доставленного груза, переданную ему гонцом.

— Большую часть команд составляют солдаты из различных частей нашей армии. Одна команда принадлежит командиру нашего каравана. В дополнение к своим людям он набрал еще и людей из Нового мира во время нашего продвижения на север. Он надеется, что с такими людьми из Нового мира, какие собраны в его команде, он может устроить отличное зрелище для развлечения вашего превосходительства.

Джегань кивнул, продолжая читать список.

— Это позволяет невежественным варварам лучше усвоить наш образ жизни. Джа-Ла Д'Йин — хороший способ приобщить других людей к нашей культуре и к нашим обычаям. Она отвлекает простые умы от того пустого, бездарного существования, которое нам приходится терпеть в этой бессмысленной жизни.

Человек поклонился.

— Да, ваше превосходительство.

Наконец Джегань закончил чтение и поднял глаза.

— До меня доходили слухи. Эта команда из пленников — действительно такая хорошая, как я слышал?

— Похоже, достаточно сильная, ваше превосходительство. Нанесла поражение командам, о которых никто и не думал, что их можно победить. Сначала все решили, что простая удача. Но сейчас уже никто так не считает. У них есть нападающий, про которого говорят, что он лучший из всех, кого только видели.

Джегань скептически хмыкнул.

— Самый лучший — в моей команде.

Человек поклонился, будто принося извинения.

— Да, ваше превосходительство. Разумеется, вы правы.

— Какие вести ты привез с нашей родины?

Человек колебался.

— Ваше превосходительство, боюсь, что вынужден сообщить несколько тревожных новостей. Как только следующий караван, который должен двигаться вслед за нами, был собран в путь, он, еще в Древнем мире, подвергся нападению и оказался уничтожен. Все рекруты, которые должны были прибыть с этим караваном на север, чтобы усилить нашу армию... ну, боюсь, ваше превосходительство, что они все убиты. Их головы были насажены на колья вдоль дороги. Цепь этих кольев протянулась от одного города до следующего... а оба города были сожжены дотла. Также было выжжено несколько городов, вместе с окружавшими их лесами и возделанными полями. Огонь был очень сильным, и когда ветер дул в нашу сторону, мы могли ощущать запах дыма, даже находясь далеко на севере. Очень трудно понять точно, что происходит, за исключением того, что все нападавшие, как надежно подтверждают сообщения, были солдатами Нового мира.

Джегань взглянул на Кэлен. Она подозревала, что он хотел увидеть, не улыбается ли она, как в прошлый раз. Ей не было необходимости улыбаться. Она сумела сохранить каменное лицо и радовалась внутри. Она ощущала, как радуются там, далеко, все те неизвестные люди, которые на-

чали досаждать Джеганю тем, что наносят ему подобный вред.

Почти так же плохо, как и сам причиненный вред, было то, что по лагерю поползли слухи. Нападение на родные места выбивало из колеи людей, привыкших считать, что Древний мир не только недоступен для подобного нападения, но еще и непобедим. По мере того, как слухи распространялись, они влияли на людей все сильнее. Джегань уже казнил нескольких человек за их распространение. Поскольку Кэлен мало общалась с людьми — большинство просто не видело ее, — она не знала, ослабли ли эти слухи после казней, но, так или иначе, сомневалась в этом. Если одни лишь слухи о подобном выбивали из колеи и расстраивали солдат, можно вообразить, какой страх должен охватывать тех, кто находится в Древнем мире. В то время как армия где-то очень далеко занималась завоеваниями, люди, находившиеся в тылу, были совершенно беззащитны.

— В сообщениях отмечается, ваше превосходительство, что эти мародеры уничтожают на своем пути все. Жгут посевы, убивают домашний скот, разрушают мельницы и плотины, превращают в развалины любые ремесленные цеха, производящие продукцию для наших благородных усилий по распространению владычества Ордена.

Особенно тяжело достается тем, кто проявляет заботу о наших людях, донося до них идеи и жизненные цели Ордена. Тем, кто внушает им необходимость идти на жертвы ради наших общих стремлений, чтобы сокрушить варваров на севере.

Джегань оставался внешне спокойным, но Кэлен, как и наблюдавшие за ним офицеры, знала, что внутри он кипит от ярости.

— Есть какие-нибудь соображения о том, кто уничтожает наших просветителей, наших лидеров? Это что, какой-то особый отряд наших врагов?

Человек поклонился, очередной раз принося извинения.

— Ваше превосходительство, мне очень больно сообщать, но все наши просветители и Братья, те, кто старался учить путям Создателя и Ордена... ну, труп каждого из них был лишен правого уха.

Лицо Джеганя покраснело от ярости. Кэлен даже заметила, как напряглись мышцы на челюсти и на висках, когда он стиснул зубы.

— Не кажется ли вам, — спросил один из офицеров, — ваше превосходительство, что это могли быть те же самые люди, что досаждали нам на пути в Срединные земли?

— Разумеется, это так! — проревел Джегань. — Я хочу, чтобы с этим что-то сделали, — сказал он приказным тоном. — Вы понимаете?

— Да, ваше превосходительство, — ответили они в один голос, склоняя головы и продолжая держать их так.

— Я хочу избавиться от этой столь досадной неприятности. Нам нужно, чтобы снабжающие нас караваны прибывали сюда регулярно. Мы близки к тому, чтобы завершить эту войну великой победой. И я не позволю, чтобы наши усилия пропали даром. Поймите это!

— Да, ваше превосходительство, — снова, все вместе, сказали они. Склоняясь еще ниже.

— Тогда отправляйтесь и займитесь этим... займитесь все!

Как только все удалились выполнять полученные приказы, Джегань решил проехаться за пределы своего лагеря. Кэлен ощутила вспышку боли от кольца на шее, понуждавшую ее держаться рядом с ним. Как обычно, люди с оружием из его окружения тут же присоединились к нему, играя роль и королевского эскорта, и охраны.

Глава 57

Ричард обозревал сквозь толстые прутья, которыми было зарешечено небольшое окошко с его стороны железной клетки, широко раскинувшийся лагерь, через который, подпрыгивая на ходу, катилась повозка.

— Рубен, только взгляни на это, — сказал Джон-Камень. Вцепившись руками в железные прутья, он улыбался, словно человек на экскурсии, всему, что только видел.

Ричард оглядел своего компаньона по клетке.

— Неплохое зрелище, — согласился он.

— Думаешь, здесь найдется кто-то, кто побьет нас?

— Предполагаю, рано или поздно мы это узнаем, — сказал Ричард.

— Скажу тебе, Рубен, что мне очень хотелось бы разбить несколько голов из императорской команды. — Он бросил на Ричарда косой взгляд. — Думаешь, если мы победим императорскую команду, они отпустят нас домой?

— Ты это серьезно?

Человек обиженно рассмеялся.

— Всего лишь шутка, Рубен.

— Плохая шутка, — сказал Ричард.

— Согласен, — со вздохом сказал Джон-Камень. — До сих пор все уверяли, что императорская команда самая лучшая. Мне не хотелось бы очередной раз испробовать эту плеть.

— И для меня хватило одного раза.

Они делили вдвоем эту клетку с тех самых пор, как Ричарда схватили в Тамаранге. Джон-Камень к этому времени уже был пленным. Его схватили раньше Ричарда. Это был

человек огромного роста, мельник из южной окраины Срединных земель. Как раз перед тем, как этот караван прошел через его маленькую деревню, там появились солдаты передового патруля, которые и решили, что, благодаря своему росту, Джон-Камень может стать хорошим дополнением к их команде.

Ричард не знал настоящего имени Джона-Камня. Всем он рассказывал, что его прозвали Джон-Камень из-за роста и мощных и твердых мускулов, ставших такими, пока он таскал мешки с зерном. Ричарда он знал под именем Рубен Рыбник. И хотя Джон-Камень был его приятелем по заточению, Ричард полагал, что не стоит выдавать кому-то свое настоящее имя.

Джон-Камень рассказал Ричарду, что сломал руки трем из тех солдат, что пытались схватить его, прежде чем его скрутили. Ричард же лишь сказал, что на него направили стрелы, и поэтому он был вынужден сдаться. Джон-Камень, казалось, был слегка озадачен, потому что, на его взгляд, Ричарду просто не хватило храбрости.

Несмотря на скорее глупую, кривую улыбку, частенько не сходившую с его лица, и невзирая на прочие обстоятельства, Джон-Камень был очень сообразителен и имел аналитический склад ума. Ричард ему понравился именно тем, что был единственным, кто не считал его глупым и не относился к нему снисходительно. Джон-Камень был кем угодно, но только не дураком.

В конечном счете он пришел к выводу, что ошибался насчет того, что Ричарду не хватает смелости, и напросился быть его правым ведомым при игре в джа-ла. Это была скорее неблагодарная роль в игре, подвергающая игрока постоянным нападениям и ударам со стороны противника. Джон-Камень видел ценность этой позиции в том, что она позволяет ему разбивать головы людей Ордена — что он делал с удовольствием. При своих крупных габаритах Джон-Камень оказался еще и проворным. Такая комбинация делала его отличным напарником Ричарда в этой игре. Ему нравилось быть рядом с Ричардом во время игр, потому что при этом он мог видеть, как Ричард изливает свою ярость на игровом поле, да таким образом, каким команда противника не могла и

ожидать. Вместе они стали грозной парой на поле. И хотя вслух это никогда не произносилось, оба знали, что каждый из них дорожил этой достойной возможностью реализовать хотя бы маленькую частицу мести, направляя ее на тех, кто захватил их в плен.

Лагерь, тянувшийся за решеткой из железных прутьев, казался бесконечным. Ричарду было тяжело видеть, где они находятся — на границе равнин Азрита, поблизости от Народного Дворца. Он больше не хотел смотреть на это и уселся в глубине, прислонившись спиной к другой стене клетки, положив руку на колено, в то время как повозка, раскачиваясь и дергаясь, тащилась через эту бесконечную орду.

У него было спокойно на душе, что основные силы д'хариан давным-давно ушли, иначе сейчас они были бы превращены в ничто. Вместо этого у армии будет время, чтобы проделать то же самое со Древним миром, превращая его в ничто. Возможно, они уже начали превращать его в пустыню.

Ричард надеялся, что они следуют его плану — быстрые и яростные атаки, обособленные отряды и удары произвольно по всему Древнему миру, после которых не оставалось ничего. Он хотел, чтобы никто в Древнем мире не чувствовал себя в безопасности. Требовалось, чтобы все они ощутили последствия тех действий, что вытекали из их верований.

Все люди этого лагеря наблюдали за караваном повозок, пробирающимся через него. Караван встречали с радостью, вероятно из-за того, что он доставил продукты. Ричард предвкушал, что скоро эти воины начнут ощущать последствия на себе. Зная, какие он отдал распоряжения, это, скорее всего, один из последних караванов, покинувших Древний мир. Без припасов, на безжизненном пространстве, в условиях надвигающейся зимы армия Джеганя, неожиданно для нее самой, обнаружит, что наступили тяжелые времена.

Почти все люди, близ которых они проезжали, пристально вглядывались в клетку Ричарда, пытаясь хоть мельком увидеть его. Он ожидал, что слухи уже ползли по всему лагерю, и о нем, и обо всей команде. Он уже усвоил, что, когда они, во время этого путешествия, останавливались в военных лагерях, чтобы сразиться с местными командами, слава опережала их. Эти люди были фанатами жестокой игры и ждали турниров, и

прибытие команды Ричарда — или «команды Рубена», как ее попросту называли, — вызывало повышенный интерес. Команда на самом деле принадлежала тому командиру, с лицом рептилии. А других развлечений для солдат почти и не было — не считая пленных женщин; Ричард старался не думать о них, потому что от этого становился только злее, а в этой клетке его злости не было выхода.

Однажды, после особенно жестокой игры, которую им удалось очень ловко выиграть, Джон-Камень заметил, что не понимает, почему Ричард смог позволить захватить себя в плен. Тогда наконец-то Ричард рассказал ему всю правду о том, как это было. Поначалу Джон-Камень не поверил. Ричард посоветовал, чтобы он как-нибудь расспросил об этом «змеиное лицо». Тот так и сделал. И узнал, что Ричард говорил правду. Джон-Камень выше всего ценил свободу и считал, что за нее стоит бороться. Именно после того случая Джон-Камень и напросился быть игровым напарником Ричарда.

Когда-то Ричард давал выход своей ярости через Меч Истины, и теперь он делал это через мяч и игру джа-ла. Поэтому все игроки его команды, любившие Ричарда, как своего лидера, в то же время и боялись его. Джон-Камень был единственным исключением. Он не боялся Ричарда. Он разделял ту манеру игры, которой придерживался Ричард — как будто в игре каждое мгновение решалось: или жизнь, или смерть.

Для некоторых из их противников, из числа войск Имперского Ордена, кто был очень высокого мнения о себе, так оно и оказывалось. Для игроков, особенно противников команды Ричарда, не считалось чем-то необычным получать тяжелые увечья или даже расставаться с жизнью во время игры. Один из людей в команде Ричарда умер прямо на поле: тяжелый мяч попал ему в голову, когда он чуть отвлекся, и сломал шею.

Ричард помнил, как, прогуливаясь с Кэлен по улицам Эйдиндрила, наблюдал, как дети играли в джа-ла. Он выдавал им официальные мячи, если они соглашались поменять свои тяжелые броки на более легкие, которые Ричард был готов им предоставить. Он не хотел, чтобы они покалечили друг друга просто так, занимаясь этой игрой. Теперь все эти дети уже покинули Эйдиндрил.

— Похоже, мы попали в плохое для нас место, Рубен, — тихим голосом сказал Джон-Камень, продолжая наблюдать, как лагерь, словно на волнах, проплывает мимо маленького окна. И тон его был непривычно мрачным. — Очень плохое место для таких рабов, как мы.

— Если ты считаешь, что ты раб, тогда ты раб, — сказал ему в ответ Ричард.

Джон-Камень, обернувшись, долгое время пристально смотрел на Ричарда.

— Тогда я тоже не раб, Рубен.

Ричард кивнул.

— Тем лучше для тебя.

Джон-Камень вернулся к созерцанию бескрайнего лагеря, простирающегося перед ним. Возможно, он никогда не видел ничего подобного. Ричард вспомнил и собственное удивление, когда впервые покинул леса Хартленда и открыл для себя, что же находилось за их пределами.

— Советую тебе тоже посмотреть, — тихим голосом сказал Джон-Камень, пристально вглядываясь через решетку.

Ричард не испытывал желания глазеть на эту армию.

— Что там?

— Много людей... солдат... но не таких, как везде. Эти все выглядят одинаково. У них гораздо лучше оружие, они хорошо организованы. Все крупнее. И у них очень жестокий вид. Каждый уступает им дорогу.

Джон-Камень обернулся через плечо, глядя на Ричарда.

— Могу поспорить, это сам император пришел взглянуть, пока мы проплываем мимо, — пришел посмотреть, что за соперники его команды заявились на турниры. По тем описаниям, что я слышал, могу спорить, что тот малый, охраняемый всей этой стражей в кольчугах, и есть сам Джегань.

Ричард вернулся к маленькому оконцу, чтобы взглянуть. Он вцепился в железные прутья, приближая к ним лицо, чтобы лучше видеть, пока они проезжали достаточно близко мимо охраны и их подопечного.

— Ты прав, похоже, это и в самом деле сам император Джегань.

Император смотрел в другую сторону, разглядывая одну из других команд, составленных из солдат Имперского Орде-

на. И они, разумеется, не были заперты в железных клетках на повозках. Джегань наблюдал, как они гордо шли стройными рядами, высоко держа флаги своей команды.

И тут он увидел ее.

— Кэлен!

Она повернулась на его голос, не понимая, откуда он исходит. Ричард вцепился в железные прутья изо всех сил, едва не сгибая их. И хотя она была совсем недалеко, он осознал, что, вероятно, она просто не услышала его сквозь весь этот шум. Люди вокруг аплодировали и кричали, приветствуя прибывшие команды.

Ее длинные волосы рассыпались по плащу. Ричард испугался, что его сердце вот-вот взорвется — так оно колотилось в его груди.

— Кэлен!

Она повернулась еще больше, теперь прямо к нему.

Их взгляды встретились. Он пристально смотрел прямо в ее зеленые глаза.

Когда Джегань начал поворачиваться, она тут же отвернулась и стала глядеть строго туда же, куда и император. Он тоже, как и она, отвернулся.

А затем она исчезла, скрытая за людьми, повозками, лошадьми и палатками. Растворилась вдали.

Ричард привалился спиной к стене, задыхаясь. Джон-Камень присел рядом с ним.

— Рубен... что-то не так? У тебя вид, будто ты увидел призрака, бродившего среди всех этих людей.

Ричард только смотрел, широко открыв глаза, и продолжал тяжело и часто дышать.

— Да. Это была моя жена.

Джон-Камень позволил себе самоуверенный смех.

— Хочешь сказать, что видел женщину, которую желаешь заполучить, когда мы победим? Командир говорил, что если мы разобьем императорскую команду, то сможем заполучить одну. Так ты видел ту, которую хочешь?

— Это была она...

— Рубен, ты похож на человека, который только что влюбился.

Ричард осознал, что с его лица не сходит идиотская улыбка.

— Это была она. Она жива. И выглядит точно так же. Добрые духи, это Кэлен. Это была она.

— Думаю, тебе бы лучше последить за дыханием, Рубен, лучше замедлить его, если ты не собрался умереть до того, как мы получим возможность разбить еще несколько голов.

— Мы будем играть с императорской командой, Джон-Камень.

— Чтобы получить такой шанс, нужно выиграть еще множество игр.

Ричард едва слышал его. Он ликующе смеялся, не в силах сдержать себя.

— Это была она. Она жива. — Ричард раскинул руки и крепко обнял Джона-Камня. — Она жива!

— Как скажешь, Рубен.

Кэлен тщательно контролировала свое дыхание, стараясь унять мчавшееся галопом сердце. Она не понимала, почему так потрясена. Она не знала того человека, в клетке. Ей довелось лишь на короткое время увидеть его лицо, пока повозка катилась мимо, но это почему-то потрясло ее до глубины души.

Когда тот человек второй раз выкрикнул ее имя, Джегань повел себя так, будто ему показалось, что он что-то услышал. Кэлен повернулась в другую сторону, чтобы он не мог ничего заподозрить. Она так и не поняла, почему это показалось ей до отчаяния важным.

Но нет, неправда. Она знала, почему. Тот человек сидел в клетке. Если он знал ее, Джегань мог навредить ему и даже убить.

Впрочем, было в этом и нечто большее. Этот человек знал ее. Должно быть, он как-то связан с ее прошлым. С прошлым, которое она хотела забыть.

Но когда она заглянула в его серые глаза, за одно биение сердца все переменилось. Ее оцепенелое неприятие прошлого покачнулось. Она больше не хотела, чтобы ее прошлое было погребено. Внезапно ей захотелось узнать все.

Выражение глаз этого человека было настолько удивительно мощным — настолько заполнено чем-то исключитель-

но важным, жизненно важным, — что довело до ее сознания мысль, какой важной на самом деле была ее жизнь.

Под взглядом его серых глаз Кэлен вдруг осознала, что ей просто необходимо знать, кем она была. И какие ни будут последствия, какой ни окажется цена, она должна узнать правду. Она должна вернуть себе свою жизнь. Правда — вот единственный путь.

Угрозы Джеганя о том, что он сделает с ней, могут иметь очень реальные последствия, но она внезапно поняла, что реальная опасность заключалась в том, что на нее подействовали его запугивания, побуждающие отречься от собственной жизни, лишиться воли, прекратить личное существование — и полностью оказаться под его контролем. Угрожая ей тем, что сделает с ней, как только она узнает, кем была, он навязывал ей условия жизни, порабощал ее. И если она продолжает вести себя сообразно его желаниям, то только потому, что сдалась.

Она не могла позволить себе мыслить подобным образом. Ее жизнь значила нечто большее, чем это. Она не могла стать его рабом. Раб — это состояние разума. Она не была рабом.

Она не позволит, чтобы ее воля сдалась перед ним. Она должна вернуть себе свою жизнь. Ее жизнь принадлежит только ей, и она вернет ее назад. Никакие действия Джеганя, никакие его угрозы не смогут отобрать у нее ее жизнь.

Кэлен ощутила, как по ее щеке скатилась слеза радости.

Этот человек, которого она даже и не помнила, вот так, просто, вернул ей волю к жизни, желание вернуть себе эту жизнь, саму искру ее. Это ощущалось как первый настоящий вдох, сделанный с тех пор, как она потеряла память.

И сейчас у нее было лишь одно желание — поблагодарить его.

Глава 58

Никки шла размеренным шагом через громадный зал Народного Дворца, увлекая за собой Кару, Натана и группу стражей. Всякий раз, когда кто-нибудь называл Натана «Лорд Рал», нервы ее натягивались до предела. Она знала, что так надо, но в ее сердце единственным Лордом Ралом был Ричард.

Она отдаст что угодно, лишь бы вновь увидеть его серые глаза. Находясь во дворце, она испытывала такое чувство, будто могла ощущать его присутствие рядом с собой. Она предполагала, что в этом виновата магия, выстроенная вокруг этого места. Дворец был построен так, что усиливал магию Лорда Рала. И то же самое происходило в ее мыслях.

Справедливости ради, она знала, что были и другие — Кара, например, — кто чувствовал то же самое. Когда она бывала наедине с Карой, а случалось это довольно часто, они обе, казалось, разделяли это понимание без всяких слов. Обе разделяли ту же боль, те же страдания. Обе хотели вернуть Ричарда.

Кара вырвалась вперед и вела их через путаницу узких служебных коридоров к железной лестнице, поднимающейся будто через темный колодец. Добравшись до самого верха, она толкнула дверь. Холодный свет встретил их, когда они вышли на смотровую площадку. Находиться на самом краю внешней стены, на гребне плато, было словно стоять на краю самого мира.

Далеко внизу, расползшаяся, словно черное пятно порока, почти до самого горизонта, находилась армия Имперского Ордена.

— Видишь, что я имел в виду? — сказал Натан, подходя к ней и указывая в сторону видневшегося вдали сооружения.

Поначалу его было трудно различить, но теперь оно начинало обретать смысл.

— Да, ты прав, — сказала она. Это действительно выглядит как поднимающаяся вверх дорога. Думаешь, они действительно могут построить дорогу через все это пространство прямо сюда?

Натан пристально вглядывался в сооружение, с минуту изучая его.

— Не знаю, но следует иметь в виду, что если Джегань собирается пойти на все трудности, сооружая подобное, то только потому, что у него есть основание верить, что он сможет завершить это.

— Если они поднимут на эту высоту холм, — сказала Кара, — мы окажемся в беде.

— Которой более подходит название «смерть», — заметил Натан.

Никки продолжала изучать, что делают люди Ордена, оценивая расстояние до места их работ.

— Натан, ты Рал. Это место усиливает твою силу. Ты наверняка способен наслать туда какой-нибудь магический огонь и разнести все это на части.

— Я задумывался об этом, — сказал он. — Не сомневаюсь, там, внизу, у них есть сестры, которые уже установили щиты, чтобы обезопаситься от подобных попыток. Я еще не проверял их защиту, как не пытался делать и что-нибудь еще. Хочу подождать, пока они не продвинутся в этом строительстве на достаточную длину — чтобы потешить их самодовольство. Затем, когда они сделают еще часть своей работы и начнут приближаться, вот тогда я наконец-то ударю по ним. Тогда у меня будет более реальная возможность устроить им настоящие разрушения. Если я сделаю это сейчас, они потеряют не слишком много. Лучше все-таки подождать, пока они вложат в это строительство побольше времени и труда.

Никки нахмурилась, глядя на высокого пророка.

— Натан, ты все же хитрый человек.

Его лицо озарилось улыбкой Рала.

— Я предпочитаю, чтобы меня считали изобретательным.

Никки продолжила внимательный осмотр лагеря, раскинувшегося позади возводившегося сооружения. Он распола-

гался достаточно далеко, чтобы те из них, у кого есть дар, имели достаточно времени, чтобы отреагировать на возможную атаку. Никки провела достаточно много времени с армией Джеганя, чтобы понять, как они думали и рассуждали. Она знала обо всех тех уровнях защиты, которые создавались и офицерами Джеганя, и обладающими даром, вокруг этой армии. И некоторые из этих обладавших даром были сестры Тьмы.

— Взгляни вон туда, — сказала она, указывая рукой. — Похоже, будто только что прибыл один из караванов с припасами.

Натан кивнул.

— Скоро здесь наступит зима. Судя по армии, они не собираются никуда отсюда уходить, так что им понадобится огромная масса припасов, чтобы сохранить живыми все это множество людей во время холодов.

Никки обдумывала, что же можно будет сделать, и наконец решила, что с того места, где они стоят, — очень немногое.

— Ну, Ричард отправил армию на юг, в Древний мир, в том числе для того, чтобы нападать на их караваны. Будем надеяться, что они действуют достаточно эффективно и справятся со своей задачей. Если все эти люди умрут с голода, это решит многие наши проблемы. А я тем временем собираюсь обдумать кое-какие мысли насчет того, что мы можем сделать, чтобы помочь им умереть.

Она отвернулась от гнетущего вида лагеря и каравана с припасами, доставившего этим людям все, что им необходимо, чтобы оставаться на месте и продолжать осаду дворца.

— Идем, — сказала она Натану. — Мне нужно возвращаться, но почему бы и не глянуть перед уходом?

Натан провел их вниз, через дворец, через скромные служебные помещения, а не через залы. Это был очень быстрый спуск сквозь каменную структуру дворца, уводящий их вниз, в темные помещения под дворцом, которых большинство людей никогда не видели. Была своего рода элегантность даже в исполнении этих простых каменных залов, даже в этих, не посещаемых никем местах. Без сложных и тщательно исполненных узоров и украшений, но местами из полированного камня,

а иногда из дорого дерева. Это были недоступные для посторонних коридоры и залы, используемые только Лордом Ралом и его приближенными.

Никки прибыла в Народный Дворец, чтобы посетить Сад Жизни. После этого она задержалась, чтобы узнать, как идут дела у Бердины в ее поисках информации и какие делает успехи Натан. Они же стали делиться с нею своими трудностями; на самом деле ей не хотелось тратить на это время, но она заставила себя все терпеливо выслушать.

Снова побывав в том месте, где когда-то находились шкатулки Одена, Никки была слишком встревожена и сбита с толку, чтобы сосредоточиться на том, что ей говорят. Теперь она смотрела на опустевший Сад Жизни совершенно по-иному, с неослабевающим чувством того, что здесь Даркен Рал открывал шкатулки и они хранились тут долгое время. Она изучала планировку помещения, распределение света в ней, ориентацию углов по известным звездным картам, а также как располагаются солнце и луна по отношению к этому месту и зонам, где вызывались заклинания.

После знакомства с «Книгой Жизни» Никки на Сад Жизни смотрела совсем по-другому. Она смотрела с позиции магии Одена и с точки зрения того, как была использована эта комната. Возможность внимательно ознакомиться с тем последним местом, где приводились в действие шкатулки Одена, оказалась очень ценной. Практическое изучение этого места давало ответы на некоторые имевшиеся у нее вопросы и подтверждало некоторые выводы, к которым она пришла.

Наконец Натан привел ее к двойным дверям, перед которыми стояла стража. По его знаку солдаты открыли обе белые створки. За ними оказалась стена из белого камня, выглядевшего так, будто он частично оплавлен.

— Ты бывал здесь раньше? — спросила она пророка.

— Нет, — признался он. — В моем возрасте я стараюсь по возможности держаться подальше от гробниц.

Никки переступила через порог, ныряя в низкий проход.

— Жди здесь, — предупредила она Кару, которая была готова последовать за ней.

— Ты уверена?

— Здесь заключена магия.

Кара наморщила нос, словно глотнула прокисшего молока, и осталась ждать снаружи, вместе с пророком.

Никки отправила искру Хань в факел, находившийся сбоку от нее. После столь долгого времени, он оказался все еще способным гореть. Затем она разглядела, что огромное, со сводчатым потолком помещение сделано их розового гранита. Пол отделан белым мрамором. Вокруг, по всем стенам, расставлены десятки золотых ваз, каждая находится в нише в стене, под закрепленным над ней факелом. Никки рассеянно посчитала их. Их было пятьдесят семь. Ей пришло в голову, что это число имеет какой-то смысл. Вероятно, и вазы, и факелы определяли возраст человека, покоившегося в золотом гробу посреди комнаты.

От этого места веяло беспокойством и тревогой, и не просто потому, что это был склеп. Она провела пальцами по символам, вырезанным в граните как раз под самыми вазами. Слова, размещенные на стенах комнаты и на золотом гробу, относились к древнед'харианскому языку. Составленные из них надписи, по сути, были указаниями отца сыну о процессе путешествия в преисподнюю и возвращении назад. Просто в качестве наследия.

Подобные заклинания включали магию Ущерба. Именно это заставляло плавиться стены. Попытки возвести вокруг помещения защитную стену-оболочку из особого камня в значительной степени ослабили процесс, но не остановили его полностью.

— Ну? — спросил Натан, просовывая голову сквозь оплавленный проход. — Есть какие-нибудь мысли?

Никки вышла, отряхивая пыль с рук.

— Не знаю. Не думаю, что надвигается серьезная опасность, но здесь действительно заключено нечто темное, так что есть вероятность, что я ошибаюсь. Думаю, будет лучше оградить это заклятьем троек.

Натан задумчиво кивнул.

— Хочешь сделать так? Окаймить все это Ущербом?

— Будет лучше, если это сделаешь ты. Ты, Рал. Что в этом месте может быть более эффективным? Даже если я и воспользуюсь Ущербом, это уже присутствует здесь в сме-

шанной форме, созданной Ралом. Подобная сила может прорвать любое заклятье, какое я способна сотворить здесь, при наличии той защиты от магии, которой обладает сам дворец.

Он быстро обдумал сказанное.

— Хорошо, я как-нибудь попробую. — Натан бросил взгляд назад, в сторону стены. — Есть какая-нибудь мысль относительно того, почему эта магия прожигает себе путь наружу?

— Хорошо подумав, я бы сказала, что эта сила пробудилась из-за того, что в Саду Жизни открывали шкатулку Одена. Подозреваю, это в некотором роде ответная реакция, которая, на мой взгляд, недостаточно активна, чтобы можно было сказать о назначении элемента магии Ущерба, но слова, начертанные на гробу и на стенах, указывают, что составленная здесь композиция предназначена для того, чтобы помогать при овладении силой Одена; именно потому и проявилась реакция — после того, как поблизости произошло воздействие этой специфической силы.

Натан задумчиво кивнул.

— Хорошо. Я сотворю заклятье троек и присмотрю за последствиями.

— Мне нужно возвращаться. Я появлюсь позже для повторной проверки, а заодно узнать, не получил ли ты известий от Ричарда, и посмотреть на успехи Ордена.

— Передай Зедду, что я все контролирую и со всех сторон окружен врагами.

Никки улыбнулась.

— Я скажу ему.

По пути через просторные залы дворца, вместе с Карой, идущей теперь рядом, Никки путалась в собственных мыслях. Она так и не определилась, какой шаг теперь следует сделать. Со всех сторон сваливались беспокойные, тревожащие душу проблемы. Большая их часть ощущалась туманно, мрачно и недостаточно определенно. И не было никого, с кем можно было бы реально обсудить все то, что творилось в ее голове. Зедд, разумеется, мог оказать помощь лишь в отношении час-

ти из этого, тогда как с Карой лучше было поговорить вообще о других вещах.

Но все равно, только Ричард способен ухватить те пути, которыми она начала продвигаться к пониманию фундаментальных проблем. Ричард был тем, кто способен направить ее магию в созидательное русло. Она все еще отчетливо помнила тот разговор с ним, однажды ночью, в лагере. Это был один из многих моментов, характеризующих Ричарда.

Кроме того, было нечто, что мог знать Ричард. Некоторые события, связанные с ним и со шкатулками Одена, озадачивали, если не сказать большего. В некотором смысле он разжег огонь под намешанной похлебкой, которая оказалась не только опасной, но начинала пузыриться и кипеть, и, вероятно, следует ждать неприятностей, если не предпринять необходимых действий.

Существовали пророчества, имевшие отношение к этому, но она, не будучи пророком, не доверяла себе их толкование. Существовали и другие пророчества, которые, как ей казалось, она понимала уже слишком хорошо и потому не могла не принимать их во внимание.

Главным среди такого рода пророчеств было одно, которое предсказывало: «В год цикад», — сейчас как раз шел этот год, — «когда защитник жертвующих и страдающих, под знаменем и Рода Человеческого и Духа Веры, наконец-то разделит свою стаю», — что и сделал Джегань, — «что послужит знаком того, что пророчество вступило в силу и решающая заключительная битва близка. Будьте осторожны, все истинные ответвления и их производные отростки спутаны и переплетены в этой предрекательной корневой основе. Но только один ствол исходит из нее, соединенный ею с изначальным источником». Как раз сейчас: победа или поражение, все или ничего, ключевой момент, который должен навсегда определить будущее мира. «Если *фуер грисса ост драука* не возглавит эту решающую битву, тогда мир, уже стоящий на краю тьмы, падет под эту ужасающую тень».

Это пророчество, которое она начала понимать, было связано со шкатулками Одена, но ей никак не удавалось уловить, как именно. Время от времени она ощущала, что находится на грани понимания, но никак не удавалось сделать этот послед-

ний прорыв. Было что-то, скрытое в глубине этого пророчества, что, как она понимала, служило ключом.

В то же время она чувствовала, что поток событий низвергается водопадом, и ей необходимо что-то сделать, прежде чем эти события вырвутся из-под контроля. С каждым проходящим днем она все лучше понимала, что поле выбора для них будет продолжать сжиматься. Сестры Тьмы, запустив в действие шкатулки, тем самым уже отрезали их возможности использовать силу Одена по ее назначению: компенсировать результат действия Огненной Цепи. При искажении Огненной Цепи присутствием гармоний сами они очень скоро утратят способность использовать дар, чтобы исправить причиненный вред.

И никто не мог сказать, как долго у них всех еще будет сохраняться дар — жизненно необходимый для преодоления все тех препятствий, с которыми они столкнулись.

В то же время «Книга Жизни» дала Никки такое понимание, о каком прежде она не могла догадываться. К тому же она изучила еще и несколько малопонятных, сложных и мудреных книг, подобранных для нее Зеддом, имеющих отношение к некоторым теоретическим вопросам, касающимся магии Одена. Они тоже углубили ее понимание, но все это, как ей казалось, лишь открывало новые пространства для еще более серьезных вопросов.

Вздрогнув, Никки внезапно остановилась и взглянула вверх.

— Что это было?

— Колокол, приглашающий к молитве, — сказала Кара, несколько озадаченная подобной реакцией Никки.

Никки наблюдала, как люди начинали собираться на ближайшей площади с небольшим бассейном посредине. Бассейн, посреди которого виднелся темный камень, находился под открытым небом.

— Может быть, и нам стоит помолиться, — сказала Кара. — Иногда это помогает, если находишься в тревоге, а я могу сказать, что ты, несомненно, встревожена.

Никки хмуро посмотрела на морд-сита, удивляясь, как та узнала, что ее что-то беспокоит. И предположила, что это было не так уж и трудно определить.

— У меня нет времени, чтобы тратить его на молитву, — сказала Никки. — Мне нужно вернуться назад и еще раз попытаться во всем разобраться.

По виду Кары было заметно, что ей эта идея не кажется хорошей. Она протянула руку в сторону площади.

— Раздумья о Лорде Рале могут помочь.

— Размышления о Натане не принесут мне ничего хорошего. Меня совершенно не трогает, даже если все решат, что Натан и есть Лорд Рал. Ричард — вот кто Лорд Рал.

Кара улыбнулась.

— Знаю. Именно это я имела в виду. — Она взяла Никки за руку и потянула к бассейну.

Никки пристально вглядывалась в морд-сита, увлекаемая ею, а затем сказала:

— Полагаю, нам не повредит задержаться на короткое время и подумать о Ричарде.

Кара кивнула, и в этот момент выглядела почему-то весьма мудрой. Люди с уважением уступали дорогу этой девушке, в то время как она твердым шагом вела Никки, чтобы занять место близ бассейна. Сквозь темную воду можно было разглядеть скользящих в глубине рыб. И прежде чем осознала это, она уже стояла на коленях вместе с Карой, касаясь лбом земли.

«*Магистр Рал ведет нас. Магистр Рал наставляет нас. Магистр Рал защищает нас. В сиянии славы твоей — наша сила. В милосердии твоем — наше спасение. В мудрости твоей — наше смирение. Вся наша жизнь — служение тебе. Вся наша жизнь принадлежит тебе*».

Никки добавила и свой голос к остальным, и все вместе голоса стали подниматься вверх и разноситься, многократно отражаясь, по залам дворца. Ей казалось, что слова «Магистр Рал» и Ричард были неразличимы. Для нее это были синонимы.

И почти против ее желания, вихрящийся поток мыслей стих, едва Никки тихо начала произносить нараспев эти слова вместе со всеми остальными.

«*Магистр Рал ведет нас. Магистр Рал наставляет нас. Магистр Рал защищает нас. В сиянии славы твоей — наша сила. В милосердии твоем — наше спасение. В мудрости тво-*

ей — наше смирение. Вся наша жизнь — служение тебе. Вся наша жизнь принадлежит тебе».

Она будто растворилась, теряясь в этих словах. Солнечные лучи пригревали ее спину. Следующий день будет первым днем зимы, но внутри дворца Лорда Рала солнце было теплым, таким же, как и в Саду Жизни. Казалось удивительным, что Даркен Рал и его отец, Паниз, предыдущий Рал, сделали это место прибежищем зла.

Хотя она сознавала, что место было всего лишь местом. Человек — вот что имеет значение. Именно в человеке определяющее отличие. Именно человек задает здесь общую атмосферу и тон, которому следуют остальные, или правильный, или неправильный. В каком-то смысле, эта молитва была формальной констатацией этой концепции.

«Магистр Рал ведет нас. Магистр Рал наставляет нас. Магистр Рал защищает нас. В сиянии славы твоей — наша сила. В милосердии твоем — наше спасение. В мудрости твоей — наше смирение. Вся наша жизнь — служение тебе. Вся наша жизнь принадлежит тебе».

Эти слова многократно отражались в голове у Никки. Она так скучала по Ричарду. И хотя его сердце принадлежало не ей, она скучала по нему, по его улыбке, по беседам с ним. Если это и было все, на что она могла рассчитывать, то и этого достаточно, чтобы поддержать ее. Просто его дружба, его значение в ее жизни, а ее — в его.

Лишь бы Ричард был счастлив и жив... Ричард.

Вся наша жизнь принадлежит тебе.

Никки резко поднялась на колени.

Она поняла.

Сбитая с толку, Кара нахмурилась, глядя на нее, в то время как другие молились.

— Что-то не так?

Вся наша жизнь принадлежит тебе.

Она поняла, что ей следовало делать.

Никки торопливо поднялась.

— Идем. Мне нужно вернуться в Цитадель.

Пока они вдвоем бежали через коридоры и залы, Никки все еще слышала рокот голосов, поднимавшийся вверх и превращавшийся в отраженное эхо, растекающееся по огромным коридорам.

«Магистр Рал ведет нас. Магистр Рал наставляет нас. Магистр Рал защищает нас. В сиянии славы твоей — наша сила. В милосердии твоем — наше спасение. В мудрости твоей — наше смирение. Вся наша жизнь — служение тебе. Вся наша жизнь принадлежит тебе».

Никки ощущала, как теряется и тонет в этих словах, которые внезапно обрели для нее такой смысл, какого никогда раньше не имели.

Она осознала, как в конце концов одно стыкуется с другим, и поняла, что следует сделать.

Увидев стоявшую в дверях Никки, Зедд поднялся из-за стола, за которым сидел в маленькой комнате. Свет лампы смягчал его такое знакомое лицо.

— Никки, наконец ты вернулась. Как дела в Народном Дворце?

Никки едва слышала его вопрос. Ответить же на него было выше ее сил.

Зедд подошел ближе, в его карих глазах проступило беспокойство.

— Никки, что-то не так. Ты выглядишь, словно призрак, явившийся побродить по нашим залам.

Да, ей необходимо собраться с силами, чтобы говорить.

— Ты веришь в Ричарда?

Зедд помрачнел.

— Что стоит за вопросом такого рода?

— Ты доверил бы Ричарду свою жизнь?

Зедд поднял руку.

— Разумеется. А в чем дело?

— А ты доверил бы Ричарду жизнь любого и каждого?

Зедд осторожно сжал ее руку.

— Никки, я люблю этого мальчика.

— Ну пожалуйста, Зедд, скажи, ты доверил бы Ричарду жизнь любого и каждого?

Беспокойство, таившееся в его глазах, теперь охватило все лицо, углубляя морщины. Наконец он кивнул.

— Разумеется, да. Если и есть кто-то, кому я могу доверить свою жизнь или жизни всех людей, это Ричард.

В конце концов, ведь это я назначил его быть Искателем Истины.

Никки кивнула, поворачиваясь к двери.

— Благодарю тебя, Зедд.

Он чуть поднял подол мантии и заторопился следом за ней.

— Может быть, тебе нужна какая-то помощь, Никки?

— Нет, — сказала она. — Спасибо. Со мной все в порядке.

Зедд, полагаясь на ее слова, вернулся к книге, которую изучал.

Никки шла по залам и коридорам Цитадели, не видя их. Она двигалась так, будто следовала за невидимой светящейся линией, что определяла конечную цель ее маршрута, так же, как можно было сказать о Ричарде, что он следовал за светящимися линиями заготовки, моделировавшей магию.

— Куда мы направляемся? — спросила Кара, торопливо идущая позади нее.

— Ты веришь в Ричарда? Ты доверила бы ему свою жизнь?

— Разумеется, — сказала ей Кара без малейшего колебания.

Никки кивнула, продолжая свой путь через Цитадель.

Она проходила по коридорам и переходам, через комнаты и лестничные марши, вовсе не замечая их. Будто в оцепенении от собственного замысла, она наконец-то оказалась в особо защищенной части Цитадели, в той величественной комнате, где контролирующая сеть едва не лишила ее жизни. Она и умерла бы, если бы не Ричард. Он приложил упорство в том, чтобы спасти ее, хотя больше никто не верил, что такое возможно.

Она доверяла Ричарду свою жизнь, а собственная жизнь была очень дорога ей — опять-таки благодаря Ричарду.

У двойных дверей Никки повернулась к Каре.

— Я должна остаться одна.

— Но я...

— Это связано с магией.

— О-о, — только и произнесла Кара. — Ну хорошо. Я просто побуду здесь, неподалеку, на тот случай, если тебе что-то понадобится.

— Спасибо, Кара. Ты настоящий друг.

— У меня никогда не было настоящих друзей — и действительно достойных друзей, — пока рядом не появился Лорд Рал.

Никки слегка улыбнулась.

— У меня не было ничего, достойного того, чтобы ради этого жить, пока рядом не появился Ричард.

Никки закрыла двойные двери. Позади нее, за огромными, высотой в два этажа, окнами вспыхивали молнии. Никки не помнила случая, когда она бывала в этой комнате, а за окнами не было бы грозы.

Сейчас, казалось, грозой был охвачен весь мир.

Когда сверкнула молния, комната озарилась ослепительным резким светом. Тем не менее, в ней была одна вещь, никак не отметившая прикосновение даже столь интенсивного света. Она оставалась черной, как сама смерть.

Никки, раскрыв «Книгу Жизни», положила ее перед чернильно-черной шкатулкой Одена, установленной в центре стола. Казалось, что всякий раз, когда молния делала попытку вспыхнуть, черная шкатулка проглатывала этот свет еще до того, как он действительно разгорался. Смотреть на нее — все равно что заглядывать в вечность.

Никки прочитала первое заклинание, вызывая темноту, такую же, как невыносимая чернота стоявшей перед ней зловещей шкатулки. Она напомнила себе, что, как и Народный Дворец, эта шкатулка настраивается на конкретную личность. От магической мощи, наполнившей комнату, дверь оказалась заблокирована. Теперь войти сюда не мог никто. Сдерживающее поле окон больше не имело значения. Ей удалось сейчас вызвать нечто более могущественное. Комната погрузилась в тишину и в кромешную тьму. А зрительное восприятие Никки сменилось восприятием через вызванные ею силы.

Она произнесла слова, написанные на следующей странице, читая очередное заклинание, открывающее доступ формулам, управляющим дальнейшим процессом. Затем воспользовалась легким прикосновением к магии Ущерба, оставившим резаную рану, чтобы повредить тонкий слой плоти на кончике пальца, и использовала начавшую сочиться кровь,

чтобы вычертить на столе перед шкатулкой Одена необходимые диаграммы. Продолжавшей все еще течь кровью она прочертила границу сдерживающего поля вокруг самой шкатулки. Это была некая разновидность поля самой комнаты, но заметно большего значения. Без предварительного сдерживания сила, подобная той, что высвобождается из шкатулки Одена, может непреднамеренно прорвать завесу, но, будучи ограничена пространством, сможет убить только лицо, предпринимающее ту попытку, которую сейчас пробовала осуществить Никки.

Ей почти не требовалось заглядывать в книгу, которую она выучила настолько, что та, казалось, стала составной частью ее жизни, так что она очень быстро перешла к уравнениям, задающим параметры, зависящие от времени года. Первый день зимы.

Разобравшись с этими расчетами, она начертила кровью два противостоящих символа и соединения между вершинами соответствующих диаграмм.

И так продолжалось, одна основополагающая формула за другой, весь следующий час, в сопровождении вычислений, каждое из которых устанавливало очередной результирующий слой магии, добавляемый к следующему шагу. Каждый узел, согласно книге, требовал приложения строго определенного уровня энергии. После каждой корректировки Никки упорно двигалась дальше, безоговорочно, не допуская сомнений.

Потому что никакого другого пути нет.

По мере того как ночь шла к концу, вокруг шкатулки выстраивалась структура из магических линий, отчасти похожая на ту, что составляла контролирующую Огненную Цепь сеть. Часть линий светилась зеленым. Но были и другие линии, чисто белые, а также относящиеся к элементам магии Ущерба, казавшиеся чернее черного и воспринимавшиеся скорее как изъяны в этом мире, пустоты, походившие более на щели, смотрящие в преисподнюю.

Сотворив последнее заклинание, Никки наконец-то услышала шепот самого Одена, как доказательство того, что сделала все надлежащим образом. Это оказался не столько голос, сколько сила, формирующая в ее голове такое представление.

«Сила доступна», — донеся сквозь темноту шепот слов, воспринимавшихся как потрескивание льда.

— В этот час, в этом месте и в этом мире считаю необходимым изменить существующие условия приведения в действие шкатулок Одена.

Назови имя нового участника.

Никки опустила руки на стоявшую перед ней безжизненную черную шкатулку.

— Участник Ричард Рал, — сказала она. — Следует чтить его волю. Следует быть в его распоряжении, если он окажется достоин, убить его, если нет, уничтожить всех нас, если он подведет нас.

Исполнено. С этого момента сила Одена управляется Ричардом Ралом.

Пророчество гласило: «Если *фуер грисса ост драука* не возглавит эту решающую битву, тогда мир, уже стоящий на краю тьмы, падет под эту ужасающую тень».

Никки пришла к пониманию, что если Ричард должен победить, он должен быть тем, кто ведет их в эту решающую битву. Единственный способ для него возглавить их — привести в действие эти шкатулки. И, таким образом, он действительно будет исполнителем пророчества: *фуер грисса ост драука* — несущим смерть.

Пророчество гласило, что они должны следовать за Ричардом, но это было больше, чем просто пророчество. Пророчество лишь выражало формальную сторону того, что Никки уже знала: Ричард воплощал те ценности, что двигали и поддерживали жизнь.

На самом деле они вовсе не следовали за пророчеством; само пророчество следовало за Ричардом.

Это было безусловное поклонение Ричарду, следование за ним во всем, что бы он ни делал со шкатулками Одена, что бы ни делал с самой жизнью и с самой смертью. Это окончательная проверка того, кем он был, кем он мог быть и кем мог стать.

Ричард сам определил условия договора, когда объяснял войскам д'хариан, как с этой минуты будет вестись война: все или ничего.

И это не могло быть иначе.

Сейчас поистине была такая ситуация: или все, или ничего.

Улисия и ее сестры Тьмы точно так же открыли путь к силе Одена. И противоборство ныне действительно в равновесии. Если Никки права относительно Ричарда, а она знала, что права, то сейчас обе силы должным образом вовлечены в ту самую борьбу, которой предстоит решить все.

Если фуер грисса ост драука *не возглавит эту решающую битву, тогда мир, уже стоящий на краю тьмы, падет под эту ужасающую тень.*

Им следует полагаться на Ричарда в этой борьбе. И потому Никки должна привести в действие шкатулки Одена от имени Ричарда. Теперь сестры Тьмы уже не единственные повелители силы Одена. В этом смысле Никки просто ввела Ричарда в игру, давая ему шанс выиграть это сражение.

Без того, что она только что сделала, он не может выжить, не говоря уже о том, чтобы победить.

Никки будто уплывала куда-то, расставаясь с окружающим миром. Когда же она наконец открыла глаза, гроза закончилась.

Первые солнечные лучи только что коснулись окон.

Это был рассвет, утро первого дня зимы.

У Ричарда теперь целый год, чтобы открыть «правильную» шкатулку.

С этого дня жизнь каждого была в его руках.

Никки доверила Ричарду свою жизнь. И только что вверила ему еще и жизнь каждого.

Если она не может доверять Ричарду, то и жить не стоит.

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Гудкайнд Терри

**Десятое Правило Волшебника,
или Призрак**

Редактор А.Т. Синицын
Художественный редактор О.Н. Адаскина

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»
127006, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Триумфальная, д. 4-10
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

ООО «Издательство «Астрель»
129085, г. Москва, пр-д Ольминского, д. 3а

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Страшно спать, когда знаешь, что территория сна —
вечное поле битвы с жестоким, коварным врагом...
И однажды страшное действительно случилось.
Кэлен Амнелл, супруга легендарного Ричарда Сайфера,
лорда Рала, Искателя Истины, очнулась ото сна,
не помня ничего, кроме своего имени.
Отныне она — опаснейшая из всех людей, та,
от кого зависит — быть или не быть этому миру.
И чтобы спасти ее и не допустить грядущего хаоса,
мрака и безумия, Ричарду предстоит
среди бесчисленных опасностей познать самые
темные тайны Десятого Правила Волшебника...

Меч Дракона

ISBN 978-5-17-052344-3